Литература Древней Руси

Хрестоматия

9 | VI - 1778
10 | X - 1.

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

ХРЕСТОМАТИЯ

Составитель Л.А. Дмитриев
Под редакцией Д.С. Лихачева

Москва "Высшая школа" 1990

ББК 83.3(0)4
Л 64

Составитель, автор вступительной статьи и комментариев Л. А. Дмитриев.
Под редакцией Д. С. Лихачева

Рецензент:
кафедра истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. В. И. Кулешов)

Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост.
Л 64 Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. — М.: Высш. шк., 1990 — 544 с.
ISBN 5-06-001585-8

Хрестоматия отражает развитие тысячелетней культуры русского народа. В книге публикуются шедевры древнерусской литературы: «Повесть временных лет», «Сказание о Борисе и Глебе», «Моление Даниила Заточника», сочинения протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого и др. Большинство произведений представлено в полном объеме. Тексты до начала XVII в. даны с переводом на современный русский язык, произведения XVII в. представлены в основном без перевода.

Л $\frac{4603020101(4309000000)-145}{001(01)-90}$ 314—90 **ББК 83.3(0)4**
8Р1

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Хрестоматия

Составитель
Дмитриев Лев Александрович

Заведующий редакцией *Г. Н. Усков*. Редактор *Г. А. Кондратьева*. Младший редактор *О. Г. Мирнова*. Художник *Э. А. Марков*. Художественный редактор *М. Г. Мицкевич*. Технический редактор *И. В. Резникова*. Программисты *А. В. Болотников*, *И. А. Грохочинская*. Операторы *В. Н. Новоселова*, *Л. С. Манукьян*. Корректор *Н. А. Кравченко*

ИБ № 8612
Изд. № ЛЖ-99. Сдано в набор 20.03.89. Подп. в печать 10.01.90. Формат 60×90 1/16. Бум. офс. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 34 усл. печ. л. 34 усл. кр.-отт. 38,3 уч.-изд. л. Тираж 80 000 экз. Зак. № 811. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Текстовые диапозитивы изготовлены на фотонаборном оборудовании издательства с применением ЭВМ.
Отпечатано в Ярославском полиграфкомбинате Госкомпечати СССР. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-06-001585-8

Предисловие

В предлагаемой хрестоматии русской литературы XI—XVII вв. публикуются произведения, наиболее характерные в жанровом отношении и наиболее художественно совершенные. Обычно хрестоматии строятся по принципу по возможности полного количественного охвата произведений. При этом подавляющее большинство памятников приходится давать в отрывках и кратких извлечениях. Цельного представления в таком случае о жанровых и сюжетных особенностях публикуемых произведений создаться не может. В данной хрестоматии количество текстов сокращено, чтобы наибольшее число произведений представить в полном объеме. В тех случаях, когда публикуемые произведения печатаются не полностью или в отрывках, мы стремились все же представить их с возможной полнотой, чтобы у читателя создалось достаточно полное представление о сюжете произведения и его литературных особенностях.

В связи с тем что курс древнерусской литературы читается на начальном этапе филологического образования, тексты XI— начала XVII в. представлены с полным переводом их на современный язык. Тексты XVII в. публикуются без переводов, перевод отдельных слов и оборотов дается в примечаниях. Каждому тексту предшествует его краткая историко-литературная характеристика с указанием источника, по которому издаются текст и перевод, в конце каждого текста помещены комментарии. Комментируемые места отмечаются цифрой. Древнерусские тексты печатаются в упрощенной орфографии: *ять* заменяется буквой *е*, *и* десятеричное заменяется *и*, твердый знак в конце слов, обозначающий твердость конечной согласной, опускается (за исключением текста «Слова о полку Игореве»). Курсивом в древнерусских текстах набраны те слова или отрывки, которые исправлены или дополнены по другим спискам публикуемого произведения или являются конъектурными исправлениями.

В указании источников, по которым публикуются тексты и переводы, приняты следующие сокращения: ПЛДР.1 — Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М.,1978; ПЛДР.2 — Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.,1980; ПЛДР.3 — Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.,1981; ПЛДР.4 — Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М.,1981; ПЛДР.5 — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М.,1982; ПЛДР.6 — Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М.,1984; ПЛДР.7 — Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.,1985; ПЛДР.8 — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М.,1986; ПЛДР.9 — Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М.,1987; ПЛДР.10 — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М.,1988. «Изборник» — «Изборник» (Сб. произведений литературы Древней Руси) / Вступит. ст. Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. тома Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1969.

Составитель

Введение

Возникновение русской литературы относится к концу X в., когда с принятием на Руси христианства как государственной религии появились церковно-служебные и историко-повествовательные произведения на церковнославянском языке. Древняя Русь через посредство Болгарии, откуда по преимуществу шли эти тексты, приобщилась к высокоразвитой византийской литературе и литературе южных славян. Таким образом, вначале произведения были переводными, но интересы развивающегося Киевского феодального государства требовали создания собственных, оригинальных текстов и новых жанров. Литература должна была воспитывать чувство патриотизма, утверждать историческое и политическое единство народа и единство рода древнерусских князей, обличать княжеские распри.

Задача и темы литературы XI — начала XIII в. (вопросы русской истории и ее связи с историей всемирной, история возникновения Руси, борьба с внешними врагами — печенегами, а потом половцами, борьба князей за киевский престол) определили общий характер стиля этого времени, названного академиком Д. С. Лихачевым стилем монументального историзма.

С началом русской литературы связано возникновение летописания. Летописи XI в. не сохранились. Первый памятник русского летописания, дошедший до нас в составе более поздних летописных сводов, — «Повесть временных лет», созданная Нестором около 1113 г. Одиннадцатым веком датируются первые оригинальные русские жития (князей Бориса и Глеба, игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия). В этом же столетии было создано и «Слово о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона — высочайший образец ораторского красноречия. В начале XII в. игуменом одного из черниговских монастырей Даниилом было написано «Хождение» — описание своего паломничества в Палестину.

Все эти жанры (летописание, жития, ораторское красноречие и поучения, хождения — описания путешествий) существовали в жанровой системе древнерусской литературы до XVII столетия включительно. Разумеется, со временем они претерпевали изменения, но уже на начальном этапе лучшие произведения этих жанров отличались зрелостью политической мысли, патриотизмом, публицистичностью, высоким литературным мастерством. К названным выше памятникам русской литературы раннего периода следует добавить «Поучение» Владимира Мономаха (1053—1125), слова и поучения Кирилла Туровского (1130—1182).

Высокий уровень развития русской литературы и культуры XI—XII вв. подготовил почву для создания в 80-е годы XII столетия замечательного памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». Многими чертами «Слово» связано

с литературными традициями своей эпохи, но как произведение гениальное оно отличается рядом особенностей, присущих только ему: глубокой народностью своей сути, оригинальностью переработки этикетных приемов литературы той эпохи, богатством языка, утонченностью ритмического построения текста, переосмыслением приемов устного народного творчества, особой лиричностью, высоким гражданским пафосом.

Основная тема литературы периода ордынского ига (1243 г. — конец XV в.) — национально-патриотическая. Монументально-исторический стиль приобретает экспрессивный оттенок: создаваемые в это время произведения несут в себе трагический отпечаток, отличаются лирической приподнятостью. Большое значение в литературе приобретает идея сильной княжеской власти. И в летописях, и в отдельных повестях («Повесть о разорении Рязани Батыем»), написанных очевидцами и восходящих к устным преданиям, рассказывается об ужасах вражеского нашествия и о героической борьбе народа с поработителями. Образ идеального князя наиболее ярко отразился в «Повести о житии Александра Невского» (70-е годы XIII в.). Поэтическая картина величия Руси, красоты Русской земли, былого могущества русских князей предстает в «Слове о погибели Русской земли» (1-я половина XIII в.)

Литература XIV — 50-х годов XV в. отражает идеологию княжеств северо-восточной Руси, борющихся за объединение вокруг Москвы, образование русской народности и постепенное формирование Русского централизованного государства. В этот период в древнерусской литературе начинает проявляться интерес к психологии отдельного человека, к его духовному миру (пока еще в пределах религиозного сознания), что ведет к росту субъективного начала. Возникает экспрессивно-эмоциональный стиль, характеризующийся словесной изощренностью.

Во второй половине XV — начале XVI в. появляются повести, сюжет которых восходит к устным рассказам новеллистического характера («Повесть о Петре, царевиче ордынском», «Повесть о Дракуле», «Повесть о купце Басарге и его сыне Борзосмысле»), широкое распространение получает жанр политических легендарных произведений («Сказание о князьях Владимирских»). В это время создается самый замечательный памятник жанра хождений — «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Значительно увеличивается число переводных произведений беллетристического характера.

В середине XVI в. древнерусский писатель и публицист Ермолай Еразм пишет «Повесть о Петре и Февронии», ставшую одним из шедевров древнерусской литературы. Повесть написана в традициях экспрессивно-эмоционального стиля. В произведении широко использованы сказочные приемы, и вместе с тем в нем остро звучат социальные мотивы.

В XVI в. усиливается официальный характер литературы, ее отличительной чертой становится пышность и торжественность.

Широкое распространение получают произведения обобщающего характера, регламентирующие духовную, политическую, правовую и повседневную жизнь («Великие Минеи-Четии», «Стоглав», «Домострой» и др.). В литературных произведениях заметнее проявляется индивидуальный стиль автора, что особенно ярко отразилось в посланиях Ивана Грозного. В исторические повествования все сильнее проникает вымысел, придающий им сюжетную занимательность. Это присуще «Истории о великом князе московском» Андрея Курбского, «Казанской истории» — обширному сюжетно-историческому повествованию об истории Казанского царства и борьбе за Казань Ивана Грозного.

В XVII в. начинается процесс преобразования средневековой литературы в литературу нового времени. Возникают новые, чисто литературные, свободные от церковного влияния жанры, идет процесс демократизации литературы, значительно расширяется ее тематика. События Смутного времени и крестьянской войны конца XVI — начала XVII в. изменяют взгляд на историю и роль личности в ней. Писатели эпохи смуты (Авраамий Палицын, Катырев-Ростовский, Иван Тимофеев и др.) пытаются объяснить поступки Ивана Грозного, Бориса Годунова, Лжедмитрия, Василия Шуйского не только проявлением божественной воли, но и личными чертами характера этих людей. В литературе возникает представление о формировании, изменении и развитии человеческого характера под влиянием внешних обстоятельств.

Литературным трудом начинает заниматься более широкий круг лиц. Возникает так называемая литература посада, которая создается и бытует в демократической среде. В демократической сатире осмеиваются государственные и церковные порядки, пародируется судопроизводство («Повесть о Шемякином суде»), церковная служба («Служба кабаку»), священное Писание («Повесть о крестьянском сыне»), делопроизводственная канцелярская практика («Повесть о Ерше Ершовиче», «Калязинская челобитная»). Изменяется и характер житий, которые все в большей степени становятся реальными жизнеописаниями («Повесть о Юлиании Осорьиной»). Житийный жанр приобретает автобиографический характер. Наиболее замечательным образцом такого рода произведений является «Житие» протопопа Аввакума, написанное им в 1672—1673 гг. Это произведение замечательно не только живым и ярким рассказом о суровом и мужественном жизненном пути автора, но и столь же ярким и страстным изображением социальной и идеологической борьбы того времени, оно отражает качественно новый этап в развитии литературного языка.

Любовная интрига в повествовании, психологические мотивировки поведения героя присущи ряду повестей XVII в. («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве» и др.). Появляются переводные сборники новелли-

стически-анекдотического характера («Фацеции»), переводные рыцарские романы («Повесть о Бове-королевиче», «Повесть о Еруслане Лазаревиче» и др.). Последние на русской почве приобрели характер оригинальных памятников и со временем вошли в лубочную народную литературу. В XVII в. развивается стихотворство (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин и др.).

Семнадцатым веком завершилась история древнерусской литературы как явления, которому были присущи единые принципы, претерпевавшие, конечно, определенные изменения во времени.

I

Литература Киевской Руси /XI–XIII в./

Повесть временных лет
(Отрывки)

«Повесть временных лет» составлена около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. В основе ее лежит Начальный летописный свод, датируемый 1093—1095 гг. Начальному своду предшествовали более ранние летописные своды. Нестор значительно переработал Начальный свод, использовав переводную византийскую хронику Георгия Амартола. Он включил в текст своего источника договоры русских князей с Византией, дополнил его пересказом ряда устных историко-легендарных сказаний и собственными рассказами об исторических событиях конца XI — начала XII в. В дальнейшем «Повесть временных лет» включалась летописцами как начальная часть во вновь составлявшиеся летописные своды. Публикуемые в хрестоматии отрывки дают представление о разном характере летописных повествований.

Текст и перевод «Повести временных лет» печатаются по изданию: ПЛДР.1. С. 22—277.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

(Древнерусский текст)

Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть

Се начнем повесть сию.⟨...⟩

Сим *же* и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже в жребий братень, *и живяху* кождо въ своей части. Бысть языкъ един. И умножившемъся человеком на земли, *и* помыслиша создати столп до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на месте Сенар поли здати столп до небесе и град около его Вавилон; и созда столп то за 40 лет, *и* не свершен бысть. И сниде Господь Бог видети град и столп, и рече Господь: «Се род един и язык един». И съмеси Бог языкы, и раздели на 70 и 2 языка, и расъсея по всей земли. По размешеньи же язык Бог ветром великим разраши столп, и есть останок его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту *и въ ширину локот 5433 локти,* и в лета многа храним останок.

По размешеньи же столпа и по разделеньи язык прияша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша запад и полунощныя страны. От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенеск, от племени Афетова, нарци, еже суть словене.

По мнозех же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте. Яко пришедше седоша на реце имянем Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хровате белии и серебь и хорутане. Волхом бо нашедшем на словени на дунайския, *и* седшем в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; *инии седоша на Двине и нарекошася полочане,* речьки ради, яже втечеть въ Двину, имянем Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, *и* прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша й Новъгород. А друзии седоша по Десне, и по *Семи*, по Суле, и *нарекошася* север. *И* тако разидеся словеньский языкъ, темже и грамота прозвася словеньская.

Поляном же, жившим особе по горам сим, бе путь из Варяг въ Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти,

и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и вътечеть в озеро великое *Нево*, *и* того озера внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в *Понт море,* в не же втечет Днепр река. Днепр бо потече из Оковьскаго *леса,* и потечеть на полъдне, а Двина ис того же леса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же леса потече Волга на въсток, и вътечеть семьюдесятъ жерел в море Хвалисьское. Темже и из Руси можеть ити *по Волзе* в Болгары и въ Хвалисы, *и на* въсток доити въ жребий Симов, а по Двине въ Варяги, из Варяг до Рима, от Рима *же и* до племени Хамова. А Днепр втечеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское, по нему же учил святый Оньдрей, брат Петров, якоже реша.

Оньдрею учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, *уведе,* яко ис Корсуня близь устье Днепрьское, *и* въсхоте поити в Рим, и проиде въ вустье Днепрьское, *и,* оттоле поиде по Днепру горе. И по приключаю приде и ста под горами на березе. *И* заутра въстав и рече к сущим с ним ученикомъ: «Видите ли горы сия? — яко на сих горах восияеть благодать Божья; имать град велик *быти* и церкви многи Бог въздвигнути имать». *И* въшед на горы сия, благослови я́, *и* постави крест, и помоливъся Богу, и сълез съ горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по Днепру горе. И приде въ словени, идеже ныне Новъгород, и виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыють *и* хвощются, и удивися им. *И* иде въ *Варяги,* и приде в Рим, *и* исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «Дивно видех Словеньскую землю идучи ми семо. Видех бани древены, и пережьгуть е́ ра́мяно, *и* совлокуться, и будуть нази, и облеются квасом уснияныМь, и возмуть на ся прутье младое, *и* бьють ся сами, и того ся добьют, *одва вылезут ле живи,* и облеются водою студеною, *и* тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собе, а не мученье». Ты слышаще дивляхуся. Оньдрей же, быв в Риме, приде в *Синопию.*

Полем же жившем особе и володеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху кождо съ своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим. *И* быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, *и* сестра их Лыбедь. *Седяше* Кий на горе, гдеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, гдеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне.

Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оноя стороны Днепра; темь глаголаху: «На перевоз на Киев». Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемь,

приходивщю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приял от царя, при которомь приходив цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, *и* възлюби место, и сруби градок мал, *и* хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близь живущии; еже и доныне наречють *дунайци* городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свой град Киев, ту живот свой скончa; *и* брат его Щек, и Хорив, и сестра их Лыбедь ту скончашася.⟨...⟩

В лето 6415. Иде Олег на грекы, Игоря *оставив* Киеве; поя *же* множество варяг, и словен, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грек «Великая Скуфь». *И* съ сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех; и бе числом кораблей 2000. *И* прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олег на брег, и воевати нача, и много убийства сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленникы, овех посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа *зла* творяху русь греком, елико же ратнии творять.

И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну ветру, въспя парусы съ поля, и идяше къ граду. И видевше греци и убояшася, и реша, выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемъся *по дань,* якоже хощеши». И устави Олег воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его — бе бо устроено со отравою. И убояшася греци и реша: «Несть се Олег, но святый Дмитрей, послан на ны от Бога». И заповеда Олег *дань* даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человек, а въ корабли *по* 40 мужъ.

И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олег же мало отступи от града, нача мир творити со царьма грецкима, со *Леоном* и Александром, посла к нима въ град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И реша греци: «Чего хощеши, *дамы* ти». И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти *уклады* на рускыа грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы; по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще. «Да приходячи русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже *придут* гости, *да* емлют месячину на 6 месяць: хлеб, вино, и мясо, и рыбы и *овощь*. И да творят им мовь, елико хотят. Поидучи же *домовь, в* Русь, да емлют у царя вашего *на путь* брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико надобе». И яшася греци, и реста царя и боярьство все: «Аще приидуть русь бес купли, да не взимают месячины: да запретить князь словом своим приходящим руси зде, да не творять пакости в селех в стране нашей. Приходяще русь да витают у святого Мамы, и *послеть* царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть *месячное* свое, — первое от города Киева, и *паки* ис Чернигова и ис Переславля, и прочии гради. И да входят в град одними вороты со царевым

мужем, без оружья, мужь 50, и да творят куплю, якоже им надобе, *не платяче* мыта ни в чем же».

Царь же Леон со Олександром мир сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше *сами* крест, а Олга водивше на роту и мужи его по рускому закону, кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир. И рече Олег: «*Исшийте* парусы паволочиты руси, а словеном *кропиньныя*», и бысть тако. И повеси щит свой въ вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда. И *воспяша русь* парусы паволочиты, а словене кропинны, и раздра а́ ветр; и реша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словеном пре *паволочиты*». И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вещий: бяху бо людье погани и невеигласи.⟨...⟩

И живяше Олег мир имеа ко всем странам, княжа в Киеве. И приспе осень, и помяну Олег конь свой, *иже* бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрашал волъхвов *и* кудесник: «От чего ми есть *умрети?*» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ездиши на нем, от того ти умрети». Олег же приим въ уме, си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». И повеле кормити и не водити его к нему, и пребы неколико лет не виде его, дондеже на грекы иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «*Где* есть конь мъй, его же *бех* поставил кормити и блюсти его?». Он же рече: «Умерл есть». Олег же посмеася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волъсви, но *все то лъжа есть:* конь умерл есть, а я жив». И повеле оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и сседе с коня, и посмеяся рече: «От сего ли лба смьрть было взяти мне?». И въступи ногою на лоб; и выникнувши змиа *изо* лба, *и* уклюну в ногу. И с того разболесе и умре. И плакашася людье вси плачемь великим, и несоша и погребоша *его* на горе, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, *словеть* могыла Ольгова. И бысть всех лет княжениа его 33.⟨...⟩

В лето 6453. В се же лето рекоша дружина Игореви: «Отроци Свеньлъжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». *И* послуша их Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой *дани, и* насиляше им и мужи его. Возьемав дань, поиде въ град свой. *Идущу* же ему въспять, размыслив, рече дружине своей: «Идете съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ малом же дружины возъвратися, желая больша именья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своим Малом: «Аще ся въвадить волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се

аще не убьем его; то *вся* ны погубить». *И* послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань». И не послуша их Игорь; и вышедше из града Изъкоръстеня деревлене убиша Игоря и дружину его, бе бо их мало. И погребен бысть Игорь, *и* есть могила его у Искоръстеня града в Деревех и до сего дне.

Вольга же бяше в Киеве съ сыном своим съ детьском Святославом, и кормилець его Асмуд, *и* воевода бе Свенелд, — то же отець Мистишин. Реша же деревляне: «Се князя убихом рускаго; поимем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, якоже хощем». И послыша деревляне лучьшие мужи, числом 20, въ лодьи к Ользе, и присташа под Боричевым в лодьи. Бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевьския, и на подольи не седяху людье, но на горе. Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и *Никифоров*, а двор княжь бяше в городе, идеже есть *ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града; и бе вне града двор другый, идеже есть* двор демьстиков за святою Богородицею; над горою двор теремный — бе бо ту терем камен.

И поведаша Ользе, яко деревляне придоша, и возва *я́* Ольга къ собе *и рече им:* «Добри гостье придоша». И реша деревляне: «Придохом княгине». И рече им Ольга: «Да глаголите, что ради придосте семо?». Реша же древляне: «Посла ны Дерьвьска земля, рькуще сице: «Мужа твоего убихом, бяше бо мужь твой аки волк восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь нашь за Мал»; бе бо имя ему Мал, князю дерьвьску. Рече же им Ольга: «Люба ми есть речь ваша, уже мне мужа своего не кресити; но хочю вы почтити наутрия пред людьми своими, а ныне идете в лодью свою, и лязите в лодьи величающеся, *и* аз утро послю по вы, вы же рьцете: «Не едем на конех, ни пеши идем, но понесете ны в лодье», и възнесуть вы в лодьи»; и отпусти *я́* в лодью. Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку на дворе теремьстемь, вне града. И заутра Волга, седящи в тереме, посла по гости, и придоша к ним, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же реша: «Не едем на коних, ни на возех, *ни пеши идем,* понесете ны в лодьи». Реша же кияне: «Нам неволя; князь нашь убьен, а княгини наша *хочет* за вашь князь»; и понесоша *я́* в лодьи. Они же седяху в перегъбех въ великих сустугах гордящеся. И принесоша *я́* на двор к Ользе, *и* несъше, вринуша е́ въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече им: «Добра ли вы честь?». Они же реша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повеле засыпати я́ живы, и посыпаша я́.

И пославши Ольга къ деревляном, рече им: «Да аще мя *просите* право, то пришлите мужа нарочиты, да в велице чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Се слышавше деревляне, *избраша* лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляном же пришедъшим, повеле Ольга мовь створити, рькуще сице: «Измывшеся придите

ко мне». Они же пережьгоша истопку, и влезоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о них истобъку, и повеле зажечи я́ от дверий, ту изгореша вси.

И посла къ деревляном, рькуще сице: «Се уже иду к вам, да пристройте меды многи в граде, идеже убисте мужа моего, да поплачюся над гробом его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зело, *и* възвариша. Ольга же, поимши *мало* дружины, легъко идущи приде къ гробу его, *и* плакася по мужи своем. И повеле людем своим съсути могилу велику, *и* яко соспоша, и повеле трызну творити. Посемь седоша деревляне пити, и повеле Ольга отроком своим служити пред ними. *И* реша деревляне к Ользе: «Где суть дружина наша, их же послахом по тя?». Она же рече: «Идуть по мне съ дружиною мужа моего». *И* яко упишася деревляне, повеле отроком своим пити на ня, а сама отъиде кроме, и повеле дружине *своей* сечи *деревляны;* и исекоша их 5000. А Ольга възъвратися Киеву, и пристрои вои на прок их.

Начало княженья Святославля, *сына Игорева.* В лето 6454. Ольга съ сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю. *И* изидоша деревляне противу. *И сънемъшемася* обема полкома не скупь, суну копьем Святослав *на* деревляны, и копье лете сквозе уши коневи, *и* удари в ноги коневи, бе бо детеск. И рече Свенелд и Асмолд: «Князь уже почал; потягнете, дружина, по князе». И победиша деревляны. Деревляне же побегоша и затворишася въ градех своих. Ольга же устремися съ сыном своим *на Искоростень град, яко тее бяху убили мужа ея, и ста около града с сыном своим,* а деревляне затворишася въ граде, и боряхуся крепко из града, ведеху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лето, *и* не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хочете доседети? А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делають нивы своя и земле своя; а вы хочете изъмерети гладом, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «Ради ся быхом яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего». Рече же им Ольга, яко «Аз мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее, когда творих трызну мужеви своему. А уже не хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, *и* смирившися с вами поиду опять». Рекоша же деревляне: «Што хощеши у нас? Ради даем медомь и скорою». Она же рече им: «Ныне у вас несть меду, ни скоры, но мало у вас прошю: дайте ми от двора по 3 голуби до *по* 3 воробьи. Аз бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужь мой, сего прошю у вас мало. Вы бо есте изънемогли в *осаде,* да сего у вас прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользе с поклоном. Вольга же рече им: «Се уже *есте* покорилися мне и моему детяти, а идете въ град, *а я заутра отступлю от града,* и *поиду* въ градо *свой*». Деревляне же ради

бывше, внидоша въ град, и поведаша людем, и обрадовашася людье въ граде. Волга же раздая воем по голуби комуждо, а другим по воробьеви, и повеле *къ коемуждо* голуби и къ воробьеви привязывати церь, обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо их. И повеле Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воем своим. Голуби же и воробьеве полетеша в гнезда своя, *голуби* въ голубники, врабьеве *же* под стрехи; и тако възгарахуся голубьници, ово клети, ово веже, ово ли одрины, и не бе двора, идеже не *горяше* и не бе льзе гасити, вси бо двори възгорешася. И побегоша людье из града, и повеле Ольга воем своим имати á. Яко взя град и пожьже й, старейшины же града изънима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим, а прок их *остави* платити дань.

И възложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя *Вышегороду* к Ользе; бе бо Вышегород град Вользин. И иде Вольга по Деръвьстей земли съ сыном своим и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; *и* суть становища ее и ловища. И приде въ град свой Киев съ сыном своим Святославом, и пребывши лето едино.

В лето 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе — оброки и дани; *и* ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, и сани ее стоять въ Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивше, възратися къ сыну своему Киеву, и пребываше с ним въ любъви. ⟨...⟩

В лето 6472. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя воз по собе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек *ядяше,* ни шатра имяше, но подъклад *постлав* и седло в головах; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странам, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем: «Кому дань даете?». Они же реша: «Козаром по щьлягу от рала даем».

В лето 6473. Иде Святослав на козары. Слышавше же козари, изидоша противу съ князем своим Каганом, и съступишася *битися, и бывши* брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежю взя. И ясы победи и касогы.

В лето 6474. Вятичи победи Святослав, и дань на них възложи.

В лето 6475. Иде Святослав на Дунай *на* Болгары. *И* бившемъся обоим, одоле Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, *и* седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцех.

В лето 6476. Придоша печенези на Руску землю первое, а Святослав бяше Переяславци, и затворися Волга въ граде со унуки своими, Ярополком и Ольгом и Володимером, въ граде Киеве. И оступиша *печенези* град в силе велице: бещислено множьство около града, и не бе льзе из града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людье гладом и водою. Собравшеся людье оноя

страны Днепра в лодьях, об ону страну стояху, и не бе льзе внити в Киев ни единому их, ни из града к онем. *И* въстужиша людье въ граде и реша: «*Несть* ли кого, иже бы могл на ону страну дойти и речи им: аще *не подступите заутра,* предатися имам печенегом». И рече един отрок: «Аз преиду». И реша: «Иди». Он же изиде из града с уздою, и *ристаше* сквозе печенеги, глаголя: «Не виде ли коня никтоже?». Бе бо умея печенежьски, и мняхуть й своего. *И* яко приближися к реце, *сверг* порты сунуся въ Днепр, и побреде. Видевше же печенези, устремишася на нь, стреляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видевше с оноя страны, и приехаша в лодьи противу ему, и взяша й в лодью и привезоша й къ дружине. И рече им: «Аще не *подступите* заутра къ городу, предатися хотять людье печенегом». Рече же воевода их, имянем Претичь: «Подъступим заутра в лодьях, и, попадше княгиню и княжиче, умчим на сю страну. Аще ли сего не створим, погубити ны имать Святослав». Яко бысть заутра, вседъше в *лодьи противу* свету и въструбиши вельми, и людье въ граде кликнуша. Печенези же мнеша князя пришедша, побегоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к *лодьям.* Видев же се князь печенежьский, възратися един къ воеводе Претичю и рече: «Кто се приде?». И рече ему: «*Людье* оноя страны». И рече князь печенежьский: «А ты князь ли еси?». Он же рече: «Аз есмь мужь его, и пришел есмь въ сторожех, *и* по мне идеть полк со князем, бе-щисла множьство». Се же рече, грозя им. Рече же князь печенежьский къ Претичю: «Буди ми друг». Он же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и въдасть печенежьский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Он же дасть ему броне, щит, мечь. *И отступиша* печенези от града, и не бяше льзе коня напоити: на Лыбеди печенези. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив, малы бо нас не взяша печенези, *и* матерь твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обраниши нас, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины своея, ни матере, стары суща, и детий своих?» То слышав Святослав, вборзе вседе на коне съ дружиною своею, и приде Киеву, целова матерь свою и дети своя, и съжалися о бывшем от печенег. И собра вои, и прогна печенеги в поли, и бысть мир.

В лето 6477. Рече Святослав къ матери своей и къ боляром своим: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити *в* Переяславци *на* Дунаи, яко то есть середа *земли* моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина *и* овощеве розноличныя, из *Чех* же, из *Угорь* сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челяд». Рече ему Волга: «Видиши мя *болну* сущю; камо хощеши от мене ити?» — бе бо разболелася уже. Рече же ему: «Погреб мя *иди,* ямо же хочеши». По трех днех умре Ольга, и плакася по ней сын ея, и внуци ея, и людье вси плачем великомь, *и* несоша и погребоша ю на месте. И бе заповедала Ольга

не *творити* трызны над собою, бе бо имущи презвутер, сей похорони блаженую Ольгу.

Си бысть предътекущия крестьяньстей земли, аки *деньница* пред солнцемь и аки зоря пред светом. Си бо сьяше аки луна в нощи, тако и си в неверных человецех светящеся, аки бисер в кале: кальни бо беша *грехом*, неомовени крещеньемь святымь. Си бо омыся купелью святою, и совлечеся *греховныя одежа* ветхаго человека Адама, и въ новый Адам облечеся, еже есть Христос. Мы же рцем к ней: «Радуйся, руское познанье къ Богу, начаток примиренью быхом». Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят рустие сынове аки началницю: ибо по смерти моляше Бога за Русь. Праведных бо душа не умирають, якоже рече Соломан: «*Похваляему* праведному възвеселятся людье»; бесъсмертье бо есть память его, яко от Бога познавается и от человек. Се бо вси человеци прославляють, *видяще лежащю* в теле на многа лета; рече бо пророк: «Прославляющая мя прославлю». О сяковых бо Давыд глаголаше: «В память *вечную* праведник будеть, от слуха зла не убоится; готово сердце его уповати *на* Господа, утвердися сердце его и не подвижется». Соломан бо рече: «Праведници въ веки *живуть*, и от Господа мьзда имь есть и строенье Вышняго. Сего ради приимуть царствие красоте и венець доброте от руки Господня, яко десницею покрыеть я́ и мышцею защитить я́». *Защитил* бо есть сию блажену Вольгу от противника и супостата — дьявола.

В лето 6478. Святослав посади Ярополка в Киеве, а Ольга в деревех. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя собе: «Аще не поидете к нам, то налезем князя собе». И рече к ним Святослав: «А бы *пошел* кто к вам». И отпреся Ярополк и Олег. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимер бо бе от Малуши, ключнице Ользины; сестра же бе *Добрыне*; отець же бе има Малък Любечанин, *и* бе Добрына уй Володимеру. И реша ноугородьци Святославу: «Въдай ны Володимера». Он же рече им: «Вото вы есть». И пояша ноугородьци Володимера к собе, и иде Володимир съ *Добрынею, уем* своимь, Ноугороду, а Святослав Переяславьцю.

В лето 6479. Приде Святослав в Переяславець, и затворишася болгаре в граде. И излезоша болгаре на сечю противу Святославу, и бысть сеча велика, и *одоляху* больгаре. И рече Святослав воем своим: «Уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино!». И къ вечеру одоле Святослав, и взя град копьем, и посла къ греком, глаголя: «Хочю на вы ити *и* взяти град вашь, яко и сей». И реша грьци: «Мы недужи противу вам стати, но возми дань на нас, и на дружину свою, и повежьте ны, колько вас, да вдамы по числу на главы». Се же реша грьци, льстяче под Русью; *суть бо греци лстивы и до сего дни*. И рече им Святослав: «Есть нас 20 тысящь». И прирече 10 тысящь, бе бо руси 10 тысящь *толко*. И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани. И поиде Святослав на греки,

и изидоша противу руси. Видевше же русь — убояшася зело множьства вой, и рече Святослав: «Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу. Да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегнем — срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». И реша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». И исполчишася русь, и бысть сеча велика, и одоле Святослав, и бежаша грьци. И поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая, яже *стоять* и до днешняго дне *пусты*. И созва царь боляре своя в полату, и рече им: «Што створим, яко не можем противу ему стати?» И реша ему боляре: «Посли к нему дары, искусим и́, любьзнив ли есть злату, ли *паволокам*?» И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, реша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Он же, взем дары, приде къ Святославу. *И* поведаша Святославу, яко придоша грьци с поклоном. И рече: «Въведете я́ семо». Придоша, и поклонишася ему, *и* положиша пред ним злато и паволоки. И рече Святослав, кроме зря, отроком своим: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Реша же послании, яко «Придохом к нему, и вдахом дары, и не *возре* на ня, и повеле схоронити». И рече един: «Искуси и́ еще, посли ему оружье». Они же *послушаша* его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему. Он же, прии, нача хвалити, и любити, и *целовати* царя. Придоша опять ко царю, и поведаша ему вся бывшая. И реша боляре: «Лют се мужь *хочеть* быти, яко именья не брежеть, а оружье емлеть. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши», за малом бо бе не дошел Царяграда. *И* даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя, яко «Род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславець с *похвалою* великою. Видев же мало дружины своея, рече в собе: «Еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене», беша бо многи погибли на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле *дружины*».

И посла слы ко цареви въ *Деревьстр*, бо бе ту царь, рька сице: «Хочу имети мир с *тобою* тверд и любовь». Се же слышав *царь* рад бысть и посла к нему дары больша первых. Святослав же прия дары, и поча думати съ дружиною своею, рька сице: «Аще не створим мира со царем, а увесть царь, яко мало нас есть, пришедше оступять ны въ граде. А Руска земля далеча, а печенези с нами ратьни, а кто ны поможеть? Но створим мир со царем: се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно нам. Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совокупивше вои *множайша,* поидем Царюгороду». Люба бысть речь си дружине, и послыша лепшие мужи ко цареви, и придоша въ Деревъстр, и поведаша цареви. Царь же наутрия призва я́, и рече царь: «Да глаголють сли рустии». Они же реша: «Тако глаголеть князь нашь: «Хочю имети любовь со царем гречьским свершеную прочая вся лета». Царь же рад бысть *и* повеле писцю писати

вся речи *Святославли* на харатью. Нача глаголати сол вся речи, и нача писець писати. Глагола сице:

«Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемь князи рустемь, и при Свеналъде, писано при Фефеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю гречьскому, въ Дерестре, месяца июля, индикта въ 14, в лето 6479. Аз, Святослав, князь руский, якоже кляхъся, и утвержаю на свещанье семь роту свою: хочю имети мир и свершену любовь со *всяким* великимь царем гречьским, съ Васильем и Костянтином, и съ богодохновеными цари, и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною русь, боляре и прочии, до конца века. Яко николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка иного приведу на страну вашю и елико есть под властью гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городов их, ни на страну Болгарьску. Да аще ин кто помыслить на страну вашю, да и аз буду противен ему и борюся с ним: Якоже кляхъся ко царем гречьским, и со мною боляре и Русь вся, да схраним правая съвещанья. Аще ли от тех самех прежереченых не съхраним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, въ его же веруем — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будем *золоти,* яко золото, и своим оружьемь да исечени будем. Се же имейте во истину, якоже *сотворихом* ныне къ вам, *и* написахом на харатьи сей и своими печатьми запечатахом».

Створив же мир Святослав съ греки, поиде в лодьях къ порогом. И рече ему воевода отень *Свеналд*: «Поиде, княже, на коних около, стоять бо печенези в порозех». И не послуша его *и* поиде в лодьях. И послаша переяславци къ печенегом, глаголюще: «Се идеть вы Святослав в Русь, взем именье много у грек и полон бещислен, съ *малом* дружины». Слышавше же се печенизи, заступиша пороги. И приде Святослав къ порогом, и не бе льзе проити порог. И ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по полугривне глава коняча, и зимова Святослав ту.

Весне же приспевъши, в лето 6480, поиде Святослав в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенежьский, и убиша Святослава, *и* взяша главу его, и во лбе его съделаша чашю, *оковавше* лоб его, и пьяху *из него*. Свеналд же приде Киеву къ Ярополку. И всех лет княженья Святославля летъ 20 и 8.⟨...⟩

Въ лето 6500. Иде *Володимир* на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя, и се печенези придоша по оной стороне от Сулы; Володимер же поиде противу им, и срете я́ на *Трубежи на* броде, где ныне Переяславль. И ста Володимер на сей стороне, а печенези на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приеха кня́зь печенежьскый к реке, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимь, да не воюем за три лета; аще ли нашь мужь ударить, да воюем за три лета». И разидостася разно. Володимер же приде въ товары, и посла биричи по товаром, глаголя: «Нету ли такого мужа, иже бы ся ял с печене-

жиномь?». И не обретеся никдеже. Заутра приехаша печенези и свой мужь приведоша, *а у* наших не бысть. И поча тужити Володимер, сля по всем воем, и приде един стар мужь ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене един сын меншей дома, а с четырми есмь вышел, а он дома. От детьства бо его несть кто им ударил. Единою бо ми й сварящю, и оному мьнущю усние, разгневавъся на мя, преторже череви рукама». Князь же се слышав рад бысть, *и* посла по нь, и приведоша й ко князю, и князь поведа ему вся. *Сей* же рече: «Княже! Не веде, могу ли *со нь,* и да *искусите* мя: нету ли быка велика и силна?». И нალезоша бык велик и силен, и повеле раздраждити быка; возложиша на нь железа горяча, и быка пустиша. И побеже бык мимо и, похвати быка рукою за бок, и выня кожю с мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимер: «Можеши ся *с ним* бороти». И наутрия придоша печенези, почаша звати: «Не ли мужа? Се нашь доспел!». Володимер же повеле той нощи *облещися въ оружие,* и приступиша ту обои. Выпустиша печенези мужь свой: бе бо превелик зело и страшен. И выступи мужь Володимерь, и узре й печенезин и посмеяся, — бе бо середний теломь. И размеривше межи обема полкома, пустиша я́ к собе. И ястася, *и* почаста ся *крепко* держати, и удави печенезина в руку до смерти. И удари имь о землю. И кликнуша, и печенези побегоша, и русь погнаша по них секуще, и прогнаша я. Володимер же рад быв, заложи город на *броде* томь, и нарече й Переяславль, зане перея славу отроко тъ. Володимер же великимь мужем створи того и отца его. Володимер же възвратися въ Кыев с победою и съ славою великою.〈...〉

В лето 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьние вое на печенегы, бе бо рать велика бес перестани. В се же время уведеша печенези, яко князя нету, *и* придоша и сташа около Белагорода. И не дадяху вылести из города, и бысть глад велик в городе, и не бе лзе Володимеру помочи, не бе бо вой у него, печенег же множьство много. И удолжися остоя в городе, и бе глад велик. И створиша вече в городе и реша: «Се уже хочем померети от глада, а от князя помочи нету. Да луче ли ны померети? *Въдадимся* печенегом, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако свет створиша. Бе же един старець не был на вечи томь, и *въпрашаше:* «Что ради вече было?». И людье поведаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенегом. Се слышав, посла по старейшины градьскыя, и рече им: «Слышах, яко хочете ся передати печенегом». *Они же реша:* «Не стерпять людье глада». И рече им: «Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите». Они же ради обещашася послушати. И рече им: «Сберете аче и по горсти овса, или пшенице, ли отруб». Они же шедше ради снискаша. И повеле женам створити цежь, в немь же варять кисель, и повеле ископати колодязь, и *вставити* тамо кадь, и нальяти цежа кадь. И повеле другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повеле искати меду. Они же, шедше,

взяша меду лукно, бе бо погребено в княжи медуши. И повеле росытити велми и въльяти в кадь в друземь колодязи. Утро же повеле послати по печенегы. И горожане же реша, шедше к печенегом: «Поимете к собе таль нашь, а вы поидете до 10 мужь в град, да видите, что ся дееть в граде нашем». Печенези же ради бывше, мняще, яко предатися хотят, пояша у них тали, а сами избраша лучьшие мужи в *родех* и послаша в град, да розглядають в городе, что ся деетъ. И придоша в город, и рекоша им людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лет, что можете створити нам? Имеем бо кормлю от земле. Аще ли не веруете, да узрите своима очима». И приведоша я́ къ кладязю, идеже цежь, и почерпоша ведромь и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомь же печенези. И удивишася, и рекоша: «Не имуть веры наши князи, аще не ядят сами». Людье же нальяша корчагу цежа и сыты от колодязя, *и* вдаша печенегом. Они же пришедше поведаша вся бывшая. И, варивше, яша князи печенезьстии и подивишася. И поимше тали своя и онех пустивше, въсташа от града, въсвояси идоша. 〈...〉

В лето 6605. Придоша Святополк *и* Володимер, *и* Давыд Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и *Давыд* Святославичь, и брат его Олег, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собе, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рать. Да ноне отселе имемся въ едино сердце, и блюдем Руские земли; кождо да держить отчину свою: Святополк Кыев *Изяславлю,* Володимерь *Всеволожю,* Давыд и Олег и Ярослав *Святославлю,* а им же роздаял Всеволод городы: Давыду Володимерь, Ростиславичема — Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови». И на том целоваша крьст: «Да аще кто отселе на кого будет, то на того будем вси и крьст честный». Рекоша вси: «Да будет *на нь хрест честный* и вся земля Русьская». И целовавшеся поидоша в свояси.

И приде Святополк с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси: но токмо дьявол печален бяше о любви сей. И взлезе сотона *в сердце* некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуше сице, яко «Володимер сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыд же, ем веру лживым *словесемь,* нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убил брата твоего Ярополка, а ныне мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей голове». Святополк же смятеся умом, река: «Еда се право будеть, или лжа, не веде». И рече Святополк к Давыдови: «Да аще право глаголеши, Бог ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, Бог будет за тем». Святополк же сжалиси по брате своем, и о собе нача помышляти, еда се право будет? И я веру Давыдови, и прелсти Давыд Святополка, и начаста думати о Васильке, а Василко сего не ведяше и Володимер. И нача Давыд глаголати: «Аще не имеве Василка, то ни тобе княженья Кыеве, ни мне

в Володимери». И послуша его Святополк. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя *постави* на Рудици; вечеру же бывшю приде в товар свой. И наутрия же бывшю, присла Святополк, река: «Не ходи от именин моих». Василко же отпреся, река: «Не могу ждати: еда будет рать дома». И присла к нему Давыд: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старейшаго». И не всхоте Василко послушати. И рече Давыд Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отъидеть в свою волость, *сам узриши,* аще ти не займеть град твоих Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвав *ныне* и́, ем и дажь мне». И послуша его Святополк, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хощешь остати до именин моих, да приди ныне, целуеши мя, и поседим вси с Давыдом». Василко же обещася прити, не ведый лсти, юже имяше на нь Давыд. Василко же всед на конь поеха, и устрете и́ детьскый его, и поведа ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? *Оногды целовали* крьст, рекуще: аще кто на кого будет, то на того будеть крест и мы вси». И помыслив си прекрестися, рек: «Воля Господня да будет». И приеха въ мале дружине на княжь двор, и вылезе противу его Святополк, и идоша в-ыстобку, и приде Давыд, и седоша. И нача глаголати Святополк: «Останися на святок». И рече Василко: «Не могу остати, брате: уже есм повелел *товаром* поити переди». Давыд же седяше акы нем. И рече Святополк: «Да заутрокай, брате». И обещася Василко заутрокати. И рече Святополк: «Поседита вы сде, а яз лезу наряжю». И лезе вон, а Давыд с Василком седоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бе в Давыде гласа, ни послушанья: бе бо ужаслъся, и лесть имея въ сердци. И поседев Давыд мало, рече: «Кде есть брат?» Они же реша ему: «Стоить на сенех». И встав Давыд, рече: «Аз иду по нь, а ты, брате, поседи». И, встав, иде вон. И яко выступи Давыд, и запроша Василка, въ 5-й ноямьбря; и оковаша и́ въ двои оковы, и приставиша к нему стороже на ночь. Наутрия же Святополк созва боляр и кыян, и поведа им, еже бе ему поведал Давыд, яко «Брата ти убил, а на тя свечался с Володимером, и *хощеть* тя убити и грады твоя заяти». И *реша* боляре и людье: «Тобе, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвил Давыд, да прииметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыд, да прииметь *месть* от Бога и отвечает пред Богомь». И *уведеша* игумени, и начаша молитися о Василке Святополку; и рече им Святополк: «Ото Давыд». Уведев же *се* Давыд, нача поущати на ослепленье: «Аще ли сего не створишь, а пустишь и́, то ни тобе *княжити,* ни мне». Святополк же хотяше пустити и́, но Давыд не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и́ Белугороду, иже град мал у Киева, яко 10 верст в дале; и привезоша и́ на колех, окована суща, ссадиша и́ с кол и ведоша и́ в-ыстобку малу. И седящю ему, узре Василко торчина, *остряща* ножь, и разуме, яко хотят и́ слепити,

възпи к Богу плачем великим и стенаньем. И се влезоша послании Святополком и Давыдомь, Сновид Изечевичь, конюх Святополчь, и Дьмитр, конюх Давыдов, и почаста простирати ковер, и *простерша* яста Василка и хотяща и́ повречи; и боряшется с нима крепко, и не можаста его повречи. И се влезше друзии повергоша и́, и связаша и́, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И седоста обаполы Сновид Изечевичь и Дмитр, и не можаста удержати. И приступиста ина два и сняста другую дску с печи, и седоста, и удавиша и́ рамяно, яко персем троскотати. И приступи торчин, именем Беренди, овчюх Святополчь, держа ножь, и хотя ударити в око, и грешися ока, и перереза ему лице, и есть рана та *на* Василке и ныне. И посем удари и́ в око, и изя зеницю, и посем в другое око, и изя другую зеницю. И том часе бысть яко и мертв. И вземше и́ на ковре взложиша на кола яко мертва, повезоша и́ Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мост Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша *попадьи* oпрати. Попадья же, оправши, взложи на нь, онем обедующим; и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: «Кде се есм?» Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городе». И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: «Чему есте сняли с мене? Да быx в той сорочке кроваве смерть приял и стал пред Богом». Онем же обедавшим, поидоша с ним вскоре на колех, а по грудну пути, бе бо тогда месяць груден, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыд с ним, акы некак улов уловив. И посадища и́ въ двор Вакеев, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Улан и Колчко.

Володимер же слышав, яко ят бысть Василко и слеплен, ужасеся, и всплакав и рече: «Сего не бывало есть в Русьскей земьли ни при дедех наших, ни при отцих наших, сякого зла». И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: «Поидета к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскей земьли и в нас, в братьи, оже *вверген* в ны ножь. Да аще сего не правимь, то болшее зло встанеть *в* нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмуть земьлю Русьскую». Се слышав Давыд и Олег, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «Сего не было в роде нашемь». И ту абье *собравша* вое, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящю в бору; Володимер же, и Давыд, и Олег послаша муже свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створил еси в Русьстей земли и ввергл еси ножь в ны? Чему еси слепил брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличил бы и́ пред нами, и упрев бы и́, створил ему. А ноне яви вину его, оже ему се створил еси». И рече Святополк, яко: «Поведа ми Давыд Игоревичь, яко: «Василко брата ти убил, Ярополка, и тебе *хощет* убити и заяти волость твою, Туров, и Пинеск, и Берестие и *Погорину,* а заходилъ роте с Володимером, яко сести Володимеру Кыеве, а Василкови

Володимери». А неволя ми своее головы блюсти. И не яз его слепил, но Давыд, и вел и́ к собе». И реша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: «Извета о семь не имей, яко Давыд есть слепил и́. Не в Давыдове городе ят ни слеплен, но в твоемь граде ят и слеплен». И се им глаголющим, разидошася разно. Наутрия же хотящим чрес Днепр на Святополка, Святополк же хоте побегнути ис Киева, *и* не даша ему кыяне *побегнути,* но послаша Всеволожюю и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: «Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубити Русьскые земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомь, *побарающе* по Русьскей земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополит придоста к Володимеру и молистася ему, и поведаста молбу кыян, яко творити мир, и блюсти земле Русьские; и брань имети с погаными. Се слышав, Володимер расплакавъся и рече: «Поистине отци наши и деди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити».⟨...⟩

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
(Перевод)

Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля

Так начнем повесть сию. ⟨...⟩

Сим же, Хам и Иафет[1] разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба, — было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не свершили его. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и народ един». И смешал Бог народы[2], и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп, и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя[3], и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане, Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево[4], и устье того озера впадает в море Варяжское[5]. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду[6], а от Царьграда можно приплыть в Понт море[7], в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское[8]. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы[9], и дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, — по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей[10] учил в Синопе [11] и прибыл в Корсунь[12], узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей —

каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивились; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.⟨...⟩

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тивирцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд[13], а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса

и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий[14], посланный на нас от Бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи корбалей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы и плодами. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное: да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, — сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота, в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для Руси паруса из паволок,[15] а славянам копринные»,[16] — и было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.〈...〉

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь, — от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. 〈...〉

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня[17], убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым подъемом. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле, но на горе. Город

же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор уставщика[18] позади церкви святой Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле, — пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю деревлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье», — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своем муже». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне

пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи, И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз — когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись — где голубятни,

где клети, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород[19] городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов; и сохранились места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте[20] погосты и дани и по Луге[21] — оброки и дани; и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви. ⟨...⟩

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус[22], и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу[23] с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и столицу их Белую Вежу[24] взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце[25], беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях

и стояли на том берегу, и нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда

захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Веселится народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и Богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на Господа; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от Господа и попечение о них у Всевышнего. Посему получат они царство красоты и венец доброты от руки Господа, ибо он покроет их десницею и защитит их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня[26]: «Просите Владимира [27]». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам,

так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном. И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол[28], где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать

с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: «Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался, и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию[29]. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав

к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать восемь.〈...〉

В год 6500 (992). Пошел Владимир[30] на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, — испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.〈...〉

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время беспрерыв-

ная великая война. Узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом[31]. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — Сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.〈...〉

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече[32] для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю,

сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд, и Олег, и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теребовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, Бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, Бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И,

подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха: ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подущать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина[33], точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаниями. И вот влезли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не смогли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись гла́за, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз, и исторг глаз, и потом — в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир[34]. И когда везли его, остановились с ним, перейдя

Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед Богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас брошен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, а, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: «Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире». А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову[35] и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды вашим трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю

и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить».⟨...⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По библейской легенде, после всемирного потопа земля была разделена между тремя сыновьями Ноя Симом, Хамом и Иафетом и они стали родоначальниками всех народов на земле.

[2] Имеется в виду библейская легенда о разрушении богом вавилонской башни и смешении языков: строящие башню стали говорить на разных языках и не смогли понимать друг друга.

[3] *Локоть* — древнерусская мера длины — расстояние от локтя до конца среднего пальца, приблизительно 45—47 см.

[4] *Нево* — Ладожское озеро.

[5] *Варяжское море* — Балтийское.

[6] *Царьград* — столица Византии Константинополь (в настоящее время город Стамбул в Турции).

[7] *Понт* — Черное море.

[8] *Хвалисское* — Каспийское море.

[9] *Болгары* — страна Волжских болгар (в районе впадения Камы в Волгу); *Хвалисы* — Хорезм, государство, находившееся в нижнем течении Амударьи.

[10] *Андрей Первозванный* — апостол. Здесь передается легенда о его хождении в Скифию и те земли, на которых позже возникли Киев и Новгород.

[11] *Синоп* — город на северном берегу Малой Азии.

[12] *Корсунь* — город и греческая колония Херсонес в Крыму (в настоящее время — окраина Севастополя).

[13] *Суд* — залив Золотой Рог, вход в него из Мраморного моря «замыкался» (перегораживался) цепями.

[14] Имеется в виду византийский святой — воин Дмитрий Солунский, покровитель города Солуни (Салоники).

[15] *Паволока* — шелковая ткань.

[16] *Копринные* — значение слова неизвестно.

[17] *Искоростень* — стольный город Древлянской земли (совр. Коростень Житомирской обл.).

[18] *Уставщик* — старшина церковных певчих.

[19] *Вышгород* — загородная резиденция киевских князей.

[20] *Мста* — река в совр. Калининской и Новгородской обл.

[21] *Луга* — река в совр. Новгородской и Ленинградской обл.

[22] *Пардус* — гепард, млекопитающее из семейства кошачьих, отличается быстротой бега и выносливостью. Приручался как охотничье животное.

[23] *Щеляг* — монета, стоимость которой не выяснена.

[24] *Белая Вежа* — Саркел — хазарская крепость.

[25] *Переяславец* — ныне село Преслав возле города Тулча в Румынии.

[26] *Добрыня* — прообраз былинного богатыря Добрыни Никитича.

[27] Имеется в виду будущий великий князь киевский Владимир I Святославич (ум. 1015), при котором в 988-м году на Руси официальной религией было признано христианство. Прообраз былинного Владимира Красное Солнышко.

[28] *Доростол* — город, совр. Силистра на северо-востоке Болгарии.

[29] *Хартия* — пергамен, грамота.

[30] Имеется в виду Владимир I Святославич (см. выше).

[31] *Белгород* — город на реке Ирпени недалеко от Киева.

[32] Любечский съезд (1097) происходил в селе Любече возле Киева, инициатором его был Владимир Мономах. Давыд Святославич (ум. 1123) и Олег Святосла-

вич (ум. 1115) — родные братья, остальные, кроме Василька (ум. 1124), — двоюродные. Все они внуки Ярослава Мудрого, Василько Ростиславич — правнук Ярослава Мудрого. Его отец Ростислав (ум. 1066) — двоюродный брат перечисленных здесь князей.

[33] *Торчин* — выходец из торков. *Торки* — тюркское кочевое племя.

[34] *Владимир* — Владимир-Волынский, стольный город Давыда Игоревича.

[35] Имеется в виду вдова Всеволода Ярославича, мачеха Владимира Мономаха.

«Слово о Законе и Благодати» Илариона
(Отрывок)

«Слово о Законе и Благодати» входит в число самых ранних и самых замечательных в литературном отношении произведений Древней Руси. «Слово» было сочинено Иларионом, первым митрополитом из русских, поставленным на киевскую митрополию из священников в 1051 г. Датируется «Слово» 1037—1050 г. Как предполагает Д. С. Лихачев, «Слово» было произнесено Иларионом перед князем Ярославом Мудрым и его окружением на хорах киевского Софийского собора. Под Законом Иларион подразумевает Ветхий завет, а под Благодатью — Новый завет. По мысли Илариона, Ветхий завет — это закон только для одного народа — для иудеев, Новый завет — это благодать для всех народов, принявших христианство. Такое философское сопоставление и противопоставление нужно Илариону для того, чтобы показать высокую миссию великого князя киевского ВладимираI Святославича, принявшего христианство.

«Слово о Законе и Благодати» — высокопатриотический памятник. Иларион восхваляет дело Владимира, сравнивая его с деяниями апостолов, обративших в христианство разные земли. Он ставит Владимира рядом с византийским императором Константином Великим, высоко почитавшимся в христианском мире за провозглашение христианства государственной религией Византии. Вместе с тем Иларион восхваляет Русскую землю, которая славилась и до принятия христианства, и принятие Русью христианства как государственной религии — это добровольный акт, закономерный этап в истории великой страны.

«Слово» Илариона делится на три части: в первой говорится о вселенском характере христианства, во второй — о русском христианстве, третья часть — похвала князю Владимиру и его наследнику Ярославу Мудрому. В хрестоматии публикуется третья часть «Слова» с небольшой купюрой в середине текста.

Текст печатается по изданию: *Молдован А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев. 1984. С. 91—100. Перевод сделан для настоящего издания.

ИЗ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА
(Древнерусский текст)

⟨...⟩Хвалить же похвалныими гласы Римьскаа страна Петра и Паула, има же вероваша въ Иисуса Христа сына Божиа; Асиа и Ефес и Пафм — Иоанна Богословьца; Индиа — Фому, Египет — Марка. Вся страны, и гради, и людие чтуть и славять коегождо их учителя, иже научиша я́ православней вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго — нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли — Володимера, вънука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже, въ своа лета владычествующе, мужьством же и храборъством прослуша въ странах многах, и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не въ худе бо и неве́доме земли владычьствоваша, нъ

въ Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли.

Сий славный от славныих рожься, благороден — от благородныих, каган нашь Влодимер, и възраст и укрепев от детескыи младости, паче же възмужав крепостию и силою съвершаяся, мужьством же и съмыслом предъспеа, и единодержець быв земли своей, покорив под ся округъняа страны овы миром, а непокоривыа — мечемь. И тако ему въ дни свои живущю и землю свою пасущу правдою, мужьствомь же и съмыслом, приде на нь посещение вышняаго, призре на нь всемилостивое око благааго Бога. И въсиа разум въ срдци его, яко разумети суету идольскыи льсти, възыскати единого Бога, сътворьшааго всю тварь видимую и невидимую.

Паче же слышано ему бе всегда о благоверьнии земли Гречьске, христолюбиви же и сильне верою: како единого Бога въ Троици чтуть и кланяются, како въ них деются силы и чюдеса и знамениа, како церкви люди исполнены, како вси гради благоверьни, вси въ молитвах предстоять, вси Богови престоять. И, си слыша, въждела срдцемь *и* възгоре духом, яко быти ему христиану и земли его.

Еже и бысть, Богу тако изволившу, *и възлюбившу* человечьское естьство. Съвлече же ся убо каган нашь и съ ризами ветъхааго человека, съложи тленнаа, отрясе прах невериа и вълезе въ святую купель. И породися от Духа и воды: въ Христа крестився, въ Христа облечеся, и изиде от купели белообразуяся, сын быв нетлениа, сын въскрешениа. Имя приим вечно, именито на роды и роды — Василий, им же написася въ книгы животныа, въ вышниим граде и нетленнеим Иерусалиме.

Сему же бывьшу, не доселе стави благовериа подвига, ни о том то́кмо яви сущую въ немь къ Богу любовь, нъ подвижеся паче, заповедав по всей земли и крьститися въ имя Отца и Сына и святаго Духа, и ясно и велегласно въ всех градех славитися святей Троици и всем быти христианом: малыим и великыим, рабом и свободныим, уныим и старыим, бояром и простыим, богатыим и убогыим. И не бы ни единого ж противящася благочестному его повелению, да аще кто и не любовию, нъ страхом повелевшааго крещаахуся, понеже бе благоверие его съ властию съпряжено.

И въ едино время вся земля наша въславе Христа съ Отцемь и съ святыим Духом. Тогда начать мрак идольскый от нас отходити и зоре благовериа явишася, тогда тма бесослуганиа погыбе и слово евангельское землю нашю осиа, капища розрушаахуся, и церкви поставляахуся, идоли съкрушаахуся, и иконы святыих являахуся, беси пробегааху, крест грады свящаше.

Пастуси словесныих овець *Христовых*, епископи, сташа пред святыим олтаремь, жертву бескверньную възносяще, попове и диакони и весь клирос украсиша и въ лепоту одеша святыа церкви. Апосто́льскаа труба и евангельскы гром вси грады огласи, темиан, Богу въспущаемь, въздух освяти. Манастыреве

на горах сташа, черноризьци явишася. Мужи и жены, и малии и велиции, вси людие исполнеше святыа церкви. Въславиша глаголюще: «Един свят, един Господь, Иисус Христос, въ славу Богу Отцу, аминь. Христос победи, Христос одоле, Христос въцарися, Христос прославися! Велик еси, Господи, и чюдна дела твоа! Боже нашь, слава тебе!»

Тебе же како похвалим, о честный и славный въ земленых владыках, премужьственый Василие? Како доброте почюдимся, крепости же и силе? Каково ти благодарие въздадим, яко тобою познахом Господа и льсти идольскыа избыхом, яко твоим повелениемь по всей земли твоей Христос славится? Ли что ти приречемь, христолюбче, друже правде, съмыслу место, милостыни гнездо?

Како верова? Како разгореся въ любовь Христову? Како въселися въ тя разум, выше разума земленых мудрець, еже невидимаго възлюбити и о небесных подвигнутися? Како възиска Христа? Како предася ему? Повеждь нам, рабом твоим, повеждь, учителю нашь: откуду ти припахну воня святаго Духа? Откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуду въкуси и виде, яко благ Господь? Не видил еси Христа, не ходил еси по немь, како ученик его обретеся? Ини, видевше его, не вероваша, ты же не видев, верова. По истине бысть на тебе блаженьство Господа Иисуса, реченое къ Фоме: «Блажени не видевше и веровавше».⟨...⟩

К сему же кто исповесть многыа твоа нощныа милостыня и дневныа щедроты, яже къ убогыим творяаше, къ сирыим, къ болящиим, къ дължныим, къ вдовам и къ всемь требующиим милости? Слышал бо бе глагол глаголаный Даниилом къ Науходоносору: «Съвет мой да будеть ти годе, царю Науходоносоре: грехы твоа милостинями оцести, и неправды твоа щедротами нищиих». Еже слышав ты, о честьниче, не до слышаниа стави глаголаное, нъ делом съконча: просвящиим подаваа, нагыа одевая, жадныа и алъчныа насыщая, болящиим всяко утешение посылаа, должныа искупая, работныим свободу дая.

Твоа бо щедроты и милостыня и ныне въ человецех поминаемы суть, паче же пред Богом и аггелом его, ея же ради доброприлюбныа Богом милостыня, много дрьзновение имееши къ нему, яко присный Христов раб. Помагаеть ми словеси рекыи: «Милость хвалится на *суде*». И: «Милостыни мужу, акы печать съ ним». Вернее же самого Господа глагол: «Блажени милостивии, яко те помиловани будуть». Ино же яснее и вернее послушьство приведемь о тебе от святыих Писаний, реченое от Иакова апостола, яко: «Обративый грешника от заблужденна пути его спасеть душу от смерти и покрыеть множество грехов».

Да аще единого человека обративъшууму толико възмездие от благааго Бога, то каково убо спасение обрете, о Василие? Како бремя греховное расыпа, *не* единого обратив человека от заблужденна идольскыа льсти, ни десяти, ни града, нъ всю область сию!

Показаеть ны и уверяеть сам Спас Христос, какоя тя славы и чьсти сподобил есть на небесех, глаголя: «Иже исповесть мя пред человекы, исповемь и аз пред Отцемь моим, иже есть на небесех». Да аще исповедание приемлеть о собе от Христа къ Богу Отцу исповедавъи его токмо пред человекы, колико ты похвален от него имаши быти, не токмо исповедав, яко «Сын Божий есть Христос», нъ исповедав и веру его, уставль не въ единомь съборе, нъ по всей земли сей, и церкви Христови поставль, и служителя ему въвед?

Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служителемь его! *Он* съ святыими отци Никейскааго събора закон человеком полагааше, ты же съ новыими нашими отци-епископы сънимаяся чясто съ многым съмерениемь съвещаваашеся, како въ человецех сих новопознавшиих Господа закон уставити. Он въ Елинех и Римлянех царьство Богу покори, ты же въ Руси. Уже бо и въ онех и въ нас Христос царемь зовется. Он съ материю своею Еленою крест от Иерусалима принесъша, по всему миру своему раславьша, веру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крест от новааго Иерусалима — Констянтина града, по всей земли своей поставивша утвердиста веру. Его же убо подобник сый, съ темь же единоя славы и чести обещьника сътворил тя Господь на небесех, благовериа твоего ради, еже име въ животе своемь.

Добр пастух благоверию твоему, о блажениче, святаа церкви святыа Богородица Мариа, яже създа на правоверьней основе, иде же и мужьственое твое тело ныне лежит, жида трубы архаггельскы.

Добр же зело и верен послух сын твой Георгий, его же сътвори Господь наместника по тебе твоему владычьству, не рушаща твоих устав, нъ утверждающа, ни умаляюща твоему благоверию положениа, но паче прилагающа, не *казяща*, нъ учиняюща, иже недоконьчаная твоа наконьча, акы Соломон Давыдова, иже дом Божий великый, святый его премудрости създа на святость и освящение граду твоему. Юже съ всякою красотою украси златом, и сребром, и камениемь драгыим, и съсуды честныими, яже церкви дивна и славна всем округъниим странам, яко же ина не обрящется въ всемь полунощи земнеемь, ото въстока до запада.

И славный град твой Кыев величьством, яко венцемь обложил, предал люди твоа и град святей всеславний, скорей на помощь христианом, святей Богородици; ей же и церковь на Великыих вратех създа въ имя первааго Господьскааго праздника, святаго Благовещениа, да еже целование архаггел дасть девици, будеть и граду сему. Къ оной бо: «Радуйся, обрадованаа, Господь с тобою!», къ граду же: «Радуйся, благоверный граде, Господь с тобою!»

Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего, въстани, отряси сон! Неси бо умерл, нъ спиши до обьщааго всем въстаниа. Въстани, неси умерл, несть бо ти лепо умрети, веровавшу въ Христа — живота всему миру. Оттряси сон, възведи очи, да видиши, какоя

тя чьсти Господь тамо съподобив, и на земли не беспамятна оставил сыном твоим. Въстани, виждь чадо свое Георгиа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, его же Господь изведе от чресл твоих; виждь красяащааго стол земли твоей и възрадуйся и възвеселися.

Къ сему же виждь и благоверную сноху твою Ерину, виждь вънукы твоа и правнукы, како живуть, како хранимы суть Господемь, како благоверие держать по предаянию твоему, како въ святыа церкви чястять, како славять Христа, како покланяются имени его. Виждь же и град величьством сиающь, виждь церкви цветущи, виждь христианьство растуще, виждь град иконами святыих освещаемь и блистающеся, и тимианом обухаемь, и хвалами и божественами и пении святыими оглашаемь.

И си вься видев, възрадуйся и възвеселися и похвали благааго Бога, всемь сим строителя. Виде же, аще и не телом, нъ духом. Показаеть ти Господь вся си, о́ них же радуйся и веселися, яко твое верное въсиание не исушено бысть зноемь невериа, нъ дождемь Божиа поспешениа распложено бысть многоплодне.

Радуйся, въ владыках апостоле, не мертвыа телесы въскрешав, нъ, душею ны мертвы умерьшаа недугомь идолослужениа, въскресив! Тобою бо обожихом и живота Христа познахом. Съкорчени бехом от бесовьскыа льсти и тобою простpохомся и на путь животныи наступихом, слепи бехом от бесовьскыа льсти и тобою простpохомся сердечныими очима, ослеплени невидениемь и тобою прозрехом на свет трисолнечьнаго Божьства, неми бехом и тобою проглаголахом и ныне уже мали и велицеи славим единосущную Троицу. Радуйся, учителю нашь и наставниче благоверию! Ты правдою бе *оболчен,* крепостию препоясан, истиною обут, съмыслом венчан и милостынею, яко гривною и утварью златою красуяся! Ты бе, о честнаа главо, нагыим — одение, ты бе алчьныим — кърмитель, ты бе жаждющиим — утробе ухлаждение, ты бе въдовицам — помощник, ты бе странныим — покоище, ты бе бескровныим — покров, ты бе обидимыим — заступник, убогыим — обогащение.

Им же благыим делом и инемь възмездие приемля на небесех блага, яже уготова Бог вам, любящиим его, и зрениа сладкааго лица его насыщаяся, помолися о земли своей и о людях, въ них же благоверно владычьствова, да съхранить а́ въ мире и благоверии, преданеемь тобою, и да славится въ нем правоверие и да кленется всяко еретичьство, и да съблюдеть а́ Господь Бог от всякоа рати и пленениа, от глада и всякоа скорби и сътуждениа!

Паче же помолися о сыне твоемь, благовернемь кагане нашемь Георгии, въ мире и въ съдравии пучину житиа преплути и въ пристанищи небеснааго заветриа пристати невредно корабль душевны, и веру съхраньшу и съ богатеством добрыими делы; без блазна же Богомь даныа ему люди управивьшу, стати с тобою непостыдно пред престолом вседръжителя Бога и за труд паствы людий его приати от него венець славы нетленныа съ всеми праведныими, трудившиимися его ради!

ИЗ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА
(Перевод)

⟨...⟩Прославляет похвальными словами Римская страна Петра и Павла[1], которыми приведена была она к вере в Иисуса Христа, сына Божия; восхваляют Азия, Эфес и Патмос Иоанна Богослова[2], Индия — Фому[3], Египет — Марка[4]. Все страны, и города, и люди чтут и славят каждого из своих учителей, которые научили их православной вере. Восхвалим же и мы, по силе нашей, своими малыми похвалами великое и дивное совершившего — нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей — Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые, в свое время владычествуя, мужеством и храбростью прославились во многих странах, их победы и силу вспоминают и поныне и славят. Ведь правили они не в слабой и безвестной стране, но в Русской земле, которая ведома и славится во всех четырех концах Земли.

Сей славный от славных родился, благородный — от благородных, князь Владимир, и когда возрос и окреп, выйдя из младенческого возраста, или, точнее сказать, возмужал в крепости и силе своей, в мужестве и мудрости преуспел, то стал единодержцем земли своей, покорив себе соседние народы: одних — миром, а непокорных — мечом. И жил он так во время свое, землею своею управлял мудро, в мужестве и разуме, и осенила его милость всевышнего, призрело на него всемилостивое око благого Бога. И воссиял разум в сердце его, так что уразумел он суету идольского заблуждения и обратился к единому Богу, сотворившему все видимое и невидимое.

К тому же часто слышал он о благоверной земле Греческой, христолюбивой и сильной верою: как чтут там единого Бога в Троице и поклоняются ему, какая власть духовная и какие чудеса и знамения творятся там, что церкви там полны людей, что все города правоверны, все прилежно молятся, все Богу предстоят. И слышав это, возжелал сердцем и возгорелся духом, чтобы стать христианином самому, и христианской — земле его.

Так и случилось по благовелению Бога, возлюбившего род человеческий. Вместе с одеждами совлек с себя князь наш ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия и вошел в святую купель[5]. Возродился от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся, и вышел из купели очищенным, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя принял вечное, славное в роды и роды — Василий[6], по которому и записан в книге жизни[7], в небесном и нетленном граде Иерусалиме[8].

Когда это свершилось, не остановился он в подвиге благоверия, и не только в этом проявил он любовь свою к Богу, но еще к большему подвигся, повелев всей земле своей креститься во имя Отца и Сына и святого Духа, чтобы открыто и громогласно во всех городах славилась святая Троица и все стали бы христианами: малые и великие, рабы и свободные, юные и старые, бояре

и простолюдины, богатые и убогие. И не было ни одного противящегося благочестивому его повелению, а если кто и не по любви, то по страху перед повелевшим крестился, потому что благоверие в нем сопряжено было с властью.

И в единовременье вся земля наша восславила Христа с Отцом и со святым Духом. Тогда начал мрак идольский от нас удаляться и занялась заря благоверия, тогда тьма идолослужения исчезла и слово евангельское осияло нашу землю, капища[9] разрушались, а церкви воздвигались, идолы низвергались, а иконы святых являлись, бесы убегали, а крест освящал города.

Пастыри словесных овец Христовых, епископы, встали перед святым алтарем, принося бескровную жертву, попы, и дьяконы, и весь клир[10] украсили и в благолепие облекли святые церкви. Апостольская труба и евангельский гром все грады огласили, фимиам, Богу возносимый, воздух освятил. Встали на холмах монастыри, явились черноризцы. Мужчины и женщины, малые и старые, все люди наполнили святые церкви. Восславляя Бога, говорили они: «Един свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь. Христос победил, Христос одолел, Христос воцарился, Христос прославился! Велик ты, Господи, и чу́дны дела твои! Боже наш, слава тебе!»

Как же мы тебя восхвалим, о честный и славный средь земных владык, безмерно мужественный Василий? Как выскажем восхищение твоей добротой, крепостью и силой? Какую благодарность воздадим тебе за то, что благодаря тебе познали мы Господа и избавились от прельщения идольского, ибо по твоему повелению на всей земле твоей славится Христос? Что еще тебе скажем, христолюбец, друг правды, вместилище разума, гнездо милосердия?

Как уверовал? Как воспылал любовью к Христу? Как вселился в тебя разум, выше чем разум земных мудрецов, чтобы возлюбить невидимого и устремиться к небесному? Как нашел ты Христа? Как предался ему? Поведай нам, рабам твоим, поведай, учитель наш: откуда повеяло на тебя благоухание святого Духа? Каким образом испил ты из сладкой чаши мысли о будущей жизни? Как познал и увидел, что благ Господь? Ведь не видел ты Христа, не следовал за ним, как же ты его учеником стал? Иные, и видев его, не веровали, ты же, не видев, уверовал. Поистине сбылось на тебе благословение Господа Иисуса, сказанное Фоме: «Блаженны не видевшие и уверовавшие[11]».⟨...⟩

К тому, что сказано, кто поведает нам о многих твоих милостынях и щедротах, творимых денно и нощно убогим, сиротам, больным, должникам и всем, просящим о милости. Слышал ведь ты слова, сказанные Даниилом Навуходоносору[12]: «Совет мой да благоугоден тебе будет, царь Навуходоносор: грехи твои милостынями искупи и беззакония твои — щедротами к нищим». Слышав это, ты, о досточтимый, не ограничился тем, что услышал это, но на деле исполнил сказанное: просящим подавая,

нагих одевая, жаждущих и алчущих насыщая, болящих всячески утешая, должников искупая, рабов освобождая.

Твои щедроты и милостыни и поныне вспоминаются людьми, но еще выше они перед Богом и ангелом его, ибо, ради любезного Богу милосердия, имеешь ты великое дерзновение пред ним, как присный раб Христов. Помогает мне в этом сказавший: «Милость торжествует над судом». И еще: «Милостыня мужа — как печать у него». Вернее же всего самого Господа слова: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». И иное апостольское свидетельство приведем, приложимое к тебе, от святых Писаний, сказанное Иаковом-апостолом: «Отвративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и загладит множество грехов».

Если таково воздаяние от благого Бога наставившему на верный путь только одного человека, то какую же награду должен ты обрести, о Василий? Какое бремя греховное ты разрушил — ведь не одного отвратил ты человека от идольских заблуждений, не десятерых, не один город, но всю область сию!

Показывает нам и уверяет нас сам Спаситель Христос в том, какой славы и чести удостоил он тебя на небесах, говоря: «Кто признает меня пред людьми, того признаю и я пред Отцом моим, сидящим на небесах». Но если признавший Христа пред людьми признан будет Христом пред Богом Отцом, как же будешь ты похвален им, не только признавший, что «Сын Божий есть Христос», но проповедовавший его и веру в него утвердивший не на одном соборе, но по всей земле этой, и церкви Христовы воздвигший, и служителей ему поставивший?

Подобный великому Константину[13], равный ему в разуме и в любви к Христу, равный в почитании служителей его! Тот со святыми отцами Никейского собора[14] закон для людей определил, а ты, с новыми нашими отцами-епископами собираясь часто, с великим смирением советовался с ними, как установить закон среди людей, недавно познавших Господа. Тот Еллинское и Римское царство Богу покорил, ты же — Русь. И как у тех, так и у нас Христос зовется царем. Тот с матерью своей Еленой[15] крест из Иерусалима принес и, разослав части его по всему миру своему, веру укрепил, ты же с бабкою твоею Ольгою[16] утвердил веру, принесши крест из нового Иерусалима — Константинополя и поставив его на своей земле. Тебя, подобного Константину, Бог удостоил одинаковой с ним славы и чести на небесах за благоверие твое, которое стяжал ты в жизни своей.

Добрый пастырь благоверия твоего, о блаженный, — святая церковь святой Богородицы Марии[17], которую ты создал на правоверной основе, где ныне мужественное твое тело лежит, ожидая трубы архангельской.

Достойный же весьма и верный тебе преемник — сын твой Георгий[18], которого сделал Господь наследником твоего владычества, не разрушающим твои уставы, но укрепляющим

их, не уменьшающим устроений твоего благоверия, но умножающим их, не извращающим, но продолжающим дело твое, он неоконченное тобой завершил, как Соломон дело Давида[19], создав дом Божий великий и святой в честь его премудрости на святость и освящение граду твоему. Он искусно украсил церковь эту золотом, и серебром, и каменьями драгоценными, и утварью великолепной, так что она вызывает удивление и восхищение во всех странах, лежащих окрест, ибо не найдется подобной ей во всех полунощных землях от востока и до запада!

И славный город твой Киев величием, как венцом, окружил и вручил людей твоих и город святой всеславной, скорой на помощь христианам святой Богородице; ей же и церковь на Великих вратах воздвиг[20] во имя первого Господнего праздника — святого Благовещения[21], так что приветствие архангела, данное деве, распространится и на град сей. Той речено было: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!», а граду речем: «Радуйся, благоверный город, Господь с тобою!».

Встань, о честная глава, из гроба твоего, встань, отряхни сон! Ведь ты не умер, но спишь до общего всем воскресения. Встань! Ты не умер! Не подобало умереть тебе, уверовавшему в Христа — жизнь всего мира. Отгони сон, возведи очи и увидишь, что Господь, таких почестей удостоив тебя там, и на земле память о тебе оставил в сыне твоем. Встань, посмотри на сына своего Георгия, посмотри на кровного своего, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, кого Господь создал от чресл твоих, посмотри на украшающего престол земли твоей и возрадуйся и возвеселись!

Посмотри и на благоверную сноху твою Ирину, посмотри на внуков твоих и правнуков, как они живут, как хранимы Господом, как благоверие сохраняют по завещанию твоему, как прилежат к святым церквам, как славят Христа, как поклоняются имени его. Посмотри же и на город, величием сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство разрастающееся, посмотри на блеск города, освещаемого святыми иконами, благоухающего фимиамом, оглашаемого святыми хвалами и божественным пением.

И, видев все это, возрадуйся, и возвеселись, и восхвали благого Бога, устроителя всего этого. Увидь же это, хотя бы не телом, но духом. Показывает тебе Господь все это и подобает тебе об этом радоваться и веселиться, ибо семена веры, тобою посеянные, не были иссушены зноем неверия, но орошенные дождем Божьей помощи, принесли обильные плоды.

Радуйся, апостол среди владык, не мертвые тела воскрешавший, но нас, душою мертвых в недуге идолослужения, воскресивший! Ведь тобою приблизились мы к Богу и познали жизнь Христа. Угнетены были бесовским прельщением, но тобою освобождены и на путь жизни вечной поставлены, слепыми были от бесовского прельщения, но тобою получили прозрение сердечных очей, ослеплены были неразумием, но чрез тебя познали свет всесвятого Божества, немы были, но тобою возвращен нам дар слова, и ныне, малые и великие, славим единосущую Троицу. Радуйся,

учитель наш и наставник благоверия. Ты облачен правдой, препоясан крепостью, обут истиной, увенчан разумом и украшен милосердием, как гривною[22] и нарядом золотым. Ты был, о честная глава, нагим — одеяние, ты был алчущим — кормилец, ты был жаждущим — прохладою утробы, ты был вдовам — помощник, ты был странникам — успокоение, ты был бездомным — укрытие, ты был обиженным — заступник, нищим — обогащение.

За эти и иные благие дела, приемля благое воздаяние на небесах, которое уготовил Бог вам, любящим его, и насыщаясь сладостным лицезрением лика его, помолись о земле своей и о народе, над которым ты благоверно владычествовал, да сохранит его Господь в мире и благоверии, утвержденном тобою, и пусть славится правоверие и будет проклято всякое еретичество, и да соблюдет его Господь Бог от всякого ратного нашествия и пленения, от голода и от всякой скорби и несчастья!

И еще помолись о сыне твоем, благоверном князе нашем Георгии, чтобы он в мире и здравии пучину жизни переплыл и в тихую небесную пристань невредимым привел корабль душевный, сохранив веру и стяжав богатство добрых дел, чтобы без искушений окончив правление людьми, вверенными ему Богом, предстал он вместе с тобой, непостыдно, пред престолом вседержителя Бога и за труд правления народом своим принял от него венец славы нетленной со всеми праведниками, потрудившимися его ради!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Петр и Павел* — Петр (камень) — по христианской мифологии, один из учеников Христа, один из 12 апостолов, брат апостола Андрея Первозванного. Первоначальное имя — Симон, Петром был наречен Христом в момент избрания 12 апостолов. Имя Петра среди апостолов стоит первым. Свою подвижническую жизнь и проповедническую деятельность Петр завершает в Риме, где был казнен — распят вниз головой на кресте. Павел не входил в число 12 апостолов и не знал Христа во время его земной жизни, но за миссионерско-богословские заслуги (он проповедовал христианство во многих странах) почитался как «первопрестольный апостол» и «учитель вселенной» сразу после Петра и вместе с ним. Первоначальное имя Павла — Савл. До обращения в христианство после чудесного явления света с неба и пророческого голоса, Савл-Павел преследовал христиан (участвовал в убийстве первомученика Стефана, забитого камнями). Был казнен в Риме вместе с Петром.

[2]*Иоанн Богослов* — один из 12 апостолов, любимый ученик Христа, церковная традиция приписывает ему авторство четвертого Евангелия (Евангелие от Иоанна). На острове Патмосе, куда Иоанн был сослан, имел видение о конечных судьбах мира, последние годы жизни находился в Эфесе.

[3]*Фома* — один из 12 апостолов. По преданию, проповедовал христианство в Индии.

[4]*Марк* — евангелист, автор второго Евангелия (Евангелие от Марка), проповедовал христианство в Египте.

[5]*Купель* — сосуд с водой, в который погружают крестящегося при церковном обряде крещения.

[6]*Василий* — от греч. Basileus — царь. В Древней Руси человеку давалось два имени: одно мирское, второе христианское — крестное.

[7]*Книги жизни* — книги, в которые по христианскому вероучению заносятся деяния праведников.

[8]*Небесный и нетленный Иерусалим* — рай.

[9]*Капище* — языческий храм.

[10]*Клир* — круг лиц, причастных к деятельности церкви.

[11]*Фома* (см. примечание 3), не находившийся среди учеников Христа, когда он явился им после воскресения, отказался поверить в это, пока сам не увидит Христа. Через несколько дней Христос вновь явился к ученикам и, укоряя Фому, сказал: «Ты поверил, потому что увидел меня, блаженны не видевшие и уверовавшие». (Отсюда происходит крылатое выражение — «Фома неверный».)

[12]В библейском рассказе об истолковании легендарным еврейским праведником и пророком-мудрецом Даниилом второго сна царя Вавилонии Навуходоносора встречаются приводимые ниже слова.

[13]При византийском императоре Константине I Великом (285—337) христианство было признано государственной религией Византии.

[14]*Никейский собор* — Первый Вселенский собор в городе Никее (Малая Азия) — состоялся в 325 г. В нем принимал участие Константин Великий.

[15]Елена, мать Константина, в 326 г. посетила Иерусалим, где обрела крест, на котором был распят Христос, и построила церковь на Голгофе (место распятия Христа), ум. в 328 г. монахиней.

[16]Ольга (?—969) — княгиня, жена киевского князя Игоря, мать Святослава, бабка Владимира. О ней см. в отрывках из «Повести временных лет», в статьях за 945—969 гг. В 957 г. она приняла христианство.

[17]Имеется в виду Десятинная церковь в Киеве, первая каменная церковь Киевской Руси (сооружена в 989—996 гг.).

[18]*Георгий* — христианское (крестное) имя Ярослава Мудрого.

[19]По библейскому преданию Соломон, царь Израильско-Иудейского царства, в 965—928 гг. до н.э., продолжил и закончил начатое его отцом Давидом (царствовал в конце XI в. — ок. 950 г. до н.э.) строительство Иерусалимского храма. Далее Иларион говорит о построенном при Ярославе Мудром киевском Софийском соборе.

[20]Имеется в виду церковь Благовещения над киевскими Золотыми воротами.

[21]*Благовещение* — «возвещение»: посланный богом к деве Марии в город Назарет архангел Гавриил сообщает ей, что у нее родится сын Иисус, который будет мессией и сыном божиим. Один из важнейших 12 церковных праздников.

[22]*Гривна* — здесь: нашейное драгоценное украшение.

Сказание о Борисе и Глебе

После смерти великого князя киевского Владимира I Святославича (ум. 1015) между его сыновьями началась борьба за киевский стол. Святополк, сын Владимира от жены-гречанки (фактически он был сыном старшего брата Владимира Ярополка, убив которого в борьбе за Киев, Владимир взял себе в жены его жену, беременную Святополком), заняв киевское княжение, стал уничтожать своих возможных соперников. По приказу Святополка были убиты его единокровные братья Святослав, Борис и Глеб.

Против Святополка выступил княживший в Новгороде сын Владимира от Рогнеды Ярослав (ок. 978—1054), прозванный впоследствии Мудрым. В результате упорной и длительной борьбы, окончившейся в 1019 г. поражением и гибелью Святополка, Ярослав утвердился на киевском престоле. Деятельность Ярослава была направлена на усиление могущества и самостоятельности Руси. Важное государственное и политическое значение в этом процессе приобрело положение русской церкви. Стремясь укрепить независимость ее от Византии, Ярослав добивался канонизации (признания святыми) русских государственных и церковных деятелей.

Первыми официально признанными Византией русскими святыми стали погибшие в межкняжеских распрях Борис и Глеб. В их честь был установлен церковный праздник (24 июля), причисленный к великим годовым праздникам русской церкви. Культ Бориса и Глеба имел важное государственно-политическое значение. Прославлением Бориса и Глеба, не поднявших руки на старшего брата даже в защиту своей жизни, проводилась идея родового старшинства в системе княже-

ской иерархии: князья, не нарушившие этой заповеди, стали святыми. Почитание первых русских святых имело и политическое значение: осуждение княжеских распрей, стремление укрепить государственное единство Руси.

Государственное церковное и политическое значение культа Бориса и Глеба способствовало созданию и широкому распространению в древнерусской письменности многочисленных произведений, посвященных им: летописная повесть (под 1015 годом) «О убиении Борисове», «Сказание», написанное неизвестным автором, «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», автором которого был Нестор, и др. По мнению большинства ученых, в основе и «Сказаний» и «Чтения» лежит летописная повесть (есть, правда, и гипотеза о первичности «Сказания» по отношению к летописной повести). По вопросу о возникновении «Сказания» и «Чтения» в науке существуют две точки зрения. Одни исследователи считают, что «Чтение» восходит к «Сказанию», что последнее возникло в середине XI в., позже к нему было присоединено «Сказание о чудесах», составлявшееся несколькими авторами в 1089—1115 гг. Около 1108 г. Нестором на основе «Сказания» и рассказов о чудесах в редакции одного из авторов «Чудес» было написано «Чтение». Другие представляют литературную историю этих памятников в таком виде: в 80-х годах XI в. Нестором было написано «Чтение». На основе «Чтения» и летописной повести вскоре после 1115 г. было создано «Сказание», с самого начала включавшее в свой состав и рассказы о чудесах. Обе точки зрения носят гипотетический характер.

Наиболее интересно в художественном отношении среди памятников Борисо-Глебского цикла «Сказание». Большой популярностью пользовалось оно и у древнерусских читателей: «Сказание» дошло до нас в несравненно большем количестве списков, чем «Чтение» Нестора.

Текст и перевод «Сказания» печатаются по изданию: ПЛДР. 1. С. 278—393. Текст «Сказания» публикуется без «Сказания о чудесах».

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

(Древнерусский текст)

Съказание и страсть и похвала святюю мученику Бориса и Глеба

Господи, благослови, Отьче.

«Род правыих благословиться, — рече пророк, — и семя их въ благословлении будеть».

Сице убо бысть малъмь преже сих, сущю самодрьжьцю вьсей Русьской земли Володимиру, сыну Святославлю, вънуку же Игореву, иже и святыимь крьщениемь вьсю просвети сию землю Русьску. Прочая же его добродетели инде съкажем, ныне же несть время. А о сих по ряду сице есть.

Сь убо Володимир имеяше сынов 12 не от единоя жены, нъ от расн матер их. Въ них же бяше старей Вышеславъ, а по немь Изяслав, 3 — Святопълк, иже и убийство се зълое изъобрет. Сего мати преже бе чьрницею, гръкыни сущи, и поял ю́ бе Яропълк, брат Володимирь, и ростриг ю́ красоты деля лица ея и зача от нея сего Святоплъка оканьнааго. Володимир же, поганъй еще, убив Яропълка и поят жену его непраздьну сущю. От нея же родися сий оканьный Святопълк, и бысть от дъвою отьцю и брату сущю. Темь же и не любляаше его Володимир, акы не от себе ему сущю. А от Рогнеди 4 сыны имеяше: Изяслава,

и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а от иноя Святослава и Мьстислава, а от българыне Бориса и Глеба. И посажа вся по роснам землям въ княжении, иже инъде съкажем, сих же съповемы убо, о них же и повесть си есть.

Посади убо сего оканьнааго Святопълка въ княжении Пиньске, а Ярослава — Новегороде, а Бориса — Ростове, а Глеба — Муроме. Нъ се остаану много глаголати, да не многописании въ забыть вълезем, нъ о немь же начах, си съкажем.

Убо сице многом же уже дньм минувъшем, и яко съконьчашася дьние Володимиру, уже минувъшем летом 28 по святемь крьщении, въпаде въ недуг крепък. Въ то же время бяше пришел Борис изд-Ростова, печенегом же о онуду пакы идущем ратию на Русь, въ велице печали бяаше Володимир, зане не можааше изити противу им. И много печаляашеся, и призъвав Бориса, ему же бе имя наречено въ святемь крьщении Роман, блаженаагo и скоропослушьливааго, предав вое мъногы въ руце его, посъла й противу безбожьным печенегом. Он же съ радостию въстав иде рек: «Се готов есмь пред очима твоима сътворити, елико велить воля сьрдьца твоего». О таковыих бо рече Притъчьник: «Сын бых отьцю послушьлив и любиим пред лицьмь матере своея».

Ошедъшю же ему и не обретъшю супостат своих, възвратившюся въспять ему, и се приде вестьник къ нему, поведая ему отьчю съмрьть. Како преставися отьць его Василий, въ се бо имя бяше наречен въ святемь крьщении, и како Святопълк потаи съмьрть отьца своего, и ночь проимав помост на Берестовемь и въ ковър обьртевъше, съвесивъше ужи на землю, везъше на саньх, поставиша й въ цьркви святыя Богородица. И яко услыша святый Борис, начат телъмь утьрпывати и лице его вьсе сльз испълнися, и сльзами разливаяся и не могыи глаголати. Въ сьрдьци си начат сицевая вещати: «Увы мне, свете очию моею, сияние и заре лица моего, бъздро уности моее, наказание недоразумения моего! Увы мне, отьче и господине мой! Къ кому прибегну, къ кому възрю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и наказания разума твоего? Увы мне, увы мне! Како заиде свете мой, не сущу ми ту! Да бых поне сам чьстьное твое тело своима рукама съпрятял и гробу предал. Нъ то ни понесох красоты мужьства тела твоего, ни съподоблен бых целовати добролепьных твоих седин. Нъ, о блаженниче, помяни мя въ покои твои! Сьрдьце ми горить, душа ми съмысл съмущаеть и не вемь къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети? Къ брату ли, его же бых имел въ отьца место? Нъ тъ, мьню, о суетии мирьскыих поучаеться и о биении моемь помышляеть. Да аще кръвь мою пролееть и на убийство мое потъщиться, мученик буду Господу моему. Аз бо не противлюся, зане пишеться: «Господь гърдыим противиться, съмереным же даеть благодать». Апостол же: «Иже рече — «Бога люблю», а брата своего ненавидить — лъжь есть». И пакы: «Боязни въ любъви несть, съвьршеная любы вън измещеть страх». Темь же

что реку или чьто сътворю? Се да иду къ брату моему и реку: «Ты ми буди отьць — ты ми брат и стареи. Чьто ми велиши, господи мой?»

И си на уме си помышляя, идяаше къ брату своему и глаголааше въ сьрдьци своем: «То поне узьрю ли си лице братьца моего мьньшааго Глеба, яко же Иосиф Вениямина?» И та вься полагая въ сьрдьци си: «Воля твоя да будеть, Господи мой». Помышляше же въ уме своемь: «Аще пойду въ дом отьца своего, то языци мнози превратять сьрдьце мое, яко прогнати брата моего, яко же и отьць мой преже святаго крещения, славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходить и хуже паучины. То камо имам прийти по ошьствии моемь отсюду? Как ли убо обрящюся тъгда? Кый ли ми будеть ответ? Къде ли съкрыю мъножьство греха моего? Чьто бо приобретоша преже братия отьца моего или отьць мой? Къде бо их жития и слава мира сего, и багряница и брячины, сребро и золото, вина и медове, брашьна чьстьная и быстрии кони, и домове красьнии и велиции, и имения многа, и дани, и чьсти бещисльны, и гърдения, яже о болярех своих? Уже все им, акы не было николи же: вся съ нимь ищезоша, и несть помощи ни от кого же сих — ни от имения, ни от множьства раб, ни *от* славы мира сего. Темь и Соломон, все прошьд, вься видев, вся сътяжав и съвъкупив, рече, расмотрив вьсе: «Суета и суетие суетию буди», тъкмо помощь от добр дел, и от правоверия, и от нелицемерьныя любъве».

Идый же путьмь, помышляаше о красоте и о доброте телесе своего, и сльзами разливаашеся вьсь. И хотя удрьжатися и не можааше. И вси зьряще его, тако плакаашеся о добродьнемь теле и чьстьнемь разуме въздраста его. И къжьдо въ души своей стонааше горестию сьрдьчьною, и вси съмущаахуся о печали.

Къто бо не въсплачеться съмрьти тое пагубьное, приводя пред очи сьрдьца своего?

Образ бо бяаше унылъй его възор и скрушение сьрдьца его святаго, так бо бе блаженый тъ правьдив и щедр, тих, крътък, съмерен, всех милуя и вься набъдя.

Помышлять же въ сьрдьци своемь богоблаженый Борис и глаголааше: «Веде, — брата моего зълу ради чловеци понудяти и́ на убийство мое, и погубить мя, да аще пролееть кръвь мою, то мученик буду Господу моему, а дух мой прииметь Владыка». Таче, забыв скърбь съмьртьную, тешааше *сьрдьце свое о* словеси божии: «Иже погубити душю свою мене ради и моих словес, обрящети ю́ въ животе вечьнемь съхранить ю́». И поиде радъстьнъмь сьрдьцьмь, «не презьри мене, — рекый, — Господи премилостиве, уповающаего на тя, нъ спаси душю мою».

Святопълк же, седя Кыеве по отьци, призвав кыяны, многы дары им дав, отпусти. Посла же къ Борису, глаголя: «Брате, хочю съ тобою любъвь имети и къ отьню ти придамь». Льстьно, а не истину глаголя. Пришед Вышегороду ночь отай, призъва Путь-

шю и вышегородьскые муже и рече им: «Поведите ми по истине: приязньство имеете ль къ мне?» Путьша рече: «Вьси мы можем главы своя положити за тя».

Видев же диявол и искони ненавидяй добра человека, яко вьсю надежю свою на Господа положил есть святый Борис, начат подвижьнеи бываати, и обрет, яко же преже Каина на братоубийство горяща, тако же и Святопълка. По истине въторааго Каина улови мысль его, яко да избиеть вся наследьникы отьца своего, а сам приимьть един вьсю власть.

Тъгда призъва къ себе оканьный трьклятый Святопълк съветьникы всему злу и началникы всей неправьде, и отъвьрз прескврьньная уста рече, испусти зълый глас, Путьшине чади: «Аще убо главы своя обещастеся положити за мя, шедъше убо, братия моя, отай, къде обрящете брата моего Бориса, съмотрьше время убийте и́». И обещашася ему тако створити.

О таковыих бо рече пророк: «Скори суть кръвь пролияти бес правьды. Си бо обещаваються кръви и събирають себе злая. Сих путье суть събирающеи безаконие, нечистиемь свою душю обиемлють».

Блаженый же Борис, яко же ся бе воротил и стал бе на Льте шатьры. И реша къ нему дружина: «Поиди, сяди Кыеве на столе отьни, се бо вси вои въ руку твоею суть». Он же им отъвещаваше: «Не буди ми възяти рукы на брата своего и еще же и на стареиша мене, его же бых имел, акы отьца». Си слышавъше вои разидошася от него, а сам оста тъкъмо съ отрокы своими. И бяаше въ дьнь суботьный. Въ тузе и печали, удручьнъмь сьрдьцьмь и вълезе въ шатьр свой, плакашеся съкрушенъмь сьрдьцьмь, а душею радостьною, жалостьно глас испущааше: «Сльз моих не презьри, Владыко, да яко же уповаю на тя, тако да с твоими рабы прииму часть и жребий съ вьсеми святыими твоими, яко ты еси Бог милостив, и тебе славу въсылаем въ векы. Аминь».

Помышляшеть же мучение и страсть святаго мученика Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему бывъшю убиению, и како святей Варваре отьць свой убойца бысть. И помышляаше слово премудрааго Соломона: «Правьдьници въ векы живуть и от Господа мьзда им и строение им от вышьняаго». И о семь словеси тъчию утешаашеся и радоваашеся.

Таче бысть вечер и повеле пети вечеръню, а сам вълез въ шатьр свой, начат молитву творити вечерьнюю съ сльзами горькыми и частыимь въздыханиемь, и стонаниемь многымь. По сих леже съпати, и бяше сън его въ мънозе мысли и въ печали крепъце и тяжьце и страшьне: како предатися на страсть, како пострадати и течение съконьчати и веру съблюсти, яко да и щадимый веньць прииметь от рукы Вьседьржителевы. И видев, възбьнув рано, яко год есть утрьнии. Бе же въ святую неделю. Рече къ прозвутеру своему: «Въстав, начьни заутрьнюю». Сам же, обув нозе свои и умыв лице свое, начат молитися къ Господу Богу.

Посълании же приидоша от Святопълка на Льто ночь и подъступиша близ, и слышаша глас блаженааго страстотьрпьца, пою-

ща Псалтырь заутрьнюю. Бяше же ему и весть о убиении его. И начат пети: «Господи, чьто ся умножиша сътужающии, мънози въсташа на мя», и прочая псалмы, до коньца. И начать пети Псалтырь: «Обидоша мя пси мнози и уньци тучьни одьржаша мя». И пакы: «Господи, Боже мой! На тя уповах, спаси мя». Таже по семь канон. И коньчавъшю ему утрьнюю, начат молитися зьря къ иконе господьни и рече: «Господи, Иисусе Христе! Иже симь образъмь явися на земли изволивы волею пригвоздитися на крьсте и приим страсть грех ради наших, съподоби и мя прияти страсть!»

И яко услыша шпът зъл окрьст шатьра и трьпьтьн быв и начат сльзы испущати от очию своею, и глаголааше: «Слава ти, Господи, о вьсемь, яко съподобил мя еси зависти ради прияти сию горькую съмьрть и все престрадати любъве ради словесе твоего. Не въсхотехом възискати себе сам; ничто же себе изволих по апостолу: «Любы вьсе тьрпить всему веру емлеть и не ищьть своих си». И пакы: «Боязни въ любъви несть — съвьршеная бо любы вън отъмещеть боязнь». Темь, Владыко, душа моя въ руку твоею въину, яко закона твоего не забых. Яко Господеви годе бысть — *тако буди*». И узьреста попин его и отрок, иже служааше ему, и видевъша господина своего дряхла и печалию облияна суща зело, расплакастася зело и глаголаста: «Милый господине наю и драгый! Колико благости испълнен бысть, яко не въсхоте противитися любъве ради Христовы, а коликы вое дьржа въ руку своею!» И си рекъша умилистася.

И абие узьре текущиих къ шатьру, блистание оружия и мечьное оцещение. И без милости прободено бысть чьстьное и многомилостивое тело святаго и блаженааго Христова страстотьрпьца Бориса. Насунуша копии оканьнии: Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько. Видевъ же отрок его, вьржеся на тело блаженааго, рекый: «Да не остану тебе, господине мой драгый, да иде же красота тела твоего увядаеть, ту и аз съподоблен буду съконьчати живот свой!» Бяше же сь родъмь угрин, имьньмь же Георгий. И беаше възложил на нь гривьну злату, и бе любим Борисъмь паче меры. И ту же и́ проньзоша.

И яко бысть уранен и искочи и-шатьра въ оторопе. И нача глаголати стояще округ его: «Чьто стоите зьряще! Приступивъше сконьчаим повеленое нам». Си слышав блаженый, начат молитися и мил ся им деяти, глаголя: «Братия моя милая и любимая! Мало ми время отдайте, да поне помолюся Богу моему». И възрев на небо съ сльзами, и *горце* въздъхнув, начат молитися сицими глаголы: «Господи Боже мой, многомилостивый и милостивый и премилостиве! Слава ти, яко съподобил мя еси убежати от прельсти жития сего льстьнааго! Слава ти, прещедрыи живодавьче, яко сподоби мя труда святыих мученик! Слава ти, Владыко человеколюбьче, сподобивый мя съконьчати хотение сьрдьца моего! Слава ти, Христе, мъногому ти милосьрдию,

иже направи на правый путь мирьны ногы моя тещи къ тебе *без* съблазна! Призьри съ высоты святыня твоея, вижь болезнь сьрдьца моего, юже приях от сътродника моего, яко тебе ради, умьрщвяем есмь вь сь дьнь. Вътениша мя, яко овьна на сънедь, веси бо, Господи мой, яко не противлюся ни вътрекы глаголю, а имый въ руку вься воя отьца моего и вься любимыя отьцемь моимь, и ничьто же умыслих противу брату моему. Он же елико въздвиже на мя възмог, да «аще бы ми враг поносил, протьрпел убо бых, аще бы ненавидя мене вельречевал, укрыл бых ся». Нъ ты, Господи, вижь и суди межю мною и межю братъмь моимь и не постави им, Господи, греха сего, нъ приими въ мир душю мою. Аминь».

И възьрев къ ним умиленама очима и спадъшемь лицьмь, и вьсь сльзами облиявъся рече: «Братие, приступивъше, съконьчайте службу вашю. И буди мир *брату* моему и вам, братие».

Да елико слышаху словеса его, от сльз не можааху ни словесе рещи, от страха же и печали горькы и мъногых сльз, нъ съ въздыханиемь горькымь жалостьно глаголааху и плакаахуся и къжьдо въ души своей стонааше: «Увы нам, къняже нашь милый и драгый и блаженый, водителю слепыим, одеже нагым, старости жьзле, казателю ненаказаным! Кто уже си вься исправить? Како не въсхоте славы мира сего, како не въсхоте веселитися съ чьстьныими вельможами, како не въсхоте величия, еже въ житии семь. Къто не почюдиться великууму съмерению, къто ли не съмериться, оного съмерение видя и слыша?

И абие усъпе, предав душю свою въ руце Бога жива, месяца июлия въ 24 дьнь, преже 9 каланд агуста.

Избиша же и отрокы многы. Съ Георгия же не могуще съняти гривьны и отсекъше главу, отъвьргоша й кроме. Да темь и последь не могоша познати тела его.

Блаженааго же Бориса обьртевъше въ шатьр възложивъше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начат въскланяти святую главу свою. И се уведев Святоплък, послав два варяга и прободоста й мечьмь въ сьрдьце. И тако съконьчася и въсприят неувядаемый веньць. И положиша тело его принесъше Вышегороду у цьркве святааго Василия въ земли погребоша.

И не до сего остави убийства оканьный Святопълк, нъ и на большая неистовяся, начат простирати ся. И яко виде ся желание сьрдьце своего уже улучив, абие не въспомяну зълааго своего убийства и многааго убо съблажнения, и ни малы поне на покаяние преклонися. Нъ ту абие въниде въ сьрдьце его сотона и начаты й пострекати вящьша и горьша съдеяти и множайша убийства. Глаголааше бо въ души своей оканьней: «Что сътворю? Аще бо до сьде оставлю дело убийства моего, то дъвоего имам чаяти: яко аще услышать мя братия моя, си же варивъше въздадять ми и горьша сих. Аще ли и не сице, то да иждenуть мя и буду чюжь престола отьца моего, и жалость земле моея сьнесть мя, и поношения поносящиих нападуть на мя, и къняжение мое приметь ин и въ дворех моих не будеть живущааго.

Зане его же Господь възлюби, а аз погнах и къ болезни язву приложих, приложю къ безаконию убо безаконие. Обаче и матере моея грех да не оцеститься и съ правьдными не напишюся, нъ да потреблюся от книг живущиих». Яко же и бысть, еже последи съкажем. Ныне же несть время, нъ на предълежащее възвратимъся.

И си на уме си положив, зълый съветьник дияволь, посла по блаженааго Глеба, рек: «Приди въбързе. Отьць зоветь тя и несъдравить ти вельми».

Онъ же въбързе, въ мале дружине, въсед на конь поеха. И пришед на Вългу, на поле потъчеся под нимь конь въ рове, и наломи ногу малы. И яко приде Смолиньску и поиде от Смолиньска, яко зьреим едино, ста на Смядине въ кораблици. И въ се время пришьла бяаше весть от Передъславы къ Ярославу о отьни съмьрти. И присла Ярослав къ Глебу река: «Не ходи, брате! Отьць ти умьрл, а брат ти убиен *от* Святопълка».

И си услышав, блаженый възъпи плачьмь горькыимь и печалию сьрдьчьною и сице глаголааше: «О увы мне, Господине мой! От двою плачю плачюся и стеню, дъвою сетованию сетую и тужю. Увы мне, увы мне! Плачю зело по отьци, паче же плачюся и отъчаяхъся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободен еси, како без милости прочее съмрьти предася, како не от врага, нъ от своего брата пагубу въсприялъ еси? Увы мне! Уне бы съ тобою умрети ми, неже уединену и усирену от тебе въ семь житии пожити. Аз мнех въбързе узьрети лице твое ангельское, ти се селика туга състиже мя и *уныл* бых съ тобою умрети, господине мой! Ныне же что сътворю аз, умиленый, очюженый от твоея доброты и от отца моего мъногааго разума? О милый мой брате и господине! Аще еси уполучил дрьзновение у Господа, моли о моемь унынии, да бых аз съподоблен ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ свете семь прельстьнемь».

И сице ему стенющю и плачющюся и сльзами землю омачающю, съ въздыхании частыими Бога призывающю, приспеша вънезапу посълании от Святопълка зълыя его слугы, немилостивии кръвопиице, братоненавидьници люти зело, сверепа звери душю имуще.

Святый же поиде въ кораблици и сънретоша и́ устие Смядины. И яко узьре я́ святый, въздрадовася душею, а они, узьревъше и́, омрачаахуся и гребяахуся къ нему, а сь целования чаяяше от них прияти. И яко быша равьно пловуще, начаша скакати зълии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ руках своих, бльщащася, акы вода. И абие вьсем весла от руку испадоша, и вьси от страха омьртвеша. Си видев блаженый, разумев, яко хотять его убити, възьрев къ ним умиленама очима и сльзами лице си умывая, съкрушенъмь срьдьцьмь, съмеренъмь разумъмь и частыимь въздыханиемь, вьсь сльзами разливаяся, а телъм утьрпая, жалостьно глас испущааше: «Не деите мене, братия моя милая и драгая! Не деите мене, ни ничто же вы зъла сътворивъша! Не брезете, братие и господье, не брезете! Кую обиду сътворих брату моему и вам, братие и господье мои? Аще

ли кая обида, ведете мя къ князю вашему, а къ брату моему и господину. Помилуйте уности моее, помилуйте, господье мои! Вы ми будете господие мои, а аз вам раб. Не пожьнете мене от жития не съзьрела, не пожьнете класа, не уже съзьревъша, нъ млеко безълобия носяща! Не порежете лозы не до коньца въздрастъша, а плод имуща! Молю вы ся и мил вы ся дею. Убоитеся рекъшааго усты апостольскы: «Не дети бывайте умы, зълобиемь же младеньствуйте, а умы съвьршени бывайте». Аз, братие, и зълобиемь и въздрастъмь еще младеньствую. Се несть убийство, нъ сырорезание! Чьто зъло сътворихъ съведетельствуйте ми, и не жалю си. Аще ли кръви моее насытитися хочете, уже въ руку вы есмь, братие, и брату моему, а вашему князю».

И не поне единого словесе постыдешася, нъ яко же убо сверепии зверие, тако въсхытиша его. Он же видев, яко не вънемлють словес его, начат глаголати сице: «Спасися, милый мой отьче и господине Василие, спасися, мати и госпоже моя, спасися и ты, брате Борисе, старейшино уности моея, спасися и ты, брате и поспешителю Ярославе, спасися и ты, брате и враже Святопълче, спасетеся и вы, братие и дружино, вьси спасетеся! Уже не имам вас видети въ житии семь, зане разлучаем есмь от вас съ нужею». И глаголааше плачася: «Василие, Василие, отьче мой и господине! Приклони ухо твое и услыши глас мой, и призьри и вижь приключьшаяся чаду твоему, како без вины закалаем есмь. Увы мне, увы мне! Слыши небо и вънуши земле. И ты, Борисе брате, услыши гласа моего. Отьца моего Василия призъвах и не послуша мене, то ни ты не хочеши мене послушати? Вижь скьрбь сьрдьца моего и язву душа моея, вижь течение сльз моих, яко реку! И никто же не вънемлеть ми, нъ ты убо помяни мя и помолися о мне къ обьщему Владыце, яко имея дьрзновение и престоя у престола его».

И начат, преклонь колене, молитися сице: «Прещедрый и премилостиве Господи! Сльз моих не премълчи, нъ умилися на мое уныние. Вижь съкрушение сьрдьца моего: се бо закалаем есмь, не вемь, чьто ради, или за котерую обиду не съведе. Ты веси, Господи, Господи мой! Вемь тя рекъша къ своим апостоломъ, яко: «За имя мое, мене ради възложать на вы рукы, и предани будете родъмь и другы, и брат брата предасть на съмьрть и умьртвять вы имене моего ради». И пакы: «Въ тьрпении вашемь сътяжите душа ваша». Вижь, Господи, и суди: се бо готова есть душа моя пред тобою, Господи! И тебе славу въсылаем, Отьцю и Сыну и святууму Духу, ныне и присно и въ векы веком. Аминь».

Тače възьрев къ ним умиленъмь гласъмь и измълкъшьмь грьтаньмь рече: «То уже сътворивъше приступльше сътворите, на не же посълани есте!»

Тъгда оканьный Горясер повеле зарезати й въбързе. Повар же Глебов, именьмь Търчин, изьм нож и, им блаженааго, и закла й, яко агня непорочно и безлобиво, месяца септября въ 5 дьнь, въ понеделник.

И принесеся жьртва чиста Господеви и благовоньна, и възиде въ небесныя обители къ Господу, и узьре желаемааго си брата *и* въсприяста веньца небесныя его же и въжелеста, и въздрадовастася радостию великою неиздреченьною, юже и улучиста.

Оканьнии же они убоице възвративъшеся къ посълавъшюуму я́, яко же рече Давыд: «Възвратяться грешьници въ ад и вьси забывающии Бога». И пакы: «Оружие *извлекоша* грешьници, напрягоша лук свой заклати правыя сьрдьцьмь и оружие их вънидеть въ сьрдьца их, и луци их съкрушаться, яко грешьници погыбънуть». И яко съказаша Святопълку, яко «сътворихом повеленое тобою», и си слышав, възнесеся срьдьцьмь, и събысться реченое псалмопевьцемь Давыдъмь: «Чьто ся хвалиши сильныи о зълобе? Безаконие вь сь дьнь неправьду умысли язык твой. Възлюбил еси зълобу паче благостыне, неправьду неже глаголаати правьду. Възлюбил еси вься глаголы потопьныя и язык льстьв. Сего ради раздрушить тя Бог до коньца, въстьргнеть тя и преселить тя от села твоего, и корень твой от земля живущих».

Убиену же Глебови и повьржену на пусте месте межю дъвема колодама. И Господь не оставляяй своихъ раб, яко же рече Давыд: «Хранить Господь вься кости их, и ни едина от них съкрушиться».

И сему убо святууму лежащю дълго время, не остави въ неведении и небрежении отинудь пребыти невредену, нъ показа: овогда бо видеша стълпъ огньнъ, овогда свеще горуще и пакы пения ангельская слышааху мимоходящии же путьмь гостие, ини же, ловы деюще и пасуще. Си же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго, дондеже Ярослав, не тьрпя сего зълааго убийства, движеся на братоубийца оного, оканьньнааго Святоплъка и брани мъногы съ нимь съставив. И вьсегда пособиемь Божиемь и поспешениемь святою, победив елико брани състави, оканьный посрамлен и побежен възвращаашеся.

Прочее же сь трьклятыи прииде съ множьствъмь печенег, и Ярослав, съвъкупив воя, изиде противу ему на Льто и ста на месте, иде же бе убиен святый Борис. И въздев руце на небо и рече: «Се кръвь брата моего въпиеть къ тебе, Владыко, яко же и Авелева преже. И ты мьсти его, яко же и на ономь положи стонание и трясение на братоубийци Каине. Ей, молю тя, Господи, да въсприимуть противу тому! Аще и телъмь ошьла еста, нъ благодатию жива еста и Господеви предъстоита и молитвою помозета ми!»

И си рек, и поидоша противу собе и покрыша поле Льтьское множьствъмь вой. И съступишася, въсходящю сълнцю, и бысть сеча зла отинудь и съступашася тришьды, и бишася черес дьнь вьсь, и уже къ вечеру одоле Ярослав, а сь оканьныий Святопълк побеже. И нападе на нь бес, и раслабеша кости его, яко не мощи ни на кони седети, и несяхуть его на носилех. И прибегоша Берестию съ нимь. Он же рече: «Побегнете, осе женуть по нас!» И посылахуть противу, и не бе ни гонящааго, ни женуща-

аго въ след его. И, лежа въ немощи, въсхопивъся глаголааше: «Побегнемы еще, женуть! Ох мне!» И не можааше търпети на единомь месте, и пробеже Лядьску землю гоним гневъмь божиемь. И прибеже въ пустыню межю Чехы и Ляхы, и ту испроврьже живот свои зъле. И прият възмьздие от Господа, яко же показася посъланая на нь пагубьная рана и по съмьрти муку вечьную. И тако обою животу лихован бысть: и сьде не тъкъмо княжения, нъ и живота гонезе, и тамо не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития погреши, нъ и муце и огню предасться. И есть могыла его и до сего дьне, и исхо́дить от нее смрад зълый на показание чловеком. Да аще кто си сътворить слыша таковая, си же прииметь и вящьша сих. Яко же Каин, не ведый мьсти прияти и едину прия, а Ламех, зане ведев на Каине, темь же седмьдесятицею мьстися ему. Така ти суть отъмьстия зълыим делателем, яко же бо Иулиян цесарь, иже мъногы кръви святыих мученик про́лияв, горькую и нечеловечьную съмьрть прия: не ведомо от кого *прободен* бысть копиемь въ сьрдьце въдружен. Тако и сь бегая не ведыи ся от кого зълострастьну съмьрть прия.

И оттоле кромола преста въ Русьске земли, а Ярослав прея вьсю волость Русьскую. И начат въпрашати о тъльсьх святою, како или кде положена еста. И о святемь Борисе поведаша ему, яко Вышегороде положен есть. А о святемь Глебе не вьси съведяаху, яко Смолиньске убиен есть. И тъгда съказаша ему, яже слышаша от приходящиих отътуду, како видеша свет и свеще въ пусте месте. И то слышав, посъла Смолиньску на възискание презвутеры, рекый, яко: «То есть брат мой». И обретоша и́, иде же беша видели, и шьдъше съ крьсты и съ свещами мъноземи и съ кандилы, и съ чьстию многою, и въложьше въ корабль, и пришедъше положиша и́ Вышегороде, иде же лежить и тело преблаженааго Бориса, и раскопавъше землю и тако же положиша и недоумеюще, яко же бе лепо пречьстьне.

Се же пречюдьно бысть и дивьно и памяти достойно; како и колико лет лежав тело святаго, то же не врежено пребысть, ни от коего же плътоядьца, ни беаше почьрнело, яко же обычай имуть телеса мьртвых, нъ светьло и красьно и цело и благу воню имущю. Тако Богу съхранивъшю своего страстотьрпьца тело.

И не ведяху мнози ту лежащю святою страстотьрпьцю телесу. Нъ яко же рече Господь: «Не можеть град укрытися врьху горы стоя, ни свеще въжьгъше, спудъмь покрывають, нъ на светиле поставляють, да светить тьмьныя». Тако и си святая постави светити въ мире, премногыими чюдесы сияти въ Русьскей стороне велицей, иде же множьство стражющих съпасени бывають: слепии прозирають, хромии быстрее сьрны рищуть, сълуции простьрение приемлють.

Нъ или могу вься съповедати или съказаати творимая чюдесы, по истине ни вьсь миръ можеть понести, яже деються предивьная чюдеса и паче песька морьскааго. И не ту единде, нъ и по вьсем сторонам и по вьсем землям преходяща, болезни вься и недугы

отъгонита, сущиих въ тьмьницахъ и въ узах посещающа. И на местех иде же мученьчьскыимь веньцьмь увязостася, съзьдане быста цьркви въ имя ею. Да и ту тако же многа чюдеса посещающа съдеваета.

Темь же ваю како похвалити не съвем или чьто рещи недоумею и не възмогу. Ангела ли ва нареку, имь же въскоре обретаетася близ скърбящиих, нъ плътьскы на земли пожила еста въ человечьстве. Чловека ли ва именую, то паче всего чловечьска ума преходита множьствъмь чюдес и посещениемь немощьныих. Цесаря ли князя ли ва проглаголю, нъ паче чловека убо проста и съмерена съмерение бо сътяжала еста, имь же и высокая места и жилища въселистася.

По истине вы цесаря цесарем и князя кънязем, ибо ваю пособиемь и защищениемь князи наши противу въстающая дьржавьно побежають, и ваю помощию хваляться. Вы бо тем и нам оружие, земля Русьскыя забрала и утвьржение и меча обоюду остра, има же дьрзость поганьскую низълагаем и дияволя шатания въ земли попираем. По истине несумьньне рещи възмогу: вы убо небесьная чловека еста, земльная ангела, стълпа и утвьржение земле нашея. Темь же и борета по своемь отьчьстве и пособита, яко же и великий Димитрий, по своемь отьчьстве. Рек: «Аще убо и веселящемъся им съ ними бех, тако же и погыбающем им съ нимь умьру». Нъ обаче сий великый милъсьрдый Димитрий о единомь граде сице извеща, а вы не о единомь бо граде, ни о дъву, ни о вьси попечение и молитву въздаета, нъ о всей земли Русьскей!

О блаженая убо гроба приимъши телеси ваю чьстьнеи акы съкровище мъногоценьно! Блаженая цьркы, въ ней же положене быста раце ваю святеи, имущи блаженеи телеси ваю, о Христова угодьника! Блажен по истине и высок паче всех град Русьскыих и выший град, имый въ себе таковое скровище. Ему же не тъчьн ни вьсь мир. Поистине Вышегород наречеся — выший и превыший город всех; въторый Селунь явися въ Русьске земли, имый въ себе врачьство безмьздьное, не нашему единому языку тъкъмо подано бысть Бъгъмь, нъ и вьсей земли спасение. От всех бо стран ту приходяще туне почьреплють ицеление, яко же и въ святыих Евангелиих Господь рече святым апостолом, яко: «Туне приясте, туне и дадити». О сих бо и сам Господь рече: «Веруяй въ мя, дела, яже аз творю и тъ сътворит и больша тех».

Нъ о блаженая страстотьрпьца Христова, не забываита отьчьства, иде же пожила еста въ тели, его же всегда посетъмь не оставляета. Тако же и въ молитвах вьсегда молитася о нас, да не придеть на ны зъло, и рана да не *приступить* къ телеси раб ваю. Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо дал есть Бог о нас молящася и ходатая къ Богу за ны. Темь же прибегаем къ вама, и съ сльзами припадающе, молимъся, да не придеть на ны нога гърдыня и рука грешьнича не погубить нас, и вьсяка пагуба да не наидеть на ны, глад и озълобление от нас далече отъженета и всего меча браньна избавита нас, и усобичьныя брани чюжа сътворита и вьсего греха и нападения

заступита нас, уповающиих къ вама. И къ Господу Богу молитву нашю усьрдьно принесета, яко съгрешихом зело и безаконьновахом премъного, и бещиньствовахом паче меры и преизлиха. Нъ ваю молитвы надеющеся къ Спасу възъпием глаголюще: «Владыко, единый без греха! Призьри съ небесе святаго твоего на нас убогых, елма же съгрешихом, нъ ты оцести, и безаконьновахом, ослаби, претъкнухомъся по пременении, яко блудьницю оцести ны и яко мытоимьца оправи!

Да придеть на ны милость твоя! Да въсканеть на ны человеколюбие твое! И не ослаби ны преданом быти грехы нашими, ни усънути, ни умрети *горькою* съмьртию, нъ искупи ны от настаящааго зла и дажь ны время покаянию, яко многа безакония наша пред тобою, Господи! Сътвори съ нами по милости твоей, Господи, яко имя твое нарицаеться въ нас, нъ помилуй ны и ущедри и заступи молитвами пречьстьною страстотьрпьцю твоею. И не сътвори нас въ понос, нъ милость твою излей на овьца пажити твоея, яко ты еси Бог нашь и тебе славу въсылаем Отьцю и Сыну и святууму Духу ныне и присно и въ векы веком. Аминь».

О Борисе, как бе възрѣм.

Сь убо благоверьный Борис благога корене сый послушьлив отцю бе, покаряяся при всемь отцю. Телъмь бяше красьн, высок, лицьмь круглъмь, плечи велице, тънък въ чресла, очима добраама, весел лицьмь, *борода* мала и ус млад бо бе еще, светяся цесарьскы, крепък телъмь, вьсячьскы украшен акы цвет цвьтый въ уности своей, въ ратьх хръбър, въ съветех мудр и разумьн при вьсемь и благодать божия цвьтяаше на немь.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

(Перевод)

Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу

Господи, благослови, Отче.

«Род праведных благословится, — сказал пророк, — и потомки их благословенны будут».

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время, а о страстотерпцах этих поведаем все по порядку.

Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены, но от разных матерей. Старший среди них — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийст-

во. Мать его, гречанка, прежде была монахиней, и брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее этого окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же поведаем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир этого окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что.

Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них. И это сильно печалило его, и призвал он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом[1], блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник[2] сказал: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове[3] и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увы мне! Как ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честно́е тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа мой разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую пе-

чаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола[4] сказано: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?[5]». И решил в сердце своем: «Да будет воля твоя, Господи!» Про себя же думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы[6], и шелка, серебро и золото, вина и меды, явства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было никогда. Все с ним исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытав, все видев, всем овладев и все собрав, рассмотрев все это, сказал: «Суета сует — все суета!» Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и красоту телесную и духовную. И каждый в душе своей стенал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знаю, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред Господом моим, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью тайно в Вышгород, призвал к себе Путьшу и вышегородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путьша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина[7], замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк сказал: «Скоры они на подлое убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, — нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте[8]. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками[9] своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми святыми твоими, ты Бог милостивый, и славу тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары[10] был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда и украшение им от всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук Вседержителя. И, проснув-

шись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню[11]». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь[12]. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня» — и остальные псалмы, до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня», продолжил: «Господи Боже мой! На тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон[13]. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня принять страдание!»

И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим. Не захотел ты сам избегнуть мук, ничего не пожелал себе, последуя заповедям апостола: «Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится». И еще: «В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх». Поэтому, Владыка, душа моя в руках твоих всегда, ибо не забыл я твоей заповеди. Как Господу угодно — так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благости исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия и обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честно́е и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!» Был же он родом венгр по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной[14], и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили.

А раненый Борис выскочил в оторопе из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться Богу». И воззрев на небо со слезами, и горько вздохнув, начал молиться такими словами: «Госпо-

ди Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига, достойного святых мучеников! Слава тебе, Владыка-человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава тебе, Христос, слава безмерному твоему милосердию, ибо направил ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравняли с овном, уготовленным на убой. Ведь ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же сколько смог воздвиг против меня. «Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы я от него». Но ты, Господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И воззрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышали слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных, но с горькими воздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стенал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честны́ми, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских[15].

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли потом опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался и восприял неувядаемый венец. И, принесши тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства.

Так говорил в душе своей окаянной: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстерегши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изгложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжко болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и повредил Глеб себе ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни[16], в ладье. А в это время пришла весть от Предславы[17] к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение восприять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, и орошал слезами землю, и призывал Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепых зверей душу имеющие.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из

рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте». Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя».

И ни единое слово не устыдило их, но, как свирепые звери, напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин. Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих, как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед владыкой всех, ибо ты угоден ему и предстоишь пред престолом его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый Господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, Господи Боже мой! Помню слова, сказанные тобою своим апостолам: «За имя мое, меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени моего». И еще: «Терпением укрепляйте души свои». Смотри, Господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред тобою, Господи! И тебе славу возносим, Отцу и Сыну и святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид[18]: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильный? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой льстивый. Поэтому Бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но Господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволеньем Божьим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева [19], вопиет к тебе, Владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, Господи, — да получат отмщение! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью[20]. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Ляшскую землю, гонимый гневом божьим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа, как показала это посланная на него кара гибельная: по смерти — мука вечная. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех[21], знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был. Такова месть творящим зло: вот Юлиан[22] цесарь — пролил он много крови святых мучеников, и постигла его страшная и бесчеловечная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался.

И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать, в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью[23], и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как сказал Господь: «Не может укрыться город, стоящий на

верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы освещала тьму». Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Не могу я описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Дмитрий[24] своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердый Дмитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О блаженны гробы, принявшие ваши честны́е тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела ваши, о Христовы угодники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышгородом — выше и превыше всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий безвозмездно, с божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых евангелиях Господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и сам Господь сказал:

«Верующий в меня, в дела, которые я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Воззри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй, и, впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай!

Да снизойдет на нас милость твоя! Да прольется на нас человеколюбие твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред тобою, Господи! Рассуди нас по милости твоей, Господи, ибо имя твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость твою на овец стада твоего, ведь ты Бог наш и тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

О Борисе, каков был видом.

Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покоряяся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, борода небольшая и ус молодой еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен — точно цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать Божия цвела в нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Роман* — крестное имя Бориса; крестное имя Глеба — Давыд.

[2] *Приточник* — составитель библейской книги притчей. Им считался Соломон — царь Израильско-Иудейского царства (X в. до н.э.).

[3] *Берестово* — княжеское село под Киевом.

[4] *Апостол* — здесь имеется в виду послание апостола Иоанна. Апостолом называется также книга, состоящая из деяний и посланий апостолов.

[5]*Иосиф и Вениамин* — библейские персонажи, младшие сыновья Иакова от Рахили. Старшие братья (Иаков любил Иосифа больше других сыновей) из зависти продают Иосифа в рабство в Египет, уверяя отца, что мальчика растерзали хищные звери. После различных злоключений Иосиф становится первым после фараона человеком в Египте. Со временем происходит встреча и прощение Иосифом братьев. В рассказе об этих событиях, наполненном многочисленными и сложными перипетиями, подчеркивается любовь Иосифа к Вениамину не только как к единоутробному брату, но и как к неучаствовавшему в заговоре остальных братьев против него. Встреча Иосифа с Вениамином и узнавание ими друг друга стала в христианской литературе символом верной и горячей братской любви.

[6]*Багряница* — царское одеяние, порфира.

[7]*Каин* — библейский персонаж, сын Адама и Евы. Из зависти убил своего младшего брата Авеля.

[8]*Альта* — река, впадающая в реку Трубеж недалеко от Киева.

[9]*Отроки* — слуги, телохранители князя.

[10]*Никита, Вячеслав, Варвара* — святые, погибшие за верность христианству от рук своих близких родственников: Никита, царский сын, убит отцом, не признавшим христианство; Вячеслав (Вацлав) — чешский князь (921—929) убит братом Болеславом I; Варвара за исповедание христианской веры казнена отцом-язычником.

[11]*Заутреня* — утреннее богослужение.

[12]*Псалтырь* — одна из книг Библии, состоящая из хвалебных песнопений — псалмов. Библейская традиция приписывает создание Псалтыри Давиду, полулегендарному царю Израильско-Иудейского государства (конец XI — начало X в. до н.э.).

[13]*Канон* — церковное песнопение.

[14]См. примечание 22 к «Слову о Законе и Благодати» Илариона.

[15]Календами, согласно древнеримскому календарному счету, назывались первые дни каждого месяца. В счете по календам дни отсчитывались **назад** (исходная дата включалась в счет дней), поэтому дата 24 июля соответствовала девятому дню перед августовскими календами (от 1 августа по 24 июля включительно — 9 дней).

[16]*Смядынь* — река в Смоленской земле.

[17]*Предслава* — родная сестра Ярослава, находившаяся во время описываемых событий в Киеве.

[18]См. примечание 12.

[19]См. примечание 7.

[20]*Берестье* — город на реке Мухавец, при впадении ее в реку Буг, совр. Брест.

[21]*Ламех* — один из потомков Каина, также совершивший убийство.

[22]*Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан)* — римский император (361—363), восстановивший в Римской империи язычество и преследовавший христиан. Погиб от вражеской стрелы во время похода на персов. Имя Юлиана в христианской литературе стало нарицательным именем гонителя христиан.

[23]В Древней Руси покойника либо везли в санях (в любое время года), либо несли в ладье.

[24]См. примечание 14 к «Повести временных лет».

Житие Феодосия Печерского
(Отрывки)

Одним из древнейших русских монастырей был Киево-Печерский. Он основан в середине XI в. монахом Антонием в пещерах под Киевом (в настоящее время входит в черту города). Большую роль в истории монастыря сыграл его постриженик, а затем игумен — Феодосий. В 80-х годах XI в. Нестором, составителем «Повести временных лет» и автором «Чтения о Борисе и Глебе», было написано «Житие Феодосия». Это самое раннее из дошедших до нас житие монастырского подвижника.

Нестор писал свое произведение по канонам житийного жанра, соблюдая

этикетные требования, предъявляемые к этому роду литературных произведений: святой рождается от благочестивых родителей, с раннего детства отличается аскетизмом, любовью к церкви и церковным обрядам, став монахом ведет подвижническую жизнь, успешно противостоит козням дьявола и свершает чудеса; свой рассказ о жизненном пути святого Нестор все время перебивает религиозно-нравственными отступлениями. Все эти этикетные положения описаны Нестором с большим литературным мастерством. Несторово «Житие Феодосия» отличается жизненностью ряда ситуаций и положений, психологичностью отдельных мотивов (взаимоотношения Феодосия с матерью). В «Житии» ярко отразились монастырский быт и нравы эпохи, исторические события того времени. Благодаря этому житийное произведение приобретает характер увлекательного жизнеописания яркой, незаурядной личности. Нестор широко использовал в своем сочинении устные предания о Феодосии. В этих особенностях «Жития» заключается его художественная и историческая значимость. «Житие Феодосия Печерского» стало эталоном, классическим образцом для более поздних агиографов: во многих житиях основателей северорусских монастырей не только использованы ситуации, отдельные положения «Жития Феодосия», но подчас и заимствованы целые отрывки текста.

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 1. С. 304—391.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

(Древнерусский текст)

Житие преподобнаго отьца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго

Господи, *благослови Отьче.*

Благодарю тя, Владыко мой, Господи Иисусе Христе, яко съподобил мя еси недостойнааго съповедателя быти святыим твоим въгодьником, се бо испьрва писавъшю ми о житие и о погублении и о чюдесьх святою и блаженою страстотрьпьцю Бориса и Глеба, понудих ся и на другое исповедание приити, еже выше моея силы, ему же и не бех достоин — груб сы и неразумичьн. Къ сим *же яко и* не бех учен *никоеиждо* хытрости, нъ въспомянух, Господи, слово твое, рекъшее: «Аще имате веру яко и зьрно горущьно и речете горе сей: преиди и въврьзися въ море, и абие послушаеть вас». Си на уме азъ грешьный Нестер приим и оградивъся верою и упованиемь, яко вься възможьна от тебе суть, начатък слову списания положих, еже о житии преподобнаага отьца нашего Феодосия, бывъша игумена манастыря сего святыя владычице нашея Богородице, его же и день усъпение ныне праздьнующе память творим. Се же якоже, о братие, въспоминающю ми житие преподобнаага, не сущю же съписану ни от *кого* же, печалию по вься дни съдрьжим бех и *моляхъся Богу*, да съподобить мя по ряду съписати о житии богоносьнааго отьца нашего Феодосия.⟨...⟩

Град есть отстоя от Кыева, града стольнааго, 50 попьрищь; *именемь Васильев*. Въ томь беста родителя святаго въ вере крьстияньстей живуща и всячьскыимь благочьстиюмь укршена. Родиста же блаженаго детища сего, таче въ осмый дьнь принесоста й къ святителю божию, якоже обычай есть крьстияном, да

имя детищю нарекуть. Прозвутер же, видев детища и сърдьчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада Богу датися, Феодосиемь того *нарицаеть*. Таче же, яко и минуша 40 дьний детищю, крьщениемь того освятиша. Отроча же ростяше, кърмим родителема своима, и благодать Божия съ нимь, и Дух святый измлада въселися въ нь.

Къто исповесть милосьрдие Божие! Се бо не избьра от премудрыхъ философ, ни от властелин град пастуха и учителя инокыим, нъ — да о семь прославиться имя Господне — яко груб сы и невежа премудрей философ явися. О утаения тайно! Яко отнюдуже не бе начаятися, оттудуже въсия нам деньница пресветла, якоже от всех стран видевъше свьтение ея, тещи к ней, вся презревъше, тоя единоя света насытитися. О благости Божия! Еже бо испьрва место назнаменав и благословив, пажить створи, на немь же хотяше паствитися стадо богословесьных овьць, донъдеже пастуха избьра.

Бысть же родителема блаженаго преселитися въ ин град Курьск нарицаемый, князю тако повелевъшю, паче же реку — Богу сице изволивъшю, да и тамо добляаго отрока житие просияеть, нам же, якоже есть лепо, от въстока дьньница възидеть, събирающи окрьст себе ины многы звезды, ожидающи солнца правьдьнааго, Христа Бога.⟨...⟩

Мы же пакы поидем на прьвое исповедание святааго сего отрока. Растый убо телъмь и душею влеком на любъвь Божию, и хожаще по вся дьни въ цьркъвь Божию, послушая божьствьных книг съ всемь вънимание мь. Еще же и къ детьм играющим не приближашеся, якоже обычай есть унымъ, нъ и гнушашеся играм их. Одежа же его бе худа и сплатана. О семь же многашьды родителема его нудящема ѝ облещися въ одежю чисту и на игры съ детьми изити. Он же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко един от убогых. Къ сим же и датися *веля* на учение божьствьных книг единому от учитель; якоже и створи. И въскоре извыче вся граматикия, и якоже всем чюдитися о премудрости и разуме детища и о скоремь его учении. Покорение же его и повиновение къто исповесть, еже сътяжа въ учении своемь не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ всем учащимъся *с ним*?

Въ то же время отьць его житию коньць прият. Сущю же тъгда божьствьному Феодосию 13 лет. Оттоле же начат на труды паче подвижьней бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и делати съ всякыимь съмерениемь. Мати же его оставляше ѝ, не велящи ему тако творити, моляше ѝ пакы облачитися въ одежю светьлу и тако исходити ему съ съвьрьстьникы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко, тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши. Оному о томь не послушаюшю ея, и *такоже* многашьды ей от великыя ярости разгневатися на нь и бити ѝ, бе бо и телъмь крепъка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не видев ея, ти слышааше ю̓ беседующю, то начьняше мьнети мужа ю̓ суща.

Къ сим же пакы божьствьный уноша мысляаше, како и кымь

образъмь спасеться. Таче слыша пакы о святых местех, идеже Господь нашь Иисус Христос плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися им. И моляшеся Богу, глаголя: «Господи Иисус Христе мой! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя места и съ радостию поклонитися им». И тако многашьды молящюся ему, и се приидоша страньници въ град тъ, иже и видев я́ божьствьный уноша и рад быв, тек, поклонися им, и любьзно целова я́, и въпроси я́, отъкуду суть и камо идуть. Онем же рекъшем, яко от святых мест есм, и, аще Богу велящю, хощем въспять уже ити. Святый же моляше я́, да и поимуть въ след себе и съпутьника и́ *сътворяют* съ собою. Они же обещашася пояти и́ съ собою и допровадити и́ до святых мест. Таче се слышав блаженый *Феодосий*, еже обещашася ему, рад быв, иде въ дом свой. И егда хотяху страньнии отъити, възвестиша уноши свой отход. Он же, въстав нощию и не ведущю никомуже, *тай* изиде из дому своего, не имый у себе ничсоже, разве одежа, въ ней же хожаше, и та же худа. И тако изиде въ след страньных. Благый же Бог не попусти ему отъити от страны сея, его же и-щрева матерьня и пастуха быти въ стране сей богогласьныих овьць назнамена, да не пастуху убо отшьдъшю, да опустееть пажить, юже Бог благослови, и тьрние и вълчьць въздрастеть на ней, и стадо разидеться.

По трьх убо дьньх уведевъши мати его, яко съ страньныими отъиде, и абие погъна въ след его, тъкъмо единого сына своего поимъши, иже бе мьний блаженааго Феодосия. Таче же, яко гънаста путь мъног, ти тако пристигъша, яста и́, и от ярости же и гнева мати его имъши и́ за власы, и поврьже и́ на земли, и своима ногама пъхашети и́, и страньныя же много коривъши, възвратися въ дом свой, яко некоего зълодея ведущи съвязана. Тольми же гневъмь одрьжима, яко и въ дом ей пришьдъши, бити и́, дондеже изнеможе. И по сих же, въведъши и́ въ храм и ту привяза и́, и затворьши, и тако отъиде. Божьствьный же уноша вься си съ радостию приимаше, и Бога моля, благодаряше о вьсех сих. Таче пришедъши мати его по двою дьнию отреши и́ и подасть же ему ясти, еще же гневъмь одьржима сущи, възложи на нозе его железа, ти тако повеле ему ходити, блюдущи, да не пакы отъбежить от нея. Тако же сътвори дьни мъногы ходя. По томь же пакы умилосрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увещавати и́, да не отъбежить от нея, любляше бо и́ зело паче инех и того ради не тьрпяше без него. Оному же обещавъшюся ей не отъити от нея, съня железа съ ногу его, повелевъши же ему по воли творити, еже хощеть. Блаженый же Феодосий на прьвый подвиг възвратися и хожаше въ цьркъвь Божию по вся дьни. Ти видяше, яко многашьды лишаеме сущи литургии, проскурьнааго ради непечения, жаляшеси о томь зело и умысли же сам своимь съмерениемь отълучитися на то дело. Еже и сътвори: начат бо пещи проскуры и продаяти, и еже аще прибудяше ему къ цене, то дадяше нищим. Ценою же пакы купяше жито и, своима рукама измъл, пакы проскуры творяше.

Се же тако Богу изволивъшю, да проскуры чисты приносяться въ цьркъвь Божию от непорочьнаго и несквьрньнааго отрока. Сице же пребысть двенадесяте лете или боле творя. Вьси же съврьстьнии отроци его ругающеся ему, укаряхути и́ о таковемь деле, и тоже врагу научающю я. Блаженый же вься си съ радостию приимаше, съ мълчаниемь и съ съмерениемь.

Ненавидя же испьрва добра золодей враг, видя себе побежаема съмерениемь богословесьнааго отрока, и не почиваше, хотя отъвратити и́ от таковаго дела. И се начат матерь его поущати, да ему възбранить от таковааго дела. Мати убо, не търпящи сына своего въ такой укоризне суща, и начат глаголати съ любъвию к нему: «Молю ти ся, чадо, останися таковааго дела, хулу бо наносиши на род свой, и не трьплю бо слышати отъ вьсех укаряему ти сущю о таковемь деле. И несть бо ти лепо, отроку сущю, таковааго дела делати». Таче съ съмерениемь божьствьный уноша отъвещавааше матери своей, глаголя: «Послушай, о мати, молю ти ся, послушай! Господь бо Иисус Христос сам поубожися и съмерися, нам образ дая, да и мы его ради съмеримъся. Пакы же поруган бысть и опльван и заушаем, и вься претьрпев нашего ради спасения. Кольми паче лепо есть нам трьпети, да Христа приобрящем. А еже о деле моемь, мати моя, то послушай: егда Господь нашь Иисус Христос на вечери възлеже съ ученикы своими, тъгда приимъ хлеб и благословив и преломль, даяше ученикомъ своим, глаголя: «Приимете и ядите, се есть тело мое, ломимое за вы и за мъногы въ оставление грехов». Да аще сам Господь нашь плъть свою нарече, то кольми паче лепо есть мне радоватися, яко съдельника мя съподоби Господь плъти своей быти». Си слышавъши мати его и чюдивъшися о премудрости отрока и отътоле нача оставатися его. Нъ враг не почиваше, остря ю́ на *възбранение* отрока о таковемь его съмерении. По лете же единомь пакы видевъши его пекуща проскуры и учьрнивъшася от ожьжения пещьнаго, съжалиси зело, пакы начат оттоле бранити ему овогда ласкою, овогда же грозою, другоици же биющи и́, да ся останеть таковаго дела. Божьствьный же уноша въ скърби велице бысть о томь, и недъумея, чьто створити. Тъгда же, въстав нощию отай *изиде* из дому своего, и иде въ ин град, не далече сущь *оттоле*, и обита у прозвутера, и делааше по обычаю дело свое. Потомь же мати его, яко его искавъши въ граде своемь и не обрете его, съжалиси по немь. Таче... по дьньх мнозех слышавъши, къде живеть, и абие устрьмися по нь съ гневъмь великъмь, и пришедъши въ прежереченый град и, искавъши, обрете и́ въ дому презвутерове, и имъши, влечаше и́ въ град свой биющи. И въ дом свой приведъши и запрети ему, глаголющи, яко «къ тому не имаши отити мене; елико бо аще камо идеши, аз, шедъши и обретъши тя, съвязана биющи приведу въ сий град». Тъгда же блаженый Феодосий моляшеся Богу, по вся дьни ходя въ цьркъвь Божию, бе же съмеренъ сьрьдцьмь и покорив къ вьсем.

Якоже и властелин града того, видев отрока въ такомь съмерении

и покорении суща, възлюби и́ зело и повеле же ему, да *пребываеть* у него въ цьркви, *въдасть* же ему и одежю светьлу, да ходить въ ней. Блаженый же Феодосий пребысть въ ней ходя мало дьний, *яко* некую тяжесть на собе нося, тако пребываше. Таче съньм ю́, отдасть ю́ нищим, сам же въ худыя пърты обълкъся, ти тако хожаше. Властелин же, видевы и́ тако ходяша, и пакы ину въдасть одежю, вящьшю пьрвыя, моля и́, да ходить въ ней. Он же съньм и ту отъда. Сице же многашьды сътвори, якоже судии то уведевъшю, большимь начат любити и́, чюдяся съмерению его. По сих же божьствьный Феодосий шед къ единому от кузньць, повеле ему железо съчепито съковати, иже и възьм и препоясася имь въ чресла своя, и тако хожаше. Железу же узъку сущю и грызущюся въ тело его, он же пребываше, яко ничсоже скърбьна от него приемля телу своему.

Таче, яко ишьдъшем дьньм мъногом и бывъшю дьни праздничнину, мати его начать велети ему облещися въ одежю светьлу на служение вьсем бо града того вельможам, въ тъ дьнь възлежащем на обеде у властелина. И повелено бе убо блаженууму Феодосию предъстояти и служити. И сего ради поущашети и́ мати его, да облечеться въ одежю чисту, наипаче же якоже и слышала бе, еже есть сътворил. Якоже ему облачащюся въ одежю чисту, прост же сы умъмь неже блюдыйся ея. Она же прилежьно зьряаше, хотящи истее видети, и се бо виде на срачици его кръвь сущю от възгрызения железа. И раждьгъшися гневъмь на нь, и съ яростию въставъши и растьрзавъши сорочицю на немь, биющи же и́, отъя железо от чресл его. Божий же отрок, яко ничьсоже зъла прият от нея, обълкъся и, шед, служаше пред възлежащими съ вьсякою тихостию.

Таче по времени пакы некоторемь слыша въ святемь еуангелии Господа глаголюща: «Аще кто не оставить отьца или матере и въ след мене не идеть, то несть мене достоин». И пакы: «Придете къ мъне вьси тружающиеся и *обремененип*, и аз покою вы. Възьмете ярьм мой на ся и научитеся от мене, яко крътък есмь и съмерен сьрдьцьмь, и обрящете покой душам вашим». Си же слышав богодъхновеный Феодосий и раждьгъся божьствьною рьвьностию и любъвию, и дышаниемь божиемь, помышляаше, како или кде пострещися и утаитися матере своея. По сълучаю же Божию отъиде мати его на село, и якоже пребыти ей тамо дьни мъногы. Блаженый же, рад быв, помоливъся Богу, и изиде отай из дому, не имый у себя ничьсоже, разве одежа, ти мало хлеба немощи деля телесьныя. И тако устрьмися къ Кыеву городу, бе бо слышал о манастырих ту сущиих. Не ведый же пути, моляшеся Богу, да бы обрел съпутьникы, направляюща и́ на путь желания. И се по приключаю Божию беша идуще путьмь *темь* купьци на возех съ бремены тяжькы. Уведев же я́ блаженый, яко въ тъ же град идуть, прослави Бога и идяшеть въ след их издалеча, не являяся им. И онем же ставъшем на нощьнемь становищи, блаженый же не доида, яко и зьреимо их, ту же опочиваааше, единому Богу съблюдающю и́.

И тако идый трьми неделями доиде прежереченааго *града. Егда* же пришед и обьходи вся манастыря, хотя быти мних и моляся им, да прият ими будеть. Они же видевъше отрока простость и ризами же худами облечена, не рачиша того прияти. Сице же Богу изволивъшю тако, да на место, идеже бе Бъгъмь от уности позъван, на то же ведешеся.

Тъгда же бо слышав о блаженемь Антонии, живущиимь въ пещере, и окрилатев же умъмь устрьмися къ пещере. И пришьд къ преподобьнуму Антонию, его же видев и, пад, поклонися ему съ сльзами, моляся ему, да бы у него был. Великый же Антоний, казаше и́, глаголя: «Чадо, видиши ли пещеру сию, скьрбьно суще место и теснейше паче инех мест. Ты же ун сый, якоже мню, и не имаши трьпети на месте семь скърби». Се же не тъкмо искушая и́ глаголаше, нъ и прозорочьныма очима прозря, яко тъ хотяше въградити сам мест то и манастырь славьн сътворити на събьрание множьству чьрньць. Богодъхновеный же Феодосий отвеща ему съ умилениемь: «Вежь, чьстьный отьче, яко проразумьник всячьскых Бог приведе мя къ святости твоей и спасти мя веля, темьже, елико ми велиши сътворити, сътворю». Тъгда глагола ему блаженый Антоний: «Благословен Бог, чадо, укрепивый тя на се тъщание, и се место — буди въ немь». Феодосий же, пакы пад, поклонися ему. Таче благослови и́ старьць и повеле великому Никону остречи и́, прозвутеру тому сущю и чьноризьцю искусьну, иже и поим блаженаго Феодосиа и по обычаю святыих отьць остригы и облече и́ въ мьнишьскую одежю.

Отьць же нашь Феодосий предавъся Богу и преподобьнууму Антонию, и оттоле подаяшеся на труды телесьныя, и бъдяше по вся нощи въ славословлении Божии, съньную тягость *отвръг*, къ въздьржанию же и плътию своею тружаяся, рукама дело свое делая и въспоминая по вься дьни псалъмьское оно слово: «Вижь съмерение мое и труд мой и остави вься грехы моя». Темь вьсь съ вьсемь въздьржаниемь душю съмеряаше, тело же пакы трудъмь и подвизаниемь дручааше, яко дивитися преподобьнууму Антонию и великому Никону съмерению его, и покорению, и толику его въ уности благонравьству, и укреплению, и бъдрости. И вельми о вьсемь прослависта Бога.

Мати же его много искавъши въ граде своемь и въ окрьстьних градех и яко не обрете его, плакаашеся по немь люте, биющи въ пьрси своя яко и по мрьтвемь. И заповедано же бысть по всей стране той, аще къде видевъше такого отрока, да пришьдъше възвестите матери его и велику мьзду приимуть о възвещении его. И се пришьдъше от Кыева и поведаша ей, яко преже сих 4 лет видехомы и́ въ нашемь граде ходяща и хотяща острещися въ единомь от манастырев. И то слышавъши она и не обленивъшися и тамо ити. И нимало же помьдьливъши, ни дълготы же пути убоявъшися въ прежереченый град иде на възискание сына своего. Иже и пришедъши въ град тъ, и обьходи вься манастыря, ищющи его. Последи же поведаша ей, яко въ пещере есть у преподобнааго Антония. Она же и тамо иде, да и́

тамо обрящеть. И се начат старьца льстию вызывати, глаголющи, яко да речете преподобьнууму да изидеть. «Се бо мног путь гънавъши приидох, хотящи беседовати къ тебе и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и аз от тебе». И възвещено бысть старьцю о ней, и се изиде къ ней. Его же видевъши и поклонися ему. Таче седъшема има, начат жена простирати к нему беседу многу, последи же обави вину, ея же ради прииде. И глаголаше же: «Молю ти ся, отьче, повежь ми, аще сде есть сын мой. Много же си жалю его ради, не ведущи, аще убо жив есть». Старьць же сый прост умъмь и, не разумев льсти ея, глагола ей, яко «сде есть сын твой, и не жалиси его ради, се бо жив есть». То же она къ нему: «То чьто, отьче, оже не вижю его? Мног бо путь шьствовавъши, придох въ сий град, тъкмо же да вижю си сына своего. Ти тако възвращюся въ град свой». Старьць же к ней отъвеща: «То аще хощеши видети и́ да идеши ныне въ дом, и аз, шед, увещаю и́, не бо рачить видети кого. Ти въ утрей дьнь пришедъши, видиши и́». То же слышавъши, она отъиде, чающи въ приидущий дьнь видети и́. Преподобьный же Антоний, въшед въ пещеру, възвести вся си блаженууму Феодосию, иже и́ слышав, съжалиси зело, яко *не* може утаитися ея. Въ другый же дьнь прииде пакы жена, старьць же много увещавааше блаженааго изити и видети матерь свою. Он же не въсхоте. Тъгда же старьць, ишьд, глагола ей, яко «много молихы и́, да изидеть къ тебе, и не рачить». Она же к тому уже не съ съмерениемь начат глаголати къ старьцю, съ гневъмь великъмь въпияаше о нуже старьца сего, яко имый сына моего и съкрывый въ пещере, не рачить ми его явити. «Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижю. И не трьплю бо жива быти, аще не вижю его! Яви ми сына моего, да не зъле умьру, се бо сама ся погублю пред двьрьми печеры сея, аще ми не покажеши его». Тъгда Антоний, въ скърби велице быв и въшед въ пещеру, моляаше блаженааго Антоний, да изидеть къ ней. Он же не хотя ослушатися старьца и изиде къ ней. Она же видевъши сына своего въ таковей скьрби суща, бе бо уже лице его изменилося от многааго его труда и въздьржания, и охопивъшися емь плакашеся горко. И одъва мало утешивъшися, седе и начат увещавати Христова слугу, глаголющи: «Поиди, чадо, въ дом свой, и еже ти на потребу и на спасение души, да делаеши въ дому си по воли своей, тъкмо же да не отълучайся мене. И егда ти умьру, ты же погребеши тело мое, ти тъгда възвратишися въ пещеру сию, якоже хощеши. Не трьплю бо жива быти не видящи тебе». Блаженый же рече къ ней: «То аще хощеши видети мя по вся дьни, иди въ сий град, и въшьдъши въ един манастырь жен и ту остризися. И тако, приходящи семо, видиши мя. Къ сим же и спасение души приимеши. Аще ли сего не твориши, то — истину ти глаголю — к тому лица моего не имаши видети». Сицеми же и инеми многыими наказани пребывааше по вся дьни, увещавая матерь свою. Онъй же о томь не хотящи, ни поне послушати его. И егда отъхожаше от него,

тъгда блаженый, възшед въ пещеру, моляшеся Богу прилежно о спасении матере своея и обращении сърьдьца ея на послушание. Бог же услыша молитву угодьника своего. О семь бо словеси рече пророк: «Близ Господь призывающиим въистину и волю боящимъся его творить, и молитву их услышить, и спасеть я́». Въ един бо дьнь пришьдъши мати ему глаголя: «Се, чадо, велимая вься тобою сътворю, и къ тому не възвращюся въ град свой, нъ яко Богу *волящю*, да иду въ манастырь жен, и ту остригъшися прочая пребуду дьни своя. Се бо от твоего учения разумех, яко ничтоже есть свет сий маловременьный». Си слышав, блаженый Феодосий въздрадовася духъмь и въшьд съповеда великому Антонию, иже, и услышав, прослави Бога, обративъшааго сърьдце ея на такавое покаяние. И шьд къ ней и много поучив ю́, еже на пользу и на спасение души, и, възвестив о ней княгыни, пусти ю́ въ манастырь женьскый, именуем святааго Николы. И ту пострижене ей быти, и въ мьнишьскую одежю облечене ей быти, и поживъши же ей въ добре исповедании лета многа, съ миръмь усъпе.

Се же житие блаженааго отьца нашего Феодосия от уны вьрсты до сде, дондеже прииде въ пещеру, мати же его съповеда единому от братия, именьмь Феодору, иже бе келарь при отьци нашемь Феодосии. Аз же от него вся си слышав, оному съповедающю ми, и въписах на память всем почитающим я́. Обаче и на прочее съказание отрока исправления поиду, съвръшение же глагол ми укажеться благоисправляющю Богу и словослову.⟨...⟩

А еже испьрва житие их въ пещере, и елико скърби и печали прияша, тесноты ради места того, Богу единому съведущю, а устом человечьском не мощьно исповедати. Къ сим же и ядь ихъ бе ръжан хлеб тъкмо, ти вода. Въ суботу же ти въ неделю сочива въкушахуть; многашьды же и въ та дьни не обретъшюся сочиву, зелие съваривъше едино и то ядяху. Еще же и рукама своима делахуть дело: ово ли копытьца плетуще и клобукы, и ина ручьная дела строяще и тако, носяще въ град, продаяху и темь жито купяху, и се разделяхуть, да къждо въ нощи свою часть измеляшеть на състроение хлебом. Таче по томь начатък пению заутрьнюуму творяаху и тако пакы делааху ручьное свое дело. Другоици же въ ограде копахуть зелиинааго ради растения, дондеже будяше год божьствьнууму славословию, и тако вьси въкупе съшедъшеся въ цьркъвь, пения часом творяахуть, таче святую службу съврьшивъше, и тако въкусивъше мало хлеба и пакы деле ся своемь къждо имяшеть. И тако по вся дьни трудящеся, пребывахуть въ любъви Божии.

Отьц же нашь Феодосий съмеренъмь съмыслъмь и *послушаниемь* вься преспевааше, трудъмь и подвизаниемь и делъмь телесьныимь, бяше бо и телъмь благ и крепък и съ поспешьствъмь всем служаше, и воду нося и дръва из леса на своею плещю, бъдя же по вся нощи въ славословлении Божии. И братии же на опочители суще, блаженый же възьм разделеное жито и когождо

часть измъл и поставляше на своемь месте. Другоици же, оваду сущу многу и комаром, въ нощи излез над пещеру и, обнажив тело свое до пояса, сядяше, прядый вълну на съплетение копытьцем и псалтырь же Давыдову поя. От множьства же овада и комара все тело его покръвено будяше, и ядяху плъть его о немь, пиюще кръвь его. Отьць же нашь пребываше неподвижим ни въстая от места того, дондеже год будяше утрьний, и тако преже всехь обреташесе въ цьркви. И став на своемь месте непоступьн сы, ни мятыйся умъмь, божьствьное славословие съвръшаше, ти тако пакы и-црькве послеже всех излажааше. И сего ради вьси любляхути и́ зело и яко отьца имяхути и́, зело дивящеся съмерению его и покорению.

Таче по сих божествьный Варлаам, игумен сы братии въ пещере, изведен бысть княжемь повелениемь въ манастырь святаго мученика Димитрия и ту игуменъмь поставлен. Тъгда же братия ту сущая въ пещере събравъшеся, изволениемь всех, възвестивъше преподобьноуму Антонию, блаженааго отьца нашего Феодосия игумьнъмь себе нарекоша, яко и чьрньчьскую жизнь управивъша и божия известо заповеди излиха ведуща.

Отьць же нашь Феодосий, аще и старейшиньство приим, не измени съмерения своего правила, на памяти Господа имея, рекъша: «Иже аще кто въ вас хощеть быти старей, буди всех убо мьний и всем слуга». Темь же съмеряшеся, мьний всех ся творя и всем служа, и собою образ вьсем дая, и на дело преже всех исходя и въ чину святыя литургия. И оттоле цвьтяше и мъножашеся место то правьдника молитвою. «Правьдьник бо,— рече,— яко и финикъс процвьтеть и яко и кедр, иже въ Ливане, умножиться». Умножаху бо ся оттоле братия и цвьтяше место то добрыими нравы и молитвами их и инеми благочьстивыими нравы. И многым от вельможь приходити къ нему благословления ради, и от имений своих малу некаку часть подающи им. Преподобьный же отьць нашь, иже поистине земльный ангел и небесный человек, Феодосий видя место скърбьно суще и тесно и еще же и скудно при всемь, и братии мъножащися, цьркви же мале сущи на съвъкупление им, и николиже въпаде о томь въ печаль, ни поскърбе о томь, нъ по вся дьни братию всю утешая, учаше и никакоже попечися о плътьнемь, но Господень глас въспоминаше, им глаголя: «Не пьцтеся, чьто пием, или что ем, или въ что облечемъся: весть бо Отьць вашь небесьный, яко требуеть вься си, обаче ищете цесарьства небеснаго и си вься приложаться вам». Блаженый же сице помышляше, Бог же все на потребу нескудьно подаваше ему.

Тъгда бо сий великий Феодосий обрет место чисто, недалече от печеры суще, и разумев, яко довъльно есть на възгражение манастыря, и разбогатев *благодатию* Божиею и оградивъся верою и упованиемь, испълнив же ся духа святаго, начат подвизатися въселити место то. И якоже Богу помагающю ему, въ мало время възгради цьрькъвь на месте томь въ имя

святыя и преславьныя Богородица и приснодевица Мария, и оградив и постави келие многы, и тъгда преселися от пещеры съ братиею на место то въ лето 6570. И отътоле Божиею благодатию въздрасте место то, и бысть манастырь славьн, се же и доныне есть Печерьскый наричем, иже от святаго отьца нашего Феодосия съставлен бысть.

По сих же посла единого от братия въ Костянтинь град къ Ефрему скопьцю, да вьсь устав Студийскааго манастыря, испьсав, присълеть ему. Он же преподобьнааго отьца нашего повеленая ту абие и створи, и всь устав манастырьскый испьсав, и посъла къ блаженому отьцю нашему Феодосию. И его же приим отьць нашь Феодосий, повеле почисти пред братию, и оттоле начат въ своемь манастыри вся строити по уставу манастыря Студийскаго, якоже и доныне есть, учеником его сице съврьшаемъм.⟨...⟩

Имеяше же обычай сиць великый отьць нашь Феодосий, якоже по вся нощи обиходити ему келие мниховы вьсе, хотя уведети когождо их како житие. Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тъгда, став, прославяше о немь Бога, егда же пакы кого слышааше беседующа дъва ли или трие съшедъшеся въкупе, то же ту, ударив своею рукою въ двьри ти, тако отхожааше, назнаменав темь свой приход. Таче въ утрей дьнь призъвавъ я́, нъ не ту абие обличааше их, нъ якоже издалеча притъчами нагоня, глаголааше къ ним, хотя уведети, еже къ Богу тъщание их. Аще бо будяше брат льгъкъмь сьрьдьцьмь и тепл на любъвь Божию, то сий въскоре разумев свою вину, пад, поклоняшеся, прощения прося от него прияти. Аще ли будяше пакы брат *омрачениемь* бесовьскымь сьрьдьце покръвено имый, то сий станяше, мьня, яко о иномь беседують, сам чист ся творя, дондеже блаженый обличашети и́, и епитимиею того утвьрдяше, и отъпустяше. И тако вься прилежьно учааше молитися къ Господу и не беседовати ни къ кому же по павечерьний молитве, и не преходити от келие въ келию, нъ въ своей келии Бога молити, якоже кто можеть и рукама же своима делати по вся дьни, псалмы Давыдовы въ устех своих имуще.⟨...⟩

Беаше бо поистине чловек Божий, светило въ вьсемь мире видимое и просиявъшее въ всемь чьрноризьцем: съмеренъмь, съмыслъмь и послушаниемь, и прочиими труды подвизаяся, делая по вся дьни, не дада рукама своима ни ногама покоя. Еще же и въ пещьницю часто исхожааше и съ пекущими веселяшеся духъмь, тесто мешааше и хлебы пека. Беаше бо, и преже рех, крепък телъмь и сильн. Вься же стражющая бе уча и укрепляя и утешая, никакоже раслабети въ делех своих.

Въ един же от дьний хотящем им праздьник творити святыя Богородица, и воде не сущи, преже же наменenууму Феодору, сущю тъгда келарю, иже и многаа ми съповеда о преславьнемь мужи семь. Тъ же, шед, поведа блаженууму отьцю нашему Феодосию, яко несть къто воды нося. То же блаженый, съ спехъмь въстав, начат воду носити от кладязя. И се един от братия видевы и́ воду носяща и, скоро щед, възвести неколику

братии, иже и съ тъщаниемь притекъше наносиша воды до избытъка. И се же пакы дръвом неколи приготованом не сущемъ на потребу варения, шед же келарь Феодор къ блаженууму Феодосию глаголя, яко да повелиши единому от братия, сущюуму праздьну, да, въшед, приготовить дръва, еже на потребу. То же блаженый отъвеща ему: «То се аз праздьн есмь, и се поиду». Таче повеле на трапезу братии ити, бе бо год обеду, сам же, възьм сечиво, нача сечи дръва. И се по отъядении излезъше братия, ти видеша преподобьнаага игумена своего секуща дръва и тако тружающася. И възят къждо сечиво свое, таже тако приготоваша дръва, якоже тем довольном им быти на многы дьни.

Сице бо ти бе тъщание къ Богу блаженаага и духовьнаага отьца нашего Феодосия, имяаше бо съмерение и кротость велику, о семь подражая Христоса, истиньнаага Бога, глаголавьшаага: «Навыкнете от мене, яко крътък есмь и съмерен сьрьдцьмь». Темьже на таковое подвизание възирая, съмеряшеся, последьний ся вьсех творя и служьбьник, и собою вьсем образ дая. На дело же преже вьсех исходя, и въ цьркви же преже вьсех обретаяся, и послеже вьсех излазя. Мъногашьды же пакы великууму Никону седящю и делающю книгы, и блаженууму въскраи того седящю и прядущю нити еже на потребу таковууму делу. Таково ти бе того мужа съмерение и простость. И никтоже его николиже виде на ребрех своих лежаща, ли воду възливающа на тело, разве тъкмо руце умывающа. А одежа его бе свита власяна остра на теле, извьну же на ней и ина свита. И та же вельми худа сущи, и тоже сего ради възволочааше на ся, яко да не явитися власяници сущи на *нем*. О сей одежи худей мнози несъмысльнии ругахуся ему, укаряюще его. Блаженууму же си съ радостию вься приимающю укоризну их, имея убо присно на памяти слово Господне и темь утешая веселяшеся: «Блажени бо,— рече,— есте, егда укорять вы, егда рекуть всяк зъл глагол на вы, лъжюще мене ради. Въздрадуйтеся въ тъ дьнь и възыграйте, се бо мьзда ваша мънога на небесех». Си въспоминая блаженый и о сих утешаяся, трьпяше укоризну и досажение от всех.

И се въ един дьнь шедъшю великууму отьцю нашему Феодосию некоторааго ради орудия къ христолюбьцю князю Изяславу, далече ему сущю от града. Таче яко и пришьд и до вечера умудивъшю ему орудия ради. И повеле христолюбьць, нощьнаага ради посъпания ему, на возе допровадити й до манастыря его. И яко бысть идый путьмь и возяй его, видевы й въ такой одежи сущааго, и мьнев, яко един от убогых есть, глагола ему: «Чьрноризьче! Се бо ты по вься дьни пороздьнъ еси, аз же трудьн сый. Се не могу на кони ехати. Нъ сице сътвориве: да аз ти лягу на возе, ты же могый на кони ехати». То же блаженый съ вьсякыимь съмерениемь въстав, седе на кони, а оному же легъшю на возе, и йдяше путьмь, радуяся и славя Бога. И егда же въздремаашеся, тъгда же съсед, тек, идяаше въскрай коня,

дондеже трудяашеся, ти тако пакы на конь въсядяше. *Таче* же уже зорям въсходящем и вельможам едущем къ князю, и издалеча познавъше блаженааго и съседъше съ конь, покланяахуся убо блаженууму отьцю нашему Феодосию. Тъгда же глагола отроку: «Се уже, чадо, свет есть! Въсяди на конь свой». Он же видев, еже тако вьси покланяхуться ему, и ужасеся въ уме и, *трепетен сыи*, въста и въседе на конь. Ти тако поиде путьмь, а преподобьнууму Феодосию на возе седящю. Вси же боляре, съретъше, покланяхуся ему. Таче дошьдъшю ему манастыря, и се ишедъше вься братия поклонишася ему до земля. То же отрок больми ужасеся, помышляя въ себе: кто сь есть, еже тако вьси покланяються ему? И емы и́ за руку, въведе и́ въ трапезьницю, таче повеле ему дати ести и пити, елико хощеть, еже же и кунами тому дав, отъпусти и́. Си же съповеда сам братии повозьник тъ, а блаженууму о семь никомуже явивъшю, нъ сице бе убо по вся дьни о сих уча братию, не възноситися ни о чемь же, нъ съмерену быти мниху, а самому мьньшю всех творитися и не величатися, нъ къ вьсем покориву быти.⟨...⟩

И се пакы тъ же чьрньць Иларион съповеда ми. Бяше бо и книгам хытр псати, сий по вся дьни и нощи писааше книгы въ келии у блаженааго отьца нашего Феодосия, оному же псалтырь усты поющю тихо и рукама прядуща вълну, или кое ино дело делающа. Тако же въ един вечер делающема има къжьдо свое дело, и се въниде иконом, глаголя блаженому, яко въ утрий дьнь не имам купити, еже на ядь братии и на ину потребу. То же блаженый глагола ему: «Се, якоже видиши, уже вечер сущь, и утрьний дьнь далече есть. Темьже иди и потрьпи мало, моляся Богу, некъли тъ помилуеть ны и попечеться о нас, якоже сам хощеть». И то слышав, иконом отъиде. Таче, *въстав*, блаженый иде въ келию свою петь по обычаю обанадесяте псалма. Тако же и по молитве, шьд, седе делая дело свое. И се пакы въниде иконом, то же глаголя. Тъгда отвеша ему блаженый: «Рех ти, иди и помолися Богу. Въ утрий дьнь шед въ град и у продающиих да възьмеши възаим, иже ти на потребу братии, и последь, егда *благодеавшу* Богу, отдамы дълг от Бога, таче верьн есть глаголай: «Не пьцетеся утрейшимь, и тъ не имать нас оставити». Таче отшедъшю иконому, и се вълезе светьл отрок въ воиньстей одении и поклонивъся, и ничьсоже рекый, и положив же на стълпе гривьну злата и тако пакы мълча излезе вън. Тъгда же въстав блаженый, и възьм злато, и съ сльзами помолися въ уме своемь. Таче вратаря възъвав, пыташе и́, еда къто къ воротом приходи въ сию нощь. Онъ же съ клятвою извещася, яко и еще свете затвореном сущем воротом, и оттоле несмь их отврьзал, и никтоже приходил къ ним. Тъгда же блаженый, призвав иконома, подасть ему гривьну злата глаголя: «Чьто глаголеши, брате Анастасе, яко не имам чимь купити братии требования? Нъ сице, шьд, купи еже на потребу братии. Въ утрей же пакы дьнь Бог да попечеться нами». Тъгда же иконом, разумев, пад, поклонися ему. Блаженый же учааше и́, глаголя: «Николиже не

отъчаися, нъ въ *вере* крепяся, вьсю печаль свою възвьрзи къ Богу, яко тъ попечеться нами, якоже хощеть. И сътвориши братии праздьник велик дьнесь». Бог же пакы нескудьно подавааше ему еже на потребу божествьнууму тому стаду.⟨...⟩

Въ един же от дьнии приде къ преподобьнуму Феодосию прозвутер от града, прося вина на службьу святыя литурьгия. И ту абие блаженый, призъвав строителя цьркъвьнаго, повеле налияти вина, юже ношаше викию, и дати ему. Он же глагола, яко «мало имам вина, еже тъкъмо довълееть на 3, или на 4 дьни святей литурьгии». Блаженый же отвеща ему: «Излей вьсе человеку сему, и нами Бог да попечеться». Он же отшьд и преобидев святааго повеления, вълия ему въ викию мало вина, оставив на утрия цьркъвьней службьe. Прозвутер же, нес, еже мало ему въда, показа блаженому Феодосию. И пакы призъвав пономонаря, глагола ему: «Рех ти, излей вьсе и о утрейшьниимь дьне не пьцися, не бо имать Бог оставити цьркве сея въ утрий дьнь бе-службьы, нъ се въ сий дьнь подасть нам вина до избытъка». Тъгда же, шьд, пономонарь излия вьсе вино прозвутерови и тако й отъпусти. Таче по отъедении къ вечеру седящем им, и се по проречению блаженаго привезоша 3 возы пълны суще кърчаг съ винъмь, их же посъла жена некая, иже бе предьрьжащи вься въ дому благоверьнааго князя Вьсеволода. Си же видев, парамонарь прослави Бога, чюдяся проповеданию блаженаго Феодосия, еже якоже рече: «Въ сий дьнь вина до избытъка Бог подасть нам»,— такоже и бысть.⟨...⟩

Боголюбивый же кънязь Изяслав, иже поистин бе тепл на веру, яже къ Господу нашему Исусу *Христу и* къ пречистей матери *его, иже* послеже положи душю свою за брата своего по Господню гласу, сь любъвь имея, якоже речеся, не просту къ отьцю нашему Феодосию, и часто приходя къ нему, и духовьныих тех словес насыщаяся от него. И тако въ един от дьний пришьдъшю тому, и въ цьркви седящема има на божьствьней той беседе, и год бысть вечерьний. Тако же сий христолюбьць обретеся ту съ блаженыимь и съ чьстьною братиею на вечерьниимь славословии. И абие Божиею волею дъждю велику леющюся, блаженый же, видев тако належание дъждю, призъвав же келаря, глагола ему: «Да приготовиши на вечерю брашьна на ядь кънязю». Тъгда же приступи къ нему ключарь, глаголя: «Господи отьче! Меду не имам, еже на потребу пити кънязю и сущиим съ нимь». Глагола тому блаженый: «Ни ли мало имаши?» Отвеща он: «Ей, отьче, яко ни мало не имам, беаше бо, якоже рече, опроворотил таковый съсуд тъщь и ниць положил». Глагола тому пакы блаженый: «Иди и съмотри истее, еда осталося или мало чьто от него будеть». Он же отвещаваше рекый: «Ими ми веру, отьче, яко и съсуд тъ, въ немь же бе таковое пиво, опровратих и тако ниць положих». То же блаженый, иже поистине испълънен духовьныя благодети, глагола тому сь: «Иди по глаголу моему и въ имя Господа нашего Исуса Христа обрящеши мед въ съсуде томь». Он же, веру им блаже-

ному, отъиде, и пришьд въ храм, и по словеси святааго отьца нашего Феодосия обрете бъчьвь ту праве положену и пълъну сущю меду. Въ страсе же быв и въскоре шьд, съповеда блаженому бывъшее. Глагола тому блаженый: «Мълъчи, чадо, и не рьци никомуже о томь слова, нъ иди и носи, елико ти на требу кънязю и сущиим съ нимь; и еще же и братии подай от него, да пиють. Се бо благословление Божие есть». Таче пакы дъждю преставъшю, отъиде христолюбьць въ дом свой. Бысть же тако благословение въ дому томь, якоже на мъногы дьни довъльном им темь быти.⟨...⟩

И въ един от дьний шьдъшю къ тому благому и богоносьному отьцю нашему Феодосию, и яко въниде въ храм, идеже бе князь седя, и се виде многыя играюща пред нимь: овы гусльныя гласы испущающем, другыя же оръганьныя гласы поющем, и инем замарьныя пискы гласящем, и тако вьсем играющем и веселящемъся, якоже обычай есть пред князьмь. Блаженый же, бе въскрай его седя и долу нича и яко малы въсклонивъся, рече къ тому: «То будеть ли сице на ономь свете?» То же ту абие он съ словъмь блаженааго умилися и малы просльзиси, повеле тем престати. И оттоле, аще коли приставяше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдъша, то повелевааше темъ престати от таковыя игры.⟨...⟩

Умрет же отьць нашь Феодосий въ лето 6 и 582, месяца маия въ 3, въ суботу, якоже прорече сам, въсиявъшю сълньцю.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

(Перевод)

Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского

Господи, благослови, Отче!

Благодарю тебя, Владыко мой, Господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о твоих святых подвижниках; сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба; побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и не достоин я его, ибо невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, Господи, слово твое, вещающее: «Если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам». Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то Божья воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой владычицы нашей Богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братья, вспоминая о жизни препо-

добного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил Бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия.〈...〉

В пятидесяти поприщах[1] от стольного города Киева есть город по названию Васильев. В нем и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя Богу, и назвал его Феодосием[2]. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и Дух святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие Божье! Вот ведь не избрал он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя Господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов! О тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы только светом ее насладиться. О милосердие Божие! Сперва место указав и благословив, создал Бог поле, на котором будет пастись стадо богословесных овец[3], пока он им пастуха не избрал.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — Бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с востока взошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа.〈...〉

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви Божьей, и ходил каждый день в церковь Божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая работать, снова упрашивала его одеться почище и пойти по-

играть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал он как-то о святых местах[4], где провел свою земную жизнь Господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился Богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосий радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что было на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый Бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предначертал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная Богом, и зарастет терпением и бурьяном, и разбредется стадо.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь Богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на него его оковы и велела в них ходить, опасаясь, как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему

своему подвижничеству и каждый день ходил в Божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры[5], очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молол и снова пек просфоры. Это уж Бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь Божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг[6] научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг, видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвратить Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не могла смириться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам Господь Иисус Христос подал нам пример уничижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирялись. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к Богу. А что до дела моего, мати моя, то послушай: когда Господь наш Иисус Христос возлег на вечéре с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: «Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов». Если уж сам Господь наш хлеб назвал плотью своею, то как же не радоваться мне, что сподобил он меня приобщиться к плоти своей». Услышав это, подивилась мать мудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению сына. И как-то спустя год, снова увидев, как он, почерневший от печного жара, печет просфоры, опечалилась она и с той поры опять принялась убеждать сына то ласкою, то угрозою, а иногда и избивая его, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и не знал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом, ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав его в своем городе и не найдя, горевала о нем. Когда же много дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника, и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня, а если куда уйдешь,

то я все равно догоню и разыщу тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться Богу и ежедневно ходить в церковь, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин этого города узнал о смирении и послушании отрока, то полюбил его, и повелел постоянно находиться у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носит какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он не раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосий некоторое время спустя пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоясал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли.

Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду, и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок, словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит Господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостоин». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосий, и воспылал рвением и любовью к Богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле Божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись Богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился Богу, чтобы встретились попутчики и показа-

ли бы ему желанный путь. И случилось по воле Божьей так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил Бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только Бог охранял его. И вот после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж Бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда Бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосий о блаженном Антонии[7], живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и неприглядное всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосий отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам Бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен Бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону[8] постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосий всей душой отдался Богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, превозмогая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и такому его — в юные годы — благонравию, твердости духа и бодрости. И неустанно славили за все это Бога.

Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И было объявлено по всей той земле, что если кто видел отрока, то пусть придет и сообщит его матери и получит за известие о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его в нашем

городе, когда собирался он постричься в одном из монастырей. Услышав об этом, она не поленилась поехать в Киев. И нимало не медля и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Достигнув того города, обошла она в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы он вышел к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот он вышел к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина степенно беседовать с ним и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отче, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же отвечал ей: «Если хочешь повидаться с ним, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты же завтра придешь и повидаешься с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что на следующий день увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой день женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гневе крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере и не хочет его показать: «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверьми вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не посмел тот ослушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, насилу успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, причитая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души,— то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня постоянно, то оставайся в нашем городе и постригись

в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так,— то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так, и другие доводы приводя, всякий день уговаривал он свою мать. Она же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился Богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал Бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом Господь с теми, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж Бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосий и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил Бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее на пользу и для спасения души ее, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась.

Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия с детских лет и до той поры, когда пришел он в пещеру, поведала мать его одному из братии, именем Федору, который был келарем при отце нашем Феодосии. Я же от него все это услышал — он рассказывал мне — и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия. Однако обращусь я к дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне Бог, дарующий благо и славослов.〈...〉

А какова была сперва их жизнь в пещере, и сколько скорби и печали испытали они из-за всяких невзгод в том месте — это одному Богу ведомо, а устами человеческими невозможно и рассказать. К тому же и еда их была — один ржаной хлеб и вода. В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни вареные овощи. При этом и трудились непрестанно: одни обувь плели или шили клобуки, и иным ремеслом занимались, и носили сделанное в город, продавали, и на вырученные деньги покупали зерно, и его делили между собой, чтобы каждый ночью свою долю помолол для печения хлеба. Потом служили заутреню, а затем снова принимались за свое дело. Другие же в огороде копались, выращивая овощи, пока не наставал час новой молитвы, и так все вместе сходились в церковь, отпевали положенные часы и совершали святую службу, а затем, поев немного хлеба, снова обращались каждый к своему делу. И так трудились день за днем в неугасимой любви к Богу.

Отец же наш Феодосий смирением и послушанием всех превосхо-

дил, и трудолюбием, и подвижничеством, и делами, ибо телом был могуч и крепок и с удовольствием всем помогал, воду нося и дрова из леса на своих плечах, а ночи все бодрствовал, славя в молитвах Бога. Когда же братия почивала, блаженный, взяв выделенную каждому часть зерна, молол за них и относил на то место, откуда взял. Иногда же, когда было особенно много оводов и комаров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы[9]. Оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его, и пили его кровь. Отец же наш пребывал недвижим, не вставая со своего места, пока не наступал час заутрени, и тогда раньше всех приходил в церковь. И, став на своем месте, не двигался и не предавался праздным мыслям, совершая божественное славословие, и также самым последним выходил из храма. И за это все любили его и чтили, как отца, и не могли надивиться смирению его и покорности.

Вскоре после этого божественный Варлаам, игумен братии той, обитавшей в пещере, по княжескому повелению был поставлен игуменом в монастыре святого мученика Дмитрия. Тогда же монахи, жившие в пещере, собрались и по всеобщему решению возвестили преподобному Антонию, что они поставили себе игуменом блаженного отца нашего Феодосия, ибо он и жизнь монастырскую уставил по чину, и божественные заповеди знал, как никто другой.

Отец же наш Феодосий, хотя и стал старшим над всеми, не изменил своего обычного смирения, помня о словах Господних, вещающих: «Если кто из вас хочет быть наставником другим, то пусть будет скромнее всех и всем слуга». Поэтому и он оставался смиренным, словно был младше всех и всем услужал, и для всех был образцом, и на всякое дело выходил первым, и на святую литургию. И с той поры стало процветать и умножаться черноризцами место то по молитвам праведника. Ведь говорится: «Праведник, словно пальма, процветет и возрастет, словно кедр ливанский». И с той поры умножалось число братии и процветало место то добронравием их, и молитвами их, и всяческим благочестием. И многие вельможи приходили в монастырь за благословением и отдавали ему какую-то долю своих богатств. Преподобный же отец наш Феодосий — поистине он земной ангел и небесный человек — видя, что место, где жили они, и печально, и тесно, и всем скудно, и возросшей числом братии уже трудно было вмещаться в церкви, никогда из-за этого не печалился и не предавался скорби, но всякий день братию утешал и поучал, чтобы не заботились они о земном, но напоминал им Господни слова, говоря: «Не думайте о том, что пьем, или что едим, или во что одеты: ибо знает Отец ваш небесный, в чем нуждаетесь вы; но ищите царства небесного, а все прочее придет к вам». Блаженный так думал, а Бог щедро давал ему все, в чем была нужда.

В то время великий Феодосий присмотрел свободное место невда-

леке от пещеры, и рассчитал, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собрал средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и духом святым исполнившись, начал готовиться к переселению на то место. И с Божьей помощью в недолгое время построил на том месте церковь во имя святой и преславной Богородицы и приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 6570 (1062). И с того времени по Божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и доныне называем мы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосием.

Некоторое время спустя послал Феодосий одного из братии в Константинополь, к Ефрему-скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря[10] и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосий повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и доныне ученики Феодосиевы блюдут. 〈...〉

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем Бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издалека, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к Богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к Богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц, и кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает, что говорят о другом, и не чувствует себя виноватым, пока блаженный не обличит его и не отпустит, укрепив его епитимьей[11]. Вот так постоянно учил он молиться Богу, и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться Богу, а если кто может — заниматься постоянно каким-либо ремеслом, распевая при этом псалмы Давидовы. 〈...〉

Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Однажды, когда готовились к празднику святой Богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упомянутый Федор,

который многое поведал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Федор к блаженному отцу нашему Феодосию и сказал, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его, носящего воду, один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Федор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взялся каждый за свой топор, и столько они накололи дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к Богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному Богу, вещавшему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, взирая на подвижничество такое, смирялся Феодосий, недостойнейшим изо всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех образцом. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет книги, а блаженный, присев с краю, прядет нитки для их переплетания. Вот каковы были смирение и простота этого мужа. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело — разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, сверху же носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И многие неразумные издевались над этой убогой одеждой, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоры, постоянно помня слово Божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы,— говорится,— когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клевеща на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Вспоминая эти слова и утешаясь ими, сносил блаженный все упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу[12], находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до позднего вечера. И приказал христолюбец, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довезти его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как он одет, решил, что это простой монах, и сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я устал. Не могу на коне сидеть. Но сделаем так: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же

Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя Бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не уставал, а затем вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали им встречаться в пути вельможи, едущие к князю, и издали узнав блаженного, сойдя с коня, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас и в страхе вскочил и сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все бояре, встречая их, кланялись ему. Так доехал он до монастыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все также постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем.〈...〉

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и прял шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь Богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись Богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом, когда смилуется Бог, с его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: «Не заботься о завтрашнем дне, и Бог нас не оставит». Как только удалился эконом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию, и, ни слова не говоря, положил на столп золотую гривну[13], и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с той поры не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить

нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра Бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к Богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду.〈...〉

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой литургии. Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас Бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе, вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит Бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведшая все хозяйство в доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил Бога, удивляясь предвидению блаженного Феодосия, ибо как сказал тот: «В этот день подаст нам Бог вина до избытка»,— так и случилось.〈...〉

Боголюбивый же князь Изяслав, который искренне и горячо верил Господу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, тот, который сложил впоследствии голову свою за брата по призыву Господню, он, как говорили, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о божественном, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христолюбец с блаженным и честной братией на вечерней молитве. И вдруг, по воле Божьей, полил сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник со словами: «Господи отче! Нет у меня меда, чтобы предложить князю и спутникам его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Тот ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же, как уже сказал, перевернул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было это питье, перевернул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати,

сказал ему так: «Иди, и по слову моему и во имя Господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую; и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полон меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение Божье». Тем временем дождь перестал и христолюбец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.⟨...⟩

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в княжеские палаты, где находился князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни бренчали на гуслях, другие били в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, склонившись к нему, спросил: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же растрогался от слов блаженного, и прослезился, и велел прекратить музыку. И с тех пор, если приглашал к себе музыкантов, то, узнав о приходе блаженного, приказывал им прекратить игру.⟨...⟩

Умер же отец наш Феодосий в год 6582 (1074) — месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказал, после восхода солнечного.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Поприще* — древнерусская мера длины, приблизительно равная километру.

[2] *Феодосий* — в переводе с греческого — «посвященный богу».

[3] Имеются в виду монахи.

[4] Речь идет о Палестине, месте паломничества христиан.

[5] *Литургия, или обедня,*— основная служба в церкви, которая свершается до обеда. Ее обязательной принадлежностью являются просфора — белый круглый хлебец, особо приготовленный, и вино. После освящения они символизируют собою тело и кровь Христа и употребляются при обряде причащения.

[6] *Враг* — здесь: дьявол.

[7] *Антоний* — основатель Киево-Печерского монастыря (ум. 1072) (см. вступительную статью).

[8] *Никон* (ум. 1088) — монах, потом игумен монастыря. Был составителем летописного свода, предшествовавшего «Повести временных лет».

[9] См. примечание 12 к «Сказанию о Борисе и Глебе».

[10] Студийский монастырь в Константинополе. Устав этого монастыря отличался суровыми правилами монашеского быта. Был принят и русскими монастырями.

[11] *Епитимья* — церковное наказание, состоящее в строгом посте, назначении большого числа поклонов и т. п.

[12] *Изяслав Ярославич* (1024—1078) — сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский в 1054—1068, 1069—1073, 1077—1078 гг.

[13] *Гривна* — здесь: денежная единица.

Поучение Владимира Мономаха

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), внук Ярослава Мудрого, был князем черниговским, переяславским, а с 1113 г.— великим князем киевским. Свое прозвание получил по матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Всю жизнь Владимир боролся с половцами и их союзниками, был крупным государственным деятелем и опытным полководцем, образованнейшим человеком своего времени. Он придавал большое значение идеологической пропаганде единства Русской земли, что нашло отражение в его «Поучении» и в письме к Олегу Святославичу. Эта мысль стала центральной идеей и ряда произведений, написанных в период княжения Владимира Мономаха («Житие Бориса и Глеба», «Повесть временных лет» Нестора, «Хождение» игумена Даниила). «Поучение» Владимира Мономаха сохранилось в единственном списке — оно механически включено в текст Лаврентьевской летописи. Это — выдающееся произведение древнерусской литературы домонгольского периода. Вероятнее всего, оно написано Мономахом в 1117 г. Письмо Мономаха к двоюродному брату Олегу Святославичу, приложенное к «Поучению», написано, видимо, в 1096 г. Причиной, побудившей написать письмо, явилась гибель младшего сына Мономаха Изяслава в битве с Олегом в 1096 г.

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 1. С. 392—413. В публикуемом тексте опущена помещенная в начале произведения выборка изречений из Псалтыри.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
(Древнерусский текст)

Поученье

Аз худый дедом своим Ярославом, благословленым, славным, *нареченый* въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимир, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы... и хрестьяных людий деля, колико бо сблюде по милости своей и по отни молитве от всех бед! Седя на санех, помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сих днев грешнаго допровади. Да дети мои, или ин кто, слышав сю грамотицю, не посмейтеся, но *ему* же *люба* детий моих, а приметь е́ в сердце свое, и не ленитися начнеть, тако же и тружатися.

Первое, Бога деля и душа своея, страх имейте Божий в сердци своемь и милостыню творя неоскуду, то бо есть начаток всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех седя, безлепицю си молвил.

Усретоша бо мя слы от братья моея на Волзе, реша: «Потъснися к нам, да выженем Ростиславича и волость их отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе». И рех: «Аще вы ся и *гневаете*, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядив я́, взем Псалтырю, в печали разгнухъ я́, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая.

И потомь собрах словца си любая, и складох по ряду, и написах: Аще вы последняя не люба, а передняя приимайте.⟨...⟩

Якоже бо Василий учаще, собрав ту уноша, душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку беседу и в меру слово Господне: «Яди *и* питью бес плища велика быти, при старых молчати, премудрых слушати, старейшим покарятися, с точными и меншиими любовь имети; без луки беседующе, а много разумети; не свереповати словомь, ни хулити беседою, не обило смеятися, срамлятися старейших, к женам нелепым не беседовати, долу очи имети, а душю горе, пребегати; не стрекати учить легких власти, ни в кую же имети, еже от всех честь. Аще ли кто вас может инем услети, от Бога мьзды да чаеть и вечных благ насладится». «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго я сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего», в пустошнемь семь житьи.

Научися, верный человече, быти *благочестию* делатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смеренье, телу порабощенье, гневу погубленье, помыслъ чист имети, понужаяся на добрая дела, Господа ради; лишаем — не мьсти, ненавидим — *люби*, гоним — терпи, хулим — моли, умертви грех». «Избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицю. Придете, да сожжемъся, глаголеть Господь. Аще будут греси ваши яко оброщени, яко снег обелю я̀», и прочее. «Восияеть весна постная и цвет покаянья, очистим собе, братья, от всякоя крови плотьскыя и душевныя. Светодавцю вопьюще рцем: Слава тобе, человеколюбче!».

Поистине, дети моя, разумейте, како ти есть человеколюбець Бог милостив и премилостив. Мы, человеци, грешни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ й пожрети и кровь его прольяти вскоре; а Господь нашь, владея и животом и смертью, согрешенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего. Яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить ѐ к собе, тако же и Господь нашь показал ны есть на врагы победу, 3-ми делы добрыми избыти его и победити его: покаяньем, слезами и милостынею. Да то вы, дети мои, не тяжька заповедь Божья, оже теми делы 3-ми избыти грехов своих и царствия не лишитися.

А Бога деля не ленитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дел тех: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни чернечьство, ни голод, яко инии добрии терпять, но малым деломь улучити милость Божью.
«Что есть человек, яко помниши й?» «Велий еси, Господи, и чюдна дела твоя, никак же разум человеческ не может исповедати чюдес твоих; — и пакы речем: велий еси, Господи, и чюдна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в векы по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и доброт, устроеных на семь свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма

и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Зверье розноличнии, и птица, и рыбы украшено твоим промыслом, Господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создав человека, како образи розноличнии въ человечьских лицих,— аще и весь мир совокупить, не вси въ один образ, но кый же своим лиць образом, по Божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя из ирья идут, и первее, *въ* наши руце, и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идут по всем землям. Божиимь повеленьемь, да наполнятся леси и поля. Все же то дал Бог на угодье человеком, на снедь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на нас, *иже* та угодья створил еси человека деля грешна. И ты же птице небесныя умудрены тобою, Господи; егда повелиши, то вспоють, и человекы веселять тобе; и егда же не повелиши им, язык же имеюще онемеють. «А благословен еси, Господи, и хвален зело!» всяка чюдеса и ты доброты створив и зделав, «Да иже не хвалить тебе, Господи, и не веруеть всем сердцемь и всею душею во имя Отца и Сына и святаго Духа, да будеть проклят».

Си словца прочитаюче, дети моя, божествная, похвалите Бога, давшаго нам милость свою: *а* се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: аще не всего приимете, то половину.

Аще вы Бог умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловал еси, тако и нас грешных помилуй! И в церкви то дейте и ложася. Не грешите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не ленитеся, темь бо ночным поклоном и пеньем человек побежает дьявола, и что въ день согрешить, а темь человек избываеть. Аще и на кони ездяче не будеть ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а «Господи помилуй» зовете беспрестани, втайне: та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицю ездя.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и *придайте* сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его: аще будеть повинен смерти, а душа не *погубляйте* никакояже хрестьяны. Речь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомь, ни хреститеся, нету бо ти нужа никоеяже. Аще ли вы будете крест целовати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже целуйте, и целовавше блюдете, да не, приступни, погубите душе своее. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силе любите и набдите, да приимете от них молитву... от Бога. Паче всего гордости не имейте в сердци и въ уме, но рцем: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробе; се все, *что ны* еси вдал, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть велик грех. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не ленитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящии к вам *ни* дому вашему, ни обеду вашему. На войну вышед, не

ленитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавше леностами, внезапу бо человек погыбаеть. Лже блюдися и пьяньства и блуда, в том бо душа погыбаеть и тело. Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, брашном и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человека по всем землям любо добрым, любо злым. Болнаго присетите; над мертвеця идете, яко вси мертвени есмы. И человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. Се же вы конець всему: страх Божий имейте выше всего.

Аще забываете *сего*, а часто прочитайте: и мне будеть бе-сорома, и вам будеть добро.
Его же умеючи, того не забывайте доброго, а его же не умеючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома седя, изумеяше 5 язык, в том бо честь есть от инех земль. Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а его же не умееть, а тому ся не учить. Добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой деяшет блаженый и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потом солнцю въсходящю, и узревше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвети очи *мои*, Христе Боже, *иже* дал ми еси свет твой красный! И еще: Господи, приложи ми лето къ лету, да прок, грехов своих покаявъся, оправдив живот», тако похвалю Бога! И седше думати с дружиною, или люди оправливати, или на лов ехати, или поездити, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне. От чина бо почиваеть и зверь, и птици, и человеци.

〈РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ〉

А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы с 13 лет. Первое к Ростову идох, сквозе вятиче, посла мя отець, а сам иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь с *Гордятичем*, той пакы и отъиде к Берестию со Изяславомь, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идох Володимерю. Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головне, иде бяху *ляхове* пожгли, той ту блюде город тих. Та идох Переяславлю отцю, а по Велице дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творит с ляхы. Оттуда пакы на лето Володимерю опять.

Та посла мя Святослав в Ляхы; ходив за Глоговы до Чешьскаго леса, ходив в земли их 4 месяци. И в то же лето и детя ся роди

старейшее новгородьское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святослав умре, и яз пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той же зиме та к Новугороду; на весну Глебови в помочь. А на лето со отцемь под Полтеск, а на другую зиму с Святополком под Полтеск,— *ожьгъше* Полтеск; он иде Новугороду, а я с половци на Одрьск, воюя, та Чернигову. И пакы и-Смолиньска къ отцю придох Чернигову. И Олег приде, из Володимеря выведен, и возвах й к собе на обед со отцемь в Чернигов, на Краснемь дворе, и вдах отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришед, и проидох сквозе половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налезох с полку пришедше. То и пакы ходихом, том же лете, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и победихом Бориса и Олга. И пакы идохом Переяславлю, и стахом во Оброве.

И Всеслав Смолнеск ожьже, и азъ всед с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньске. Тем же путем по Всеславе пожег землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьск воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародуб весь, и аз шед с черниговци и с половци, на Десне изьимахом князи Асадука и Саука, и дружину их избиша. И на заутрее за Новым Городом разгнахом силны вои Белкатгина, а семечи и полон весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходих 1-ю зиму. И пакы по Изяславичих за Микулин, и не постигохом их. И на ту весну к Ярополку совкуплятъся на Броды.

Том же лете гонихом по половьцих за Хорол, иже Горошин взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читеевичи, к Меньску: изъехахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отець в Переяславли перед братьею, и ходихом за Супой. И едучи к Прилуку городу, и сретоша ны внезапу половечьские князи, 8 тысячь, и хотехом с ними ради битися, но оружье бяхом услали наперед на повозех, и внидохом в город; толко семцю яша одиного живого, ти смерд неколико, а наши онех боле избиша и изьимаша, и не смеша ни коня пояти в руце, и бежаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожин день, идохом к Беле Вежи, и Бог ны поможе и святая Богородица: *избихом* 900 половець, и два князя *яхом*, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомь на Святославль гонихом по половцих, и потомь на Торческый город, и потомь на Гюргев по половцих. И пакы на той же стороне у Красна половци победихом; и потомь с Ростиславом

же у Варина веже взяхом. И потом ходив Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополк умре.

И пакы по отни смерти и *при* Святополце, на *Стугне* бившеся съ половци до вечера, *бихом* — у Халепа, и потом мир створихом с Тугорканом и со инеми князи половечьскими; и у *Глебовы* чади пояхом дружину свою всю.

И потом Олег на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимь 8 дний о малу *греблю*, и не вдадуче *внити* им въ острог; *съжаливъси* хрестьяных душь и сел горящих и манастырь, и рех: «Не хвалитися поганым!». И вдах брату отца *его* место, а сам идох на отця своего место Переяславлю. И *выидохом* на святаго Бориса день ис Чернигова, и ехахом сквозе полкы половьчские, не въ 100 дружине, и с детми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з гор, Бог и святый Борис не да им мене в користь, — невредимы доидохом Переяславлю.

И седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои их за Римов, и Бог ны поможе — *избихом я̀*, а другия *поимахом*.

И пакы Итлареву чадь избиша, и вежи их взяхом, шедше за Голтавомь.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложил к половцем. И на Бог идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолиньску идохом, с Давыдомь смирившеся. Паки, идохом другое с Воронице.

Тогда же и торци придоша ко мне, и с половець Читеевичи, идохом противу им на Сулу.

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. *И-Смолиньска* идох Ростову.

И пакы, с Святополком гонихом по Боняце, но ли оли... убиша, и не постигохом их. И потом по Боняце же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идох, и-Смоленска по Велице дни выидох; и Гюргева мати умре.

Переяславлю пришед на лето, собрах братью.

И Боняк приде со всеми половци къ Кснятиню, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и Бог ны поможе, и полъкы их победихом, и князи изьимахом лепшии, и по Рожестве створихом мир съ *Аепою*, и поим у него дчерь, идохом Смоленьску. И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на *Урусобу* с Святополком, и Бог ны поможе.

И потом паки на Боняка к Лубьну, и Бог ны поможе.

И потом ходихом *к Воиню* с Святополком; и потом пакы на Дон идохом с Святополком и с Давыдом, и Бог ны поможе.

И к Выреви бяху пришли Аепа и Боняк, хотеша взяти й, ко Ромну идох со Олгомь и з детми на нь, и они *очутивше* бежаша.

И потом к Меньску ходихом на Глеба, оже ны бяше люди заял, и Бог ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злоб его.

А и-Щерьнигова до Кыева *нестишьды* ездих ко отцю, днем есм переездил до вечерни. А всех путий 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И миров есм створил с половечьскыми князи без одиного 20, и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое. И пустил есм половечскых князь лепших из оков толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня* братье 4, а всех лепших князий инех 100. А самы князи Бог живы в руце дава: Коксусь с сыномь, Аклан, Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, и инех кметий молодых 15, то тех живы вед, исек, вметах в ту речку въ *Салню*. По чередам избьено не съ 200 в то время лепших.

А се тружахъся ловы дея: понеже седох в Чернигове, а и-Щернигова вышед, и *до сего* лета по сту *уганивал* и имь даром всею силою кроме иного лова, кроме Турова, *идеже* со отцемь ловил есм всяк зверь.

А се в Чернигове деял есм: конь диких своима рукама связал есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кроме того *же* по *ровни* ездя имал есм своима рукама те же кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другый рогома бол, вепрь ми на бедре мечь оттял, медведь ми у колена подъклада укусил, лютый зверь скочилъ ко мне на бедры и конь со мною поверже. И Бог невредена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руце и нозе свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая собе упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творил, что было надобе, весь наряд, и в дому своемь то я творил *есмь*. И в ловчих ловчий наряд сам есмь держал и в конюсех, и о соколех и о ястрябех.

Тоже и худаго смерда и убогые вдовице не дал есм силным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есм призирал.

Да не зазрите ми, дети мои, *ни* ин кто, прочет, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославьляю милость его, иже мя грешнаго и худаго селико лет сблюд от тех час смертных, и не ленива мя был створил, худаго, на вся дела человечьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснетеся на вся дела добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы Бог подасть. Оже бо яз от рати, и от звери от воды, от коня

спадаяся, то никтоже вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелено. А иже от Бога будет смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти, но *аче* добро есть блюсти, Божие блюденье леплее есть человечьскаго.

〈ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ〉

О многострастный и печалны аз! Много борешися сердцемь, и одолевши, душе, сердцю моему, зане, тленьне сущи, помышляю, како стати пред страшным судьею, каянья и смеренья не приимшим межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть». И пакы: «Аще не отпустите прегрешений брату, ни вам отпустить Отець вашь небесный». Пророк глаголеть: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье». «Что есть добро и красно, *но ежи жити* братья вкупе!» Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных *дедех* наших, при добрых и при блаженых отцих наших. Дьявол бо не *хочет* добра роду человечскому, *сваживает* ны. Да се ти написах, зане принуди мя сын *мой*, его же еси хрстил, иже то седить близь тобе, прислал ко мне *мужь свой* и грамоту, река: «Ладимъся и смеримся, а братцю моему суд пришел. А ве ему не будеве местника, но възложиве на Бога, а станугь си пред Богомь; а Русьскы земли не погубим». И аз видех смеренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекох: он въ уности своей и в безумьи сице смеряеться — на Бога укладаеть; аз человек грешен есмь паче всех человек.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю́ приимеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоем писаньи. Сими бо словесы варих тя переди, его же почаях от тебе, смереньем и покаяньем, хотя от Бога ветхых своих грехов *оставления*. Господь бо нашь не человек есть, но Бог всей *вселеней*, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть, то сам претерпе хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владея и смертью. А мы что есмы, человеци грешни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славе и въ чти, а заутра в гробе и бес памяти, ини собранье наше разделять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чим има *порты*? но токмо оже еста створила души *своей*. Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мне варити мене. Егда же убиша детя мое и твое пред тобою, и бяше тебе, узревше кровь его и тело увянувшю, яко цвету нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи *въ* помыслы души своей: «Увы мне! что створих? И пождав его безумья, света сего мечетнаго кривости ради налезох грех собе, отцю и матери слезы».

И рещи бяше Давыдскы: «Аз знаю, грех мой предо мною есть воину». Не крове деля пролитья,— помазаник Божий Давыд, прелюбоденье *створив* посыпа главу свою и плакася горко; во тъ час отда ему согрешенья его Бог. А к Богу бяше покаятися, а ко мне бяше грамоту утешеную, а сноху мою послати ко мне, зане несть в ней ни зла, ни добра, да бых обуим оплакал мужа ея и оны сватбы ею въ песний место: не видех бо ею первее радости,

ни венчанья ею, за грехы своя! А Бога деля пусти ю́ ко мне вборзе с первым *сломь*, да с нею кончав слезы, посажю на месте, и сядет акы горлица на сусе древе желеючи, а яз утешюся о Бозе.

Тем бо путем шли *деди и* отци *наши*: суд от Бога ему пришел, а *не* от тебе. Аще бы тогда свою волю створил, и Муром налезл, а Ростова бы не заимал, а послал ко мне, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумей, мне ли бы послати к тебе достойно, ци ли тобе ко мне? Даже еси велел детяти: «Слися къ отцю», *десятью* я есм послал.

Дивно ли, оже мужь умерл в полку ти? Лепше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего,— ни мене в сором, ни в печаль ввести. Научиша бо й паропци, да быша собе налезли, но оному налезоша зло. Да *еже* начнеши каятися Богу, и мне добро сердце створиши, послав сол свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добром, и наю сердце обратиши к собе, и лепше будем яко и преже; несм ти ворожбит, ни местьник. Не хотех бо крови твоея видети у Стародуба: но не дай ми Бог крови от руку твоею видети, ни от повеленья *твоего*, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Бог мя ведаеть и крест честный. Оли то буду грех створил, оже на тя шед к Чернигову, поганых деля, *а* того ся каю; да то языком братьи пожаловах, и пакы ё поведах, зане человек есмь.

Аще ти добро, да с темь... али ти лихо е, да то ти седить сын твой хрестьный с малым братом своимь, хлеб едучи дедень, а ты седиши в своем — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскей земли. А его же то и хощеши насильем, тако ве даяла и у Стародуба и *милосердуюча* по тебе, отчину твою. Али Бог послух тому, с братом твоим рядилися есве, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есве лиха ничтоже, ни рекла есве: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от Бога мира узрети на оном свете души его!

Не по нужи ти молвлю, ни беда ми которая по Бозе, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего света сего.

На страшней при бе-суперник обличаюся. И прочее.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

(Перевод)

Поучение

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Монома-

хов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях[1], помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь[2], в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.⟨...⟩

Ибо как Василий учил[3], собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши как обагренные,— как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его

кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои»,— и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи,— если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела

и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше,— нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна[4] или на отрока[5], чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком,— то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши

Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

⟨РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ⟩

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью[6] с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске[7] мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов[8] до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск[9] войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигов, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега[10]. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве[11].

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля[12] и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин[13], и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды[14].

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин[15].

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой[16]. И по пути к Прилуку-городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ-город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза и на горах,— Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка[17], за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел: из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла[18].

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою[19], и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусобу со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней

диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников[20] не полагаясь, ни на биричей[21], сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие обережение лучше человеческого.

⟨ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ⟩

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю»,— ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вас не простит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал,

потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою[22], что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам потерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые рапустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а совершив прелюбодияние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Давно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, чо мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Смысл фразы — «к концу жизни» «на склоне лет». Связано с обрядовым смыслом этого образа: см. примечание 23 к «Сказанию о Борисе и Глебе».

[2] *Псалтырь* — см. примечание 12 к «Сказанию о Борисе и Глебе». В Древней Руси существовал обычай гадать по Псалтыри.

[3] *Василий Великий Кесарийский* (ум. 379) — епископ города Кесарии (Малая Азия), церковный писатель.

[4] *Тиун* — княжеский управляющий.

[5] См. примечание 9 к «Сказанию о Борисе и Глебе».

[6] См. примечание 20 к «Сказанию о Борисе и Глебе».

[7] Где находился Сутейск, неизвестно.

[8] *Глогов* — совр. город Глогув на реке Одра в Польше.

[9] Где находился Одреск, неизвестно.

[10] Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова (1078), о которой вспоминает и автор «Слова о полку Игореве» (см. примечание 33 к «Слову»).

[11] *Обров* — урочище в Переяславском княжестве.

[12] *Лукомль, Логожск* — города в Полоцком княжестве.

[13] *Микулин* — город на реке Серет.

[14] *Броды* — город на границе Руси с Польшей, в Волынском княжестве.
[15] *Горошин* — город в Переяславском княжестве на реке Суле.
[16] *Супой* — левый приток Днепра. *Супой* и *Сула* — пограничные с Половецкой степью реки.
[17] *Боняк* — половецкий хан.
[18] *Юрьева мать* — Гита, мать Юрия Долгорукого (90-е годы XI в.—1157), младшего сына Мономаха. Она была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда.
[19] *Аепа* — половецкий хан.
[20] *Посадник* — представитель государственной власти, избираемый из высших слоев городского населения.
[21] *Бирич* — сборщик податей, блюститель порядка.
[22] Старший сын Мономаха Мстислав Великий (1076—1132) был крестником Олега.

Киево-Печерский патерик
(Отрывки)

Патериками назывались сборники назидательных рассказов об «отцах церкви» — подвижниках монашеской и отшельнической жизни. Уже в период возникновения древнерусской литературы на Руси появились переводные патерики. Первым оригинальным русским патериком был Киево-Печерский патерик — сборник рассказов о Киево-Печерском монастыре. В нем нашли отражение традиции переводных патериков. Но он отличался от них и литературным характером, и связью с реальным бытом, и описанием исторических личностей XI—XII вв., и историей возникновения.

Постриженик Киево-Печерского монастыря, Владимиро-Суздальский епископ Симон в 20-х годах XIII в. написал послание монаху этого монастыря Поликарпу. Он упрекал Поликарпа в чрезмерном честолюбии, несовместимом с иноческим чином (Поликарп добивался высокой церковной должности). Желая наглядно показать святость и богоизбранность Киево-Печерского монастыря, Симон присоединил к своему посланию девять рассказов о подвигах печерских иноков. Еще до этого послания Симон описал историю создания Печерской Успенской церкви. В те же 20-е годы XIII в., возможно, побужденный посланием Симона, Поликарп пишет послание игумену монастыря Акиндину, сопровождая его одиннадцатью рассказами из жизни монастыря. В XIII в. к этим текстам было присоединено «Слово о первых черноризцах печерских» из «Повести временных лет». Объединение этих произведений явилось первоначальным ядром Киево-Печерского патерика. До нас патерик дошел в более поздних редакциях, дополненных новыми рассказами. Все рассказы были созданы до XIII в.

Древняя дошедшая до нас датированная редакция патерика была составлена по инициативе тверского епископа Арсения в 1406 г. (Арсениевская редакция). Составитель включил в патерик «Житие Феодосия Печерского», написанное Нестором, «Похвалу Феодосию» и «Сказание о начале Печерского монастыря» (предположительно также принадлежит перу Нестора). Одновременно в этой редакции основной текст подвергся некоторым сокращениям.

Независимо от Арсениевской редакции в 1460 и 1462 гг. в стенах Киево-Печерского монастыря были созданы первая и вторая Кассиановские редакции патерика (в их создании принимал участие инок монастыря Кассиан). В этих редакциях текст дополнился новыми статьями. По предположению А. А. Шахматова, источником дополнений Кассиановских редакций послужила Печерская летопись, составленная в начале XII в. Вторая Кассиановская редакция получила наибольшее распространение, она легла в основу всех дальнейших переработок этого произведения. Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 2. С. 412—623. В хрестоматии публикуются отрывки из второй Кассиановской редакции.

ИЗ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА

(Древнерусский текст)

О святых блаженых первых черноризцех печеръскых, иже в дому пречистыа божиа матере въ божественых добродетелех просиявших, въ пощении же и въ бдении и въ прорицании дара, въ святем манастыри печерьском. Слово 12.

Бе въ истинну предивно чюдо видети, братие, съвъкупи бо Господь такы черноризци въ обители матере своея. Яко пресветлаа светила въ Руской земле сиаху: ови бо бяху постници, другыа же на бдение, инии же на коленопоклонение, овии же на пощение чресь день или чресь два дьни, инии ядяхут хлеб с водою, инии же зелие варено, друзии же сурово; и вси в любви пребывающе, меньшии покоряющеся старейшим, не смеюще пред ними глаголати, но все съ покорением и послушанием великым, тако же и старейшии имеаху любовь к меньшим, наказующе их и утешающе, яко чада своя възлюбленнаа. И аще который брать впадаше в некое съгрешение, и утешаху его и того единого епитемию разделяху любо трие или четыре, за великую любовь. Такова бяшеть божественнаа любовь в той святей братии, въздръжание же и смирение. И аще некый брат отхождаше от манастыря, вся братиа о том имеаху печаль и посылаху по нь, призывающе въ манастыр брата, дабы вьзвратилъся, и егда прихожаше брат, и шедше къ игумену, поклоняахуся за брата и умоляху игумена, абие же приимаху брата с радостию въ манастырь. Такови бо бяху тогда чрънoризци, постници, въздержьници. От них же наменю неколико мужь чюдных.

Яко се убо бысть первый Дамиан презвитерь. Бяше таковь постъник, яко разве хлеба и воды ничто же ядяше до дьне смерти своея. И аще убо когда приносяше кто детищь болень, каковемь убо недугом одръжим бяше, приношаху въ манастыр къ преподобному Феодосию, той же повелеваше сему Дамиану молитву творити над болящим. И абие творяше и маслом святым помазываше, и приимаху исцеление приходящии к нему.

Единою же разболевшусся сему блаженому Дамиану и конець житию приати хотящу, и лежащу ему в немощи, и прииде к нему аггель въ образе Феодосиеве, обещаа ему царство небесное за труд его. По сем же прииде къ нему великый Феодосие з братиею и приседяще у него, оному же изнемогающу. Възревь же на игумена, рече: «Не забывай, отче, еже ми еси обещал в сию нощь». Разумев же великый Феодосие, яко видение виде, и рече ему: «Брате Дамиане, еже ти есм обещал, то ти будеть». Он же смеживь очи свои, и предасть дух в руце Божии. Игумен же и вся братиа погребоша тело его честно.

Тако же бе и другый брать, Иеремея именемь, иже помняше крещение Рускыа земля, и сему дар от Бога дан, провидяше бо хотящая быти. И аще кого видяше въ помышлении, то обличаше его въ тайне и наказываше блюстися от диавола; и аще который

брат умышляше ити из манастыря, он же пакы, пришед к нему, обличаше его мысл и утешаше брата, и аще кому глаголаше что добро или зло, то събывашеся слово старче.

Бе же ин старець, именем Матфей; бе бо прозорливь. Единою же стоащу въ церкви на месте своем, възвед очи свои и позре по братии, ижи стоят по обема странама поюще, и виде беса, обьходяща въ образе ляха и въ приполце носяща цветкы, иже глаголются лепкы: възимаше и некакой з лона цветок и верзаше и́ на кого любо. И аще кому прильпяше цветокь стоящих от братии, то мало постояв и раслабевь умомь, вину собе притворивь какову убо, исхождаше ис церкви, и шед спаше и не възвращашеся на пение. Аще ли же верзаше на другаго от стоащих и не прельпяше ему цветокь, крепко стоаше въ пении своем, дондеже отпояху утренюю, и тогда идяху кождо въ келиа своя.

Обычай же бе сему старцу, по отпении утреняа братии отходящимь по келиам своим, сий же блаженый старець последи всех исхождаше из церкви. Единою же идущу ему и седе под клепаломь, хотяй опочинути, бе бо келиа его подале от церкве, и виде се яко толпа велика идяше от врат. И възвед очи свои, и виде единого беса, седяща на свиньи и величающася, и другыа округ его множество текуще. И рече им старець: «Камо идете?» и рече бес, седяй на свиньи: «По Михаля по Тобольковича». Старец же знаменася крестом и иде въ келию свою. И яко же бысть освитающу дьню, разуме старець видение и рече ученику своему: «Иди, въпрошай, есть ли Михаль въ келии?» И рече ему: «*Даве* изыйде по заутрени за ограду манастырьскую». Старець же поведа видение игумену и старейшей братии, еже виде, и призвав же игумень брата и утвръди его.

При сем же преподобнем Матфеи блаженный игумень Феодосие преставися, и бысть Стефань игуменом въ его место, и по сем Никон, и сему же старцю и еще въ житии сущу. *Стоящую ему на заутренеи, возрев, виде беса, на игумене месте стояща, и разумев старець, яко игумен не встал есть.*

И ина многа видениа провидяше, и почи старець о Господе въ добре исповедании въ Печерьском святем манастыри.⟨...⟩

О святем Афанасии Затворнице, иже умер и пакы въ другий день оживе и пребысть лет 12. Слово 19

Бысть убо и се в том же святем манастыри. Брать единь, живый свято и богоугодно житие, именем Афанасие, болевь много, умре. Два же брата отерше тело его мертво и отъидоста, увивше его, якожде подобаеть мертваго. По прилучаю же пришедше неции, видевша того умерша, и отъидоша. Пребысть же мертвый весь день не погребен, бе бо убогь зело и не имеа ничто же мира сего, и сего ради небрегом бысть: богатым бо всяк тьщиться послужити и в животе и при смерти, да наследит что.

В нощи же явися некто игумену, глаголя: «Человек божий сей имат

два дьни непогребен, ты же веселишися». И уведав же игумен о сем, въ утрий день съ всею братиею прииде къ умершему, и обретоша его седяща и плачюща. Ужасошася, яко видевше того оживша, и въпрошахут того, глаголюще: «Како оживе или что виде?» Сей же не отвещаваше ничто же, точию: «Спаситеся!» Они же моляхуться ему услышати что от него, да и мы, рече, пользуемься. Он же рече к ним: «Аще вы реку, не веруете ми». Братиа же к нему съ клятвою реша, яко: «Съхраним все, еже аще induced речеши нам». Он же рече им: «Имейте послушание въ всем къ игумену, и кайтеся на въсяк час, и молитеся Господу Иисусу Христу и пречистей его матере и преподобным Антонию и Феодосию, да скончаете живот свой зде и съ святыми отци погребены быти сподобитеся в печере. Се бо болеи всех вещей три сиа вещи суть, аще ли кто постигнет сиа вся исправити по чину,— точию не възносися. И к тому не въпрошайте мене, но молю вы ся, простите мя».

Шед же в печеру и заградив о себе двери, и пребысть, не глаголя никому же ничто же, дванадесять лет. Егда же хотяше преставитися, призвавь всю братию, тожде им глаголаше, еже испервa, о послушании и о покаянии, глаголя: «Блажень есть, иже зде сподобивыйся положен быти». И сие рекь, почи съ миром о Господе.

И бе некто брать единь, боляй лядвиами от лет мног, и принесень бысть надо нь; обоим же тело блаженаго, и исцеле от того часа, и дажде до дьне смерти своея никакожде поболе лядвиами, ниже инем чим. Сему же исцелевшему имя Вавила. И тъй сказа братии сице: «Лежащу ми, рече, и въпиющу от болезни, и абие вниде сий блаженый и глаголя ми: «Прииди, исцелю тя». Аз же хотя того въпрашати, когда и коли семо прииде, он же абие невидим бысть». И оттоле разумеша вси, яко угоди Господеви, никогда же бо изыйде и виде солнца въ 12 лет, и плачася не преста день и нощь, ядяше бо мало хлеба и воды поскуду пиаше, и то чресь день. И се слышах от того Вавилы, исцеленнаго им.

Аще ли кому неверно мнится се написание да почтет житиа святых отець наших Антониа и Феодосиа, началника руским мнихом, и тако да верует. Аще ли ни тако преминиться, неповинни суть, подобает бо събытися притьче, реченней Господом: «Изыйде сеяй сеяти семени своего, и ова паде при пути, и другое въ тернии» — иже печальми житийскями подавляются, о них же пророк рече: «Одебеле сердце людий сих, ушима тяжко слышаша»; другый же: «Господи, кто верова слуху нашему?»

Къ Поликарпу. Ты же, брате и сыну, сим не въследуй, не тех бо ради пишю сие, но да тебе приобрящу. Съвет же ти даю: благочестием утвердися въ святем том манастыри Печерьском, не всхощи власти, ни игуменьства, ни епископъства, и доволееть ти къ спасению, еже кончати жизнь свою в нем. Веси сам, яко могу сказати всех книгь подобнаа, уне ми, и тобе полезнаа, еже

от того божествьнаго и святаго манастыря Печерьскаго съдеаннаа и слышаннаа от многых мало сказати.⟨...⟩

О двою брату, о Тите попе и Евагрии диаконе, имевшим вражду между собою. Слово 23.

Два брата беста по духу: Евагрий диакон, Тить же поп. Имяста любов велику и нелицемерну межди собою, яко всем дивитися единоумию их и безмерней любви. Ненавидяй же добра диавол, иже всегда рыкаеть, яко лев, ища кого поглотити, и сътвори има вражду, и тако ненависть вложи има, яко и в лице не хотяху видети друг друга. Многажды же братиа моливше ею, еже смиритися има межи собою, они же ни слышати хотяху.

Егда же стояше Евагрий въ церкви, идущу Титови с кадилницею, отбегаше Евагрий фимиана; егда же ли не бежаше, то преминоваше его Тит, не покадив. И пребыста много время въ мраце греховнем. Тит убо служаше, прощениа не възма, Евагрий же комкаше гневаася. На се врагу въоруживше их.

Некогда же сему Титови разболевшуся вельми и уже в нечаании лежащу, нача плакатися своего лишениа, и посла съ умилениемь къ диакону, глаголя: «Прости мя, брате, Бога ради, яко гневахся на тя». Сей же жестокыми словесы проклинаше его. Старци же тии, видевше Тита умирающа, влечааху Евагриа нуждею, да проститься съ братом. Больный же, видев брата, мало въсклонься, паде ниць пред ногама его, съ слезами глаголя: «Прости мя, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отвръжеся пред всеми нами, глаголя: «Николи же хощу с ним прощениа имети, ни в сий век, ни въ будущий», исторгъся от руку старець тех, и абие падеся. И хотевшимь нам въставити его, и обретохомь его умрътша, и не могохом ему ни рукы протягнути, ни уст свести, яко давно уже умерша. Болный же скоро въстав, и яко николи же болев.

Мы же ужасохомся о напрасной смерти его и о скорем исцелении сего, и много плакавше, погребохом Евагриа, отверьсты имый уста и очи, и руце растяжене.

Въпросихом же Тита: «Что се сътворися?» Тит же сказаше нам, глаголя: «Видех,— рече,— аггелы отступлъше от мене и плачющася о души моей, беси же радующеся о гневе моем, и тогда начах молити брата, да простит мя. Егда же его приведосте къ мне, и видех аггела немилостива, держаще пламенное копие, и егда же не прости мене, удари его, и падеся мертв, мне же подасть руку и въстави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомься Бога рекшаго: «Оставите — и оставяться вам». Рече бо Господь: «Всяк, гневаайся на брата своего без ума, повинень есть суду». Ефрем же: «Аще кому случиться въ вражде умрети, неизмолим суд обрящют таковии».

Аще ли же сии святых ради Антонка и Феодосиа отрады не приметь, люте человеку тому, сицевою страстию побежену быти.

К ъ П о л и к а р п у. От нея же и ты, брате, блюдися, не дай же места гневливому бесу, ему же бо кто повинеться, тому и поработиться, но скоро падь поклонися враждующему на тя, да не предань будеши аггелу немилостивому, да и тебе съхранить Господъ от всякого гнева. Тъй бо рече: «Да не зайдет солнце въ гневе вашем». Тому слава съ Отцем и съ святым Духом ныне и присно.⟨...⟩

О святем Григории чюдотворци. Слово 28

Сей блаженный Григорие прииде к святому отцю нашему Феодосию в Печерьскый манастыръ и от него научен бысть житию чернеческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелем. Молитвам же паче прилежаше, и сего ради приать на бесы победу, еже и далече сущим им въпити: «О Григорие, изгониши ны молитъвою своею!» Имеаше бо блаженный обычай по всяком пении запрещалныа творити молитвы.

Не терпя же старый врагь прогонениа от него, не могый чим инем житию его спону сътворити, научи злыа человекы, да покрадут его. Не бе бо иного ничто же имеа разве книг. Въ едину же нощь приидоша татие и стрежаху старца, да егда изыйдеть на утренюю, и шедше възмуть вся его. Ощутив же Григорие приход их,— всегда бо по вся нощи не спаше, но пояше и моляшеся беспрестани посреде келии своея. Помоли же ся и о сих, пришедших красти: «Боже! Дай же сон рабом твоим, яко утрудишася въсуе, врагу угажающе». И спаша 5 дний и 5 нощий, дондеже блажений, призвавь братию, възбуди их, глаголя: «Доколе стрежете въсуе, покрасти мя *хотяще*? Уже отъидете в домы своя». Въставше же, и не можаху ити, бяше бо изнемогли от глада. Блаженый же давь им ясти и отпусти их.

И се уведав градскый властелин и повеле мучити татие ти. Стужив же си Григорие, яко его ради предани суть, и шед, дасть книгы властелину, татие же отпусти. Прочаа же книгы продав, и раздасть убогым, рек тако: «Да не како в беду впадут хотящии покрасти я́». Рече бо Господь: «Не скрывайте собе съкровища на земли, иде же татие подкопывают и крадут; съкрывайте же собе сокровище на небесех, иде же ни тля тлить, ни татие крадуть. Иде же бо съкровище ваше, ту и сердца ваша». Татие же тии, покаавшеся чюдеси ради бывшаго о них, и к тому не възвратишася на перваа дела своя, но пришедше в Печерьскый манастыр вдашася на роботу братии.

Имеаше же сей блаженый мал оградець, иде же зелие сеяше и древа плодовита. И на се пакы приидоша татие, и егда възяша бремена своя, хотяще отъити, и не възмогоша. И стояша два дни неподвижими и угнетаемы бремены, и начаша въпити: «Господине Григорие, пусти ны, уже покаемся грехов своих, и к тому не створим сицевы вещи». Слышавше же черноризци, и пришедше яша их, и не могоша свести их от места того. И въпросиша их: «Когда семо приидосте?» Татие же реша:

«Два дьни и две нощи стоим зде». Мниси же реша: «Мы всегда выходяще, и не видехом вас зде». Татие же реша: «Быхом мы видели вась ту, убо молилися быхом вам съ слезами, дабы нас пустил. Се уже изнемогше, начахом въпити, ныне же молите старца, да пустить нас».

Григорий же пришед и глагола им: «Понеже праздны пребысте весь живот свой, крадуще чюжаа труды, а сами не хотяше тружатися, ныне стойте ту праздны прочаа лета до кончины живота своего». Они же съ слезами моляху старца к тому не сътворити им таковаго съгрешениа. Старець же умилися о них и рече: «То аще хощете делати и от труда своего инех питати, то уже пущю вы». Татие же съ клятвою реша: «Никако же преслушаемся тебе». Григорий же рече: «Благословен Бог! Отселе будете работающе на святую братию, и от своего труда на потребу их приносите». И тако отпусти их. Татие же скончаша живот свой в Печеръском манастыри, оград предержаще; их же, мню, исчадиа и доныне суть.

Иногда же пакы приидоша трие неции, хотяще искусити сего блаженнаго. И два от них молиста святаго, ложно глаголюще: «Сий друг нашь есть, и осужден есть на смерть. Молим же тя, потшися избавити его, дай же ему чим искупитися от смерти». Григорий же въсплакався жалостию, провиде бо о нем, яко приспе конець житию его, и рече: «Люте человеку сему, яко приспе день погыбели его!» Они же реша: «Ты же, отче, аще даси что, то сий не умрет». Се же глаголаху, хотяще у него взяти что, да разделять. Григорий же рече: «И аз дам, а сий умреть». И въпроси их: «Коею смертию осужден есть?» Они же реша: «На древе повешен хощеть быти». Блаженый же рече им: «Добре осудисте ему, заутра бо сий повеситься». И пакы сниде в погреб, иде же молитву творяше, да не како ум ему слышить земнаго что, ниже очи его видита что суетных,— и оттуду изнесь оставлъшаа книгы, дасть им, рек: «Аще не угодно будеть, възвратите ми». Они же, веземше книгы, начаша смеатися, глаголюще: «Продавше сие, и разделим собе». Видевше же древеса плодовита, и реша к собе: «Приидем в сию нощь и обьемлем плоды его».

Наставши же нощи, приидоша сие трие и запроша мниха в погребе, иде же бе моляся. Един же, его же реша на древе повесити, възлезь горе, нача торгати яблоки, и яся за ветвь: оной же отломльшися, а сии два устрашившася отбегоша, сий же летя, яться ризою за другую ветвь и, не имеа помощи, удавися ожерелием.

Григорий бо запрен бе, и не обретеся приити къ сущии братии въ церков. Изшедше же вон из церкви и вси видеша висяща человека мертва, и ужасошася. Поискавше же Григориа, и обретоша его в погребе затворенна. Изшедше же убо оттуду, блаженный повеле сняти мертваго и къ другом его глаголаше: «Како се убо събысться ваша мысль! Бог бо непоругаем бываеть. Аще бысте мя не затворили, то аз пришед снял бых его съ

древа, и не бы сей умерл. Понеже враг вы научи хранити сует-наа лжею, тем же милость свою оставили есте». Слышавше же ругателе та събытья словесь его, пришедше, падоша на ногу его, просяще прощениа. Григорий же осуди их в работу Печерьскому манастырю, да к тому тружающеся, свой хлеб ядят и доволни будут инех напитати от своих трудов. И тако тии скончаша живот свой, и с чады своими работающе в Печерьском манастыри рабом пресвятыа Богородица и учеником святаго отца нашего Феодосиа.

Подобно же и се сказати о нем, юже претерпе блаженый страсть смертную. Некакова вещь манастырьскаа приключися: от падения животнаго осквернену быти съсуду, и сего ради преподобный Григорие сниде къ Днепру по воду. В той же час приспе князь Ростислав Всеволодичь, хотя ити в Печерьский манастыр молитвы ради и благословениа, бе бо идый противу ратным половцем съ братом своим Владимером. Видевше же отроци его старца сего, начаша ругатися ему, метающе словеса срамнаа. Разумев же мних всех при смерти суща, и нача глаголати: «О чада, егда бе требе умиление имети и многы молитвы искати от всех, тогда же вы паче злое творите, яже Богови неугодна суть. Но плачитеся своея погибели и кайтеся своих съгрешений, да поне отраду приимете въ страшный день, уже бо вы постиже суд, яко вси вы въ воде умрете и съ князем вашим». Князь же, страха Божиа не имеа, ни на сердци собе положи сего преподобнаго словес, мнивь его пустошь глаголюща, яже пророчьствовавше о нем, и рече: «Мне ли поведаеши съмерть от воды, умеющу бродити посреди ея?» И тогда разгневася князь, повеле связати ему руце и нозе и камень на выи его обесити, и въврещи въ воду. И тако потоплен бысть. Искавше же его братиа два дни и не обретоша, въ третий же день приидоша в келию его, хотяще взяти оставлъшаа его, и се мерьтвый обретеся в келии связан, и камень на выи его, ризы же его еще бяху мокры, лице же беаше светло, сам же акы жив. И не обретеся кто принесый его, но и келии заключене сущи. Но слава о сем Господу Богу, творящему дивнаа чюдеса своих ради угодник. Братиа же, изънесше тело его, и положиша в печере честно, иже и за многа лета пребысть цело и нетленно.

Ростислав же, не пщевавь вины о гресе и не иде въ манастырь от ярости. И не въсхоте благословениа, и удалися от него; възлюби клятву, и прииде ему. Владимер же прииде въ манастыр молитвы ради. И бывшим им у Треполя и полкома снемъшимася и побегоша князи наши от лица противных. Владимер же преeха реку, молитв ради святых и благословениа, Ростислав же утопе съ всеми своими вои, по словеси блаженаго Григориа: «Им же бе, рече, судом судите — судиться вам, в ню же меру мерите — възмериться вам».

Разумейте опасно, обидящии, притчю, реченную Господем въ святем Еуаггелии, судию немилостиваго и вдовицю обидимую, къ нему же прихождаше часто и стужаше ему, глаголющи:

5–811

«Мьсти мене от суперника моего». Глаголю бо вам, яко сътворить Господь въскоре месть рабом своим, тъй бо рече: «Мне месть — и аз отмъщю». Глаголеть Господь: «Не приобидете единого от сих малых, яко аггели их всегда видять лице Отца моего, иже есть на небесех». Яко праведен Господь и правду възлюби, и праваа виде лице его. Еже бо человек всееть, то и пожнет. Сицева гордым отмъщениа, им же Господь противиться, смиренным же дает благодать. Тому слава съ Отцемь и съ святым Духом ныне и присно и въ векы веком. Аминь.⟨...⟩

О Прохоре черноризце, иже молитвою въ былии, Глаголемей лобода, творяше хлебы и въ пепелу соль. Слово 31

Яко же изволися человеколюбцю Богу о своей твари, на вся времена и лета промышляа роду человечьскому и полезнаа даруя. Ожидаа нашего покааниа, наводит на ны овогда глад, овогда ли рати за неустроение сущаго властелина. Симь бо приводить Владыка нашь человечьское нерадение на добродетель, на память дел неподобных, ибо делающаа злаа и неподобная дела предани будуть злым и немилостивым властелинам, грех ради наших, но ни тии убежат суда: суд бо без милости не сътворшему милости.

Бысть убо въ дьни княжениа Святополча въ Киеве. Много насилиа людем сътвори Святополк, домы бо силных до основаниа без вины искоренив иימениа многым отъем. Сего ради попусти Господь поганым силу имети над ним, и быша брани многы от половець. К сим же и усобица бысть в та времена, глад крепок, и скудость велиа при всем в Руской земли.

Бысть же въ дьни тыи прииде некый человек от Смоленьска къ игумену Иоанну, хотя быти мних, его же и постриг, Прохора того именова. Сей же убо, быв черноризець, вдасть себе в послушание и въздръжание безмерное, яко и хлеба себе лишив. Събирает убо лободу и своима рукама стираа, хлебь себе творяше и симь питашеся. И се приготовляше до году, и въ преидущее лето то же приготовляше, яко доволну ему быти без хлеба весь живот свой.

И виде Господъ терпение его и великое въздержание, преложи ему горесть ону на сладость, и по печали бысть ему радость, по реченному: «Вечерь въдвориться плачь, и заутра радость». И сего ради прозван бысть Лобедник, ибо николи же хлеба въкуси, разве просфоры, ни овоща никакова же, ни питиа, но точию лободу и воду, яко же и выше речеся. Сий не поскорбе николи же, но всегда работаше Господеви радуася. И не устрашися николи же находящиа рати, зане бысть житие его, яко единому от птиць, не стяжа бо сел, ни житница, иде же съберееть благаа своа. Сий не рече, яко же богатый: «Душе, имаши многа благаа, лежаща на многа лета, ежь, пий, веселися!» Иного бо не имяше, разве точию лободу, но се приготовляше токмо на

преидущее лето, глаголаше же къ собе: «Человече, в сию нощь душю твою истяжут от тебе аггели, а яже приготованнаа лобеда кому будеть?» И сий делом исполнив слово Господне реченное, еже рече: «Възрите на птица небесныя, яко ни сеють, ни жнут, ни в житницю събирають, но Отець вашь небесный питаеть их». Симь ревнуа, сий преподобный Прохор легко преходя путь, иде же бываше лобода, то оттуду на свою раму, яко на крылу, въ манастыръ приношаше, на свою кормлю готовляше: на неоранней земли ненасеаннаа пища бываше ему.

Гладу же велику приспевшу и смерти належащи глада ради бывающаго на вся люди, блаженный же дело свое съдержаше, събираа лобеду. Сего видев некый человек събирающа лобеду, начат и тъй събирати лобеду, себе же ради и домашних своих, да тем препитаються въ гладное время. Сему же тогда блаженому паче умножашеся лобеда на пищю, и болий труд собе творяше в тыи дьни, събираа таковое зелие, яко же и преже рех, и своима рукама стираа, творяше хлебы и раздаваше неимущимь и от глада изнемогающим. Мнози же бяху тогда к нему приходяще въ гладное время,— он же всемь раздаваше, и всем сладко являшеся, яко с медом суще, и не тако хотети кому хлеба яко же от руку сего блаженнаго сътвореннаго от дивиаго зелиа приати. Кому бо даяше съ благословением, то светел и чист являшеся и сладок бываше хлеб; аще ли хто взимаше отай, обреташеся хлеб аки пелынь.

Некто бо от братиа в тайне украд хлеб, без того повелениа ясть, и не можаше ясти, зане обреташеся в руку его акы пелынь, и горек паче меры являшеся. И се сътворися многажды. Стыдяше же ся, от срама не могый поведати блаженному своего съгрешениа. Гладен же быв и не могый терпети нужда естественьныа, видя смерть пред очима своима, и приходить къ Иоанну игумену, глаголя, поведаа събывшееся, прощениа прося о своемь съгрешении. Игумен же, не веровав реченным, повеле иному брату се сътворити: въ тайне хлеб взяти, да разумеють истинно, аще тако есть. И принесену бывшу хлебу, и обретеся такожде, яко же и крадый поведа брат, и не можаше никто же въкусити его от горести. Сему же сущю и еще в руках его, посла игумен испросити хлеб, да от руку его, рече, възмете, и отходяще же от него, и другый хлеб украдите. Сима же принесеныма бывшима, украденый же хлеб пред ними пременися, и бысть яко прьсть горек, акы и первый, а взятый же хлеб от руку его — аки мед, и светел явися. И сему чюдеси бывшу, прослу таковый муж всюду, и многы прекормив алъчныа, и многым на ползу быв.

Егда Святополк съ Давыдом рать зачаста и про Василькову слепоту, еже ослепи Святополк, послушав Давыда Игоревича, с Володарем и самем Васильком, и не пустиша гостей из Галича, ни лодий от Перемышля, и не бысть соли въ всей Руской земли. Сицеваа неуправлениа быша, к сему же и грабления безаконнаа, яко же и пророк рече: «Снедающа люди своа въ хлеба место, Господа не призваша». И бе видети тогда сущаа

люди въ велицей печали и изнемогших от глада и от рати, и не имяху бо ни пшеница, ниже соли, чим бы скудость препроводити.

Блаженый же тогда Прохор, имеа келию свою, и събра множество пепелу от всех келий, не ведущу сего никому же, и се раздаваше приходящим, и всемь бываше чиста соль, молитвами его. И елико раздаваше, толико паче множашеся. И ничто же взимаа, но туне всем подаваше, елико кто хотяше, и не токмо манастырю довольно бысть, но и мирьскаа чада, к нему приходяще, обильно възимаху на потребу домом своим. И бе видети торжище упражняемо, манастыр же полн приходящих на приатие соли. И от того въздвижеся зависть от продающих соль, и сътворися им неполучение желаниа. Мневше собе в тыи дьни богатьство много приобрести в соли, бысть же им о том печаль велиа: юже бо преже драго продаваху, по две головажни на куну, ныне же по 10, и никто же възимаше.

И въставше вси, продающии соль, приидоша къ Святополъку и навадиша на мниха, глаголюще, яко: «Прохор чернець, иже есть в Печерьском манастыри, отъять от нас богатьства много: даеть соль всем к нему приходящим невъзбранно, мы же обнищахом». Княз же, хотя им угодити, двое же помысли в собе: да сущую млъву в них упразднить, собе же богатьство приобрящет. Сию мысль имеа въ уме своем, съвещав съ своими съветникы цену многу в соли, да ем у мниха, продавца ей будет. Тогда крамолникомь тем обещавается, глаголя: «Вас ради пограблю черньца», крыа в собе мысль приобретениа богатьства. Сим же хотя мало угодити им, паче же многу им спону творя, зависть бо не весть предпочитати еже полезное сътворити.

Посылает же князь, да възмут соль всю у мниха. Привезеней же бывши соли, и прииде князь, хотя видети ю́, и с теми крамолникы, иже навадиша на блаженаго, и видеша вси, яко пепель есть видети очима. Много же дивившеся: что, рече, се будеть, и недоумеахуся. Известно же хотя уведети, что будеть таковое дело, обаче же повеле ю́ съхранити до 3 дьний, да разумеють истинно. Некоему же повеле вкусити, и обретеся пепель въ устех его.

Приходящимь же по обычаю множество народа, хотяше взимати соль у блаженнаго, и уведавше пограбление старьче, възвращающеся тщама рукама, проклинающе сътворшаго сие. Блаженый же тем рече: «Егда исъсыпана будет, и тогда шедше разграбите ю́». Князь же, держав ю́ до 3-х дьний, повеле нощию изъсыпати ю́. Изъсыпану же бывшю попелу, и ту абие преложися в соль. И се уведавше, гражане пришедше разграбиша соль.

И сему дивному чюдеси бывшю, ужасеся сътворивый насилие: не могый же скрыти вещи, зане *пред* всем *градом* сътворися, и нача испытывати, что есть дело се. Тогда сказаша князю ину вещь, еже сътвори блаженый, кормя лобедою множество народа, и въ устех их хлеб сладок бываше; некотории же взяша един хлеб без его благословениа, обретеся аки перьсть и горек аки

пелень въ устех ихь. Си слышав князь и устыдевся о сътвореннем,и шед въ манастырь къ игумену Иоанну, покаася къ нему. Бе бо преже вражду имеа на нь, зане обличаше его несытьства ради, богатъства и насилиа ради. Его же ем, Святополк в Туров заточи, и аще бы Владимер Мономах на сего не въстал, его же убоався Святополк въстаниа на ся, скоро възврати съ честью игумена в Печерьскый манастырь.

Сего же ради чюдеси великую любов нача имети къ святей Богородици и къ святым отцемь Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора оттоле вельми чтяше и блажаше, ведый его въ истинну раба Божиа суща. Дасть же слово Богови к тому не сътворити насилиа никому же. Еще же и се слово утверди к нему князь, глаголя: «Аще убо аз, по изволению Божию, преже тебе отъиду света сего, и ты своима рукама въ гроб положи мя, да сим явиться на мне безъзлобие твое; аще ли ты преже мене преставишися и поидеши къ неумытному судии, то аз на раму своею в печерю внесу тя, да того ради прощение Господь подасть ми о многосътворением къ тобе гресе». И си рек, отъиде от него.

Блаженный же Прохор многа лета пожив и в добре исповедании, богоугодным, чистым и непорочным житием. Посем же разболеся святый, князю же тогда на войне сущу. Тогда святый наречение посылает к нему, глаголя, яко: «Приближися час исхода моего от тела; аще хощеши, прииди, да прощение възмеве и скончаеши обещание свое, да приимеши отдание от Бога и своима рукама вложиши мя въ гроб. Се бо ожидаю твоего прихода, да аще умедлищи, и аз отхожю, и не тако исправит ти ся брань, яко же пришедшу ти къ мне». И сиа слышав, Святополк в той час воа распустив и прииде скоро къ блаженому. Преподобный же, много поучив князя о милостини и о будущем суде, и о вечней жизни, и о бесконечней муце, дав ему благословение и прощение, и целовав вся сущаа съ князем, и въздев руце горе, предасть дух. Кня́з же, взем святаго старца, и несе и́ в́ печеру, и своима рукама въ гроб положи.

И по погребении блаженнаго поиде на войну, и многу победу сътворив на безбожныа агаряны, и взя всю землю их, и приведе въ свою землю их. Се бо бысть Богом дарованьнаа победа в Руской земли, по пророчению преподобнаго.

И оттоле убо Святополък, егда исхождаше или на рать или на ловы, и прихождаше въ манастырь съ благодарением, покланяяся святей Богородици и гробу Феодосиеву, и вхожаше в печеру къ святому Антонию и блаженному Прохору, и всем преподобным отцем покланяяся, исхожаше в путь свой. И тако добре строашеся Богом набдимое княжение его. Сам сведител быв, ясно исповедаа чюдеса же и знамение, яже быша преславнаа Прохора же и инех преподобных, с ними же буди всем улучити милость о Христе Исусе, Господе нашем, ему же слава съ Отцем и съ святымь Духом ныне и присно.〈...〉

ИЗ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА

(Перевод)

О первых святых и блаженных черноризцах печерских, которые в доме пречистой божьей матери, в святом монастыре печерском, просияли божественными добродетелями, постом, бдением и даром прорицаний. Слово 12

Поистине предивное чудо, братия, проявилось в том, что собрал Господь воедино таких черноризцев в обители матери своей. Как пресветлые светила сияли они в Русской земле: одни были постниками, другие подвизались в бдении, иные в земных поклонах, некоторые постились через день или через два, иные питались лишь хлебом и водой, а другие только вареными или сырыми овощами, и все в любви жили: меньшие покорялись старшим и не смели при них говорить, и все это делали с покорностью и с великим послушанием; также и старшие имели любовь к младшим, наставляя и утешая их, как детей своих возлюбленных. И если какой брат впадал в какое-нибудь прегрешение, другие утешали его, и по великой любви своей епитимию, наложенную на одного, разделяли трое или четверо. Такова-то была божественная любовь меж той святой братией и такое воздержание и смирение. И если какой-нибудь брат уходил из монастыря, вся братия сильно печалилась о том, и посылали за ним, призывая в монастырь этого брата, чтобы он возвратился; и если возвращался такой брат, то шли к игумену, кланялись и просили за брата игумена, и принимали брата этого в монастырь с радостью. Вот какие были тогда черноризцы-постники, подвижники! Из них же вспомяну о некоторых чудных мужах.

Вот первый из них — Дамиан-пресвитер. Был он такой постник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до самой смерти. И если когда кто-нибудь приносил больного ребенка, одержимого каким-либо недугом, в монастырь к преподобному Феодосию, то тот повелевал Дамиану сотворить молитву над больным. И тотчас, как он помолится и помажет елеем больного, то сразу выздоравливали приходящие к нему.

Когда разболелся блаженный Дамиан и, ожидая своей кончины, лежал в немощи, пришел к нему ангел в обличии Феодосия и обещал ему царство небесное за труды его. Вскоре затем пришел к нему и сам великий Феодосий с братией, и сели все у постели. Он же, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь, отче, что ты мне обещал нынче ночью». И уразумел великий Феодосий, что тот видение видел, и сказал ему: «Брат Дамиан! Что я тебе обещал, то и сбудется». Он же закрыл очи и предал дух свой в руки Божии. Игумен же и вся братия похоронили тело его честно.

Был также и другой брат, Иеремия именем, который еще помнил

крещение Русской земли, и был ему дан от Бога дар предсказывать будущее. Когда он прозревал в ком-нибудь дурные помыслы, то обличал его втайне и наставлял, как уберечься от дьявола, а если какой-нибудь брат задумывал уйти из монастыря, он, сразу же прийдя к нему, обличал замысел его и утешал брата; и если кому-нибудь предсказывал он — хорошее ли или дурное,—всегда сбывалось слово старца.

И еще другой брат, именем Матфей, был прозорлив. Однажды, стоя в церкви на месте своем, поднял он глаза и оглядел братию, стоящую по обеим сторонам клироса и поющую, и увидал, как по церкви ходит бес в образе ляха, держа под полой цветы шиповника, и бес вынимал из-под полы цветок и бросал на кого хотел. Если к кому-либо из стоявших иноков прилипал цветок, тот, немного постояв, начинал дремать, придумывал какую-нибудь причину, и уходил из церкви, чтобы поспать, и уже не возвращался до конца службы. Если же бросал на кого-либо другого из стоящих и к тому не прилипал цветок, то тот крепко оставался стоять на службе, пока не отпоют заутреню, и уже только после этого уходил в келью свою.

Был обычай у этого старца: отстоявши заутреню, когда уже братия расходилась по кельям своим, этот блаженный старец последним выходил из церкви. Однажды вышел он так и присел отдохнуть под билом[1], ибо келья его была далеко от церкви, — и вот видит он, как большая толпа идет от ворот. Поднял он глаза и увидел беса, сидящего, подбоченясь, верхом на свинье, а множество других идут около него. И спросил их старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тобольковичем». Старец же осенил себя крестным знамением и пошел в келию свою. А так как уже наступало утро, то уразумел старец видение и сказал ученику своему: «Пойди и спроси — в келии ли Михаль?» И сказали ему: «Он давеча, после заутрени, ушел за ограду монастырскую». И поведал старец о видении этом игумену и старейшей братии, и призвал игумен инока Михаля, и строго поучил его.

При этом преподобном Матфее преставился блаженный игумен Феодосий, его место занял игумен Стефан, а после того — Никон, а старец все еще жил. Однажды, стоя на заутрене, поднял он глаза и увидел, что на игуменском месте стоит бес,— и уразумел старец, что еще не проснулся игумен.

И другие видения были ему, и почил старец о Господе в добром исповедании в Печерском святом монастыре⟨...⟩

О святом Афанасии затворнике, который умер, а на другой день снова ожил и прожил потом двенадцать лет. Слово 19

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата омыли тело его мертвое и ушли,

спеленав его, как подобает покойника. Случайно пришли к нему другие иноки, но, увидя, что он умер, также ушли. И оставался покойник весь день без погребения: был он очень беден, и никаких сбережений не имел, и потому был в небрежении: богатым-то всякий старается послужить как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

Ночью же явился некто игумену, говоря: «Человек божий этот второй день лежит непогребенным, а ты веселишься». Узнавши об этом, игумен утром со всею братиею пришел к умершему, и увидели его сидящим и плачущим. И ужаснулись все, видя, что он ожил, и стали спрашивать его: «Как ты ожил и что видел?» Он же не отвечал ничего и повторял только: «Спасайтесь!» Они же умоляли его рассказать о случившемся, говоря, что и им это будет на пользу. Он же сказал им: «Если я вам расскажу, не поверите мне». Братия же поклялась ему: «Соблюдем все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал им: «Во всем слушайте игумена, во всякое время кайтесь, молитесь Господу Иисусу Христу, и пречистой его матери, и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы окончить вам жизнь здесь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые важные вещи из всего, если только исполнять все это по чину, не возносясь. Более не спрашивайте меня ни о чем, и молю вас простить меня».

После этого ушел он в пещеру, заложил за собой дверь и пробыл в ней, никогда и ни с кем не говоря, двенадцать лет. Когда же пришло время преставления его, он, призвав всю братию, повторил сказанное прежде о послушании и о покаянии, добавив: «Блажен, кто здесь сподобится положенным быть». И, сказав это, почил с миром о Господе.

Был же между братией некто, уже много лет страдавший болью в ногах; и принесли его к умершему; он же обнял тело блаженного и исцелился с того часа, и до самой смерти никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелившемуся — Вавила. И вот что он рассказал братии: «Лежал я,— рассказывал он,— и стенал от боли, и вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: «Приди, я исцелю тебя». Я же хотел его спросить, когда и как он сюда пришел, но он мгновенно сделался невидим». И уразумели все после этого, что угодил он Господу: не выходил он из пещеры и не видел солнца двенадцать лет, плакал беспрестанно день и ночь, ел немного хлеба и чуть-чуть пил воды, и то через день. И это слышал я от самого Вавилы, исцеленного им.

Если кому невероятным покажется то, о чем я пишу, пусть прочтет жития святых отцов наших Антония и Феодосия[2], зачинателей русских монахов, и тогда уверует. Если же и тогда не переубедится, не его вина: должно сбыться притче, сказанной Господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, и иное упало при пути, другое в терние» — в сердца тех, кто лишь заботами житейскими

поглощен, о них же пророк сказал: «Окаменело сердце людей сих, и им трудно слышать ушами»; другой же: «Господи, кто поверит слышанному о нас?»

К Поликарпу[3]. Ты же, брат и сын мой, не следуй их примеру; не для них пишу я это, но чтобы тебя приобресть. Совет же даю тебе: благочестием утвердись в святом том монастыре Печерском, не желай власти, ни игуменства, ни епископства: довольно тебе для спасения окончить жизнь свою в нем. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе из разных книг; но лучше, и для тебя будет полезнее, если я расскажу даже малое из того многого, что слышал о содеявшемся в том божественном и святом монастыре Печерском〈...〉

О двух братьях, о Тите-попе и о Евагрии-диаконе, враждовавших между собой. Слово 23

Были два брата по духу, Евагрий-диакон и Тит-поп. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда рыкает, как лев, ища, кого поглотить, посеял между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они и в лицо не хотели видеть друг друга. Много раз братья молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели.

Когда Евагрий стоял в церкви, а Тит в это время шел с кадилом, то Евагрий отбегал от фимиама; если же Евагрий не отбегал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они много времени в мраке греховном. Приступали к святым тайнам,—Тит, не прося прощения, а Евагрий,— гневаясь. До того вооружил их враг.

Однажды этот Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении, и послал со смирением к диакону, говоря: «Прости меня, брат, ради Бога, что я гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же те, видя, чтс Тит умирает, привели Евагрия насильно, чтобы помирился он с братом. Больной же, увидев брата, приподнялся немного, пав ниц ему в ноги, говоря со слезами: «Прости меня, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, сказав: «Никогда не хочу примириться с ним, ни в этой жизни, ни в будущей»,— и, произнеся это, вырвался из рук старцев, и вдруг упал. Хотели мы поднять его, но увидали, что он уже мертв, и не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер. Больной же вскоре встал, как будто никогда и болен не был.

И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, и со многим плачем погребли мы Евагрия, рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я,— говорил он,— ангелов, отступивших от меня

и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись Бога, сказавшего: «Прощайте — и прощены будете». Ведь сказал Господь: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем[4] же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то неумолимый суд ждет таких».

И если этот Евагрий, ради святых Антония и Феодосия, прощения не получит — горе лютое ему, побежденному такою страстью!

К Поликарпу. Берегись ее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто подчинится ему, тот и порабощен им. Но скорее пойди и поклонись вражду имеющему на тебя, да не будешь предан ангелу немилостивому, пусть и тебя Господь сохранит от всякого гнева. Он ведь сказал: «Да не зайдет солнце во гневе вашем». Слава ему с Отцом и со святым Духом ныне и присно!

О святом Григории чудотворце. Слово 28

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к святому отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: «О Григорий, изгоняешь ты нас молитвою своею!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не желая более терпеть гонений от инока, древний враг, не в силах ничем навредить ему, наустил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и подстерегали старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. Но почуял Григорий приход их,— обычно он целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келии своей. Помолился он и о пришедших обокрасть его: «Боже! дай сон рабам твоим, ибо утрудились они всуе, врагу угождая». И спали они пять дней и пять ночей, до тех пор, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня? Идите теперь по домам своим». Они встали, но не могли идти, так как изнемогли от голода. Блаженный же дал им поесть и отпустил их.

Об этом узнал властитель города и велел наказать воров тех. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они; он пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги роздал убогим, говоря так: «Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их». Ведь сказал Господь: «Не

собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль не истребляет и где воры не крадут. Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Воры же те, ради чуда, бывшего с ним, покаялись и более не возвращались к прежним делам своим, но, пришедши в Печерский монастырь, стали работать на братию.

Имел этот блаженный Григорий маленький палисадник, где выращивал овощи и плодовые деревья. И на это опять позарились воры, и когда, взвалив на себя ношу, хотели идти, то не смогли. И стояли они два дня неподвижно, под гнетом своей ноши, и начали они вопить: «Господин наш Григорий, пусти нас, мы покаемся в грехах своих и не сделаем больше такого». Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они их: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы здесь». Монахи же сказали: «Мы все время тут ходим, но вас здесь не видали». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели тут, то со слезами молили бы вас, чтобы он нас отпустил. Но вот, уже изнемогши, начали мы кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас».

И пришел Григорий, и сказал им: «Так как вы всю жизнь свою пребывали праздными, расхищая чужие труды, а сами не хотите трудиться, то теперь стойте здесь праздно и дальше, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что больше не совершат такого греха. Старец же смилостивился и сказал: «Если хотите работать и трудом своим других кормить, то я отпущу вас». Воры клятвенно обещались: «Ни за что не ослушаемся тебя». Тогда Григорий сказал: «Благословен Бог! Отныне будете вы работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И так отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, занимаясь огородом; потомки их, думаю я, живут еще и доныне.

В другой раз снова пришли трое неизвестных, надеясь обмануть этого блаженного. Двое из них стали молить святого, ложно говоря: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, помоги спасти его — дай ему, чем откупиться от смерти». Заплакал Григорий от жалости, провидя, что на самом деле приспел конец жизни того, и сказал: «Горе человеку этому, ибо приспел день погибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отче, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы получить от него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, но он все равно умрет». И спросил он их: «На какую смерть осужден он?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Точно присудили вы ему, завтра он повесится». После этого сошел он в пещеру,— где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного,— и, вынесши оттуда оставшиеся книги, отдал им, сказав: «Если это вам не пригодится, то возвратите мне». Они же, взяв книги, стали смеяться, говоря: «Прода-

дим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья, и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его».

Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его на дереве повесят, взлез на верхушку дерева и начал обрывать яблоки, и ухватился он за одну ветку, а она обломилась; те двое испугались и побежали, а он, падая вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, оставленный без помощи, задушился воротом. Григорий же был заперт и не смог прийти в церковь, на молитву со всей братией. Когда стали выходить из церкви, то все увидали висящего на дереве мертвого человека, и ужас напал на них. Стали искать Григория и нашли его в пещере запертым. Вышедши же оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль! Бога обмануть нельзя. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то бог и не помиловал вас». Обманщики же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов. И так они и окончили жизнь свою, с детьми своими работая в Печерском монастыре на рабов пресвятой Богородицы и учеников святого отца нашего Феодосия.

Подобает же рассказать и о том, как претерпел блаженный муку смертную. Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодич, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стала издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите,— не угодно Богу это. Плачьте о своей погибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха Божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи — пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею!» И рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он потоплен. Братия же два дня искала его и не находила, на третий же день пришли в келью его, чтобы взять оставшееся после него, и мертвый оказался в келье, связанный, с камнем на шее, одежды же его были еще мокры, лицо же светло и сам, как живой. И не нашли того, кто принес его, а келья была заперта. Слава Господу Богу,

творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братья же, вынесши тело преподобного, честно положили его в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побежали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословению святых, переехал реку, Ростислав же, по слову святого Григория, утонул[5] со всем своим войском. «Каким,— сказано,— судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою будут мерить и вам».

Подумайте как следует, обидчики, над притчей, сказанной Господом в святом Евангелии о судье немилостивом и вдове обиженной, как она часто приходила к нему и докучала ему, говоря: «Защити меня от противника моего». Говорю вам, что вскоре сотворит Господь отмщение рабам своим, ибо он сказал: «Мне отмщение, и я воздам». Говорит Господь: «Не обижайте ни одного из малых сил, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца моего небесного». Ибо праведен Господь и правду возлюбил, и праведники увидят лицо его. Что человек посеет, то и пожнет. Таково гордым отмщение, которым Господь противится, а смиренным дает благодать. Слава ему с Отцом и святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь〈...〉

О Прохоре-черноризце, который молитвою из травы, называемой лебеда, делал хлебы, а из пепла соль. Слово 31

Такова воля человеколюбца-Бога о своем творении: во все времена и лета заботится он о роде человеческом и дарует ему полезное. Ожидая нашего покаяния, наводит он на нас иногда голод, иногда рати за межусобные распри властелина. Этим Владыка наш направляет человеческое нерадение к добродетели, напоминая суть неподобных дел, ибо делающие злые и неподобные дела преданы будут злым и немилостивым властелинам за грехи свои, но и те не избегнут суда: суд бывает без милости тому, кто сам не творит милости.

Произошло это во дни княжения Святополка в Киеве[6]. Много насилий делал людям Святополк, без вины искоренил до основания семьи многих знатных людей и имение у них отнял. И за то попустил Господь взять поганым силу над ним: и много тогда было войн с половцами. К тому же были в те времена усобицы и голод сильный, и во всем была скудость великая в Русской земле.

В те дни пришел некий человек из Смоленска к игумену Иоанну, желая стать иноком; игумен постриг его и назвал Прохором. Став черноризцем, Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что отказался даже от хлеба. Он соби-

рал лебеду, растирал ее своими руками, делал из нее хлеб и этим питался. И заготовлял он себе ее на год, а на следующее лето собирал новую, и так довольствовался он лебедой вместо хлеба всю жизнь свою.

И Господь, видя терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: «Вечером водворяется плач, а наутро радость». И ради этого прозвали его Лебедником, потому что, как сказано выше, никогда он не вкушал ни хлеба, кроме просфоры, ни овощей никаких, ни напитков, но только лебеду и воду. И не роптал он никогда, но всегда служил Господу с радостью. И не страшился он никогда никаких бед, потому что жил, как птица: не приобретал ни сел, ни амбаров, где бы хранить добро свое. Он не говорил, как тот богач: «Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: ешь, пей, веселись!» Не имел он ничего, кроме лебеды, да и ту приготовлял только на один год, говоря себе: «Человече! В эту ночь возьмут от тебя душу твою ангелы, так кому же останется приготовленная тобой лебеда?» Он на деле исполнил слово Господа, который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их». Подражая им, преподобный Прохор легко проходил путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и приготовлял себе в пищу: на непаханой земле несеяный хлеб был ему.

Настал великий голод, и смерть из-за голода нависла над всеми людьми; блаженный же продолжал дело свое, собирая лебеду. Увидев его, собирающим лебеду, один человек и сам стал собирать лебеду для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время. Блаженному же тогда пришлось гораздо больше собирать лебеды на пищу, и принял он на себя в те дни еще больший труд: собирая это зелье и, как я уже говорил, растирая его своими руками, делал из него хлебы и раздавал их неимущим и от голода изнемогающим. Многие приходили к нему в это голодное время, и он всех оделял этими хлебами, и сладкими, как с медом, казались они всем; и никому так настоящего хлеба не хотелось, как руками этого блаженного приготовленного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел, и чист, и сладок бывал его хлеб; если же кто брал тайком, то оказывался хлеб горек, как полынь.

Некто из братии потихоньку украл хлеб, и стал есть его без благословения того старца, и не мог его есть, потому что в его руках он сделался как полынь и без меры горьким. И так повторялось не раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть блаженному своего согрешения. Однако будучи голоден, не стерпев естественной нужды и видя смерть пред глазами своими, пришел он к Иоанну-игумену и, прося прощения за свое согрешение, рассказал ему о случившемся. Игумен не поверил рассказанному и, чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же: взять хлеб тайно. Принесли хлеб, и оказалось то же, что

говорил укравший брат: никто не мог есть его от горечи. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб у блаженного. «Один хлеб,— сказал он,— возьмите из рук его, а другой хлеб, уходя от него, украдите». Когда принесли эти хлебы, украденный изменился пред всеми и сделался как прах, и был горек, как и первый, а хлеб, взятый из рук блаженного,— светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже, и многих голодных прокормил он, и многим был полезен.

Когда Святополк, в союзе с Володарем и самим Васильком, пошел ратью[7] на Давыда Игоревича в отместку за Василька, которого ослепил он, подстрекаемый Давыдом Игоревичем, не стали пускать ни купцов из Галича, ни ладей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. Наступило трудное время, начались беззаконные грабежи, как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб не призывающие Господа». И были все люди в великой печали, изнемогли от голода и от войны, не имели ни пшеницы, ни даже соли, чем бы преодолеть скудость свою.

Блаженный Прохор тогда имел уже келью свою; и собрал он к себе изо всех келий множество пепла, но так, что никто не знал, и раздавал его приходящим к нему, и для всех, по молитве его, делался он чистой солью. И чем больше он раздавал, тем больше у него становилось. И ничего не брал за это, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и обильно брали, сколько кому требовалось для дома своего. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И пробудило это зависть у продавцов соли, потому что не получили они, чего желали. Они думали приобрести в это время большой барыш от соли, и впали они в великую печаль: то, что они прежде продавали по дорогой цене, за куну[8] — две меры, теперь же, за ту же цену, и десяти мер никто не брал.

И собрались все, продававшие соль, пришли к Святополку и стали наущать его против инока, говоря: «Прохор, чернец Печерского монастыря, отнял у нас богатства много: дает соль всем приходящим к нему безотказно, и мы от того обнищали». Князь же, хотя им угодить, и о другом про себя подумал: между ними прекратить ропот, а себе богатство приобрести. Обдумав это, решил он со своими советниками, что цена на соль будет высокая и, отнявши у инока, сам будет продавать ее. Крамольников этих он успокоил, сказав: «Ради вас пограблю чернеца», а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел хотя бы немного угодить им и только больше вреда сделал: ибо зависть никакой пользы принести не может.

Послал князь взять всю соль у инока. Когда привезли соль, князь с теми крамольниками, которые наущивали его против блаженного, пошел посмотреть ее, и увидели все перед глазами своими, что это пепел. Сильно удивились все, говоря — что бы это значило? — и недоумевали. Желая узнать доподлинно, в чем

дело, князь велел хранить ее три дня. И повелел он одному человеку отведать, и оказался пепел в устах у того.

Как обычно, множество народа продолжало приходить к блаженному, желая получить соль, и, узнав, что старец ограблен, возвращались с пустыми руками, проклиная сделавшего это. Блаженный же им сказал: «Когда выбросят ее, тогда идите и заберите себе». Князь продержал ее три дня, потом велел ночью выбросить ее. Высыпали пепел, и он сразу же превратился в соль. Горожане же, узнавши об этом, пришли и разобрали соль.

От такого дивного чуда пришел в ужас сделавший насилие: не мог он скрыть происшедшего, потому что свершилось это на глазах всего города, и стал князь выпытывать, что бы это значило. Тогда рассказали князю и о другом чуде, которое сотворил блаженный, кормя лебедой множество народа, и в устах их она становилась хлебом сладким; когда же некоторые брали хлеб без его благословения, то оказывался он как прах и на вкус горек, как полынь. Услышавши это, устыдился князь содеянного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и покаялся перед ним. Прежде же он питал к нему ненависть из-за того, что игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству и за чинимые насилия. Святополк тогда схватил его и заточил в Туров; но поднялся на него Владимир Мономах, и Святополк, испугавшись гнева его, скоро с честью возвратил игумена в Печерский монастырь.

Теперь же, ради такого чуда, воспылал князь великой любовью к обители святой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора он с этих пор сильно почитал и восхвалял, так как убедился, что он воистину раб Божий. И дал он слово Богу не делать более никому насилия. И старцу князь дал крепкое слово, сказав: «Если по изволению Божию я прежде тебя отойду из света сего, то ты своими руками в гроб положи меня, и да явится в этом твое беззлобие ко мне; если же ты прежде меня преставишься и пойдешь к неподкупному судии, то и на плечах своих в пещеру внесу тебя, чтобы Господь подал мне прощение в великом грехе моем перед тобой». Сказав это, князь пошел от него.

Блаженный же Прохор еще много лет прожил в добром исповедании, богоугодным, чистым и непорочным житием. И вот разболелся святой, а князь в это время на войне был. Тогда святой извещение послал к нему, говоря: «Приблизился час исхода моего из тела; прийди, если хочешь, да простимся с тобой, и исполнишь обещание свое — своими руками положишь меня в гроб и прощение примешь от Бога. Я только ожидаю твоего прихода, и если помедлишь, я отойду; и не опасайся — война окажется для тебя успешной, если ты придешь ко мне». Услышав это, Святополк тотчас же воинов распустил и пришел без промедления к блаженному. Преподобный же долго наставлял князя о милостыне, и о будущем суде, и о вечной жизни, и о бес-

конечной муке, потом дал ему благословение и прощение, простился со всеми, бывшими с князем, и, подняв руки к небу, испустил дух. Тогда князь, взяв святого старца, отнес его в пещеру и своими руками в гроб положил.

После погребения блаженного он пошел на войну, и великую победу одержал[9] над безбожными агарянами, покорил всю землю их, и привел много пленных. Это была Богом дарованная победа в Русской земле, предсказанная преподобным.

С тех пор Святополк, шел ли на войну или на охоту, всегда приходил в монастырь с благодарением, поклонялся святой Богородице и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору и, всем преподобным отцам поклонившись, шел в путь свой. И процветало оберегаемое Богом княжение его. Сам будучи свидетелем, он открыто возвещал о чудесах и знамениях преславного Прохора и других преподобных, да получим и мы все с ними милость о Христе Иисусе, Господе нашем, слава ему с Отцом и со святым Духом, ныне и присно〈...〉

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Било* — деревянная или металлическая доска, в которую бьют для подачи сигналов.

[2] Житие Антония до нас не дошло, житие Феодосия см. выше.

[3] *К Поликарпу* — свои рассказы о подвижниках монастыря Симон заканчивает нравоучениями Поликарпу (см. вступительную статью).

[4] *Ефрем Сирин* — церковный писатель IV в.

[5] В 1093 г. во время набега половцев на Русь против них выступили Святополк Изяславич, Владимир Мономах и младший брат Владимира Ростислав Всеволодович. В битве у города Треполя на реке Стугне (недалеко от Киева) русские князья потерпели поражение. Во время переправы через Стугну погибло много русских воинов. О гибели Ростислава, утонувшего на глазах у старшего брата, рассказывается в «Повести временных лет» (под 1093 г.) и в «Слове о полку Игореве». В этих памятниках о гибели юного Ростислава говорится с большим сочувствием.

[6] *Святополк Изяславич* (ум. 1113) — внук Ярослава Мудрого, княжил в Киеве с 1093 по 1113 г.

[7] Имеется в виду один из эпизодов княжеских междоусобиц: выступление в 1099 г. Святополка Изяславича вместе с ослепленным им Васильком и его братом Володарем против бывшего союзника Давыда Игоревича. Рассказ об ослеплении Василька Теребовльского см. в отрывках из «Повести временных лет».

[8] *Куна* — единица денежного счета.

[9] Возможно, имеется в виду успешный поход русских князей на половцев в 1103 г.

Слово о полку Игореве

«Слово о полку Игореве», посвященное неудачному походу в половецкую степь в 1185 г. русских князей под руководством новгород-северского князя Игоря Святославича (1151—1202), было написано вскоре после этого трагического события. Поражение, окончившееся гибелью большей части русского войска, пленением русских князей, произвело сильное впечатление на современников: походу Игоря кроме «Слова» посвящены две летописные повести. В отличие от летописцев автор «Слова» не столько рассказывает о событиях похода, о ходе сражения, сколько размышляет о случившемся, выражает свое отношение к происшедшему, оценивает

поход и поражение Игоря в сопоставлении с событиями истории своей страны, с думами о ее судьбах. Поэтому в его произведении описание настоящего, мысли об этом настоящем, оценка его сопровождаются воспоминаниями о прошлом. Эти черты «Слова» объясняются как особой лиричностью памятника (образ автора стоит за каждой строкой текста), так и публицистичностью произведения: страстным осуждением княжеских междоусобиц, которые приносили горе народу и ослабляли Русь в ее борьбе с внешними врагами. К. Маркс так определил основной идейный смысл «Слова»: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием... монгольских полчищ» [1]. В этой направленности произведения отразились патриотизм и народность его автора, что проявилось и в широком обращении автора «Слова», человека высокой книжной и литературной культуры (вероятнее всего, он был профессиональным княжеским поэтом-певцом), к образам народной поэзии. Открытое в конце XVIII в. известным знатоком и ценителем древностей А. И. Мусиным-Пушкиным (1744—1817) и впервые изданное в 1800 г. «Слово о полку Игореве» стало неотъемлемой частью русской и мировой культуры нового времени.

Текст и перевод «Слова» подготовлены для настоящего издания.

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

(Древнерусский текст)

Не *лепо ли* ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повестий о пълку Игореве, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъй песни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо, *рече*, първыхъ временъ усобице. Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедей, который дотечаше — та преди *песнь* пояше старому *Ярославу*, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедей пущаше, нъ своя вещиа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимера до нынешняго Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужествомъ; наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружине своей: «Братие и дружино! *луце жъ* бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони да позримъ синего Дону». Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо,— рече,— копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

О Бояне, соловию стараго времени! *А бы* ты сиа плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 16.

свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пети было *песнь* Игореви, того (Олега) внуку: «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бежать къ Дону Великому». *Чи ли* въспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыеве. Трубы трубять въ Новеграде, стоять стязи въ Путивле».

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ светъ светлый — ты, Игорю! Оба есве Святъславличя! Седлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни сведоми *къмети*: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелеяны, конець копия въскръмлени, пути имь ведоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы серыи влъци въ поле, ищучи себе чти, а князю — славе».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поеха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ зверинъ *въста, збися* Дивъ, кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаеме, Влъзе, и *Поморию*, и *Посулию*, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутораканьскый блъванъ. А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону Великому. Крычатъ телегы полунощы, рци лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо беды его пасетъ птиць *по дубию*, влъци грозу *въсрожать* по яругамъ, орли клектомъ на кости звери зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мрькнетъ. Заря светъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славий успе, говоръ галичь *убудися*. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю — славы.

Съ зарания въ *пятъкъ* потопташа поганыя плъкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякыми узорочьи половецкыми. Чрьленъ стягъ, бела хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святьславличю!

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! *Не было оно* обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине! Гзакъ бежитъ серымъ влъкомъ, Кончакъ ему следъ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ, чръныя тучя *съ моря* идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на реце на Каяле, у Дону Великаго.

О Руская земле! Уже *за* шеломянемъ еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веютъ *съ моря* стрелами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рекы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ рускыя плъкы *оступиша*. Дети бесови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая,— тамо лежатъ поганыя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глебовны, свычая и обычая!

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрелы по земли сеяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ граде Тьмуторокане, *той же* звонъ слыша давный великый *Ярославль* сынъ *Всеволод*, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чернигове. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ *тоя же* Каялы Святоплъкъ *полелея* отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святей Софии къ Киеву.

Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ веци человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть: хотять полетети на уедие.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а *сицей* рати не слышано! Съ зарания до вечера, съ вечера до света летятъ стрелы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя въ поле незнаеме среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина *не доста*, ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо *съ тугою* къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, *вступила* девою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону, плещучи, *упуди* жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то *мое же*». И начяша князи про малое «Се великое» млъвити,

а сами на себе крамолу ковати, а погании съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бья,— къ морю. А Игорева храбраго плъку не кресити. За нимъ кликну Карна, и Жля *поскочи* по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламяне розе. Жены руския въсплакашась, *а ркучи*: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу *убудиста*, которую то бяше успилъ отецъ ихъ, Святъславь грозный великый киевскый, грозою: бяшеть *притрепалъ* своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути реки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря отъ железныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже, и падеся Кобякъ въ граде Киеве, въ гриднице Святъславли. Ту немци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во дне Каялы, рекы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ виде въ Киеве на горахъ. «Си ночь съ вечера одевахуть мя,— рече,— чръною паполомою на кроваты тисове; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смешено, *сыпахуть ми* тъщими тулы поганыхъ тлъковинъ великый женчюгь на лоно, и негуютъ мя. Уже дьскы безъ кнеса въ моемъ тереме златовръсемъ. Всю нощь съ вечера *бусови* врани възграяху у Плесньска на болони, беша дебрь *Киянь*, и *несошася* къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припешали поганыхъ саблями, а самою *опуташа* въ путины железны. Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, *и въ море погрузиста*, и съ *нима* молодая месяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. На реце на Каяле тьма светъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо, и великое буйство подасть хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса *Дивъ* на землю. Се бо готския красныя девы въспеша на брезе синему морю; звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелеютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святъславъ изрони злато слово, слезами смешено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала

Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и *многовоя* брата моего Ярослава, съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побеждають, звонячи въ прадеднюю славу. Нъ рекосте: «Мужаимеся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами поделимъ». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнезда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми *непособие: наниче* ся годины обратиша. Се у *Римъ* кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ — подъ ранами. Туга и тоска сыну Глебову!»

Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо́ можеши посуху живыми шереширы стреляти — удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли *вои* злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме? Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своемъ златокованнемъ столе, подперъ горы Угорскыи своими железными плъки, заступивъ королеви путь, *затворивъ* Дунаю ворота, меча *бремены* чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, *отворяеши* Киеву врата, стреляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носить *ваю* умъ на дело. Высоко плаваеши на дело въ буести, яко соколъ на ветрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйстве одолети. Суть бо у ваю железныи папорзи подъ шеломы латинскими. Теми тресну земля, и многи страны — хинова, литва, ятвязи, деремела и половци — сулици своя *поврьгоша*, а главы своя *подклониша* подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю утрьпе солнцю светъ, а древо не бологомъ листвие срони: по *Роси* и по Сули гради поделиша. А Игорева храбраго плъку не кресити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на победу. Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань!

Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи не худа гнезда шестокрилци! *Не победными* жребии собе власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ литовскыми мечи *и с хотию на кровь, а тъи* рекъ: «Дружину твою, княже, птиць крилы приоде, а звери кровь полизаша». Не *бысть* ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тела чресъ злато ожерелие. *Уныли* голоси, пониче веселие, трубы трубятъ городеньскии.

Ярославли вси внуце и Всеславли! Уже *понизите* стязи свои, *вонзите* свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. *Которою* бо беше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ веце Трояни връже Всеславъ жребий о девицю себе любу. Тъй клюками подпръся, окони и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемъ злата стола киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи изъ Бела-града, обесися сине мьгле, *утръже вазни с три кусы*: отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизе снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоце животъ кладутъ, веютъ душу отъ тела. Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни: посеяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ-князь людемъ судяше, князем грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыеве звонъ слыша. Аще и веща душа *въ дръзе* теле, нъ часто беды страдаше. Тому вещей Боянъ и пръвое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути!»

О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити къ горамъ киевскимъ, сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ *розно ся* имъ хоботы пашутъ, копиа поютъ!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышит, зегзицею *незнаема* рано кычеть. «Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце, утру князю кровавыя его раны на жестоцемъ его теле».

Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, *а ркучи*: «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мычеши хиновьскыя стрелкы на своею *нетрудною* крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ *горе* подъ облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, *а ркучи*:

«О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеялъ еси на себе Святославли носады до плъку Кобякова. Възлелей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ *не слала* къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ *въ* Путивле на забрале, *а ркучи*: «Светлое и тресветлое слънце! Всемъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладе вои? Въ поле безводне жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ. Игорь мыслию поля меритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рекою — велить князю разумети: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшуме трава, вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него *бусымъ* влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обеду, и ужине. Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезехъ, одевавшу его теплыми мъглами подъ сению зелену древу. Стрежаше *его* гоголемъ на воде, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрехъ».

Не тако ли, рече, река Стугна: худу струю имея, пожръши чужи ручьи и стругы, *ростренa к усту*, уношу князю Ростиславу затвори *дне при* темне березе. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславе. Уныша цветы жалобою, и древо *с тугою* къ земли *преклонилось*.

А не сорокы втроскоташа — на следу Игореве ездитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, *полозие* ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ реце кажутъ, соловии веселыми *песньми* светъ поведаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: «Аже соколь къ гнезду летитъ,— соколича ростреляеве своими злачеными стрелами». Рече Кончакъ ко Гзе: «Аже соколъ къ гнезду летитъ, а ве соколца опутаеве красною девицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаеве красною девицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны девице, то почнутъ наю птици бити въ поле Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и *Ходына* Святъславля, *песнотворца* стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы». Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Руской земли. Девици поютъ на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь

едетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Певше песнь старымъ князем, а *потомъ* — молодымъ пети! Слава Игорю *Святъславличу*, Буй Туру *Всеволоду*, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава а дружине!

Аминь.

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ[1], СЫНА СВЯТОСЛАВА, ВНУКА ОЛЕГОВА
(Перевод)

Не начать ли нам, братья, старыми словами печальную повесть о походе Игоревом, Игоря Святославича? Нет пусть начнется эта песнь по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна[2]!

Ведь Боян вещий, если хотел кому песнь сложить, то растекался мыслью по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен битвы. Тогда пускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу[3], храброму Мстиславу[4], что зарезал Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу[5]. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей пускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира[6] до нынешнего Игоря, который укрепил дух волею своею и поострил его мужеством сердца; преисполнившись ратного духа, повел он свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце[7] и увидел, что накрыло оно всех его воинов тьмою. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; а сядем, братья, на своих борзых коней да поглядим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, желание отведать Дону Великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шеломом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обоих половин этого времени, рыща по тропе Трояна[8] через поля на горы.

Так бы тогда пелась песнь Игорю, внуку Олега: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок спешат к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещий Боян, внук Велесов[9]: «Кони ржут за Сулой[10] — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде[11], стоят стяги в Путивле»[12].

Игорь ждет милого брата Всеволода[13]. И сказал ему Буй Тур[14] Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы

Святославичи! Седлай, брат, своих борзых коней, а мои готовы уже, заранее оседланы у Курска. А мои ведь куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги известны, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли навострены, сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стонами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див[15], кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию[16], и Сурожу[17], и Корсуню[18], и тебе, Тмутороканский идол[19]. А половцы непроторенными дорогами побежали к Дону Великому. Скрипят телеги в полуночи, словно лебеди кричат встревоженные.

Игорь к Дону воинов ведет. Уже ведь беду его стерегут птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клектом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые[20] щиты.

О Русская земля! Ты уже за холмом!

Долго ночь меркнет. Но вот заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, галочий говор пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу смяли они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красавиц девушек половецких, а с ними золото, и паволоки[21], и дорогие аксамиты[22]. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам, и всякими нарядами половецкими. Червленый стяг, белое знамя, червленый бунчук[23], серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак[24] ему след прокладывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку кровавые зори свет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца[25], а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям притупиться о шлемы половецкие, на реке на Каяле[26], у Дона Великого.

О Русская земля! Ты уже за холмом!

Вот ветры, Стрибожьи[27] внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Ярый Тур Всеволод! Бьешься ты в первых рядах, сыплешь на воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там ле-

жат поганые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские[28] твоими саблями калеными, Ярый Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл о почестях и богатстве, и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны[29], любовь и ласку!

Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были войны Олеговы, Олега Святославича[30]. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмуторокани, а звон этот слышал старый великий сын Ярослава Всеволод[31], а Владимир[32] каждое утро уши затыкал в Чернигове. Бориса же Вячеславича жажда славы на смертный суд привела, и на реке Канине зеленый травяной саван постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя[33]. И с этой Каялы (горестной реки) Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии к Киеву[34].

Тогда при Олеге Гориславиче[35] сеялись и прорастали усобицы, погибало достояние Даждьбожьих[36] внуков, в княжих крамолах век людской сокращался. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, зато часто вороны граяли, трупы меж собою деля, и галки свой разговор вели собираясь полететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле неведомом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костьми была засеяна и кровью полита; горем взошел тот посев по Русской земле!

Что шумит, что звенит так рано перед зорями? Игорь полки поворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а деревья в тоске к земле приклонились.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже степь русское войско одолела. Поднялась обида в войсках Даждь-божьих внуков, вступила девою-лебедем на землю Троянову, восплескав лебедиными крылами на синем море у Дона, прогнала добрые времена. Борьба князей с погаными прекратилась, потому что сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. И храброго полка Игорева не воскресить! По нем завопила Карна, и Желя[37] понеслась по Русской земле, разбрасывая пламя людям из огненного рога. Жены русские запричитали, так говоря: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни в думе подумать, ни очами увидеть, а золота и серебра даже не подержать!»

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль горькая потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, поганые же сами, с победами нарыскивая на Русскую землю, брали дань по беле[38] от двора.

Ведь это два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже зло пробудили, которое усыпил было грозою своею отец их, Святослав[39] грозный великий киевский: разгромил своими сильными полками и булатными мечами; наступил он на землю Половецкую, притоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка[40] из лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Сятославовой. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который погубил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русского золота насыпал. Тут Игорь-князь пересел из золотого седла в седло пленника. Уныли забрала[41] стен городских и веселье поникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера накрывали меня, — говорил, — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, сыпали мне на грудь крупный жемчуг из пустых колчанов поганых иноземцев и нежили меня. Уже кровля без князька[42] в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, где была дебрь Кияня[43], и неслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, тоска душу охватила. То ведь слетели два сокола с отчего золотого престола, чтобы добыть город Тмуторокань или хотя бы испить шлемом Дона. Но подрезали соколам крылья саблями поганых, а самих опутали путами железными. Темень наступила на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земле помчались половцы, точно выводок гепардов, и великое ликование пробудили в хинове[44]. Уже одолела хула хвалу; уже разбило насилие волю; уже кинулся Див на землю. Вот и готские красные девы запели на берегу синего моря, звоня русским золотом, воспевают время Бусово[45], лелеют месть за Шарукана[46]. А мы уже, дружина, напрасно жаждем веселья».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О дети мои, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкую землю мечами разить, а себе славу искать. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

А уже не вижу я власти сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава[47] с черниговскими боярами, с богатырями,

и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами[48]. Они ведь без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу сами подхватим, а будущую сами поделим». А разве диво, братья, старику помолодеть? Когда сокол возмужает, высоко он птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот беда — князья мне не подмога: худо времена обернулись. Вот у Римова[49] кричат под саблями половецкими, а Владимир — под ранами[50]. Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод[51]! Не мыслишь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол поберечь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то продавалась бы невольница за ногату, а невольник за резану[52]. Ты ведь можешь и посуху живые копья метать — удалых сыновей Глебовых.

Ты, храбрый Рюрик[53], и ты Давыд[54]! Не ваши ли воины золочеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает словно туры, раненные саблями калеными, в поле неведомом? Вступите же, государи, в золотое стремя за обиду нынешнего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав[55]! Высоко сидишь ты на своем златокованном престоле, подпер горы Угорские[56] своими железными полками, загораживая королю путь, затворив Дунаю ворота, перебрасывая клади через облака, суд свой правя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Святославича!

А ты, славный Роман, и ты Мстислав[57]! Храбрые замыслы влекут ваш дух на битву. Высоко летишь ты, Роман, на битву в отваге, точно сокол парящий на ветрах, что стремится птицу в ярости одолеть. Ведь у воинов ваших панцири железные под шлемами латинскими. От них дрогнула земля и многие народы — хинова, литва, ятвяги[58], деремела[59] и половцы — сулицы[60] свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а деревья не к добру листву сронили: по Роси[61] и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича[62] — не плохого гнезда соколы! Да не по праву побед захватили себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, отважного Святославича!

Уже и Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один лишь Изяслав, сын Васильков[63], позвонил своими

острыми мечами о шлемы литовские, погубил славу деда своего Всеслава[64], а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами погублен был вместе со своим любимцем, на крови, а тот сказал: «Дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь полизали». Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода[65], так один он и изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье[66]. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские[67].

Ярославовы все внуки и Всеславовы! Опустите же стяги свои, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо утратили вы дедовскую славу. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово. Из-за усобиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом бросил Всеслав жребий о девице, ему лю́бой[68]. Обманом укрепился он, раздобыл коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся древком копья золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, окутанный синей мглой, трижды добился удачи: отворил ворота Новгороду, расшиб славу Ярослава, скакнул волком до Немиги с Дудуток[69].

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добрым посевом были засеяны — засеяны костьми русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов добегал до Тмутороканi, великому Хорсу[70] волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в храбром теле, но часто он от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, смысленный: «Ни хитрому, ни удачливому, ни птице увертливой суда Божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским, а ныне стяги его стали одни — Рюрика, другие — Давыда, но врозь их полотнища развеваются, врозь копья свистят!

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Неужели мало тебе вверху под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале города Путивля, причитая: «О Днепр Славутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю

Половецкую. Ты лелеял на себе насады Святославовы до стана Кобякова. Прилелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я рано к нему слез на море».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно, почему же, господине, устремило ты горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки покоробило, горем им колчаны заткнуло».

Вспенилось море в полуночи; идут тучи вихрями. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бодрствует, Игорь мыслью поля мерит от Великого Дона до Малого Донца. В полночь Овлур[71] свистнул коня за рекой — велит князю разуметь: не быть в плену князю Игорю! Кликнул, застучала земля, зашумела трава, всколыхнулись вежи половецкие. А Игорь-князь скакнул горностаем в тростники, белым гоголем — на воду, вспрыгнул на борзого коня, соскочил с него серым волком, и помчался к лугу Донца, и полетел соколом под облаками, сбивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, сшибая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь в ответ: «О Донец! Не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, расстилавшему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывавшему его теплыми туманами под сенью зеленых деревьев. Стерег ты его гоголем[72] на воде, чайками на струях, чернядями[73] в воздухе». Не такая, говорят, река Стугна: злую струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега[74]. Плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а деревья в тоске к земле приклонились.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки приумолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке показывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Молвит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими золочеными стрелами». Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей[75]». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и будут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына[76] Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова, Олега кагана любимцы: «Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет

по Боричеву[77] к святой Богородице Пирогощей[78]. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом — молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, сражаясь за христиан с погаными полками! Князьям слава и дружине!

Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Игорь* (1151—1202) — сын черниговского князя Святослава Ольговича, внук Олега Святославича черниговского, с 1179 г. князь новгород-северский, с 1198 г. — князь черниговский.

[2]*Боян* — певец-поэт, судя по именам князей, деяния которых он воспевал, жил в конце XI — начале XII в.

[3]*Ярослав* — имеется в виду великий князь киевский Ярослав Мудрый (ок. 978—1054). См. также «Слово о Законе и Благодати» Илариона.

[4]*Мстислав* (ум. 1036) — князь черниговский и тмутороканский, в 1022 г. перед битвой с касогами в поединке поборол касожского князя Редедю.

[5]*Роман Святославич* (ум. 1079) — князь тмутороканский.

[6]*Владимир* — одни исследователи видят в нем Владимира I Святославича (?—1015), другие — Владимира Мономаха (1053—1125).

[7]Солнечное затмение произошло на девятый день похода — 1 мая 1185 г.

[8]Троян в «Слове», вероятнее всего, языческий бог (в древнерусском апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» в перечислении языческих богов назван и Троян).

[9]*Велес (Волос)* — древнерусский языческий бог, покровитель скотоводства и, судя по «Слову», — поэтов-певцов.

[10]*Сула* — левый приток Днепра, по реке Суле шла граница с Половецкой степью.

[11]Имеется в виду Новгород-Северский на реке Десне. Стольный город Новгород-Северского княжества.

[12]*Путивль* — город южнее Новгорода-Северского на реке Сейме, в нем княжил сын Игоря Владимир.

[13]*Всеволод* (ок. 1155—1196) — родной брат Игоря, князь трубчевский и курский.

[14]*Буй Тур — буй* — отважный, храбрый; *тур* — дикий бык, в Древней Руси символ мужества и силы.

[15]*Див* — мифическое существо, враждебное русским.

[16]*Посулие* — пограничные с половцами земли по реке Суле.

[17]*Сурож* — ныне город Судак в Крыму, важный торговый центр средневековья.

[18]*Корсунь* — см. примечание 12 к «Повести временных лет».

[19]*Тмуторокань* — в XI в. русское княжество на берегу Черного моря (район нынешней Тамани). Под идолом имеется в виду либо какая-то статуя, либо маяк.

[20]*Червленые* — красные.

[21]*Паволока* — шелковая ткань.

[22]*Аксамит* — бархатная ткань красного и фиолетового тонов.

[23]*Бунчук* — древко с шаром, под которым прикреплен конский хвост, окрашенный в красный цвет. Символ власти.

[24]Половецкие ханы Гзак (Гза) Бурнович и Кончак Отракович.

[25]*4 солнца* — участники похода: Игорь, Всеволод, их племянник Святослав Ольгович Рыльский, сын Игоря Владимир (1170—1208).

[26]Река Каяла не отождествлена с какой-либо реальной рекой. Возможно, что это аллегорическое наименование реки скорби и печали (как места поражения).

[27]*Стрибог* — древнерусский языческий бог ветра.

[28]*Аварские* — от названия народности «авары» (в летописи называются обрами).

[29] *Глебовна* — в Древней Руси женщин часто называли по имени отца или мужа. *Глебовна* — дочь князя Глеба Юрьевича, внучка Юрия Долгорукого.

[30] *Олег Святославич* (ум. 1115) — родоначальник «Ольгова хороброго гнезда», сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, князь черниговский, вел длительную и ожесточенную борьбу с Владимиром Мономахом и его сыновьями.

[31] *Всеволод Ярославич* (1030—1093) — великий князь киевский, сын Ярослава Мудрого, отец Владимира Мономаха.

[32] *Владимир* — здесь: Владимир Мономах.

[33] Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве, на р. Канине, близ Чернигова (1078 г.), в которой погибли великий киевский князь Изяслав Ярославич (брат Всеволода Ярославича) и Борис Вячеславич, союзник Олега Святославича.

[34] По повелению Святополка Изяславича тело его отца было перевезено с Нежатиной Нивы в Киеве для погребения в Софийском соборе.

[35] *При Олеге Гориславиче* — т.е. при князе Олеге Святославиче. Прозвище «Гориславич» носит то ли осудительный (распространял горе), то ли сочувственный характер (перенес много горя).

[36] *Даждьбог* — один из главных языческих богов Древней Руси. Даждьбожьи внуки — русский народ.

[37] *Карна, Желя* — символы печали, плача, скорби.

[38] *Бела* — от «белки»: обобщенное денежное наименование взимаемой дани.

[39] *Святослав Всеволодович* (ок. 1125—1194) — великий князь киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода. Назван их отцом как глава феодального государства и самый старший в роду.

[40] *Кобяк* — половецкий хан, во время похода Святослава на половцев в 1184 г. он с сыновьями и несколько знатных половцев были взяты в плен.

[41] *Забрало* — крытая галерея, проходившая по верху городской стены.

[42] *Князек* — продольный верхний брус крыши. Увидеть во сне дом без князька предвещало несчастье дому.

[43] Одно из «темных мест» «Слова». Смысл толкуется приблизительно: какая-то местность, урочище под Киевом, отличавшаяся плоским ландшафтом (Плесньск), заросшая непроходимым лесом (дебрью), который назывался Киянью.

[44] *Хинова* — обобщенное наименование кочевых племен.

[45] Толкование предположительное: *Бус* — антский князь Бос или Бооз, побежденный в 375 г. готским королем Винитаром (*анты* — предки восточных славян).

[46] *Шарукан* — половецкий хан, дед хана Кончака, был разгромлен объединенными силами русских князей в 1107 г.

[47] *Ярослав* — князь черниговский (1140—1198), родной брат Святослава Всеволодовича.

[48] Названия тюркских племен, которые, осев в пределах Черниговского княжества, выступали на стороне черниговских князей.

[49] *Римов* — город в Переяславском княжестве.

[50] После поражения Игоря Гзак осадил Путивль, Кончак пошел на Переяславль-Русский, но потерпел поражение от русских князей; при осаде Переяславля был тяжело ранен Владимир Глебович Переяславский (1157—1187). На обратном пути от Переяславля Кончак захватил город Римов.

[51] *Всеволод* — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154-1212), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, князь владимиро-суздальский.

[52] *Ногата, резана* — мелкие денежные единицы.

[53] *Рюрик Ростиславич* (ок. 1139—1215) — один из деятельных и энергичных князей Древней Руси, всю жизнь провел в сражениях с половцами и в междоусобных бранях. Во времена «Слова» был соправителем киевского князя Святослава: Святослав владел Киевом, а Рюрик — всей Киевской землей.

[54] *Давыд Ростиславич* (1140—1197) — князь смоленский, брат Рюрика.

[55] *Ярослав* — галицкий князь Ярослав Владимирович (1130—1187), один из сильнейших князей той эпохи. Его дочь Ярославна (названа так по отцу) — жена Игоря. Значение прозвища «Осмомысл» точно неизвестно (очень мудр — умен за восьмерых; у него восемь мыслей — много забот военных и политических и т.п.).

[56] *Угорские* — Венгерские горы — Карпаты.

[57] *Роман и Мстислав — Роман Мстиславич* (1150—1205) — князь владимиро-волынский. Какой имеется в виду Мстислав, неясно (было два Мстислава, связанных с Романом).

[58]*Ятвяги* — литовское племя.
[59]*Деремела* — литовское племя.
[60]*Сулица* — короткое метательное копье, дротик.
[61]*Рось* — правый приток Днепра, южнее Киева.
[62]*Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича* — князья волынские.
[63]*Изяслав, сын Васильков* — об этом князе ничего не известно.
[64]*Всеслав* — Всеслав Брячиславич (ум. 1101), князь полоцкий. Вся жизнь Всеслава была насыщена междоусобными распрями с Ярославичами (потомками Ярослава Мудрого). Еще при жизни он пользовался славой оборотня, чародея, что нашло отражение и в «Слове» (он превращается в «лютого зверя», рыскает волком и т.п.).
[65]*Брячислав и Всеволод Васильковичи* — братья Изяслава, о которых как и о нем, ничего не известно.
[66]*Ожерелие* — обшитая золотом и драгоценными камнями кайма вокруг ворота княжеской рубахи.
[67]*Городенские* — из города Городен (Городно), совр. Гродно.
[68]Под «девицей любой» подразумевается Киев.
[69]В этом отрывке описываются (не в хронологической последовательности) отдельные эпизоды богатой событиями жизни Всеслава Полоцкого. В 1068 г. он занял киевский престол, но уже через год, не начав битвы с Изяславом за Киев, покинул его и тайно бежал от своего войска из Белгорода (городок недалеко от Киева). В 1067 г. он захватил и разгромил Новгород, был выбит оттуда Ярославичами и потерпел от них поражение на реке Немиге (ныне в этом месте улица Немига в Минске). Что имеется в виду под Дудутками — неясно (Карамзин предполагал, что это какое-то селение под Новгородом).
[70]*Хорс* — древнерусский языческий бог солнца.
[71]*Овлур* — половец, помогший Игорю бежать из плена.
[72]*Гоголь* — нырковая утка.
[73]*Чернядь* — утка, как и гоголь, отличающаяся особой чуткостью и осторожностью.
[74]См. примечание 5 к «Киево-Печерскому патерику».
[75]Сын Игоря Владимир во время пребывания в плену женился на дочери Кончака (браки русских князей с половчанками — обычное для того времени явление). Из плена он вернулся в 1187 г. с женой и ребенком.
[76]*Ходына* — здесь дается гипотетическое толкование «темного места» «Слова»: предполагается существование во времена Бояна второго поэта-певца Ходыны (в первом издании — «ходы на»).
[77]*Боричев* — Боричев взвоз: подъем от Днепра на гору к центру Киева.
[78]*Богородица Пирогощая* — церковь в Киеве, основанная в 1132 г.

II

Литература второй четверти–конца XIII в.

Моление Даниила Заточника

«Моление» — компиляция из афористических изречений, пословиц, кратких рассуждений. Но это не механическая компиляция, а единое произведение, ибо все афоризмы, пословицы и рассуждения объединены образом автора-героя — Даниила Заточника и образом князя, к которому Даниил обращается. Собрание афоризмов на общечеловеческие темы превращается под пером автора «Моления» в сюжетное повествование о судьбе конкретного человека — Даниила, вся жизнь которого зависит от князя.

«Моление» — во многих отношениях загадочно. Мы, по существу, не знаем, кто его адресат: разные редакции (одна озаглавлена как «Моление», а другая, как «Слово») соотносятся исследователями с разными историческими лицами (то с сыновьями Владимира Мономаха — Юрием Долгоруким или Андреем Владимировичем Добрым, то с сыном Всеволода Большое Гнездо — Ярославом Всеволодовичем и др.); загадочным остается и сам Даниил — исторически реален он или это литературный образ; трудно определить и социальный статус Даниила: одни видят в нем дворянина, другие — дружинника князя, третьи — холопа, четвертые — ремесленника. Кем бы, однако, ни был Даниил, бесспорно то, что это человек высокой книжной культуры. Автор насыщает свою речь книжными, библейскими, литературными изречениями и образами. Вместе с тем все произведение пронизано явлениями реального, будничного быта своего времени. Наряду с утонченной книжностью в сочинении Даниила, как отмечает академик Д. С. Лихачев, нашло отражение скоморошье балагурство, что проявляется в определенной грубости, нарочитой сниженности стиля, в пародировании даже священного Писания, в широком использовании бытовой лексики.

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 2. С. 388—399.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

(Древнерусский текст)

Слово Данила Заточеника, еже написа своему князю Ярославу Володимеровичю

Въструбим, яко во златокованыя трубы, в разум ума своего и начнем бити в сребреныя арганы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповем ти ся. Да разверзу въ притчах гаданиа моя и провещаю въ языцех славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть язык мой тросль книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Сего ради покушахся написати всяк съуз сердца моего и разбих зле, аки древняя — младенца о камень.

Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.

Аз бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имею плода покаянию; имею бо сердце, аки лице без очию; и бысть ум мой, аки нощный вран, на нырищи забдех; и расыпася живот мой, аки ханаонскый царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры, госпожа своея.

Но видих, господине, твое добросердие к собе и притекох къ обычнеи твоей любви. Глаголеть бо въ Писании: просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишен будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитаеть въ веки.

Аз бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на ню же ни солнце сиаеть, ни дождь идет; тако и аз всем обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа, яко плодом твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волк на ягня, но зри на мя, аки мати на младенец. Возри на птица небесныа, яко тии ни орють, ни сеють, но уповаю́ть на милость Божию; тако и мы, господине, желаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне черней смолы; кому Лаче озеро, а мне на нем седя плачь горкий; и кому ти есть Новъгород, а мне и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашен. Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцем смеют ми ся. Тем же не ими другу веры, не надейся на брата.

Не лгал бо ми Ростислав князь: «Лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение»; тако же и мужеви: «Лепше смерть, ниже

продолжен живот в нищети». Яко же бо Соломон рече: «Ни богатества ми, ни убожества, Господи, не дай же ми: аще ли буду богат — гордость восприиму, аще ли буду убог — помышляю на татбу и на разбой», а жены на блядню.

Тем же вопию к тобе, одержим нищетою: помилуи мя, сыне великаго царя Владимера, да не восплачюся рыдая, аки Адам рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужь везде знаем есть и на чюжей стране друзи держить; а убог во своей ненавидим ходить. Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна.

Княже мой, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от уст лвов.

Аз бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посекають его и на огнь мечють; тако и аз всеми обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человек, приемля многия беды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити; всяк бо человек хитрить и мудрить о чюжей беди, а о своей не можеть смыслити. Злато съкрушается огнем, а человек напастьми; пшеница бо много мучима чист хлеб являеть, а в печали обретаеть человек ум свръшен. Молеве, княжи, ризы едять, а печаль — человека; печалну бо мужу засышють кости.

Аще кто в печали человека призрит, как студеною водою напоить во знойный день.

Птица бо радуется весни, а младенець матери; весна украшаеть цветы землю, а ты оживляеши вся человекы милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы.

Княже мой, господине! Яви ми зрак лица своего, яко глас твой сладок и образ твой красен; мед истачають устне твои, и послание твое аки рай с плодом.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от места незаветрена; егда лежиши на мяккых постелях под собольими одеялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стреламии сердце пронизающе.

Да не будет, княже мой, господине, рука твоа согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Яко же бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людми честен и славен по всем странам. Яко же бо похвалися Езекий царь послом царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же реша:

«Нашь царь богатеи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужей не добыти». Яко же рече Святослав князь, сын Олъжин, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: «Братиа! нам ли от града погинути, или граду от нас пленену быти?» Яко же Бог повелить, тако будеть: поженет бо един сто, а от ста двигнется тма. Надеяся на Господа, яко гора Сион не подвижится въ веки.

Дивиа за буяном кони паствити, тако и за добрым князем воевати. Многажды безнарядием полци погибають. Видих: велик зверь, а главы не имееть, тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страяются персты, а тело основается жилами; дуб крепок множеством корениа; тако и град нашь — твоею дръжавою.

Зане князь щедр — отець есть слугам многиим: мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибегают. Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшей роботы. Зане князь щедр, аки река, текуща без брегов сквози дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и звери; а князь скуп, аки река въ брезех, а брези камены: нелзи пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладяз сладок при пути напаяеть мимоходящих; а боярин скуп, аки кладязь слан.

Не имей собе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его аки огнь трепетицею накладен, и рядовичи его, аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устречися и сождениа порт.

Господине мой! Не лиши хлеба нища мудра, ни вознесе до облак богата несмыслена. Нищь бо мудр, аки злато в кални судни; а богат красен и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мой! Не зри внешняя моя, но возри внутреняя моа. Аз бо, господине, одением оскуден есмь, но разумом обилен; ун възраст имею, а стар смысл во мне. Бых мыслию паря, аки орел по воздуху.

Но постави сосуд скуделничь под лепок капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса уст моих. Яко же Давид рече: «Сладка сут словеса твоя, паче меда устом моим». Ибо Соломон рече: «Словеса добра сладостью напаяють душу, покрываеть же печаль сердце безумному».

Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи, а безумнаго посылай, и сам не ленися по нем ити. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира. Лепше слышати прение умных, нижели наказаниа безумных. Дай бо премудрому вину, премудрие будеть.

Не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни сеють, ни орють, ни в житницю сбирают, но сами ся родят. Как в утел мех лити, так безумнаго учити; псом бо и свиниам не надобе злато, ни сребро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца росмешити, ни безумнаго наказати. Коли

пожреть синиця орла, коли камение въсплавлет по воде, и коли иметь свиниа на белку лаяти, тогды безумный уму научится.

Или ми речеши: от безумиа ми еси молвил? То не видал есмь неба полъстяна, ни звизд лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющь. Или ми речеши: сългал еси аки пес? Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългал еси аки тать? Аще бых украсти умел, то толко бых к тобе не скорбил. Девиця бо погубляеть красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

Господине мой! То не море топить корабли, но ветри; не огнь творить ражежение железу, но надымание мешное; тако же и князь не сам впадаеть въ вещь, но думци вводять. З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть.

Глаголеть бо в мирскых притчах: не скот въ скотех коза; ни зверь въ зверех ожь, ни рыба въ рыбах рак, ни потка въ потках нетопырь, не мужь в мужех, иже ким своя жена владееть, не жена в женах, иже от своего мужа блядеть, не робота в роботах — под жонками повоз возити.

Дивней дива, иже кто жену поимаеть злобразну прибытка деля.

Видех жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцем, и рех ей: «Не зри в зерцало, видевше бо нелепоту лица своего, зане болшую печаль приимеши».

Или ми речеши: «Женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пий и яж?» Ту лепше ми вол бур вести в дом свой, неже зла жена поняти: вол бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бьема бесеться, а кротима высится, въ богатестве гордость приемлеть, а в убожестве иных осужаеть.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бесовская. Что есть жена зла? Мирский мятежь, ослепление уму, началница всякой злобе, въ церкви бесовская мытница, поборница греху, засада от спасениа.

Аще который муж смотрить на красоту жены своеа и на я и ласковая словеса и льстива, а дел ея не испытаеть, то дай Бог ему трясцею болети, да будеть проклят.

Но по сему, братиа, расмотрите злу жену. И рече мужу своему: «Господине мой и свете очию моею! Аз на тя не могу зрети: егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю, и въздеръжат ми вся уды тела моего, и поничю на землю».

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крест есть глава церкви, а мужь — жене своей. Жены же у церкви стойте молящеся Богу и святей Богородици; а чему ся хотите учити, да учитеся дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрести добры жены.

Добра жена — венець мужу своему и безпечалие; а зла жена — лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена дом мужа своего теряеть. Лутче есть утли лодии ездети, нежели зле жене тайны поведати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лепше есть камень

долоти, нижели зла жена учити; железо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни учениа слушаеть, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всех укоряет и всех осужаеть.

Что лва злей в четвероногих, и что змии лютей в ползущих по земли? Всего того злей зла жена. Несть на земли лютей женской злобы. Женою сперва прадед нашь Адам из рая изгнан бысть; жены ради Иосиф Прекрасный в темници затворен бысть; жены ради Данила пророка в ров ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрела, летящеи с чемерем!

Не у кого же умре жена; он же по матерных днех нача дети продавати. И люди реша ему: «Чему дети продаешь?» Он же рече: «Аще будуть родилися в матерь, то, возрошьши, мене продадут».

Еще возвратимся на предняя словеса. Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупляя медвеный сот; тако и аз, по многим книгам исъбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мех воды морскиа.

Да уже не много глаголю. Не отметай безумному прямо безумию его, да не подобен ему будеши. Ужо бо престану с ним много глаголати. Да не буду аки мех утел, роня богатство в руци неимущим; да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита; да не възненавидим буду миру со многою беседою, яко же бо птиця, частяще песни своя, скоро възненавидима бываеть. Глаголеть бо в мирскых притчах: речь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разум, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, Господи, вся человекы под нози его. Богу нашему слава и ныне, и присно, и в век.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА
(Перевод)

Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу

Вострубим, как в златокованные трубы, во все силы ума своего, и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри[1] и в гуслях. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возвещу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотою и мудростью.

Был язык мой как трость[2] книжника-скорописца, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Ибо я как та смоковница проклятая[3]: не имею плода покаяния; ибо имею сердце — как лицо без глаз; и ум мой — как ночной ворон, на вершинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона[4].

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры[5], госпожи своей.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного; ибо писано: возложи на Бога печаль свою, и тот тебя пропитает вовеки.

Ибо я, княже господине, как трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных — не пашут они, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово[6], а мне горе лютое; кому Белоозеро[7], а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро[8], а мне, на нем живя, плач горький; кому Новый Город, а у меня в доме углы завалились, так как не расцвело счастье мое.

Друзья мои и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной и за столом тянут руку со мной в одну солонку, а в несчастье становятся врагами и даже помогают подножку мне поставить; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, Господи: если буду богат, — гордостью вознесусь, если же буду беден, — задумаю воровство или разбой», как женки распутство.

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, потомок великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде вéдом — и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит — все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может рассудить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в напасти обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека; печаль человеку кости сушит.

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Когда услаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в укрытом от ветра месте; когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, множеством своей челяди честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекииль перед послами царя вавилонского и показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов: ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть»[9]. Как сказал князь Святослав, сын Ольгин, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! нам ли от этого города погибнуть или городу от нас быть пленену?» Как Бог повелит, так и будет: погонит один сто, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на Господа, не дрогнет вовек, как гора Сион[10].

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за беспорядка полки погибают. Видел: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш — твоим управлением.

Ибо щедрый князь — отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и матерь и к нему приходят. Хорошему господину служа, дослужиться свободы, а злому господину служа, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как река текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодезь с пресной водой при дороге: прохожих поит; а боярин скупой — как колодезь соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжо́го села: ибо тиун его — как огонь, на осине разожженный, а рядовичи[11] его — что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудрого, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый — что золото в грязном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая подушка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид[12] сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон[13] сказал: «Слова добрые сладостью напояют душу, покрывает же печаль сердце безумного».

Ибо мудрого мужа посылай — и мало ему объясняй, а глупого посылай — и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желают блага, а глупого — пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели совета глупых. Наставь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых не сеют, ни жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно золота, ни серебра, а глупому — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князья и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор? Если бы украсть умел, то к тебе бы и не жаловался. Девица ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь

раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаясь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах — для женок повоз возить[14].

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради.

Видел жену безобразную, приникнувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотрись в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай Бог ему лихорадкою болеть, и да будет он проклят.

Вот и распознайте, братия, злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте же в церкви и молитесь Богу и святой Богородице; а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был

заключен[15], из-за жены пророка Даниила в ров ввергли[16], где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена, он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех во́ды морские.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона[17], храбрость Александра[18], разум Иосифа, мудрость Соломона, искусность Давида[19], и умножь, Господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Псалтырь* — здесь: название музыкального инструмента.

[2]*Трость* — здесь: орудие письма.

[3]Евангельский сюжет: Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не приносящую плодов.

[4]Имеется в виду библейский рассказ о гибели войск египетского фараона в водах Красного моря. Перед преследуемыми египетским фараоном израильтянами воды Красного моря расступились, и они прошли по дну моря. Когда же вслед за ними в пределы моря вступили войска фараона, морские воды сомкнулись и потопили их.

[5]Библейский сюжет: бесплодная жена Авраама Сарра предложила Аврааму взять в наложницы свою служанку Агарь. Агарь, зная, что скоро будет матерью, стала презирать Сарру. Сарра, с позволения Авраама, решила «смирить» Агарь. Обиженная Агарь убежала, но встретившийся ей на пути ангел вернул ее к Аврааму.

[6]*Боголюбово* — резиденция (осн. в 1158 г.) князя Андрея Боголюбского в 10 км от города Владимира.

[7]*Белоозеро* — на западе Вологодской области.

[8]*Лаче озеро* — в Архангельской области, на его берегу расположен город Каргополь.

[9]*Иезекииль* — еврейский царь; согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославлять бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя. За это вместе с потомками потерпел кару от бога.

[10]*Сион* — гора близ Иерусалима.

[11]*Рядовичи* — закабаленные люди, заключившие договор («ряд») со своим господином и работающие у него.

[12]*Давид* — царь Израильско-Иудейского государства (конец XI — начало

X в. до н.э.). Его деяния отличаются отвагой, мудростью и хитроумием. Отец Соломона.

[13]*Соломон* — третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н.э.), сын царя Давида, изображается в Библии величайшим мудрецом.

[14]*Повоз возить* — обязанность доставлять дань или оброк в назначенное место.

[15]По библейской легенде, Иосиф Прекрасный (см. примечание 5 к «Сказанию о Борисе и Глебе»), оклеветанный женой своего господина Потифара, к которому он попал после того как был продан братьями в рабство, был заключен в темницу.

[16]По библейской легенде, пророк Даниил был брошен в ров со львами, которые стали лизать ему ноги. Но мотива женской клеветы в библейском рассказе нет.

[17]*Самсон* — библейский герой, наделенный необычайной силой.

[18]Имеется в виду величайший полководец древности Александр Македонский (356—323 гг. до н.э.).

[19]*Иосиф* (см. примечание 5 к «Сказанию о Борисе и Глебе») отличался остротой ума и прозорливостью; *Соломон* — см. примечание 13; *Давид* — см. примечание 12.

Слово о погибели Русской земли

«Слово о погибели Русской земли» сохранилось всего в двух списках как предисловие к «Повести о житии Александра Невского». Однако это позднее объединение двух разных произведений. «Слово» — начало другого, не сохранившегося лирического произведения, выражавшего чувство глубокого патриотизма русского автора, вызванное монголо-татарским нашествием и разгромом «светло светлой и прекрасно украшенной» земли Русской жестокими захватчиками. Время написания «Слова» датируется периодом с 1237 г. (начало монголо-татарского нашествия) по 1246 г. (упоминаемый в «Слове» Ярослав умер в 1246 г.).

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР.3. С. 130—131.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

(Древнерусский текст)

Слово о погибели Рускыя земли и по смерти великого князя Ярослава

О, светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, реками и кладязьми месточестьными, горами, крутыми холми, высокыми дубравоми, чистыми польми, дивными зверьми, *различными* птицами, бещислеными городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о прававерьная вера хрестияньская!

Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от немець до корелы, от корелы до Устьюга, где тамо бяху тоймици погании, и за Дышючим морем; от моря до болгар, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до моръдви, — то все покорено было Богом крестиянь-

скому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому; деду его Володимеру и *Манамаху*, которым то половоци дети своя *полошаху* в колыбели. А литва из болота на свет не выникываху, а угры твердяху каменые городы железными вороты, абы на них великый Володимер тамо не вьехал, а немци радовахуся, далече будуче за Синим морем. Буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюр Мануил цесарегородскый опас имея, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под ним великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял.

А в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя володимерьскаго...

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ
(Перевод)

Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава[1]

О, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи[2], и за Дышащее море[3]; от моря до болгар[4], от болгар до буртасов[5], от буртасов до черемисов[6], от черемисов до мордвы — то все с помощью Божьею покорено было христианскому народу, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду[7], отцу его Юрию[8], князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а угры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за Синим морем. Буртасы, черемисы, вяда[9] и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил[10] от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни, — от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия[11], князя владимирского, — обрушилась беда на христиан...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Имеется в виду Ярослав Мудрый.

[2]*Тоймичи* — языческие племена, живущие по берегам реки Тоймы (приток Северной Двины).

[3]*Дышащее море* — Северный Ледовитый океан и Белое море. Назывался «дышащим» из-за больших приливов и отливов.

[4]*Болгары* — волжские болгары (см. примечание 9 к «Повести временных лет»).

[5]*Буртасы* — мордовское племя.

[6]*Черемисы* — марийцы.

[7]*Всеволод* — см. примечание 51 к «Слову о полку Игореве».

[8]*Юрий* — Юрий Владимирович Долгорукий (90-е годы XI в.—1157), князь суздальский и великий князь киевский, сын Владимира Мономаха, отец Всеволода.

[9]*Вяда* — одно из мордовских племен.

[10]*Мануил* — упоминание византийского императора Мануила I Комнина (1143—1180) в данном контексте является анахронизмом: годы жизни Владимира Мономаха — 1053—1125.

[11]*Ярослав и его брат Юрий* — сыновья Всеволода Большое Гнездо. Ярослав Всеволодович (1191—1246) — великий князь владимирский, отец Александра Невского. Юрий (Георгий) Всеволодович (1188—1238) княжил во Владимире до него, погиб в битве с монголо-татарами на реке Сити 4 марта 1238 г.

Повесть о разорении Рязани Батыем

Первый удар монголо-татарских полчищ, начавших в 1237 г. поход на Русь и Европу, обрушился на Рязанское княжество. Во всех летописях повествование о нашествии монголо-татар начинается с рассказа о разгроме Рязани. Этому событию посвящено и одно из замечательных произведений древнерусской литературы — «Повесть о разорении Рязани Батыем». «Повесть» была написана по прошествии определенного времени после самого события. Об этом свидетельствуют эпические обобщения в произведении: рязанские князья выступают в нем как единая семья богатырей, в числе участников битвы за Рязань называются имена людей, к 1237 г. уже умерших, а среди погибших обозначены и те, кто на самом деле умер позже. Однако, как отмечает Д. С. Лихачев, яркость и свежесть впечатления, характерные для «Повести», говорят о том, что слишком отдалять время возникновения памятника от реально происходившего события нельзя. Вероятнее всего, «Повесть» была написана в конце XIII — самом начале XIV в.

Автор «Повести» широко использовал устные предания о нашествии Батыя. Вероятно, ему были известны и летописи: некоторые мотивы, встречающиеся в «Повести», совпадают с летописными рассказами. Однако только в «Повести» встречается рассказ о героическом подвиге Евпатия Коловрата с дружиной богатырей. Некоторые исследователи считают, что была историческая песня о Евпатии, более нигде не зафиксированная.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» рассказывает о трагической участи Рязани: гибнут и воины, и все жители города, но произведение это нельзя назвать пессимистическим. Русские воины побеждены физически, но духовно они остались непокоренными. Через все произведение красной нитью проходит мысль, сформулированная в самом начале рязанским князем: «Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть». «Повесть», отличающаяся высоким литературным совершенством, — гимн героизму и величию человеческого духа, глубоко патриотическое произведение русского средневековья.

Текст и перевод печатаются по изданию: Воинские повести Древней Руси. Лениздат, 1985. С. 96—115.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

(Древнерусский текст)

Въ лето 6745. Въ фторое на десят лето по принесении чюдотворнаго образа Николина ис Корсуня. Прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множество вой татарскыми, и ста на реце на Воронеже близ Резанскиа земли. И присла на Резань к великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому послы безделны, просяща десятины въ всем: во князех и во всяких людех, и во всем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыа, и воскоре посла въ град Владимер к благоверному к великому князю Георгию Всеволодовичу Владимерскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимръской сам не пошел и на помощь не послал, хотя особе сам сотворити брань з Батыем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский, что несть ему помощи от великаго князя Георьгия Всеволодовича Владимерьскаго, и вскоре посла по братью свою по князя Давида Ингоревича Муромского, и по князя Глеба Ингоревича Коломенского, и по князя Олга Краснаго, и по Слеваладе Проньского, и по прочии князи. И начаша совещевати, яко нечестиваго подобает утоляти дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батыю з дары и молении великиими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Федор Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный царь Батый, лстив бо и немилосерд, приа дары, охапися лестию не воевати Резанскиа земли. И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И нача просити у рязаньских князей тщери или сестры собе на ложе. И некий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имеет у собе княгиню от царьска рода, и лепотою-телом красна бе зело. Царь Батый лукав есть и немилостив в неверии своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мне, княже, ведети жены твоей красоту». Благоверный князь Федор Юрьевич Резанской и посмеяся, и рече царю: «Не полезно бо есть нам християном тобе нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолееши, то и женами нашими владети начнеши». Безбожный царь Батый возярися и огорчися, и повеле вскоре убити благовернаго князя Федора Юрьевича, а тело его повеле поврещи зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воиньских побил.

И един от пестун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тело честнаго своего господина горко плачющися, и видя его ни ким брегома, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благоверной

княгине Еупраксее, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый убий благовернаго князя Федора Юрьевича.

Благоверная княгиня Еупраксеа стояше в превысоком храме своем, и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыа смертоносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего блаженаго князя Федора, инех князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакатися, и с великою княгинею, и со прочими княгинеми, и з братею. И плакашеся весь град на мног час. И едва отдохнув от великаго того плача и рыданиа, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юри Ингоревич, видя братию свою и боляр своих и воеводе храбрыи мужествены ездяше, и возде руце на небо со слезами и рече: «Изми нас от враг наших, Боже. И от востающих на нь избави нас, и покрый нас от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок». И рече братии своей: «О господия и братиа моа, еще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыа Божиа церкви, и за веру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича». И поидоша в церковь пресвятыя владычицы Богородици честнаго ея Успениа. И плакася много пред образом пречистыа Богородици и великому чюдотворцу Николе и сродником своим Борису и Глебу. И дав последнее целование великой княгини Агреппене Ростиславне, и прием благословение от епископа и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и стретоша его близ придел резанских. И нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужествено, и бысть сеча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки подоша Батыеви. Царь Батый и видяше, что господство резаньское крепко и мужествено бьяшеся, и возбояся. Да противу гневу Божию хто постоит! А Батыеве бо и силе велице и тяжце, един бьяшеся с тысящей, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича, и воскричаша: «О братие моя милая! князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» И преседоша с коня на кони, и начаша битися прилежно. Многиа силныя полкы Батыевы проеждяа, храбро и мужествено бьяшеся, яко всем полком татарьскым подивитися крепко и мужеству резанскому господству. И едва одолеша их силныя полкы татарскыа. Ту убиен бысть благоверный князь велики Георгий Ингоревич, братьа его князь Давид Ингоревич Муромской, брат его князь Глеб Ингоревич Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи месныа и воеводы

крепкыа, и воинство: удалцы и резвецы резанския. Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возратися вспять: вси вкупе мервии лежаша. Сиа бо неведе Бог грех ради наших.

А князя Олга Ингоревича яша еле жива суща. Царь же, видя свои полкы мнозии падоша, и нача велми скръбети и ужасатися, видя своея силы татарскыя множество побьеных. И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и сечи, и жещи без милости. И град Прънеск, и град Бел, и Ижеславець розари до основаниа, и все люди побиша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река силная, грех ради наших.

Царь Батый и видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра, и изнемогающи от великых ран, и хотя его изврачевати от великых ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингоревич укори царя Батыа, и нарек его безбожна, и врага христьанска. Окаяный Батый и дохну огнем от мерскаго сердца своего, и въскоре повеле Олга ножи на части роздробити. Сий бо есть вторый страстоположник Стефан, приа венець своего страданиа от всемилостиваго Бога, и испи чашу смертную своею братею ровно.

Царь Баты окааный нача воевати Резанскую землю, а поидоша ко граду к Резани. И обьступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а гражане непремено бьяшеся. И многих гражан побиша, а инех уазвиша, а инии от великих тродов изнемогша. А въ шестый день рано приидоша погани ко граду, овии с огни, а ини с пороки, а инеи со тмочислеными лествицами, и взяша град Резань месяца декабря 21 день. И приидоша в церковь собрьную пресвятыа Богородици, и великую княгиню Агрепену матерь великаго князя, и с снохами и с прочими княгинеми мечи исекоша, а епископа и священический чин огню предаша, во святей церкве пожегоша, и инеи мнози от оружиа падоша. А во граде многих людей, и жены, и дети мечи исекоша. И иных в реце потопиша, и ереи черноризца до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черъниговское поимаша. А храмы Божиа разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша. И не оста во граде ни един живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюща, ни плачюща — и ни отцу и матери о чадех, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших.

Безбожный царь Батый и видя велие пролитие крови християнскиа, и возярися зело, и огорчися, и поиде на град Суздаль и Владимер, и желая Рускую землю попленити, и веру християнскую искоренити, и церкви Божии и до основаниа разорити.

И некий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем, и услыша приход зловернаго царя Батыа, и иде из Чернигова

с малою дружиною, и гнаша скоро. И приеха в землю Резаньскую, и виде ея опустевшую, грады разорены, церкви пожены, люди побьены. И пригна во град Резань и виде град разорен, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посечены, а ины позжены, ины в реце истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своея и разпалаяся въ сердцы своем. И собра мало дружины: тысящу семсот человек, которых Бог соблюде быша вне града. И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей, и внезапу нападоша на станы Батыевы. И начаша сечи без милости, и сметоша яко все полкы татарскыа. Татарове же сташа, яко пияны, или неистовы. Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарскыа мечи и сечаша их. Татарове мняша, яко мертви восташа. Еупатий силныа полкы татарскыя проеждяя, бьяше их нещадно. И ездя по полко́м татарскым храбро и мужествено, яко и самому царю возбоятися.

И едва поимаша от полку Еупатиева пять человек воиньскых, изнемогших от великих ран. И приведоша их къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коеа веры еста вы, и коеа земля, и что мне много зла творите?» Они же реша: «Веры християнскыя есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя силна царя почтити и честна проводити, и честь тобе воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую». Царь же подивися ответу их мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Еупатиа, а с ним силныа полкы татарскыа. Хостоврул же похвалися пред царем, хотя Еупатия жива пред царя привести. И ступишася силныя полкы татарскыа, хотя Еупатия жива яти. Хостоврул же съехася сь Еупатием. Еупатей же исполин силою и разсече Хостоврула на полы до седла. И начаша сечи силу татарскую, и многих тут нарочитых богатырей Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше. Татарове возбояшеся, видя Еупатия крепка исполина. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленых пороков, и едва убиша его. И принесоша тело его пред царя Батыа. Царь Батый посла по мурзы, и по князи, и по санчакбеи, и начаша дивитися храбрости, и крепости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удалцов и резвецов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти: тако крепко и мужествено ездя, бьяшеся един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может сьехати жив с побоища». Царь Батый и зря на тело Еупатиево, и рече: «О Коловрате Еупатие! гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих богатырей силной орды побил еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такий служил, — держал бых его против сердца своего». И да-

ша тело Еупатево его дружине останочной, которые пойманы на побоище. И веля их царь Батый отпустити, ни чем вредити.

Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского Богъм соблюден от злаго того отметника врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его все побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыа, и прииде во град Резань и видя град разорен, а матерь свою, и снохи своа, сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разорен, церкви позжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричаниа, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв. И едва отльеяша его и носяша по ветру. И едва отдохну душа его в нем.

Кто бо не возплачетца толикиа погибели, или хто не возрыдает о селице народе людий православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения.

Князь Ингварь Ингоревич, розбирая трупиа мертвых, и наиде тело матери своей великия княгини Агрепены Ростиславны, и позна снохи своя, и призва попы из веси, которых Бог соблюде, и погребе матерь свою, и снохи своа плачем великым во псалмов и песней место: кричаше велми и рыдаше. И похраняше прочиа трупиа мертвых, и очисти град, и освяти. И собрашася мало людей, и даша им мало утешениа. И плачася безпрестано, поминая матерь свою и братию свою, и род свой, и все узорочье резанское — вскоре погибе. Сиа бо вся наиде грех ради наших. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел, а церкви все погореша, а великая церковь внутрь погоре и почернеша. Не един бо сий град пленен бысть, но и иннии мнози. Не бе во граде пениа, ни звона, в радости место всегда плач творяще.

Князь Ингварь Ингоревич поиде и где побьени быша братьа его от нечестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингорович Резанской, брат его князь Давид Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревичь и многиа князи месныа, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвецы, узорочие резанское. Лежаша на земли пусте, на траве ковыле, снегом и ледом померзоша, ни ким брегома. От зверей телеса их снедаема, и от множества птиц разъстерзаемо. Все бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную. И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко поток, течаше и жалосно вещающи: «О милая моа братья и господие! како успе животе мои

драгии! Меня единаго оставиша в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте очию моею, и где отошли есте сокровища живота моего? Про́ что не промолвите ко мне, брату вашему, цветы прекрасныи, винограде мои несозрелыи? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мне — брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене брата своего, от единаго отца роженаго, и единые утробы честнаго плода матери нашей — великие княгини Агрепены Ростиславне, и единым сосцом воздоеных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте, звезды восточные, почто рано зашли есте! Лежите на земли пусте, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Где господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлении. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свете мои драгии, чему помрачилися есте? Не много нарадовахся с вами! Аще услышит Бог молитву вашу, то помолитеся о мне, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселие плач и слезы приидоша ми, а за утеху и радость сетование и скръбь яви ми ся! Почто аз не преже вас умрох, да бых не видел смерти вашея, а своея погибели. Не слышите ли бедных моих словес жалостно вещающа? О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погибе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удальцев. Ни един от них возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моея язык мой связается, уста загражаются, зрак опусмевает, крепость изнемогает».

Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и воздыханиа, и страха, и трепета от всех злых, находящих на ны. Великий князь Ингварь Ингоревич возде руце на небо со слезами возва, глаголаша: «Господи, Боже мой, на тя уповах, спаси мя, и от всех гонящих избави мя. Пречиста владычице Богородице Христа Бога нашего, не остави мене во время печали моея. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, буди мне помощники, грешному, во бранех. О братие моа и господие, помогайте мне во святых своих молитвах на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода».

Князь Ингварь Ингоревич начаша разбирати трупие мертвых, и взя тело братьи свое, и великаго князя Георгия Ингоревича, и князя Давида Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и инех князей месных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних знаемых, принесе их во град Резань, и похраняше их честно, а инех тут на месте на пусте собираше и надгробное пеша. И похраняше князь Ингварь Ингоревич, и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благовернаго и христолюбиваго князя Олга Ингоревича и несоша его во град Резань, а честную его главу сам

князь велики Ингвар Иньгоревич и до града понеси, и целова ю любезно, положиша его с великим князем Юрьем Ингоревичем во единой раце. А братью свою князя Давида Ингоревича, да князя Глеба Ингоревича положиша у него близ гроба их во единой раце. Поиде же князь Ингвар Ингоревичь на реку на Воронеж, иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанской, и взя честное тело его, и плакася над ним на долг час. И принесе во область его к великому чюдотворцу Николе Корсунскому, и его благоверную княгиню Еупраксею, и сына их князя Ивана Федоровича Посника во едином месте. И поставиша над ними кресты камены. И от сея вины да зовется великий чюдотворець Николае Заразский, яко благоверная княгиня Еупраксеа и с сыном своим князем Иваном сама себе заразі.

Сии бо государи рода Владимера Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского. Бяше родом христолюбивыи, братолюбивыи, лицем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на пированье тщывы, до осподарьских потех охочи, ратному делу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум имеяше, в правдеистине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. Святаго корени отрасли, и Богом насажденаго сада цветы прекрасныи. Воспитани быша въ благочестии во всяцем наказании духовнем. От самых пелен Бога возлюбили. О церквах Божиих велми печашеся, пустошных бесед не творяще, срамных человек отвращашеся, а со благыми всегда беседоваша, Божественых писаниих всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшениа івляшеся, многия враги, востающи на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимаша. А по браце целомудрено живяста, смотряющи своего спасениа. В чистой совести, и крепости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдающи тело свое по браце греху непричасна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на раме своем носяща. И честь и славу от всего мира приимаста, а святыа дни святого поста честно храняста, а по вся святыа посты причащастася святых пречистых бесмертных таин. И многи труды и победы по правой вере показаста. А с погаными половцы часто бьяшася за святыа церкви и православную веру. А отчину свою от супостат велми без лености храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от неверных царей, детей их и братью к собе приимаста, и на веру истиную обращаста.

Благоверный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и манастыри согради, и пришелцы

утеши, и люди собра. И бысть радость християном, их же избави Бог рукою своею крепкою от безбожнаго зловернаго царя Батыя. А Кир Михайло Всеволодовича Пронского посади на отца его отчине.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

(Перевод)

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни[1]. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый[2] со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингоревичу[3] Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому[4], прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингоревичем Муромским[5], и за князем Глебом Ингоревичем Коломенским[6], и за князем Олегом Красным[7], и за Всеволодом Пронским[8], и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского[9] к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбож-

ный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

Но один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, уцелел и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингоревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингоревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, Боже, от врагов наших. И от подымающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия, если из рук Господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью жизнь вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Вот я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые Божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича»[10]. И пошел в церковь Успения[11] пресвятой владычицы Богородицы. И плакал много перед образом пречистой Богородицы, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне[12], и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошли против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ними крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева Божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингоревич, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не

изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингоревич, брат его князь Давыд Ингоревич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский, и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвецы рязанские. Все ра́вно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел Бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингоревича захватили еле живого, Царь же, увидев многие полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец[13] разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингоревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тяжких ран, и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингоревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан[14], принял венец страдания от всемилостивого Бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекли. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекли, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. И храмы Божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все ра́вно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и мате-

ри, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингоревичем[15]. И услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых Бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешалися все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился.

И едва поймали татары из полка Евпатьева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на́-полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков[16], и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и сан-

чакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов на видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — со тьмою. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых захватили в битве. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингоревич был в то время в Чернигове, у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского[17], сохранен Богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингоревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой погибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингоревич нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых Бог сохранил, и похоронил матерь свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая матерь свою, и братию свою, и род свой и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел; и церкви все погорели, а великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пошел князь Ингварь Ингоревич туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингоревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удальцы, и резвецы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингоревич великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой погибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где сила ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит Бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! о дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — удальцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все ра́вно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех напастей, нашедших на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингоревич, и воззвал со

слезами, говоря: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, матерь Христа, Бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингоревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингоревича, и князя Давыда Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингоревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингоревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингоревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингоревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингоревича да князя Глеба Ингоревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингоревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «зара́зила» (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, и перед братией своей и перед послами величавы. Мужественный ум имели, в правдеистине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасль они святого корени и Богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии и во всяческом наставлении духовном. От самых пеленок Бога возлюбили. О церквах Божиих усердно пеклись, пустых бесед не творили, злонравных людей отвращались, с добрыми только

беседовали, и Божественные писания всегда с умилением слушали. Врагам в сражениях страшными являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, помышляя о своем спасении. С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство, и к небесному приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака непричастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную давали и ласкою своей многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благоверный князь Ингварь Ингоревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингоря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]«Повести о разорении Рязани» в древнерусской рукописной традиции предшествует сказание о перенесении чудотворной иконы Николы из Корсуни на Русь, в Рязань. *Корсунь* — см. примечание 12 к «Повести временных лет». В X—XIII вв. здесь жило много русских поселенцев.

[2]*Батый (Бату)* (1208—1255) — хан Золотой Орды, внук Чингис-хана (ок. 1155—1227). Возглавлял нашествие монголо-татар на Восточную Европу в 1236—1243 гг. При нем возникло государство Золотая орда.

[3]*Юрий Ингоревич* — сын рязанского князя Игоря Глебовича (ум. 1194), великий князь рязанский, погиб при нашествии Батыя в 1237 г.

[4]См. примечание 11 к «Слову о погибели Русской земли».

[5]*Давыд Ингоревич Муромский* — в летописях не упоминается.

[6]*Глеб Ингоревич Коломенский* — некоторые исследователи полагают, что имеется в виду Роман Ингоревич — либо брат, либо племянник Юрия Ингоревича.

[7]*Олег Красный* — Олег Ингоревич (ум. 1258), сын Ингваря, брата Юрия Ингоревича, внук Игоря Глебовича, находился в плену у татар до 1252 г.

[8]*Всеволод Пронский* — вероятно, Всеволод Глебович Пронский, но, по летописным данным, он погиб в 1208 г.

[9]*Федор Юрьевич Рязанский* — этот князь, как и его жена Евпраксия и их сын Иван, известны только по данной повести.

[10]*Ингварь Святославич* — скорее всего, имеется в виду Ингварь Глебович, отец Юрия Ингоревича.

[11]Каменный рязанский Успенский собор.

[12]*Агриппина Ростиславовна* — видимо, мать Юрия Ингоревича.

[13]*Пронск* — город на реке Прони; *Бел* — Белгород в Рязанской земле, совр. Белгородище, недалеко от Венева; *Ижеславец* — видимо, перестал существовать после разгрома монголо-татарами, в летописях не упоминается.

[14]*Стефан* — святой Стефан (I в.) был побит камнями за исповедание христианской веры.

[15]*Ингварь Ингоревич* (даты жизни неизвестны) — ниже говорится, что он оплакивает свою мать Агриппину Ростиславовну. Отсюда можно заключить, что он брат Юрия Ингоревича, но, возможно, имеется в виду не он сам, а его сын (ум. ок. 1252).

[16]*Пороки* — стенобитные орудия.

[17]*Михаил Всеволодович Черниговский* (80—90-е годы XII в.—1246) — княжил в Чернигове и Новгороде, во время нашествия Батыя бежал в Венгрию. По возвращении на Русь отправился в Орду и был там убит.

Из «Слов» Серапиона Владимирского
Слово 2-е

С 1274 по 1275 г. (год смерти) Серапион был епископом города Владимира, до епископства — архимандритом Киево-Печерского монастыря. Таким образом, в его литературном творчестве отразилась связь культур Юго-Западной и Северо-Восточной Руси.

До нас дошли пять «Слов» Серапиона, основная тема которых — бедствия Русской земли, подпавшей под монголо-татарское иго. Серапион считает, что нашествие иноплеменников на Русь — божья кара за грехи людей. Только покаяние, нравственное самоусовершенствование, считает он, могут спасти русский народ. Эта религиозно-нравственная концепция сочетается в «Словах» Серапиона с наглядностью описания бедствий, постигших Русь. Глубина душевных чувств автора, переживающего со всем народом тяготы своей родины, патриотизм Серапиона придают его «Словам», написанным просто, без излишней риторики, яркую эмоциональность и жизненность. Это и документы эпохи, и высокие в литературном отношении произведения.

В хрестоматии публикуется 2-е «Слово» Серапиона, входящее в состав четырех «Слов», написанных им во Владимире в 1274—1275 гг. (5-е «Слово «О казнях Божиих и ратях» было составлено, вероятнее всего, еще во время пребывания его в Киеве — после разгрома города монголо-татарами в 1239—1240 гг.).

Текст и перевод «Слова» печатаются по изданию: ПЛДР. 3. С. 442—447.

ИЗ «СЛОВ» СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО
СЛОВО 2-е
(Древнерусский текст)

Поучение преподобнаго Серапиона

Многу печаль в сердци своемь вижю вас ради, чада, понеже никако же вижю вы пременишася от дел неподобных. Не тако скорбить мати, видящи чада своя боляща, яко же аз, грешный отець вашь, видя вы боляща безаконными делы. Многажды глаголах вы, хотя отставити от вас злыи обычаи — никако же пременившася вижю вы. Аще кто вас разбойник, разбоя не отстанеть, аще кто крадеть — татбы не лишиться, аще кто ненависть на друга имать — враждуя не почиваеть, аще кто обидить и въсхватаеть грабя — не насытиться, аще кто резои-

мецъ — рез емля не престанеть, обаче, по пророку: «Всуе мятется: збираеть, не весть кому збираеть». Окаанный и помыслить, яко наг родися — тако отходит, ничто же имый, но токмо клятву вечну; аще ли кто любодей — любодейства не отлучиться, скверности словець и пьяница своего ·обычая не останеться. Како утешюся, видя вы от Бога отлучишася? Како ли обрадуюсь? Всегда сею в ниву сердець ваших семя Божественое, николи же вижю прозябша и плод породивша. Молю вы, братье и сынове, пременитесь на лучьшее, обновитесь добрым обновлениемь, престаните злая творяще, убойтесь створшаго ны Бога, вострепещете суда его страшнаго! Кому грядем, кому приближаемся, отходяще света сего? Что речем, что отвещаем? Страшно есть, чада, впасти въ гнев Божий. Чему не видем, что приди на ны, в сем житии еще сущим? Чего не приведохом на ся? Какия казни от Бога не въсприяхом? Не пленена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупиемь на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плен? Не порабощени быхом оставшеи горкою си работою от иноплеменник? Се уже к 40 лет приближаеть томление и мука, и дане тяжькыя на ны не престануть, глади, морове живот наших, и в сласть хлеба своего изъести не можем, и въздыхание наше и печаль сушать кости наша. Кто же ны сего доведе? Наше безаконье и наши греси, наше неслушанье, наше непокаянье. Молю вы, братье, кождо вас: внидите в помыслы ваша, узрите сердечныма очима дела ваша, — възненавидете их и отверзете я́, к покаянью притецете. Гнев Божии престанеть, и милость Господня излеется на ны, мы же в радости поживем в земли нашей, по ошествии же света сего придем радующеся, акы чада къ отцю, къ Богу своему и наследим царство небесное, его же ради от Господа создани быхом. Великии бо ны Господь створи, мы же ослушаниемь малы створихомся. Не погубим, братье, величая нашего: «Не послушници делом и закону спасаються, но творци». Аще ли чимь пополземься, паки к покаянью притецемь, любовь къ Богу принесемь, прослезимся, милостыню к нищим по силе створим, бедным помощи могуще, от бед избавляйте. Аще не будем таци — гнев Божий будеть на нас; всегда в любви пребывающи, мирно поживем. Слышим бо Ниневгыю град: бывше великии множьством людии, полн же безаконья. Богу хотящу потребити, аки Содома и Гомора, Иону пророка посла, да проповедаеть погыбель града их. Они же, слышавше, не пождаша, но скоро пременишася от грех своих, и кождо от пути своего злаго, и потребиша безаконья своя покаянием, постом, молитвою и плачем, от старець и до унот, и до сущих младенець, и тех бо млека отлучиша на 3 дни, но и до скота: и конем, и всей животине пост створиша. И умолиша Господа, и томленье от него свободишася, ярость Божию премениша на милосердье и поги-

бель избыша. Ионино пророчество вотще бысть, дондеже и потужи къ Богу, яко в бещестье створися пророчество его: град бо не погибе! Иона же, акы человек, погибели и градьскыя ожидаше; Бог, видев их сердца яко воистину покаявшеся, обратишася кождо от своего зла делом и мыслью, — милость к нищим пусти. Мы же что о сих речем? Чего не видехом? Чего ли ся над нами не створи? Чим же ли не кажеть нас Господь Бог нашь, хотя ны пременити от безаконий наших? Ни единого лета или зимы прииде, коли быхом не казними от Бога — и никако лишимся злаго нашего обычая: но в нем же кто гресе вязить — в том пребываеть, на покаяние никто не подвигнеться, никто обещаеться къ Богу истиною зла не створити. Какыя казни не подыимем в сии век и в будущий огнь неугасимый? Отселе престаните Бога прогневающе, молю вы! Мнози бо межи вами Богу истиньно работають, но на сем свете равно со грешьникь от Бога казними суть, да светлейших от Господа венець сподобяться, грешьником же болшее мучение, яко праведници казними быша за их безаконье.

Се слышаще, убойтеся, въстрепещите, престаните от зла, створите добро. Сам бо Господь рече: «Обратитесь ко мне, аз обращюся к вам». Ждеть нашего покаянья, миловати ны хощеть, беды избавити хощеть, зла хощеть спасти! Мы же с Давидомь речем: «Господи, вижь смерение наше, отпусти вся грехы наша, обрати ны, Боже, Спасителю нашь, възврати ярость свою от нас, да не век прогневаешися на ны, ни да простреши гнев свой от рода в род!» Ты бо еси Бог небесный, и тебе прославляем з безначальным Отцемь и с пречистымь Духомь и ныне, и присно, векы.

ИЗ «СЛОВ» СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО
СЛОВО 2-е
(Перевод)

Поучение преподобного Серапиона

Большую печаль в сердце своем ношу из-за вас, дети мои, потому что нисколько, вижу, не отвратились вы от дел непотребных. Не так скорбит мать, видя страдающих детей своих, как я, грешный отец ваш, видя вас, страдающих от дел беззаконных. Говорил я вам много раз, желая отвратить вас от гнусных нравов — но вижу: нисколько не изменились вы. Если кто из вас разбойник — разбоя не бросит, если крадет — воровства не оставит, если другого кого ненавидит — враждует без устали, если кто обижает и грабит — не насытится, если кто ростовщик — не перестанет проценты взимать, ибо, согласно пророку: «Суетится бесцельно: накопляя, не знает, кому собирает». Несчастный и не думает, что как родится нагим — так и отходит,

ничего не имея, кроме проклятия вечного; если кто любодей, — любодейства не бросит, сквернословец и пьяница, — привычек своих не оставит. Как же я утешусь, видя вас от Бога отлученными? Чему я порадуюсь? Всегда сею в ниву ваших сердец семя Божественное, но никогда не вижу, чтоб оно проросло и зерно породило. Умоляю вас, братья и дети мои, переменитесь к лучшему, обновитесь благим обновлением, перестаньте зло творить, устрашитесь создавшего вас Бога, вострепещите суда его страшного! К кому идем, к кому направляемся, отходя от жизни земной? Что скажем, что ответим? Страшно, дети, подпасть под Божий гнев. Почему не думаем, что́ постигнет нас, в такой жизни пребывающих? Чего не навлекли на себя? Какой казни от Бога не восприняли? Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши трупьем на землю? Не уведены ли женщины наши и дети в полон? Не порабощены ли были оставшиеся горестным рабством неверных? Вот уже к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, и всласть хлеба своего наесться не можем, и стенания наши и горе сушат нам кости. Кто же нас до этого довел? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша! Молю вас, братья, каждого из вас: вникните в помыслы ваши, узрите очами сердца дела ваши, — возненавидьте их и отриньте, к покаянью придите. Гнев Божий престанет, и милость Господня изольется на нас, и все мы в радости пребудем на нашей земле, по уходе от мира сего придем радостно, как дети к отцу, к Богу своему и наследуем царство небесное, ради которого Господом созданы были. Господь сотворил нас великими, мы же своим ослушаньем себя претворили в ничтожных. Так не утратим же, братья, величия нашего: «Не слышавшие завет праведны перед Богом, но — исполнившие его». Если же в чем совратимся, опять к покаянью прибегнем, любовь к Богу проявим, слезы прольем, милость к нищим по силе сотворим, если сможете бедным помочь — от бед избавляйте. Если не станем такими — гнев Божий будет на нас; всегда пребывая в любви, спокойно мы заживем! Знаем о граде Ниневии: велик был обильем людей, но и полн беззаконья. Как только Бог пожелал истребить его, как Содом и Гоморру[1], послал Иону-пророка, чтоб предрек он погибель их града. Они же, услыхав, не медля, тотчас отошли от грехов своих и каждый — от бесчестной стези своей, поборов свои беззаконья раскаяньем, и постом, и молитвой, и плачем, — от стариков и до юных, до самых младенцев, которых на три дня от молока отлучили, да и до скота: и коням, и скотине всей пост сотворили. Так умолили Господа, от казни его освободившись, Божью ярость применили на милость — и погибель избыли. Предсказанье Ионы было напрасным, отчего он и Богу пенял, и роптал за бесчестье

пророчеств своих: ведь град не погиб! Иона, как человек, погибели города ждал; но Бог, увидев в сердцах их истинное покаянье, увидев, что каждый из них отошел от своего зла и делом, и мыслью, — милость несчастным явил. Что же мы скажем об этом? Чего мы не видели? Чего не свершилось над нами? Чем не накажет нас Господь Бог наш, желая нас отвратить от беззаконий наших? Ни единого лета или зимы не прошло ведь, чтобы Бог не наказывал нас, но никак не отрешимся от подлой нашей привычки: кто завяз в каком грехе — в нем пребывает, к покаянью никто не стремится, никто Богу не обещает искренне зла не творить. Какие кары не примем в сей жизни и в будущем огне неугасимом? Так теперь же перестаньте Бога гневить, молю вас! Многие меж вами Богу искренне служат, но на этой земле равно с грешниками наказаны Богом — тем светлее венец получат от Господа, греховным же — больше мучений за то, что казнимы были и праведники за их беззаконья.

Слушая это, устрашитесь, вострепещите, отстаньте от зла и сотворите добро. Сам Господь сказал: «Обратитесь ко мне — обращусь и я к вам». Ждет раскаянья нашего — помиловать нас хочет, и избавить от бед хочет, от зла хочет спасти! Мы ж за Давидом скажем: «Господи, посмотри на смиренье наше и прости все грехи наши, направь нас, Боже, Спаситель наш, отврати гнев твой от нас, да не вечно прогневаешься на нас, да не простреш гнев твой от рода в род!» Ибо ты Бог небесный, и тебя прославляем вместе с вечным Отцом и с пречистым Духом и ныне, и присно, и вечно!

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]В Библии рассказывается о гибели этих городов, совершившейся по божьему изволению за то, что жители их погрязли в грехе и разврате.

Повесть о житии Александра Невского

Александр Ярославич, прозванный после битвы со шведами на Неве в 1240 г. Невским, был одним из наиболее прославленных князей XIII в.: он вел успешные войны на западных и северно-западных границах Руси против захватнических походов шведов и Ливонского ордена рыцарей-крестоносцев, проводил политику укрепления единства княжеств Северо-Восточной Руси, сумел добиться в Орде освобождения русских от участия в военных действиях ордынцев.

Жизнеописание Александра, соединившее в себе элементы агиографического (житийного) жанра и княжеской воинской биографии, было написано не позднее 80-х годов XIII в. в монастыре Рождества Богородицы во Владимире, где был погребен князь, умерший в дороге, возвращаясь из Орды во Владимир. Автором «Жития» был книжник из окружения владимирского митрополита Кирилла, пришедшего из Галицко-Волынской Руси в 1246 г. Поэтому в «Житии» отразились книжно-литературные традиции Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. Автор, как говорит он об этом сам, лично знал Александра Невского и был свидетелем его деяний, видимо, поэтому повествование отличается особой лирической тонально-

стью. Сочетание в едином рассказе лиризма, особой стилистики воинских повестей, традиций агиографического жанра и эпико-героических элементов придают «Повести о житии Александра Невского» как литературному произведению своеобразный неповторимый характер.

Текст и перевод печатаются по изданию: Воинские повести Древней Руси. С. 120—135.

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

(Древнерусский текст)

Повести о житии и о храбрости благовернаго и великаго князя Александра

О Господе нашемь Исусе Христе, сыне Божии.

Аз, худый и многогрешный, малосъмысля, покушаюся писати житие святаго князя Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. Понеже слышах от отець своих и самовидець есмь възраста его, рад бых исповедал святое и честное и славное житие его. Но яко же Приточник рече: «Въ злохытру душю не внидеть премудрость: на вышних бо краих есть, посреди стезь стояше, при вратех же силных приседит». Аще и груб есмь умом, но молитвою святыа Богородица и поспешениемь святаго князя Александра начаток положю.

Съй бе князь Александр родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии. Яко же рече Исайя пророк: «Тако глаголеть Господь: ,,Князя аз учиняю, священни бо суть, и аз вожю я́“». Воистину бо без Божия повеления не бе княжение его.

Но и взор его паче инех человек, и глас его — акы труба в народе, лице же его — акы лице Иосифа, иже бе поставил его египетьскый царь втораго царя въ Египте, сила же бе его — часть от силы Самсоня, и дал бе ему Бог премудрость Соломоню, храборъство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бе пленил всю землю Иудейскую. Инегде исполчися къ граду Асафату приступити, и исшедше гражане, победиша пълк его. И остася един, и възврати к граду силу их, къ вратом градным, и посмеяся дружине своей, и укори я́, рек: «Остависте мя единого». Тако же и князь Александр — побежая, а не победим.

И сего ради некто силен от Западныя страны, иже нарицаются слуги Божия, от тех прииде, хотя видети дивный възраст его, яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрость его. Тако и сей, именем Андреяшь, видев князя Александра и, възвратився къ своим, рече: «Прошед страны, язык, не видех таковаго ни въ царех царя, ни въ князех князя».

Се же слышав король части Римьскыя от полунощныя страны

таковое мужество князя Александра и помысли в собе: «Пойду и пленю землю Александрову». И събра силу велику и наполни корабля многы полков своих, подвижеся в силе тяжце, пыхая духом ратным. И прииде в Неву, шатаяся безумиемь, и посла слы своя, загордевся, в Новъгород къ князю Александру, глаголя: «Аще можеши противитися мне, то се есмь уже зде, пленяя землю твою».

Александр же, слышав словеса сии, разгоресе сердцем, и вниде в церков святыя Софиа, и, пад на колену пред олътарем, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, Боже великый, крепкый, Боже превечный, основавый *небо и* землю и положивы пределы языком, повеле жити не преступающе в чюжую часть». Въсприим же пророческую песнь, рече: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щит, стани в помощь мне».

И, скончав молитву, въстав, поклонися архиепископу. Епископ же бе тогда Спиридон, благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утер слезы, нача крепити дружину свою, глаголя: «Не в силах Бог, но въ правде. Помянем Песнотворца, иже рече: ,,Сии въ оружии, а си на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовемь, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом “». Си рек, поиде на них в мале дружине, не съждався съ многою силою своею, но уповая на святую Троицу.

Жалостно же бе слышати, яко отець его, князь великый Ярослав, не бе ведал таковаго въстания на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати весть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася. Тем же и мнози новгородци не совокупилися беша, понеже ускори князь пойти. И поиде на ня въ день въскресениа, иуля въ 15, имеяше же веру велику къ святыма мученикома Борису и Глебу.

И бе некто мужь старейшина в земли Ижерстей, именем Пелугий, поручено же бысть ему стража нощная морская. Въсприя же святое крещение и живяше посреди рода своего, погана суща, наречено же бысть имя его въ святем крещении Филип, и живяше богоугодно, в среду и в пяток пребываше въ *алчбе,* тем же сподоби его Бог видети видение страшно в тъй день. Скажем вкратце.

Увидев силу ратных, иде противу князя Александра, да скажеть ему станы. Стоящю же ему при край моря и стрежаше обою пути, и пребысть всю нощь въ бдении. И яко же нача въсходити солнце, слыша шюм страшен по морю и виде насад един гребущь по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глеб въ одеждах чрървленых, и беста рукы дръжаща на рамех. Гребци же седяху, акы мглою одеани. Рече Борис: «Брате Глебе, вели грести, да поможемь сроднику своему князю Александру». Видев же таковое видение и слышав таковый глас от мученику, стояше трепетен, дондеже насад отьиде от очию его.

Потом скоро поеде Александр, *он же, видев князя Александра* радостныма очима, исповеда ему единому видение. Князь же рече ему: «Сего не рци никому же».

Оттоле потщався наеха на ня въ *6 час дне,* и бысть сеча велика над римляны; и изби их множество бесчислено, и самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемь.

Зде же явишася 6 мужь храбрых с самем с ним ис полку его.

Един именем Гаврило Олексичь. Се наеха на шнеку, видев королевича, мча под руку, и възъеха по досце и до самогу корабля, по ней же хожаху,с королевичем, иже текоша перед ним, а самого, емше, свергоша и с конем в воду з доскы. И Божьею милостью неврежен бысть, и пакы наеха, и бися с самем воеводою середи полку их.

2 — именем Сбыслав Якуновичь, новгородець. Се наеха многажды на полк их и бьяшеся единем топором, не имея страха въ души своей, и паде неколико от руку его, и подивишася силе и храбръству его.

3-и — Яков, родом полочанин, ловчий бе у князя. Се наеха на полк с мечем, и похвали его князь.

4 — новгородець, именемь Меша. Се пешь натече на корабли и погуби 3 корабли з дружиною своею.

5-и — от молодых его, именем Сава. Се въеха в шатер великий королев золотоверхий и подъсече столп шатерный. Полци Олександрови, видевше шатра паденье, върадовашася.

6-и — от слуг его, именем Ратмер. Се бися пешь, и отступиша и́ мнози. Он же от многых ран паде и тако скончася.

Си же вся слышах от господина своего великого князя Олександра и от инех, иже в то время обретошася в той сечи.

Бысть же в то время чюдо дивно, яко же во древьняя дни при Езекии цесари. Еда приде Санахирим асурийскый цесарь на Иерусалим, хотя пленити град святый Ерусалим, внезапу изиде ангел Господень, изби и от полка асурийска 185 тысящь, и, въставше утро, обретошася трупья мертвы вся. Тако же бысть при победе Александрове, егда победи короля, об он пол реки Ижжеры, иде же не бе проходно полку Олександрову, зде обретоша много множъство избьеных от ангела Господня. Останок же их побеже, и трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Александр возвратися с *победою,* хваля и славя имя своего Творца.

Въ второе же лето по возвращении с победы князя Александра приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град въ отечьстве Александрове. Князь же Александр воскоре иде и изверже град их из основания, а самых извеша и овех с собою поведе, а инех, помиловав, отпусти, бе бо милостив паче меры.

По победе же Александрове, яко же победи *короля,* в третий год, в зимнее время, поиде на землю немецкую в велице силе, да не похвалятся, ркуще: «Укорим словеньскый язык ниже себе».

Уже бо бяше град Псков взят и наместникы от немець посажени. Он же въскоре град Псков изгна и немець изсече, а инех повяза и град свободи от безбожных немець, а землю их повоева и пожже и полона взя бес числа, а овех иссече. Они же, гордии, совокупишася и рекоша: «Поидем и победим Александра и имем его рукама».

Егда же приближишася, и очютиша я́ стражие. Князь же Александр оплъчися, и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдьское обои от множества вои. Отець же его Ярослав прислал бе ему брата меньшаго Андрея на помощь въ множестве дружине. Тако же и у князя Александра множество храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крепции. Тако и мужи Александровы исполнишася духом ратным, бяху бо сердца их, акы сердца лвом, и решя: «О княже нашь честный! Ныне приспе время нам положити главы своя за тя». Князь же Александр воздев руце на небо и рече: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою от языка непреподобна и помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика и прадеду нашему Ярославу на окааннаго Святополка».

Бе же тогда субота, въсходящю солнцю, и съступишася обои. И бысть сеча зла, и трус от копий ломления, и звук от сечения мечнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися, и не бе видети леду, покры бо ся кровию.

Се же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видех полк Божий на въздусе, пришедши на помощь Александрови. А тако победи я́ помощию Божиею, и даша плеща своя, и сечахуть я́, гоняще, аки по иаеру, и не бе камо утещи. Зде же прослави Бог Александра пред всеми полкы, яко же Исуса Наввина у Ерехона. А иже рече, имемь Александра руками, сего дасть ему Бог в руце его. И не обретеся противник ему въ брани никогда же. И возвратися князь Александр с победою славною, и бяше множество полоненых в полку его, и ведяхут босы подле коний, иже именують себе Божии ритори.

И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же и попове и весь народ сретоша и́ пред градом съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще песнь: «Пособивый, Господи, кроткому Давыду победити иноплеменьники и верному князю нашему оружиемь крестным и свободи град Псков от иноязычник рукою Александровою».

И рече Александр: «О невегласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучат Александровых, и уподобитеся жидом, их же препита Господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сих всех забыша и Бога своего, изведшаго я́ от работы изь Египта».

И нача слыти имя его по всемь странам, и до моря Хонужьскаго, и до гор Араратьских, и об ону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Риму.

В то же время умножися языка литовьскаго и начаша пакостити волости Александрове. Он же выездя и избиваше и́. Единою

ключися ему выехати, и победи 7 ратий единем выездом и множество князей их изби, а овех рукама изыма, слугы же его, ругающеся, вязахуть их къ хвостом коней своих. И начаша оттоле блюсти имени его.

В то же время бе царь силен на Въсточней стране, иже бе ему Бог покорилъ языкы многы, от въстока даже и до запада. Тъй же царь, слышав Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «Александре, веси ли, яко Бог покори ми многы языкы. Ты ли един не хощеши покорити ми ся? Но аще хощеши съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мне и видиши честь царства моего».

Князь же Александр прииде в Володимер по умертвии отца своего в силе велице. И бысть грозен приезд его, и промчеся весть его и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыа полошати дети своя, ркуще: «Александр едет!»

Съдумав же князь Александр, и благослови его епископ Кирил, и поиде к цареви въ Орду. И видев его царь Батый, и подивися, и рече велможам своим: «Истинну ми сказасте, яко несть подобна сему князя». Почьстив же и́ честно, отпусти и́.

По сем же разгневася царь Батый на брата его меншаго Андрея и посла воеводу своего Неврюня повоевати землю Суждальскую. По пленении же Неврюневе князь великый Александр церкви въздвигну, грады испольни, люди распуженыа събра в домы своя. О таковых бо рече Исайя пророк: «Князь благ въ странах — тих, уветлив, кроток, съмерен, по образу Божию есть». Не внимая богатьства и не презря кров праведничю, сироте и вдовици въправду судяй, милостилюбець, благ домочадцемь своим и вънешним от стран приходящимь кормитель. На таковыя Бог призирает, Бог бо не аггелом любит, но человеком си щедря ущедряеть и показаеть на мире милость свою.

Распространи же Бог землю его богатьством и славою, и удолъжи Бог лет ему.

Некогда же приидоша къ нему послы от папы из великого Рима, ркуще: «Папа нашь тако глаголет: „Слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тобе от двоюнадесят кординалу два хытреца — Агалдада и Гемонта, да послушаеши учения их о законе Божии“»

Князь же Александр, задумав съ мудреци своими, въсписа к нему и рече: «От Адама до потопа, от патопа до разделения язык, от разьмешениа язык до начала Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе море, от исхода сынов Иисраилев до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломоня до Августа и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения, от въскресения же его и на небеса възшествиа и до царства Константинова, от начала царства Константинова до перваго збора и седмаго — си вся добре съведаемь, а от вас учения не приемлем». Они же възвратишася въсвояси.

И умножишася дни живота его в велице славе, бе бо иереелюбець и мьнихолюбець, и нищая любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа.

Бе же тогда нужда велика от иноплеменник, и гоняхут христиан, веляще с собою воиньствовати. Князь же великый Александр поиде к цареви, дабы отмолити людии от беды тоя.

А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны и вся полъкы своя посла с ним и ближних своих домочадець, рекши к ним: «Служите сынови моему, акы самому мне всемь животом своим». Поиде князь Димитрий в силе велице, и плени землю немецкую, и взя град Юрьев, и възвратися в Новугороду съ многым полоном и с великою корыстию.

Отець же его князь великый Александр възвратися из Орды от царя, и доиде Новагорода Нижняго. И ту пребыв мало здрав, и, дошед Городца, разболеся. О горе тобе, бедный человече! Како можеши написати кончину господина своего! Како не упадета ти зеници вкупе съ слезами. Како же не урвется сердце твое от корения! Отца бо оставити человек может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзе, и въ гроб бы лезл с ним!

Пострада же Богови крепко, остави же земное царство и бысть мних, бе бо желание его паче меры аггельскаго образа. Сподоби же его Бог и болший чин приати — скиму. И так Богови дух свой предасть с миром месяца ноября въ 14 день, на память святаго апостола Филиппа.

Митрополит же Кирил глаголаше: «Чада моя, разумейте, яко уже заиде солнце *земли* Суздальской!» Иереи и диакони, черноризци, нищии и богатии и вси людие глаголааху: «Уже погыбаемь!»

Святое же тело его понесоша къ граду Володимерю. Митрополит же, князи и бояре и весь народ, малии, велиции, сретоша й въ Боголюбивем съ свещами и с кандилы. Народи же съгнатахутся, хотяще прикоснутися честнемь одре святого тела его. Бысть же вопль, и кричание, и туга, яка же несть была, яко и земли потрястися. Положено же бысть тело его въ Рожестве святыя Богородица, въ архимандритьи велицей месяца ноябриа, въ 24, на память святаго отца Амфилохия.

Бысть же тогда чюдо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тело его в раку, тогда Савастиян иконом и Кирил митрополит хотя розьяти ему руку, да вложат ему грамоту душевную. Он же, акы жив сущи, распростер руку свою и взят грамоту от рукы митрополита. И прият же я́ ужасть, и одва отступиша от ракы его. Се же бысть слышно всем от господина митрополита и от иконома его Савастияна. Кто не удивится о сем, яко телу, бездушну сущю и везому от далних град в зимное время!

И тако прослави Бог угодника своего.

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

(Перевод)

Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия.

Я, жалкий и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова[1], внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его. Но как сказал Приточник[2]: «В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей знатных останавливается». Хотя и прост я умом, но все же начну, помолившись святой Богородице и уповая на помощь святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк[3]: «Так говорит Господь: „Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду“». И воистину — не без Божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа[4], которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона[5], и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана[6], который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и обратил выступивших против него вспять, к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: «Оставили меня одного». Так же и князь Александр — побеждал, но непобедим был.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны[7], из тех, что называют себя слугами Божьими[8], пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская[9], желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш[10], повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской[11] из северной земли подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пылая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии[12], и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, сильный, Боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца[13], который сказал: „Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо"». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав, не знал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был один муж, старейшина земли Ижорской[14], именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад[15], плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому».

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами[16], и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего.

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый — по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек[17] и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по Божей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй — по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой — из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе[18]. Когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на другом берегу реки Ижоры[19], где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город[20] на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих — одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: «Покорим себе славянский народ».

А был ими уже взят город Псков[21] и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных

связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: «Пойдем, и победим Александра, и захватим его».

Когда же приблизились немцы, то проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя[22], сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди меня, Боже, рассуди спор мой с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка»[23].

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая[24], и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство. Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона[25]. А того, кто сказал: «Захватим Александра», — отдал Бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в стане его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «Божьими рыцарями»[26].

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу Богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: «Ты, Господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием крестным освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою».

И сказал Александр: «О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал Господь в пустыне манной небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и Бога своего, избавившего их от плена египетского».

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского[27] и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского[28] и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его.

В то же время был в восточной стране сильный царь[29], которому покорил Бог народы многие от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы. Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские[30] начали стращать детей своих, говоря: «Вот идет Александр!»

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его, Андрея, и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую[31]. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смиренен — и тем подобен Богу». Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и Бог помогает, ибо Бог не ангелов любит, но людей в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же Бог землю Александра богатством и славою, и продлил Бог дни его.

Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: „Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Гемонта, чтобы послушал ты речи их о законе Божьем“».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от разделения народов до начала Авраама[32], от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа[33] и до Христова рождества, от рождества и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и возне-

сения на небеса и до царствования Константинова[34], от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого[35] — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились восвояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, преследовали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей». И пошел князь Дмитрий в силе великой и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев[36], и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большою добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец[37], разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то и в гроб бы сошел с ним!

Много потрудившись Богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и больший чин принять — схиму. И так с миром Богу дух свой предал месяца ноября в 14 день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: «Уже погибаем!»

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, так что и земля содрогнулась. Положено же было тело[38] его в церкви Рождества святой Богородицы, в великой архимандритии, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило

их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время.

И так прославил Бог угодника своего.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Александр Невский* (ок. 1220—1263) — сын великого князя Ярослава Всеволодовича и княгини Феодосии, внук великого князя Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо.

[2] *Приточник* — имеется в виду Соломон (см. примечание 13 к «Молению» Даниила Заточника). По преданию считается автором библейской книги «Притчей Соломоновых».

[3] *Исайя* — библейский пророк. В Библии есть Книга пророка Исайи.

[4] *Иосиф* — см. примечание 5 к «Сказанию о Борисе и Глебе». По библейскому преданию, Иосиф Прекрасный отличался необычайной красотой.

[5] *Самсон* — см. примечание 17 к «Молению» Даниила Заточника.

[6] Имеется в виду Веспасиан Тит Флавий (9—79) и осада им крепости Иоатапаты во время Иудейской войны (66—73).

[7] Имеется в виду Ливония.

[8] *Слуги Божьи* — так называли себя крестоносцы.

[9] По библейской легенде, царица южноаравийского государства Савы приехала в столицу Соломона, чтобы воочию убедиться в его мудрости.

[10] *Андреаш* — Андрей фон Фельвен, магистр Ливонского ордена крестоносцев в 1240—1241 гг.

[11] Имеется в виду шведский король Эрих Эриксон (Картавый). В походе 1240 г. шведское войско возглавлял не он, а его зять ярл Биргер и ярл Ульф Фаси. Назван королем «страны Римской» как правитель католического государства.

[12] Имеется в виду новгородский Софийский собор (построен в 1045—1050 гг.).

[13] Имеется в виду библейский царь Давид (см. примечание 12 к «Молению» Даниила Заточника), авторству которого приписывается «Псалтырь» — книга песнопений, входящая в Библию.

[14] *Ижорская земля* — земли в районе реки Невы, подчинялись Новгороду, часть населения приняла христианство.

[15] *Насад* — вид судна.

[16] *Римляны* — т.е. народы, исповедующие католическую веру; здесь: шведы, финны, норвежцы.

[17] *Шнек* — вид судна.

[18] Ниже пересказывается библейский рассказ о чудесной помощи иудейскому царю Езекии (721—693 гг. до н.э.) во время осады Иерусалима ассирийским царем Синахерибом в 700 г. до н.э.

[19] *Ижора* — река, впадающая в Неву.

[20] Крепость Копорье, построенная ливонцами в 1241 г. на Новгородской земле. (В настоящее время поселок Копорье в Ленинградской области.)

[21] Псков был захвачен немцами в 1240 г., освобожден Александром Невским в марте 1242 г.

[22] См. примечание 12 к «Молению» Даниила Заточника.

[23] Имеется в виду библейский сюжет — победа библейского пророка Моисея, благодаря чудесной помощи бога, над вождем амаликитян Амаликом. С победой Моисея сравнивается победа Ярослава над Святополком (см. «Сказание о Борисе и Глебе»).

[24] Имеется в виду Ледовое побоище на Чудском озере 5 апреля 1242 г.

[25] Согласно Ветхому завету, крепостные стены Иерихона, одного из древнейших городов Палестины, обрушились от криков и звуков труб войска Иисуса Навина, преемника Моисея. Во главе израильтян он осаждал город.

[26] См. примечание 8.

[27] *Хонужское море* — Каспийское.

[28] *Варяжское море* — Балтийское.

[29] Имеется в виду Батый (см. примечание 2 к «Повести о разорении Рязани

Батыем») и поездка Александра Невского в Золотую Орду в 1246 г.

[30]Здесь подразумеваются жены монголо-татар.

[31]Имеется в виду Неврюево нашествие 1252 г., когда ханом в Орде был уже сын Батыя Сартак.

[32]*Авраам* — по библейской мифологии, праотец израильтян.

[33]*Август* — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. до н.э.—14 г. н.э.), римский император.

[34]*Константин* — римский император (ок. 285—337).

[35]Первый Вселенский собор был в 325 г., Седьмой — в 787 г.

[36]Поход на Юрьев (совр. Тарту) в 1262 г.

[37]*Городец* — город на Волге, на северо-западе от Нижнего Новгорода.

[38]При Петре I останки Александра Невского из монастыря Рождества Богородицы во Владимире были перенесены в Петербург.

III

Литература
конца XIV–второй половины XV в.

Задонщина

В 1380 г. произошла знаменитая Куликовская битва (Мамаево побоище), в которой впервые после установления монголо-татарского ига на Руси русские войска под предводительством великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского (1350—1389) нанесли сокрушительное поражение ордынцам. Победа эта не привела к окончательному падению ига, но она ознаменовала начало кардинально нового соотношения сил, продемонстрировала возможность противостояния Руси Орде. Куликовская битва произвела неизгладимое впечатление на современников и навечно осталась в памяти русского народа. Битву на Куликовом поле можно поставить в один ряд с таким эпохальным сражением, решавшим судьбу Русского государства, как Бородинское сражение 1812 года.

Битве на Куликовом поле было посвящено несколько литературных памятников: «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» (это произведение дошло до нас в большом числе списков, в нескольких редакциях), летописные повести о сражении за Доном. «Задонщина» — наиболее поэтичный из этих памятников и самый близкий по времени написания к самому событию. Вероятнее всего, «Задонщина» была создана в 80-х годах XIV в. Автор произведения ведет не последовательный сюжетный рассказ, а выражает свои чувства, связанные с событиями Куликовской битвы. В качестве образца он взял «Слово о полку Игореве». В этом заключается художественное своеобразие «Задонщины». Вместе с тем она выступает неоспоримым свидетельством подлинности «Слова о полку Игореве», рукопись которого погибла в 1812 г. в Москве.

До нас дошло 6 списков «Задонщины», и в каждом из них текст сохранился с большими искажениями и ошибками (самый ранний список, так называемый

Кирилло-Белозерский, представляет собой переработку только первой половины произведения). Поэтому первоначальный текст «Задонщины» приходится реконструировать на основе данных всех ее списков. «Задонщиной» произведение названо только в одном списке — в Кирилло-Белозерском. В остальных, где сохранилось заглавие, памятник называется «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче...»

Текст и перевод печатаются по изданию: Воинские повести Древней Руси. С. 159—179.

ЗАДОНЩИНА
(Древнерусский текст)

Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамая

Князь великий Дмитрей Ивановичь с своим братом, с князем Владимером Андреевичем, и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича: «Ведомо нам, брате, *что* у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю».

Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь *православная*. Взыдем на горы Киевския и посмотрим *славного* Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела; а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя *поминаючи* — князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся домы своя и богатество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за веру *християньскую*.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее от кних приводя, потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Ондреевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове руски, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на Восточную страну — в Симов жребий и воздадим поганому Момаю победу, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимеру Андреевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы *о* похвальных сих *о* нынешных повестех *о полку* великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимера Киевскаго. Начаша ти поведати по делом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лет времена, похвалим *вещаго Бояна,* горазна гудца в Киеве. Тот *бо вещий Боян* воскладоша горазная своя персты на живыя струны, *пояше* руским князем *славы: первую славу великому* князю киевскому Игорю *Рюриковичю,* 2 — великому

князю Владимеру *Святославичю* Киевскому, *третюю* — великому князю Ярославу Володимеровичю.

Аз же помяну резанца Софония, и восхвалю песнеми *и* гусленными *буйными* словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимера Андреевича, а внуки святаго великого князя Владимера Киевского. И пение князем руским за веру христианьскую!

А от Калатьские рати до Момаева побоища *160* лет.

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его, князь Владимер Андреевичь, помолися Богу и пречистей его матери, истезавше ум свой *крепостию,* и поостриша сердца свои мужеством, и *наполнишася* ратного духа, уставиша собе храбрыя *полъкы* в Руской земле и помянуша прадеда своего, великого князя Владимера Киевскаго.

Оле жаворонок, летняя птица, красных *дней* утеха, возлети под *синие облакы,* посмотри к силному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Андреевичю! Ци буря соколи *зонесет* из земля Залеския в поле *Половецкое!* На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Руской, *трубы* трубят на Коломне, *бубны* бьют в Серпугове, стоят стязи у *Дону* великого на брезе.

Звонятъ *колоколы* вечныя в Великом Новегороде, стоят мужи навгородцкие *у святыя Софии, а ркучи тако:* «Уже нам, брате, не поспеть на *пособь* к великому князю Дмитрею Ивановичю?» И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася. То ти были не орли слетешася — выехали посадники из Великого Новагорода, *а с ними 7000* войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его, князю Владимеру Андреевичю, *на пособе.*

К славному граду Москве сьехалися вси князи руские *а ркучи* таково слово: «У *Дону* стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи; межу Чюровым и Михайловым, брести хотят, а предати живот свой нашей славе».

И *рече* князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате, князь Владимер Андреевичь, *пойдем* тамо, укупим животу своему славы, *учиним землям диво,* а старым повесть, а молодым *память!* А храбрых своих испытаем а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за веру крестьяньскую!»

И рече им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнездо есмя были великого князя Владимера Киевскаго! Не в обиде есми были по рожению *ни соколу,* ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю!»

О соловей, летняя птица, что бы ты, соловей, *выщекотал* славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андреевичю, и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волыньскому! Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы *полководцы,* под трубами *повити,* под шеломы *възлелеаны, конець копия вскормлены, с востраго меча поены* в Литовской земли.

Молвяше Андрей Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя собе два браты, сынове Олгордовы, а внуки *есмя Едимантовы,* а правнуки есми Сколомендовы. Зберем, брате, милые паневя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на *свои борзи комони* и посмотрим быстрого Дону, *испиемь шеломом воды,* испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиц немецких о боеданы бусорманские!»

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрей, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за веру крестьяньскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича! Уже бо, брате, стук стучит *и* гром гремит в каменом граде Москве. *То ти,* брате, *не стук стучить, ни гром гремит,* — стучит *силная* рать великаго князя Дмитрея *Ивановича, гремят* удальцы руские злачеными доспехи и черлеными *щиты.* Седлай, брате Андрей, свои *борзи комони, а мои готови — напреди твоих оседлани.* Выедем, брате, в чистое поле и посмотрим своих полков, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами *70 000* окованые рати».

Уже бо, брате, *возвеяша сильнии ветри с моря* на усть Дону и Непра, *прилелеяша великиа* тучи на Рускую замлю, из *них выступают* кровавые зори, а в них *трепещут синие молнии.* Быти стуку *и грому* великому на речке *Непрядве,* межу Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликове, пролитися крови на речьке *Непрядве!*

Уже бо *въскрипели телегы* межу Доном и Непром, *идут хинове на Русскую землю!* И притекоша серые волцы от уст Дону и Непра и ставши воют на реке, на Мечи, хотят *наступати на* Рускую землю. То *ти* были не серые волцы, — приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Русскую землю.

Тогда гуси *возгоготаша,* и лебеди *крилы въсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лебеди крилы въсплескаша,* но поганый Момай пришел на Рускую землю и *вои* своя привел. А уже беды их пасоша птицы крылати, под *облакы летают,* вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлекчют, а волцы грозно воют, а лисицы на *кости брешут.*

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколи *и кречати, белозерские* ястреби *рвахуся* от златых колодиц ис камена града Москвы, *обриваху шевковыя опутины, возвивающися* под синия небеса, *звонечи* злачеными колоколы на быстром Дону, *хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удальцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамая.*

Тогда князь великий Дмитриеи Ивановичь воступив во златое свое стремя, всед *на свой борзый конь* и взем свой мечь в правую руку, и помолися Богу и пречистой его матери. Солнце ему *ясно* на *въстоцы* сияет и путь поведает, а Борис и Глеб молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что гремит рано пред зорями? Князь Владимер Андреевичь полки пребирает и ведет к Великому Дону. И мол-

вяше брату своему, великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не *ослабляй,* брате, поганым татаровям — уже бо поганые поля руские наступают и вотчину *нашу* отнимают!»

И *рече* ему князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате Владимер Андреевичь! Сами *себе* есми *два брата,* а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены — *70* бояринов, и крепцы бысть князи белозерстии Федор Семеновичь да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волыньско́й, да Тимофей Волуевичь, да Андрей Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящь okoваные рати. А воеводы у нас *крепкия,* а дружина *сведома,* а под собою имеем *боръзыя комони,* а на собе злаченыи доспехи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные; *а пути им сведоми, а перевозы им изготовлены,* но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за веру *крестьянскую.* Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собе чести и славного имени».

Уже бо те *соколи и кречати, белозерскыя ястреби,* за Дон борзо перелетели и ударилися *на* многие стада *на гусиные и на* лебединые. *То ти быша ни соколи ни кречети,* то ти наехали руские князи на силу татарскую. И udariша *копия харалужныя* о доспехи татарские, возгремели мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове на речке *Непрядве.*

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насеяша, а кровью ихъ земля пролита бысть. А силныи полки ступишася вместо и протопташа холми и луги, и возмутишася реки и потоки и озера. *Кликнуло Диво* в Руской земли, *велит послушати грозъным землям.* Шибла *слава* к Железным Вратам, и къ Караначи, к Риму, и *к Кафе* по морю, и *к Торнаву,* и оттоле ко Царюграду на похвалу руским князем: *Русь великая* одолеша рать татарскую на поле Куликове на речьке *Непрядве.*

На том поле силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и *гремели* громы велицыи. То ти ступишася руские *сынове* с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли *доспехы* злаченые, а гремели князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в суботу на Рожество святей Богородицы.

Не тури *возрыкали у Дону* великаго на поле Куликове. *То ти* не тури побеждени у *Дону* великого, но посечены князи руские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича. Побеждени князи белозерстии от поганых татар, Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Тимофей Волуевичь, да *Микула Васильевич,* да Андрей Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвета-чернеца, бряньского боярина, на суженое место привели. И рече Пересвет-чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым *быти* от

поганых татар!» Тако бо Пересвет поскакивает на своем *борзом* коне, а злаченым доспехом *посвечивает*, а иные лежат посечены у *Дону* великого на брезе.

И в то время стару надобно помолодети, а удалым людям плечь своих попытать. И молвяше Ослябя-чернец своему брату Пересвету старцу: «Брате Пересвете, вижу на теле твоем раны великия, уже брате, летети главе твоей на траву ковыль, а чаду *моему* Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове на речьке *Непрядве* за веру крестьяньскую, и за землю за Рускую, и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича».

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличют, но *только часто* вороны грают *трупу* ради *человеческаго*, грозно бо *бяше и жалостъно* тогды слышати; занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася.

И воспели бяше птицы жалостные песни — восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных. *Микулина жена Васильевича Марья* рано плакаша у Москвы града на *забралах, а ркучи* тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прилелей моего господина Микулу Васильевича ко *мне*!» А Тимофеева жена Волуевича *Федосья* тако же *плакашеся, а ркучи* тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в *животе*!» А Ондреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: «Се уже обемя нам солнце померкло в славном граде Москве, *припахнули к нам* от быстрого Дону *полоняныа* вести, *носяще* великую беду: и *выседоша* удальцы з *боръзых* коней на суженое место на поле Куликове на речке *Непрядве*!»

А уже Диво кличет под саблями татарьскими, а тем рускым богатырем под ранами.

Туто щурове рано въспели жалостные песни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннин день: То ти было не щурове рано въспеша жалостныя песни, восплакалися жены коломеньские, а *ркучи* тако: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелеяла мужей наших от нась в землю Половецкую?» А *ркучи* тако: «Можеш ли, господине князь великий, веслы Непр *заградити, а Дон шоломы вычръпати, а Мечу реку трупы татарьскими запрудити*? Замкни, государь князь великий, Оке реке ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ездили. Уже мужей наших рать трудила».

Того же дни в суботу на Рожество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки на поле Куликове на речьке *Непрядве*.

И нюкнув *князь* Владимер Андреевичь гораздо, и скакаша *по рати* во полцех поганых в татарских, а злаченым шеломом *посвечиваючи. Гремят мечи булатные* о шеломы хиновские.

И восхвалит брата своего, великого князя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитрей Ивановичь, *ты еси* у златошна времени *железное зобороло*. Не оставай, *князь великый, с своими великими*

полкы, не потакай крамольником! Уже бо поганые татары поля *наша* наступают а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупи человечье борзи кони не могут скочити, а в крови по колено бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская. *Не уставай, князь великый, съ своими бояры*».

И князь великий Дмитрей Иванович рече своим боярам: «Братия бояра и воеводы и дети боярьские, то ти ваши московские слаткие меды и великие места! Туто добудете себе места и своим женам. Туто, брате, стару помолодеть, а молодому чести добыть».

И рече князь великий Дмитрей Иванович: «Господи Боже мой, на тя уповах, да не постыжуся в век, ни да посмеют ми ся враги моя мне». И помолися Богу и пречистой его матери и всем святым его, и прослезися горко, и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо *полетеша на быстрый Донь. То ти не соколи полетеша*: поскакивает князь великий Дмитрей Иванович с своими полки *за Дон* со всею силою. И рече: «Брате князь Владимер Андреевичь, тут, брате, испити *медовыа чары поведеные*, наеждяем, брате, своими полки силными на рать татар поганых».

Тогда князь великий *почал наступати. Гремят* мечи булатные о шеломы хиновские. И *поганые* покрыша главы своя руками своими. Тогда поганые борзо *вспять* отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бежать, а руские *сынове* широкие поля кликом огородиша и злачеными доспехами осветиша. Уже бо ста тур на оборонь!

Тогда князь великий Дмитрей Иванович и брат его, князь Владимер Андреевичь, полки поганых вспять поворотили и нача *их* бити и сечи *горазно, тоску им подаваше*. И князи их падоша с *коней*, а трупми татарскими поля насеяша и кровию их реки протекли. Туто поганые разлучишася розно и побегше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими, и *дерущи* лица своя, а *ркуче* так: «Уже нам, брате, в земли своей не *бывати* и детей своих не *видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова,* а в Русь ратию нам не *хаживати*, а выхода нам у руских *князей* не *прашивати*». *Уже бо въстонала* земля Татарская, бедами и тугою *покрышася; уныша бо царем их хотение и князем похвала на Рускую землю ходити*. Уже бо веселие *их* пониче.

Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья, и доспехи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, *камкы, насычеве везут женам своим*. Уже жены руские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство. *Вознесеся* слава руская *на поганых хулу*. Уже бо вержено Диво на *землю*, и уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича по всем землям *текут. Стреляй, князь великый, по всем землям, стреляй, князь великый, с своею*

храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю Рускую, за веру христьяньскую. Уже поганые оружия своя *повергоша*, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

И *отскочи* поганый Мамай от своея дружины серым *волком и* притече к *Кафе* граду. Молвяше же ему фрязове: «Чему ты поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То тя била орда Залеская. А не бывати тобе в Батыя царя: у Батыя царя было четыреста тысящь окованые рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил Бог Рускую землю за своя согрешения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з девятью ордами и 70 князями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нешто тобя князи руские горазно подчивали: ни князей с тобою, ни воевод! Нечто гораздо упилися у быстрого Дону на поле Куликове на траве ковыле! Побежи ты, поганый Момай, от нас *по задлешью!»*

Уподобилася еси *земля Руская* милому младенцу у матери своей: *его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милують его.* Тако Господь Бог помиловал князей руских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимера Андреевича, меж Дона и Непра, *на поле Куликове, на речки Непрядве.*

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь сь своим братом, с князем Владимером Андреевичем, и со остальными своими воеводами на костех на поле Куликове на речьке *Непрядве.* Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети, иже лежат трупи крестьяньские *акы сенныи стоги у Дона* великого на брезе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Считайтеся, братия, колько у нас воевод нет и колько молодых людей нет».

Тогды *говорит* Михайло Александровичь, московский боярин, князю Дмитрею Ивановичю: *«Господине* князь великий Дмитрей Ивановичь! Нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей белозерьских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 50 бояр суздалских, 40 бояр муромских, 70 бояр резаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецких. А посечено от безбожнаго Мамая полтретья ста тысящь и три тысечи. И *помилова Бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество».*

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Братия, бояра и князи и дети боярские, то вам сужено место меж Доном и Непром, на поле Куликове на речке *Непрядве.* И положили есте головы своя за святыя церькви, за землю за Рускую и за веру крестьяньскую. Простите мя, братия, и благословите в сем веце

и в будущем. И пойдем, брате, князь Владимер Андреевичь, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

ЗАДОНЩИНА

(Перевод)

Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче[1], как победили супостата своего царя Мамая[2]

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича[3], и сказал: «Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую землю».

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле[4] и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы[5] до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов[6], и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше, ведь, братья, возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем расска-

зывать об их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гусляра в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония[7] и восхвалю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись Богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона Великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода[8] и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорили таково слово: «У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи[9], между Чуровом и Михайловом, хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

И соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим

прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей[10], Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского![11] Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам,— сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников».

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кровавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве[12], меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали: то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуя.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок[13] из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился Богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указует, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к Великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все, как один, готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам,[14] и к Орначу,[15] к Риму, и к Кафе[16] по морю, и к Тырнову[17], а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на рождество святой Богородицы[18].

Не туры возревели у Дона Великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона Великого, а посечены князья русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полег-

ли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины.

Пересвета-чернеца,[19] брянского боярина, на судное место привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона Великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату старцу Пересвету: «Брат Пересвет, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!» И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте, на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры[20] запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны[21]. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — запричитали жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь, князь великий, у Оки-реки ворота,

чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях».

В тот же день, в субботу, на рождество святой Богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи Боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он Богу, и пречистой его матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда, как соколы, стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: «Брат, князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападем, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны, и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских

князей не прашивать». Вот уже застонала земля Татарская, бедами и горем исполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Одолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамая-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батыя-царя: у Батыя-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. А наказал Бог Русскую землю за ее прегрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на травековыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и Господь Бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, словно сенные стога у Дона Великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, сколько у нас воевод нет и сколько молодых людей недостает?»

Тогда отвечает Михайло Александрович[22], московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских,

пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцати бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал Бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Владимир Андреевич Храбрый* (1353—1440) — двоюродный брат Дмитрия Ивановича Донского, князь серпуховский, талантливый полководец.

[2] *Мамай* (?—1380) — беклярибек (высший военачальник) в Орде при хане Бердибеке (был женат на его дочери). В 1379 г. стал правителем Орды, но не мог именоваться ханом, так как не был потомком Чингисхана.

[3] *Микула Васильевич* — московский воевода.

[4] *Каяла* — см. примечание 26 к «Слову о полку Игореве», здесь имеется в виду река Калка.

[5] Имеется в виду первое столкновение русских войск с монголо-татарами в 1223 г. на реке Калке (небольшая степная река, впадающая в Азовское море, ныне река Кальчик).

[6] *Удел Симов* — страны, населенные потомками Сима. См. примечание 1 к «Повести временных лет».

[7] Существует гипотеза, согласно которой Софоний — автор «Задонщины». Однако тот контекст, в котором фигурирует имя Софония в «Задонщине» свидетельствует о том, что по отношению к повествователю он лицо постороннее и, следовательно, автором быть не мог.

[8] В летописных источниках об участии новгородцев в Куликовской битве не сообщается.

[9] *Река Красивая Меча* — правый приток Дона.

[10] Сыновья великого князя литовского Ольгерда (1345—1377) Андрей и Дмитрий находились в период Куликовской битвы на службе у великого князя московского. Их брат Ягайло (ок. 1350—1434), великий князь литовский (позже стал польским королем Ягелло), был в 1380 г. союзником Мамая, но на поле сражения прийти не успел.

[11] *Дмитрий Волынский* — Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, сын Волынского (Литва) князя, талантливый военачальник, воевода Дмитрия Ивановича Донского.

[12] *Непрядва* — приток Дона, впадающий в него с запада, ограничивает с севера Куликово поле, находящееся в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района Тульской области.

[13] *Колодки* — предмет соколиной охоты. На колодке сокол держался перед пуском на добычу.

[14] *Железные Ворота* — Дербент (в настоящее время город в Дагестанской АССР).

[15] *Орнач* — Ургенч, столица Хорезма.

[16] *Кафа* — генуэзская колония в Крыму, современная Феодосия.

[17] *Тырново* — столица Болгарского царства, современное Велико Тырново в Болгарии.

[18] 21 сентября.

[19] *Пересвет, Ослябя* — монахи Троицкого монастыря, до пострижения воины, были посланы с войсками Дмитрия Донского на Куликово поле основателем и игуменом монастыря Сергием Радонежским.

[20] *Щур* — певчая птица.

[21] 22 сентября.

[22] Количество убитых на Куликовом поле, перечисляемое здесь, явно преувеличено. В числе погибших бояр названы представители и тех княжеств (например, бояре рязанские), которые не принимали участия в сражении.

Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе

Устная легенда о чудесном путешествии на бесе в Иерусалим первого новгородского архиепископа Иоанна возникла очень рано. Сюжет этой легенды — служение человеку заклятого крестным знамением беса — восходит к сказочному фольклору Древней Руси. Точных данных о том, когда эта легенда об Иоанне была зафиксирована как литературно-письменное произведение, нет. В первой половине XV в. при новгородском архиепископе Евфимии II создается ряд литературных произведений, в которых воскрешается былая история Новгорода Великого, тогда же происходит и обретение забытых мощей первого новгородского архиепископа. Вероятнее всего, в это время и была записана легенда о чудесном путешествии Иоанна на бесе. До нас «Повесть» дошла в составе «Жития Иоанна», написанного скорее всего известным агиографом XV столетия Пахомием Логофетом. «Житие» состоит из трех частей, озаглавленных «Словами». Первое «Слово» — рассказ о битве новгородцев с суздальцами, второе — повесть о путешествии Иоанна на бесе, третье — рассказ об обретении мощей Иоанна.

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 4. С. 454—463.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

(Древнерусский текст)

Слово 2-е о том же о великом святители Иоанне, архиепископе Великого Новаграда, како был въ единой нощи из Новаграда во Иеросалиме-граде и пакы возвратися въ Великий Новъград тое же нощи

Понеже несть се достойно молчанию предати, еже Бог сотвори святителем своим Иоанномь. Многажды же бывает со искушеним над святыми попущением Божиим, да болма прославятся и просветятся яко злато искушено. Прославляюща мя, рече, прославлю. Дивен бо есть Бог во святых своих; Бог прославляа святыя своя. И паки рече Христос: «Се дах вам власть над духы нечистыми».

Въ един убо от дний святому по обычаю своему в ложницы своей молитвы нощныя свершающу. Имеяше же святый сосуд с водою

стоящь, из него же умывашеся. И слыша в сосуде оном некотораго поропщюща в воде, и прииде скоро святый, и уразуме бесовьское мечтание. И, сотворь молитву, и огради сосуд крестом и запрети бесу. Хотяще бо пострашити святаго, но приразився твердому адаманту, твердаго же адаманта не поколеба и сам вселукавый сотресея.

И не на долгый час не могий терпети бес, нача вопити: «О, люте нужди сея! Се бо огнем палим есмь, не могу терпети, скоро испусти мя святче Божий!» Святый же рече: «Кто еси ты и како семо прииде?» Диавол же рече: «Аз есмь бес лукавый, и приидох смутити тя. Мнях бо, яко человек устрашишися и от молитвы упразднишися, ты же мя зле заключив в сосуде сем. Се бо яко огнем палим зило, горе мне, окаянному! Како прелстихся, како внидох семо, недоумевся! Ныне же пусти мя, рабе Божий, и от селе не имамь прийти семо!»

И надолзе вопиющу неприазненому, святый же рече: «Се за дерзость твою повелеваю ти: сее нощи донеси мя из Великого Новаграда въ Иеросалим-град и постави мя у церкви, иде же гроб Господень, и из Еросалима-града сее же нощи в келии моей, в ню же дерьзнул еси внити. И аз тя испущу». Бес же всяческы обещася сотворити волю святаго, токмо рече: «Испусти мя, рабе Божий, се бо люте стражду!»

Святый же, запретив бесу, испусти и́, рек: «Да будеши яко конь уготовлен, предстояй пред кельею моею, да имам на тя въсести и совершити желание свое». Бес же изыде яко тма из сосуда, и ста яко конь пред кельею святаго, яко же требе святому. Святый же, изыде ис келья, и въоружи себе крестом, и вседе на нь, и обретеся тоя нощи во Иеросалиме-граде близ церкви святаго Въскресениа, идеже гроб Господень и часть животворящаго древа.

Бесу же запрети, да не отъидеть от места того. Бес же стоя, никако же могий двигнутися с места, дондеже святый прииде къ церкви святаго Воскресениа.

И ста пред дверми церковными и, преклонив колени, помолися, и отверзошася двери церковныа сами о себе, и свещи и пандикадила въ церкви и у гроба Господня възъжгошася. Святый же благодарствене моля Бога, и пролиа слезы, и поклонися гробу Господню и облобыза и́, тако же и животворящему древу, и всем святым образом и местомь, иже суть въ церкви. Изыде из церкви, совершив желание свое, и пакы двери церковныа особь затворишася.

И обрете святый беса стояща на том месте, иде же повеле ему, яко коня уготовлена. И вседе на нь святый, и обретеся тое же нощи в Великом Новеграде, в келии своей.

И отходя бес ис келии святаго, и рече: «Иоанне! ты мя потруди во единой нощи донести себе из Великого Новаграда во Иеросалим-град, и тое же нощи из Еросалима-града в Великий Новъград. Се бо запрещением твоим, яко узами неразрешенно держимь бых и бедне сего претерпех. Ты же да не повеси никому же збывшаяся о мне. Аще ли исповеси, аз же имам на тя искушение навести. Имаши бо, яко блудник осужен быти,

и много поруган быти, и на плот посажден на реце, рекомом Волхове». Сиа же блядущу лукавому, святый же сътвори крестное знамение, и изчезе бес.

Некогда же святому, яко же имеяше обычай, упражняющуся въ духовней беседе съ честными игумены, и со искуснейшими иереи, и з богобоязнивыми мужи, и учение свое простирающу, и святых житиа сказующу, еже на ползю людем. Людем же послушающим в сладость святаго учениа: не ленив бо бяше еже учити люди. Тогда же глагола, яко о ином некотором сказуа, еже збысться на нем. «Аз,— рече,— вем такова человека, бывша во единой нощи из Великого Новаграда во Иеросалимеграде, и поклонився гробу Господню и пакы возвратившася тое же нощи в Великий Новъград». Игуменом же, иереом и всем людем удивльшимся о сем.

И от того времене попущением Божиимь нача бес искушение наводити на святаго. Народи убо града того многажды видяху яко жену блудницю текущу ис келии святаго: бес бо преображашеся в жену. Народи же, не ведяху, яко бес есть мечтуа, но весма мняху жену блудницю и соблажняхуся о сем. Иногда же и началници града того, приходяще в келию святаго благословениа ради, видять мониста девичьа лежаща, и сандалиа женьская, и рубища, и о семь оскорбляхуся, недоумеюще что рещи. Вся же си бес мечтуа показаваше им, да востануть на святаго и возглаголють неправедная и изженуть.

Народи же они с началникы своими советовавше, рекоша к себе: «Неправедно есть таковому святителю быти на апостольском престоле, блуднику сущу: идемь и изъженемь и́». О таковых бо людех Давид рече: «Немы да будуть устны льстивыа, глаголющая на праведнаго безаконие гордынею и уничиждением»,— понеже они мечтанию бесовъскому веры имше имуще же, яко и жидовъскую сонмицю.

На предлежащее же возвратимся.

И пришедше народи к келии святаго, бес же потече народом зрящим во образи отроковицы, яко ис келии святаго. Народи же восклицаша да изымають еа. И не можаху, гнавше доволно.

Святый же, слышав молву народа у келии своей, изыде к ним и рече: «*Что* есть, чада?» Они же изглаголаша ему вся, яже видеша, святаго же глаголом не внимаху, и осудиша его яко блудника. И имше его нудма, поругашася ему и, недоумеваху что быша сотворили ему, и умыслиша тако: «Посадим его на плот на реку на Волхов — и да выпловеть из града нашего вниз по реци».

И выведоша святаго и целомудренаго великаго святителя Божиа Иоанна на Великий мост, еже есть на рецы на Волхове и, низвесивше святаго, на плоте посадиша. И збысться лукаваго диавола мечьтание. Диавол же нача сему радоватися, но Божиа благодать преможе и святаго вера къ Богу и молитвы.

И егда посажен бысть святитель Божий Иоанн на плот, на реце на Волхове, и поплове плот вверх реки, никим же пореваем, на нем

же святый седяше, противу великие быстрины, еже есть у Великого мосту, къ святаго Георгиа монастырю. Святый же моляшеся о них, глаголя: «Господи! Не постави им греха сего: не ведят бо, что творять!» Диавол же видев, посрамися и возрыда.

Народи же, видевше таково чюдо, растерзаху ризы своа и возвращахуся, рекуще: «Согрешихом, неправедное содеяхом — овци сыи пастыря осудихом. Се бо видим, яко от бесовскаго мечтаниа сие сотворися нам!» И шедше скоро в великую Премудрость Божию, и повелеша священному собору, иереом и диаконом, со кресты поити вверх по брегу реки Волхова ко святаго Георгиа монастырю и молити святаго, дабы возвратился на престол свой. Священный же собор со тщанием взяша честный крест и икону святии Богородици, яко же лепо бе, и поидоша по брегу реки Волхова вослед святаго, моляще его, дабы ся возвратил на престол свой.

Тако же и народи они, иже прежде ков на святаго воздвигше, текуще по брегу реки Волхова къ святаго Георгиа монастырю, умилне глас испущающе, глаголаху: «Возвратися, честный отче, великий святителю Иоанне, на престол свой, и не остави чад своих сирых, и не помяни, еже согрешихом к тебе!» И предвариша святаго и носящих иереов честныа кресты близ святаго Георгиа монастыря, яко пол-поприща, и сташа, прекланяюще главы своа до земля, моляще святаго и слезы проливающе, тако же глаголюще, яко же рехом: «Возвратися, честный отче, пастырю нашь, на престол свой! Грех бо наш пред нами есть всегда — пред тобою согрешихом и диавола лукаваго мечтанием прелстихомся. Тако сотворити дерзнухом, яко убо безответни прощениа просим, но обаче и благословениа твоего сподоби нас!» И ина многа глаголаху, моляще святаго.

Не скоро бо пловяше святый на плоте оном противу великиа быстрины, но яко некоторою божественою силою носим благоговейно и честно, не бо предваряше носящих честныа кресты по брегу, но равно пловяше с носящими иереи и диаконы честныа кресты. И егда священный собор с честными кресты придоша к месту, иде же народи они стояще бяху, и начаша вкупе болма молити святаго, дабы возвратился на престол свой.

Святый же, послуша молениа их, яко по воздуху носим, ко брегу приплове и, востав с плота, сниде на брег. Народи же видевше радовахуся, яко умолиша святаго возвратитися, и плакахуся, еже согрешиша к святому, прощениа просяще.

Беззлобивая же она душа прощениа сподобляет их. Мнози же от них на нозе падающе, слезами обливаху нози его; друзии же ризам знаменовахуся святаго. И, спроста рещи, друг друга утесняху, хотяху поне видети святаго. Святый же благословяше их. И тако поиде съ кресты чудоносивый архиерей Божий Иоанн въ святаго Георгия монастырь, и со священным собором молебная съвершающе пениа. И множество народа воследующим и глаголющим: «Господи, помилуй!»

Архимандриту же и иноком монастыря того не ведущимь, яко архиерей Божий Иоанн грядеть в монастырь. Въ то же время во святаго Георгиа монастыри бе некий человек, яко урод ся творя,

прозорлива же дара имеа от Бога благодать. Сей скоро притече ко архимандриту монастыря того, толкый въ двери келиа его, и глаголя: «Изыди противу великаго святителя Божиа Иоанна, архиепископа Великого Новаграда,— се грядеть к нам в монастырь». Архимандрит же усумнеся и посла видети. Послании же шедше, увидеша от народа, ту сущаго, вся бывшая яже о святемь и, скоро возвратившеся, возвестивше архимандриту. Архимандрит же повеле в тяжкая звонити.

И сшедшимся иноком великиа тоя лавры, и вземше честныя кресты, изидоша из монастыря противу святителя Божиа Иоанна. Святый же, видев, когождо благословяше их и, прииде въ монастырь, и вшед въ церковь святаго великомученика Христова Георгиа со архимандритом монастыря того, и со всем священным собором, и со иноческым чином, и со множеством народа. И молебнаа совершив, и тако с великою честию возвращается на престол свой в Великый Новъград.

Сиа же сам о собе исповеда священному собору и прочим людемь: како хотяше его бес пострашити, и како был въ Иеросалимеграде во единой нощи из Великого Новаграда, и вся, яже сбысться ему, по ряду сказа, яко же преди речеся. И учаше их святый, глаголя: «Чада! Со испытанием всяко дело творите, да не прелщени будете диаволом. Да некогда з добродетелию злобу приплетену обрящете и суду Божию повинни будете: страшно бо есть впасти в руце Бога живаго!»

И о сем мало да премолчим.

Князь же и началници града того, советовавше со множеством народа, поставиша крест камен на том месте на брегу, иде же приплове святый, иже и до ныне стоить во свидетельство преславному чюдеси сему святаго, и в наказание сонмицы Великого Новаграда, да пакы тако не дерзають скоро без испытаниа святителя осужати и изженути.

О святых бо своих Христос рече: «Блажении изгнани правды ради, яко техь есть царство небесное! А иже святыя изганяють бес правды, кый ответ имуть?»

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

(Перевод)

Слово второе о том же великом святителе Иоанне[1], архиепископе Великого Новгорода, как он за одну ночь попал из Новгорода в Иерусалим-град и снова возвратился той же ночью в Великий Новгород

Нельзя забвению предать то, что случилось однажды по Божьему изволению со святителем Иоанном. Нередко выпадает и святым испытание попущением Божьим, чтобы еще больше прославля-

лись и просияли, как золото, искусно выделанное. «Прославляющего меня,— говорит Господь,— и я прославлю». Дивен ведь Бог святыми своими; сам Бог святых своих прославляет. И еще сказал Христос: «Дал я вам власть над духами нечистыми».

Однажды святой по своему обычаю творил ночные молитвы в ложнице[2] своей. Здесь у святого и сосуд с водой стоял, из которого он умывался. И вот, услыхав, что кто-то в сосуде этом в воде плещется, быстро подошел святой и догадался, что это бесовское наваждение. И, сотворя молитву, осенил сосуд тот крестным знамением, и заключил в нем беса. Хотел бес постращать святого, но натолкнулся на несокрушимую твердыню и твердыни этой поколебать не смог, а сам лукавый был сокрушен.

И не в силах терпеть ни минуты, начал бес вопить: «О, горе мне лютое! Огонь палит меня, не могу вынести, поскорее освободи меня, праведник Божий!» Святой же вопросил: «Кто ты таков и как попал сюда?» Дьявол же ответил: «Я бес лукавый, пришел, чтобы смутить тебя. Ведь надеялся я, что ты, как обычный человек, устрашишься и молиться перестанешь. Ты же меня, на мое горе, заключил в сосуде этом. И вот как огнем палим я нестерпимо, горе мне, окаянному! Зачем польстился, зачем пришел сюда, не понимаю! Отпусти меня теперь, раб Божий, а я больше никогда не приду сюда!»

И сказал святой беспрерывно вопившему бесу: «За дерзость твою повелеваю тебе: сей же ночью отнеси меня на себе из Великого Новгорода в Иерусалим-град, к церкви, где гроб Господен, и в сию же ночь из Иерусалима-града — назад, в келию мою, в которую ты дерзнул войти. Тогда я выпущу тебя». Бес клятвенно обещал исполнить волю святого, только умолял: «Выпусти меня, раб Божий, люто я страдаю!»

Тогда святой, закляв беса, выпустил его, сказав: «Да будешь ты как конь оседланный, стоящий перед кельею моею, а я сяду на тебя и исполню желание свое». Бес черным дымом вышел из сосуда и встал конем перед кельею Иоанна, как нужно было святому. Святой же, выйдя из кельи, перекрестился и сел на него, и очутился той же ночью в Иерусалиме-граде, около церкви святого Воскресения, где гроб Господен и часть животворящего креста Господня[3].

Беса же заклял святой, чтобы он не мог с места того сойти. И бес стоял, не смея сдвинуться с места, покуда святой ходил в церковь святого Воскресения.

Подошел Иоанн к дверям церковным и, преклонив колени, помолился, и сами собой открылись двери церковные, и свечи и паникадила[4] в церкви и у гроба Господня зажглись. Святой же возблагодарил в молитве Бога, прослезился, и поклонился гробу Господню, и облобызал его, поклонился он также и животворящему кресту, и всем святым иконам, и местам церков-

ным. Когда вышел он из церкви, осуществив мечту свою, то двери церковные снова сами собой затворились.

И нашел святой беса, стоящего конем оседланным, на том месте, где повелел. Сел на него Иоанн и той же ночью оказался в Великом Новгороде, в келье своей.

Когда уходил бес из кельи святого, то сказал: «Иоанн! Заставил ты меня в одну ночь донести тебя из Великого Новгорода в Иерусалим-град и в ту же ночь из Иерусалима-града в Великий Новгород. Ведь заклятием твоим, как цепями, был я крепко связан и с трудом это все претерпел. Ты же не рассказывай никому о случившемся со мной. Если же расскажешь, то я тебя оклевещу. Будешь тогда как блудник осужден, и сильно надругаются над тобой, и на плот тебя посадят, и пустят по реке Волхову». И когда так пустословил лукавый, святой перекрестил его, и исчез бес.

Однажды Иоанн, как это было в его обычае, вел душеспасительную беседу с честными игуменами, и с многоразумными иереями, и с богобоязненными мужами, поучая и рассказывая о жизни святых, для пользы душевной людям. Люди же в сладость слушали поучения святого: не ленился он учить людей. И поведал он тогда, как будто о ком-то другом рассказывая, что с ним самим случилось. «Я,— говорил,— знаю такого человека, который за одну ночь успел попасть из Новгорода Великого в Иерусалим-град, поклонился там гробу Господню и снова той же ночью вернулся в Великий Новгород». Игумены же, иереи и все люди подивились этому.

И вот с того времени попущением Божиим начал бес клевету возводить на святого. Жители того города неоднократно видели, будто блудница выходила из кельи святого: это бес преображался в женщину. Горожане же, не зная, что это бесовское наваждение, были уверены, что это на самом деле блудница, и впадали в сомнение. Случалось также, что начальствующие города этого, приходя в келью святого для благословения, видели там мониста девичьи, и обувь женскую, и одежду, и негодовали на это, не зная, что и сказать. А все это бес наваждением своим показывал им, чтобы восстали на святого, неправедно осудили его и изгнали.

Посоветовавшись с начальствующими своими, горожане порешили между собой: «Не подобает такому святителю, блуднику, быть на апостольском престоле: идем и изгоним его!» Ведь это о таких людях Давид сказал: «Пусть онемеют уста льстивые, в гордыне изрекающие ложь о праведнике», потому что поверили они бесовскому наваждению, как некогда еврейский народ.

Но возвратимся к нашему рассказу.

Когда пришел народ к келье святого, то бес перед глазами всех людей побежал в образе девицы, будто из кельи святого. Люди же закричали, чтобы схватить ее. Но хоть и долго гнались, не смогли поймать.

Святой же, услышав говор людской у кельи своей, вышел к народу и спросил: «Что случилось, дети мои?» Они же рассказали все, что видели, и, не внимая оправданиям святого, осудили его как блудника. И схватили его насильно, и надругались над ним, и, не зная, что еще сделать с ним, надумали так: «Посадим его на плот на реке Волхове — пусть выплывет из нашего города вниз по реке».

И вывели святого и целомудренного великого святителя Божьего Иоанна на Великий мост, что на реке Волхове, и, опустив святого с моста, на плот посадили. Так сбылось предсказание лукавого дьявола. Дьявол же этому возрадовался, но Божья благодать, и вера святого в Бога, и молитвы пересилили.

Когда посадили Божьего святителя Иоанна на плот на реке Волхове, то поплыл плот, на котором сидел святой, вверх по реке, никем не подталкиваемый, против самой быстрины, которая как раз у Великого моста, к монастырю святого Георгия[5]. Святой же молился о новгородцах, говоря: «Господи! Не вмени им это во грех: ведь сами не ведают, что творят!» Дьявол же, видев это, посрамился и возрыдал.

Люди же, узрев такое чудо, стали рвать одежды на себе и пошли, говоря: «Согрешили мы, неправедно поступили — овцы осудили пастыря. Теперь-то видим, что бесовским наваждением все произошло!» И побежали в храм великой Премудрости Божией[6] и велели священному собору — иереям и дьяконам — идти с крестами вверх по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия, и молить святого, чтобы возвратился на престол свой. Священники поспешно взяли честной крест и икону святой Богородицы, как подобает, и пошли по берегу реки Волхова вослед за святым, умоляя его, чтобы возвратился на престол свой.

Так же и те люди, которые прежде на святого клевету возводили, шли по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия, с мольбой восклицали, говоря: «Возвратись, честный отче, великий святитель Иоанн, на престол свой, не оставь чад своих осиротевшими, не поминай наше согрешение перед тобой!» И, обогнав святого и крестный ход, остановились за полпоприща[7] до монастыря святого Георгия, и, кланяясь до земли и проливая слезы, умоляли святого, повторяя: «Возвратись, честный отче, пастырь наш, на престол свой! Пусть грех наш падет на нас — прельстились кознями лукавого дьявола и согрешили перед тобой. За дерзость свою прощения просим, не лиши нас благословения своего!» И многое другое говорили, умоляя святого.

Тихо плыл Иоанн на плоте своем против сильного течения, как будто некоей Божественной силой несло его благоговейно и торжественно, чтобы не обогнать крестного хода,— наравне с несущими честные кресты иереями и дьяконами плыл он. И когда священный собор с честными крестами подошел к тому месту, где стоял народ, то все вместе стали еще горячее молить святого, чтобы возвратился он на престол свой.

Святой же, вняв мольбе их, словно по воздуху несомый, подплыл к берегу и, поднявшись с плота, сошел на землю. Люди же, видевшие все это, радовались, что умолили святого возвратиться, и плакали о своем согрешении перед ним, прощения прося.

Он же, беззлобная душа, простил их всех. Многие из них в ноги падали ему, слезами обливая ноги его, другие же прикладывались к ризам святого. И, попросту сказать, теснились и толкали друг друга, чтобы хоть увидеть святого. Святой же благословлял их. И пошел чудотворец архиерей Божий Иоанн с крестным ходом в монастырь святого Георгия, совершая молитвенные пения со священным собором. И множество народа следовало за ними, восклицая: «Господи, помилуй!»

Архимандрит же и иноки того монастыря не знали, что архиерей Божий Иоанн грядет в их монастырь. А в те времена в монастыре святого Георгия жил некий человек, юродивый, получивший от Бога благодать прозорливости. Сей человек быстро пришел к архимандриту монастыря и, постучав в дверь его кельи, сказал: «Иди, встречай великого святителя Божьего Иоанна, архиепископа Великого Новгорода,— грядет он к нам в монастырь!» Архимандрит же не поверил и послал посмотреть. Посланные же отправились, и узнали от людей, там бывших, о всем случившемся со святым, и, быстро вернувшись, рассказали архимандриту. Архимандрит же повелел в большие колокола звонить.

И собрались иноки этой великой лавры, взяли честные кресты, и пошли из монастыря навстречу святителю Божьему Иоанну. Святой же, увидев их, благословил каждого и, придя в монастырь, вошел в церковь святого Христова великомученика Георгия с архимандритом монастыря того, со всем священным собором и с иноками, и со всем множеством народа. И, совершив молебен, с великой честью вернулся на престол свой в Великий Новгород.

Все это о себе поведал он сам священному собору и другим людям: как его бес хотел устрашить, как он побывал за одну ночь в Иерусалиме-граде и вернулся назад в Новгород, и все, что случилось с ним, по порядку рассказал, как об этом выше повествовалось. И поучал их святой, говоря: «Дети мои! Каждое дело творите, сначала проверив все, чтобы не оказаться прельщенными дьяволом. А то может случиться, что с добродетелью зло переплетется, тогда виновны будете перед Божьим судом: ведь страшно впасть в руки Бога живого!»

Но об этом пока многого говорить не будем.

Князь же и начальствующие города того, посоветовавшись со всем народом, поставили крест каменный на том месте на берегу, куда приплыл святой. Крест этот и ныне стоит во свидетельство преславного чуда этого святого и в назидание всем новгородцам, чтобы не дерзали сгоряча и необдуманно осуждать и изгонять святителя.

Ведь сказал Христос о святых своих: «Блаженны изгнанные правды ради, потому что им принадлежит царство небесное!» А те, которые изгоняют святых несправедливо, что скажут в ответ?»

[1] *Иоанн* (?—1186) — в миру Илья, в 1164 г. избран новгородским епископом; с 1167 г. в Новгороде была установлена архиепископия и Иоанн стал первым новгородским архиепископом

[2] *Ложница* — помещение, в котором спят.

[3] *Животворящий крест* — крест, на котором был распят Христос.

[4] *Паникадило* — люстра или большой подсвечник в церкви.

[5] Юрьевский монастырь, расположенный в 4 км от Новгорода вверх по течению Волхова.

[6] Новгородский Софийский собор (построен в 1045—1050 гг.).

[7] *За полпоприща* — в полуверсте.

Сказание о Дракуле

В основе сюжета «Сказания» лежат бытовавшие в Юго-Восточной Европе устные предания о румынском князе Владе, правившем в 1456—1462 гг. и в 1477 г., который за свою жестокость имел прозвище «Цепеш» («Сажатель на кол», «Прокалыватель») и «Дракула» («Дракон»). Автором русского сказания о нем был, вероятнее всего, дьяк великого князя Ивана III Федор Курицын, возглавлявший в 1482—1484 гг. русское посольство к венгерскому королю Матьяшу — Матвею Корвину (Матиашу Хуньяди, 1458—1490) и молдавскому господарю Стефану Великому (1457—1504).

Особенность произведения в том, что читателю как бы самому предоставляется право сделать вывод из прочитанного. Лишь один раз поступок Дракулы называется коварным и он величается тезкой дьявола. Во всех остальных случаях, не давая никакой оценки неимоверной жестокости героя, автор бесстрастно описывает каждый эпизод, отмечая не только зверские, но и справедливые деяния румынского князя. «Сказание» может быть признано одним из первых собственно беллетристических произведений Древней Руси.

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 5. С. 554—565.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ

(Древнерусский текст)

Сказание о Дракуле воеводе

Бысть в Мунтьянской земли греческыя веры християнин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим — Диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его.

Приидоша к нему некогда от турьскаго поклисарие и, егда внидоша к нему и поклонишась по своему обычаю, а кап своих з глав не сняша. Он же вопроси их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?» Они же отвещаша: «Таков обычай нашь, государь, и земля наша имеет». Он же глагола им: «И аз хощу вашего закона потвердити, да крепко стоите». И повеле им гвоздием малым железным ко главам прибити капы и отпусти их, рек им: «Шедше, скажите государю вашему: он навык от вас ту срамоту терпети, мы же не навыкохом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои не хотят его имети, но у себе его да держит».

Царь же велми разсердити себе о том, и поиде воинством на него, и прииде на него со многими силами. Он же, собрав елико имеаше у себе войска, и удари на турков нощию, и множьство изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми и възратися. И кои с ним з бою того приидоша, и начат их сам смотрити; кой ранен спереди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на кол повеле всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж, но жена». А тогда, коли поиде на турки, тако глагола всему войску своему: «Кто хощет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани зде». Царь же, слышав то, поиде прочь с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не сме на него поити.

Царь же поклисаря посла к нему, да ему дасть дань. Дракула же велми почести поклисаря оного, и показа ему все свое имение, и рече ему: «Аз не токмо хощу дань давати царю, но со всем своим воинством и со всею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелит, тако ему служу. И ты возвести царю, как поиду к нему, да не велить царь по своей земли никоего зла учинити мне и моим людем, а яз скоро хощу по тебе ко царю ити, и дань принесу, и сам к нему прииду». Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хощет приити к нему на службу, и посла его почести, и одари много. И велми рад бысть, бе бо тогда ратуяся со восточными. И посла скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула поидет, никоего ж зла никто дабы Дракуле не учинил, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався съ всем воиньством, и приставове царстии с ним, и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапу вернуся,и начат пленити градове и села, и множьство много поплени и изсече, овых на колие сажаху турков, а иных на полы пресекая и жжигая, и до ссущих младенець. Ничто ж остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множьство много користи взем, возвратись, приставов тех почтив, отпусти, рек: «Шедше, повесте царю вашему, яко же видесте: сколко могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и аз еще хощу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом побежен бысть.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имел бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозен бысть.

Источник его и кладязь на едином месте, и к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многых стран, и прихождаху людие мнози и пияху от кладязя и источника воду, студена бо бе и сладка. Он же у того кладязя на пустом месте постави чару велию и дивну злату, и хто хотяще воду пити, да тою чарою

пиетъ, на том месте да поставит, и, елико оно время пребысть, никто ж смеаше ту чару взяти.

Единою ж пусти по всей земли свое веление, да кто стар, иль немощен, иль чим вреден, или нищ, вси да приидут к нему. И собрашась бесчисленое множество нищих и странных к нему, чающе от него великиа милости. Он же повеле собрати всех во едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати им ясти и пити доволно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к ним и глагола им: «Что еще требуете?» Они же вси отвещаша: «Ведает, государю, Бог и твое величество, как тя Бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим не нужни будете?» Они же, чающе от него велико нечто, и глаголаша вси: «Хощем, государю». Он же повеле заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгореша. И глаголаше к боляром своим: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никто ж да не будеть нищь в моей земли, но вси богатии; второе, свободих их, да не стражут никто ж от них на сем свете от нищеты иль от недуга».

Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разно, и призва к себе единого от них, и показа ему округ двора множьство бесчисленое людей на колех и на колесех, и вопроси его: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колии?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниш*и*, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть». Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвеща: «Ты, государь, от Бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своим делом въсприали». Он же призвав перваго и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государем, не зная ничто ж? А ныне сам еси глаголал, яко ти мученици суть, аз и тебе хощу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученик». И повеле его на кол посадити проходом, а другому повеле дати 50 дукат злата, глаголя: «Ты еси разумен муж». И повеле его на возе с почестием отвести и до Угорскыя земли.

Некогда ж прииде купець гость некы от Угорскыя земли въ его град. И по его заповеди остави воз свой на улици града пред полатою и товар свой на возе, а сам спаше в полате. И пришед некто, украде с воза 160 дукат злата. Купец же иде къ Дракуле, поведа ему изгубление злата. Дракула же глагола ему: «Поиди, в сию нощь обрящеши злато». И повеле по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то весь град погублю». И повеле свое злато, нес, положити на возе в нощи и приложи един златой. Купец же въстав, и обрете злато, и прочет единою и дващи, обреташесь един лишний златой; и шед къ Дракуле, глагола: «Государю, обретох злато, и се есть един златой не мой, лишний». Тогда же приведоша и татя оного и съ златом. И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми еси не поведал злато, готов бых и тебе с сим татем на кол посадити».

Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срам ей вырезати, и кожю содрати, и привязати ея нагу, и кожу ту на столпе среди града и торга повесити. И девицам, кои девьства не сохранят, и вдовам также, а иным сосца отрезаху, овым же кожу содравше со срама ея, и рожен железен разжегши, вонзаху въ срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снедь будет.

Единою ж яздящу ему путем, и узре на некоем сиромахе срачицю издрану худу и въпроси его: «Имаши ли жену?» Он же отвеща: «Имам, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой, да вижю». И узре жену его, младу сущу и здраву, и глагола мужу ея: «*Не* си ли лен сеял?» Он же отвеща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глагола жене его: «Да почто ты леность имееши к мужу своему? Он должен есть сеяти, и орати, и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежю светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хощеши ему учинити, а здрав*а* сущ*и* телом. Ты еси повинна, а не мужь твой, аще ли бы муж не сеял лну, то бы муж твой повинен был». И повеле ей руце отсещи и труп ея на кол всадити.

Некогда ж обедоваше под трупием мертвых человек, иже на колие саженых множьство бо округ стола его; он же среди их ядяше и тем услажашесь. Слуга ж его, иже пред ним ясти ставляше, смраду оного не моги терпети, и заткну нос, и на страну главу свою склони. Он же вопроси его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвеща: «Государю, не могу смрада сего терпети». Дракула же ту и повеле его на кол всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не можеть тебе доити».

Иногда же прииде от угорскаго короля Маттеашя апоклисарь до него, человек не мал, болярин, в лясех родом. И повеле ему сести с собою на обеде среди трупия того. И пред ним лежаше един кол велми дебел и высок, весь позлащен, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учиних сей кол тако? По́веж ми». Посол же той велми убояся и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: неки великий человек пред тобою согреши, и хощеши ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право рекл еси; ты еси велика государя посол кралевьскы, тебе учиних сей кол». Он же отвеща: «Государю, аще достойное смерти соделал буду, твори, еже хощеши: праведный бо еси судия — не ты повинен моей смерти, но аз сам». Дракула же расмияся и рече: «Аще бы ми еси не тако отвещал, воистину бы был еси на сем коле». И почти его велми и, одарив, отпусти, глаголя: «Ты вправду ходи на поклисарство от великых государей к великым огосударем, научен бо еси съ государьми великыми говорити, прочии же да не дерзнуть, но первое учими будуть, как им съ государьми великыми беседовати». Таков обычай имеаше Др*а*кула: отколе к нему прихождаше посол от царя или от короля неизящен и не умеаше против козне́м кто отвещати, то на кол его всажаше, глаголя: «Не аз повинен твоей смерти —

иль государ твой, иль ты сам. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне, *к в*еликоумну государю, то государь твой убил тя есть; аще ль сам дерзнул еси, не научився, то сам убил еси себя». Тако поклисарю учиняше кол высок и позлащен весь, и на него всаждаше, и государю его те речи отписоваше с прочими, да не шлет к великоумну государю малоумна и не научена мужа в посольство.

Учиниша же ему мастери бочкы железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеров тех посещи повеле, да никто ж увесть съделаннаго им окаанства, токмо тезоимениты ему диавол.

Некогда же поиде на него воинством король угорскы Маттеашь; он же поиде против ему, и сретеся с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своих издан по крамоле. И приведен бысть Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницю. И седе в Вышеграде на Дунаи, выше Будина *4 мили*, 12 лет. А на Мунтьянской земли посади иного воеводу.

Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему в темницю, да аще восхощет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латиньскую веру прииметь, аще ль же ни, то умрети в темници хощеть. Дракула же возлюби паче временнаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и приат латыньскую прелесть. Крал же не токмо дасть ему воеводство на Мунтьянской земли, но и сестру свою родную дасть ему в жену, от нея же роди два сына. Пожив же мало, яко 10 лет, и тако скончася в той прельсти.

Глаголют же о немь, яко, и в темници седя, не остася своего злаго обычая, но мыши ловя и птици на торгу покупая, и тако казняше их, ову на кол посажаше, а иной главу отсекаше, а со иныя перие ощипав, пускаше. И научися шити и тем в темници кормляшесь.

Егда же краль изведе его ис темници, и приведе его на Будин, и дасть ему дом в Пещи противу Будина, и еще у краля не был, случися некоему злодею уйти на его двор и съхранися. Гонящии же приидоша, и начаша искати, и найдоша его. Дракула же востав, взем мечь свой, и скочи с полаты, и отсече главу приставу оному, держащему злодея, а злодея отпусти; прочии же бежаша, и приидоша к биреву, и поведаша ему бывшее. Бирев же съ всеми посадникы иде ко кралю, жалуяся на Дракулу. Король же посла к нему, вопрощая: «Что ради таково зло учини?» Он же тако отвеща: «Зло никое ж учиних, но он сам себе убил; находя разбойническы на великаго государя дом, всяк так погибнеть. Аще ли то ко мне пришел бы, явил, и аз во своем

дому нашел бы того злодея, или бы выдал, или *простил* его от смерти». Кралю же поведаша. Король же нача смеятися и дивитись его сердцю.

Конец же его сице: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша пленити. Он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости начаша их сещи и гнаша их. Дракула же от радости възгнав на гору, да видить, како секуть турков, и отторгъся от войска; ближнии его, мнящись яко турчин, и удари его един копием. Он же видев, яко от своих убиваем, и ту уби своих убийць мечем своим 5, его же мнозими копии сбодоша, и тако убиен бысть.

Король же сестру свою взят, и со двема сынми, въ Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живет, а другий был у варадинского бископа и при нас умре, а третьяго сына, старейшаго, Михаила, тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибег ко кралю; еще не женився, прижил его Дракула съ единою девкою. Стефан же молдовскый з кралевы воли посади на Мунтьянской земли некоего воеводскаго сына, Влада именем. Бысть бо той Влад от младенства инок, потом и священник и игумен в монастыри, потом ростригся и сел на воеводство, и женился, понял воеводскую жену, иже после Дракулы мало *побыл*, и убил его Стефан волосьскы, того жену понял. И ныне воевода на Мунтьянской земли Влад, иже бывы чернець и игумен.

В лето 6994 февраля 13 прежь писал, та же в лето 6998 генваря 28 вдругье переписах аз, грешны Ефросин.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ
(Перевод)

Сказание о Дракуле-воеводе

Был в Мунтьянской земле[1] воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дьявол. Так жесток и мудр был, что каково имя, такова была и жизнь его.

Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, наш и в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы крепко его держались». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему, он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай являть

другим государям, которым обычай такой чужд, а у себя его блюдет».

Царь же весьма разгневался, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Тот же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил их множество. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину,— того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а женщина!» А когда снова пошел войной против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел выступить против Дракулы.

И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу тому пышные почести, и показал ему свое богатство, и сказал ему: «Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством своим и со всем богатством хочу пойти к нему на службу, и как повелит мне, так ему служить буду. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть объявит он по своей земле, чтобы не чинили зла мне и людям моим, а я вскоре вслед за тобою пойду к царю, и дань принесу, и сам к нему прибуду». Царь же, услышав от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, послу его честь воздал и одарил его богато. И рад был царь, ибо в то время вел войну на востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всей земле, что, когда пойдет Дракула, никто никакого зла бы ему не причинял, а, напротив, встречали бы его с почетом. Дракула же, собрав все войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему великие почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и начал разорять города и села, и людей множество пленил и перебил, одних турок на колья сажал, других рассекал надвое и сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а бывших там христиан увел и поселил в своей земле. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели: сколько смог, послужил ему. И если люба ему моя служба, готов и еще ему так же служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что, если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет, или обидит, не избегнуть тому смерти. Будь он знатным вельможей, или священником, или монахом, или простым человеком, пусть бы он владел несметными богатствами, все равно не мог откупиться он от смерти, так грозен был Дракула.

Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить воду из того колодца и родника, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место, и сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару.

Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенных для того хоромах и велел принести им вдоволь еды и вина; они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо Богу, государь, и тебе: на что тебя Бог наставит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хоромы и зажечь их, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней».

Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где было бесчисленное множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, Богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек». И велел его в колеснице довезти до рубежа Венгерской земли.

Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же

отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото, и пересчитал его и раз, и другой, и увидел, что один дукат лишний, и, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой — лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором».

Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, и, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?» «Да, государь»,— отвечал тот. Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить мужу нарядные и красивые одежды; ты же и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки и труп ее посадить на кол.

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его, он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть смрада и заткнул нос и отвернулся. Тот же спросил его: «Что ты делаешь?» А он отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»

Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И повелел Дракула сесть с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный кол, весь позолоченный, и спросил Дракула посла: «Скажи мне, для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь; вот ты — великого государя посол, посол

королевский, для тебя и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле». И воздал ему почести великие, и, одарив, отпустил со словами: «Можешь ходить ты послом от великих государей к великим государям, ибо умеешь с великими государями говорить, а другие пусть и не берутся, а сначала поучатся, как беседовать с великими государями». Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на его коварные вопросы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. На меня же не возлагай вины. Если государь твой, зная, что неумен ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой государь и убил тебя; если же ты сам решился идти, неученый, то сам себя и убил». И тогда готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа.

Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола.

Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш; Дракула выступил ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды, двенадцать лет. А в Мунтьянской земле король посадил другого воеводу.

Когда же тот воевода умер, послал король к Дракуле в темницу сказать, что если хочет он, как и прежде, быть в Мунтьянской земле воеводой, то пусть примет католическую веру, а если не согласен он, то так и умрет в темнице. И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое. Король же не только вернул ему Мунтьянское воеводство, но и отдал в жены ему сестру родную, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет[2] и умер в ложной той вере.

Рассказывали о нем, что, сидя в темнице, не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучил их — одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья. И научился шить, и кормился этим в темнице.

Когда же король освободил Дракулу из темницы, привезли его в Буду, и отвели ему дом в Пеште, что против Буды,— но еще не был допущен Дракула к королю, и вот тогда случилось, что

некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же пришли и стали искать преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил; остальные же обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же со всеми посадниками отправился к королю с жалобой на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так: «Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о происшедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо простил бы его». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву.

Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтьянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска; приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Тот же, видя, что убивают его свои, сразил мечом пятерых своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит.

Король же взял сестру свою с двумя сыновьями в Венгерскую землю, в Буду. Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего, старшего сына, Михаила, видели тут же в Буде — бежал к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной девкой. Стефан же молдавский по королевской воле посадил в Мунтьянской земле некоего воеводского сына по имени Влад[3]. Был тот Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом монастыря, а потом расстригся, и сел на воеводство, и женился он на вдове воеводы, правившего недолгое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским, вот на его вдове он и женился. И ныне воевода в Мунтьянской земле тот Влад, что был чернец и игумен.

В год 6994 (1486) февраля в 13 день описал я это впервые, а в году 6998 (1490) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мунтьянская земля* — область в Румынии, восточная часть Валахии. Здесь: Валашское княжество.

[2] В действительности вторичное царствование Влада Цепеша на валашском престоле длилось около года.

[3] *Влад* — Влад Монах, сын (по другим сведениям — брат) Влада Цепеша; валашский князь с 1481 г.

[4] *Ефросин* — известный переписчик и составитель сборников, монах Кирилло-Белозерского монастыря (XV в.).

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина

Жанр «хождений» — как правило, это были описания путешествий в святые места: Палестину, Царьград, на Афон — имел широкое распространение в Древней Руси. Таким образом, сочинение Афанасия Никитина входит в определенную категорию памятников, называемых «хождениями». Однако сочинение Афанасия Никитина объединяет с другими хождениями лишь то, что это описание путешествия. По характеру и литературным признакам оно глубоко оригинально и не похоже ни на какой другой памятник древнерусской литературы. Это живая, непосредственная запись продолжительного и трудного путешествия (1468—1475) в неведомые страны, в центре которой оказалась судьба наблюдательного, духовно богатого человека, русского купца из Твери, заброшенного по воле случая в далекую Индию.

Афанасий умер в пути, возвращаясь на родину, не дойдя до Смоленска. Никакими сведениями об авторе, кроме заметки, предшествующей тексту «Хождения» в Летописной редакции, и того, что автор сам сообщает о себе, наука пока не располагает. В издаваемом здесь тексте опущены два небольших отрывка, в которых содержится перечисление пройденных Афанасием пунктов и воинских походов индийских военачальников.

В круглых скобках в переводе обозначаются те места, которые были написаны по-тюркски и по-персидски.

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 5. С. 444—477.

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА
(Древнерусский текст)

В лето 6983 ⟨...⟩ Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца, что былъ в Ындее 4 годы, а ходил, сказывает, с Василием Папиным. Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогды его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лете пошел или в кое лете пришел из Ындея, умер, а сказывают, что, деи, Смоленьска не дошед, умер. А писание то своею рукою написал, иже его рукы те тетрати привезли гости к Мамыреву Василию, к дияку к великого князя на Москву.

За молитву святых отець наших, Господи Исусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, раба своего грешнаго Афонасья Микитина сына.

Се написах свое грешное хожение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа; 2-е море Индейское, дорея Гундустанскаа; 3-е море Черное, дориа Стебольская.

Поидох от Спаса святаго златоверхаго и сь его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, и от владыкы Генадия Тверскаго, и Бориса Захарьича.

И поидох вниз Волгою. И приидох в манастырь Колязин ко святей Троицы живоначалной и къ святым мучеником Борису и Глебу.

И у игумена благословив у Макария и у святыа братьи. И ис Колязина поидох на Углеч, и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приехал есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. И отпустил мя доброволно. И на Плесо приехал есми доброволно.

И приехал есми в Новогород в Нижней к Михайло х Киселеву, *к наместьнику*, и к пошлиннику к Ывану к Сараеву, и они мя отпустили доброволно. А Василей Папин проехал мимо город две недели, и яз ждал в Новеграде в Нижнем две недели посла татарскаго ширваншина Асанбега, а ехал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто.

И приехал есми с ними на низ Волгою. И Казань есмя проехали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проехали, *и Услан*, и Сарай, *и Берекезаны* есмя проехали. И вьехали есмя в Бузан. Ту наехали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вести: «Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысящи татар». И посол ширваншин Асанбег дал им по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да весть дали в Хазтарахан царю. И яз свое судно покинул да полез есми на судно на послово и с товарищи своими.

Поехали есмя мимо Хазтарахан, а месяць светит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: «Качма, не бегайте!». А мы того не слыхали ничего, а бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богуне и учали нас стреляти. И у нас застрелили человека, а у них дву татаринов застрелили. И судно наше *меншее* стало на езу, и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мелкая рухлядь вся в меншем судне.

А в болшом судне есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взад велели тянути вверх до езу. И тут судно наше *болшее* пограбили и четыре головы взяли руские, а нас отпустили голыми головами за море, а вверх нас не пропустили вести деля.

И пошли есмя в Дербенть, заплакавши, двема суды: в одном судне посол Асанбег, да тезики, да русаков нас десеть головами; а в другом судне 6 москвич, да шесть тверич, да коровы, да корм наш. А въстала фуртовина на море, да судно меншее разбило о берег. А ту есть городок Тархи, а люди вышли на берег, и пришли кайтакы да людей поимали всех.

И пришли есмя в Дербенть, и ту Василей поздорову пришел, а мы пограблени. *И бил есми* челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмя с *ним* пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поимали под Тархи кайтаки. И Асанбег печаловался и ездил на гору къ Булатубегу. И Булатбег послал скорохода ко *ширваншибегу*, что: «Господине, судно руское розбило под Тархи, и кайтаки, пришед, люди поимали, а товар их розграбили».

И ширваншабег того же часа послал посла к шурину своему Алильбегу, кайтачевскому князю, что: «Судно ся *мое* розбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поимали, а товар их

пограбили; и ты чтобы, меня деля, люди ко мне прислал и товар их собрал, занеже те люди посланы на мое имя. А что будет тебе надобе у меня, и ты ко мне пришли, и яз тебе, своему брату, не бороню. А те люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мне доброволно, меня деля». И Алильбег того часа люди отслал всех в Дербент доброволно, а из Дербенту послали их к ширванши в ърду его — коитул.

А мы поехали к ширъванше во и коитул и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловал, чем доити до Руси. И он нам не дал ничего, ано нас много. И мы, заплакав, да розошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли. А иные осталися в Шамахее, а иные пошли рóботать к Баке.

А яз пошел к Дербенти, а из Дербенти к Баке, где огнь горить неугасимы; а из Баки пошел есми за море к Чебокару.

Да тут есми жил в Чебокаре 6 месяць, да в Саре жил месяць, в Маздраньской земли. А оттуды ко Амили, и тут жил есми месяць. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучат Махметевых, и он их проклял, ино 70 городов ся розвалило.

А из Дрея к Кашени, и тут есми был месяць, а из Кашени к Наину, а из Наина ко Ездеи, и тут жил есми месяць. А из Диес къ Сырчану, а из Сырчана к Тарому, а фуники кормять животину, батман по 4 алтыны. А из Торома к Лару, а из Лара к Бендерю, и тут есть пристанище Гурмызьское. И тут есть море Индейское, а парьсейскым языком и Гондустаньскаа дория; и оттуды ити морем до Гурмыза 4 мили.

А Гурмыз есть на острове, а ежедень поимаеть его море по двожды на день. И тут есми взял первый Велик день, а пришел есми в Гурмыз за четыре недели до Велика дни. А то есми городы не все писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человека сожжет. А в Гурмызе был есми месяць, а из Гурмыза пошел есми за море Индейское по Велице дни в Радуницу, в таву с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дегу 4 дни; а от Дега Кузряту; а от Кузрята Конбаату. А тут ся родит краска да лек. А от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя *пошли* в 7-ую неделю по Велице дни, а шли в таве есмя 6 недель морем до Чивиля.

И тут есть Индийская страна, и люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети родятся на всякый год, а детей у них много. А мужики и жонкы все нагы, а все черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку. А князь их — фота на голове, а другая на гузне; а бояре у них — фота на плеще, а другаа на гузне, княини ходят фота на плеще обогнута, а другаа на гузне. А слуги княжие и боярские — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а все наги, да босы, да болкаты, а волосов не

бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лет, сором не покрыт.

А ис Чювиля сухом пошли есмя до Пали 8 дни, до *индейскыя горы*. А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индейскый. А от Умри до Чюнеря 7 дни.

Ту есть Асатхан Чюнерскыа индийский, а холоп меликътучаров. А держит, сказывають, сем тем от меликъточара. А меликътучар седит на 20 тмах; а бьется с кафары 20 лет есть, то его побивают, то он побивает их многажды. Хан же Ас ездит на людех. А слонов у него много, а коней у него много добрых, а людей у него много хоросанцев. А привозят их из Хоросаньские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Туркменскые земли, а иные ис Чеботайские земли, а привозят все морем в тавах — индейские карабли.

И яз грешный привезл жеребца в Ындейскую землю, и дошел есми до Чюнеря Бог дел поздорову все, а стал ми во сто рублев. Зима же у них стала с Троицына дни. А зимовали есмя в Чюнере, жили есмя два месяца. Ежедень и нощь 4 месяцы всюда вода да грязь. В те же дни у них орют да сеют пшеницу, да тутурган, да ногут, да все сьестное. Вино же у них чинят в великых орехех — кози гундустанская; а брагу чинят в татну. Кони же кормят нофутом, да варят кичирис с сахаром, да кормят кони, да с маслом, порану же дают им шешни. В Ындейской же земли кони у них не родят, въ их земле родятся волы да буйволы, на тех же ездят и товар, *иное* возят, все делают.

Чюнерей же град есть на острову на каменом, не оделан ничем, Богом сотворен. А ходят на гору день по одному человеку: дорога тесна, а двема поити нелзе.

В Ындейской земли гости ся ставят по подворьем, а ести варят на гости господарыни, и постелю стелют на гости господарыни, и спят с гостми. Сикиш илиресен ду шитель бересин, сикиш илимесь ек житель берсен, достур аврат чектур, а сикиш муфут; а любят белых людей.

Зиме же у них ходит *люди* фота на гузне, а другая по плечем, а третья на голове; а князи и бояре толды на себя въздевают *портки*, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьею голову увертит. А се Оло, Оло абрь, Оло ак, Олло керем, Олло рагим!

А в том в Чюнере хан у меня взял жеребца, а уведал, что яз не бесерменянин — русин. И он молвит: «Жеребца дам да тысящу златых дам, а стань в веру нашу — в Махметдени; а не станеш в веру нашу, в Махматдени, и жеребца возму и тысячю златых на голове твоей возму». А срок учинил на четыре дни, в Оспожино говейно на Спасов день. И Господь Бог смиловался на свой честный праздник, не оставил милости своеа от меня грешнаго и не велел погибнути в Чюнере с нечестивыми. И канун Спасова дни приехал хозяйочи Махмет хоросанец, и бил есми ему челом, чтобы ся о мне печаловал. И он ездил к хану в город да меня отпросил, чтобы мя в веру не поставили, да

и жеребца моего у него взял. Таково Осподарево чюдо на Спасов день. Ино, братие рустии християня, кто хощет поити в Ындейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю.

Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нет ничего на нашу землю: все товар белой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. Ино возят ачеи морем, ини пошлины не дают. *А люди иные нам провести пошлины не дадут.* А пошлин много, а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни крестияне, не бесермене; а молятся каменым болваном, а Христа не знают, ни Махмета не знают.

А ис Чюнеря есмя вышли на Оспожин день к Бедерю, к болшому их граду. А шли есмя месяць до Бедеря; а от Бедеря до Кулонкеря 5 дни; а от Кулонгеря до Кольбергу 5 дни. Промежу тех великих градов много городов; на всяк день по три городы, а ино́й по четыре городы; колко ковов, толко градов. От Чювиля до Чюнеря 20 ковов, а от Чюнеря до Бедеря 40 ковово, а от Бедеря до Кулонгеря 9 ковов, *а от Бедеря до Колубергу 9 ковов.*

В Бедере же торг на кони, на товар, да на камки, да на шелк, на всей иной товар, да купити в нем *люди* черные; а иные в нем купли нет. Да все товар их гундустанской, да сьестное все овощь, а на Рускую землю товару нет. А все черные люди, а все злодеи, а жонки все бляди, да веди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелием.

В Ындейской земли княжат все хоросанцы, и бояре все хоросанцы. А гундустанцы все пешеходы, а ходят перед хоросанцы на конех, а иные все пеши, ходят борзо, а все наги да боси, да щит в руце, а в другой меч, а иные с луки великими с прямыми да стрелами. А бой их все слоны. Да пеших пускают наперед, а хоросанцы на конех да в доспесех, и кони и сами. А к слоном вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю кованых, да оболочат их в доспехи булатные, да на них учинены городкы, да в городкех по 12 человек в доспесех, да все с пушками да с стрелами.

Есть у них одно место, шихб Алудин пир ятыр базар Алядинанд. На год един базар, съезжается вся страна Индиискaя торговати, да торгуют 10 дни; от Бедеря 12 ковов. Приводят кони, до 20 тысящ коней продавати, всякый товар свозят. В Гундустаньской земли тъй торг лучьший, всякый товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русскый на Покров святыя Богородица. Есть в том Алянде птица гукукь, летает ночи, а кличет: «кук-кукь», а на которой хоромине седит, то тут человек умрет; и кто хощет еа убити, ино у ней изо рта огонь выидет. А мамоны ходят нощи, да имают куры, а живут в горе или в каменье. А обезьяны, то те живут по лесу. А у них есть князь обезьяньскый, да ходит ратию своею. Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, *и он посылает на того свою рать*, и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, а язык у них есть свой. А детей родят мно́го;

да которой родится ни в отца, ни в матерь, ини тех мечют по дорогам. Ины гиндустанцы тех имают, да учат их всякому рукоделию, а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат *базы* миканет.

Весна же у них стала с *Покрова* святыа Богородица. А празднуют шигу Аладину, весне две недели по Покрове, а празднуют 8 дни. А весну дрьжат 3 месяцы, а лето 3 месяца, а зиму 3 месяцы, *а осень 3 месяца.*

В Бедери же их стол Гундустану бесерменскому. А град есть велик, а людей много велми. А салтан невелик — 20 лет, а держат бояре, а княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы.

Есть хоросанець меликтучар боярин, ино у него двесте тысящь рати своей, *а у Меликхана 100 тысячь*, а у Фаратхана 20 тысяч, а много тех ханов по 10 тысящь рати. А с салтаном выходят триста тысящь рати своей.

А земля людна велми, *а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добре* и пышны велми. А все их носят на кровати своей на сребряных, да пред ними водят кони в *снастех* златых до 20; а на конех за ними 300 человек, а пеших пятьсот человек, да трубников 10 человек, да *нагарников* 10 человек, да свирелников 10 человек.

Салтан же выезжает на потеху с матерью да з женою, ино с ним человек на конех 10 тысящь, а пеших пятьдесят тысящь, а слонов выводят двесте, наряженых в доспесех золоченых, да пред ним трубников сто человек, да плясцов сто человек, да коней простых 300 в *снастех* золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гаурокы.

В салтанове же дворе семеры ворота, а в воротех седит по сту сторожев да по сту писцов кафаров. Кто поидет, ини записывают, а кто выйдет, ини записывают. А гарипов не пускают въ град. А двор же его чюден велми, все на вырезе да на золоте, и последний камень вырезан да златом описан велми чюдно. Да во дворе у него суды розные.

Город же *Бедерь* стерегут в нощи тысяща человек кутоваловых, а ездят на конех в доспесех, да у всех по светычю.

А яз жеребца своего продал в Бедери. Да наложил есми у него шестьдесят да осмь футунов, а кормил есми его год. В Бедери же змеи ходят по улицам, а длина ее две сажени. Приидох же в Бедерь о заговейне о Филипове ис Кулонгеря, и продах жеребца своего о Рожестве.

И тут бых до Великого заговейна в Бедери и познася со многыми индеяны. И сказах им веру свою, что есми не бесерменин исаядениени есмь християнин, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуф Хоросани. И они же не учали ся от меня крыти ни о чем, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жон своих не учали крыти.

Да о вере же о их распытах все, и оны сказывают: веруем въ Адама, а буты, кажуть, то есть Адам и род его весь. А вер въ Индеи всех 80 и 4 веры, а все веруютъ в бута. А вера с верою *ни* пиеть, ни яст, ни женится. А иныя же боранину, да куры, да рыбу, да яица ядять, а воловины не ядять никакаа вера.

В Бедери же бых 4 месяца и свещахся съ индеяны поити к Первоти, то их Ерусалим, а по бесерменьскый Мягъкат, где их бутхана. Там же поидох съ индеяны да будутханы месяць. И торгу у бутьханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твери, камена, да резаны по ней деяния бутовыя. Около ея всея 12 резано венцев, как бут чюдеса творил, как ся им являл многыми образы: первое, человеческым образом являлся; другое, человек, а нос слонов; третье, человек, а виденье обезьанино; в четвертые, человек, а образом лютаго зверя, а являлся им *все съ* хвостом. А вырезан на камени, а хвост через него сажени.

К бутхану же съезжается вся страна Индийская на чюдо бутово. Да у бутхана бреются старые и молодые, жонки и девочки. А бреют на себе все волосы,— и бороды, и головы, и хвосты. Да поидут к бутхану. Да со всякие головы емлют по две шешькени пошлины на бута, а с коней по четыре футы. А съезжаются к бутхану всех людей бысты азар лек вах башет сат азаре лек.

В бутхане же бут вырезан ис камени ис чернаго, велми велик, да хвост у него через него, да руку правую поднял высоко да простер ее, аки Устенеян царь Цареградскый, а в левой руце у него копие. А на нем нет ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а видение обезьянино. А иные буты наги, нет ничего, кот ачюк, а жонки бутовы нагы вырезаны и с соромом, и з детми. А перед бутом же стоит вол велми велик, а вырезан ис камени ис чернаго, а весь позолочен. А целуют его в копыто, а сыплют на него цветы. *И на бута сыплют цветы.*

Индеяне же не едят никоторого же мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велми много. Ядят же в день двожды, а ночи не ядят, а вина не пиют, ни сыты. А з бесермены ни пиют, ни ядят. А ества же их плоха. А один с одным ни пьет, ни есть, ни з женою. А едят брынец, да кичири с маслом, да травы розные ядят, а варят с маслом да с молоком, а едят все рукою правою, а левою не приимется ни за что. А ножа не дрьжат, а лжицы не знают. А на дорозе кто же варит себе кашу, а у всякого по горньцу. А от бесермен крыются, чтоб не посмотрил ни в горнець, ни въ еству. А толко посмотрит, ино тое ествы не едят. А едят, покрываются платом, чтобы никто не видел его.

А намаз же их на восток, по-русьскый. Обе руки подымают высоко, да кладут на темя, да ложатся ниць на земле, да весь ся истягнет по земли, то их поклоны. А ести же садятся, и оны омывают руки да ноги, да и рот пополаскивают. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток, а буты стоят на восток. А кто у них умрет, ини тех жгут да и попел сыплют на воду. А у жены дитя ся родит, ино бабит муж, а имя сыну дает отець, а мати дочери. А добровта у них нет, а сорома не знают. Пошел или пришел, ини ся кланяют по чернеческыы, обе руки до земли дотычют, а не говорит ничего.

К Первоти же ездят о великом заговение, къ своему *буту*. Их туто Иерусалим, а бесерменскыи *Мякъка*, а по-русьскы Иерусалим,

а по-индейскыи Порват. А съезжаются все наги, только на гузне плат; а жонки все наги, толко на гузне фота, а иные ф фотах, да на шеях жемчюгу много, да яхонтов, да на руках обручи да *перстьни* златы. Олло оакь! А внутрь к бутхану ездят на волех, да у вола рога окованы медию, да на шеи у него триста колоколцов, да копыта подкованы медию. А те волы аччеи зовут.

Индеяне же вола зовут отцем, а корову материю. А *калом их* пекут хлебы и еству варят собе, а попелом тем мажутся по лицу, и по челу, и по всему телу знамя. В неделю же да в понеделник едят однова днем. В Ындея же какъпа чектуръ а учюсьдерь: секишь илирсень ики жител; акичаны ила атарсын алты жетел берь; булара достур. А куль коравашь учюзь чяр фуна хуб, бем фуна хубе сиа; капъкара амьчюкь кичи хошь.

От Первати же приехал есми в Бедерь, за пятнадцать ден до бесерменьскаго улубагря. А Великаго дни и въскресения Христова не ведаю, а по приметам гадаю Велик день бывает християньскы первие бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни. А со мною нет ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, иних их взяли, а яз забыл веры кристьяньские всее. Праздники крестьянскые, ни Велика дни, ни Рожества Христова *не ведаю, ни среды, ни пятници* не знаю; а промежу есми вер таньгрыдан истремень Ол сакласын: «Олло худо, Олло акь, Олло ты, Олло акъбер, Олло рагым, Олло керим, Олло рагым елъло, Олло карим елло, таньгресень, худосеньсень. Бог един, тъй царь славы, творець небу и земли».

А иду я на Русь, кетъмышьтыр имень, уручь тутътым. Месяць март прошел, и яз заговел з бесермены в неделю, да говел есми месяць, мяса есми не ел и ничего скоромнаго, никакие ествы бесерменские, а ел есми по двожды на день хлеб да воду, авратыйля ятмадым. Да молился есми Христу вседрьжителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именемъ, Бог Олло, Бог керим, Бог рагим, Бог *худо*, Бог акьберь, Бог царь славы, Олло варенно, Олло рагим ельно сеньсень Олло ты. ⟨...⟩

Месяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гундустане, а бесермена баграм взяли в середу месяца; а заговел есми месяца априля 1 день. О благовернии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и веры ся да лишают кристьяньские. Аз же рабище Божий Афонасий, сжалихся по вере кристьянской. Уже проидоша 4 великая говейна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грешный не ведаю, что есть Велик день или говейно, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не ведаю, ни среды, ни пятницы не ведаю — а книг у меня нету. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Аз же от многия беды поидох до Индея, занеже ми на Русь поити не с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каине, а другый Велик день въ Чебокару в Маздраньской земле, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындее з бесермены в Бедере; ту же много плаках по вере кристьяньской.

Бесерменин же Мелик, тот мя много понуди в веру бесерменьскую стати. Аз же ему рекох: «Господине! Ты намаз каларъсень, мен да намаз *киларьмен; ты бешь намаз* кыларъсиз, мен да 3 калармен; *мень гарип*, а сень инчай». Он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а кристьяньства не знаешь». Аз же во многыя помышлениа впадох, и рекох в себе: «Горе мне, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду. Господи Боже вседрьжителю, творець небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко въ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко никоея же добродетели в нужи тьй не сътворих тобе, Господи Боже мой, яко дни своя преплых во зле все. Господи мой, Олло перводигерь, Олло ты, карим Олло, рагим Олло, карим Олло, рагим елло; ахамдулимо. Уже проидоша Великыя дни четыре в бесерменской земле, а кристьянства не оставих. Дале Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой».

В Ындее же бесерменской, в Великом Бедере, смотрил есми на Великую нощь на Великый день Волосыны да Кола в зорю вошли, а Лось главою стоит на восток.

На багрям на бесерменской выехал султан на теферич, ино с ним 20 возыров великых, да триста слонов наряженых в доспесех булатных да з городки, да и городкы окованы. Да в городкех по 6 человек в доспесех, да и с пушками да и с пищалми, а на великом слоне по 12 человек. Да на всяком по два проборца великых, да к зубом повязаны великые мечи по кентарю, да к рылу привязаны великыа железныа гири. Да человек седит в доспесе промежу ушей, да крюк у него железной великой, да тем его правят. Да коней простых тысяща в *снастех* златых, да верьблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов 300, да ковре 300. Да на салтане кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичяк олмаз великый, да саадак золот сь яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото. Да пред ним скачет кафар пешь да играет теремцом, да за ним пеших много. Да за ним благой слон идет, а весь в камке наряжен, да обивает люди, да чепь у него железна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.

А брат султанов, а тот седит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ яхонты, да несут его 20 человек.

А *махтум* седит на кровати же на золотой да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех в *снастех* златых. Да около его людей многое множество, да пред ним певцы, да плясцов много; да все з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копии, да с луки с прямыми с великими. Да кони все в доспесех, да саадаки на них. А иные наги все, одно платище на гузне, сором завешен.

В Бедере же месяць стоит три *дни* полон. В Бедере же сладкаго овощу нет. В Гундустани же силнаго вару нет. Силен вар

в Гурмызе да в Кятобагряим, где ся жемчюг родит, да в Жиде, *да в Баке,* да в *Мисюре,* да в Оръобьстани, да в Ларе. А в Хоросанской земле варно, да не таково. А в Чеготани велми варно. В Ширязи, да въ Езди, да в Кашини варно, да ветр бывает. А в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шамахее пар лих; да в Вавилоне варно, *да в Хумите, да в Шаме варно*, а в *Ляпе* не так варно.

А в Севастии губе да в *Гурзыньской* земле добро обилно всем. Да Турская земля обилна велми. Да в Волоской земле обилно и дешево *все съестное*. Да и Подольская земля обилна всем. А Русь ер тангрыд сакласын; Олло сакла, *Худо сакла!* Бу даниада муну кибить ерь *ектур*; нечикь Урус ери бегляри акой тугиль; Урусь ерь абодан болсын; раст кам дарет. Олло, Худо, Бог, Данъиры.

Господи Боже мой! На тя уповах, спаси мя, Господи! Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана: на Гурмыз поити, а из Гурмыза на Хоросан пути нету, ни на Чеготай пути нету, ни в Бодату пути нет, ни на Катабогряим пути нету, ни на Ездь пути нет, ни на Рабостан пути нет. *То* везде *булгак* стал; князей везде выбил. Яишу мырзу убил Узоасанбег, а султан Мусяитя окормыли, а Узуосанбек на Ширязе сел, и земля ся не окрепила, а Едигерь Махмет, а тот к нему не едет, блюдется. А иного пути нет никуды. А на Мякку итти, ино стати в веру бесерменскую. Занеже кристьяне не ходят на Мякку *веры деля, что ставять в веру*. А жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человек, ино по полутретья алтына на харчю идет на день, а вина есми не пивал, ни сыты.〈...〉

В пятый же Велик день възмыслих ся на Русь. Идох из Бедеря града за месяць до улубагряма бесерменьскаго Мамет дени розсулял. А Велика дни кристьянскаго не ведаю Христова въскресения, а говейно же их говех з бесермены, и разговехся с ними, и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов.

Султан пришол да меликътучар с ратию своею 15 *день* по улебагряме, а в Келбергу. А война ся им не удала, один город взяли индийской, а людей их много изгибло, и казны много истеряли.

А индийскый же салтан кадам велми силен, и рати у него много. А сидит в горе в Бичинегере, а град же его велми велик. Около его три ровы, да сквозе его река течет. А с одну страну его женьгель злый, а з другую страну пришол дол, и чюдна места велми и угодна *на* все. На одну же страну приитти некуды, сквозе градо дорога, а града же взяти некуды, пришла гора велика да дебер зла тикень. Под городом же стаяла рать месяць, и люди померли безводни, да голов велми много изгибло з голоду да з безводицы. А на воду смотрит, а взяти некуды.

А град же взял индийской меликъчан хозя, а взял его силою, день и нощь бился з городом 20 дни, рать ни пила, ни ела, под городом стояла с пушками. А рати его изгибло пять тысяч люду добраго. А город взял, ини высекли 20 тысяч поголовья мужскаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго.

А продавали голову полону по 10 тенек, *а иную по 5 тенек*, а робята по две тенкы. А казны же не было ничего. А болшаго города не взял.

А от Кельбергу поидох до Кулури. А в Кулури же родится ахикь, и ту его делают, на весь свет оттуду его розвозят. А в Курили же алмазников триста сулях микунет. И ту же бых пять месяць, а оттуду же поидох Калики. Ту же бозар велми велик. А оттуду поидох Конаберга, а от Канаберга поидох к шиху Аладину. А от шиха Аладина поидох ко Аменьдрие, и от Камендрия к Нярясу, и от Кинаряса к Сури, а от Сури поидох к Дабыли — пристанище Индийскаго моря.

Дабил же есть град велми велик, а к тому же Дабыли а сьезжается вся поморья Индийская и Ефиопская. Ту же и окаянный аз рабище Афонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вере по кристьяньской, и по крещении Христове, и по говейнех святых отець устроеных, по заповедех апостольских и устремихся умом поитти на Русь. И вниидох *же в таву*, и зговорих о *налоне* корабленем, а от своеа главы два златых до Гурмыза града *дати*. Внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за три месяцы бесерменьскаго говейна.

Идох же в таве по морю месяць, а не видех ничего. На другий же месяць увидех горы Ефиопскыа, ту же людие вси воскричаша: «Олло перводигер, Олло конъкар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-рускыи языком молвят: «Боже Осподарю, Боже, Боже вышний, царю небесный, зде нам судил еси погибнути!»

В той же земле Ефиопской бых пять дни. Божиею благодатию зло ся не учинило. Много раздаша брынцу, да перцу, да хлебы ефиопом, ина судна не пограбили.

А оттудова же идох 12 дни до Мошката. В Мошкате же шестой Велик день взял. И поидох до Гурмыза 9 дни, и в Гурмызе бых 20 дни. А из Гурмыза поидох к Лари, и в Лари бых три дни. Из Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязе бых 7 дни. И из Ширяза поидох к Вергу 15 дни, а в Велергу бых 10 дни. А из Вергу поидох къ Езди 9 дни, а въ Езди бых 8 дни. А изь Езди поидох *къ Спагани 5 дни, а въ Спагани 6 дни. А ис Пагани* поидох Кашини, а в Кашини бых 5 дни. А ис Кашина поидох к Куму, а ис Кума поидох в Саву. А из Сава поидох к Султанью, а из Султания поидох до Тервизя, *а ис Тервиза* поидох в оръду Асанбег. А орде же бых 10 дни, ано пути нет никуды. А на турскаго послал рати двора своего 40 тысяч. Ини Севасть взяли, а Тохат взяли да пожгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на караманского воюючи.

И яз из орды пошол ко Арцыцану, а из Орцыцана пошол есми в Трепизон.

В Трепизон же приидох на Покров святыя Богородица и приснодевы Мариа, а бых же въ Трапизоне 5 дни. И на корабль приидох и сговорил о налоне — дати золотой от своеа главы до Кафы; а золотой есми взял на харчь, а дати в Кафе.

А в Трапизоне ми же шубаш да паша много зла учиниша. Хлам мой весь к себе възнесли в город на гору да обыскали все — что

мелочь добренкая, ини выграбили все. А обыскивают грамот, что есми пришол из орды Асанбега.

Божиею милостию приидох до третьяго моря *Черного*, а парсийским языком дория Стимбольскаа. Идох же по морю ветром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас сретили великый ветер полунощный, възврати нас къ Трапизону, и стояли есмя в Платане 15 дний, ветру велику и злу бывшу. Ис Платаны есмя пошли на море *двожды*, и ветр нас стречает злый, не даст нам по морю ходити. Олло акь, Олло Худо перводигерь! Развие бо того иного Бога не знаю.

И море же проидох, *да занесе нас* сыс къ Баликаее, а оттудова к Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни. Божиею милостию приидох в Кафу за 9 дни до Филипова заговениа. Олло перводигер!

Милостиею Божиею преидох же три моря. Дигерь Худо доно, Олло перводигерь дано. Аминь! Смилна рахмам рагим. Олло акьбирь, акши Худо, илелло акшь Ходо. Иса рухоало, ааликъсолом. Олло акьберь. А илягаиля илелло. Олло перводигерь. Ахамду лилло, шукур Худо афатад. Бисмилнаги рахмам ррагим. Хуво могу лези, ля лясаильля гуя алимуль гяиби ва шагадити. Хуя рахману рагиму, хубо могу лязи. Ляиляга *иль ляхуя. Альмелику, алакудосу, асалому, альмумину, альмугамину,* альазизу, алчебару, альмутаканъбиру, алхалику, альбариюу, *альмусавирю,* алькафару, алькалъхару, альвазаху, альрязаку, альфатагу, альалиму, алькабизу, альбасуту, альхафизу, аллърравию, алмавизу, алмузилю, альсемилю, албасирю, альакаму, альадюлю, алятуфу.

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

(Перевод)

В год 6983 (1475).⟨...⟩ В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года[1], а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным[2]. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до Казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил[3]. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя[4].

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море — Дербентское[5], дарья Хвалисская[6], второе море — Индийское, дарья Гундустанская, третье море — Черное, дарья Стамбульская.

Пошел я от Спаса[7] святого златоверхого с его милостью, от государя своего великого князя Михаила Борисовича[8] Тверского, от владыки Геннадия Тверского и от Бориса Захарьича[9].

Поплыл я вниз Волгою. И пришел в монастырь калязинский к святой Троице живоначальной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калязина плыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру с другой грамотой великого князя. И отпустили меня без препятствий. И в Плес приехал благополучно.

И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха[10] татарского. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана[11], и кречетов у него было девяносто.

Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан[12]. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: «Султан Касим подстерегает купцов на Бузане, а с ним три тысячи татар». Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, да в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно.

Плывем мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма — не бегите!» А мы этого ничего не слыхали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза[13] застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бек, да тезики[14], да нас, русских, десять человек; а в другом судне — шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. А тут стоит городок Тарки[15], и вышли люди на берег, да пришли кайтаки[16] и всех взяли в плен.

И пришли мы в Дербент, и Василий благополучно туда пришел, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли — чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал скорохода к ширваншаху передать: «Господин! Судно русское разбилось под Тарками, и кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили».

И ширваншах посла тотчас послал к шурину своему, князю кайтаков Халил-беку: «Судно мое разбилось под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне присылай, и я тебе, брату своему, ни в чем перечить не стану. А те люди ко мне шли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий». И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента отослали их к ширваншаху, в ставку его — койтул.

Поехали мы к ширваншаху, в ставку его, и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплакав, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый[17], а из Баку пошел за море — в Чапакур.

И прожил я в Чапакуре[18] шесть месяцев, да в Сари жил месяц, в Мазандаранской земле[19]. А оттуда пошел к Амолю[20] и жил тут месяц. А оттуда пошел к Демавенду[21], а из Демавенда — к Рею[22]. Тут убили шаха Хусейна, из детей Али, внуков Мухаммеда[23], и пало на убийц проклятие Мухаммеда — семьдесят городов разрушилось.

Из Рея пошел я к Кашану и жил тут месяц, а из Кашана — к Наину, а из Наина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда пошел к Сирджану, а из Сирджана — к Тарому[24], домашний скот здесь кормят финиками, по четыре алтына продают батман[25] фиников. А из Тарома пошел к Лару, а из Лара — к Бендеру — то пристань Ормузская. И тут море Индийское, по-персидски дарья Гундустанская; до Ормуза-града отсюда четыре мили идти.

А Ормуз — на острове, и море наступает на него всякий день по два раза. Тут провел я первую Пасху, а пришел в Ормуз за четыре недели до Пасхи. И потому я города не все назвал, что много еще городов больших. Велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжет. В Ормузе был я месяц, а из Ормуза после Пасхи в день Радуницы[26] пошел я в таве[27] с конями за море Индийское.

И шли мы морем до Маската[28] десять дней, а от Маската до Дега[29] четыре дня, а от Дега до Гуджарата[30], а от Гуджарата до Камбея[31], Тут родится краска да лак. От Камбея поплыли

к Чаулу[32], а из Чаула вышли в седьмую неделю после Пасхи, а морем шли шесть недель в таве до Чаула.

И тут Индийская страна, и простые люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети родятся каждый год, а детей у них много. Из простого народа мужчины и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много — дивятся белому человеку. У тамошнего князя — фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят — фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А простые женщины ходят — голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара[33].

Правит тут индийский хан — Асад-хан джуннарский, а служит он мелик-ат-туджару[34]. Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воюет он с кафирами[35] двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асадхан на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев[36], у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят их все морем в тавах — индийских кораблях.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с Божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня[37]. Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь — целых четыре месяца — всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундустанские[38] называются, а брагу — из татны[39]. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри[40] с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни[41]. В Индийской земле кони не водятся, в их земле родятся быки да буйволы — на них ездят и товар и иное возят, все делают.

Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, Богом огражден. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога узка, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле купцов поселяют на постоялых дворах. Варят гостям служанки, и постель стелют служанки, и спят с гостями. (Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя, если не имеешь тесной связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром); а любят белых людей.

Зимой у них простые люди ходят — фата на бедрах, другая на плечах, а третья на голове; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет. (О Боже, Боже великий, Господь истинный, Бог великодушный, Бог милосердный!)

И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: «И жеребца верну, и тысячу золотых впридачу дам, только перейди в веру нашу — в Мухаммеддини[42]. А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммеддини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму». И срок назначил — четыре дня, на Спасов день, на Успенский пост[43]. Да Господь Бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково Господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет кто идти в Индийскую землю — оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю.

Солгали мне псы-бесермены, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый для бесерменской земли, перец да краска то дешево. Те, кто возят волов за море, те пошлин не платят. А нам провезти товар без пошлины не дадут. А пошлин много, и на море разбойников много. Разбойничают кафиры, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухаммеда не знают.

А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару, главному их городу. Шли до Бидара месяц, а от Бидара до Кулонгири — пять дней и от Кулонгири до Гулбарги пять дней. Между этими большими городами много других городов, всякий день проходили по три города, а иной день по четыре города: сколько ковов[44] — столько и городов. От Чаула до Джуннара двадцать ковов, а от Джуннара до Бидара сорок ковов, от Бидара же до Кулонгири девять ковов, и от Бидара до Гулбарги девять ковов.

В Бидаре на торгу продают коней, камку[45], шелк и всякий иной товар да рабов черных, а другого товара тут нет. Товар все гундустанский, а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет. А здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят.

В Индийской земле княжат все хорасанцы, и бояре все хорасанцы. А гундустанцы все пешие и ходят перед хорасанцами, которые на конях; а остальные все пешие, ходят быстро, все наги да босы, в руке щит, в другой — меч, а иные с большими прямыми луками да со стрелами. Бой ведут все больше на слонах. Впереди идут пешие воины, за ними — хорасанцы в доспехах на конях, сами в доспехах и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кентарю[46]

весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.

Есть тут одно место — Аланд, где шейх Ала-ад-дин (святой лежит) и ярмарка бывает. Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют тут десять дней; от Бидара двенадцать ковов. Приводят сюда коней — до двадцати тысяч коней — продавать да всякий товар привозят. В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Ала-ад-дина, а по-нашему на Покров святой Богородицы[47]. А еще есть в том Аланде птица гукук, летает ночью: кричит: «кук-кук»; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны[48] ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. Детенышей родится у них много, и если который из них родится ни в мать, ни в отца, таких бросают на дорогах. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким ремеслам; а если продают, то ночью, чтобы они дорогу назад не могли найти, а иных учат (людей забавлять).

Весна у них началась с Покрова святой Богородицы. А празднуют память шейха Ала-ад-дина и начало весны через две недели после Покрова; восемь дней длится праздник. А весна у них длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца.

Бидар — стольный город Гундустана бесерменского. Город большой, и людей в нем очень много. Султан молод, двадцати лет — бояре правят, а княжат хорасанцы и воюют все хорасанцы.

Живет здесь боярин-хорасанец, мелик-ат-туджар, так у него двести тысяч своей рати, а у Мелик-хана сто тысяч, а у Фарат-хана двадцать тысяч, и у многих ханов по десять тысяч войска. А с султаном выходит триста тысяч войска его.

Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояр на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да свирельников десять человек.

А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести и все в золоченых доспехах, и перед ним — трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гаурыки называются.

Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафиров. Одни записывают, кто во дворец идет, другие — кто выходит. А чужестранцев во дворец

не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень — и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво. Да во дворце у султана сосуды разные.

По ночам город Бидар охраняет тысяча стражей под начальством куттувала[49], на конях и в доспехах, да в руках у каждого по факелу.

Продал я своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят восемь футунов, кормил его год. В Бидаре по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Вернулся я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост[50], а жеребца своего продал на Рождество.

И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста[51] и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а (веры Иисусовой), христианин, и имя мое Афанасий, а бесерменское имя — ходжа Юсуф Хорасани. И индусы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать.

Расспрашивал я их о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты[52], говорят, и есть Адам и весь род его. А всех вер в Индии восемьдесят и четыре веры, и все веруют в бута. А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся. Иные из них баранину, да кур, да рыбу, да яйца едят, но говядины никто не ест.

Пробыл я в Бидаре четыре месяца и сговорился с индусами пойти в Парват, где у них бутхана[53] — то их Иерусалим, то же, что для бесермен Мекка[54]. Шел я с индусами до бухтаны месяц. И у той бухтаны ярмарка, пять дней длится. Велика бутхана, с пол-Твери, каменная, да вырезаны в камне деяния бута. Двенадцать венцов вырезано вкруг бутханы — как бут чудеса совершал, как являлся в разных образах: первый — в образе человека, второй — человек, но с хоботом слоновым, третий — человек, а лик обезьяний, четвертый — наполовину человек, наполовину лютый зверь, являлся все с хвостом. А вырезан на камне, а хвост с сажень, через него переброшен.

На праздник бута[55] съезжается к той бутхане вся страна Индийская. Да у бутханы бреются старые и молодые, женщины и девочки. А сбривают на себе все волосы, бреют и бороды, и головы. И идут к бутхане. С каждой головы берут по две шешкени[56] для бута, а с коней — по четыре футы. А съезжается к бутхане всего людей (двадцать тысяч лакхов[57], а бывает время и сто тысяч лакхов).

В бутхане же бут вырезан из камня черного, огромный, да хвост его через него перекинут, а руку правую поднял высоко и простер, как Юстиниан, царь[58] цареградский, а в левой руке у бута копье. На нем не надето ничего, только бедра повязкой обернуты, а лик обезьяний. А иные буты совсем нагие, ничего на них не надето (срам не прикрыт), и жены бутовы нагими вырезаны, со срамом и с детьми. А перед бутом — бык огромный, из черного

камня вырезан и весь позолочен. И целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты[59] не пьют. А с бесерменами[60] не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин,— ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, весь вытянется на земле — то их поклоны. А есть садятся — руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрет, тех сжигают да пепел сыплют в воду. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну дает отец, а мать — дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и все молча.

В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских — Иерусалим, то для индусов Парват. И съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, и женщины все нагие, только фата на бедрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. (Ей-богу!) А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованы медью, да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И тех быков они называют ачче.

Индусы быка называют отцом, а корову — матерью. На помете их пекут хлеб и кушанья варят, а той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню. В Индии же (гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить — дай шесть жителей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна; черная-пречерная амьчюкь маленькая, хороша).

Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней до бесерменского улу байрама[61]. А когда Пасха — праздник воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю — наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядов веры христианской. Праздников христианских — ни Пасхи,

ни Рождества Христова — не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. И живя среди иноверных (молю я Бога, пусть он сохранит меня: «Господи Боже, Боже истинный, ты Бог, Бог великий, Бог милосердный, Бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, Господи Боже). Бог един, то царь славы, творец неба и земли».

А иду я на Русь (с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом). Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню (с женщиной не ложился я). И молился я Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного бога именем не призывал. (Господи Боже, Бог милостивый, Бог милосердный, Бог Господь, Бог великий). Бог царь славы (Бог-зиждитель, Бог всемилостивейший,— это все ты, о Господи).〈...〉

Месяца мая в первый день отметил я Пасху в Индостане, в Бидаре бесерменском, а бесермены праздновали байрам в середине месяца; а поститься я начал месяца апреля в первый день. О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рождества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю: книг у меня нет. Когда меня пограбили, книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь мне идти было не с чем, не осталось у меня никакого товара. Первую Пасху праздновал я в Каине, а другую Пасху в Чапакуре в Мазандаранской земле, третью Пасху — в Ормузе, четвертую Пасху в Индии, среди бесермен, в Бидаре, и тут много печалился по вере христианской.

Бесерменин же Мелик сильно понуждал меня принять веру бесерменскую. Я же ему сказал: «Господин! Ты молитву (совершаешь и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаешь, я — три раза. Я — чужестранец, а ты — здешний)». Он же мне говорит: «Истинно видно, что ты не бесерменин, но и христианских обычаев не соблюдаешь». И я сильно задумался и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, Боже-вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, ибо в скорби пребываю. Господи! Призри меня и помилуй меня, ибо я создание твое; не дай, Господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед тобой, Господи Боже мой, все дни свои во зле прожил. Господь мой (Бог-покровитель, ты, Боже, Господи милостивый, Господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала Богу). Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а христианства я не оставил. Далее Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой».

В Бидаре Великом, в Бесерменской Индии, в Великую ночь на Великий день смотрел я, как Плеяды и Орион в зорю вошли, а Большая Медведица головою стояла на восток.

На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да триста слонов, облаченных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на больших слонах по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи весом по кентарю, а на шее — огромные железные гири[62]. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком — им слона направляет. Да тысяча коней верховых в золотой сбруе, да сто верблюдов с барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц. На султане кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак[63] золотой с яхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте. Перед ним кафир бежит вприпрыжку, теремцом[64] поводит, а за ним пеших много. Позади идет злой слон, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него в хоботе, отгоняет ею коней и людей, чтоб к султану не подступали близко.

А брат султана сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка — золотая с яхонтами, и несут его двадцать человек.

А махдум[65] сидит на золотых же носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой маковкой, и везут его четыре коня в золотой сбруе. Да около него людей великое множество, да перед ним певцы идут и плясунов много; и все с обнаженными мечами да саблями, со щитами, дротиками да копьями, с прямыми луками большими. И кони все в доспехах, с саадаками. А иные люди нагие все, только повязка на бедрах, срам прикрыт.

В Бидаре луна полная стоит три дня. В Бидаре сладких плодов нет. В Индостане большой жары нет. Очень жарко в Ормузе и на Бахрейне, где жемчуг родится, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так. Очень жарко в Чаготае. В Ширазе, да в Йезде, да в Кашане жарко, но там ветер бывает. А в Гиляне очень душно и парит сильно, да в Шамахе парит сильно; в Багдаде жарко, да в Хумсе и в Дамаске жарко, а в Халебе не так жарко.

В Севасской округе и в Грузинской земле всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна. И Молдавская земля обильна, и дешево там все съестное. Да и Подольская земля всем обильна. А Русь (Бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Да устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости! Боже, Боже, Боже, Боже!).

Господи, Боже мой! На тебя уповал, спаси меня, Господи! Пути не знаю — куда идти мне из Индостана: на Ормуз пойти — из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад

пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей повыбивала. Мирзу Джеханшаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили, Узун Хасан-бек Шираз подчинил, да та земля его не признала, а Мухаммед Ядигар к нему не едет: опасается. А иного пути нет. На Мекку пойти — значит принять веру бесерменскую. Потому, веры ради, христиане и не ходят в Мекку: там в бесерменскую веру обращают. А в Индостане жить — значит издержаться совсем, потому что тут у них все дорого: один я человек, а на харч по два с половиной алтына в день идет, хотя ни вина я не пивал, ни сыты.⟨...⟩

На пятую Пасху решился я на Русь идти. Вышел из Бидара за месяц до бесерменского улу байрама (по вере Мухаммеда, посланника Божья). А когда Пасха, Воскресение Христово́, — не знаю, постился с бесерменами в их пост, с ними и разговелся, а Пасху отметил в Гулбарге, от Бидара в десяти ковах.

Султан пришел в Гулбаргу с мелик-ат-туджаром и с ратью своей на пятнадцатый день после улу байрама. Война им не удалась — один город взяли индийский, а людей много у них погибло и казны много поистратили.

А индийский великий князь могуществен и рати у него много. Крепость его на горе, и стольный город его Виджаянагар очень велик. Три рва у города, да река через него течет. По одну сторону города густые джунгли, а с другой стороны долина подходит — удивительное место, для всего пригодное. Та сторона непроходима — путь через город идет; ни с какой стороны город не взять: гора там огромная да чащоба злая, колючая. Стояла рать под городом месяц, и люди гибли от жажды, и очень много людей поумирало от голода да от жажды. Смотрели на воду, да не подойти к ней.

Ходжа мелик-ат-туджар взял другой город индийский, силой взял, день и ночь бился с городом, двадцать дней рать ни пила, ни ела, под городом с пушками стояла. И рати его погибло пять тысяч лучших воинов. А взял город — вырезали двадцать тысяч мужского полу и женского, а двадцать тысяч — и взрослых, и малых — в плен взяли. Продавали пленных по десять тенек[66] за голову, а иных и по пять, а детей — по две тенки. Казны же совсем не взяли. И стольного города он не взял.

Из Гулбарги пошел я в Каллур. В Каллуре родится сердолик, и тут его обрабатывают, и отсюда по всему свету развозят. В Калдуре триста алмазников живут (оружье украшают). Пробыл я тут пять месяцев и пошел оттуда в Коилконду. Там базар очень большой. А оттуда пошел в Гулбаргу, а из Гулбарги к Аланду. А от Аланда пошел в Амендрие, а из Амендрие — к Нарясу, а из Наряса — в Сури, а из Сури пошел к Дабхолу — пристани моря Индийского.

Очень большой город Дабхол — съезжаются сюда и с Индийского, и с Эфиопского поморья. Тут я, окаянный Афанасий, рабище Бога вышнего, творца неба и земли, призадумался о вере

христианской, и о Христовом крещении, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских и устремился мыслию на Русь пойти. Взошел в таву и сговорился о плате корабельной — со своей головы до Ормуза града два золотых дал. Отплыл я на корабле из Дабхола-града на бесерменский пост, за три месяца до Пасхи.

Плыл я в таве по морю целый месяц, не видя ничего. А на другой месяц увидел горы Эфиопские, и все люди вскричали: «Олло перводигер, Олло конъкар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-русски это значит: «Боже, Господи, Боже, Боже вышний, царь небесный, здесь нам судил ты погибнуть!»

В той земле Эфиопской были мы пять дней. Божией милостью зла не случилось. Много роздали рису, да перцу, да хлеба эфиопам. И они судна не пограбили.

А оттуда шли двенадцать дней до Маската. В Маскате встретил я шестую Пасху. До Ормуза плыл девять дней, да в Ормузе был двадцать дней. А из Ормуза пошел в Лар, и в Ларе был три дня. От Лара до Шираза шел двенадцать дней, а в Ширазе был семь дней. Из Шираза пошел в Эберку, пятнадцать дней шел, и в Эберку был десять дней. Из Эберку до Йезда шел девять дней, и в Йезде был восемь дней. А из Йезда пошел в Исфахан, пять дней шел и в Исфахане был шесть дней. А из Исфахана пошел в Кашан, да в Кашане был пять дней. А из Кашана пошел в Кум, а из Кума — в Савэ. А из Савэ пошел в Сольтание, а из Сольтание шел до Тебриза, а из Тебриза пошел в ставку Узун Хасан-бека[67]. В ставке его был десять дней, потому что пути никуда не было. Узун Хасан-бек на турецкого султана послал двора своего сорок тысяч рати. Они Сивас взяли. А Токат взяли да пожгли, и Амасию взяли, да много сел пограбили и пошли войной на караманского правителя.

А из ставки Узун Хасан-бека пошел я в Эрзинджан[68], а из Эрзинджана пошел в Трабзон[69].

В Трабзон же пришел на Покров святой Богородицы и приснодевы Марии и был в Трабзоне пять дней. Пришел на корабль и сговорился о плате — со своей головы золотой дать до Кафы[70], а на харч взял и золотой в долг — в Кафе отдать.

И в том Трабзоне субаши[71] и паша много зла мне причинили. Добро мое все велели принести к себе в крепость, на гору, да обыскали все. И что было мелочи хорошей — все выграбили. А искали грамоты, потому что шел я из ставки Узун Хасан-бека.

Божией милостью дошел я до третьего моря — Черного, что по-персидски дарья Стамбульская. С попутным ветром шли морем десять дней и дошли до Воны[72], и тут встретил нас сильный ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону. Из-за ветра сильного, встречного стояли мы пятнадцать дней в Платане[73]. Из Платаны выходили в море дважды, но ветер дул нам навстречу злой, не давал по морю идти. (Боже истинный, Боже покровитель!) Кроме него — иного Бога не знаю.

Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. (Бог-творец!)

Милостию Божией прошел я три моря. (Остальное Бог знает, Бог покровитель ведает.) Аминь! (Во имя Господа милостивого, милосердного. Господь велик, Боже благой, Господи благой. Иисус дух божий, мир тебе. Бог велик. Нет Бога, кроме Господа. Господь промыслитель. Хвала Господу, благодарение Богу всепобеждающему. Во имя Бога милостивого, милосердного. Он Бог, кроме которого нет Бога, знающий все тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Он не имеет себе подобных. Нет Бога, кроме Господа. Он царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий, творец, создатель, изобразитель, он разрешитель грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, всесведущий, карающий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий, правый, справедливый, благий.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Афанасий Никитин был в Индии с середины 1471 до начала 1474 г.

[2] *Василий Папин* — иных сведений об этом русском после, кроме тех, что сообщены в «Хождении», до нас не дошло.

[3] Очевидно, имеется в виду поход 1469 г. (в летописях о том, что предводителем похода был Юрий Васильевич — брат Ивана III, не говорится).

[4] *Василий Мамырев* (1430—1490) — великокняжеский дьяк. Кто является автором записи об Афанасии Никитине — неизвестно.

[5] *Море Дербентское* — Каспийское.

[6] *Дарья Хвалисская* — море Каспийское; «дарья» (*перс.*) — море.

[7] Спасский собор в Твери (совр. г. Калинин).

[8] *Михаил Борисович* — великий князь тверской в 1461—1485 гг.

[9] *Борис Захарьич* — тверской воевода.

[10] *Ширваншах* — титул правителей Ширвана — государства, находившегося в северо-восточной части современного Азербайджана.

[11] *Иван III Васильевич* (1440—1505) — великий князь московский.

[12] Перечисляются города Орды по нижнему течению Волги.

[13] *Ез* — заграждение на реке для ловли рыбы.

[14] *Тезики* — иранские купцы.

[15] *Тарки* — крепость на побережье Каспийского моря.

[16] *Кайтаки* — народность в Дагестане.

[17] Имеются в виду выходы горящих газов и нефти в окрестностях Баку.

[18] *Чапакур* — город на южном берегу Каспийского моря.

[19] *Мазандаранская земля* — местность в Иране — Мазендеран.

[20] *Амоль* — центр области Мазендеран.

[21] *Демавенд* — высшая точка хребта Эльбрус.

[22] *Рей* — город, находившийся в окрестностях современного Тегерана.

[23] *Мухаммед* (ок. 570—632) — арабский религиозный и политический деятель, основатель ислама.

[24] Перечисляются города, находящиеся по пути от южного берега Каспийского моря к Ормузскому проливу.

[25] *Батман (перс.)* — мера веса, равная нескольким пудам.

[26] *Радуница* — девятый день после Пасхи.

[27] *Тава* — парусное судно без верхней палубы.

[28] *Маскат* — порт на Оманском берегу Аравийского полуострова.

[29] *Дега* — порт на Иранском берегу Персидского залива.
[30] *Гуджарат* — область на западе Индии.
[31] *Камбей* — порт в Камбейском заливе.
[32] *Чаул* — порт на западном побережье Индии, к югу от современного Бомбея.
[33] *Джуннар* — город на восток от Бомбея.
[34] *Малик-ат-туджар* — титул, означающий в переводе «повелитель купцов».
[35] *Кафиры* — неверные (иноверцы).
[36] *Хоросанцы* — мусульмане неиндийского происхождения.
[37] *Троицын день* — 50-й день после Пасхи; приходится на май — июнь (в зависимости от дня Пасхи).
[38] *Кози гундустанские* — кокосовые орехи.
[39] *Татна* — сок, добываемый из коры пальмиры (пальмира — вид пальмы).
[40] *Кхичри* — индийское блюдо из риса.
[41] *Шешни* — листья, которыми кормят лошадей.
[42] *Мухаммеддини (тюркск.)* — вера Мухаммедова, ислам.
[43] *Успенский пост* — с 14 до 28 августа; *Спасов день* — 19 августа.
[44] *Ков (инд.)* — мера длины, равная приблизительно 10 км.
[45] *Камка* — шелковая ткань, расшитая золотом.
[46] *Кентарь* — мера веса, более 3-х пудов.
[47] *Покров святой Богородицы* — 14 октября.
[48] *Мамоны* — небольшие хищные звери.
[49] *Куттувал* — комендант крепости.
[50] *Филиппов пост* — с 27 ноября до 7 января.
[51] *Великий пост* — семинедельный пост до Пасхи, начинается в феврале — начале марта.
[52] *Бут (перс.)* — идол, кумир; здесь — индийские боги.
[53] *Бутхана* — кумирня, языческая молельня.
[54] *Мекка* — город в Саудовской Аравии, место мусульманского паломничества.
[55] Здесь имеется в виду праздник в честь индийского божества Шивы, отмечаемый в феврале — марте.
[56] *Шекшени* — серебряная монета.
[57] *Лакх (инд.)* — сто тысяч; бесчисленное множество.
[58] Афанасий Никитин сравнивает статую Шивы со статуей Юстиниана I (527—565) в Константинополе, которая была уничтожена в XVI в.
[59] *Сыта* — разбавленный водой мед, а также хмельной напиток из меда.
[60] *Бесерменин* — иноверец.
[61] *Улу байрам* — один из главных ежегодных мусульманских праздников.
[62] Имеются в виду большие колокольцы, которые вешают на шею слона.
[63] *Саадак* — набор, состоящий из лука в чехле и колчана со стрелами.
[64] *Теремец* — здесь: парадный зонт.
[65] *Махдум* — господин.
[66] *Тенька* — мелкая серебряная монета.
[67] Здесь перечисляются города в Иране, через которые лежал обратный путь Афанасия. Тебриз был столицей державы Узуна Хасана.
[68] *Эрзинджан* — город на Армянском нагорье, к западу от Эрзерума.
[69] *Трабзон* — порт на южном побережье Черного моря.
[70] *Кафа* — современный город Феодосия в Крыму.
[71] *Субаши* — начальник охраны города.
[72] *Вона* — порт у мыса Чам, к западу от Трабзона.
[73] *Платана* — порт вблизи Трабзона.

IV

Литература XVI в.

Повесть о Псковском взятии

В 1510 г. произошло окончательное подчинение Пскова власти великого князя московского, ликвидировано псковское вече, снят городской вечевой колокол. В ходе централизации Русского государства, проводимой московскими князьями в XV—XVI вв., были неизбежны жестокие конфликты подобного рода, например, столь же болезненно происходило и окончательное подчинение Новгорода Москве в конце 70-х годов XV в.

События эти вызывали возникновение литературных и литературно-публицистических произведений как в самой Москве, так и в тех городах, которые теряли свою самостоятельность. В московских повестях резко осуждался сепаратизм Новгорода и Пскова, исторически обосновывалась законность и справедливость проводимых мероприятий, полностью оправдывались действия великого князя московского и его администрации. В местных же повестях эти действия резко осуждались, подчеркивалась жестокость и несправедливость Москвы, выражались антимосковские настроения.

Однако среди местных повестей были и такие, в которых принималась и исторически обосновывалась необходимость подчинения Москве, объединения с нею, но вместе с тем объективно освещались факты жестокостей и насилия московской администрации, давало о себе знать чувство местного патриотизма. К числу произведений такого типа относится публикуемая здесь «Повесть о Псковском взятии» из Псковской первой летописи. Это произведение ценно как исторический источник и интересно как яркий образец псковской литературы. Оно отличается деловитостью повествования, пословичным характером оборотов, отсутствием пышной риторики и вместе с тем большой эмоциональностью.

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 6. С. 364—375.

ПОВЕСТЬ О ПСКОВСКОМ ВЗЯТИИ

(Древнерусский текст)

Взятие Псковское. В лето 7018, месяца октября в 26, на память святого Дмитрея, князь великий Василей Иванович приехал въ свою отчину, в Великий Новгород, и з своим братом, уделным со князем Ондреем, и с своими бояре.

И псковичи услышавше государя великого князя Василья Ивановича в Великом Новегороде и послаша послов своих в Великий Новгород: Юрья посадника Елисеевича, и посадника Михаила Помазова, и бояр изо всех концов. И даша псковичи дару великому князю Василью Ивановичю полтораста рублев новгородцкую о жаловании и о печаловании своея отчины мужей псковичь доброволных людей, что: «Есмя приобижены от твоего наместника, а от нашего князя Ивана Михайловича Репни, и от его людей, и от его наместников от пригородцких и от их людей».

И князь великий отвечал нашим посадником: «Яз вас, свою отчину, хощу жаловати и боронити, яко же отец нашь и деды наши, великии князи. И что ми повестуете о наместники моем, а о своем князи Иване Михайловичи Репни, аже тольке станут на него мнози жалобы, и яз его обвиню пред вами». Да и посадников наших и бояр отпустил.

И посадники наши сказываютъ псковичем на вечи, что князь великий дар их честно принял, а сердечныя никто же весть, что князь великий здумал на свою отчину, и на мужей псковичь, и на град Псков.

Потом, тоя же зиме, по мале времени, поехал изо Пскова князь псковской Иван Михайлович Репня Оболенъских князей государю великому князю жаловатися на псковичь, что де его псковичи бесчествовали. А тот Репня не пошлиною во Псков приехал да сел на княжении, а не по крестному целованию учал во Пскове жити, а не учал добра хотеть святей Троицы, ни мужем псковичем. Да тот Репня много зла чинил детем боярским и посадничим; и тыя дети боярские да и посадничи здумав себе, что тот Репня князь псковской много зла им чинил, да поехали к великому князю жаловатися на князя Ивана Михайловича на Репню.

Потом того же времени, посадники псковскиа здумав со псковичи такову думу, а не на пользю себе думаша, учаша грамоты писати по пригородом да и по волостем, а ркучи так: «Аще который человек, каков ни буди, а жаловался на князя, и вы бы ехали къ государю великому князю в Великий Новгород, противу его бити челом».

На той же недели поехал Левонтей посадник бити челом на посадника на Юрья на Копыла. И поехал Юрьи в Новгород противу его отвечивать и тамо тягалися. И Юрьи посадник прислал грамоту свою из Великого Новагорода ко Пскову,

а у грамоте написано так: аще не поедут посадники изо Пскова говорити противу князя Ивана Репни, ино будет вся земля виновата. И у ту пору псковичем сердце уныло. А на четвертый день по той грамоте поехали к Новугороду 9 посадников да и купецкии старосты всех рядов. А князь великий управы им никакой не дасть, а говорит так: «Копитесе вы, жалобныя люди, на Крещение Господне, и яз вам всем управы подаю». А управы никаковы нет.

Того же времени, месяца генваря въ 6 день, на Крещение Господне, князь великий велел нашим посадником всем копитися да и бояром и купцем и купецким старостам велел ити на реку на водокрестие. А сам князь великий вышол со всеми бояре своими на реку на Волхов, а священники и дьяконы выидоша со скресты, в той день приспел бо празник Крещениа Господня. А владыка в то время не бысть на Новегороде, а крестил воду владыка смоленьской да священники; и, воду окрестив, да пошли ко святей Софеи.

И князь великий велел своим бояром по своей думе, как себе здумали. Да нашим посадником да и людем тем учали говорити: «Посадники псковские, и бояре, и жалобныя люди, государь велел всем вам копитися на государьской двор исполна; а кой не поидет, ино боялся бы государевы казни, занеже государь хочет всем управу дати».

И посадники псковьскиа и бояре с одного пошли с воды на владычень двор. И бояре посадников спросили: «Уже ли есте сполна скопилися?» И посадников, и бояр, и купцов увели в полату, а молодшиа люди на дворе стояли. И влезли в полату, и бояре *рекоша* посадником и бояром и купцом псковским: «Поимани де естя Богом и великим князем Васильем Ивановичем всеа Русии». И туто посадники седеша и до своих жон, а молодших людей переписав и подаваша наугородцом по улицам беречи и кормити до управы.

И переняше псковичи полоняную свою весть от Филипа от Поповича от купчины от псковитина, а он ехал к Новугороду и стал у Веряжи, и услышав злу весть, и оставя товар, и погонил ко Пскову, и сказал псковичам, что князь великий посадников наших и бояр и жалобных людей переимал. И нападе на них страх и трепет, и таковыя смяги пришли на их уста, и многажды приходили немцы ко Пскову, а таковыя беды и сухоты не бывало.

И вечь поставя, начаша думати, ставит ли щит против государя, запиратися ли во граде? Ино помянуша крестное целование, что не мощно рука воздвигнути против государя, а посадники и бояре и лутчие люди вси у него. И послаша псковичи к великому князю гонца своего Еустафья соцкого бити челом великому князю со слезами, от мала и до велика, чтобы — «Ты, государь нашь князь великий Василей Иванович, жаловал свою отчину старинную». И у великого князя своя мысль, чего ради поехал

с Москвы и Великий Новгород, что ему превратити Псков на свои пошлины.

И посла князь великий своего дьяка Третьяка Долматова, и псковичи обрадовалися от государя жалованья старины. Яже Третьяк им на вече и первую новую пошлину, поклон от великого князя: «Чтобы деи отчина моя посадники псковские и псковичи, тольке хотите еще въ старины прожить, и вы бы есте две воли мои изволили: ино бы у вас вечья не было да и колокол бы есте сняли долой вечной, а здеся бы быти двем наместником, а по пригородам наместнику же быти, и вы ещо проживете въ старине. А только тех дву воль государю не изволите и не сотворите, ино как государю Бог по сердцу положить, ино у него много силы готовой, ино тое кровопролитие на тех будет, хто государевы воли не сотворить. Да государь нашь князь великий хочеть побывати на поклон къ святей Троицы во Псков». Да тое отговорив да сел на степени.

И псковичи ударили челом в землю и не могли противу его отвечати, ано исполнися бяше очи слез, что в сесцу матере своея, но и токмо тыя слез не испустили, но не в разум и младе суще; толке ему отвечали: «Посол государев, дасть Богъ заутра и мы себе подумаем, да тебе о всем откажем». А псковичи туто горко заплакали. Како ли не упали зеницы со слезами вкупе, како ти не урвалося сердце от корени!

Наутриа, свитающи дни недельну, и позвониша вечье, и вшол Третьякъ в вечье, и посадники псковскии и псковичи начаша ему говорити тако: «В нас написано в летописцех с прадеды его и з деды и со отцем его крестное целование с великими князьми положоно, что нам псковичам от государя своего великого князя, кой ни будеть на Москве, и нам от него не ити ни в Литву, ни в Немцы; а нам жити по старине в добровольи. А мы псковичи отъидем от великого князя в Литву или в Немцы, или о себе учнем жити без государя, ино на нас гнев Божий, глад и огнь и потоп и нашествие поганых. А государь нашь князь великий тое крестное целование не учнеть на собе доржати, ино на него тот же обеть, который на нас, коли нас не учнеть доржати в старине. А ныне Бог волен да государь въ своей вотчине, во граде Пскове, и в нас, и в колоколе нашем, а мы прежнего целованиа своего и проклятья не хотим изменити и на себе кроволитиа приняти, и мы на государя своего руки подняти и в городе заперетися не хотим. А государь нашь князь великий хочеть живоначальней Троицы помолитися, в своей отчине побывати во Пскове, и мы своего государя ради всем сердцем, чтобы нас не погубил до конца».

Месяца генваря въ 13, на память святых мученик Ермолы и Страстоника, спустиша вечной колокол святыя живоначальныя Троица, и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старине и по своей воли. И повезоша его на Снетогорской двор к Ивану Богослову, где нонма наместнич двор; тоя же

нощи повезоша Третьяк вечной колокол к великому князю в Новгород.

И того же месяца, за неделю приезда великого князя, приехаша воеводы великого князя с силою: князь Петр Великой, Иван Васильевич Хабар, Иван Андреевич Челяднин,— и поведоша псковичь к целованью, а посадником сказаша, что князь великий будет в пятницу.

Поехаша посадники псковскиа, и бояре, и дети посадничьи, и купцы на Дубровно стречати государя великого князя.

Месяца генваря въ 24, на память преподобныя матере нашея Аксеньи, в день в четверг приехал государь нашь князь великий Василей Иванович всеа Русии во Псков. А того дни порану приехал владыка коломеньской Васьян Кривой, и хотяше великого князя встретити священноиноки, и священники, и дьяконы у Образа святого в Поли; и владыка молвил, не велел деи собя князь великий стречати далече. А псковичи сретоша его за три версты, и вдариша псковичи государю своему в землю челом, и государь упросил в них здравия, и псковичи ему молвиша: «Ты государь нашь князь великий, царь всеа Русии, здрав был».

И поехал во Псков, и сретиша его владыка, кои с ним приехал, и священноиноки, и священники, и дьяконы на Торгу, где ныне площадь; а сам князь великий слез с коня во всемилостиваго Спаса, туто же и благословил его владыка, и пошол ко святей живоначальней Троицы. И пеша молебен и многолетьство кликаша государю; и благословляя владыка его: «Бог деи, о государь, благословляет Псков вземши». И кои псковичи были у церкви и то слышели, и заплакали горко: «Бог волен да государь, отчина есме его была изстари отцов его, и дедовь его, и прадедов его».

И велел в неделю быти у собя князь великий псковичем, псковским и старым посадником, и детем посадничим, и бояром, и купцом, и житьим людем: «Яз вас хощу жаловати своим жалованием». И поидоша псковичи от малы и до велика на великого князя двор. И посадники и бояре придоша въ гридню, а инех на крыльце стоя князь Петр Васильевич по переписи почал кликати бояр и копцов псковских. И кои вошли в гридню, то тех всех за приставы подаваша; а псковичем молощим людем, кои на дворе стояли, отвечаша: «До вас государю дела нет, а до которых государю дело есть, и он тех к себе емлет, а вас государь пожалует грамотою своею жаловальною, как вам впредь прожити».

И подаваша тех за приставы, кои были в гридне, и поидоша за приставы по подворьям, и начаша скручатися к Москве тое нощи, з женами и з детми, и животы легкие взяша с собою, а то все пометаша и поехаше вборзе с плачем и рыданием многим. Да и тех жены поехали, кои в Новегороде засажены. И взяша псковичь всех 300 семей.

И тогда отъятца слава псковская!

О славнейший во градех — великий Пскове! Почто бо сетуеши,

почто бо плачеши? И отвеща град Псков: «Како ми не сетовати, како ми не плакати! Прилетел на мене многокрильный орел, исполнь крыле нохтей, и взя от мене кедра древа ливанова. Попустившу Богу за грехи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град нашь разорися, и люди наши плениша, и торжища наша раскопаша, а иные торжища калом коневым заметаша, а отца и братию нашу розведоша, где не бывали отцы наши и деды ни прадед наших, тамо отцы и братию нашу и други наша сведоша, а матери и сестры наша в поругание даша».

А иные во граде мнози постригахуся в черньцы, а жены у черницы, и в монастыри поидоша, не хотяще в полон поити от своего града во иные грады.

Ныне же се, братие, ведуще, убоимся прещениа сего страшнаго, припадем к Господу своему, исповедающеся грехов своих, да не внидем в *большей* гнев Господень, не наведем на ся казни горши первой. А еще ждеть нашего покаяния и обращениа, а мы не покаяхомся, но на большой грех превратихомся, на злыя и лихия поклепы и у вечьи кричание, а не ведуще глава, что язык глаголеть, не умеющу своего дому строити, а градом наряжати.

И по сем князь великий нача давати деревни бояром сведеных псковичь, и посади наместники на Пскове: Григорья Федоровича да Ивана Ондреевича Челяднина, и дьяком Мисюра Мунохина, и другим дьяком ямским Ондрея Волосатого, и 12 городничих, и старост московских 12, и пскович 12, и деревни им даша; а велел им в суду седети с намесники и сь их тиуны, правды стеречи. И у намесников, и у их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетело на небо, и кривда начаша в них ходити; и быша немилостивы до псковичь, а псковичи, бедныя, не ведаша правды московския. И даша князь великий свою грамоту жаловальную псковичам, и посла князь великий своих намесников по пригородом, и велел им пригорожан приводити к целованию; и начаша пригородцкие намесники пригорожаны торговати.

И посла князь великий к Москвы Петра Яковлевича Захарьина Москве всей здоровати, что князь великий Псков взял. И прислаша во Псков с Москвы добрых людей, гостей тамгу устанавливати ново, занеже во Пскове тамга не бывала; и прислаша с Москвы пищальников казенных и воротников; и даша место, где торг ставити новой, вон стены, противу Лужьских ворот, за рвом, на Юшкове огороде Носохина, да на Григорьеве посадникове садники Кротова. Да и церковь постави князь великий святую Оксенью, которой день Псков взял, на Пустой улицы въ Ермолкине садники Хлебникове; а потому та улица Пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было. И жил князь великий 4 недели во Пскове, а поехал на другой недели поста в понедельникъ изо Пскова; и другой колокол с собою взяша; а оставил здесь детей боярских 1000, а пищальников новгородцких 500.

И начаша намесники над псковичами силу велику чинити, а при-

ставы их начаша от поруки имати по 10 рублев, и по 7 рублев, и по 5 рублев. А псковитин хто молвит великого князя грамотою, а написано, что им от поруки имати, и они того убили, а говорили: «То де тобе, смерд, великого князя грамота». И тые намесники, их тиуны и люди пиша изо псковичь крови много; а кои иноземцы жили во Пскове, и те разыдошася во своя земля, ано не мочно во Пскове жити, только одны псковичи осташа: ано земля не растулитца, а уверх не взлететь.

ПОВЕСТЬ О ПСКОВСКОМ ВЗЯТИИ

(Перевод)

Взятие Пскова. В год 7018 (1510), месяца октября в 26 день, на память святого Дмитрия, великий князь Василий Иванович[1] со своим братом, удельным князем Андреем, и со своими боярами приехал в свою вотчину, в Великий Новгород.

Псковичи услыхали, что государь великий князь Василий Иванович в Великом Новгороде, и послали послов своих в Великий Новгород: посадника Юрия Елисеевича, посадника Михаила Помазова и бояр от каждого из концов. И поднесли псковичи великому князю Василию Ивановичу в дар полтораста рублей новгородских, и просили о милости и заступничестве за свою вотчину, мужей-псковичей, добровольных людей: «Обижены мы твоим наместником, а нашим князем Иваном Михайловичем Репней[2] и его наместниками в псковских городах и их людьми».

А великий князь отвечал нашим посадникам: «Я вас, свою вотчину, буду жаловать и оборонять, как отец наш и деды наши, великие князья. А что до наместника моего, а вашего князя Ивана Михайловича Репни, то как только поступят на него многие жалобы, я его призову к ответу перед вами». С тем и отпустил посадников наших и бояр.

И посадники наши сказали на вече псковичам, что князь великий, как подобает, дар их принял, а тайных мыслей никто не знает, что князь великий задумал против своей вотчины и мужей-псковичей и града Пскова.

Затем, этой же зимой, немного времени спустя, поехал из Пскова псковский князь Иван Михайлович Репня, из князей Оболенских, жаловаться государю великому князю на псковичей, что-де его псковичи бесчестили. А тот Репня не по старине приехал в Псков и сел на княжение не так, как исстари повелось, и начал править в Пскове не по крестному целованию, и не хотел добра ни дому святой Троицы[3], ни мужам-псковичам. Тот Репня много зла чинил детям боярским и посадничьим, и те дети боярские и посадничьи, вспомнив, сколько зла причинил им этот Репня, князь псковский, поехали к великому князю жаловаться на князя Ивана Михайловича Репню.

А в это время посадники псковские задумали с псковичами такое

дело,— и не на пользу себе придумали,— начали писать грамоты в пригороды и в волости, говоря так: «Если кто из людей, кто бы ни был, обижен князем, то пусть едет к государю великому князю в Великий Новгород жаловаться на него».

На той же неделе посадник Леонтий поехал жаловаться на посадника Юрия Копыла. И Юрий поехал в Новгород отвечать на его обвинения, и там судились. И Юрий-посадник прислал грамоту из Великого Новгорода в Псков, а в грамоте было написано, что если не поедут посадники из Пскова свидетельствовать против князя Ивана Репни, то будет вся земля виновата. И уныли тогда сердца псковичей. А на четвертый день после получения той грамоты поехали в Новгород девять посадников и купеческие старосты всех рядов. Но князь великий дел их не разобрал, а сказал так: «Собирайтесь все, кто приехал с жалобами, ко дню Крещения Господня, и я разберу ваши дела». А распоряжений никаких больше нет.

В то же время, месяца января в 6 день[4], на Крещение Господне, великий князь велел собраться всем нашим посадникам, а также боярам, купцам и купеческим старостам и идти на реку на освящение воды. А сам великий князь вышел со всеми боярами своими на реку Волхов, и вышли священники и дьяконы с крестами, ибо в тот день был праздник Крещения Господня. А владыки в то время не было в Новгороде, и святил воду владыка смоленский и священники. И, оставив воду, пошли все ко святой Софии.

А князь великий велел боярам своим делать все так, как они задумали. И те начали говорить нашим посадникам и остальным людям: «Посадники псковские, и бояре, и челобитчики, государь велел вам всем до единого собраться на государев двор; а если кто не пойдет, то пусть боится государева наказания, ибо государь хочет разобрать все ваши дела».

И псковские посадники и бояре, все до единого, пошли после освящения воды на двор владыки. И спросили бояре посадников: «Все ли уже собрались?» И увели посадников, и бояр, и купцов в палату, а младшие люди остались на дворе. И вошли все в палату, и сказали бояре посадникам, и боярам, и купцам псковским: «Задержаны вы Богом и великим князем Василием Ивановичем всея Руси». И сидели тут посадники до прибытия своих жен, а младших людей[5] переписали и распределили по улицам, приказав новгородцам стеречь и содержать их до суда.

Известие о пленении своих псковичи получили от Филиппа Поповича, псковского купца. Он ехал в Новгород и остановился у Веряжи[6], и, услышав злую весть, помчался в Псков, оставив товар, и сказал псковичам, что великий князь посадников наших, и бояр, и всех челобитчиков схватил. И нашел на всех страх и трепет, и губы пересохли от скорби: много раз немцы приходили к Пскову, но такой беды и напасти не бывало.

И, созвав вече, начали думать, выступить ли войной против государя или запереться в городе? Однако вспомнили крестное

целование — нельзя поднимать руку на государя,— и то, что посадники и бояре и все лучшие люди у него. И послали псковичи к великому князю своего гонца, сотского Евстафия, со слезами бить челом великому князю от всех псковичей — от мала и до велика,— чтобы: «Ты, государь наш великий князь Василий Иванович, помиловал свою вотчину старинную». А у великого князя своя мысль; ради того он и приехал из Москвы в Великий Новгород, чтобы установить в Пскове свои порядки.

И послал великий князь своего дьяка Третьяка Долматова, и псковичи обрадовались, ожидая подтверждения от государя старых порядков. А Третьяк им на вече передал просьбу великого князя, первое новое установление: «Если вы, вотчина моя, посадники псковские и псковичи, еще хотите по-старому пожить, то должны исполнить две мои воли: чтобы не было у вас веча, и колокол бы вечевой сняли долой, и чтобы в Пскове были два наместника, а в пригородах по наместнику,— и тогда вы еще поживете по-старому. А если этих двух повелений государя не примете и не исполните, то будет так, как государю Бог на сердце положит; а у него много силы готовой, и тогда прольется кровь тех, кто государевой воли не исполнит. И еще государь наш великий князь хочет приехать на поклон к святой Троице в Псков». И, проговорив это, сел на ступени.

А псковичи поклонились до земли и не могли ничего ему ответить, ибо очи их полны были слез, как молоком грудь матери, и лишь те слез не пролили, кто был неразумен и молод; только ответили ему: «Посол государя, с Божьей помощью, утром, подумав между собой, мы тебе ответим на все». И заплакали тут горько псковичи. Как не выплакали они глаз вместе со слезами, как не разорвалось их сердце!

Наутро, когда наступил день воскресный, позвонили на вече и пришел на вече Третьяк, и посадники псковские и псковичи начали ему говорить так: «Написано в наших летописцах, при прадедах его и дедах, и при отце его крест целовали великим князьям, что нам, псковичам, от государя своего великого князя, какой ни будет на Москве, не отходить ни к Литве, ни к Неметчине, а жить нам по старине по своей воле. А если мы, псковичи, отойдем от великого князя к Литве или к Неметчине или начнем жить сами по себе, без государя, то будет на нас гнев Божий, голод, и огонь, и потоп, и нашествие поганых. А если государь наш великий князь не сдержит то крестное целование и не станет нами править по старине, то и на него та же кара падет, что и на нас. А ныне Богу и государю дана воля над их вотчиной, градом Псковом, нами и колоколом нашим, а мы прежнего обещания своего и клятвы не хотим изменить, и кровопролитие на себя взять, и не хотим на государя своего руки поднимать и в городе запираться. А если государь наш великий князь хочет помолиться в живоначальной Троице[7]

и побывать в своей вотчине Пскове, то мы своего государя рады принять всем сердцем, чтобы нас не погубил до конца».

Месяца января в 13 день, на память святых мучеников Ермолая и Стратоника, спустили вечевой колокол со святой живоначальной Троицы, и начали псковичи, глядя на колокол, плакать по своей старине и прежней воле. И повезли его на Снетогорский двор, к церкви Иоанна Богослова, где ныне двор наместника; в ту же ночь повез Третьяк вечевой колокол к великому князю в Новгород.

И в тот же месяц, за неделю до приезда великого князя, приехали воеводы великого князя с войском: князь Петр Великий, Иван Васильевич Хабаров, Иван Андреевич Челяднин — и повели псковичей к крестному целованию, а посадникам сказали, что великий князь будет в пятницу.

Поехали посадники псковские, и бояре, и дети посадничьи, и купцы на Дубровно[8] встречать государя великого князя.

Месяца января в 24 день, на память преподобной матери нашей Аксиньи, в четверг, приехал государь наш великий Василий Иванович всея Руси в Псков. А утром того дня приехал коломенский владыка Вассиан Кривой, и хотели священноиноки, и священники, и дьяконы встретить великого князя у церкви Святого образа в Поле, но владыка сказал, что великий князь не велел встречать его далеко. И псковичи встретили его за три версты, и поклонились псковичи государю своему до земли, и государь поздоровался с ними, и псковичи ему молвили в ответ: «Ты, государь наш великий князь, царь всея Руси, здрав будь».

И поехал он во Псков; и владыка, что с ним приехал, и священноиноки, и священники, и дьяконы встретили его на Торгу, где ныне площадь; а сам великий князь слез с коня у церкви всемилостивого Спаса, тут и благословил его владыка, и пошел он к святой живоначальной Троице. И отслужили молебен, и пели многолетие государю, и, благословляя его, владыка сказал: «Бог, государь, благословляет тебя, взявшего Псков». И псковичи, которые были в церкви и это слышали, заплакали горько: «Бог волен и государь, мы были исстари вотчиной его отцов, и дедов, и прадедов его».

И велел великий князь быть у себя в воскресенье псковичам, старым псковским посадникам, и детям посадничьим, и боярам, и купцам, и житьим людям[9]: «Я хочу пожаловать вас своим жалованьем». И пошли псковичи от мала и до велика на двор великого князя. Посадники и бояре пошли в гридницу[10], а других бояр и купцов псковских князь Петр Васильевич начал выкликать по переписи, стоя на крыльце. А тех, кто вошел в гридницу, взяли под стражу, а псковичам, младшим людям, кто стоял на дворе, сказали: «До вас государю дела нет, а до которых государю дело есть, он тех к себе позовет, а вам государь пожалует грамоту, где сказано, как вам впредь жить».

И взяли под стражу тех, кто был в гриднице, и под стражей пошли

они в свои дворы, и в ту же ночь начали собираться с женами и детьми к отъезду в Москву, поклажу легкую взяв с собою, а остальное все бросили и поехали вскоре с плачем и рыданиями многими. И еще поехали жены тех, кто был посажен в Новгороде. И всего было взято триста псковских семей.

И так прошла слава псковская!

О славнейший среди городов — великий Псков! О чем сетуешь, о чем плачешь? И отвечал град Псков: «Как мне не сетовать, как мне не плакать! Налетел на меня многокрылый орел, а крылья полны когтей, и вырвал у меня кедры ливанские. Бог наказал нас за грехи наши — и вот землю нашу опустошили, и город наш разорили, и людей в плен взяли, и торги наши с землею сровняли, а иные навозом конским забросали, а отцов и братьев наших развезли; где не бывали наши отцы, и деды, и прадеды наши, туда увезли отцов, и братьев наших, и друзей, а матерей и сестер наших на поругание отдали».

А многие постриглись в монахи, а их жены в монахини, и ушли в монастыри, не желая идти в плен из своего города в чужие города.

Ныне, братья, зная об этом, убоимся этого страшного наказания, преклонимся перед Господом своим и признаемся в грехах своих, чтобы не вызвать большего гнева Господня, не навести на себя казни, горше первой. Ждет он нашего покаяния и исправления, а мы не покаялись, но в больший грех впали — в злые и лихие поклепы и кричание на вече, когда голова не знает, что язык говорит, не умея в своем доме распорядиться, хотели городом управлять.

После этого великий князь начал раздавать боярам деревни сведенных псковичей и посадил наместников в Пскове: Григория Федоровича и Ивана Андреевича Челядниных, а дьяком назначил Мисюря Мунехина, а другим дьяком ямским Андрея Волосатого, и двенадцать городничих, и московских старост двенадцать и двенадцать псковских, и деревни им дал, и велел им в суде сидеть с наместниками и их тиунами[11], хранить закон. А у наместников, и их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетела на небо, а кривда начала ходить в них; и были несправедливы к псковичам, а псковичи, бедные, не знали правосудия московского. И дал великий князь псковичам свою жалованную грамоту, и послал великий князь своих наместников по псковским городам, и велел им приводить жителей к крестному целованию. И начали наместники в псковских городах жителей притеснять.

И послал великий князь в Москву Петра Яковлевича Захарьина поздравить всю Москву по случаю взятия великим князем Пскова. И послали в Псков из Москвы знатных людей, купцов, устанавливать заново пошлины, потому что в Пскове не бывало пошлин; и прислали из Москвы казенных пищальников[12] и караульных; и определили место, где быть новому торгу — за стеной, против Лужских ворот, за рвом, на огороде Юшкова-

Насохина и на огороде посадника Григория Кротова. И церковь святой Аксиньи, в день памяти которой взят Псков, поставил великий князь на Пустой улице, на земле Ермолки Хлебникова, а потому та улица Пустой звалась, что шла меж огородов, а дворов на ней не было. И жил великий князь в Пскове четыре недели, а поехал из Пскова на второй неделе поста в понедельник, и взял с собою второй колокол, а оставил здесь тысячу детей боярских[13] и пятьсот пищальников новгородских.

И начали наместники над псковичами чинить великие насилия, а приставы начали брать за поручительство по десять, семь и пять рублей. А если кто из псковичей скажет, что в грамоте великого князя написано, сколько им за поручительство, они того убивали и говорили: «Вот тебе, смерд, великого князя грамота». И те наместники и их тиуны и люди выпили из псковичей много крови; иноземцы же, которые жили в Пскове, разошлись по своим землям, ибо нельзя было в Пскове жить, только одни псковичи и остались: ведь земля не расступится, а вверх не взлететь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Василий Иванович* (1479—1533) — великий князь московский, сын Ивана III, отец Ивана IV Грозного. При нем произошло подчинение Москве Пскова (1510), Смоленска (1514), Рязани (1521).

[2] *Иван Михайлович Репня-Оболенский* — наместник великого князя московского в Пскове с 1509 по 1510 г.

[3] Патрональным храмом Пскова был Троицкий собор. Псков назывался «Домом святой Троицы».

[4] *Января в 6-й день* — в Древней Руси год начинался 1 сентября, поэтому январь обозначается под тем же годом, что и ранее названный октябрь.

[5] *Младшие люди* — более низкие по званию и социальному положению, чем посадники.

[6] *Веряжа* — западный приток озера Ильмень.

[7] См. примечание 3.

[8] *Дубровно* — село на границе новгородских и псковских земель по дороге из Пскова в Новгород.

[9] *Житьи люди* — землевладельцы менее высокого ранга, чем бояре.

[10] *Гридница* — здесь: помещение, в котором проходил княжеский суд.

[11] *Тиун* — здесь: лицо, занимавшееся первичным разбором судебных дел.

[12] *Пищальник* — воин, вооруженный огнестрельным оружием — пищалью.

[13] *Дети боярские* — слуги князя, служилые военные люди.

Сказание о князьях Владимирских

«Сказание о князьях Владимирских» — литературно-публицистический памятник, созданный в 20-х годах XVI в., играл большую роль в политической борьбе за укрепление авторитета великокняжеской, а затем и царской власти. В основе «Сказания» лежат легенды о происхождении великих русских князей от римского императора Августа и о даре Владимиру Мономаху царских регалий византийским императором Константином Мономахом. «Сказание» первой редакции сопровождается родословной литовских князей, в основу которой положена фантастическая легенда о происхождении первого князя литовского Гедимина. В 10—20-х годах XVI в., когда велась упорная борьба с Литвой за пограничные земли, эта часть произведения имела актуальное политическое значение.

Идеи «Сказания» были использованы в дипломатических спорах при Василии III и Иване IV. Легенда о происхождении русских великих князей от Августа была привлечена составителями Воскресенской летописи, позднее помещена как вступительная статья к «Государеву родословцу» 1555 г., включена в «Степенную книгу». Текст «Сказания» был вновь переработан в связи с подготовкой венчания на царство Ивана IV, в результате чего появилась его вторая редакция, из которой родословие литовских князей было исключено. Рассказ о получении Владимиром Мономахом царских регалий был использован как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г.

Текст и перевод «Сказания» первой редакции печатаются по изданию: ПЛДР. 6. С. 422—435.

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

(Древнерусский текст)

Сказание о великих князех Владимерских Великиа Русия

От история Ханаонава и предела рекома Арфаксадова, перваго сына Ноева рожьшагося по потопе. По отца своего Ноя благословению разделися вся вселенная на три чясти трем сыном его: Симу, Хаму и Афету. Извержеся от нерадениа Хам от благословиниа отца своего Ноя, зане не покры наготы отца своего Ноа, упившася вином. Егда истрезвися Ной от вина и вразуме, елико сътвори ему сын его меньший, и рече: «Проклят буди Хам, да будет раб братома своима». И благослови дву сынов своих Сима и Афета, иже покрыша наготу отца своего опаки зрящи, наготы же не видеша. И благослови Симова сына Арфаксада, яко да вселится в пределах Ханаоновых. И родишася ему две близняте: первому имя Мерсем, второму Хус, — сии начялницы Египту. И умножившимся от них родом по коленом. Отлучися Хус во глубочайшая страны Иньдея и разпространися тамо на востоце; Мерсу же умножишася племена даже до сей страны. Афету же излишая племена от северных стран даже и до полунощиа. И воста некий началник того же рода именем Фарис в Калаврийских странах и созда град во имя свое именем Арфакса. Правнук же его именем Гайдуварий, сей первый написа астрологию въ Асирии в пределах Симовех, и по сем Сеостр. Сей же Сеостр первее всех на земли въцарися в Египте, и по колену его многая лета преминушя. И от его роду нача царствовати Филикс, и тъй пообладa вселеньною. По Филиксе же, многим летом минувшим, воста некий царь в Египте от того же рода именем Нактанав влъхв, сей роди Александра Макидоньскаго от Алимъпияды; жены Филиповы. Сей вторый пообладa вселенною лет 12, и всех лет живота его 32, скончася и предаде Египет ряднику своему Птоломею. Мати же Александрова по смерти сына своего возвратися къ отцу своему Фолу, царю ефиопьскому. Фол же

вдаст ю ко второму браку за Виза, сродника Нектонавова. Виз же роди от нея дщерь и нарече ю́ Аньтия, и созда град в Сосвенех, и нарече имя граду в свое имя и в дщери своея Визаньтия, иже ныне именуем Царьград. От Александра Макидоньскаго до Птоломеа Прокаженаго премину Птоломеев 22.

Птоломей же Прокаженый име дщерь премудру именем Клеопатру, и та правяше Египетьское царство под отцем своим Птоломеем. И в то время Иулие, кесарь римъский, посла зятя своего Антонина, стратига римъскаго, на Египет воиньством. Антонину же пришедшу со многими вои по суху и по морю на брань Египту. Посла же Клеопатра ко Антонину, стратигу римскому, послы своя со многими дарми, глаголющи: «Веси ли, о стратиже, египетьское богатьство? Лутше ми есть с покоем царствовати, нежели с малоумьем излияти крови человеческиа». Умили же ся Антонин и приял Египет без крови, и посяже за нь царица Клеопатра премудраа; и въцарися Антонин въ Египте. И услышав Иулие, кесарь римъский, Антониново презорство, и постави брата своего Августа стратигом над ипаты, и посла его с четыре браты своими и со всею областью римскою на Антонина. И пришед Август, взят Египет, и уби зятя своего Антонина, сам седе вь Египте. Взят же и Клеопатру царицу, дщерь Птоломеа Прокаженаго, и посла ю́. в Рим в кораблех со многим богатством египетским и Клеопатру. Она же глаголющи: «Лутши ми есть царици египетьской смерть прияти, нежели пленьницею приведеной быти в Рим»; и умори себе ядом аспидовым.

Восташа же на Улия ипаты: Врутос, и Помъплий, и Крас, и убиста его в Риме. И скоро прииде весть къ Августу вь Египет о Улиеве смерти; и опечалися зело о братне смерти. И скоро созва вся воеводы, и чиноначялники, и нумеры, и препоситы, и возвещает им смерть Иулия, кесаря римъскаго. Они же единогласно реша, римляне и египтяне: «О преславный стратиже, Улия кесаря брата твоего от смерти въставити не можем, а твое величество веньчяем венцем римъскаго царства». И облекоста его во одежду Сеострову, начялнаго царя Египту, в порфиру и висон, и припоясаста его поясом дерьмлидом, и возложиста на главу его митру Поря, царя иньдейскаго, юже принесл Александр Макидоньский от Иньдиа, и приодеша его по плещема окроиницею царя Филикса, владущаго вселенною, и рядостне въскликнушя велиим гласом: «Радуйся, Августе, царю римъский и всеа вселенныа!»

В лето 5457 Августу, кесарю римъскому, грядущу въ Египет с своими ипаты, яже бе власть египетьская рода суща Птоломеева. И срете его Ирод Антипатров, творя ему велие послужение вои, и пищею, и дарми. Предаде же Бог Египет и Клеопатру в руце Августу. Август же начят дань подкладати на вселенней. Постави брата своего Патрикиа царя Египту; Августалиа, другаго брата своего, постави Александрии властодержца; Ирода же Антипатрова асколонитянина за многия ради его почести постави царя над иудеи въ Иерусалиме; Асию же

поручи Евлагерду, сроднику своему; Алирика же, брата своего, постави в поверъшии Истра; и Пиона постави во Отоцех Златых, иже ныне наричются Угрове; а Пруса, сродника своего, в брезе Вислы реце во граде Марборок, и Турн, и Хвоини, и пресловый Гданеск, и ины многи грады по реку, глаголемую Немон, впадшую в море. И жит Прус многа времена лет и до четвертаго роду; и оттоле и до сего времяни зоветься Прусьская земля.

И в то время некий воевода новгородьцкий именем Гостомысл скончевает свое житье и созва вся владелца Новагорода и рече имъ: «О мужие новгородьстии, совет даю вам яз, яко да пошлете в Прусьскую землю мужа мудры и призовите от тамо сущих родов к себе владелца». Они же шедше в Прусьскую землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суща от рода римъскаго Августа царя. И молиша князя Рюрика посланьницы от всех новгородцов, дабы шел к ним княжити. Князь же Рюрик прииде в Новъгород, имея с собою два брата: единому имя Трувор, а второму Синеус, а третий племянник его именем Олег. И оттоле наречен бысть Великий Новград; и начя княз великий Рюрик первый княжити в нем.

А великого князя Рюрика четвертое колено великий княз Володимер, иже просветил Русьскую землю святым крещеньем в лето 6496. А от великого князя Владимира четвертое колено княз великий Владимир Всеволодич Манамах, правнук. Егда седе в Киеве на великом княжении, совет начят творити съ князми своими и съ боляры и велможи, тако рек: «Егда аз мал есмь преже мене царствовавших и хоругви правящих скипетра великиа Русиа, яко же князь великий Олег ходил и взял съ Цариграда великую дань на вся воа своа и здрав въсвояси возвратися; и потом Всеслав Игоревич, княз великий, ходил и взял на Коньстянтине граде тяжьчайшую день. А мы есмя Божиею милостью настолницы своих прародителей и отца моего великого князя Всеволода Ярославичя и наследницы тоя же чести от Бога. Ныне съвета ищу от вас, моея полаты князей, и боляр, и воевод, и всего христолюбиваго воиньства; да превознесется имя святыа живоначалныа Троици вашея храбрости могутьством Божьею волею с нашимъ повелением; и кий ми совет против воздаете?» Отвещаста же великому князю Владимиру Всеволодичю его князи, и боляре, и воеводы: «Сердце царево в руце Божьи, и мы вси есмо в твоей воле». Княз же великий Владимир събирает воеводы благоискусны и благоразумны и поставляет чиноначалники над различными воиньствы — тысущники, сотники, пятдесятники над различными чинми боренья; и съвокупи многия тысяща воиньства, и отпусти их на Фракию, Цариграда области; и плениша я́ доволно и возвратишася съ многим богатеством.

Тогда бе въ Цариграде благочестивый царь Констянтин Манамах, и в то время брань имея с пе́рсы и с латыною. И съставляет совет мудре и царьски, отряжает послы к великому князю

Владимиру Всеволодичю: Неофита митрополита ефесьскаго и с ним два епископа, милитиньска и митилиньска, и стратига Антипа антиохийскаго, игемона иерусалимъскаго Еустафия, и иных своих благородных. От своея же выя снемлет животворящий крест от самого животворящаго древа, на нем же распятся владыка Христос. Снемлет же от своея главы венець царьский и поставляет его на блюде злате. Повелевает же принести крабьицу сердоликову, из нея же Августия, царь римъский, веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше, и чепь от злата аравьска иськовану, и ины многи дары царьскиа. И предаде их митрополиту Неофиту сь епископы и своим благородным посланником, и посла их к великому князю Владимиру Вселодичю, моля его и глаголя: «Прийми от нас, о боголюбивый благоверный княже, сиа честныа дарове, иже от начатка вечных лет твоего родьства и поколенья царьский жребий, на славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствиа. И о нем же начнут тя молити наши посланницы, что мы от твоего благородиа просим мира и любве, яко церкви Божьа безмятежна будет, и все православие в покои пребудет под сущею властью нашего царства и твоего волнаго самодержавъства великиа Русиа, яко да нарицаешися отселе боговенчаньный царь, венчан сим царьским венцем рукою святейшаго митрополита кир Неофита съ епископы». И от того времени княз великий Владимир Всеволодичь наречеся Манамах, царь великиа Русия. И пребысть потом прочаа времена съ царем с Констянтином в смирении и любве.

И оттоле и доныне тем венцем венчаются царским велиции князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Коньстянтин Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское.

В царство же Констянтина Манамаха отлучится от Цариграда церкви, и от правыа веры отпаде римъский папа Формос и уклонися в латыньство. Царь же Коньстянтин и святейший патриарх кир Иларие повеле събратися собору в царствующий град — святейшии патриарси александръский, и антиохийский, иерусалимъский. И с их советом благочестивый царь Коньстянтин Манамах съ святым вселеньским собором четырми патриархы, митрополиты и епископы, иереи извергоша папино имя ис поминаней церковных и отлучишя его от четырех патриарх. И от православныа веры отпадша, и от того времене и доныне лытають, нарекошася латына. Мы же, православнии христиане, исповедаем святую Троицу безначялнаго Отца съ единородным Сыном и с пресвятым единосущным и животворящим Духом въ едином Божестве веруем и славим и покланяемся.

Родство великих князей литовъских. В лето 6830 по пленении безбожнаго Батыа избежал от плена его некий князец именем Витянец, рода смоленьских князей, и вселися в Жомоть у некоего бортника. И поят у него дщерь в жену себе и пребысть с нею лет 30 бездетен. И убьен бысть громом.

И последи князя Витенца поят жену его раб его конюшец именем Гигименик. И роди от нея седмь сынов: 1. Нароминтик, 2. Евнутик, 3. Олгердик, 4. Кестутик, 5. Скиригайлик, 6. Корияддик, 7. Мантоник.

Лета 6825 князь Юрьи Данилович московский и князь Михаил Ярославич тверьский поидоша во Орду о великом княженьи володимерском в споре. И князь Михаил Ярославич Тверьский убьен бысть в Орде. Князь Юрьи Данилович прииде из Орды на великое княжение. И виде многи грады запустевшая и людей мало събирающася, печалию одержим бе. По убьении бо князя Михаила Черниговъскаго разьсыпашася измаилтяне по всей земле Русьской, яко птици полеташа. И христианьский род овех мечем закалающе, других же в плен отвожаху, а оставшая смерть и глад погубляше. Сия случишася нам грех ради наших.

Великий же князь начат разсылати по градом и местом собрати оставшаа люди. Посла убо сего Гегименика на Волоскую землю и на Киевъскую и обь сю страну Меньска наполняти пленены грады и веси, у воставших имати дани царьскиа. И с ним посла некоего мужа славна именем Бореика и ины множайших. Сей же реченный Гегименик бе мужь храбр зело и велика разума, начят брати дани на людех и съкровища изыскивати и обогатися зело. И собра к себе множество людей, дая им потребная нескудно, и начят владети многими землями. Назвася от них князь великий Гедиман литовъский Первый великих государей руських князей несъгласьем и междуусобными браньми.

В лето 6859 князь великий Семион Семионович седе на великом княжении володимерьском и московском. В то же лето преставися Гедиман, князь великий литовъский Первый. И по нем седе на великом княжении литовъском сын его первый Наримант. И бысть ему брань съ иноплеменники, и впаде в руце их. В то время бывшу великому князю Ивану Даниловичю в Орде, и окупил князь великий Нариманта у татар и отпустил его к Литве. Он же по своему обету, не дошед своея отчины, крестися, и наречен бысть въ святом крещении Глеб. И того ради братья его не даша ему великого княжениа.

Но седе на великом княженьи брат его Олгерд, а Наримант, брат его, отиде в Великий Новъград, Евнут же вселися, идеже ныне Вильна, а Скиригайло з братом своим с Кестутьем вселишася при некоем озере за 20 поприщ от Вилны. И въста Скиригайло на брата своего Кестутия и уби его. Сын же Кестутев Витовт бежа в немцы и тамо собра себе друзи многи, и пришед оттуду, уби дядю своего Скиригайла и два сына его. И вселися на месте отца своего и дяде своего, и нарече имя месту тому Троки, и совокуписе любовою з дядею своим съ Олгердом. Той бо Олгерд вина не пиаше и велик разум имяше, земля и княженьа притяжа к себе многи и удержа велию власть.

В лето 6858 князь великий Олгерд литовский присла послы своя к великому князю Семиону Ивановичю на Москву со многими

дарми, прося мира и живота братьи своей. Князь же великий Семион пожаловал Олгерда и братью его, Корияда и иных отпустил к нему. И паки прислал Олгерд к великому князю Семиону Ивановичю, прося за себя свести его дочери великого князя Александра Михайловича тверскаго. И князь великий Семион по благословению отца своего Феогнаста, митрополита всеа Русии, вдаст за него свесть свою великую княжну Иулиянию. И родишася от нея сынов седмь: первый Андрей Полътеский, 2. Володимер Бельский, 3. Иван Острожский, 4. Иаков, 5. Легбень Волыньский, 6. Василей Черторижьский, 7. Олерко Киевъский.

Посем время не мало преиде, князь великий Олгерд в недуг впаде и начят сыновом ряд чинити: Иакова сына своего возлюби паче всех и даде ему великое княжение и град Вильну, а прочих сынов своих по уделом устроил. Благоверная же великая княгиня Иулианиа, виде своего мужа Олгерда последнее дышуща, и печаловашеся о спасении его, и созва сыны своа и отца своего духовнаго призва Давида, архимандрита печерьскаго. И увеща своего мужа Олгерда съветом благым и божьим поспешением, сподоби его святаго крещения. И наречен бысть въ святом крещеньи Александр. И последи того великим чином иноческим одеяся и святою схимою великим аггельским образом украсився, и вместо Александра Алексий наречен бысть; и по малех днех преставися, и положиша тело его в церкви святыа Богородици в Вильне, юже сам созда. По сем же супружница его, благоверная княгини Иульяния, немного время пожив, преставися, и в той же церкви погребоша тело ея.

Иаков же, сын Олгердов, впаде в латыньскую прелесть — Ягайло великий князь литовъский, и бысть советник и друг безбожному Мамаю, его же побил за Доном благоверный великий князь Димитрие Ивановичь. Витовт же Кестутьевичь совокупися любовью съ Ягайлом. И по сем Ягайло взят бысть в Краков и коруноваша его кралем польским в Кракове, а на Вильне устави брата своего Витовта. Витовт же устроися на Вильне князь великий литовъский и нача създидати грады многи, заруби Киев и Чернигов, и взят Брянеск и Смоленеск, и приступиша к нему вси князи пограничныа, с вотчинами от Киева даже и до Фоминьского приложишася к Витовту. Сия убо о сих известа суть.

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

(Перевод)

Сказание о великих князьях Владимирских Великой Руси

Из истории Ханаанской[1] и Арфаксада, первого потомка Ноя, родившегося после потопа

По благословению отца Ноя вся вселенная была разделена на три части между тремя сыновьями его — Симом, Хамом

10—811

и Иафетом. За нерадивость был Хам лишен отцовского благословения, потому что не покрыл наготы отца своего Ноя, упившегося вином. Когда отрезвел Ной от вина и узнал, что сделал над ним меньший сын его, то сказал: «Проклят будь Хам, да будешь рабом у братьев своих». И благословил он двух сыновей своих, Сима и Иафета, которые прикрыли отца своего, не глядя на него, чтобы не видеть наготы его. И благословил он Симова сына Арфаксада, чтобы поселился он в земле Ханаанской. И родились у Арфаксада два сына-близнеца: имя одного — Мерсем, другого — Хус, они были основателями Египта. И пошли от них многочисленные потомки по родам их. Хус ушел в дальние пределы Индийской страны, и его потомки оттуда распространились на восток; потомки же Мерса распространились вплоть до нас. Потомки Иафета населили северные страны до дальнего севера. И воцарился некто из того же рода, по имени Фарис, в Калаврийских странах[2] и основал город во имя свое по названию Арфакс. Правнук же его, по имени Гайдуварий, был первым создателем астрологии в Ассирии, во владениях потомков Сима, а после него был Сеостр. Сей же Сеостр самым первым на земле воцарился в Египте, и по потомкам его прошло много лет. Из его рода происходил и Феликс, который обладал всей вселенной. После же Феликса, по прошествии многих лет, воцарился некий царь в Египте, происходивший из того же рода, по имени Нектанав, был он волхв, от него у Олимпиады, жены Филиппа, родился Александр Македонский[3]. Александр был вторым властителем вселенной и обладал ею двенадцать лет, а всего он жил тридцать два года; перед кончиной он передал Египет своему полководцу Птолемею[4]. Мать же Александрова после смерти сына своего возвратилась к отцу своему Фолу, царю ефиопскому. Фол же отдал ее во второй раз замуж за Виза, родственника Нектанава. Виз же родил от нее дочь и назвал Антией; он основал город в Сосвенах и назвал город этот, который теперь именуется Царьградом, по имени своему и своей дочери, Византия. От Александра Македонского до Птолемея Прокаженного насчитывается двадцать два Птолемея.

У Птолемея Прокаженного была дочь премудрая, по имени Клеопатра[5], она правила Египетским царством вместе с отцом своим Птолемеем. И в это время Юлий, кесарь римский[6], послал зятя своего Антония, стратига римского, воевать Египет. Когда Антоний пришел с огромным войском посуху и по морю, чтобы захватить Египет, то Клеопатра послала к Антонию, стратигу римскому, своих послов с богатыми дарами, говоря: «Ведаешь ли, о стратиг, о египетском богатстве? Лучше с миром царствовать, чем в безумье проливать кровь человеческую». Умилосердился Антоний и взял Египет без кровопролития, и вышла за него замуж премудрая царица Клеопатра; и воцарился Антоний в Египте. И Юлий, кесарь римский, услышав о своеволии

Антония, поставил брата своего Августа стратигом над воеводами и послал его с четырьмя другими братьями своими и со всей силой римской на Антония. И, придя, Август покорил Египет и убил зятя своего Антония, а сам воцарился в Египте. Взял он и Клеопатру-царицу, дочь Птолемея Прокаженного, и отправил ее в Рим на кораблях вместе с захваченными великими богатствами египетскими. Она же сказала: «Лучше мне царицей египетской умереть, чем быть приведенной пленницей в Рим» — и уморила себя змеиным ядом.

На Юлия же восстали воеводы Брут, Помпей и Красс и убили его в Риме. И вскоре к Августу в Египет пришла весть о гибели Юлия, и сильно опечалился он при известии о смерти брата. И, не медля, созвал всех воевод, и военачальников, и нумеров, и препоситов[7] и известил их о смерти Юлия, цезаря римского. Они же все, римляне и египтяне, единогласно воскликнули: «О преславный стратиг, Юлия-кесаря, брата твоего, воскресить не можем, а твое величество венчаем венцом римского царства». И облекли его в одеяния Сеостра, первого царя Египта: в порфиру и виссон, и препоясали его поясом дермлидовым, и возложили на голову его митру Пора[8], царя индийского, которую принес Александр Македонский из Индии, и накинули ему на плечи мантию царя Феликса, обладавшего всей вселенной, и дружно воскликнули громким голосом: «Радуйся, Август, царь римский и всей вселенной!»

В год 5457 (51 г. до н.э.) Август, кесарь римский, пошел в Египет, где царствовали правители из египетского рода Птолемеев, со своими воеводами. И встретил его Ирод[9], сын Антипатра, помогая ему с великой охотой и воинами, и пищей, и дарами. И Бог вручил Египет и Клеопатру в руки Августу. Август же начал собирать дань со всей вселенной. Брата своего Патрикия[10] поставил царем Египта; Августалия, другого брата своего, поставил властелином Александрии, Ирода же, сына Антипатра, аскалонитянина, за то, что тот почтил его, поставил царем над иудеями в Иерусалиме; Азию же вручил Евлагерду, родичу своему; Илирика же, брата своего, поставил правителем в верховьях Истра; а Пиона учредил правителем в Золотых землях, которые ныне называются Угорской землей; а Пруса[11], родича своего, послал на берега Вислы-реки в города Мальборк, и Торунь, и Хвоини, и преславный Гданьск, и во многие другие города по реке, называемой Неманом и впадающей в море. И жил Прус очень много лет, до четвертого поколения; и с тех пор до нынешних времен зовется это место Прусской землей.

И вот в то время некий воевода новгородский по имени Гостомысл[12] перед кончиной своей созвал всех правителей Новгорода и сказал им: «О мужи новгородские, советую я вам, чтобы послали вы в Прусскую землю мудрых мужей и призвали бы к себе из тамошних родов правителя». Они пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик[13], который был из римского рода Августа-царя. И умолили князя Рюрика посланцы от всех новгородцев, чтобы шел он к ним княжить.

И князь Рюрик пришел в Новгород вместе с двумя братьями; один из них был именем Трувор, а второй — Синеус, а третий — племянник его по имени Олег[14]. С тех пор стал называться Новгород Великим; и начал первым княжить в нем великий князь Рюрик.

А четвертое колено от великого князя Рюрика — великий князь Владимир[15], который просветил Русскую землю святым крещением в году 6496 (988). А от великого князя Владимира четвертое колено — правнук его Владимир Всеволодович Мономах[16]. Когда сел он на великое княжение в Киеве, то начал советоваться с князьями своими, и с боярами, и с вельможами, так говоря: «Неужели я ничтожнее прежде меня царствовавших и управлявших знаменами царства великой Руси, таких, как князь великий Олег, который ходил и взял с Царьграда большую дань для все воинов своих и благополучно домой возвратился, или как Всеслав Игоревич[17], князь великий, который тоже ходил на Константин-град и еще более тяжелой данью его обложил. А мы, Божьей милостью, наследовали престол своих прародителей и отца своего великого князя Всеволода Ярославича[18]; наследники той же чести от Бога. Ныне жду совета от вас, моего двора князей, и бояр, и воевод, и от всего христолюбивого воинства; да прославится имя святой живоначальной Троицы силой вашей храбрости с Божьей помощью и нашим повелением; какой же вы мне совет дадите?» Так отвечали великому князю Владимиру Всеволодовичу его князья, и бояре, и воеводы: «Сердце царево в руке Божьей, а мы все в твоей власти». Тогда великий князь Владимир собирает воевод умелых и мудрых и ставит начальников над воинскими отрядами — тысячников, сотников, пятидесятников; и, собрав многие тысячи воинов, отправляет их во Фракию, область Царьграда; и завоевали бóльшую часть ее, возвратились с богатой добычей.

В то время правил в Царьграде благочестивый царь Константин Мономах[19] и воевал он тогда с персами и латинянами. И принял он мудрое царское решение — отправил послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу: Неофита, митрополита эфесского, и с ним двух епископов, милитинского и митилинского, и антиохийского стратига Антипа, иерусалимского наместника Евстафия и других своих знатных вельмож. С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего древа, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах своих носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских. И передал он их митрополиту Неофиту с епископами и своим знатным посланникам, и послал их к великому князю Владимиру Всеволодовичу, так говоря с мольбой: «Прими от нас, о боголюбивый и благоверный князь, во славу твою и честь эти честные дары, которые с самого начала твоего рода

и твоих предков являются царским жребием, чтобы венчаться ими на престол твоего свободного и самодержавного царства. Прими и то, о чем будут тебя молить наши посланцы — мы от твоего величия просим мира и любви: тогда церковь Божия утвердится, и все православие в покое пребудет под властью нашего царства и твоего свободного самодержавства великой Руси; теперь будешь ты называться боговенчанным царем, увенчанный этим царским венцом рукою святейшего митрополита кир[20] Неофита с епископами». И с тех пор великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом, царем великой Руси. И пребывал после того во все время с царем Константином в мире и любви. С тех пор и доныне тем венцом царским, который прислал греческий царь Константин Мономах, венчаются великие князья владимирские, когда ставятся на великое княжение русское.

Во времена же царствования Константина Мономаха отлучился от Царьградской церкви и от истинной веры отошел римский папа Формоз[21] и уклонился в латинство. Тогда царь Константин и святейший патриарх кир Иларий[22] повелели собраться на собор в царствующем граде святейшим патриархам — александрийскому, антиохийскому и иерусалимскому. И по их совету благочестивый царь Константин Мономах со святым Вселенским собором из четырех патриархов, митрополитов, епископов и священников исключили имя папы из церковных поминаний и отлучили его от четырех патриархов. И от православной веры отпали и с тех времен и доныне лытают[23], потому и называются латинянами. Мы же, православные христиане, исповедуем святую Троицу — безначального Отца с единородным Сыном и с пресвятым единосущным и животворящим Духом в едином Божестве, и веруем в нее, и славим, и поклоняемся.

Родословие великих князей литовских. В год 6830 (1322) некий князек, по имени Витянец[24]; из рода смоленских князей, плененный безбожным Батыем, бежал из плена и поселился в Жмудской земле[25] у бортника. И взял у него дочь в жены себе и прожил с нею тридцать лет, и были они бездетны. И убило его громом. И после князя Витенца взял жену его за себя раб его, конюх, по имени Гегименик[26]. И родил от нее семь сыновей: первый — Наримантик, второй — Евнутик, третий — Ольгердик, четвертый — Кейстутик, пятый — Скиригайлик, шестой — Кориадик, седьмой — Мантоник.

В году 6825 (1317) князь московский Юрий Данилович[27] и князь тверской Михаил Ярославич[28] пошли разбираться в споре о великом княжении владимирском. И князь тверской Михаил Ярославич был убит в Орде. Князь Юрий Данилович пришел из Орды, получив великое княжение. И, видя многие города запустевшими и малочисленность людей, был он охвачен печалью. Ведь после убиения князя Михаила Черниговского[29]

рассыпались измаильтяне[30] по всей Русской земле, словно стаи птиц налетели. И христиан — одних мечами губили, других в плен уводили, а те, кто уцелел, от нужды и голода умирали. Разразилась над ними такая беда грехов ради наших.

Великий же князь начал рассылать по городам и селам, чтобы собрать уцелевших людей. Послал он этого Гегименика в Волошскую и в Киевскую земли и по эту сторону Минска, чтобы наводить порядок в плененных городах и селах, собирать дани царские с уцелевших жителей. И с ними послал он некоего славного мужа по имени Бореик и многих других. Этот же Гегименик был муж очень храбрый и великого ума, начал он собирать дань с людей и разыскивать утаенное и сильно обогатился. И набрал он множество людей, щедро давая им все необходимое, и стал владеть многими землями. И начали называть его великим князем литовским Гедимином Первым, без согласия великих государей русских князей и самовольно.

В году 6859 (1351) князь великий Семен Семенович[31] сел на великом княжении владимирском и московском. В том же году преставился Гедимин Первый, великий князь литовский. После него сел на великом княжении литовском старший сын его Наримант. И было у него сражение с иноплеменниками, и попал он к ним в плен. В то время в Орду приезжал великий князь Иван Данилович[32], и выкупил князь великий Нариманта у татар и отпустил его в Литву. Он же, по данному обету, не дойдя до своей вотчины, крестился, и был назван в святом крещении Глебом. Из-за этого братья его не дали ему великого княжения.

На великом княжении сел брат его Ольгерд[33], а Наримант, брат его, ушел в Великий Новгород, Евнут же поселился там, где теперь Вильна, а Скиригайло с братом своим Кейстутом поселились около некоего озера за двадцать поприщ от Вильны. И поднялся Скиригайло на брата своего Кейстута и убил его[34]. Сын же Кейстута Витовт[35] бежал к немцам, и собрав там много друзей, пришел оттуда и убил дядю своего Скиригайло и двух сыновей его. Он поселился на месте отца своего и дяди своего, и назвал это место «Троки», и заключил союз с дядей своим Ольгердом. Этот Ольгерд вина не пил и был наделен великим разумом, присоединил к себе многие земли и княжения и обладал сильной властью.

В году 6858 (1350) великий князь литовский Ольгерд прислал послов своих к великому князю Семену Ивановичу в Москву со многими дарами, прося мира и жизни братьям своим. Великий князь Семен почтил Ольгерда и братьев его, Кориада и других, отпустил к нему. И снова прислал Ольгерд к великому князю Семену Ивановичу посольство, прося в жены его свояченицу — дочь великого князя тверского Александра Михайловича. И князь великий Семен по благословлению духовного отца своего Феогноста, митрополита всея Руси, отдал за него свояче-

ницу свою, великую княжну Ульяну. И родилось от нее семь сыновей: первый — Андрей Полоцкий, второй — Владимир Бельский, третий — Иван Острожский, четвертый — Яков, пятый — Лугвений Волынский, шестой — Василий Черторижский, седьмой — Олелько Киевский.

По прошествии немалого времени князь Ольгерд впал в тяжкий недуг и начал он распределять земли сыновьям: сына своего Якова[36] он любил больше всех и дал ему великое княжение и город Вильно, а остальных сыновей своих учредил по уделам. Благоверная же великая княгиня Ульяна, видя мужа своего Ольгерда при последнем издыхании и заботясь о спасении его, созвала сыновей своих и отца своего духовного призвала, архимандрита печерского. И уговорила своего мужа советом благим и с Божьей помощью принять святое крещение. И назван был он в святом крещении Александром. После этого принял он великий иноческий чин и украсился святою схимою — великим ангельским образом и вместо Александра был назван Алексеем; через несколько дней преставился он, и погребли тело его в Вильне, в церкви святой Богородицы, которую он сам создал. После этого супруга его, благоверная княгиня Ульяна, недолгое время пожив, преставилась, и в той же церкви погребли тело ее.

Яков же, сын Ольгердов, впал в латинскую ересь — стал Ягайлом, великим князем литовским, и был он советником и другом Мамая, которого разбил за Доном благоверный великий князь Дмитрий Иванович. А Витовт Кейстутович заключил союз с Ягайлом. После этого Ягайло был позван в Краков, и короновали его в Кракове польским королем, а в Вильне он посадил брата своего Витовта. Витовт же, став в Вильне великим князем литовским, начал строить много новых городов, укрепил Киев и Чернигов и взял Брянск и Смоленск, и присоединились к Витовту все князья пограничные с вотчинами своими: от Киева до самого княжества Фоминского. Вот что известно о них.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]В начале «Сказания» излагается библейско-легендарное родословие человеческого рода после потопа.

[2]*Калаврийские страны* — Калабрия, область на юге Италии.

[3]На Руси легендарная версия о том, что Александр Македонский (356—323 до н.э.) был сыном Олимпиады от волхва Нектанава была известна из «Александрии» — очень популярного в средние века литературного памятника.

[4]*Птолемей* — полководец и телохранитель Александра Македонского, правитель и царь Египта (с 323 по 283 до н.э.), основатель царской династии Птоломеев.

[5]*Клеопатра* (69—30 до н.э.) — последняя царица династии Птоломеев, дочь Птоломея XI.

[6]Имеется в виду Юлий Цезарь (102—44 до н.э.).

[7]*Нумеры и препоситы* — начальники воинских подразделений и наместники.

[8]*Пор* — правитель одной из областей Индии, разбитый Александром Македонским в 326 г. до н.э.

[9]*Ирод I Великий* — царь Иудеи с 40 по 4 г. до н.э.

[10]В рассказе о разделении вселенной Августом упоминаемые правители не только не состояли в родстве с Августом, но многие из них едва ли были историческими личностями.

[11]*Прус* — легендарное лицо.

[12]*Гостомысл* — полулегендарный первый новгородский князь.

[13]По летописным преданиям, Рюрик, Синеус и Трувор — три брата, предводители варяжских дружин, якобы были призваны в Новгород во второй половине IX в. Рюрик сначала правил в Ладоге, а в 862 г. захватил власть в Новгороде.

[14]*Олег* — русский князь, ум. в 912 или 922 г.

[15]*Владимир* — см. примечание 27 к «Повести временных лет».

[16]*Владимир Всеволодович Мономах* (1053—1125) — великий князь киевский с 1113 г.

[17]*Всеслав Игоревич* — ошибка автора «Сказания». Должно быть Святослав Игоревич, великий князь киевский (945—972), воевал с Византией в 971 г.

[18]*Всеволод Ярославич* — отец Владимира Мономаха, сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский с 1078 по 1093 г.

[19]*Константин Мономах* — он умер, когда Владимиру Мономаху было два года.

[20]*Кир* (греч.) — господин, титул, употреблявшийся при имени высших духовных лиц.

[21]*Формоз* — жил в IX в., был папой с 891 по 896 г.

[22]*Кир Иларий* — Михаил Керулларий, патриарх константинопольский (1043—1059).

[23]*Лытать* — бездельничать, скитаться.

[24]*Витянец* — Витень (Витенис), великий князь литовский с 1293 по 1315 г., брат Гедимина.

[25]*Жмудская земля* — Жемайтия, западная часть Литвы.

[26]*Гигименик* — Гедимин (Гедиминас), великий князь литовский с 1316 по 1341 г., брат Витеня.

[27]*Юрий Данилович* (ум. 1325) — князь московский с 1303 г.

[28]*Михаил Ярославич* (1271—1318) — князь тверской с 1285 г.

[29]*Михаил Черниговский* — см. примечание 17 к «Повести о разорении Рязани Батыем».

[30]*Измаильтяне* — потомки Измаила, легендарного родоначальника восточных народов, здесь: монголо-татары.

[31]*Семен Семенович* — ошибка автора «Сказания». Должно быть Семен Иванович и год не 1351, а 1341 — Семен Иванович Гордый княжил с 1341 по 1353 г.

[32]*Иван Данилович* (ум. 1341) — великий князь московский с 1326 г. В Орде был в 1340 г.

[33]*Ольгерд (Альгирдас)* — великий князь литовский в 1345—1377 гг.

[34]На самом деле Кейстут был убит по приказу своего племянника Ягайла — сына Ольгерда.

[35]*Витовт (Витаутас)* — был великим князем литовским с 1392 по 1430 г. Ольгерда ко времени событий, связанных с Кейстутом и Витовтом, уже не было в живых.

[36]*Яков* — Ягайло — великий князь литовский с 1377 по 1392 г., с 1392 по 1434 г. был королем польским (под именем Владислава II Ягелло).

Повесть о Петре и Февронии Муромских Ермолая-Еразма

«Повесть» написана в конце 40-х годов XVI в. писателем и публицистом Ермолаем-Еразмом. В 40-е годы он был священником в Пскове, затем протопопом дворцового собора Спаса-на-Бору в Москве, а в 60-е годы постригся в монахи. Перу Ермолая-Еразма принадлежит еще несколько сочинений, которые свидетельствуют о высокой образованности автора, его симпатиях к крестьянству и неприязни к вельможам и боярам. «Повесть о Петре и Февронии» писалась как житие святых, «новых муромских чудотворцев», в связи с происходившими в 1547 и 1549 гг. соборами по канонизации различных русских святых — официаль-

ным признанием церковью святости тех или иных местно чтимых подвижников церкви.

Источником сюжета для «Повести» Ермолая-Еразма послужила местная легенда о мудрой крестьянской девушке, ставшей княгиней (село Ласково в пяти километрах от села Солотчи и бывшего Солотчинского монастыря, откуда была родом Феврония, существует и в наши дни). Народное предание оказало столь сильное влияние на Ермолая-Еразма, что он создал произведение, не связанное с канонами житийного жанра: перед нами увлекательное сюжетное повествование, мало чем напоминающее рассказ о подвиге святых во славу церкви. И в сюжете, и в содержании отдельных эпизодов, и в загадывании и разгадывании загадок заметно проявляются фольклорные мотивы. Показательно в этом отношении то, что рассказ Ермолая-Еразма о Петре и Февронии, признанных церковью святыми, не был включен в «Великие Минеи-Четии», в которых наряду с другими текстами помещались многочисленные жития русских святых.

В данной публикации опущено богословско-риторическое вступление к «Повести».

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 6. С. 626—647.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

(Древнерусский текст)

⟨...⟩

I

Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержьствуяи благоверный князь, яко поведаху, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человечю дьявол всели неприязненаго летящаго змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты, яко же бяше и естеством; приходящим же людем являшеся, яко же князь сам се дяше с женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но поведаше князю, мужеви своему, вся ключшаяся ей. Змий же неприязнивый осили над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумеяшеся. И рече жене си: «Мыслю жено, но недоумеюся, что сотворити неприязни тому? Смерти убо не вем, каку нанесу на нь? Аще убо глаголеть к тебе какова словеса, да воспросиши и́ с лестию и о сем: вест ли сей неприязнивым духом своим, от чего ему смерть хощет быти? Аще ли увеси и нам поведаеши, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его дыханиа и сипения и всего скарядия, еже смрадно есть глаголати, но и в будущий век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши». Жена же мужа своего глагол в сердци си твердо приимши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

Во един же от дний неприязнивому тому змию пришедшу к ней, она же, добру память при сердцы имея, глагол с лестию предлагает к неприязни той, глаголя многи иныя речи, и по сих с почтением воспросив его, хваля, рече бо, яко: «Много веси, и веси ли кончину си, какова будет и от чего?» Он же, неприязнивый прелестник, прелщен добрым прелщением от верныя жены, яко

непщева тайну к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча». Жена же, слышав таковую речь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того поведа князю, мужеви своему, яко же рекл есть змий. Князь же, то слышав, недоумеяшеся, — что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

Имеяше же у себе приснаго брата, именем князя Петра. Во един же от дний призвав его к себе и нача ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть жене его. Князь же Петр, слышав от брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити не сумняся мужествене, како бы убити змиа. Но и еще бяше в нем мысль, яко не ведыи Агрикова меча.

Имеяше же обычай ходити по церквам уединяяся. Бе же вне града церковь в женстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста. И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощеши ли, да покажу ти Агриков мечь?» Он же, хотя желание свое исполити, рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди вслед мене». И показа ему во олтарной стене межу керемидома скважню, в ней же лежаше мечь. Благоверный же князь Петр взем меч той, прииде и поведа брату своему. И от того дни искаше подобна времени да убиет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе своей на поклонение. Ключи же ся ему прийти в храмину к брату своему и том же часе шед к сносе своей во ину храмину и виде у нея сидяща брата своего. И паки пошед от нея, встрети некоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох убо от брата моего к сносе моей, брат же мой оста в своем храму, мне же, не косневшу никамо же, вскоре пришедшу в храмину к сносе моей, и не свем и чюжуся, како брат мой напереди мене обретеся в храмине у снохи моея?» Той же человек рече ему: «Никако же, господи, по твоем отшествии не изыде брат твой из своея храмины!» Он же разуме быти пронырьство лукаваго змия. И прииде к брату и рече ему: «Когда убо семо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоей в храмину, и видех тя с нею сидяща, и чюдяхся, како напред мене обретеся. Приидох же паки, ничто же нигде паки помедлив, ты же, не вем, како мя предтече и напред мене зде обретеся?» Он же рече: «Никако же, брате, ис храма сего по твоем отшествии не издох и у жены своея никако же бех». Князь же Петр рече: «Се есть, брате, пронырьство лукаваго змия, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотел убити его, яко непщуя тебе своего брата. Ныне убо, брате, отсюду никако же иди, аз же тамо иду братися со змием, да некли Божиею помощию убиен до будет лукавый сей змий».

И взем мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей, и виде змия зраком аки брата си, и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестный змий, и удари его мечем. Змий же явися, яков же бяше и естеством, и нача трепетатися, и бысть

мертв, и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крови острупе, и язвы быша, и прииде на нь болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото мног врачев исцелениа, и ни от единого получи.

II

Слыша же яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли, и повеле себе тамо повести, не бе бо сам мощен на кони сидети от великия болезни. Привезен же бысть в пределы Рязаньския земли и посла синклит свой весь искати врачев.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же. И вниде в дом и не бе, кто бы его чюл. И вниде в храмину и зря видение чюдно: сидяше бо едина девица, ткаше красна, пред нею же скача заец.

И глаголя девица: «Не лепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию!» Юноша же той не внят во ум глагол тех, рече к девице: «Где есть человек мужеска полу, иже зде живет?» Она же рече: «Отец и мати моя поидоша взаем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрети».

Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещ подобну чюдеси, и глагола к девицы: «Внидох к тебе, зря тя делающу, и видех заец пред тобою скача, и слышу ото устну твоею глаголы странны некаки, и сего не вем, что глаголеши. Первие бо рече: не лепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию. Про отца же твоего и мать рече, яко идоша взаим плакати, брата же своего глаголя «чрез ноги в нави зрети». И ни единого слова от тебе разумех!»

Она же глагола ему: «Сего ли не разумееши! Прииде в дом сий и в храмину мою вниде и видев мя сидящу в простоте. Аще бы был в дому наю пес и чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моей отроча и видев тя к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матерь и про брата, яко отец мой и мати моя идоша взаем плакати — шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати: се есть заимованный плач. Про брата же ти глаголах, яко отец мой и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древия вземлют. Брат же мой ныне на таково дело иде, и яко же лести на древо в высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гонзнет. Сего ради рех, яко иде чрез ноги в нави зрети».

Глагола ей юноша: «Вижу тя, девице, мудру сущу. Повежь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромскаго князя Петра, служаи ему. Князь же мой имея болезнь тяжку и язвы. Отструпленну бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго змия, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеления ото мног врачев и ни от единого получи. Сего ради семо повеле

себе привести, яко слыша зде мнози врачеве. Но мы не вемы, како именуются, ни жилищ их вемы, да того ради вопрашаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, мог бы уврачевати и́». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе! Аще кто уврачюет и́, князь мой дасть ему имение много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его?» Она же рече: «Да приведеши князя твоего семо. Аще будет мяхкосерд и смирен во ответех, да будет здрав!»

Юноша же скоро возвратися ко князю своему и поведа ему все подробну, еже виде и еже слыша. Благоверный же князь Петр рече: «Да везете мя, где есть девица». И привезоша и́ в дом той, в нем же бе девица. И посла к ней ото отрок своих глаголя: «Повеж ми, девице, кто есть хотя мя уврачевати? Да уврачюет мя и возмет имение много». Она же не обинуяся рече: «Аз есмь хотя и́ врачевати, но имения не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его». И пришед человек той, поведа князю своему, яко же рече девица.

Князь же Петр, яко не брегий словеси ея, и помысли: «Како князю сущу древолазца дщи пояти себе жену!» И послав к ней, рече: «Рцыте ей, что есть врачевство ея, да врачюет. Аще ли уврачюет, имам пояти ю́ себе жене». Пришедше же реша ей слово то. Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своея, и дуну на ня, и рек: «Да учредят князю вашему баню, и да помазует сим по телу своему, идеже суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здрав!»

И принесоша к нему таково помазание. И повеле учредити баню. Девицю же хотя во ответех искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголех ея от юноши своего. Посла к ней съ единым от слуг своих едино повесмо лну, рек, яко: «Си девица хощет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сием лну учинит мне срачицу, и порты, и убрусец в ту годину, в ню же аз в бани пребуду». Слуга же принесе к ней повесмо лну и дасть ей и княже слово сказа. Она же рече слузе: «Взыди на пещ нашу и, снем з гряд поленце, снеси семо». Он же, послушав ея, снесе поленце. Она же, отмерив пядию, рече: «Отсеки сие от поленца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Возми сий утинок поленца сего, и шед даждь князю своему от мене, и рцы ему: в кий час се повесмо аз очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинце стан и все строение, киим сотчется полотно его». Слуга же принесе ко князю своему утинок поленце и речь девичю сказа. Князь же рече: «Шед рцы девицы, яко невозможно есть в такове мале древце и в таку малу годину сицева строения сотворити!» Слуга же пришед, сказа ей княжю речь. Девица же отрече: «А се ли возможно есть, человеку мужеска возрасту вь едином повесме лну в малу годину, в ню же пребудет в бани, сотворити срачицу, и порты, и убрусец?» Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивлеся ответу ея.

И по времени князь Петр иде в баню мытися и повелением девица помазанием помазая язвы и струпы своя. И един струп остави не помазан по повелению девицы. Изыде же из бани, ничто же болезни чюяше. На утрии же узрев си все тело здраво и гладко, развие единого струпа, еже бе не помазал по повелению девичю. И дивляшеся скорому исцелению. Но не восхоте пояти ю́ жену себе отечества ея ради и послав к ней дары. Она же не прият.

Князь же Петр поехав во отчину свою, град Муром, здравствуяи. На нем же бе един струп, еже бе не помазан повелением девичим. И от того струпа начаша многи струпы расходитися на теле его от перваго дни, в онь же поехав во отчину свою. И бысть паки весь оструплен многими струпы и язвами, яко же и первие.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания. Она же, ни мало гневу подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет увврачеван». Он же с твердостию слово дасть ей, яко имат пояти ю́ жену себе. Сия же паки, яко и преже, то же врачевание даст ему, еже предписах. Он же вскоре исцеление получив, поят ю́ жену себе. Такою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста во всяком благочестии, ничто же от Божиих заповедей оставляюще.

III

По мале же дний предреченный князь Павел отходит жития сего. Благоверный же князь Петр по брате своем един самодержец бывает граду своему.

Княгини же его Февронии боляре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея; Богу же прославляющу ю́ доброго ради житиа ея.

Некогда бо некто от предстоящих ей прииде ко благоверному князю Петрови навадити на ню, яко: «От коегождо, — рече, — стола своего без чину исходит: внегда бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна!» Благоверный же князь Петр, хотя ю́ искусити, повеле да обедует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же, яко же обычай имеяше, взем от стола крохи в руку свою. Князь же Петр приим ю́ за руку и, развед, виде ливан добровонный и фимиян. И от того дня остави ю́ к тому не искушати.

И по мнозе же времени приидоша к нему сь яростию боляре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя, но княгини Февронии не хощем, да господьствует женами нашими. Аще хощеши самодержцем быти, да будет ти ина княгини. Феврония же, взем богатество доволно себе, отоидет, амо же хощет!» Блаженный же Петр, яко же бе ему обычей, ни о чесом же ярости имея, со смирением отвеща: «Да глаголита к Февронии, и яко же рчет, тогда слышим».

Они же, неистовии, наполнившеся безстудия, умыслиша, да учредят пир. И сотвориша, и егда же быша весели, начаша прости-

рати безстудныя своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святыя Божий дар, его же ей Бог и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Феврония! Весь град и боляре глаголють тебе: дай же нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да возмета, его же просита!» Они же, яко едineми ўсты, ркоша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодержьствует над нами. Тебе же жены наши не хотяхут, яко господьствуеши над ними. Взем богатество доволно себе, отоидеши, амо же хощеши!» Она же рече: «Обещахся вам, яко елика аще просите — приимете. Аз же вам глаголю: дадите мне его же, аще аз воспрошу у ваю». Они же, злии, ради быша, не ведуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко: «Аще рчеши, единою без прекословия возмеши». Она же рече: «Ничто же ино прошу, токмо супргуа моего, князя Петра!». Реша же они: «Аще сам восхощет, ни о том тебе глаголем». Враг бо наполни их мыслей, яко аще не будет князь Петр, да поставя себе инаго самодержьцем: кииждо бо от боляр во уме своем держаше, яко сам хощет самодержец быти.

Блаженный же князь Петр не возлюби временнаго самодержавьства, кроме Божиих заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфей в своем благовестии вещает. Рече бо, яко иже аще пустит жену свою, развие словеси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбы творит. Сей же блаженный князь по Еуангеллию сотвори: одержание свое, яко уметы вмени, да заповеди Божия не разрушит.

Они же, злочестивии боляре, даша им суды на реце — бяше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же пловуще по реце в судех. Некто же бе человек у блаженныя княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Той же человек, приим помысл от лукаваго беса, возрев на святую с помыслом. Она же разумев злый помысл его вскоре, обличи и́, рече ему: «Почерпи убо воды из реки сия с сю страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же пит. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слажеши?» Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женско есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши?» Той же человек, уведе, яко в ней есть прозрения дар, бояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брезе. Блаженный же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже волею самодержьства гонзнув?» Предивная же Феврониа глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и промысленик всему, не оставит нас в низшете быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврониа, ходящи по брегу и видевши древца тыя, благослови, рекши: «Да будут сия на утрии древие велико, имущи ветви и листвие». Еже и бысть:

вставши бо утре, обретоша тыя древца велико древие имуще ветви и листвие.

И яко уже хотяху людие их рухло вметати в суды со брега, приидоша же вельможа от града Мурома, ркуще: «Господи княже! От всех велмож и ото всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но возвратишися на свое отечествие. Мнози бо велможа во граде погибоша от меча. Кииждо их хотя державствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси со всем народом молят тя, глаголюще: господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господьствует женами нашими, ныне же, со всеми домы своими, раби ваю есмы, и хощем, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих!»

Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврония возвратишася во град свой. И беху державствующе во граде том, ходяще во всех заповедех и оправданиих Господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко все людем, под их властию сущим, аки чадолюбивии отец и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатества тленнаго щадяще, но в Бог богатеюще. Беста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наимника. Град бо свой истинною и кротостию, а не яростию правяще. Странныя приемлюще, алчьныя насыщающе, нагия одевающе, бедныя от напасти избавляюще.

IV

Егда же приспе благочестное преставление ею, умолиша Бога, да во един час будет преставление ею. И совет сотворше, да будут положена оба вь едином гробе, и повелеша учредити себе вь едином камени два гроба, едину токмо преграду имущи межу собою. Сами же вь едино время облекошася во мнишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петр во иноческом чину Давид, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческом чину Еуфросиния.

В то же время проподобная и блаженная Феврония, нареченная Еуфросиниа, во храм Пречистыя соборныя церкви своима рукама шияше воздух, на нем же бе лики святых. Преподобный же и блаженный князь Петр нареченный Давид, прислав к ней, глаголя: «О сестро Еуфросиния! Хощу уже отоитти от тела, но жду тебе, яко до купно отоидем». Она же отрече: «Пожди, господине, яко дошию воздух во святую церковь». Он же вторицею послав к ней, глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко же третицею присла, глаголя: «Уже хощу преставитися и не жду тебе!» Она же остаточное дело воздуха того святаго шияше, уже бо единого святаго риз еще не шив, лице же нашив; и преста, и вотче иглу свою в воздух, и преверте нитью, ею же шияше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И, помолився, предаста святая своя душа в руце Божии месяца июня в два десять пятый день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет блаженный князь Петр внутрь града, у соборныя церкви пречистыя Богородицы, Феврония же вне града в женстем манастыри, у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко во мнишестем образе неугодно есть положити святых вь едином гробе. И учредиша им гроби особны и вложиша телеса их в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тело вложиша во особный гроб и поставиша внутрь града в церкви святыя Богородицы до утриа, святыя же Февронии, нареченныя Еуфросинии, тело вложиша во особный гроб и поставиша вне града в церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста. Общий же гроб, его же сами повелеша истесати себе вь едином камени, оста тощ в том же храме Пречистыя соборныя церкви, иже внутрь града. На утрии же, вставше, людие обретоша гроби их особныя тщи, в ня же их вложиста. Святая же телеса их обретоста внутрь града в соборней церкви пречистыя Богородицы вь едином гробе, его же сами себе повелеша сотворити. Люди же неразумнии, яко же в животе о них мятущеся, тако и по честнем ею преставлении: паки преложиша я́ во особныя гробы и паки разнесоша. И паки же на утрии обретошася святии вь едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святем их телесем и положиша я́ во едином гробе, в нем же сами повелеста, у соборныя церкви Рождества пресвятыя Богородица внутрь града, еже есть дал Бог на просвещение и на спасение граду тому: иже бо с верою пририщуще к раце мощей их, неоскудно исцеление приемлют.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть от Бога власть убити летящаго свирепаго змия! Радуйся, Февроние, яко в женстей главе святых муж мудрость имела еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, доблествене скорби претерпел еси! Радуйся, Февроние, яко от Бога имела еси дар в девьственней юности недуги целити! Радуйся, славный Петре, яко заповеди ради Божия самодержьства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуйся, дивная Февроние, яко твоим благословением во едину нощь малое древие велико возрасте и изнесоша ветви и листвие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смирении, и молитвах, и в милостыни без гордости пожиста; тем же и Христос дасть вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе лежаще, духом же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаете!

Но молим вы, о преблаженная супруга, да помолитеся о нас, творящих верою память вашу!

Да помянете же и мене прегрешнаго, списавшаго сие, елико слышах, неведыи, аще инии суть написали, ведуще выше мене. Аще убо грешен есмь и груб, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваше моление ко Христу надеяся, трудихся мыслми. Хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся. Хотех вама ради вашего смиреннаго само-

державства и преподобьства по преставлении вашем венца плести, и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте и венчани на небесех истинными нетленными венцы ото общаго всех владыки Христа. Ему же подобает со безначалным его Отцем купно и с пресвятымъ, благим и животворящим Духом всяка слава, честь и поклонение ныне и присно и въ веки веком. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

(Перевод)

⟨...⟩

I

Есть в Русской земле город, называемый Муромом[1]. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел[2]. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И волшебством своим перед ней он являлся таким, каким был на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услыхав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же, услыхав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услыхав от брата своего, что змей

назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с Божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжкой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц[3].

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаймы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услыхал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаймы плакать, про брата же сказала — «сквозь ноги смерти в глаза смотрит». И не единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и гал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец и мать пошли взаймы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаймы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слыхал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может потребовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ей хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слыхал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки[4] поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался,

который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как в первый день.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды как-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, — говорил он, — окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она ответит».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять, которым Бог наградил ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя:

дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает[5]. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями

и листвой». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвой.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления Господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе[6] для соборного храма пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе

с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божии в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что, так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которых они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди Божьей не оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословению за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более

моего, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Муром* — один из древнейших русских городов, расположен на левом берегу реки Оки в пределах Владимирской области.

[2]Имена муромских князей Павла и Петра из других источников неизвестны. Некоторые исследователи предполагают, что имеются в виду князья — братья Владимир и Давид, правившие в Муроме с 1175 г.; после смерти старшего брата Владимира (1203) на княжеском престоле остался Давид (ум. 1228).

[3]В славянском обрядовом фольклоре заяц — один из атрибутов свадебной и любовной тематики.

[4]*Грядка* — две жерди над печью для сушки лучины.

[5]Имеется в виду соответствующее место Евангелия от Матфея.

[6]*Воздух* — покров для церковных сосудов.

Домострой
(Отрывки)

Литературу середины XVI в. Д. С. Лихачев назвал литературой «государственного устроения». В это время создается ряд памятников, регламентирующих жизненный уклад. К ним относятся «Великие Минеи-Четии», «Стоглав», «Домострой». «Великие Минеи-Четии» — 12-томное собрание чтений на каждый месяц года: грандиозный свод «четьих» (т.е. предназначенных для ежедневного чтения) — оригинальных и переводных текстов. Свод был составлен под руководством новгородского архиепископа, впоследствии митрополита всея Руси, Макария. В «Стоглаве» — книге, состоящей из 100 глав и вобравший в себя постановления Церковного собора, состояшегося в Москве в 1551 г., были обобщены основные нормы обрядности и церковного культа. «Домострой» — книга, регламентирующая повседневный быт. В ней описывались нормы религиозного и этического поведения, утверждались правила воспитания и семейного быта, давались практические советы ведения домашнего хозяйства.

Первая редакция «Домостроя» была составлена еще до середины XVI в. Уже в этом виде памятник основывался на предшествующей литературе поучений, как оригинальной, так и переводной. Вторая редакция, представляющая как бы «классический» (в нащем современном понимании) образец «Домостроя», возникла в середине XVI в., и составление ее связано с именем священника московского Благовещенского собора Сильвестра. К основному тексту «Домостроя», состоящему из 63 глав, в Сильвестровской редакции присоединена 64-я глава — Послание Сильвестра к сыну Анфиму: на опыте собственной жизни Сильвестр резюмирует все содержание «Домостроя». Разумеется, «Домострой» писался не как художественное произведение, но время поставило его в ряд литературных памятников Древней Руси. Помимо огромного интереса как документа эпохи, произведение это

дает современному читателю яркое представление о повседневной жизни древнерусской зажиточной семьи. И описание норм поведения, рекомендации по ведению хозяйства, перечисление предметов устроения дома становятся живым, увлекательным рассказом, так как за всем этим все время ощущается присутствие живых людей.

Здесь печатаются отдельные главы из «Домостроя» (1, 6, 11, 15—18, 21, 24, 27, 32, 38, 45, 49, 50, 54), которые дают достаточно полное представление как о различных сторонах жизни и быта той эпохи, так и о характере самого «Домостроя».

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 7. С. 70—173.

ДОМОСТРОЙ

(Древнерусский текст)

Книга глаголемая Домострой, имеет в себе вещи полезны, поучение и наказание всякому християнину — мужу, и жене, и чадом, и рабом, и рабыням

1. НАКАЗАНИЕ ОТ ОТЦА К СЫНУ

Благословляю аз, грешный имярек, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их чад, и домочадцов быти во всяком християньском законе и во всякой чистой совести и правде, с верою творяще волю Божию и храняще заповеди его, себе утвержающе во всяком страсе Божии и в законном жительстве, и жену поучающе, тако же и домочадцов своих наказующе, не нужею, ни ранами, ни роботою тяжкою, имеюше яко дети во всяком покои сыты и одены и в теплом храме, и во всяком устрои. И вдаю вам, християньскому жительству, писание се на память и вразумление вам и чадом вашим. Аще сего моего писания не внемлете и *наказания* не послушаете и по тому не учнете жити и те тако творити, яко же есть писано, сами себе ответ дадите въ день Страшнаго суда, и аз вашим винам и греху не причастен, кроме моея душа: аз о сем о всяком благочинии благославлял, и плакал, и молил, и поучал, и писание предлагал вам, и, аще восприимете сие мое худое учение и грубое наказание, и сие *писание со всею чистотою душевною, прося у Бога помощи и разума, поелико возможно, как Бог вразумит, и начнете делом творити вся се — будет на вас милость Божия и пречистые Богородицы, и великих чюдотворцов, и нашего благословления отныне и до века, и дом вашь, и чада ваши, и стяжание ваше и обилие, что вам Бог подоровал от своих трудов — да будет благословенно и исполненно всяких благ во веки. Аминь.*〈...〉

6. КАКО ПОСЕЩАТИ В МОНАСТЫРЕХ И В БОЛНИЦАХ, И В ТЕМНИЦАХ, И ВСЯКАГО СКОРБИ

В монастыри и в болницы, и в пустыни, и в темницы закъюченных посещай и милостыню по силе всяких потребных подавай, елико требуют, и види беду их и скорбь, и всяку нужу, елико возможно, помогай им, и всякаго скорбна и бедна, и нужна, и нища не презри, введи в дом свой, напои, накорми, согрей, одежи всею любовию и чистою совесьтию: тема милостива Бога сотвориши и свободу получиши; а родителем своим преставльшимся память твори, к церквам Божиим приношение и в дому по них кормлю твори, нищим милостыню, и сам от Бога помянoвен будеши. ⟨...⟩

11. КАКО КОРМИТИ ПРИХОДЯЩИХ В ДОМУ З БЛАГОДАРЕНИЕМ

Егда трапезу предпоставъляеши, вначале священници Отца и Сына и святаго Духа прославляют, потом девицу Богородицу; и егда ядяху з благодарением и с молчанием или з духовною беседою, тогда аггели невидимо предстоят и написуют дела добрая, и ества и питие в сладость бывает; аще начнет предпоставленую еству и питие похулят, тогда мотыло обращается сии вкушают; и аще скаредныя речи и блудные срамословие, и смехотворение, и всякое глумление или гусли и плесание и плескание, и скокание, и всякие игры и песни бесовские, — тогда якоже дым отгонит пчелы, такоже и отыдут аггели Божии от тоя трапезы и смрадныя беседы, и возрадуются беси и приидут, волю свою улучив, и вся угодная творится им: да такоже бесчиньствуют и зернью, и шахматы, и всякими играми бесовскими тешатся, дар Божий еству и питие, и всякие овощи в поругание помещут, и проливают, друг друга шибают и обливают, всячески поругаются дару Божию, а дияволи записуют дела их, приносят къ сотане и вкупе радуются погибели християньския. И та вся дела предстанут в день Страшнаго суда. О горе *деющим* таковая! Егда жидове седоша ясти в пустыни и пити и, обьядшася и опившеся, и восташа играти и блуд творити, и тогда пожре земля их двадесят тысящь и три тысящи. О устрашитеся, людие, творите волю Божию, якоже есть в Законе писано, а от сего злаго бесчиния соблюди, Господи, всякаго християнина. Ести бы и пити в славу Божию, а не обьядатися, ни упиватися, ни пустошных творити и, аще пред кого поставляеши еству или питие и всякое брашно или пред тобя поставят всякаго брашна, не подобает похулити, глаголати: «гнило» или «кисло», или «пресно», или «солоно», или «горко», или «затхлося», или «сыро», или «переварено», или какую ни буди хулу возлогати, но подобает дар Божий всякое брашно похваляти и со благодарением вкушати, ино Бог обоняет вонею благоуханния, и в сладость претворити. И аще которая ества или питие

непотребно, ино о том наказывати домочадцов, кто то делал, штобы вперед таково не было.⟨...⟩

15. КАКО ДЕТЕЙ СВОИХ ВОСПИТАТИ ВО ВСЯКОМ НАКАЗАНИИ И СТРАСЕ БОЖИИ

А пошлет Бог, у кого дети — сынове или дщери, ино имети попечение отцу и матери о чадех своих, снабдити их и воспитати в добре наказании, и учити страху Божию и вежству, и всякому благочинию, и, по времени и детем смотря и по возрасту, учити рукоделию матери дщери, а отцу сынове, кто чево достоин, каков кому просуг Бог даст; любити их и беречи, и страхом спасати, уча и *наказуя* и, разсужая, раны возлогати. Наказуй дети во юности — покоит тя на старость твою. И хранити и блюсти о чистоте телесней и от всякаго греха отцем чад своих, якоже зеницу ока и яко своя душа. Аще что дети согрешают отцовым и матерним небрежением, им о тех гресех ответ дати в день Страшнаго суда. А дети, аще не брегомы будут в ненаказании отцов и матерей, аще что согрешат или что сотворят, и отцем и матерем з детми от Бога грех, а от людей укор и посмех, а дому тщета, а себе скорбь и убыток, и от судей продажа и соромота. Аще у богобоязнивых родителей и у разумных и благоразсудных чада воспитани в страсе Божии, и в добре *наказании,* и в благоразсудном учении всякому разуму и вештву, и промыслу, и рукоделию, — и те чада с родители своими бывают от Бога помиловани, а от освященнаго чину благословены, а от добрых людей хвалими, а в совершене возрасте добрые люди с *радостию* и зъ благодарением женят сынов своих по своей версте, по суду Божию, а дщери за их дети замужь выдают. А аще от таковых которое чадо Бог возмет в покаянии и съ причастием, то от родителю безскверная жертва к Богу приносится, и в вечныя кровы вселяются, а имеют дерзновение у Бога милости просити и оставления грехов и о родителех своих.

16. КАКО ЧАД ВОСПИТАТИ, С НАДЕЛКОМ ЗАМУЖЬ ВЫДАТИ

А у кого дочь родится, ино разсудны люди от всякаго приплода на дочерь откладывают: на ее имя или животинку ростят с приплодом, а у полотен, и у вусчин, и у ширинок, и у вубрусов, и рубашек по вся годы ей в пришенной сундук кладут и платье, и саженье, и монисто, и святость, и суды оловяные и меденые, и деревяные; прибавливати непомношку всегда, а не вдруг, себе не в досаду, и всево будет полно. Ино дочери растут, а страху Божию и вешътву учатся, а приданое с ними вдруг прибывает, и как замужь зговорят — ино все готово. А толко ранее хто о детех не смышляет, да как замужь давать, и въ ту пору все покупать, ино скорая женитва видомая работа; а по судбам Божиим толко та дочь преставится, ино ее наделком

поминают по еи души сорокоуст и милостыню ис того дают. А толко иные дочери есть, тако ж о них промышляти.

17. КАКО ДЕТИ УЧИТИ И СТРАХОМ СПАСАТИ

Казни сына своего от юности его и покоит тя на старость твою и даст красоту души твоей; и не ослабляй, бия младенца: аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здравие будет, ты бо бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти. Дщерь ли имаши, положи на них грозу свою, соблюдеши я от телесных; да не посрамиши лица своего, да в послушании ходит, да не свою волю приимеши и в неразумии прокудит девство свое, и сотворится знаем твоим в посмех, и посрамят тя пред множеством народа. Аще бо отдаси дщерь свою бес порока, то яко велико дело совершиши и посреди собора похвалишися, при концы не постонеши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да последи о нем возвеселишися, казни сына своего измлада и порадуешися о нем в мужеств, и посреди злых похвалишися, и зависть приимут враги твоя. Воспитай детище с прещением, и обрящеши о нем покой и благословение; не смейся к нему, игры творя: в мале бо ся ослабиши — в велице поболиши, скорбя, и после же яко оскомины твориши души твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растет, и, ожесточав, не повинет ти ся и будет ти досажение и болезнь души, и тщета домови, погибель имению и укоризна от сусед, и посмех пред враги, пред властию платежь и досада зла.

18. КАКО ДЕТЕМ ОТЦА И МАТИ ЛЮБИТИ И БЕРЕЧИ И ПОВИНОВАТИСЯ И ПОКОИТИ ИХ ВО ВСЕМ

Чада, послушайте заповеди Господни, любите отца своего и матерь свою, и послушайте их, и повинуйтеся им по Бозе во всем, и старость их чтите, и немощь их и скорбь всякую от всея душа понесите на своей выи, и благо вам будет, и долголетны будете на земли, сим очистите грехи своя и от Бога помиловани будете, и прославитеся от человек, и дом его будет благословен в веки, и насьледит сыны сынов твоих, и досьтигнет старости маститы, во всяком благоденьстве дни своя препровожают. Аще ли кто злословит или оскорбляет *родителя* своя или кленет, или лает, сий пред Богом грешен, от народа проклят; аще кто биет отца и матерь — от церкви и от всякия святыни да отлучится, и лютою смертию и градскою казнью да умрет, писано бо есть: «Отча клятва иссушит, а матерня искоренит». Сын или дщерь, не послушьливы отцу или матери, в пагубу им будет, и не поживут дней своих, иже прогневают отца и досажают матери. Мнится не согрешяя к Богу, и есть поганого горее, и обещник есть нечестивым, о них же пророк Исаия рече: «Возмется нечестивый, да не видит славы Господня». Сих нечестивы

именова, иже бесчествуют родителя своя и паки насмехающагося отцу и укаряюща старость матерню, да ськлюют их вранове и снедят орли! Честь же творяй отцу и матери, и повинующеся им по Бозе во всем, возвеселитися имут о чадех своих, и в день печали избавит их Господь Бог, и молитву их услышит, егоже просят, подаст им вся благая; покояй матерь свою волю Божию творит и угожаяй отцу во благих поживет. Вы же, чада, делом и словом угожайте родителем своим во всяком блазе совете, да благословени будете от них: отчее благословение дом утвердит, и матерня молитва от напасти избавит. Аще ли оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчествуйте их, не укаряйте, да от своих чад почтени будете, не забывайте труда матерня и отцова, яже о вас болезноваша и печални быша, покойте старость их и о них болезнуйте, якоже они о вас. Не глаголи много: «Сотворих им добра одеянием и пищею, и всякими потребами», но ни си свободи, сим не можеши бо ею родити и тако ею болети, яко она о тебе; тем же со страхом раболепъно служити им, да и сами от Бога мзду приимете и жизнь вечную наследите, яко свершители заповеди его.〈...〉

21. НАКАЗ МУЖУ И ЖЕНЕ, И ЛЮДЕМ, И ДЕТЕМ, КАКО ЛЕПО БЫТИ ИМ

Да самому себе государю и жену, и детей, и домочадцов своих учити не красти, не блясти, не солгати, не оклеветати, не завидети, не обидети, не клепати, чюжаго не претися, не осужатися, не бражничати, не просмеивати, не помнити зла, не гневатися ни на кого, к большим быти послушны и покорну, к средъним любовну, к меншим и убогим приветну и милостиву, со всяким управа без волокиты, ноипаче наимита наимом не изобидети, а всякая обида со благодарением терпети Бога ради: и понос, и укоризна, аще по делом поносят и укаряют, сие с любовию приимати, и от таковаго безумия отвращатися, а против не мстити. Аще в чем не повинен, за сие от Бога мзду приимеши. А домочатцев своих учи страху Божию и всякой добродетели, и сам тая же твори, и вкупе от Бога обрящете милость. Аще ли небрежением и нерадением сам или жена мужним ненаказанием согрешит или что злое сотворит, и вси домочадцы, мужи и жены, и дети господаревым ненаказанием каков грех или что зло сотворят, или брань, или татбу, или блуд, все въкупе по делом своим приимут: зло сотворшии — муку вечную, а добро сотворшии, Богоу угодно поживше, — жизнь вечную наследят в царствии небеснем.〈...〉

24. О НЕПРАВЕДНОМ ЖИТИИ

А кто не по Бозе живет, не по християньскому житию чинит всякую направду и насилие, и обиду силно отоимет, возмя не заплатит, волокитою уморит, а молода человека во всем изоби-

дит, а на суседьстве кто не добр или в селе на своих хрестиян или на приказе, или на власти дани тяжкия, и всякие уроки незаконныя накладывает, или чюжую ниву попахал, или лес посек, или землю переорал, или луг перекосил, или ловлю рыбную переловил, или борти или перевесье и всякую ловлю, и всякое угодье неправдою и насилием сотворит или ограбит, или покрадет, или розобьет, или кого чим поклеплет, или кого чим подкинет, или чим ополичьнит, или напрасно кого продаст, или в работу неповинных лукавьством или насилием охолопит, или непрямо судит или *неправедно* обыскивает или накриве послушествует, или кающимся немилостив, или лошадь или всякую животину и всякое стяжение и села или винограды, или дворы и всякое угодие силою отимет, или дешево в неволю купит, или ябедничеством вытяжет или корчемным прикупом, или лихвы, и всяким лукавным ухищрением, и неправедным собранием или росты и насъпы и мыта, всякия неподобныя дела: блуд, нечистоту, сквернословие и срамословие, и клятвопреступление, и ярость, и гнев, и злопамятство, — сам государь или государыня творят или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, государи, о том не возбраняют и не обороняют, и управы не дают — прямо и все вкупе будут во аде, а зде прокляти, ино во всех тех плодех не благословеных, а от Бога не помилован, а от народа проклят, а обидимии Богу вопиют; а своей души на погибель, а дому тщета, и все проклятое, а не благословеное: и носити, и ясти, и пити — то все стяжание и плоди не Божии, но бесовские; низходят во ад живы душа их, тако творящих, а от них всякого обилия и плодов от таковых неприятна Богу милостыня ни при животе, ни по сьмерти, аще хощете вечныя муки избыти, отдай неправедное обидимому и кайся вперед тако не творити со всеми своими, еже есть писано: «Скор Господь на милость свою, истинно кающихся приемлет, и великим грехом свободу дарует».〈...〉

27. АЩЕ КТО НЕ РАЗСУДЯ СЕБЯ ЖИВЕТ

Всякому человеку: богату и убогу, велику и малу — разсудити себя и сметити по промыслу и по добытку, и по своему имению, а приказному человеку сметя собя по государьскому жалованью и по доходу, и по поместью, и таков двор себе держати, и всякое стяжание, и всякой запас; по тому и люди держати, и всякой обиход, по промыслу и по добытку по тому и ести, и пити, и носити, и людей одевати, и в людьми сходитися з добрыми. Аще кто не разсудя собя и не сметя своего житья и промысла, и добытка, и учнет на люди глядя жити не по силе и заимуя, или неправедным имением, и та честь будет с великим бесчестием и со укоризною, и с поношением, в злое время нихто ему не поможет, а от Бога грех, а от людей посмех, ино надобе всякому человеку тщеславия бегати и похвалы, и неправеднаго собрания, жити по силе и по промыслу, и по смете, и по добытку своею правою силою. Ино то житие благоприятно и богоугодно, и от людей похвално, и себе, и детем своим прочно.〈...〉

32. ВСЯКАЯ ПОРЯДНЯ ДОМАШНЯЯ ДЕРЖАТИ

А всякому рукоделью и у мужа, и у жены, всякая бы порядня и снасть была в подвории: и плотницкая, и портново мастера, и железная, и сапожная, и у жены бы всякому ей рукоделью и домовитому обиходу всякая бы была порядня своя, и держано бы то бережно, где что пригоже: ино что себе ни зделал, и нихто ничево не слыхал, в чюжий двор не идешь, ни пошто свое без слова. А поваренная порядня и хлебная, а все бы было у собя сполна: и медяное, и оловяное, и железное, и деревяное — каково ся лучит, а лучится у кого кокая ссуда взять или свое дать: саженье или мониста, или *съкрута* женьна, судно серебряное или медяно, или оловяное, или какое платно, и како ни буди запас пересмотрити и нового и ветшаного, где измято или избито, или утло, или што где изваляно или подралося, и которая на чем ни буди притча, или што не цело, — и все то исчести и сметити и записати, и хто емлет, и хто дает — обема то бы было ведомо. А что весовое — то бы извешено, и всякой ссуды бы цена поставлена: по грехом какова притча станетца, ино на обе стороны хлопотов и остуды нет, ино тому платежь. А всякая ссуда имати и давати в честь и беречи паче своего, и отнести на срок, чтобы сами государи того не просили и по то не посылали: ино и впредь дадут, и дружба впрок. А толко чюжаго не беречи или не срок не отнести или испортив отдать, ино остуда въ век и убыток в том, и продажа живет, и впередь нихто ни в чем не верит.〈...〉

38. КАК ИЗБНАЯ ПАРЯДНЯ УСТРОИТИ ХОРОШО И ЧИСТО

Стол и блюда, и ставцы, и лошки, и всякие суды и ковши, и братены, воды согрев, из утра перемыти и вытерьти, и высушить, а после обеда також и вечере; а ведра и ночвы, и квашни, и корыта, и сита, и решета, и горшки, и кукшины, и корчаги также всегды вымыты и выскресть, и вытерть, и высушить, и положить в чистом месте, где будет пригоже быти. Всегда бь всякие суды и всякая порядня вымыто и чисто бы было, а по лавке и по двору, и по хоромам суды на волочилися бы, а ставцы и блюда, и братены, и ковши, и лошки по лавке не валялися бы, где устроено быти в чистом месте лежало бы опрокинуто ниц; а в каком судне што ества или питие, и то бы покрыто было чистоты ради, и всякие суды сь ествою или с питием, или с водою, или квашня ростворить, всегда бы покрыто было, а в ызбе и повязано от тороканав и от всякия нечистоты. Изба и стены, и лавки, и скамъи, и пол, и окна, и двери, и в сенех, и на крылцы вымыть и вытерть, и выместь, и выскресть, всегда бы было чисто, и лесницы, и нижнее крылце, — все бы то было измыто и выскребено, и вытерто, и сметено, да перед нижним крыльцом сена положить грязные ноги отирать, ино лесница не угрязнится, и у сеней перед дверьми рогошка или войлок вет-

шаной положить или потирало ноги грязные отирать, чтобы мосту не грязнить в грязное погодье; у нижнего крылца сено или солома переменити, а у дверей рогозинка или войлок переменити или потирало чистое положить, а грязъное прополоскать и высушить, и опять туто же под ноги пригодится. Ино то у добрых людей, у порядливой жены всегды дом чист и устроен, — все по чину и упрятано, где что *пригоже,* и причищено, и приметено всегды: в устрой как в рай воити. Всего того и всякой порядни жена смотрила и учила слуг и детей добром и лихом: не имет слов, ино ударить; и увидит мужь, что не порядливо у жены и слуг или не по тому о всем, что в сей памяти писано, ино бы умел свою жену наказывати всяким разсужением и учити; аще внимает — и по тому все творити и любити, и жаловати, аще жена по тому научению и наказанию не живет, и так того всего не творит и сама того не знает, и слуг не учит, ино достоит мужу жена своя наказывати, и ползовати страхом наедине и, понаказав, и пожаловати, и примолвити, и любовию наказывати, и разсужати, а мужу на жену не гневатися, а жене на мужа, всегды жити в любви и в чистосердии. И слуги и дети, тако же посмотря по вине и по делу, наказыти и раны возлогати да казав пожалоти, а государыни за слуг печаловатися по разсужению, ино служкам надежно. А толко жены или сына, или дщери слово или наказание не имет, не слушат и не внимает, и не боитца, и не творит того, как мужь или отец, или мати учит, ино плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине поучити, да примолъвити, и пожаловати, а никако же не гневатися ни жене на мужа, ни мужу на жену. А по всяку вину по уху ни по виденью не бити, ни *под серцо* кулаком, ни пинком, ни посохом не *колотить,* никаким железным или деревяным не бить; хто с серца или с кручины так бьет, многи притчи от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут, и перст, и главоболие, и зубная болезнь, а у беременных жен и детем поврежение бывает во утробе. А плетью с наказанием бережно бити, и разумно, и болно, и страшно, и здорова, а толко великая вина и кручинавата дело, и за великое, и за страшное ослушание и небрежение, ино соимя рубашка плеткою вежливенко побить, за руки держа, по вине смотря, да поучив примовити: «А гнев бы не был, а люди бы того не ведали и не слыхали, жалоба бы о том не была». А по людцкой ссоре или по оговору без обыску без прямого брань и побои, и гнев никако же бы не было, како было наношение или речи недобрые, или своя примета — того наедине пытати добром: истинне покается — безо всякаго лукавства милостивно наказать да и пожаловати, по вине смотря; а толко не виновато дело, ино оговорщиком не попущати, ино бы вперед вражда не была, а толко по вине и по обыску по прямому; а не каетца о грехе своем и о вине, то уже наказание жестоко надобет, штобы был виноватой в вине, а правой в правде: поклонны главы мечь не сечет, а покорно слово кость ломит.〈...〉

45. ОГОРОД И САД КАК ВОДИТЬ

А у которого человека огородец есть и кто пашет огород, сам ли государь дозирает или государыня, или кому приказано, первое городба перекрепити, чтобы в огород собаки ни свиньи, ни куром, ни гусем, ни уткам и всякой *животине* взойти не *имут* ни с чюжево двора, ни с своего, ино яблоням и всякому плоду пакости нет, а с суседы остуды — толко от тобя твердо твоей животине к ним не уметь, а их к тебе. А двор бы был потому же везде бы крепко горожен или тынен, а ворота всегда приперты, а к ночи замъкнуты, а собаки бы сторожливы, а слуги бы стерегли же, а сам государь или государыня послушивают ночи. А огород всегды бы был замкнут, да кому приказано, тот бы его всегды берег и день и ночь, и в нем всегда дозирал. Да как гряды копати весне и навоз класти, а навоз зиме запасати, и к садилом на дыни варовые гряды готовить, и всякие семена водить у себя и, посадив или посеев всякие семена и всякое обилие, в пору поливати и укрывати, и от морозу всегды беречи, и яблони подчишати и суша выбирати, и почки разсаживати, и пенки и почки прививати, и гряды всякое обилие полоти, и капуста от черьвя и от блохи беречи и обирати, и оттрясывати, а возле тына около всего огорода борщу сеет, где крапива ростет, и с весны его варит про себя много, и тово в торгу не купит, и нужному дасть Бога ради, а толко у молода человека ино и продаст, на иную вологу. А как насадит капусты и свеклы и поспеет, листье капустное варит, и как учнет витися въ клуб, и толко часта, ино изретка секучи варити, а листья, обламываючи, животина кормить. А в ту пору и до осени борщ режучи сушит, ино всегда пригодится — и в год, и в даль; и капусту все лето варит и свеклу, а в осень копусту солити, а свеколной росол ставит, а огурцы солит, а летом прохлажаетца: ест дыни, стручье, морковь, огурцы и всякой овощ, а, Бог послал, поболши чево *природилося,* ино и упродаст. А сад развадити про себя, ино прививка от древа до древа по три сажени и болши, ино яблони ростут велики, обилью и всяким овощем не помешает ростет, а как будет густо от ветъя по деревием, не растет ништо, ино борщу насеяти, ино всегды плод. А падушок яблочных и што поспело, огурцы и дыни, и всякой овощь, в пору бы обирати, што про себя сьесть или поблюсть, или в год что поставить, или что осолить, или в квасы ставить яблока и груши, или в патоке и ягодный, и вишневой морс, а в дешевую пору и грибы сушить, и грузди, и рыжики солить, и всякой овощь в год ставити, или чево упродати, — то бы все было убережено, а семена бы всякие у собя водить, ино велика прибыль: в торгу тово не купишь, а будет слишком, и ты и продаш.〈...〉

49. МУЖУ З ЖЕНОЮ СОВЕТОВАТИ КАК КЛЮЧНИКУ ПРИКАЗАТИ О СТОЛОВОМ ОБИХОДЕ, О ПОВАРНЕ И О ХЛЕБНЕ

По вся дни и по вся вечеры, исправя си долг душевный, и во утрии встати по звону и после пения мужу з женою советовати о устроении домовном, на ком что положено и каму которое дело приказано ведати, и тому наказати, что коли устроити ести и пити про гости или про себя, или ключник по государеву приказу прикажет что купити на обиход и, купив что принесут, то смети и правды смотрити; а повару отдаст то, что варити, и хлебнику, и на приспехи на всякие, по тому же отдаст. А всегды бы то было в памяти, что государю сказати. А в поварню ества мясная и рыбъная и печь и варити отдавати в число, колко государь велит, и на колко блюд, да испечено и съварено, но у повара взяти в число же. А на стол всякая ества ставити по государеву наказу по гостем смотря, а хлебенной приспех по тому же дати в число и взяти в число же, и всякой ествы, что у стола останетца и цело, и едено, и ух и приспеху всякого, а целую ества перебрати, а початое о себе и мясное и рыбное, и покласти в суды в чистые и в твердые и покрыть, и в леду засечь; а початая ества и всякие остатки давати на обиход, как по пригожу а целое блюсти про государя и государыню и про гость; а питье в стол давати по приказу, по гостем смотря и без гостей, а государыне брага или квас. А суды бы всякие столовые и поваренные всегды после стола в горячей воде перемыть и переполоскать и перетерть и высушить и, все собрав, счести и устроити з замком, где что живет и у хово што на руках. А столовые суды: оловяники и *братины,* и ковши, и судки столовые — всегда беречи, и уксусницы, перешницы, росолники, солоницы, лошки, блюды, ставцы, скатерти и фаты, всегды бы было чисто, и готово на стол. И стол бы был чист, и скамъи, и лавки, и избы, и образы на стене уставлены, а изба метена и устроена. А уксус и огуречной росол и лимонной, и сливной, — все бы цежено в ситце, и огурцы и лимоны, и сливы также бы очищено и перебрано, и на столе бы было чисто и скусно. А рыба прутовая и всякая вялая, и всякая студень, посная или мясная, и икра, и капуста — очищено, и по блюдом раскладено, до стола изготовлено. А питье бы всякое чисто, в ситце бы цежено. А ключники бы и повары, и хлебники, и всякие стряпчие сами бы къ столу при людех устроилися чистенко, а руки бы были мыты чисто во всяко стряпни. А всякие суды и всякая порядня у ключника и у всех стряпчих, все бы было мыто и чисто и бережьно и у государыни и у ее слуг по тому же. А ества и питие на столь понести осмотря, чтобь то судно было чисто, в чем несешь, и ества или питие чисто же бес пороха и бес пригарины: осмотря ставить, а поставя ествy или питие, да тут ни кашлять ни сморкать, отшед на сторону, вычистить нос или выкашлятся, ино не скаредно и вежливо.

50. КЛЮЧНИКУ ПРИКАЗ, КАК ПИР ЛУЧИТСЯ

А коли пир болшой, ино всюды самому дозирати и в поварне и в хлебне, а за столом ества отдавати приставити добра человека, а у поставца, у питья и у судов бережной же доброй человек надобе. А в стол питье подавати по государеву наказу, кому што велено, а на сторону никому не давати без веления. И как пир минет, и вес запас серебряной и оловяной, и всякие суды смотрити и счесьти, и поваренной, и хлебной, и ества перебрати и питие созрити, початое дополнивати. А в пир на дворе брежен же человек надобе, всего бы смотрил и берег, и домашние всякие порядни: не окрали бы чево. И гостя пьяново беречи, чтобы не истерял чево, и брань бы не была. А как стол отойдет, ино суды сметити всякие и перемыти велети, и всякая ества перебрати, мясная или рыбная, и студень, и ухи, и устроити по преже писанному. А коево дни пир, тово вечера или порану самому государю пересъмотрити, все ли по здорову, и сметити и перепытати у ключника подлинно, колько чево сьедено и испито, и кому что отдано, и кому что послано, и всякой бы росход во всяком обиходе был в ведоме, и суды бы всякие были в счете, и умел бы государю сказати про все прямо, куды што розошлося и куда что дано, и сколко чево розошлося; и толко дал Бог — все по здорову и не исьтеряно, и не испорчено и ништо, ино государю ключника пригоже почтити и иных служек по тому же: и поваров, и хлебников, которые *бережно* стряпали; а не пили, ино всех прохладит и накормит и напоит.⟨...⟩

54. В ПОГРЕБЕ И ЛЕДНИКЕ ВСЕГО БЕРЕЧИ

А в погребе и на ледникех и на погребицех хлебы и колачи, сыры, яйца, забела и лук, чеснок и мясо всякое, свежее и солонина, и рыба свежая и просольная, и мед пресной, и ества вареная мясная и рыбная, студенью и всяй запас естомой, и огурцы, и капуста соленая и свежая, и репа, и всякие овощи, и рыжики, и икра, и росолы ставленыя, и морс, и квасы яблочные, и воды брусничные, и вина флязские и горючие, и меды всякие, и пива сыченые и простые и брага, и всяго того запасу ключнику ведати. И сколко чево на погребице поставлено, и на леднике и на погребе, — и все бы то сочтено и перемечено, што вполне, что не вполне, и перемечено, и записано, и сколко чево куды отдаст по приказу государеву, и сколко чево разоидетца, — то бы было все в счете, было бы што господарю сказать и отчет во всем дати. А все бы то было чисто и в покрыте и не затхлося и не заплеснело, и прокисло. А вина фряские и сыченая перевара, и всякое лутчее питье в опришенном погребе за замком держать, а сам бы тамо ходил.⟨...⟩

ДОМОСТРОЙ
(Перевод)

Книга, называемая Домостроем, которая содержит в себе полезные сведения, поучение и наставление всякому христианину — и мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам

1. НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА СЫНУ

Благословляю я, грешник имярек, и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их детей, и домочадцев: следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде, с верой творя волю Божью и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе Божьем, в праведном житии, и жену поучая, также и домочадцев своих наставляя, не насильем, не побоями, не рабством тяжким, а как детей, чтобы были всегда упокоены, сыты и одеты, и в теплом дому, и всегда в порядке. И отдаю вам, живущим по-христиански, писание это на память и на вразумление вам и детям вашим. Если этого моего писания не примете и наставления не послушаете и по нему не станете жить и поступать так, как здесь написано, то сами за себя ответ дадите в день Страшного суда, я к вашим проступкам и греху не причастен, то вина не моя: я ведь благословлял на благочинную жизнь, и думал, и молил, и поучал, и писание предлагал вам; если же это мое простое поучение и слабое наставление в этом писании примите вы со всею чистотою душевной, прося у Бога помощи и разума, насколько возможно, и, коли Бог вразумит, в дело его претворите, — будет на вас милость Божья, и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение отныне и до скончания века, и дом ваш, и чада ваши, и имение ваше, и богатство какие вам Бог даровал от ваших трудов, — да будут благословенны и исполнены всяческих благ во веки веков. Аминь.⟨...⟩

6. КАК ПОСЕЩАТЬ В МОНАСТЫРЯХ, И В БОЛЬНИЦАХ, И В ТЕМНИЦАХ, И ВСЯКОГО В СКОРБИ

В монастыре, и в больнице, и в затворничестве, и в темнице заключенных посещай и милостыню, что просят, по силе своей возможности подавай, и вглядись в беду их и скорбь, и в нужды их, и, насколько возможно, им помогай, и всех, кто в скорби и бедности, и нуждающегося, и нищего не презирай, введи в дом свой, напои, накорми, согрей, приветь с любовью и с чистою совестью: и этим милость Бога заслужишь и прощение грехов получишь; также и родителей своих покойных поминай прино-

шением в церковь Божию, и дома поминки устраивай, а нищим раздай милостыню, тогда и сам будешь помянут Богом.〈...〉

11. КАК КОРМИТЬ ПРИХОДЯЩЕГО В ДОМ ЧИННО

Перед началом трапезы прежде всего священники Отца и Сына и святого Духа восславляют, потом деву Богородицу; едят с благоговением и в молчании или ведя духовную беседу, и тогда им ангелы невидимо предстоят и записывают дела добрые, и еда и питье в сладость бывают; если же вначале выставленную еду и питье похулят, тогда словно в отбросы превращается то, что и сами едят; а если при этом бесстыдные речи и непристойное срамословие, и смех, и всяческие забавы или игра на гуслях, и пляски, и хлопанье в ладоши, и прыжки, и всякие игры и песни бесовские, — тогда, как дым отгоняет пчел, так отойдут и ангелы Божьи от этой трапезы и непристойной беседы; и возрадуются бесы и налетят, увидев свой час, и тогда творится все, что им хочется: бесчинствуют игрою в кости и в шахматы и всякими играми бесовскими тешатся, дар Божий — еду, и питье, и всякие плоды — на посмешище выбросят и прольют, друг друга бьют и обливают, всячески надругаясь над даром Божьим, а бесы записывают деяния их, приносят к сатане и вместе радуются погибели христиан. И все те деяния предстанут в день Страшного суда. О горе творящим такое! Когда иудеи сели в пустыне поесть и попить и, объевшись и упившись, начали веселиться и блуд творить, тогда земля поглотила их двадцать тысяч и три тысячи. О, устрашитесь, люди, и творите волю Божью так, как в Законе писано, а от такого злого бесчинства сохрани, Господи, всякого христианина. И есть бы вам и пить во славу Божию, а не объедаться и не упиваться, пустых разговоров не вести и, если перед кем-то ставишь еду или питье и всякие яства или же перед тобою поставят какие яства, не подобает хулить их и говорить: «гнилое», или «кислое», или «пресное», или «соленое», или «горькое», или «протухло», или «сырое», или «переварено», или какое-нибудь еще порицание высказывать, но подобает дар Божий — всякую пищу — расхваливать и с благодарностью есть, и тогда Бог пошлет благоухание и превратит горечь в сладость. Если же какая еда или питье не годятся, наказывать домочадцев, того, кто готовил, чтоб наперед подобного не было.〈...〉

15. КАК ДЕТЕЙ СВОИХ ВОСПИТАТЬ В ПОУЧЕНИИ И СТРАХЕ БОЖЬЕМ

А пошлет Бог кому детей — сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху Божию и вежливости и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить

рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей; кто в чем способен, какие кому Бог возможности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. Наказывай детей в юности — упокоят тебя в старости твоей. И беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им и ответ держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные поучений отцов и матерей, в чем согрешат или зло сотворят, то отцам и матерям от Бога грех, а от людей укоризна и насмешка, дому же убыток, а себе самим скорбь и ущерб, от судей же пеня и позор. Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе Божьем и в добром наставлении и научены всякому разуму, и вежливости, и промыслу, и рукоделию, — такие дети с родителями своими будут Богом помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми восхвалены, а вырастут — добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или по Божьей милости своих дочерей за сыновей их выдадут замуж. Если же из таких-то какое дитя и возьмет Бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят Богу непорочную жертву, и как вселятся такие дети в чертоги вечные, то получают у Бога право просить милости и прощения грехов также и для своих родителей.

16. КАК ДОЧЕРЕЙ ВОСПИТАТЬ И С ПРИДАНЫМ ЗАМУЖ ВЫДАТЬ

А у кого дочь родится, тогда рассудительные люди от всякой прибыли на дочь откладывают: на ее имя или животинку растят с приплодом или из полотен, и из холстов, и из кусков ткани, и из убрусов, и из рубашек все эти годы ей в особый сундук кладут и платье, и уборы, и мониста, и утварь церковную, и посуду оловянную, и медную, и деревянную; добавлять всегда понемножку, а не все вдруг, себе не в убыток. И всего будет полно. Так дочери растут, страху Божью и знаниям учатся, а приданое их понемногу прибывает, только лишь замуж сговорят — тут все и готово. А кто заранее о детях не раздумывает, то как замуж отдавать, тотчас же и покупать все, так что скорая свадьба вся на виду; а коли по Божьему желанию дочь та преставится, то ее приданым поминают душу ее в сорокоуст, и милостыню из него же дают. А если другие дочери есть, таким же образом и о них заботиться.

17. КАК ДЕТЕЙ УЧИТЬ И СТРАХОМ СПАСАТЬ

Наказывай сына своего в юности его и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери

у тебя, направь и на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании ходит, и не твоя вина, если по глупости нарушит она девство свое и станет известно знакомым твоим, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если отдашь дочь свою беспорочной, будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься, никогда не сердясь на нее. Любя же сына своего, увеличивай ему раны, и потом не нахвалишься им; наказывай сына своего с юности и порадуешься на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь — в большом пострадаешь скорбя и в будущем будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой.

18. КАК ДЕТЯМ ОТЦА И МАТЬ ЛЮБИТЬ, И БЕРЕЧЬ, И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ, И УТЕШАТЬ ИХ ВО ВСЕМ

Чада, вслушайтесь в заповеди Господни, любите отца своего и мать свою, и слушайте их, и повинуйтесь им в Боге во всем, и старость их чтите, и немощь их и всякую скорбь от всей души на себе понесите, и благо вам будет, и долго пребудете на земле, за то простятся грехи ваши, и Бог вас помилует, и прославят вас люди, и дом ваш благословится навеки, и наследуют сыны сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает, или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или ругает, тот перед Богом грешен и проклят людьми; того, кто бьет отца и мать, — пусть отлучат от церкви и от всех святынь и пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо написано: «Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит». Сын или дочь, непослушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца дней своих, если прогневают отца или досадят матери. Кажется он себе праведным перед Богом, но он хуже язычника, сообщник нечестивых, о которых пророк Исайя сказал: «Погибнет нечестивый и пусть не увидит славы Господней». Он назвал нечестивыми тех, кто бесчестит родителей своих и еще насмехается над отцом и укоряет старость матери, пусть же склюют их вороны и сожрут орлы! Честь же воздающим отцу и матери и повинующимся им в Боге, станут они во всем утешением родителей, и в день печали избавит их Господь Бог, молитву их услышит, и все, что попросят, подаст им благое; утешающий мать свою волю Божью творит и угождающий отцу в благости проживет. Вы же, дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас они благословят: отчее благосло-

вение дом укрепит, а материнская молитва от напасти избавит. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети; не забывайте труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь, как и они о вас. Не говори много: «Оказал им добро одеждой и пищей и всем необходимым», — этим ты еще не избавлен от них, ибо не сможешь их породить и заботиться так, как они о тебе; вот почему со страхом служи им раболепно, тогда и сами от Бога примете дар и вечную жизнь получите, как исполняющие заповеди его.⟨...⟩

21. НАКАЗ МУЖУ, И ЖЕНЕ, И РАБОТНИКАМ, И ДЕТЯМ, КАК ПОДОБАЕТ ИМ ЖИТЬ

Да самому тебе, господину, и жене, и детям, и домочадцам — не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым, всякое дело править без волокиты и особенно не обижать в оплате работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть ради Бога: и поношение, и укоризну, если поделом поносят и укоряют, с любовию принимать и подобного безрассудства избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем не повинен, за это от Бога награду получишь. А домочадцев своих учи страху Божию и всякой добродетели, и сам то же делай, и вместе от Бога получите милость. Если же небрежением и нерадением сам или жена, наставлением мужа обделенная, согрешит или что нехорошее сотворит, и все домочадцы, мужчины и женщины и дети, хозяйского наставления не имея, грех какой или зло совершат: или ругань, или воровство, или блуд, — все вместе по делам своим примут; зло сотворившие — муку вечную, а добро сотворившие, угодно Богу прожившие, — жизнь вечную получат в царствии небесном.⟨...⟩

24. О НЕПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ

А кто не по-Божьи живет, не по-христиански, чинит всякую неправду и насилие, и обиду наносит большую, и долгов не платит, томит волокитой, а незнатного человека во всем изобидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя при власти накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги, или чужую ниву распахал, или лес посек, или землю перепахал, или луг перекосил, или переловил всю рыбу в чужом садке, или борти, или перевесище и всякие ловчие угодья неправдою и насилием захватит и ограбит, или покрадет,

или уничтожит, или кого в чем ложно обвинит, или кого в чем подведет, или в чем обманет, или ни за что кого-то предаст, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или неправедно производит розыск, или ложно свидетельствует, или к раскаявшимся немилостив, или лошадь, и всякое животное, и всякое имущество, и села или сады, или дворы и всякие угодья силою отнимет, или задешево в неволю купит, или сутяжничеством оттягает или корчемной прибылью, или процентами, и разным лукавым ухищрением, и неправедно скопленным на процентах, поборах или мздах, и во всяких непотребных делах: в блуде, в распутстве, в сквернословии и срамословии, и клятвопреступлении, в ярости, и гневе, в злопамятстве, — сам господин или госпожа их творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, господа, в том не возбраняют им и не хранят их от бед и никакой управы не находят на них, — обязательно все вместе будут в аду, а на земле прокляты, ибо во всех тех делах недостойных хозяин такой Богом не прощен и народом проклят, а обиженные им вопиют к Богу. И своей душе на погибель, и дому в запустение, и все проклято, а не благословлено: и владеть, и есть, и пить — то все прибыли и доходы не от Бога, но от бесов; нисходят в ад живые души поступающих так, и милостыня от таковых ни зерном, ни плодом не желанна Богу ни в жизни их, ни после смерти; если хочешь от вечной муки избавиться, отдай неправдой захваченное и впредь обещай обиженному не поступать так со всеми своими, как и написано: «Скор Господь на милость свою, истинно раскаявшихся принимает и даже страшные грехи прощает».⟨...⟩

27. ЕСЛИ КТО ЖИВЕТ, НИЧЕГО НЕ РАССЧИТАВ

Всякому человеку: богатому и бедному, большому и малому — все рассчитать и разметить, исходя из ремесла и из доходов, а также и по имуществу; приказному же человеку все рассчитать, учтя государево жалованье и по доходу, и по поместью, и такой уж двор при себе держать и все имущество и всякий припас; по тому же расчету и людей держать, и все хозяйство, по ремеслу своему и прибыли — и есть, и пить, и одежду носить, и людей одевать, и с людьми сходиться с нужными. Если же кто, не рассчитав своего и не разметив житья своего и ремесла и прибыли, начнет, на людей глядя, жить не по средствам, занимая или беря незаконным путем, та честь его обернется великим бесчестием со стыдом и позором, и в лихое время никто ему не поможет, да и от Бога грех, а от людей насмешка; надобно каждому человеку избегать тщеславия, и гордыни, и греховных встреч, жить по силе своей и по возможности, и по расчету, и на прибыль от законных средств. Ибо такое житье удобно, и Богу

угодно, и похвально среди людей, а себе и детям своим надежно.⟨...⟩

32. ВСЯКИЙ ПОРЯДОК ДОМАШНИЙ СОДЕРЖАТЬ

А для всякого рукоделья и у мужа и у жены всякое бы орудие в порядке было на подворье: и плотницкое, и портновское, и кузнечное, и сапожное, а у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода всегда бы порядок был свой, и держалось бы все то бережно, где что нужно: и что себе не сделал — никто ничего не слыхал, в чужой двор не идешь, берешь свое без лишнего слова. А поварские принадлежности и хлебопекарные все бы были у самого сполна: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное, — какое найдется. Если же и придется у кого в долг взять или свое дать: украшения, или мониста, или женскую одежду, сосуд серебряный, или медный, или оловянный, или какое платье, — и как-нибудь запасы пересмотреть, и новое все, и ветхое: где измято, или побито, или дыряво, или что где измазано или продралось, и какой-то в чем-нибудь непорядок или что не цело, — и все то пересчитать, и отметить, и записать — и кто берет, и кто дает — обоим то было бы ведомо. А что можно взвесить — то бы взвешено было, и всякой ссуде определили бы цену: по нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет, ибо цена известна. А всякую ссуду и брать и давать честно, хранить сильней своего и возвратить в срок, чтобы сами хозяева о том не просили и за вещами не посылали: тогда и впредь дадут и дружба навек. А если чужого не сохранять, или в срок не вернуть, или испортил, то обида навек и убыток в том и пени бывают, да и впредь никто и ни в чем не поверит.⟨...⟩

38. КАК ПОРЯДОК В ИЗБЕ НАВЕСТИ ХОРОШО И ЧИСТО

Стол, и блюда, и поставцы, и ложки, и всякие сосуды, и ковши, и братины, воды согрев, с утра перемыть и вытереть и высушить, и после обеда также, и вечером; а ведра и ночвы, и квашни и корыта, и сита и решета, и горшки и кувшины, и корчаги также вымыть всегда, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить в чистом месте, где будет удобно хранить. Всегда бы все сосуды и посуда вымыты и чисты были, а на лавке, и по двору, и по комнатам посуда не валялась бы, поставцы, и блюда, и братины, и ковши, и ложки на лавке не валялись бы, но там, где положено, в чистом месте лежали бы, опрокинуты вниз; а в какой посуде что лежит из еды или питья, так то покрыто было бы чистоты ради и вся посуда с едой или с питьем или с водою; если квашню творить, всегда бы было покрыто, а в избе и завязано от тараканов и от всякой нечисти. Избу, и стены, и лавки, и скамьи, и пол, и окна, и двери, и в сенях, и на крыль-

це — все вымыть и вытереть, и вымести и выскрести, и всегда бы было чисто; и лестницы, и нижнее крыльцо — все бы было вымыто, и выскоблено, и вытерто, и выметено, а перед нижним крыльцом положить сена, чтобы грязные ноги вытирать, тогда и лестница не загрязнится; и в сенях перед дверями рогожку или ветхий войлок положить или тряпку — вытирать грязные ноги, чтобы в плохую погоду полов не пачкать; у нижнего крыльца сено или солому переменять, а у дверей рогожку или войлок переменять или тряпку чистую положить, а загрязненное прополоскать и высушить и снова туда же под ноги сгодится. Вот потому-то у добрых людей, у хозяйственной жены дом всегда чист и устроен, — все как следует припрятано, где что нужно, и вычищено, и подметено всегда: в такой порядок как в рай войти. За всем тем и за любым обиходом жена бы следила сама да учила слуг и детей и добром и лихом: а не понимает слова, так того и поколотить; а увидит муж, что у жены непорядок и у слуг, или не так все, как в этой книге изложено, умел бы свою жену наставлять да учить полезным советом; если она понимает — тогда уж так все и делать, и любить ее, и хвалить, но если жена науке такой и наставлению не следует, и того всего не исполняет, и сама ничего из того не знает, и слуг не учит, должен муж жену свою наказывать и вразумлять наедине страхом, а наказав, простить, и попенять, и с любовью наставить, и поучить, но при этом ни мужу на жену не гневаться, ни жене на мужа — всегда жить в любви и в согласии. А слуг и детей, также смотря по вине и по делу, наказать и посечь, а наказав, пожалеть; госпоже же слуг защищать в разбирательстве, тогда и служкам уверенней. Но если слову жены, или сына, или дочери слуга не внимает, и наставление отвергает, и не послушается, и не боится их, и не делает того, чему муж, или отец, или мать учат, тогда плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине поучить, да приговаривать, и попенять, и простить, но никогда не гневаться ни жене на мужа, ни мужу на жену. И за любую вину ни по уху, ни по глазам не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ничем железным или деревянным не бить; кто в сердцах или с кручины так бьет, многие беды от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут и палец, могут быть и головные боли, и выпадение зубов, а у беременных женщин и преждевременные роды. Плетью же в наказании осторожно бить, и разумно и больно, и страшно и здорово, но лишь за большую вину и под сердитую руку, за великое и за страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях, рубашку содрав, плеткой тихонько побить, за руки держа и по вине смотря, да, поучив, попенять: «А и гнев бы не был, и люди бы того не ведали и не слыхали, жалобы бы о том не было». Да никогда бы не были брань и побои и гнев на ссору слуг или их наговор без справедливого следствия, и если были оскорбления или нехорошие речи или свои подозрения, — виновного наедине

допросить по-хорошему: покается искренне, без всякого лукавства — милостиво наказать да простить, по вине смотря; но если оговоренный не виноват, оговорщиков уж не прощать, чтобы и впредь распрей не было, да и судить лишь по вине и по справедливому розыску; если же виновный не признается в грехе своем и в вине, тут уже наказание должно быть жестокое, чтобы был виноватый в своей вине, а правый в правоте: повинную голову меч не сечет, а покорное слово кость ломит. ⟨...⟩

45. КАК ОГОРОД И САД РАЗВОДИТЬ

А у которого человека и огородик есть, то за тем, кто работает в нем, либо сам господин доглядывает, либо госпожа или тот, кому поручено; прежде всего — укрепить ограду, чтобы в огород ни собаки, ни свиньи, ни куры, ни гуси, ни утки, никакая скотина не могла зайти ни с чужого двора, ни со своего, тогда яблоням и всяким растениям урона нет, да и от соседей никаких упреков — всегда твоей скотине ход перекрыт от тебя, а их скотине — к тебе. Также и двор бы был везде огорожен крепко, и тыном заделан, и ворота всегда прикрыты, а к ночи и заперты, да собак держать сторожевых, и слуги бы охраняли, да и сам господин или госпожа послушивают в ночи. Огород же всегда бы был заперт, а кому поручено, тот бы всегда охранял его, сторожил днем и ночью. Когда ж по весне гряды копать и навоз возить, так навоз зимой запасти, а перед посадкой дынь парниковые грядки готовить да всякие семена заводить у себя и, посадив и посеяв разные семена и всякие зерна, вовремя их поливать и укрывать, сберегая всегда от мороза, а яблони обрезать, выбирая сушняк, черенки нарезать и делать прививку к стволам, и гряды с посевами пропалывать, и капусту от червя и от блох охранять, и обирать их, и отряхивать; а возле тына вокруг всего огорода, где крапива растет, насеять борща и с весны варить его для себя понемногу: такого на рынке не купишь, а тут всегда есть, и с нуждающимися поделиться Бога ради, а если у бедного человека разрастется, то и продаст, обменяв на другую заправку. А коли насадит он капусты и свеклы, и они созреют, то листья капустные может сварить, а станет капуста свиваться в кочан, да еще и густо, то, постепенно отсекая, тоже варить; листьями же, их обламывая, кормить скотину. В ту же пору до самой осени, борщ нарезая, сушить, он всегда пригодится — и в этот год, и позднее; и капусту в течение всего лета варить и свеклу, по осени же хозяин капусту солит, а свекольный рассол готовит и солит огурцы, а летом наслаждается: ест дыни, горошек, морковь, огурцы и всякий овощ, а коли Бог послал и больше чего уродилось, то еще и продаст. А сад заложить самому, чтобы расстояние от дерева до дерева было в три сажени, а то и больше, тогда

яблони растут большими, зерновым и овощам на грядах не мешают, а как разрастутся густо на деревьях ветви, уже ничто на земле не растет, насей тогда борщу, все-таки всегда какой-то урожай. А падалицу с яблонь и то, что поспело из огурцов и дынь и всяких овощей, вовремя бы перебирать, что съесть самому или сберечь, а что и в запас оставить или что засолить, яблоки же и груши заквасить или залить их патокой, ягодным или вишневым морсом; а в дешевую пору и грибы сушить, грузди и рыжики солить, и всякий овощ на хранение ставить, а то и продать что, — и все бы то было сохранено; а семена хорошо бы всякие у себя заводить, ибо от них прибыль велика: чего на рынке не купишь, а у тебя излишек, ты и продашь.〈...〉

49. КАК МУЖУ С ЖЕНОЮ СОВЕТОВАТЬСЯ, ЧТО КЛЮЧНИКУ НАКАЗАТЬ О СТОЛОВОМ ОБИХОДЕ, О КУХНЕ И О ПЕКАРНЕ

Каждый день и каждый вечер, исправив духовные обязанности, и утром, встав по колокольному звону и после молитвы, мужу с женою советоваться о домашнем хозяйстве, а на ком какая обязанность и кому какое дело велено вести, так тем наказать, когда и что из еды и питья приготовить для гостей и для себя; а то и ключник по хозяйскому слову прикажет что-то купить на расход, и когда то, купив, принесут, так отмерить и тщательно оглядеть; повару же то отослать, что нужно варить, и хлебопеку, и для всяких заготовок также товар отослать. И всегда бы ключник держал в памяти то, что нужно сказать господину. А в поварню яства мясные и рыбные отдавать по счету, печь и варить, как господин повелит, на столько блюд пусть испекут и сварят, и готовое у повара взять по счету же. На стол же всякие яства ставить по хозяйскому приказу, смотря по гостям, а хлебный припас и всякой еды также дать по счету и взять по счету же, а если что от стола из похлебок и готовки всякой останется нетронутым и недоеденным, то нетронутые блюда перебрать, а начатые — отдельно, и мясные и рыбные, и положить все в чистую и прочную посуду, и накрыть, и обложить льдом; а начатые блюда и разные остатки отдавать на подъедание, как что сгодится, нетронутое же сохранять для господина и госпожи и для гостя; а напитки к столу давать по наказу, судя по гостям или без гостей, а госпоже только брага да квас. И всю бы посуду столовую и кухонную всегда после стола в горячей воде перемыть и прополоскать, и перетереть и высушить, и, всю собрав, пересчитать и спрятать под замок, и знать, что где находится и что у кого на руках. А столовую посуду — всегда беречь: и тарелки, и братины, и ковши, и судки столовые, и уксусницы, перечницы, рассольницы, солонки, ложки, блюда, поставцы, скатерти и покрывала, — все всегда бы чисто было и готово на стол. И стол бы был чист, и скамьи, и лавки, и ком-

наты, и образа на стене развешены, а изба выметена и прибрана. А уксус, рассол огуречный и лимонный и сливовый, были бы отцежены через сита, огурцы же, лимоны и сливы также были бы очищены и перебраны и на столе было бы чисто и опрятно. А рыба красная и другая вяленая, и всякий студень, постный и мясной, и икра, и капуста — очищены и по блюдам разложены, до еды уже приготовлены. А напитки бы все были чистые, через сита процежены. А ключники бы, и повара, и пекари, и все стряпухи, выходя к столу на люди, сами изрядились бы чистенько, да и руки бы вымыли чисто перед каждой стряпней. А всякая посуда и все снасти у ключника и у всех на кухне были бы вымыты, и вычищены, и в сохранности, а у хозяйки и у ее слуг также. Еду же и напитки на стол нести, оглядев, чтобы посуда, в которой несешь, была чиста и еда или напитки также чисты, без мусора и без пригарины: поставить, осмотрев, а поставив еду или напитки, тут уж не кашлять, не сморкаться, но, отойдя в сторонку, прокашляться или высморкаться, ибо то не бесстыдно и вежливо.

50. КЛЮЧНИКУ НАКАЗ НА СЛУЧАЙ ПИРА

Если же пир большой, то всюду самому наблюдать, и на кухне и в пекарне, а блюда раздавать за столом — поставить умелого человека, да у поставца, у напитков и у посуды нужен бережливый да хороший служитель. А к столу подавать напитки по хозяйскому наставлению, кому что велено, на сторону же никому не давать без разрешения. А как кончится пир, то всю утварь, серебряную и оловянную, и всякую посуду осмотреть и пересчитать, и кухонную и столовую, да блюда перебрать и напитки пересмотреть и початые доливать. Во время же пира надежный человек и на дворе нужен, за всем наблюдал бы и сохранял домашние всякие вещи: не покрали бы чего. И гостя пьяного охранять, чтобы не растерял чего и ругани бы не было. А как стол отойдет, всю посуду пересчитать и велеть перемыть, и всякие блюда перебрать, мясные и рыбные, и студень, и похлебки, и прибрать, как прежде написано. В день же пира под вечер, а то и пораньше самому господину просмотреть, все ли в порядке, и пересчитать, и распытать у ключника доподлинно, сколько чего съедено и выпито, и кому что отдано, и кому что послано, так что всякий расход во всяком деле был бы известен, и посуда бы вся была на счету, и мог бы ключник господину рассказать все точно, куда что разошлось, и кому что дано, и сколько чего разошлось; и если даст Бог — все в порядке, и не истрачено, и не испорчено, и ничего себе, то господину наградить надо ключника и остальных служек также: и поваров, и пекарей, которые с заботой готовили, а не пили, — всех тогда похвалить, и накормить, и напоить.⟨...⟩

54. В ПОГРЕБЕ И НА ЛЕДНИКЕ ВСЕ ХРАНИТЬ

А в погребе, и на ледниках, и в подвалах хлебы и калачи, сыры и яйца, сметана и лук, чеснок и всякое мясо, свежее и солонина, и рыба свежая и соленая, и мед пресный, и еда вареная, мясная и рыбная, студень и всякий припас съестной, и огурцы, и капуста, соленая и свежая, и репа, и всякие овощи, и рыжики, и икра, и рассолы готовые, и морс, и квасы яблочные, и воды брусничные, и вина сухие и горькие, и меды всякие, и пива на меду и простые, и брага, — весь тот запас ведать ключнику. А сколько чего в кладовой поставлено, и на леднике, и в погребе, — все то было бы сосчитано и перемечено, что целиком, а что не полностью, и пересчитано, и записано, и сколько чего и куда отдаст ключник по приказу господскому, и сколько чего разойдется, — и то было бы все в счете, было бы что господину сказать и отчет во всем дать. Да было бы то все и чисто, и накрыто, и не задохлось, и не заплесневело, и не прокисло. И вина сухие, и медовые взвары, и прочие лучшие напитки в особом погребе за замком держать и самому за ними следить.〈...〉

МАКСИМ ГРЕК

ПОСЛАНИЕ О ФОРТУНЕ

Одним из наиболее просвещенных людей первой половины XVI в. был Максим Грек (ок. 1475—1556). Уроженец Греции Максим Грек (в миру Михаил Триволис) в 1492 г. для завершения образования отправился в Италию — во Флоренцию. Здесь он познакомился и общался с гуманистами того времени, был близок к издателю Альду Мануцию. Наиболее сильное впечатление произвели на него проповеди Савонаролы (1452—1498). В начале XVI в. он покидает Италию и поселяется в Ватопедском монастыре на Афоне, где принимает монашество. С этого времени Максим целиком посвящает себя богословию. В 1516 г. по приглашению великого князя московского Василия III Максим выезжает в Москву для перевода Толковой Псалтыри. На Руси он остается до конца жизни. Около Максима группируется кружок образованных русских людей. Он сближается с партией нестяжателей — противников монастырского землевладения. В результате борьбы официальной церкви с нестяжателями Максим был обвинен в ереси и осужден Церковным собором в 1525 г. на заточение в Иосифо-Волоколамском монастыре. На Соборе 1531 г. против Максима был выдвинут ряд новых обвинений, в частности в «порче» богослужебных книг. Его сослали в Тверской Отроч монастырь. Только в 1551 г. по ходатайству игумена Троице-Сергиевой лавры Артемия обвинения против Максима были сняты и его перевели в Троице-Сергиеву лавру, где он прожил остаток своей жизни и был похоронен. Перу Максима Грека принадлежит огромное литературное наследие, весьма разнообразное: проповеди, публицистические сочинения, философские и богословские трактаты, переводы, статьи по грамматике и риторике. Публикуемое в хрестоматии послание «О фортуне» отражает общественную атмосферу на Руси XVI в., когда в умах людей широкое распространение получили астрологические идеи.

Текст и перевод печатаются по изданию: ПЛДР. 6. С. 456—465.

ПОСЛАНИЕ О ФОРТУНЕ
(Древнерусский текст)

Того же инока Максима Грека послание к некоему иноку, бывшему в игуменех, о немецкой прелести, глаголемей фортуне, и о колесе ея

Многым сущим считаемым от божественаго апостола свойством и действом неложныя и съвръшеныя любви, яже по Бозе — еже не радоватися о неправде, сърадовати же ся истине показателнее аз мню знамение ея. Съй бо въистину верен и истиннейши друг, иже радуется убо от всея души о исправлениих и благопоспешениих друга своего, акы о своих си; скръбит же пакы, егда узрит его или о спасителных заблужающа благочестиа апостольских догмат и отечьских преданий, или в некых житейскых бедах падша; иже и боля за друга своего, тщится всякым образом пособити ему и въ прьвое познание истины привести его. Сею убо и аз любовию связан къ твоему преподобъству, възлюблене ми брате, неправдуя явлюся въистину въ законы святыя любви, аще умльчю, о них же слышу тя вслед идуща еллинскаго, и халдейскаго, и латынскаго, бесы обретенаго учительства.

Глаголю же, о нем же мудръствуеши сам и иных увещаваешь, — колесом счастия глаголемыя по-латински фортуны Христа Бога и Спаса нашего правити же и строити человечьскыя вещи и овех убо тем на высоту властей възводити, овех же оттуду въ последнее низлагати безчестие и безславие. Дивлюся убо, како ты, таков сый и въ разуме богодухновеных писаний искуснейши более иных сверстник твоих, сице скоро въсхищен еси такым богомръзкым учительством прелестника Николаа Германа, ни въ едином божественом Писании дотоле ниже слышав é, ниже видев. Аще убо хощеши сложитися истине, супротивно же паче обрящеши — не токмо отнудь отметаемо é от всех богодухновеных отец и учителех, но и анафемате предаемо то самое и проходящих, и проповедующих é. Вемы бо, яко сицевая прелесть от Зороастра и Тана — древних влъхвов, бывших у персянех, начяло име, иже научишя небесным и звездным движением строятися человеческым всем вещем — аще исправления, аще беды житейскы; ея же прелесть прияшя убо вседушно египтяне, а от них же еллини, иже и промыслишя и ина многа злочестива и хулна на самого съдетеля всех. Ими же мудрьствуют и учат треокаянии, звездонужными силами и планитов къ зодиом снитии являюще его съвръшающа злых и благых, славных же и неславных, ражаемых под тем или под тем планитом и звезде. Сии же умыслишя, от земля и чрева своего вещающе, баснословное имя счастиа или фортуны, ея же и слепу именуеть некый мудрець еллинскый именем Кевис. И на камени седящу оболом,

и слепу убо наричет ея по своих прелестех, акы бесчинно, и безсловесно, и неравне подающу человеком имения же и саны властелныя; на оболом же камени седящу ея являеть, за еже дарованием ея не бывати твръдым, но удобь препадающим и къ иным преходящим.

Таковыми убо еллини же и египтяне баснями играюще, играеми от бесов, и писашя и уставишя, акы непричястни бывше божественаго света неблазненаго богопреданнаго разума пророчьскых богодухновеных писаний. Ими же зря злоначалный и злокозненый диавол просвещаемых благоверных и сего ради не прилагающихся таковому его богомръзкому учительству, но паче ненавидящих и отвращающихся его, и иным путем тщася всескврьный удобь приятно сътворити то благочестивым: увещал латынях и герман, погруженых уже въ то сущих и всю душегубителную прелесть поглотивших, мало повыше богомръзкаго подобия лъжеименнаго разума, глаголю же басненыя фортуны, пречистый и покланяемый образ писати Господа и Спаса нашего Исуса Христа, чепию тонкою, от рукы святыя его висящею, правяща ея и писанное пред нею коло, — да тем образом благочестивии прелщаеми бывают богомръзкою прелестию звездочетскою, сматряюще фортуну правляему от пречистыя рукы Спасовы. Попущаеть нечестивый диавол мало что показание благочестиа приписати къ лукавому нечестия его умышлению, да сице тем въдрузить въ мыслех благочестивых прелесть лъжесловцов астролог. И ничто же дивно! Иде же многажды явися нечестивый не точию аггела света и священника, святая носящаго, образ подшед, да пустынника свята прелстить, но есть, егда и самого Спаса страшным образом действовав, всескврьный.

А яко убо еллином есть умышление лукавое таковое мудрование — слыши внятно и уразумей прилежне, что глаголеть о фортуне басненей премудр некый християнскый философ: «Счастие у еллинех, — рече, — есть же и мнима есть беспромысленое миру строение или движение от безвестных на безвестное и собою бываемое; мы же, благовернии християне, Христа Бога исповедуем страяюща и правяща вся». И пакы тъй же: «Не человечьскыми помыслы и съветы, но Божиим промыслом и неиспытанными его судьбами устроятися вся человечьская, є́ же убо человеци несмыслени тихинь и имарменинь обыкошя нарицати, не разумеюще, откуду и чесо ради кому бывают случаема». Мы же, благовернии християне, веруем въ Христа, правяща вся. Примети прилежне устав, иже по еллинех, фортунин: глаголют бо они счастию быти беспромыслену строению мира, сиречь не по премудрому и праведну промыслу Божию бываему. Разумееши ли отселе, яко велми латыне и германе хулять на единого преблагаго, и преправеднаго, и премудраго творца и правителя всячьскых, приписующе къ пречистому образу Спасову богомръзкое подобие счастия, акы некую съпоспешницу и състроителницу ему исповедующе ея, ниже от божественых писаней

научившеся сему — ниже бо обрящеши нигде же въ богодухновеных писаниих носимо сицево душегубително мудрование, — ниже убо от внешных всех философ хваляемо слышавше е́ — понеже и неции от них слепу наричют ея и беспромыселеное миру строение, сиречь не по Божию промыслу и учению бываему? Тии же, осуждающе Епикура философа и них же зле мудръствова и учил есть, и сим не хвалят и безбожника его наричют, сице глаголюще: «Епикурово злейше учение и сие есть, яко и вся тварь сия счастием некым, а не хотением и судом Божиим правится». Слышиши ли, чие сие учение безбожное и како от самех еллинех зле хулимо есть?

Како убо сице удобь и несмыслене сицевый ты въсхищаешися сицевыми безумными блядми немецкыми, и преслушаешь божественаго тайноглагольника, глаголющаго нам епистолием, еже къ коласаем: «Блюдитеся, да никто же вас будет прелщая философиею и суетною прелестию, по преданию человеческому, по стихиам мира сего, а не по Христе». И пакы тъй же въ послании, еже къ евреом: «Учении различными и чюжыми не скытайтеся». Како же не устрашился о ном того же благопроповедника, в них же глаголеть къ несмысленым галатом: «Аще кто благовествует вам паче, еже приясте — сиречь от нас, апостол Христовых, — анафема да есть»; аще и «аггелъ съ небеси» будет сицевый, «анафема да есть», рекше проклят буди. Разумееши ли от сих, яко и немци, и латыне под той же апостольстей анафеме суть акы чюжая учения влагающе въ мыслех благочестивых.

Потщися убо, Бога ради потщися, отскочи таковыя немецкыя прелести и исповедуй пряме и чисте съ богодухновеными Давидом и пророчицею Анною, глаголющими сице, яве и без хитрословия всякого: «Господь убожит и богатит, смиряеть и высить, възставляеть от земля нища и от гноища въздвизаеть убога». Чесо ради, рци нам, о священная пропочице? «Да посадит его, — рече, — съ силными людий и престолом славным наследника сътворить его». Не фортуною басненою и вертением колесненым, но пророком святым преже убо Саула, после же Давида помазав их на царех ового убо прием от паствы овець «и доилиць», яко же есть писано, ового же ищуща погыбшыя ослята отца своего. Такожде смыслено разсуждай и оно, како Иосиф блаженый прославися въ Египте, яко и второму по фараоне познаватися властелю всего Египта; такожде како же и Моисей въ толику высоту възнесен бысть — строением и манием Божиим, а не слепым счастием и вертением колесненым. Чюжо сие, чюжо есть отнудь и неведомо святым писанием учение еже о фортуне латынстей, любезнейши ми брате и господине! Сего ради и далече мечеть православных събора прилагающихся сему богопротивному учению. Обретають бо ся сицевии не съ Христом събирающе пшеницю чистую, сиречь веру пречисту и непорочну въ небесных его житницах, яже суть сердца и мысли православне верующих в него, но паче высы-

пають от себе и послушающих их вложенное свыше въ мыслех своих божественое съкровище, еже о православных догмат праведнейшего промысла Божиа. Яже не писана бышя богодухновеными пророкы и апостолы, ниже мудръствовати подобаеть нам, завещаваеть крепце великый всея вселеныя светилник Иоанн Златоглаголивый.

Пребудем убо внутрь предел неблазненаго благоразумиа. Приимь беззлобиемь «словесное и нелестное млеко», акы неискусозлобнии младенци, да явимся пряме исправивше Спасово повеление, глаголющее: «Аще не обратитеся и будете яко же дети, не имате внити въ царствие небесное». И пакы: «Аще кто не приимет царствие Божие, акы детищ, не можеть внити в не». «Царство Божие» нарицая Владыка зде евангельскую проповедь, сиречь елика, сам услышав у Отца своего, открыл своим учеником. Якова же суть: заповеди, таинственыя притчи, яже о неблазненом богоразумии догматы, елика о присносущьстве Отца, и Сына, и святаго Духа — единого Божества, и господьства, и царства, елика о безсмертии душевнем и о будущем напоследок общем въскресении, и о въздаянии живших благочестиво и богоугодно, и о бесконечном мучении не покоршихся апостольстей проповеди, нечестиво живших. Сия вся и подобная сим апостольскыя и пророчьскыя догмы же и предания единым словом Спас «царствие Божие» нарече, яже и хощеть нас просто и съ всякою верою и благоговеиньством приимати и тверде въ себе въдрузити, им же образом и незлобивии дети без испытания приимають наказания своих учителех, иже и верою, и благопокорьством еже къ наказателем достизают съвръшенное познание священных писаний и словесных наказаний. Такожде подобаеть и нам прилежати къ преданым нам от самого Спаса нашего, и святых его ученик, и апостол, и вселенскых събор догматом же и завещанием, ниже приложити что к ним отнудь, ниже пакы уложити по правому уставу богоносных отец наших, их же святыми молитвами да сподобимся получити часть спасаемых, аминь.

ПОСЛАНИЕ О ФОРТУНЕ

(Перевод)

Того же инока Максима Грека послание к некоему иноку в сане игумена о немецкой лжи, именуемой фортуной, и о колесе ее

Многие называет божественный апостол свойства и проявления истинной и совершенной любви в Боге — из них не радоваться неправде, а вместе радоваться истине я считаю наиболее пока-

зательным признаком. Тот воистину верный и истиннейший друг, кто от всей души радуется исправлению и преуспеянию друга своего, как своему собственному; и, напротив, скорбит, когда увидит, что он или уклоняется от спасительных апостольских догматов благочестия и отеческих преданий, или впал в какие-нибудь житейские беды; кто, соболезнуя другу своему, старается всяким способом помочь ему и к первоначальному пониманию истины вернуть его. Такою любовью и я, будучи привязан к твоему преподобию, возлюбленный мой брат, оказался бы воистину преступающим законы святой любви, если бы умолчал, слыша, что ты следуешь эллинскому, и халдейскому, и латинскому бесами изобретенному учению.

Я говорю о том, о чем ты мудрствуешь сам и в чем убеждаешь других, — будто бы колесом счастья называемой по-латински фортуны Христос Бог и Спаситель наш управляет человеческими делами и одних этим колесом на высоту власти возводит, других же оттуда низлагает в крайнее бесчестие и бесславие. Удивляюсь я, как ты, такой человек, в знании боговдохновенных писаний более искушенный, чем другие сверстники твои, так скоро увлекся таким богомерзким учением обманщика Николая Германца[1], ни в одном божественном Писании до сих пор не услышав об этом учении и не увидев его. Если хочешь последовать истине, то скорее найдешь противное — не только вполне отвержено это учение всеми боговдохновеными отцами и учителями, но и анафеме предано как самое это учение, так и последующие ему, и проповедующие его. Мы знаем, что это ложное учение от Зороастра и Остана[2] — древних волхвов, бывших в Персии, получило начало, которые учили, что движением неба и звезд определяются все человеческие дела — будут ли то добродетели, или беды житейские; эту прелесть приняли всей душой египтяне, а от них — эллины, которые придумали и другое многое нечестивое про самого создателя всех и хулящие его. Об этом они, трижды окаянные, мудрствуют и учат этому, считая, что он насильственным влиянием звезд и приближением планет к знакам зодиака делает злыми и добрыми, славными и неславными людей, рождающихся под той или другой планетой и звездой. Они же выдумали, возвещая об этом от земли и чрева своего, баснословное название счастья или фортуны, которую некий мудрец эллинский, по имени Кебес[3], называет слепой. И сидящей на круглом камне, и слепой он назвал ее в своем заблуждении, так как она беспорядочно, и бессмысленно, и неравномерно распределяет между людьми богатства и власть; на круглом же камне сидящей он ее изображает, потому что дары ее не устойчивы, но легко исчезают и к другим переходят.

Забавляясь такими баснями, сами служа забавой для бесов, эллины и египтяне писали и утверждали свое учение, будучи чуждыми божественному просвещению неложного Богом преданного разума пророческих боговдохновенных писаний. Злона-

чальный же и злокозненный дьявол, видя, что ими просвещаются благоверные и потому не следуют такому его богомерзкому учению, но, напротив, ненавидят и чуждаются его, иным способом постарался, наискверненший, удобоприемлемым сделать то учение для благочестивых: он убедил латинян и германцев, погруженных уже в это учение и поглотивших эту душепагубную ложь, изобразить немного выше богомерзкого подобия ложного разума, то есть баснословной фортуны, пречистый и достойный поклонения образ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, который цепочкой тонкой, от руки святой его спускающейся, управляет фортуной и изображенным перед ней колесом, — чтобы благочестивые склонились к богомерзкой лжи звездочетской, видя, что фортуна управляется пречистой рукой Спасителя. Допускает нечестивый дьявол приписать малую долю показного благочестия к своему лукавому умышлению нечестия, чтобы таким образом утвердить в мыслях благочестивых обман лживых астрологов. И что в этом удивительного! Ведь многократно случалось, что нечестивый не только ангела светлого или священника, святыню носящего, принимал вид, чтобы пустынника святого прельстить, но случалось, что он, наискверненший, в великом обличии самого Спасителя действовал.

А чтобы убедиться, что такое мудрствование есть лукавое изобретение эллинов — слушай внимательно и вникни прилежно, что говорит о фортуне баснословной премудрый некий христианский философ: «Счастье у эллинов, — говорит он, — это есть и называется чуждое промыслу управление миром или передвижение от неизвестного к неизвестному и случайному; мы же, благоверные христиане, исповедуем, что Христос Бог устраивает и управляет всем». И опять он же: «Не человеческими помыслами и рассуждениями, но Божьим промыслом и недоступными его судьбами устраиваются все человеческие дела, люди же неразумные привыкли называть это случаем и судьбой, не понимая, откуда и по какой причине с кем-либо бывают известные случаи». Мы же, благоверные христиане, веруем во Христа, управляющего всем. Обрати должное внимание на определение эллинами фортуны: они говорят, что счастье есть чуждое промыслу управление миром, то есть происходящее не по премудрому и праведному промыслу Божьему. Понятно ли тебе теперь, как латиняне и германцы весьма хулят единого преблагого, и праведнейшего, и премудрого творца и правителя всего, подрисовывая к пречистому образу Спасителя богомерзкое изображение счастья, некоей помощницей и поспешницей Спасителя считая его, не научившись этому из божественных писаний, — ибо нигде не найдешь включенным в боговдохновенные писания такого душепагубного мудрования, — и не услышав восхваляемым его всеми внешними философами[4] — ведь некоторые и из них слепым называют его и говорят о чуждом промыслу управлении миром, то есть происходящем не по

Божьему промыслу и учению? Другие же, осуждая Эпикура[5] философа за то, что он неправильно мудрствовал и учил, за это его не хвалят и безбожником называют, говоря так: «Эпикурово злостное учение и в том заключается, что вся эта тварь счастьем каким-то, а не волей и судом Божьим управляется». Слышишь ли, чье это учение безбожное и как самими эллинами оно резко порицается?

Как же ты, такой человек, так легко и безрассудно увлекаешься такими безумными обманами немецкими и не повинуешься божественному тайноучителю, говорящему нам в Послании к колоссянам[6]: «Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира сего, а не по Христу». И опять он же в послании к евреям: «Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь». Как же не устрашился ты того же богопроповедника, который о том же говорит неразумным галатам[7]: «Если кто благовествует вам не то, что вы приняли (то есть от нас, апостолов Христовых), анафема да будет»; если и «ангелом с неба» будет он, «анафема да будет», то есть да будет проклят. Понимаешь ли из этого, что и немцы, и латиняне подлежат той же апостольской анафеме как чуждые учения, вкладывающие в мысли благочестивых.

Постарайся же, Бога ради постарайся, отрекись от такого немецкого обмана и исповедуй прямо и чисто с боговдохновенным Давидом[8] и с пророчицей Анной[9], которые говорят так, открыто и без хитрости всякой: «Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает, из праха подъемлет он нищего и из брения возвышает убогого». Для чего, скажи нам, о священная пророчица? «Чтобы посадить его, — говорит она, — с сильными среди людей и престол славы в наследие дать ему». Не фортуной баснословной и вращением колеса, но пророком святым прежде Саула, а потом Давида помазал Господь в цари[10], этого взяв от паствы овец, «от доилиц», как написано, а того, когда он искал пропавших ослят отца своего. Также разумно обдумай и то, что Иосиф[11] блаженный прославился в Египте, так что признавался вторым после фараона властителем всего Египта; также о том, как Моисей[12] на такую высоту был вознесен — по предначертанию и мановению Божьему, а не слепым счастьем и вращением колеса. Чуждо это, вполне чуждо и неизвестно святым писаниям учение о фортуне латинской, возлюбленный мой брат и господин! По этой причине оно далеко отгоняет от собрания православных, придерживающихся этого богопротивного учения. Таковые оказываются не с Христом собирающими пшеницу чистую, то есть веру пречистую и непорочную в небесные его житницы, которые суть сердца и мысли православно верующих в него, а напротив, высыпают они из себя и слушающих их вложенное свыше в мысли их божественное сокровище, то есть православные догматы о праведнейшем промысле Божьем. О том, что не было написано боговдохновенными пророками

и апостолами, не подобает нам мудрствовать, строго заповедует великий всей вселенной светильник Иоанн Златоуст[13].

Будем же пребывать в пределах неложного благоразумия. Будем пить незлобиво «словесное и чистое молоко», как не знающие злобы младенцы, чтобы точно исполнить нам повеление Спасителя, сказавшего: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное». И еще: «Кто не примет царство Божие как дитя, не может войти в него». «Царством Божиим» называет Владыка здесь евангельскую проповедь, то есть то, что, сам услышав от Отца своего, открыл своим ученикам. Это суть: заповеди, таинственные притчи, догматы о неложном богопознании, то есть о вечном бытии Отца, и Сына, и святого Духа — единого Божества, и господства, и царства, о бессмертии души и о грядущем в конце света общем воскресении, и о воздаянии жившим благочестиво и богоугодно, и о бесконечном мучении не покорившихся апостольской проповеди, нечестиво живших. Все эти и подобные им апостольские и пророческие догматы и предания Спаситель наименовал одним словом «царство Божие» и желает, чтобы мы это просто и с полной верой и благоговением приняли и твердо себе усвоили, как незлобивые дети без рассуждения принимают наставления своих учителей, благодаря вере и покорности наставникам достигая совершенного знания священных писаний и словесных наук. Так следует и нам прилежно держаться данных нам самим Спасителем нашим, и святыми его учениками, и апостолами, и вселенскими соборами догматов и завещаний и отнюдь ничего к ним не прибавлять и не убавлять по правильному установлению богоносных отцов наших, святыми молитвами которых да сподобимся получить удел спасаемых, аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Николай Германец* — Николай Булев (ум. 1548) — придворный врач Василия III, публицист, автор астрологических сочинений.

[2]*Заратуштра (иран.), Зороастр (греч.)* — основатель религии зороастризма, которую в средневековье связывали с астрологией. *Остан* — персидский маг, которому приписывались сочинения по астрологии и алхимии.

[3]*Кебес* — ученик Сократа.

[4]В средние века «внешними» назывались светские науки.

[5]*Эпикур* (341—270 до н.э.) — древнегреческий философ-материалист.

[6]В виду имеется «Послание к колоссянам» (жителям города Колосса во Фригии) апостола Павла. Включено в Новый Завет.

[7]В виду имеется «Послание к Галатам» (жителям Галатии — римской провинции) апостола Павла. Включено в Новый Завет.

[8]*Давид* — см. примечание 12 к «Молению» Даниила Заточника.

[9]*Анна* — библейский персонаж, мать пророка Самуила.

[10]Пророк Самуил благословил на царство первого израильского царя Саула, когда тот искал пропавших ослиц; Давид, также благословенный на царство Самуилом, пас овец.

[11]См. примечание 5 к «Сказанию о Борисе и Глебе».

[12]*Моисей* — библейский пророк, религиозный наставник и вождь еврейских племен во время «исхода» евреев из Египта, деяниями которого якобы руководил бог.

[13] *Иоан Златоуст* — византийский церковный деятель Иоанн (между 344 и 345—407 гг.), епископ Константинополя (с 392 г.). Автор проповедей, поучений и «Слов», прозванный за свое красноречие «Златоустом».

Послания Ивана Грозного

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) известен в истории не только своими государственными деяниями и жестокостью, но и литературной деятельностью. Исследователи предполагают, что свои послания он диктовал писцам, но в этих произведениях ярко проявляется индивидуальный стиль, они несут на себе четкое отражение личности Ивана Грозного. Характер посланий Ивана IV таков, что читателю сразу становится ясным, что так мог обращаться к своим адресатам только облеченный неограниченной властью повелитель.

Послания — основной жанр, в котором выступал Иван Грозный как писатель, но до нас дошли его произведения и другого рода: «Прение» (диспут) с протестанским проповедником Яном Рокитой, канон «Ангелу Грозному» — произведение церковного жанра, его беседы с иностранными дипломатами. И во всех этих произведениях проявляется индивидуальный стиль царя-писателя, отражается его личность. Среди посланий Ивана Грозного центральное место занимает переписка с Андреем Курбским, но типичные черты Ивана Грозного как писателя характерны и для других его посланий. В хрестоматии побликуются два послания Ивана IV: в Кирилло-Белозерский монастырь и к Василию Грязному.

Послание в Кирилло-Белозерский монастырь было написано Иваном Грозным в 1573 г. в ответ на грамоту, присланную к царю игуменом монастыря. Поводом для грамоты игумена послужила ссора двух влиятельных монахов монастыря — бывшего боярина Шереметева, который фактически содержал монастырь, и Василия Собакина, представителя одного из родов, возвысившихся во время опричнины. Иван IV в начале и конце послания говоря о том, что не его дело вмешиваться в монастырские дела, всем своим текстом дает понять братии о зависимости ее от государевой воли, использует послание для резких выпадов против Шереметева.

Поводом для послания Василию Грязному, пронизанного едким сарказмом и мрачным юмором, послужило следующее событие. Опричник Василий Григорьевич Грязной-Ильин, направленный в 1573 г. воеводой на Донец, попал в плен к крымским татарам. Он написал царю письмо с просьбой о выкупе, в ответ на которое и получил данное послание от Ивана IV. В 1577 г. Грязной был выкуплен за умеренную сумму, но дальнейшая его судьба неизвестна. В послании отразилось изменение отношения Ивана Грозного к опричнине, которая в 1572 г. была ликвидирована.

Тексты и переводы посланий печатаются по изданию: ПЛДР. 8. С. 144—169 и 170—173. (В первом послании опущены цитаты из церковных текстов.)

ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО
(Древнерусский текст)

Послание в Кирилло-Белозерский монастырь

ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛИЕВИЧЯ ВСЕА РУСИИ В КИРИЛОВ МОНАСТЫРЬ ИГУМЕНУ КОЗМЕ, ЯЖЕ О ХРИСТЕ З БРАТИЕЮ

Въ пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чюдотворца, яже о Христе

божественаго полка наставнику и вожу и руководителю к пренебесному селению, преподобному игумену Козме, яже о Христе з братиею, царь и великий князь Иоанн Васильевичь всеа Русии челом биет.

Увы мне грешному, горе мне окаянному, ох мне скверному! Кто есмь аз, на таковую высоту дерзати? Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от таковаго начинания. Аз брат ваш недостоин есми нарещися, но, по еуангельскому словеси, сотворите мя яко единаго от наемник своих, темже припадая честных ног ваших стопам и мил ся дея, — Бога ради престаните от таковаго начинания. Писано бо есть: «Свет инокам — ангели, свет же миряном — иноки». Ино подобает вам, нашим государем, и нас, заблуждьших во тме гордости и сени смертне, прелести тщеславия, ласкордъства и ласкосердия, просвещати. А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати и чем просветити? Сам повсегда въ пияньстве, в блуде, в прелюбодействе, въ скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе, по великому апостолу Павлу: «Надеяй же ся себе вождь быти слепым, свет сущим во тме, наказатель безумным, учитель младенцем, имуща образ разума и истинне в законе: научяй бо иного, себе ли не учиши? Проповедаяй не красти, крадеши? глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши? скаредуяй ся идол, святая крадеши? Иже в законе хвалишися, преступлением закона Богу досаждаеши?» И паки той же великий апостол глаголет: «Егда како инем проповедав, сам неключим буду?»

Бога ради, отцы святии и преблаженнии, не дейте мене, грешнаго и сквернаго, плакатися грехов своих и себе внимати среди лютаго сего треволнения прелестнаго мимотекущаго света сего. Паче же в настоящем сем многомятежном и жестоком времени кому мне, нечистому и скверному и душегубцу, учителю быти? Да негли Господь Бог ваших ради святых молитв сие писание в покаяние мне вменит. И аще хощете, есть у вас дома учитель среди вас, великий светильник Кирил, и на его гроб повсегда зрите и от него всегда просвещаетеся, потом же великие подвижници, ученицы его, а вашы наставницы и отцы по приятию рода духовнаго, даже и до вас, и святый устав великаго чюдотворца Кирила, якоже у вас ведется. Се у вас учитель и наставник, от сего учитеся, от сего наставляйтеся, от сего просвещайтеся, о семь утверждайтеся, да и нас, убогих духом и нищих благодатию, просвещайте, а за дерзость Бога ради простите.

Понеже помните, отцы святии, егда некогда прилучися некоим нашим приходом к вам в пречестную обитель пречистыя Богородицы и чюдотворца Кирила и случися тако судбами Божиими по милости пречистыя Богородицы и чюдотворца Кирила молитвами от темныя ми мрачности малу зарю света Божия в помысле моем восприях и повелех тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу с некоими от вас братии негде в келии сокровене быти, самому же такожде от мятеж и плища мирскаго

упразнившуся и пришедшу ми к вашему преподобию; и тогда со игуменом бяше Иосаф архимандрит каменьской, Сергий Колачев, ты, Никодим, ты, Антоней, а иных не упомню. И бывши о сем беседе надолзе, и аз грешный вам известих желание свое о пострижении и искушах, окаянный, вашу святыню слабыми словесы. И вы известисте ми о Бозе крепостное житие. И якоже услышах сие Божественое житие, ту абие возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обретох узду помощи Божия своему невоздержанию и пристанище спасения. И свое обещание положих вам с радостию, яко нигде инде, аще благоволит Бог в благополучно время здраву пострищися, точию во пречестней сей обители пречистыя Богородицы, чюдотворца Кирила составления. И вам молитвовавшим, аз же окаянный преклоних скверную свою главу и припадох к честным стопам преподобнаго игумена тогда сущаго вашего же и моего на сем благословения прося. Оному же руку на мне положъшу и благословившу мене на сем, якоже выше рех, яко некоего новоприходящаго пострищися.

И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец; аще и не отложих всякого мирскаго мятежа, но уже рукоположение благословения ангельскаго образа на себе ношу. И видех во пристанищи спасения многи корбали душевныя люте обуреваеми треволнением, сего ради не могох терпети, малодушьствовах и о своей души поболех, яко сый уже ваш, да не пристанище спасения испразнится, сице дерзнух глаголати.

И вы Бога ради, господия мои и отцы, простите мене грешнаго за дерзость доселе моего к вам суесловия. ⟨...⟩

Первое, господие мои и отцы, по Божии милости и пречистыя его матере молитвами, и великаго чюдотворца Кирила молитвами имате устав великаго сего отца, даже и доселе в вас действуется. Сего имуще о нем стойте, мужайтеся, утвержайтеся и не паки под игом работе держитеся.⟨...⟩

И вы, господие и отцы, стойте мужествене за чюдотворцево предание и не ослабляйте, как вас Бог и Пречистая и чюдотворец просветит, яко же писано есть: «Свет иноком — ангели и свет миряном — иноки». И аще свет тма, а мы, окаяннии, тма суще, кольми помрачимся! Помните, господие мои и отцы святии, маккавеи за едино свиное мясо, равно еже за Христа, с мученикы почтошася; и како рече Елеазару мучитель, и на се сошедшу, да не ястъ свиная мяса, но токмо в руку приимет, и рекут людем, яко Елеазар мяса яст. Доблественный же сей рече сице: «Осмьдесят лет имать Елеазар и несмь соблазнил люди Божия, и ныне, стар сый, како соблазн буду Израилю». И тако скончася. И божественный Златауст *пострада* за обидящих и царицу возгражая от лихоимания. Не бо исперва виноград и вдовица вина бысть толику злу, и чюдному сему отцу изгнание и труды и нужную от повлачения смерть. Сие бо о винограде от невеждь глаголется, аще же кто житие его прочтет, известно увесть, яко за многих Златауст сие пострада, а не за един

виноград. И виноград же сий не просто, яко же глаголют, но бысть некто муж во Цареграде, болярьска сана сый, и оглаголан бысть царице, яко поношает ей о лихоимании, она же гневом обията бывши заточи его и с чады в Селунь. Оному же и великаго Златоуста моляще помощи ему; оному же царице не воспретившу, но попустивши сему тако быти, и тамо ему в заточении и кончавшуся. Царица же гневом неутолима сущи и, еже на прекормление убозей сей остави виноград, восхоте злохитръством отняти. И аще святий о малых сих вещех сице страдаху, кольми паче, господие мои и отцы, вам подобает о чюдотворцове предании пострадати. Яко же апостоли Христу сраспинаеми и соумеръшвляеми и совоскрешаеми будут, тако и вам подобает усердно последствовати великому чюдотворцу Кирилу и предание его крепко держати и о истинне подвизатися крепце и не быти бегуном, пометати щит и иная, но вся оружия Божия восприимете и не предавайте чюдотворцова предания никтоже от вас, яко Июда Христа сребра ради, тако и ныне страстолюбия ради. Есть бо в вас Анна и Каияфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлам Сабакин, понеже от царския власти послан, и есть Христос распинаем — чюдотворцово предание преобидимо. Бога ради, отцы святии, мало в чем ослабу попустите, то и велико будет.

Воспомяните, святии отцы, великаго святителя и епископа Василия Амасийскаго, еже писа к некоему мниху, и тамо прочтите, и каково то ваше иноческое пополъзновение или ослабление умиления и плача достойно, и какова радость и подсмияние врагом, и какова скорбь и плачь верным. Тамо писано есть ко оному мниху сице, еже и к вам прилично, ко овем, убо яко от великия высоты мирскаго пристрастия богатьства ко иноческому житию пришедшим, ко овем же яко во иночестем житии воспитавшимся.⟨...⟩

Видите ли, каково послабление иноческому житию плача и скорби достойно? И по тому вашему ослаблению, ино то Шереметева для и Хабарова для такова у вас слабость учинилася и чюдотворцову преданию преступление. И только нам благоволит Бог у вас пострищися, ино то всему царьскому двору у вас быти, а монастыря уже и не будет. Ино почто в черьнцы, и как молвити: «отрицаюся мира и вся, яже суть в мире», а мир весь в очех? И како на месте сем святем съ братиею скорби терпети и всякия напасти приключьшыяся, и в повиновении быти игумену и всей братии в послушание и в любве, якоже во обещании иноческом стоит? А Шереметеву как назвати братиею — ано у него и десятой холоп, которой у него в келии живет, ест лутче братии, которыя в трапезе ядят. И велицыи светилницы Сергие, и Кирил, и Варлам, Димитрей и Пафнотей и мнози преподобнии в Рустей земли уставили уставы иноческому житию крепостныя, якоже подобает спастися. А бояре к вам пришед свои любострастныя уставы ввели: ино то не они у вас постриглися, вы у них постриглися, не вы им учители и законоположители, они

вам учители и законоположители. Да Шереметева устав добр — держите его, а Кирилов устав не добр — оставь его! Да сево дни тот боярин ту страсть введет, а иногды иной иную слабость введет, да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразнится и будут все обычаи мирския. Ведь по всем монастырем сперва начальники уставили крепкое житие, да опосле их разорили любострастныя. И Кирило чюдотворец на Симонове был, а после его Сергей, а закон каков был — прочтите в житии чюдотворцове и тамо известно увесте, да тот маленько слабостей ввел, а после его иныя побольши, да помалу, помалу и до сего, якоже и сами видите, на Симонове, кроме сокровенных раб Божиих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются, якоже и у Чюда быша среди царствующаго града пред нашима очима — нам и вам видимо. Быша архимандрити: Иона, Исак Собака, Михайло, Васиян Глазатой, Аврамей, — при всех сих яко един от убогих бысть монастырей. При Левкии же како сравнася всяким благочинием с великими обители и духовным жительством мало чим *отстоя*. Смотрите же, слабость ли утвержает или крепость?

А во се над Воротыньским церковь есть поставили — ино над Воротыньским церковь, а над чюдотворцом нет, Воротыньской в церкви, а чюдотворец за церковию! А на Страшном Спасове судищи Воротыньской да Шереметев выше станут: потому Воротыньской церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепче. Слышах брата от вас некоего глаголюща, яко добре се сотворила княгиня Воротыньскаго, аз же глаголю, яко недобре: по сему первое, яко гордыни есть и величания образ, еже подобно царьстей власти церковию и гробницею и покровом почитатися. И не токмо души не пособь, но и пагуба, души бо пособие бывает от всякого смирения. Второе, и сие зазор немал, что мимо чюдотворца над ним церковь, а и един священник повсегда приношение приносит скуднее сие собора. Аще ли не повсегда — сего хужайше, яко же множайше нас сами весте. А и украшение церковное у вас вместе бы было, ино бы вам то прибылние было, а того бы розходу прибылного не было, все бы было вместе, и молитва совокупная. И мню и Богу бы приятнее было. Во се при наших очех у Дионисия преподобнаго на Глушицах и у великаго чюдотворца Александра на Свири только бояре не стрыгутся и они Божиею благодатию процветают постническими подвиги. Во се у вас сперва Иасафу Умному дали оловяники в келью, дали Серапиону Сицкому, дали Ионе Ручкину, а Шереметеву уже с поставцом, да и поварня своя. Ведь дати воля царю — ино и псарю; дати слабость вельможе — ино и простому. Не глаголи ми никтоже римлянина оного, велика суща в добродетелех и сице покоящася, и сие не обдержная бе, но смотрения вещь, и в пустыне бе и то сотворяше вкратце и бес плища, и никогоже соблазни, яко же рече Господь во Еуангелии: «Нужно бо есть приити соблазном; горе

же человеку тому, имже соблазн приходит». Ино бо есть единому жити и ино во общем житии.

Господие мои, отцы преподобнии, воспомяните вельможу оного, иже в «Лествицы», Исидора глаголемаго Железнаго, иже князь Александръский бе, и в каково смирение достиже. Тако же и вельможа Авенира царя индейскаго, иже на испытании бысть, и каково портище на нем было — ни куние, ни соболие. Та же и сам Иоасаф, сего царя сын, како царство оставя и до тоя Синаридския пустыни пешь шествова, и ризы царьския премени власяницею и многия напасти претерпе, имже николи же обык, и како божественнаго Варлама достиже, и како с ним поживе — царски ли или постнически? И кто бысть болий — царев ли сын или неведомый пустынник? И съ собою ли царев сын закон принесе или по пустынникову закону поживе и после его? Множае нас сами весте. А много у него было и своих Шереметевых. И Елизвой Ефиопъский царь каково жестоко житие поживе? И Сава Сербъский како отца, и матерь, и братию, и род, и други вкупе же и царьство и с вельможами остави и крест Христов прият и каковы труды постничества показа? Таже и отец его Неманя, иже Симеон, и с материю его Мариею, его для поучения, како оставя царство и багряница премениша ангельским образом и кое утешение улучиша телесное, да небесную радость улучиша. Како же и великий князь Святоша, преддержавый великое княжение Киевское, и пострижесе в Печерстем монастыри и пятьнадесят лет во вратарех бысть и всем работаше знающим его, имиже преже сам владяше? И да толики срамоты Христа ради не отвержеся, яко и братиям его негодовати нань, своей державе того ради укоризну себе вменяху, но ниже сами, ниже наречие инеми к нему посылающе, не могоша его отвратити от таковаго начинания до дне преставления его. Но и по преставлении его, от стула древянаго, на немже седеше у врат, беси прогоними бываху. Тако святии подвизахуся Христа ради, а у всех тех свои Шереметевы и Хабаровы были. А Игнатия блаженнаго патриарха Цариграда, царева же сына бывша, егоже в заточении замучи Варда кесарь, обличения ради, подобно Крестителю, понеже бо той Варда живяше с сыновнею женою, — где сего праведнаго положиши?

А коли жестоко в черньцех, ино было жити в боярех, да не стричися. Доселе, отцы святии, моего к вам безумнаго суесловия отвещание мала изрекох вам, понеже в божественном Писании о всем о сем сами множае нас окаянных весте. И сия малая изрекох вам понеже вы мя понудисте. Год уже равен, как был игумен Никодим на Москве, отдуху неть, таки Собакин да Шереметев. А я им отец ли духовный или начальник — как себе хотят, так живут, коли им спасение души своея не надобет. Но доколе молвы и смущения, доколе плища и мятежа, доколе рети и *шепетания,* и суесловия, чесо ради? Злобеснаго ради пса Василья Собакина, иже не токмо не ведуще иноческаго жития, но ни видяща, яко есть чернец, не токмо инок, еже есть велико.

А сей и платья не знает, не токмо жительства. Или бесова для сына Иоанна Шереметева? Или дурака для и упиря Хабарова? Воистинну, отцы святии, несть сии черньцы, но поругатели иноческому житию. Или не весте Шереметева отца Василия? Веть его бесом звали! И как постригся, да пришел к Троицы в Сергиев монастырь, да снялся с Курцовыми, Асаф, что был митрополит, тот с Коровиными. Да межь себя бранитца, да оттоле се им и почалося. И в каково простое житие достиже святая та обитель, всем, разум имущим видети, видимо.

А дотоле у Троицы было крепко житие и мы се видехом. И при нашем приезде потчивают множество, а сами чювственны пребывают. А во едино время мы своима очима видели в нашь приезд. Князь Иоанн был Кубенской у нас дворецкой. Да у нас кушание отошло приезжее, а всенощное благовестят. И он похотел тут поести да испити — за жажду, а не за прохлад. И старец Симан Шюбин и иныя с ним не от больших, а большия давно отошли по келиам, и они ему о том как бы шютками молвили: «Князь Иван-су, поздо, уже благовестят». Да се сь сидячи у поставца с конца ест, а они з другово конца отсылают. Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталося, все отнесено на погреб. Таково было у Троицы крепко, да то мирянину, а не черньцу! А и слышах от многих, яко и таковы старцы во святом том месте обреталися: въ приезды бояр наших и вельмож их подчиваху, а сами никакоже ни к чему касахуся, аще и вельможи их нужаху не в подобно время, но аще и в подобно время, и тогда мало касахуся. В древняя же времена в том святом месте сего дивнейше слышах. Некогда пришедши преподобному Пафнутию чюдотворцу живоначальной Троици помолитися и к чюдотворцову Сергиеву гробу и ту сущей братии беседы ради духовной, беседовавшим им и оному отоити хотящу, они же ради духовныя любви и за врата провожаху преподобнаго. И тако воспомянувше завет преподобнаго Сергия, яко за ворота не исходити, и вкупе и преподобнаго Пафнотия подвигше на молитву. И о сем молитвовавше и тако разыдошася. И сея ради духовныя любви, тако святии отеческия заповеди не презираху, а не телесныя ради страсти! Такова бысть крепость во святом том месте древле. А ныне грех ради наших хуже и Песноши, как дотудова Песношь бывала.

А вся та слабость от начала учинилася от Василия от Шереметева подобно иконоборцом в Цариграде, царем Льву Исавру и сыну его Констянтину Гноетезному. Понеже Лев точию семена злочестия посея, Констянтин же всего царствующаго града во всяком благочестии помрачи. Тако и Васиян Шереметев у Троицы в Сергиеве монастыре, близ царствующаго града, постническое житие своим злокозньством испроверже. Сице и сын его Иона тщится погубити последнее светило, равно с солньцем сияющее, и душам совершенное пристанище спасения, в Кирилове монастыре, в самой пустыни, постническое житие искоренити. А и в миру тот Шереметев с Висковатым первыя не почели за

кресты ходити. И на то смотря все не почали ходити, а дотудова все православное христианьство и зъ женами и со младенцы за кресты ходили и не торговали того дни, опричь съестного, ничем, а хто учнет торговати, и на том имали заповеди. А то все благочестие погибло от Шереметевых. Таковы те Шереметевы! И нам видится, что и в Кирилове потому же хотят благочестие потребити. А будет хто речет, что мы на Шереметевых гневом то чиним или Собакиных для, ино свидетель Бог и пречистая Богородица, и чюдотворец Кирил, что монастырьскаго для чину и слабости для говорю.

Слышал есми у вас же в Кирилове свечи не по уставу были по рукам братии на празник — ини и тут служебника смиряли. А Асаф митрополит не мог уговорити Алексия Айгустова, чтобы поваров прибавити перед чюдотворцовым, как при чюдотворце было немного, да не могли на то привести. Да и иных много вещей крепостных и у вас в монастыре творилося и за малые вещи прежние старцы стояли и говорили. А коли мы первое были в Кирилове въ юности, и мы поизпоздали ужинати, занеже у вас в Кирилове в летнюю пору не знати дня с ночию, а иное мы юностным обычаем. А в те поры подкеларник был у вас Исайя Немой. Ино хто у нас у ествы сидел, и попытали стерлядей, а Исайи в те поры не было, был у себя в келии, и они едва его с нужею привели и почали ему говорити, хто у нас в те поры у ествы сидел, о стерлядех и о иной рыбе. И он отвечал так: «О том, о-су, мне приказу не было, а о чом мне был приказ и яз то и приготовил, а ныне ночь, взяти негде. Государя боюся, а Бога надобе больши того боятися». Етакова у вас и тогда была крепость, но пророку глаголющему: «Правдою и пред цари не стыдяхся». О истинне сия есть праведно противу царей вещати, а не инако. А ныне у вас Шереметев сидит в келии что царь, а Хабаров к нему приходит, да и иныя черньцы, да едят, да пиют, что в миру. А Шереметев нивести съ свадьбы, нивести с родин розсылает по келиям пастилы, коврижки и иныя пряныя составныя овощи, а за монастырем двор, а на нем запасы годовыя всякия. А вы ему молчите о таковом великом пагубном монастырьском бесчинии. Оставих глаголати, поверю вашим душам. А инии глаголют, будто де вино горячее потихоньку в келию к Шереметеву приносили, ано по монастырем и фряские вина зазор, не токмо что горячие. Ино то ли путь спасения, то ли иноческое пребывание? Али было нечим вам Шереметева кормити, что у него особныя годовыя запасы были? Милыя мои, доселе многия страны Кирилов препитывал и в гладныя времена, а ныне и самех вас в хлебное время толико бы не Шереметев перекормил, и вам бы всем з голоду перемерети. Пригоже ли так Кирилову быти, как Иасаф митрополит у Троицы с крылошаны пировал или как Мисайло Сукин в Никитцком и по иным местом, якоже вельможа некий жил, и как Иона Мотякин и инии мнози таковы же, которыя не любят на собе начала монастырскаго держати, живут? А Иона Шереметев таково же

хочет без начала жити, как и отец его без начала был. И отцу его еще слово, что неволею от беды постригся. Да и тут Лествичник написал: «Видех аз неволею постригъшихся, и паче вольных исправившихся». Да то от невольных! А Иону ведь Шереметева нехто в зашеек бил, про что так безчиньствует?

И будет такия чины пригоже у вас, то вы ведаете, Бог свидетель, монастырьскаго для безчиния говорил. А што на Шереметевых гнев держати, ино ведь есть его братия в миру, и мне есть над кем опала своя положити, а над черньцом что опалитися или поругатися. А буде хто молвит, что про Собакиных, и мне про Собакиных не про что кручинится. Варламовы племянники хотели были меня и з детьми чародейством извести, и Бог меня от них укрыл: их злодейство объявилося и потому и сталося. И мне про своих душегубцов не про што мстить. Одно было ми досадно, что есте моего слова не подержали. Собакин приехал с моим словом, и вы его не поберегли, да еще моим имянем и поносили, чему суд Божий произшел быти. Ано было пригоже нашего для слова и нас для его дурость и покрыти, да вкратце учинити. А Шереметев о себе приехал, и вы того чтете и бережете. Ино уже не Сабакину ровно, моего слова больши Шереметев; Собакин моего для слова погиб, а Шереметев о себе воскрес. Про что Шереметева для год равен мятежь чинити, да такою великою обителию волновати? Другой на вас Селивестр наскочил, а однако его семьи. И што было про Собакина для моего слова на Шереметевых мне гневно, ино то въ миру отдано. А ныне воистинну монастырьскаго для безчиния говорил. А не было бы страсти, ино было и Собакину с Шереметевым не про што бранитися. Слышах не от коего брата вашея же обители безумныя глаголы глаголюща, яко Шереметеву с Собакиным, давная мирская вражда есть. Ино то ли путь спасения и ваше учительство, что постриженем прежния вражды не разрушити? Како же отрещися мира и вся, яже суть в мире, и со отъятием влас и долу влекущая мудрования соотрезати, апостолу же повелевшу «во обновлении живота шествовати»? По Господню же словеси: «Оставите любострастных мертвых погребсти любострастия, яко же своя мертвеца. Вы же шедше возвещайте царствие Божие».

И только постриженем вражды мирския не разрушити, ино то и царства, и боярьства, и славы никоея мирския отложити, но кто был велик в бельцех, тот и в черньцех. Ино то по тому же быти в царствии небесном: кто здесе богат и велик, тот и там богат и велик будет? Ино то Махметова прелесть и как он говорил, у кого здесе богатьства много, тот и там будет богат, кто здесе велик и честен, тот и тамо, и ина много блядословил. Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин бояръства не състрижет, а холоп холопъства не избудет? Да како апостолово слово: «Несть еллин и скиф, раб и свобод, вси едино есте о Христе»? Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону

братом нарече, его существенаго раба? А вы и чюжихь холопей къ бояром не ровняете. А в здешних монастырех равеньство и по се время держалося — холопем и бояром, и мужиком торговым. И у Троицы при отце нашем келарь был Нифонт, Ряполовскаго холоп, да з Бельским з блюда едал, а на правом крылосе Лопотало да Варлам невести кто, а княжь Александров сын Васильевича Оболеньскаго Варлам на левом. Ино смотри же того, коли был путь спасения, холоп з Бельским ровен, а князя доброва сын с страдники сверстан. А и перед нашима очима Игнатей Курачев, белозерец, на правом крылосе, а Федорит Ступишин на левом, да ничим был от крылошан не отлучен. Да и инде много того было и доселе. А в Правилех великаго Василия написано есть: «Аще чернец хвалится при людех, яко добра роду есмь, и род имый, да постится 8 дней, а поклонов по 80 на день». А ныне то и слово: «Тот велик, а тот того больши», — ино то и братьства нет. Ведь коли ровно, ино то и братьство, а коли не ровно, которому братьству быти, ино то иноческаго жития нет! А ныне бояре по всем монастырем то испразнили своим любострастием. Да и еще реку и сего страшнее: како рыболов Петр и поселянин Богослов и станут судити богоотцу Давиду, о немже рече Бог, яко «обретох мужа по сердцу моему», и славному царю Соломону, иже Господь глагола, яко «под солнцем несть такова украшена всяким царьским украшением и славою», и великому святому царю Констянтину, и своим мучителем, и всем сильным царем, обладавшим вселенною? Дванадесять убогих учнуть судити всем тем. Да и еще и сего страшнейше: рождьшая без семени Христа Бога нашего и в рожденых женами болий креститель Христов, те учнут предстояти, а рыболови учнут на 12 престолу седети и судити всей вселенней. А Кирила вам своего тогды как с Шереметевым поставити — которого выше? Шереметев постригся из боярства, а Кирило и в приказе у государя не был! Видите ли куда вас слабость завела? По апостолу Павлу: «Не льститеся, тлят бо обычая благи беседы злыя». Не глаголи никто же студныя сия глаголы, яко «только нам з бояры не знатся — ино монастырь без даяния оскудеет». Сергей, и Кирил, и Варлам, и Димитрий, и ини святии мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространилися: благочестием монастыри стоят и неоскудны бывают. У Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел: ни пострижется нихто и не даст нихто ничего. А на Сторожех до чего допили? Тово и затворити монастыря некому, по трапезе трава ростет. А и мы видали братии до осмидесят бывало, а крылошан по одиннацати на крылосе было: благочестия ради болми монастыри распространяются, а не слабости ради.〈...〉

Сия убо написахом мало от многа. Аще хощете высочайши сего ведети, и вы сами больши нас весте, и много въ божественом Писании сем обрящете. И будет помните то, что яз Варлама из монастыря взял, ево жалуючи, а на вас кручиняся, ино Бог свидетель, никако же иного ничего для, развее того для велели

есмя ему быти у себя — как пришла волна та, а вы к нам немного известили, и мы Варлама приказали про его безчиние посмирити по монастырскому чину. А племянники его нам сказывали, что ему от вас для Шереметева утеснение велико. А еще Собакиных пред нами и тогды измены не было. И мы, жалуючи их, велели есмя Варламу у себя быти, а хотели есмя его распросити, за что у них вражда учинилася, да и понаказати его хотели, чтобы в терпении был, что будет ему от вас скорбно, занеже иноком подобает скорбьми и терпением спастися. И зиму сь по него потому не послали, что нам поход учинился в Немецкую землю. И как мы ис походу пришли, и по него послали, и его розпрашивали, и он заговорил вздорную — на вас доводити учал, что будто вы про нас негоряздо говорите со укоризною. И яз на то плюнул и его бранил. И он уродъствует, а сказывается прав. И яз спрашивал о его жительстве, и он заговорил невесть что, не токмо что не знаючи иноческаго жития или платия, и того не ведает, что на сем свете есть черньцы, да хочет жити и чести себе по тому же как в миру. И мы видя его сотониньское разжение любострастное, по его неистовому любострастию, в любострастное житие и отпустили жити. А то сам за свою душю отвещает, коли не ищет своей души спасения. А к вам есмя его не послали воистинну по тому не хотя себя кручинити, а вас волновати. А ему добре хотелося к вам. А он, мужик очюнной, врет и сам себе не ведает что. А и вы не гораздо доспели, его прислали кабы ис тюрмы, да старца соборново кабы пристав у него. А он пришел кабы некоторой государь. А вы с ним прислали к нам поминъки, да еще ножи, кабы не хотя нам здоровья. Что с такою враждою сотонинъскою поминъки к нам посылати? Ано было его отпустити, а с ним отпустити молодых черньцов, а поминъков было в том кручинном деле непригоже посылати. А ведь соборной он старец ни прибавил, ни убавил ничево, его не умел уняти: что захотел, то врал, а мы чего захотели, того слушали, — соборной старец не испортил, ни починил ничего. А Варламу есмя не поверили ни в чем. А то есмя говорили, Бог свидетель и пречистая и чюдотворец, монастырьскаго для безчиния, а не на Шереметева гневаючися. А будет хто молвит, что так жестоко, ино су совет дати, по немощи сходя, что Шереметев без хитрости болен, и он ежь в кельи да один с келейником. А сход к нему на что, да пировати, а овощи в кельи на што? Досюдова в Кирилове и иглы было и нити лишние в кельи не держати, не токмо что иных вещей. А двор за монастырем, да и запас на что? То все беззаконие, а не нужа. А коли нужа, и он ежь в келии как нищей: крому хлеба да звено рыбы, да чаша квасу. А сверх того коли вы послабляете, и вы давайте колько хотите, только бы ел один, а сходов бы да пиров не было, как преже сего у вас же было. А кому к нему приити беседы ради духовныя, — и он приди не в трапезное время, ествы бы и пития в те поры не было, ино то беседа духовная. А что пришлют братия поминков, и он бы

отсылал в монастырьския службы, а у себя бы в келии никаких вещей не держал. А что к нему пришлют, то бы розделяли на всю братию, а не двема, ни трема по дружбе и по страсти. А чего мало, ино держати на время, и иное что пригоже, ино и его тем покоити. А вы бы его в келии и монастырским всем покоили, только бы что безстрастно было. А люди бы его за монастырем не жили. А и приедут от братии з грамотою или з запасом и с поминъки, и они поживи дни два-три, да отписку взяв, да поедь прочь, — ино так ему покойно, а монастырю безмятежно.

Слыхали есмя еще малы, что такая крепость у вас же была, да и по иным монастырем, где о Бозе жительство имели. И мы сколько лутчего знали, то и написали. А ныне есте прислали к нам грамоту, а отдуху от вас нет о Шереметеве. А написано, что говорил вам нашим словом старец Антоней о Ионе о Шереметеве, да о Аасафе Хабарове, чтобы ели в трапезе з братиею. И я то приказывал монастырьскаго для чину, и Шереметев себе поставил кабы во опалу. И я сколько уразумел, и что слышал, как делалося у вас и по иным крепким монастырем, и я то и написал, повыше сего, как ему жити покойно в келии, а монастырю безмятежно будет, — добро и вы по тому учините ему покой. А потому ли вам добре жаль Шереметева, что жестоко за него стоите, что братия его и ныне не престанут в Крым посылать, да бесерменьство на христианьство наводити?

А Хабаров велить мне себя переводити в ыной монастырь, и яз ему не ходатай скверному житию. Али уже больно *надокучило!* Иноческое житие — не игрушка. Три дни в черньцех, а семой монастырь! Да коли был в миру, ино образы окладовати, да книги оболочи бархаты, да застешки и жюки серебряны, да налои избирати, да жити затворяся, да кельи ставити, да четки в руках, а ныне з братьею вместе ести лихо. Надобе четки не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердец плотян. Я видал по четкам матерны лают! Что в тех четках? И о Хабарове мне нечего писати, как себе хочет, так дурует. А что Шереметев сказывает, что его болезнь мне ведома: ино ведь не всех леженек для разорити законы святыя.

Сия мала от многих изрекох вам любви ради вашея и иноческаго для жития, имже сами множае нас весте; аще хощете, обрящете много въ божественом Писании. А нам к вам болши того писати невозможно, да и писати нечего, уже конец моих словес к вам. А вперед бы есте о Шереметеве и о иных о безлепицах нам не докучали: нам о том никако ответу не давати. Сами ведаете, коли благочестие не потребно, а нечестие любо! А Шереметеву хоти и золотыя сосуды скуйте и чин царской устройте, — то вы ведаете. Уставьте с Шереметевым свое предание, а чюдотворцово отложите, будет так добро. Как лутче, так делайте! Сами ведаете, как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет! Вперед о том не докучайте: воистину ни о чем не отвечивати. А что весну сь к вам Собакины от моего лица

злокозненую прислали грамоту, и вы бы с нынешним моим писанием сложили и по слогням разумели, и по тому вперед безлепицам верили.

Бог же мира и пречистыя Богородицы милость и чюдотворца Кирила молитвы буди со всеми вами и нами. Аминь. А мы вам, господие мои и отцы, челом бием до лица земнаго.

ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО
(Перевод)

Послание в Кирилло-Белозерский монастырь

ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИ В КИРИЛЛОВ МОНАСТЫРЬ ИГУМЕНУ КОЗЬМЕ С БРАТИЕЮ ВО ХРИСТЕ

В пречестную обитель Успения пресвятой и пречистой владычицы нашей Богородицы и нашего преподобного и богоносного отца Кирилла-чудотворца, священного христова полка наставнику, проводнику и руководителю на пути в небесные селения, преподобному игумену Козьме с братиею во Христе царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси челом бьет.

Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такое величие? Молю вас, господа и отцы, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Я и братом вашим называться недостоин, но считайте меня, по евангельскому завету, одним из ваших наемников. И поэтому, припадая к вашим святым ногам, умоляю, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Сказано ведь в Писании: «свет инокам — ангелы, свет мирянам — иноки». Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и находящихся в смертной обители обманчивого тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти, во всяком злодействе, как говорит великий апостол Павел: «Ты уверен, что ты путеводитель слепым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины: как же, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? Говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь; гнушаясь идолов, святотатствуешь; хвалишься законом, а нарушением его досаждаешь Богу?» И опять тот же великий апостол говорит: «Как, проповедуя другим, сам останусь недостойным?»

Ради Бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди

лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира. Как могу я, нечистый и скверный и душегубец, быть учителем, да еще в столь многомятежное и жестокое время? Пусть лучше Господь Бог, ради ваших святых молитв, примет мое писание как покаяние. А если хотите, есть у вас дома учитель, великий светоч Кирилл, гроб которого всегда перед вами и от которого всегда просвещаетесь, и великие подвижники, ученики Кирилла, а ваши наставники и отцы по восприятию духовной жизни, вплоть до вас, и устав великого чудотворца Кирилла, по которому вы живете. Вот у вас учитель и наставник, у него учитесь, у него наставляйтесь, у него просвещайтесь, будете тверды в его заветах, да и нас, убогих духом и бедных благодатью, просвещайте, а за дерзость простите, Бога ради.

Ибо вы помните, святые отцы, как некогда случилось мне прийти в вашу пречестную обитель пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла и как совершилось по воле провидения, по милости пречистой Богородицы и по молитвам чудотворца Кирилла, я обрел среди темных и мрачных мыслей небольшой просвет света Божия и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас, братия, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мирского мятежа и смятения и обратившись к вашей добродетели; был тогда с игуменом Иоасаф, архимандрит каменский, Сергий Колычев, ты, Никодим, ты, Антоний, а иных не упомню. И в долгой беседе я, грешный, открыл вам свое желание постричься в монахи и искушал, окаянный, вашу святость своими слабыми словами. Вы же мне описали суровую монашескую жизнь. И когда я услышал об этой Божественной жизни, сразу же возрадовались мое скверное сердце с окаянной душою, ибо я нашел узду помощи Божьей для своего невоздержания и спасительное прибежище. С радостью я сообщил вам свое решение: если Бог даст мне постричься в благоприятное время и здоровым, совершу это не в каком-либо ином месте, а только в этой пречестной обители пречистой Богородицы, созданной чудотворцем Кириллом. И когда вы молились, я, окаянный, склонил свою скверную голову и припал к честным стопам тогдашнего игумена, вашего и моего, прося на то благословения. Он же возложил на меня руку и благословил меня на ту жизнь, о которой я упоминал, как и всякого человека, пришедшего постричься.

И кажется мне, окаянному, что наполовину я уже чернец; хоть и не совсем еще отказался от мирской суеты, но уже ношу на себе рукоположение и благословение монашеского образа. И, видя в пристанище спасения многие корабли душевные, обуреваемые жестоким смятением, не мог поэтому терпеть, отчаялся и о своей душе обеспокоился (ибо я уже ваш), и чтобы пристанище спасения не погибло, дерзнул сказать это.

И вы, мои господа и отцы, ради Бога, простите меня, грешного, за дерзость моих суетных слов.⟨...⟩

Прежде всего, господа мои и отцы, вы по Божьей милости и молитвами его пречистой матери и великого чудотворца Кирилла имеете у себя устав этого великого отца, действующий у вас до сих пор. Имея такой устав, мужайтесь и держитесь его, но не как рабского ярма.⟨...⟩

И вы, господа и отцы, стойте мужественно за заветы чудотворца и не уступайте в том, в чем вас просвещает Бог, пречистая Богородица и чудотворец, ибо сказано, что «свет инокам — ангелы и свет мирянам — иноки». И если уж свет станет тьмой, то в какой же мрак впадем мы — темные и окаянные! Помните, господа мои и святые отцы, что маккавеи только из-за того, что не едят свиного мяса, почитаются наравне с мучениками за Христа; вспомните, как Елеазару сказал мучитель, чтобы он даже не ел свиное мясо, а только взял его в руку, чтобы можно было сказать людям, что Елеазар ест мясо. Доблестный же так на это ответил: «Восемьдесят лет Елеазару, а ни разу он не соблазнил людей Божьих. Как же ныне, будучи стариком, буду соблазном народу Израиля!» И так погиб. И божественный Златоуст пострадал от обидчиков, предостерегая царицу от лихоимства. Ибо не виноградник и не вдова были первой причиной этого зла, изгнания чудотворца, мук его и его тяжкой смерти вследствие изгнания. Это невежды рассказывают, что он пострадал за виноградник, а тот, кто прочтет его житие, узнает, что Златоуст пострадал за многих, а не только за виноград. И с виноградником этим дело было не так просто, как рассказывают. Но был в Царьграде некий муж в боярском сане, и про него наклеветали царице, что он поносит ее за лихоимство. Она же, объятая гневом, заточила его вместе с детьми в Селунь. Тогда он попросил великого Златоуста помочь ему; но тот не уговорил царицу, и все осталось, как было. Там этот человек и скончался в заточении. Но царица, неутолимая в своем гневе, захотела убогий виноградник, который он оставил своей убогой семье для прокормления, хитростью отнять. И если святые из-за столь малых вещей принимали такие страдания, сколь же сильнее, мои господа и отцы, следует вам пострадать ради заветов чудотворца. Так же как апостолы Христовы шли за ним на распятие и умерщвление и вместе с ним воскреснут, так и вам подобает усердно следовать великому чудотворцу Кириллу, крепко держаться его заветов и бороться за истину, а не быть бегунами, бросающими щит и другие доспехи, но возьмитесь за оружие Божье, и да никто из вас не предаст заветов чудотворца, подобно Иуде, за серебро или, как сейчас, ради удовлетворения своих страстей. Ибо есть и у вас Анна и Кайафа — Шереметев и Хабаров[1], и есть Пилат[2] — Варлаам Собакин, ибо он послан от царской власти, и есть Христос распинаемый — поруганные заветы чудотворца. Ради Бога, святые отцы, ведь если вы в чем-нибудь малом допустите послабление, оно обратится в великое.

Вспомните, святые отцы, что писал к некоему монаху великий святитель и епископ Василий Амасийский[3], и прочтите там, какого плача и огорчения достойны проступки ваших иноков и послабления им, какую радость и веселье они доставляют врагам и какой плач и скорбь верным! То, что там написано некоему монаху, относится и к вам, и ко всем, которые ушли от великой высоты мирских страстей и богатства в иноческую жизнь, и ко всем, которые воспитались в иночестве.⟨...⟩

Видите, как послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметева и Хабарова совершили такое послабление и преступили заветы чудотворца. А если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря уже и не будет. Зачем тогда идти в монахи и к чему говорить: «Отрекаюсь от мира и всего, что в нем есть», если мир весь в очах? Как в этом святом месте терпеть скорби и всякие напасти со всей братией и быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как сказано в иноческом обете? А Шереметеву как назвать вас братиею? Да у него и десятый холоп, который у него в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной. И великие светильники Сергий, и Кирилл, и Варлаам, и Дмитрий, и Пафнутий[4], и многие преподобные Русской земли установили крепкие уставы иноческой жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них постриглись, не вы им учители и законодатели, а они вам учители и законодатели. И если вам устав Шереметева хорош — держите его, а устав Кирилла плох — оставьте его! Сегодня тот боярин один порок введет, завтра другой иное послабление введет, да мало-помалу и весь крепкий монастырский уклад потеряет силу и пойдут мирские обычаи. Ведь во всех монастырях основатели сперва установили крепкие обычаи, а затем их уничтожили распутники. Чудотворец Кирилл был когда-то и в Симонове[5] монастыре, а после него был там Сергий. Какие там были правила при чудотворце, узнаете, если прочтете его житие, а тот ввел уже некоторые послабления, а другие после него — еще больше; мало-помалу и дошло до того, что сейчас, как вы сами видите, в Симоновом монастыре все, кроме сокровенных рабов Господних, только по одеянию иноки, а делается у них все, как у мирских, так же как в Чудовом[6] монастыре, стоящем среди столицы перед нашими глазами, — у нас и вас на виду. Были там архимандриты: Иона, Исак Собака, Михайло, Вассиан Глазатый, Авраамий, — при всех них был этот монастырь одним из самых убогих. А при Левкии он сравнялся всяким благочинием с великими обителями, мало в чем уступая им в чистоте монашеской жизни. Смотрите сами, что дает силу: послабление или твердость?

А над гробом Воротынского поставили церковь[7] — над Воротынским-то церковь, а над чудотворцем нет. Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью! Видно, и на Страшном суде Воро-

тынский да Шереметев станут выше чудотворца: потому что Воротынский со своей церковью, а Шереметев со своим уставом, который крепче, чем Кириллов. Я слышал, как один брат из ваших говорил, что хорошо сделала княгиня Воротынская. А я скажу: нехорошо, во-первых, потому что это образец гордыни и высокомерия, ибо лишь царской власти следует воздавать честь церковью, гробницей и покровом. Это не только не спасение души, но и пагуба: спасение души бывает от всяческого смирения. А во-вторых, очень зазорно и то, что над ним церковь, а не над чудотворцем, которому служит всегда только один священник, а это меньше, чем собор. А если не всегда служит, то это совсем плохо; а остальное вы сами знаете лучше нас. А если бы у вас было церковное украшение общее, вам было бы прибыльнее и лишнего расхода не было бы — все было бы вместе и молитва общая. Думаю, и Богу это было бы приятнее. Вот ведь на наших глазах только в монастырях преподобного Дионисия в Глушицах и великого чудотворца Александра на Свири[8] бояре не постригаются, и эти монастыри по Божьей благодати процветают монашескими подвигами. А у вас дали сперва Иосафу Умному оловянную посуду в келью, потом дали Серапиону Сицкому, дали Ионе Ручкину, а Шереметеву — стол в келью, да и поварня своя. Дашь ведь волю царю — надо и псарю; дашь послабление вельможе — надо и простому. Не рассказывайте мне о том римлянине, который славился своими добродетелями и все-таки жил такой жизнью; то ведь не назначено было, а было по своей воле, и в пустыне было, недолго и без суеты, никого не соблазнило, ибо говорит Господь в Евангелии: «Трудно не поддаться соблазнам; горе тому человеку, через которого соблазн приходит!» Одно дело — жить одному, а другое дело — в общем житии.

Господа мои, отцы преподобные! Вспомните вельможу, описанного в «Лествице»[9], — Исидора, прозванного Железным, который был князем Александрийским, а какого смирения достиг? Вспомните также и вельможу царя индийского Авенира, который явился на испытание, и какое одеяние на нем было? — ни кунье, ни соболье. А Иоасаф[10], сын этого царя: как он, оставив царство, пешком пошел до Синаридской пустыни, сменил царские одежды на власяницу и претерпел много бедствий, о которых раньше и не знал, и как он достиг божественного Варлаама, и какой жизнью стал жить вместе с ним — царской или отшельнической? Кто же был более велик — царский сын или неведомый пустынник? Принес ли царский сын с собой свои обычаи, или стал жить по обычаям пустынника даже и после его смерти? Вы сами знаете это гораздо лучше нас. А у него много было своих Шереметевых. А Елизвой, царь Эфиопский[11], какой суровой жизнью жил? А как Савва Сербский[12] отца, и мать, и братьев, и родных, и друзей вместе со всем царством и вельможами оставил и принял крест Христов и какие отшельнические подвиги совершил? А как отец его Неманя, он же Симеон,

с матерью его Марией по его поучению оставили царство и сменили багряные одежды на одеяния ангельского чина и какое они обрели земное утешение и получили радость небесную? А как великий князь Святоша[13], владевший великим княжением Киевским, постригся в Печерском монастыре и пятнадцать лет был привратником и работал на всех, кто знал его и над кем он прежде сам властвовал? И не устыдился ради Христа такого унижения, из-за которого даже его братья вознегодовали на него. Они видели в этом унижение для своей державы, но ни сами, ни уговорами через других людей не могли отвратить его от этого дела до дня его кончины. И даже после его кончины к его деревянному стулу, на котором он сидел у ворот, бесы не могли подойти. Вот какие подвиги совершали эти святые во имя Христа, а ведь у всех них были свои Шереметевы и Хабаровы. А блаженный цареградский патриарх Игнатий, который тоже был сыном царя и был, подобно Иоанну Крестителю, замучен кесарем Вардой за обличение его преступлений, ибо Варда жил с женой своего сына, — с кем этого праведника сравнишь?

А если в монахах жить тяжело, надо было жить в боярах, а не постригаться. Вот то немногое, что я смог написать вам по моему безумию суетными словами, отцы святые, ибо вы все это в божественном Писании знаете гораздо лучше нас, окаянных. Да и это немногое я сказал вам потому, что вы меня к этому принудили. Вот уже год, как игумен Никодим был в Москве, а отдыха все нет: все Собакин и Шереметев! Что я им, отец духовный или начальник? Пусть как хотят, так и живут, если им спасение своей души не дорого! Но до каких пор будут длиться эти разговоры и смуты, суета и мятеж, распри и нашептывания и празднословие? И из-за чего? Из-за злобесного пса Василия Собакина, который не только не знает правил иноческой жизни, но не понимает даже, что такое чернец, а тем более инок, что еще выше, чем чернец. Он даже в одежде монашеской не разбирается, не только в образе жительства. Или из-за бесова сына Иоанна Шереметева? Или из-за дурака и упыря Хабарова? Поистине, святые отцы, это не чернецы, а оскорбители монашеского образа. Не знаете вы разве отца Шереметева — Василия?[14] Ведь его бесом звали! Как он постригся да пришел в Троице-Сергиев монастырь, так и сошелся с Курцевыми. А Иоасаф, который был митрополитом, — с Коровиными. И начали они между собой браниться, тут все и началось. И в какое мирское житие впала эта святая обитель, видно всем, имеющим разум.

А до этого в Троице было крепкое житие, и мы сами это видели. Во время нашего приезда они потчевали множество людей, а сами только присутствовали. Однажды мы увидели это собственными глазами. Дворецким тогда у нас был князь Иоанн Кубенский. У нас кончилась еда, взятая в дорогу, а там уже благовестили к всенощной. Он и захотел поесть и попить — из жажды, а не

для удовольствия. А старец Симон Шубин и другие с ним, не из самых главных (главные давно разошлись по кельям), сказали ему, как бы шутя: «Сударь, князь Иван, поздно, уже благовестят». Сел он за еду,— с одного конца стола ест, а они с другого конца отсылают. Захотел он попить, хватился хлебнуть, а уже ни капельки не осталось: все отнесено в погреб. Такие были крепкие порядки в Троице,— и ведь мирянину, не чернецу! А слышал я от многих, что были в этом святом месте и такие старцы, которые, когда приезжали наши бояре и вельможи, их потчевали, а сами ни к чему не прикасались, а если вельможи их заставляли в неподобающее время, и даже в подобающее время,— и тогда едва прикасались. А про порядки, которые были в этом святом месте в древние времена, я слышал еще более удивительное: было это, когда в монастырь приходил преподобный чудотворец Пафнутий[15] помолиться живоначальной Троице и гробу Сергия-чудотворца и вести духовную беседу с жившей там братией. Когда же он побеседовал и захотел уйти, они, из духовной любви к нему, проводили его за ворота. И тогда, вспомнив завет преподобного Сергия — не выходить за ворота,— все вместе, побудив и преподобного Пафнутия, стали молиться. И, помолившись об этом, затем разошлись. И даже ради такой духовной любви не пренебрегали святыми отеческими заповедями, а не то что ради чувственных удовольствий! Вот какие крепкие порядки были в этом святом месте в древние времена. Ныне же, за грехи наши, монастырь этот хуже Песношского[16], какой была Песношь в те времена.

А все это послабление начало твориться из-за Василия Шереметева, подобно тому как в Царьграде все зло началось от царей-иконоборцев Льва Исавра и его сына Константина Гноетезного. Ибо Лев только посеял семена злочестия, Константин же обратил царствующий град от благочестия к мраку. Так и Васиан Шереметев в Троице-Сергиеве монастыре, близ царствующего града, своими кознями разрушил отшельническую жизнь. Так же и сын его Иона стремится погубить последнее светило, сияющее, как солнце, и уничтожить спасительное пристанище для душ; в Кирилловом монастыре, в самом уединенном месте, уничтожить отшельническую жизнь. Ведь этот Шереметев, когда он еще был в миру, вместе с Висковатым[17] первыми не стали ходить с крестным ходом. А глядя на это, и все перестали ходить. А до этого все православные христиане, и с женами и с младенцами, участвовали в крестном ходе и не торговали в те дни ничем, кроме съестного. А кто попробует торговать, с тех взымали пеню. И такое благочестие погибло из-за Шереметевых. Вот каковы Шереметевы! Кажется нам, что они и в Кирилловом монастыре таким же образом хотят истребить благочестие. А если кто заподозрит нас в ненависти к Шереметевым или в пристрастии к Собакиным, то свидетель Бог, и пречистая Богородица, и чудотворец Кирилл, что я говорю это ради монастырского порядка и искоренения послаблений.

Слышал я, что у вас в Кириллове монастыре на праздник были розданы братии свечи не по правилам, а некоторые при этом и служебника обижали. А прежде даже Иоасаф-митрополит не мог уговорить Алексия Айгустова, чтобы тот прибавил нескольких поваров к тому небольшому числу, которое было при чудотворце, даже это не мог установить. Немало и других было в монастыре строгостей, и прежние старцы твердо стояли и настаивали даже на мелочах. А когда мы в юности впервые были в Кирилловом монастыре, как-то опоздали однажды ужинать из-за того, что у вас в Кириллове в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеским привычкам. А в то время помощником келаря был у вас тогда Исайя Немой. И вот кто-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросил стерлядей, а Исайи в то время не было — был он у себя в келье, и они с трудом его привели, и тот, кто был приставлен к нашему столу, спросил его о стерлядях или иной рыбе. А он так ответил: «Об этом, о судари, мне не было приказа; что мне приказали, то я вам и приготовил, а сейчас ночь, взять негде. Государя боюсь, а Бога надо больше бояться». Вот какие у вас тогда были крепкие порядки: «правду говорить и перед царями не стыдился», как сказал пророк. Ради истины праведно и царям возражать, но не ради чего-либо иного. А ныне у вас Шереметев сидит в келье, словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют, словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылает по кельям пастилу, коврижки и иные пряные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого великого и пагубного нарушения монастырских порядков. Больше и говорить не буду: поверю вашим душам! А то ведь некоторые говорят, будто и вино горячее потихоньку Шереметеву в келью приносили,— так ведь в монастырях зазорно и фряжские вина пить, а не только что горячие. Это ли путь спасения, это ли иноческая жизнь? Неужели вам нечем было кормить Шереметева, что ему пришлось завести особые годовые запасы? Милые мои! До сих пор Кириллов монастыь прокармливал целые области в голодные времена, а теперь, в самое урожайное время, если бы вас Шереметев не прокормил, вы бы все с голоду перемерли. Хорошо ли, чтобы в Кирилловом монастыре завелись такие порядки, которые заводил митрополит Иоасаф, пировавший в Троицком монастыре с клирошанами, или Мисаил Сукин, живший в Никитском и других монастырях, как вельможа, и как Иона Мотякин и другие многие, не желающие соблюдать монастырские порядки, живут? А Иона Шереметев хочет жить, не подчиняясь правилам, так же как отец его жил. Про отца его хоть можно было сказать, что он неволей, с горя постригся. Да и о таких Лествичник[18] писал: «Видел я насильственно постриженных, которые стали праведнее вольных». Так те ведь невольные! А ведь Иону Шереметева никто взашей не толкал: чего же он бесчинствует?

Но если, может быть, такие поступки у вас считаются приличными, то дело ваше: Бог свидетель, я пишу это только, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Гнев на Шереметевых тут ни при чем: у него ведь имеются братья в миру, и мне есть на кого положить опалу. Зачем же надругаться над монахом и возлагать на него опалу! А если кто скажет, что я ради Собакиных, так мне из-за Собакиных нечего беспокоиться. Варлаамовы племянники хотели меня с детьми чародейством извести, а Бог меня от них спас: их злодейство раскрылось, и из-за этого все и произошло. Мне за своих душегубцев мстить незачем. Одно только было мне досадно, что вы моего слова не послушались. Собакин приехал с моим поручением, а вы его не уважили, да еще и поносили его моим именем, что и рассудилось судом Божиим. А следовало бы ради моего слова и ради нас пренебречь его дуростью и решить это дело побыстрее. А Шереметев приехал сам по себе, и вы потому его чтите и бережете. Это — не то что Собакин; Шереметев дороже моего слова; Собакин приехал с моим словом и погиб, а Шереметев — сам по себе, и воскрес. Но стоит ли ради Шереметева целый год устраивать мятеж и волновать такую великую обитель? Другой Сильвестр[19] на вас наскочил: а, однако, вы одной с ним породы. Но если я гневался на Шереметевых за Собакина и за пренебрежение к моему слову, то за все это я воздал им еще в миру. Ныне же поистине я писал, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Не было бы у вас в обители тех пороков, не пришлось бы и Собакину с Шереметевым браниться. Слышал я, как кто-то из братьев вашей обители говорил нелепые слова, что у Шереметева с Собакиным давняя мирская вражда. Так какой же это путь спасения и чего стоит ваше учительство, если и пострижение прежней вражды не разрушает? Так вы отрекаетесь от мира и от всего мирского и, отрезая волоса, отрезаете и унижающие суетные мысли, так вы следуете повелению апостола: «жить обновленной жизнью»? По Господню же слову: «Оставьте порочным мертвецам погребать свои пороки, как и своих мертвецов. Вы же, шествуя, возвещайте царство Божие».

И если уж пострижение не разрушает мирской вражды, тогда, видно, и царство, и боярство, и любая мирская слава сохранится в монашестве, и кто был велик в бельцах, будет велик и в чернецах? Тогда уж и в царствии небесном так же будет: кто здесь богат и могуществен, будет и там богат и могуществен? Так ведь это лживое учение Магомета, который говорил: у кого здесь богатства много, тот и там будет богат, кто здесь в силе и славе, тот и там будет. Он и другое многое лгал. Это ли путь спасения, если в монастыре боярин не сострижет боярства, а холоп не освободится от холопства? Как же будет с апостольским словом: «нет ни эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного, все едины во Христе»? Как же они едины, если боярин — по-старому боярин, а холоп — по-старому холоп? А как апостол Павел называл Анисима, бывшего раба Филимона, его братом?

А вы и чужих холопов к боярам не приравниваете. А в здешних монастырях до последнего времени держалось равенство между холопами, боярами и торговыми мужиками. В Троице при нашем отце келарем был Нифонт, холоп Ряполовского, а с Бельским с одного блюда ел. На правом клиросе стояли Лопотало и Варлаам, невесть кто такие, а Варлаам, сын князя Александра Васильевича Оболенского,— на левом. Видите: когда был настоящий путь спасения, холоп был равен Бельскому, а сын знатного князя делал одно дело с работниками. Да и при нас на правом клиросе был Игнатий Курачев, белозерец, а на левом — Федорит Ступишин, и он ничем не отличался от других клирошан. Да и много других таких случаев было до сих пор. А в Правилах Великого Василия написано: «Если чернец хвалится при других благородством происхождения, то пусть за это постится 8 дней и совершает 80 поклонов в день». А ныне то и слово: «Тот знатен, а тот еще выше»,— тут и братства нет. Ведь когда все равны, тут и братство, а коли не равны, то какое же тут братство и иноческое житие! А ныне бояре разрушили порядок во всех монастырях своими пороками. Скажу еще более страшное: как рыболов Петр и поселянин Иоанн Богослов будут судить богоотца Давида, о котором Бог сказал: «обрел мужа по сердцу моему», и славного царя Соломона, о котором Господь сказал, что «нет под солнцем человека, украшенного такими царственными достоинствами и славой», и великого царя Константина, и своих мучителей, и всех сильных царей, господствовавших над вселенной? Двенадцать скромных людей будут их судить. Да еще того страшнее: родившая без греха Господа нашего Христа и первый среди людей человек, креститель Христов,— те будут стоять, а рыболовы будут сидеть на 12 престолах и судить всю вселенную. А вам как своего Кирилла поставить рядом с Шереметевым,— кто из них выше? Шереметев постригся из бояр, а Кирилл даже приказным дьяком не был! Видите, куда завели вас послабления? Как сказал апостол Павел: «Не впадайте во зло, ибо злые слова растлевают благие обычаи». И пусть никто не говорит мне эти постыдные слова: «Если нам с боярами не знаться, монастырь без даяний оскудеет». Сергий, и Кирилл, и Варлаам, и Дмитрий, и другие многие святые не гонялись за боярами, но бояре за ними гонялись, и обители их расширялись: благочестием монастыри поддерживаются и не оскудевают. Иссякло в Троице-Сергиевом монастыре благочестие — и монастырь оскудел: никто у них не постригается и никто им ничего не дает. А в Сторожевском монастыре[20] до чего допились? Некому и затворить монастырь, на трапезе трава растет. А мы видели, как у них было больше восьмидесяти человек братии и по одиннадцать человек на клиросе: монастыри разрастаются благодаря благочестивой жизни, а не из-за послаблений. ⟨...⟩

Это — лишь малое из многого. Если же хотите еще больше узнать, хотя вы сами знаете все лучше нас, можете многое найти в Бо-

жественных Писаниях. А если вы напомните, что я забрал Варлаама из монастыря, обнаружив этим милость к нему и кручинясь на вас, то Бог свидетель — не для чего другого мы сделали это, а только потому велели ему быть у себя, что, когда возникло это волнение и вы сообщили об этом нам, мы приказали наказать Варлаама за его бесчинство по монастырским правилам. Племянники же его нам говорили, что вы его притесняли ради Шереметева. А Собакины тогда еще не совершили измены против нас. И мы из милости к ним велели Варлааму явиться к нам и хотели его расспросить, из-за чего у них возникла вражда? И приказать ему хотели, чтобы он сохранял терпение, если вы будете его притеснять, ибо притеснения и терпение помогают душевному спасению иноков. Но в ту зиму мы за ним потому не послали, что мы были заняты походом в Немецкую землю. Когда же мы вернулись из похода, то послали за ним, расспрашивали его, и он стал говорить вздор — доносить на вас, что будто вы говорите о нас неподобающие слова с укоризной. А я на это плюнул и выругал его. Но он продолжал говорить нелепости, настаивая, что говорит правду. Затем я расспрашивал его о жизни в монастыре, и он стал говорить невесть что, и оказалось, что он не только не знает иноческой жизни и одежды, но вообще не понимает, что такое чернецы, и хочет такой же жизни и чести, как в миру. И, видя его сатанинский суетный пыл, по его неистовой суетности, мы его и отпустили жить суетной жизнью. Пусть сам отвечает за свою душу, если не ищет спасения своей души. А к вам его поистине потому не послали, что не хотели огорчать себя и волновать вас. Он же очень хотел к вам. А он — настоящий мужик, врет, сам не зная что. А и вы нехорошо поступили, что прислали его как бы из тюрьмы, а старец соборный при нем словно пристав. А он явился, как государь какой-то. И вы еще прислали с ним к нам подарки, да к тому же ножи, как будто вы хотите нам вреда. Как же можно посылать подарки с такой сатанинской враждебностью? Вам следовало его отпустить и отправить с ним молодых монахов, а посылать подарки при таком нехорошем деле неприлично. Все равно соборный старец ничего не мог ни прибавить, ни убавить, унять его он не сумел; все, что он захотел врать,— он соврал, что мы захотели слушать — выслушали: соборный старец ничего не ухудшил и не улучшил. Все равно мы Варлааму ни в чем не поверили.

А говорим мы все это, свидетель Бог, пречистая Богородица и чудотворец, из-за нарушения монастырских порядков, а не гневаясь на Шереметева. Если же кто скажет, что это жестоко и чтобы вам, государи, совет дать, снисходя к немощи, что Шереметев вправду болен, то пусть ест один в келье с келейником. А сходиться к нему зачем, да пировать, да яства в келье на что? До сих пор в Кириллове лишней иголки с ниткой в келье не держали, а не только других вещей. А двор за монастырем и запасы на что? Все то беззаконие, а не нужда. А если нужда,

пусть он ест в келье, как нищий: кус хлеба, звено рыбы да чашку квасу. Если же вы хотите дать ему еще какие-нибудь послабления, то вы давайте сколько хотите, но пусть хотя бы ест один, а сходок и пиров не было бы, как прежде у вас водилось. А если кто хочет прийти к нему ради беседы духовной, пускай приходит не в трапезное время, чтобы в это время еды и питья не было,— так это будет беседа духовная. Подарки же, которые ему присылают братья, пусть отдает в монастырское хозяйство, а у себя в келье никаких таких вещей не держит. Пусть то, что к нему пришлют, будет разделено на всю братию, а не дано двум или трем монахам по дружбе и пристрастию. Если ему чего-нибудь не хватает, пусть временно держит. И иное что можно — тем его услаждайте. Но давайте ему в кельи и из монастырских запасов, чтобы не возбуждать соблазна. А люди его пусть при монастыре не живут. Если же приедет кто-нибудь от его братьев с письмом, едой или подарками, пусть поживет дня два-три, возьмет ответ и едет прочь — и ему будет хорошо, и монастырю безмятежно.

Мы еще в детстве слышали, что таковы были крепкие правила и в вашем монастыре, да и в других монастырях, где по-божественному жили. Мы и написали вам все лучшее, что нам известно. А вы теперь прислали нам грамоту, и нет нам отдыха от вас из-за Шереметева. Написано, что я передавал вам устно через старца Антония о Ионе Шереметеве да о Иоасафе Хабарове, чтобы ели в общей трапезной с братией. Я передавал это только ради соблюдения монастырских порядков, а Шереметев увидел в этом как бы опалу. Я писал только то, что я знал из обычаев вашего и других крепких монастырей, и выше я написал, как ему жить в келье на покое, не волнуя монастырь,— хорошо, если и вы его предоставите тихой жизни. А не потому ли вам так жаль Шереметева и вы крепко за него стоите, что его братья до сих пор не перестают посылать в Крым и навлекать басурман на христиан?

А Хабаров просит меня перевести его в другой монастырь, но я не стану содействовать его скверной жизни. Видно, уж очень надоело! Иноческое житие — не игрушка. Три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Пока он был в миру, только и знал, что образа одевать в оклады, переплетать книги в бархат с серебряными застежками и жуками, аналои убирать, жить в затворничестве, кельи ставить, вечно четки в руках носить. А ныне ему с братией вместе есть тяжело! Надо молиться на четках не по скрижалям каменным, а по скрижалям сердец телесных! Я видел — по четкам матерно бранятся! Что в тех четках? Нечего мне писать о Хабарове,— пусть как хочет, так и дурачится. А что Шереметев говорит, то его болезнь мне известна: так ведь не для всякого же лежебоки нарушать святые правила.

Написал я вам малое из многого ради любви к вам и для укрепления иноческой жизни, вы же это знаете лучше нас. Если же

хотите, найдете многое в божественном Писании. А мы к вам больше писать не можем, да и нечего писать. Это — конец моего к вам письма. А вперед бы вы нам о Шереметеве и других нелепицах не докучали: мы отвечать не будем. Сами знаете, если вам благочестие не нужно, а желательно нечестие! Скуйте Шереметеву хоть золотые сосуды и воздайте ему царские почести — ваше дело. Установите вместе с Шереметевым свои правила, а правила чудотворца отставьте — так хорошо будет. Как лучше, так и делайте! Вы сами знаете; делайте как хотите, а мне ни до чего дела нет! Больше не докучайте: воистину ничего не отвечу. А злокозненную грамоту, которую вам весной прислали Собакины от моего имени, сравните с моим нынешним письмом, уразумейте слово в слово, а затем уже решайте, верить ли дальше нелепицам.

Да пребудут с вами и с нами милость Бога мира и Богородицы и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли.

Послание Василию Грязному

(Древнерусский текст)

ОТ ЦАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧЮ ГРЯЗНОМУ-ИЛЬИНУ

Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон; ино было, Васюшка, без путя середи крымских улусов не заезжати, а уж заехано, ино было не по объезному спати; ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы, ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрочон, умеют ловити, да так не говорят, дошодши до чюжей земли: да пора домов! Толко б таковы крымъцы были, как вы, жонки,— ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве.

А что сказываешься великой человек — ино что по грехом моим учинилось и нам того как утаити, что отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды. А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексине — ино таковы и в станицах езживали, а ты в станице у Пенинъского был мало что не в охотникех с собаками, и прежние твои были у ростовъских владык служили. И мы того не запираемъся, что ты у нас в приближенье был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублев дадим, а доселева такие по пятидесят рублев бывали; а ста тысяч оприч государей ни на ком окупу не емлют, а опричь государей таких окупов ни на ком не дают. А коли бы ты сказывалъся молодой человек — ино б на тебе Дивея не просили. А Дивея, сказывает царь, что он молодой человек, а ста тысячь рублев не хочет на тебе мимо Дивея: Дивей ему ста тысячь

рублев лутчи, а за сына за Дивеева дочерь свою дал; а нагайской князь и мурзы ему все братья; у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася. Опричь было князя Семена Пункова не на кого меняти Дивея; ано и князя Михаила Васильевича Глинъского нечто для присвоенья меняти было; а то в нынешнее время нековo на Дивея меняти. Тебе, вышедчи ис полону, столко не привесть татар, ни поимать, сколко Дивей кристьян пленит. И тебя, ведь, на Дивея выменити не для кристьянства — на кристьянство: ты один свободен будешь, да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехав учнет воевати, да неколко сот кристьян лутчи тебя пленит. Что в том будет прибыток?

Коли еси сулил мену не по себе и писал, и что не в меру, и то как дати? То кристьянъству не пособити — разорить кристьянъство, что неподобною мерою зделать. А что будет по твоей мере мена или окуп, и мы тебя тем пожалуем. А будет станишь за гордость на кристьянъство — ино Христос тебе противник!

Послание Василию Грязному
(перевод)

ОТ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РУСИ ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ГРЯЗНОМУ-ИЛЬИНУ

Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен; так надо было, Васюшка, без пути средь крымских улусов не разъезжать; а уж как заехал, не надо было спать, как при охотничьей поездке: ты думал, что в окольные места приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя к седлу и приторочили. Или ты думал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: пора домой! Если бы крымцы были такими бабами, как вы, то им бы и за рекой не бывать, не только что в Москве[21].

Ты объявил себя великим человеком, так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как утаить?), что князья и бояре наши и отца нашего стали нам изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды. А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине — такие там в станицах езжали, а ты в станице у Пенинского[22] был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили. И мы не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали; а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут и не дают такого выкупа ни за кого, кроме государей. А если б ты объявил себя маленьким человеком — за тебя бы в обмен Дивея не просили[23]. Про Дивея хоть царь и говорит, что он человек маленький, да не хочет взять за тебя ста тысяч рублей вместо Дивея: Дивей ему ста

тысяч рублей дороже; за сына Дивеева он дочь свою выдал; а ногайский князь и мурзы все ему братья; у Дивея своих таких полно было, как ты, Вася. Кроме как на князя Семена Пункова, не на кого было менять Дивея; разве что, если бы надо было доставать князя Михайла Васильевича Глинского, можно было его выменять; а в нынешнее время некого на Дивея менять. Тебе, выйдя из плена, столько не привести татар и не захватить, сколько Дивей христиан пленит. И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству — во вред христианству: ты один свободен будешь, да, приехав, лежать станешь из-за своего увечия, а Дивей, приехав, станет воевать да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза? Если ты обещал не по себе и ценил себя выше меры, как же можно столько дать? Мерить такой неправильной мерой — значит не пособить христианству, а разорить христианство. А если будет мена или выкуп по твоей мере, и мы тебя тогда пожалуем. Если же из гордости ты станешь против христианства, то Христос тебе противник!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Иван Васильевич Большой-Шереметев* — боярин, в 1564 г. был арестован и пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре. Казнен в 1573 г. или немного позже. *Иван Иванович Хабаров* — боярин, насильно постриженный в Кирилло-Белозерском монастыре. Иван Грозный сравнивает их с иудейскими первосвященниками Анной и Каиафой — гонителями Христа.

[2] *Пилат Понтий* — римский наместник в Иудее в 26—36 гг., утвердил смертный приговор Христу, вынесенный синедрионом (верховное судилище Иудеи).

[3] *Василий Амасийский* — епископ города Амасии, казненный после жестоких пыток правителем Никомидийской области Ликинием в 309 или 323 г.

[4] Основатели монастырей на Руси: Сергий Радонежский (XIV в.), Кирилл Белозерский (конец XIV — начало XV в.), Варлаам Хутынский (XII в.), Дмитрий Прилуцкий (XIV в.), Пафнутий Боровский (XV в.).

[5] Московский Симонов монастырь.

[6] Чудовский монастырь в Московском Кремле.

[7] В 1555 г. вдова воеводы, князя В. И. Воротынского, построила над его могилой церковь, являющуюся приделом главного храма монастыря.

[8] Дионисиев Глушицкий монастырь вблизи Вологды и Александро-Свирский монастырь около Олонца.

[9] *Лествица* — книга наставлений о монашеской жизни.

[10] *Авенир, Иоасаф* — персонажи популярной в Древней Руси «Повести о Варлааме и Иоасафе».

[11] *Елизвой* — согласно легенде, эфиопский царь Элесбоа после победы над царем Дунасом (Зу-Нувасом) принял монашество и стал аскетом.

[12] *Савва Сербский* (ок. 1174—1235) — младший сын сербского царя Стефана Немани. В юности стал монахом, был архиепископом Сербии, под его влиянием отец отрекся от престола в 1195 г. и принял монашество под именем Симеона. Уже в XII в. был признан святым.

[13] *Святоша* — черниговский князь Святослав Данилович (нач. XII в.), постригся в монахи в Киево-Печерском монастыре (в Киево-Печерском патерике есть рассказ о нем).

[14] Отец И. В. Шереметева постригся в Троице-Сергиевом монастыре между 1537 и 1539 гг.

[15] *Пафнутий Боровский* (1394—1477) — основатель и игумен монастыря Рож-

дества Бородицы недалеко от города Боровска (Калужская область). Признан святым.

[16] Песношский Никольский монастырь около города Дмитрова.

[17] *Висковатый* — государственный дьяк и печатник, один из выдающихся политических деятелей времени Ивана Грозного; в 1570 г. казнен.

[18] *Иоанн Лествичник* (ум. 649—650) — монах, некоторое время был настоятелем Синайского монастыря. Прозван «Лествичником» за сочинение «Лествица райская» — книга наставлений о монашеской жизни.

[19] *Сильвестр* (ум. 1566) — священник московского Благовещенского собора, оказывал большое влияние на Ивана Грозного, пользовался его покровительством, но с 1560 г. попал в опалу.

[20] Саввин Сторожевский монастырь вблизи Звенигорода.

[21] В мае 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей захватил Москву и пожег город.

[22] Имеются в виду князья Пенинские-Оболенские.

[23] *Дивей-Мурза* — полководец и сподвижник Девлет-Гирея, был взят в плен русскими войсками.

V

Литература XVII в.

Новая повесть о преславном Российском царстве

«Новая повесть» — интереснейший памятник эпохи так называемого «Смутного времени». «Смутное время» (конец XVI — начало XVII в.) ознаменовалось борьбой русского народа с польско-шведской интервенцией, социально-экономическими потрясениями, народными восстаниями. «Новая повесть» датируется рубежом 1610—1611 гг., она носит ярко выраженный агитационный характер. Много места в произведении занимает вопрос о приглашении на московский престол сына польского короля Сигизмунда III королевича Владислава. Автор «Повести» к присяге Владиславу, на условии принятия им православия, относится с позиций соблюдения чистоты и неприкосновенности православной веры, что в обстановке иноземной интервенции играло важную политическую роль. Не случайно главным героем событий у него выступает патриарх Гермоген (ок. 1530—1612), не пошедший на компромисс с поляками.

Памятник уже современниками был назван «повестью», поскольку содержание произведения выходило за рамки чистой публицистичности, создавало впечатляющие картины бедствий страны, героизма патриотов, подлости предателей. Художественному восприятию произведения способствовала его эмоциональность, красочность. Имя автора «Повести» достоверно неизвестно. Существует две гипотезы. Согласно одной, им мог быть дьяк Григорий Елизаров, по другой — дьяк Марк Иванович Поздеев. «Новая повесть» дошла до нас в единственном списке.

Текст и перевод «Повести» печатаются по изданию: ПЛДР. 9. С. 24—57.

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

(Древнерусский текст)

Новая повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском, и о страдании новаго страстотерпца святейшаго кир Ермогена, патриярха всеа Русии, и о посланых наших, пресвященнаго Филарета, митрополита ростовскаго, и болярина князя Василия Голицына с товарыщи, и о крепком стоянии града Смоленска, и о новых измениках, и мучителей, и гонителей, и разорителей, и губителей веры християнские, Федки Ондронова с товарыщи

Преименитаго великого государства матере градовом Российскаго царства православным християном — всяких чинов людем, которые еще душь своих от Бога не отщетили, и от православные веры не отступили, и верою прелести не последуют, и держатся благочестия, и к соперником своим не прилепилися, и во отпадшую их не уклонилися, и паки хотят за православную свою веру стояти до крове.

Бога ради, государи, моляще его, всемилостиваго Бога, и пречистую его матерь, заступницу нашу, и молебницу, и помощницу всему роду нашему християньскому, и великих чюдотворцов, иже у нас в Троице преименитых, и всех святых, не нерадите о себе! Вооружимся на общих сопостат наших и врагов и постоим вкупе крепостне за православную веру, и за святыя Божия церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние, еже нам Господь дал, и изберем славную смерть! Аще и будет нам то, и по смерти обрящем царство небесное и вечное, нежели зде — безчестное, и позорное, и горкое житие под руками враг своих.

Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленьску, его же стояние к Западу, како в нем наша же братия, православныя християне, сидят, и великую всякую скорбь и тесноту трпят, и стаят крепце за православную веру, и за святыя Божия церкви, и за свои души, и за всех за нас, а общему нашему сопостату и врагу, королю, не покорятся и не здадутся. Сами ведаете, с коего времяни сидят и всякое великое утеснение терпят, и ни на которую меру не поползнутся и никакову их вражию прелесть и на обещание не прельстятся, что им обещевает и сам нашь сопостат. И вси стоят единодушьно, и непреклонно, и неподвижно умом и душею на их прелестное ложное обещание. И душь своих не потопят и во веки ими погибнути не хотят, а хотят славне умрети, нежели безчестне и горко жити.

И каково мужество показали и какову славу и похвалу учинили во все наше Росийское государьство! Да не токмо в нашу во всю пресловущую землю, но и во иншия орды, в Литовскую, и Польскую, и во иные многие; чаят, и до Рима, или будет и·дале паки же, ту славу и хвалу пустили, яко же и у нас. Да и самого того короля, лютаго врага, сопостата нашего, и его способников (таких же безбожников, яко же и он, которыя с ним тамо, подо оным градом стоят и град тый, аки злыя волки, похитити хотят и которые у нас зде, в великом нашем граде, живут и на сердцах наших стоят и, аки лютыя лвы, всегда поглатити нас хотят), и сотворителя нас всех еще удивили. И ужасали еще и до самого их злокозненаго и злоестественаго сердца им досадили, понеже у них многих доброхотных их, а наших врагов, перерубили, и перегубили, и позорныя смерти многим давали, да и ныне Божиею помощию всегда их, врагов, губят и зелне им грубят. Чаем, яко и малым детем слышавше, дивитися той их, гражан, храбрости, и крепости, и великодушию, и непреклонному уму. Аще будет их до конца Бог тако укрепит, яко же ныне, и учинят таковое свое крепкое стояние и великое скорбное терпение за православную веру, и за святыя Божия церкви, и за себя, и за всех за нас, и усидят, и тою своею крепостию все царство удержат от того лютаго нашего сопостата, по коих мест, сам Господь весть и, неизреченными своими судбами, невидимо великую свою милость подаст всему нашему великому государьству, и избавит нас всех от толиких неудобносимых бед, и измет нас из рук тех врагов наших, аки агнецов изо уст волчиих. Тогда кто готов будет изрещи ту их доблесть и крепость?! Тогда и паки достоит дерзостно рещи, что такоже не в свою едину землю, но и во иныя многия орды: до Царяграда, и до Рима, и до Иерусалима, и к самому востоку же, и западу, к северу и югу славе той проити: «Во оном царстве сам той град спасеся, и иных спасе, и сопостата и врага-короля попра и прогна, и все свое великое государство удержа». Аще бы таких крепкостоятелных и поборательных по вере градов в Российском государстве хотя и немного было, не токмо что все, никако же бы тем нашим врагом и злым волком было в нашу землю входно, отнюдь, просто рещи,— и повадно.

Подобает же нам ревновати и дивитися и посланным нашим от всея нашея великия Росия: вначале — от подражателя и сопрестолника святых святейших вселеньских патриярх, от первенца и главы церковныя всея Русии, пастыря нашего и учителя, и отцем отца и святителя, неложнаго стоятеля, и крепкаго побарателя по вере християнстей, потом — от благородных и великих самех земледержцов наших и правителей, ныне же, близ рещи, и кривителей (и не о том днесь слово, иже впредь узрите), таже и — *от* всех людей всяких чинов,— под онный град Смоленеск, к тому сопостату нашему и врагу-королю, на добрейшее дело, на мирное совещание и на лутшее уложение,

чтобы от того гнилаго и нетвердаго, горкаго и криваго корении древа, и в застени стоящего (на него же, мню, праведному солнцу мало сияти, и совершенней благодати от него бывати, и аще будет по строю своему вмале на него и призирает, но искоренения его ожидает), токмо за величества рода, хотящую нама ветъвь от него отвратити, и водою и духом совершенно освятитися, и на высоком и преславном месте посадити, иже всех мест превыше и славнее своим изрядством во всей поднебесней вышняго волением. И рости бо той ветви и цвести во свете благоверия, и своея бы ей горести отбыти, и претворитись бы в сладость, и всем людем подовати плод сладок, и злое бы корение и зелие ис того места вон вывести (понеже много того корения злаго и зелия лютаго на том месте вкоренилось!), и уже бы тому высокому и преславному месту не колебатися, занеже, за некое неисправление пред сотворшим вся, месту тому колебатися, и живущим на нем смущатися, и главами своими глубитися, и велицей крови литися. И тое бы посаженую ветвь брещи со всяким опасением, единодушна, а не двоедушно, сиречь рожденнаго бы от него у него испросити, и к нам с ним приити, и нам бы его, по нашему закону, аки новородити, и от тмы неведения извести, и, аки слепу, свет дати, и на великий престол возвести, и посадити, и скипетр Росийскаго царства вручити. И ему бы у нас вся добрая творити, и закона бы нашего и устава ничем не разоряти, и своего бы ему злаго прирожения забыти. А нам бы ему такоже неизменно и непоползновенно служити. И тех бы врагов наших и губителей от нас, съ царствующаго града и изо всея нашея земли, вон выслати и выгнати, аки злых и гладных волков, в свою их проклятую землю и веру. И уже бы к тому неповинней крови християнстей не литися, и волнению престати, и впредь тихо и безмятежно жити, аще всемилостивый Владыко по толико время праведный свой гнев утолит.

Злонравный же злый он, сопостат-король, никако же ничего того не хотя и не мысля в уме своем, тако тому быти, яко же нам годе,— понеже от давных лет мыслят на наше великое государство все они, окаянники и безбожники, иже и преже того были, ево же братия, в той же их проклятой земле и вере, како бы им великое государьство наше похитити, и вера христианьская искоренити, и своя богомерзкая учинити. Но не у бе им было время, дондеже прииде до того нынешняго нашего сопостатаврага, короля. Но зело зель возрадовася во злокозненом сердцы своем, и воскипе всеми уды своими, яко бы некто, не изгубя, велико богатество хощет обрести, и вельми рад бысть въ сердцы своем, и, некоея ради вины, еще не до конца его видит в руках своих. Такоже и он, окаянный король. Ни ему искони дано от Бога и паки — ни его достояние, ни отечество, а хощет сие великое наше государство и в нем безчисленное богатество взяти, и владети, и радуется, и кипит злым своим сердцем; чаяти, яко и на месте мало сидит, или такоже мало и спит, от великия тоя своея радости, и непокорением и удержанием того

крепкаго нашего града еще не до конца все наше Росийское великое государьство у себя в руках *видит*. Или некий же злый и силный безбожник, яко же он: не по своему достоянию и данию ему от сотворителя всех, хощет *пояти* за ся невесту, красну и благородну, богату же и славну, и всячески изрядну, паче же и благоверну. И нехотения ради невестня и ея сродников и доброхотов (кроме ея злодеев) не можаше ю́ вскоре взяти и за ся пояти, дондеже сродников и доброхотов невестних силою и некоим ухищрением их победит и под ся покарит, тогда и невесту за ся и со всем ея богатеством получит. Такоже и он, окаянный, нехътения ради к нему царствующаго великаго нашего града и оного крепкаго нашего же заступника и поборника, иже он, окаянный, под ним стоит, и иных и всех градов наших, не хотящих за него (кроме его доброхотов, а наших злодеев, которыя от него ныне прелщены и тленною, и мимотекущею, и погибающею славою и богатеством ослепляны,— о них же нам впреди вмале будет слово), еще не до конца великое наше государство в руках своих держит.

И паки надеяся на то, окаянный, что Божиим изволением царский корень у нас изведеся, вместо тленнаго и мимотекущаго, царство небесное и вечно восприяша, и земли нашей без них, государей, овдовевши и, за великия грехи наша, в великия скорби достигши. И горши всего,— разделение в ней на ся учинися: и гордости ради и ненависти не восхотеша многи от християньска рода царя изобрати и ему служити, но изволиша от иноверных и от безбожных царя изыскати и ему служити. И те, прежереченныя его доброхоты, а наши злодеи,— о именех же их несть зде слова,— растлилися умы своими, и восхотеша прелести мира сего работати, и в велицей славе быти, и инии, не сый человецы,— не по своему достоиньству саны честны достигнути. И сего ради от Бога отпали, и от православныя веры отстали, и к нему, сопостату нашему, королю, вседушно пристали, и окаянными своими душами пали, и пропали, и хотят ево, злодея нашево, на наше великое государство посадити, и ему служити. И по се время мало не до конца Росийское царство ему, врагу, предали! Аще бы им мощно, то единем бы часом привлекли его, врага, сюде и во всем бы с ними над нами волю свою сотворили. Но всемилостивый Владыко еще на нас, грешных, своею милостию призирает, и мысль их и совет разает, и тем крепким нашим градом, иже он, злодей, под ним стоит, его утержевает, и к нам итти воспрещает. Аще за великия грехи наша его же Божиим прогневанием и его, злодея нашего, злым умышлением которою мерою возмет тот нашь крепкостоятелный град, тогда и царствующаго града доидеть, и всех достигнет, и нас себе покорит. И паки те ево доброхоты, а наши злодеи, вси об нем радят, и во всем ему добра хотят, и великое Росийское царство до конца хотят ему отдати для своея мимотекущия славы и величества. И того ради он, окаянный, не хощет так сотворити, яко же нам годе. И уже, конечно, во уме своем

мыслить, что великое наше государство обовладел, а бесовъскаго своего воиньства всю нашу землю наполнил и конечно надежен стал быти.

И тех посланных наших держит, и всякою нужею, гладом и жаждою конечно морит, и пленом претит. И пошли от нас со многими людьми в велицем числе, а ныне-де и в мале дружине осталися вящих самых два. А то-де и все, для великие скорби и тесноты, не мога терпети, тому сопостату-врагу, королю, поклонилися и на ево волю верилися. Того не вем, все ли от желаннаго сердца к нему приклонилися, или будет втайне искреннее к нам и ныне-де жжаты, с нами же за веру стояти хотят, токмо разошлися и разъехалися овии к нам, а овии — инуде по своим местом.

И те-де наши оставшии, сами *вящи*, стоят крепце и непреклонно умом своим, яко же оне, гражане, за святую непорочную християньскую веру и за свою правду, на чем был зде с подручником его, з Желтовъским (с таким же безбожником, яко же он, сопостат нашь) совет положил с нашими земледержьцы (ныне же, по своему уму, достигли имя что землесъедцы).

Подобает же им велми дивитися и хвалити их. Что есть того похвалнее, и дивнее, и безстраснее?! В руках будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лиц своих противу его, сопостата, не стыдят и в очи ему говорят, что отнюдь ево воли не бывати и самому ему у нас не живати, да не токмо ему, но и рожденному от него, аще не освятится тако, яко же мы, Божиею благодатию.

Паче же подивимся и удивимся пастырю нашему и учителю, и великому отцем отцу, и святителю! (Имя же его всем ведомо.) Како, яко столп, непоколебимо стоит посреди нашея великия земли, сиречь посреди нашего великаго государства, и по православной вере побарает и всех тех душепагубных наших волков и губителей увещевает. И стоит един противу всех их, аки исполин муже, безо оружия и безо ополчения воинъскаго, токмо учение, яко палицу, в руку свою держа против великих агарянских полков и побивая всех. Такоже и он, государь, вместо оружия токмо словом Божийм всем соперником нашим загражая уста, и посрамляя лица, и безделны отсылая от себя. И нас всех укрепляет и поучает, чтобы страха их и прещения не боятися, и душами своими от Бога не отщетитися, и стояти бы крепце и единодушно за преданную нам от Христа веру и за свои души, яко же оне, граждане, во оном граде, и послании наши под тем же градом.

О великое Божие милосердие! Еще не до конца прогневался на християньский род. О чюдо и дивъство! И воистинну великим слезам достойно, како мати градовом в Росийском государстве всеми стенами и многими главами и душами врагом и губителем покорилася, и предалася, и в волю их далася, кроме того нашего великого, крепкаго и непоколебимаго столпа, разумнаго

и твердаго адаманта, и с ним еще многих православных християн, которыя хотят стояти за православную веру и умерети!

И оный, прежереченный, воистинну великий град, по своему действу противу тех же сопостат наших и врагов, паче же рещи, противу самого того лютаго сопостата нашего, злаго короля, хотящаго погубити святую нашу и непорочную веру,— крепко вооружился, и укрепился, и не покорился, и не здался. Да и ныне стоит и крепится, близ рещи, что все великое наше Росийское государство держит и всех тех врагов наших, тамошних и здешних, и того самого общаго нашего сопостата-короля страшить. И, аки прехрабрый воин, лютаго, и свирепаго, и неукротимаго жребца, ревущаго на мску, браздами челюсти его удержевает, и все тело его к себе обращает, и воли ему не подаст, аще ли подаст, то и сам от него погибнет, занесен будет в неисходный ров и сокрушится. Такоже и оный великий град, по своим делам и паки великий, тому сопостату нашему и похитителю веры нашея православныя, ревущему на великое наше государство и на всех нас, во уме ему запрещает и к нам итти возбраняет. Аще бы не оный град по се время ему претил и держал, без всякаго бы сомнения, давно сопостат нашь у нас зде был. И аще бы ему Бог попустил за великия грехи наша, вконец бы всеми нами обовладел и во всем бы над нами волю свою сотворил. Горше бы всего, святую и непорочную нашу веру такоже вконец искоренил, разве по Бозе великий и непоколебымый нашь столп удержал бы (или нет?) до конца, не смею дерзнути рещи. А ныне его, сопостата нашего, злаго короля, той нашь град ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам итти претит. И посланники наши также крепце и вседушно по православней вере побарают, и противу того супостата нашего ни в чем лиц своих не стыдят, и в правде противу его стоят. Аще и не во ограде со гражаны сидят и усты своими с ними совету не чинят, и Божиим промыслом сердцы своими вкупе со гражаны по благочестии горят.

А зде, у нас, прежереченный непоколебимый столп сам крепко и непоколебимо во уме своем стоит, и не стены едины великаго нашего града держит, но и живущих в них всех крепит, и учит, и умными их в погибельный ров впасти не велит. И паки великое сие безводное море словесы своими утишивает и украчает. Сами вси видите! Аще бы не он, государь, зде держал, кто бы таков ин востал и противу тех наших врагов и губителей крепко стал?! Давно бы страха ради прещения от Бога отступили, душами своими пали и прапали.

Аще будет Божиим волением, и поможением, и всех нас грехов непомяновением, от дву сих крепких стоятелей и поборателей по вере нашей християньстей все великое наше государьство спасется, и от тех врагов избавится, и отстоится, по коих мест которая добра мера от вас учинится, и промысл вашь над теми враги явится (глаголю же, тамо — от града, а зде — от того

крепкаго нашего и непоколебимаго столпа), никако же такова повесть велия и притча во многих землях утаится, но повсюду пронесется и прославится, яко таковыми мерами оно царство спасеся и от врагов своих избавися. Паки реку: «О велико Божие милосердие и щедроты на всех нас!» Тамо град стоит, и супостата держит, и во уме ему претит, и всем нам по Бозе и по православной вере побарати ревность дает, чтобы мы все, видев его крепкое и непреклонное стояние, такоже крепко вооружилися и стали противу сопостат своих. А зде, у нас, нашь крепкий и непоколебимый столп стоит, и всех нас крепит, и учит, и тому же граду ревновати велит.

Приидите, приидите, православнии! Приидите, приидите, христолюбивии! Мужайтеся, и вооружайтеся, и тщитеся на враги своя, како бы их победити и царство свободити! Не выдайте по Бозе спасителей наших и крепкостоятелей: тамо — града и посланых под него, а зде — общаго же нашего пастыря и учителя, и отцем отца, и святителя!

Скажу вам истинну, а не лжу, что одноличио сопостаты наши, которыя у нас, ныне с нашими изменники-единоверники, и с новыми богоотступники, и кровопролители, и разорители веры християнския, с первенцы сатанины, со июдиными предателя Христова братиею, с началники, и со иными их подручники, и угодники, и единомысленники, иже недостойны по своим злым делом прямым своим званием именоватися (рещи достоит их — душапагубныя волки), хотят нас конечно погубити, и под меч подклонити, и подружия наша и отроды в работу и в холопи поработити, и прижитие наше пограбити, горше же всего и жалостнее,— святую нашу непорочную веру вконец искоренити, и свою, отпадшую, учинити, и сами в нашем достоянии жити. Сами видите, что они ныне над нами чинят. Всегда во очех наших всем нам смерть показуют, и поругаются, и насилуют нам, и посекают нас, и домы наша у нас отнимают, и поносят нам в лепоту. Яко волцы, зубы своими скрегчют, и грозят нам, и претят смертию. Да не токмо нам ругаются и смеются, но и самому Создателеву образу и рождьшей его. И руками дерзают и в вид существа Божия и пречистыя его матере стреляют, яко же ныне свидетельствуют злодейственнеи руце, пригвожденнеи к стене под образом матери Божии и всем им, окаянным, в страх и в трепет. И хотят вси вооружены и изоострелены быти, на сущих злодеев изготовляны. Ведят, окаяннии, что не в свое достояние пришли и не свою меру хотят достигнути, аще им Бог до конца попустит.

А ныне послали во все городы, по которым стоят такия же губители и кровопролители неповинных новоизраительских кровей, а велели им быти сюда, к нам. А наших людей же в воиньском чину, которыя живут у нас зде, тех всех ссылают долов, а умышляючи то, чтобы их, врагов, было много, а нас было мало, чтобы нам отнюдь противу их стати не мочно, и вконец бы им нами обовладети и себе покорити. На то не смотрите, православнии

християне, и не имите тому веры, что они ныне пред вами лицемеръство чинят: сами своих людей казнят. А все нам блазнят, уверяючи и прелщаючи вас тем, тако творят и сказывают, что не отцу быти у нас, но сыну.

А и сам тот злодеец нашь, сыновень отец, тоже льстит и блазнит, аки сатана, мечты творит и, аки бесов, с вестьми присылает, что хощет сына своего нам дати, по здешним его, злодея, злодеев наших, а его доброхотов, по прежереченных онех изменников, всему нашему великому государству крестопреступников и веры отступников, и умышлению и добра хотени ему, злодею. Видя зде, в мире, колебание и за веру стояние, для того нам лстят и блазнят, чтобы нас всех тем областити, и укротити, и великим бы нашим морем не взмутити, и им бы самем, врагом, в нем не потонути, и главами своими не наложити. А се умышляючи то, докуды с своими способники, с такими же безбожники, соберутся в число много и докуды сам той супостат нашь и сущий враг всех нас коею злою мерою, и Божиим попущением, и всех нас великим грехом, и неисправлением пред ним, Господем, возмет тот нашь крепкий поборник, сопротивный ему, злодею, град. Тогда, аки змий, возлетит к нам со всем своим бесовским воинъством, и которые ныне зде, у нас, все на нас востанут аки змии и скорпии, или, яко волки лютыя, и обладает нами. И тогда нам будет от них конечная погибель, аще Господь Бог за великия грехи наша разгневается на нас и конечно захочет нас предати им, аки псом, на снедение.

Отнюд ничему тому не бывати, православнии, что сыну зде, у нас, живати! Сами видите, что все блазный оман и прелесть. Или с ним не уверитеся, видев над собою явное умышление?! Чаю, яко и малым отрочатем, слышавше, разумети мощно, не токмо сверстным и в разуме совершеным человеком. Коли отец лиха хощет сыну?! И нам сына дати, а самому, аки злому волку, под городом Смоленьском стояти, и тем врагом воля дати землю нашу разоряти, и неповинную кров христьяньскую разливати, и на достолных безмерныя и неподъятныя кормы имати, и до смерти же мучити, и тамо посланных наших насмерть морити, и у нас, зде в великом граде, великое утеснение чинити?! Так ли сыну прочити, что все на конец губити?! А он, окаянный, тем делом не токмо сыну прочить, но и сам зде жити не хощет. Токмо бы ему своя воля сотворити и великая бы слава учинити, что всеми бы нами обовладели, и нам бы под рукою его быти и его слыти. И ему бы своих подручников, таких же безбожников, в великом государстве нашем посадити, и все б сим царство, что еще вживе останется, предате правити и ведати, и дани-обраки всякия тяжкия имати, и к нему бы, ко врагу, аки бесом к сатане, жертва приносити. Сему слову болше верте, христолюбцы, что сыну — не бывати!

Преже сих дней было, все вы слышели самое его, отцово, злокозненое сердце и тайна вся. Некто, тое же душепагубныя бесовъския сонмицы, от нашего, Христа тезоименитаго, рода

злуначальный губитель Божияго жребия (именем по всему его злому делу не достоит его во имя мысленнаго или святого назвати, но достоит его нарещи «злый, человекъядный волк»), тому же нашему великому столпу, и отцем отцу, и святителю (имя же его всем вам ведомо) тот душепагубный волк яд свой изблевал, и тайную свою общую яве открыл, и помыслил во злохитром своем уме того непоколебимаго нашего столпа покачати и на свою отпадшую от Бога страну кочнути. Аки змий, из своих уст изрек, что он, великий столп и тверды адамант, въ их в суеумышленную и человекоубиенную мысль и волю сам бы поколебался, здался въ их вражие хотение, и всему бы множесвенному народу безплотным своим в погибелный ров во веки пасти понудил, и, всего бы мира спасение, злодейцу-отцу усты касатися повелел. Великий же и непоколебимый столп Богом крепко водружан, не на песце основан, но на земли сердечней тверде: сам никако же не поколебался и не покачнулся нимало на их отпадшую от Бога страну и великую полату широтою и долготою и округ, иже об нем стоит и держится, и в ней многочисленнаго народа живуща такоже на зло не поустил, и умных их вовеки не пленил, но и паче укрепил. Видев же той прежереченный многодушьный губитель и злый разоритель великаго государства крепкое и непреклонное того столпа стояние за святую и непорочную веру и за все православное християньство, отверзл свои человекоубиенныя уста, и начат, аки безумный пес, на аер зря, лаяти, и нелепыми славами, аки сущий буй камением, на лице святителю метати, и великоимянитое святительство безчестити, и до рождьшия его неискусным и болезненым словом доходити. Он же, государь, твердый адамант, никако тому речению внят и того его буесловия не убоялся, ни устрашился, наипаче же посмеялъся тому его безумному словесному дерзновению, но и зело ему вспретил и велие ему зло провозвестил; из пречестных своих уст ему изрек, мню, яко острым оружием, своим святительским словом тело и злохитрую душу его посекл: «Да будеши проклят со всем своим соньмом в сем веце и в будущем, но и с тем, его же желаеши, и, всего мира спасение, ему всем усты касатися поущаеши!» И еще прирек: «Не токмо нам он годе, но и тако его отрасль, аще не приидет в наше хотение». Он же, окаяный, стули лице свое, отиде со всем своим сонмом посрамлен и изумлен, паче же зло возъярен на великаго пастыря и учителя и в правде крепкаго стоятеля, аки змий дыша или аки лев рыкая. Последи же, окаянный, обшедся умом своим, и позна свою вину, и виде свою злую совесть, и раскаяся в себе о прадерзке словесней, что не у бе ему было время тако говарити и яве и нагло великому господину тайну свою открыти. И побояся множественнаго християньскаго народа: такое слово к ним пронесется, что о недостойном, и злом деле, и нехотящем ими, и паки — не в правде на того высочайшаго верха и непоколебимаго столпа приходил и, не яко святейшаго, но яко простейша-

го, в лепоту, яко пес, лаял и бранил. И в том своем слове запрение учинил, яко несть говорил, и, аки в темне храмине, в скверном своем теле лукавую свою душу затворил. И потом же, злодей, еще лицемеръство учинил; яко шумен был, и без памяти говорил; и у великаго святителя и у незлобиваго учителя прощение испросил. Обаче же аще и прощение испросил, а еще злого своего нрава-обычая и впредь умышления на злое дело от себя не отщетил. И ныне дышит и сипит, аки скоропия, и не престая крамолы воздвизает, и всю свою плотную бесовъскую сонмицу возмущает, и всяко ему, государю, стужает. И теснят — сами вси видите — и еще конечно мыслят со всеми своими пособники, како бы его, государя, погубити, что без него все свое желание совершити и всех нас, аки змиям, поглотити. Яко же и преже рех, что некому иному будет без него им, врагом, возбранити и стати накрепко, яко же он, государь.

Великий же он столп, и твердый адамант, и крепкий воин Христов, не имея ни тула, ни меча, ни шлема, ни копия, ни воин вооруженных (понеже ему не дано то, ни повелено от сотворшаго вся того держати), к тому же ни стен, крепко огражденных, и словом Божиим, аки неким изрядным оружием препоясався, или, яко изящными воины, ополчився, или некими крепкими стенами оградився. «Не бойтеся,— рече,— от убивающих тела: души же коснутися не могут!» И молитвеныя своя словеса от желаннаго своего сердца к Богу и пречистей его матери, аки благовонный фимиян, всегда возсылая о себе и о всех нас, паче же о святей и непорочней християньстей нашей вере, чтобы православная християньская наша вера от тех врагов наших и губителей не погибла; и слезы от очию своею, аки речныя быстрины, испущая пред образом Господа нашего Исуса Христа, и пред пречистою его материю, и великих чюдотворцов, иже в Руской земле просиявших, и всех святых, и надеяся теми своими силными слезами и молитвеными словесами, аки острыми стрелами, от себя и от всех нас тех общих наших видимых врагов отгоняти, и погубити, и все великое государство от них свободити.

О столп крепкий и непоколебимый! О по Бозе и по пречистей его матери крепкая стена и забрала! О твердый адамант, о поборник непобедимы! О непреклонный в вере стоятель! О воистинну пастырь неложный! В лепоту реченно бысть к таковым великим и крепкодушным — «пастырь добрый»: «Пастырь добрый душу свою полагает за овца». Воистинну, воистинну пастырь добрый себе, а не наемник: душу свою полагает за овца, иже ему преданы пасти. И на выи его возложены все мы, православни християне. И поминает божественное Писание: «Подобает словес ради Божиих и до смерти стояти». Видим же вси: не даст тому Божию слову пасти на землю, и всегда близ смерти стоит от тех общих наших врагов и губителей, обаче же на сотворшаго вся, и на рождьшую его, и на великих чюдотворцов, на общих наших заступников и богомолцев, надежу держит. Аще

ему, государю, случится за слово Божие и умрети,— не умрет, но жив будет вовеки.

Вестно и дерзостно достоит рещи: аще бы таких великих, и крепких и непоколебимых столпов было у нас не мало, никако же бы в нынешнее злое время от таких душепагубных волков, от видимых врагов, от чюжих и от своих, святая и непорочная вера наша не пала, наипаче бы просияла, и великое бы наше море без поколебания и без волнения стояло. А ныне един уединен стоит, и всех держит, и врагом сурово прет. А иному некому пособити ни в слове, ни в деле: кроме Бога, и пречистыя его матери, и великих чюдотворцов, способников себе не имеет никаго же. Которые его были сынове и богомолцы, той же сан на себе имеют, и те славою мира сего прелестнаго прельстилися, просто рещи, подавилися, и к тем врагом приклонилися, и творят их волю.

А сами наши земледержьцы (яко же и преже рех, землесъедцы), те и давно от него отстали, и ум свой на последнее безумие отдали, и к ним же, ко врагом, пристали, и ко иным к подножию своему припали, и государьское свое прирожение пременили в худое рабское служение, и покорилися, и поклоняются неведомо кому, сами ведаете, и смотрят из рук и ис скверных уст его, что им даст и укажет, яко нищии, у богатаго проклятаго. (Иже впереди и мы вам проклятое имя его от Бога и от человек вмале объявим. Зде же еще впреди поидем.) И тако те наши благороднии зглупали и душами своими пали и пропали навеки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же нам всего учинили, что нас всех выдали, да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружилися вкупе, и хотят нас всех погубити, и веру християньскую искоренити. Аще будет и есть избраннии, сердцем желаннии по християньстей вере и по всех по нас жалеют и радят от тех же чинов и боляръских родов, но не могут ничево учинити и не смеют стати, что не с кем поборати и своего величества отбыти, а им, врагом, ничего не сотворити, понеже силно обовладели: и многих маловременным богатеством и славою прельстили, и иных закормили, и везде свои слухи и доброхоты поистоновили и поизнасадили.

Ина толка у нас ныне по Бозе и по пречистей его матери стены и забрала, что он, государь, великий святитель и крепкий заступитель. Аще которою мерою от тех врагов наших, что над ним, государем, учинитца, и телесне разрешитца, и от света сего прелестнаго в вечныя обители преселится, конечно и вера наша изгубится настоящих наших губителей, аще ваше противление к ним не явится. Аще ли его, государя, от них Бог соблюдет и неврежен поживет, тогда Бога, и пречистую его матерь, и великих наших чюдотворцов, и всех святых умолит, и себя и нас всех спасет, и веру удержит, и врагов победит молитвою своею.

А вы, православнии, не помогаете ему, государю, ни в чем! Говорите усты, а в делех ваших, Господь весть, что у вас будет. Паки молю вы с великими слезами и сокрушенным сердцем: Не

нерадите о себе и о всех нас! Мужайтеся, и вооружайтеся, и совет межу собою чините, како бы нам от тех врагов своих избыти! Время, время пришло! Вовремя дело-подвиг показати и на страсть дерзновение учинити, как вас Бог наставит и помощь вам подаст! Прибегнем къ Богу, и пречистей его матери, и к великим чюдотворцем, и ко всем святым! Припадем к ним с теплою верою, и со умильным сердцем, и з горящими слезами, некли нам милость свою подадут! И препояшемъся оружием телесным же и духовным, сиречь молитвою и постом и всякими добрыми делы! И станем храборъски за православную веру и за все великое государство, за православное християньство, и не подадим того пастыря нашего и учителя и крепкаго поборателя по вере православной и того нашего преславнаго града, иже за всех за нас такоже стоит и сопостата нашего держит. Сами все ведаете, что аще не ныне умрем, всяко умрем. А некли за правду нашу соблюдет ны Господь невредимы и живы будем от них, врагов своих! Аще ли ныне терпим, время длим, сами от себя за свое нерадение и за недерзновение погибнем.

Что стали, что оплошали? Чего ожидаете, и врагов своих на себя попущаете, и злому корению и зелию даете в землю вкоренятися и паки, аки злому горкому пелыню, распложатися?! Али того ожидаете, чтобы вам сам великий тот столп святыми своими усты изрек и повелел бы вам на враги дерзнути и кровопролитие воздвигнути? Сами ведаете, ево то есть дело, что тако ему повелевати на кровь дерзнути?! Ей, ей, никако же такова от него, государя, поущения не будет, понеже и сам он,— государь велика разума, и смысла, и мудра ума,— мню, мыслит, чтобы не от него зачалося, а им бы добро сотворилося, ево бы крепкым стоянием и молитвою къ Богу, а вашим бы тщанием, и аполчением, и дерзновением на враги. То вам не весть ли от него, государя, что, аки пастырь добрый, всех нас опасает от тех душепагубных, человекоядных волков и чистыя нашея голубицы не даст им, аки змииными усты, поглотити и погубити, а ожидает с часу на час Божия award поможения и вашего тщания и дерзновения на них?! Аще и без его, государева, словеснаго повеления и ручнаго писания, по своей правде дерзнете на них, злых, и добро сотворите, и их, врагов, победите, царство от бед свободите, и веру удержите, и его, государя, святителя великаго, и себя и всех нас от них, врагов, избавити, не будет от него на вас клятва и прещение, паче же — велие благословение на вас и на чадех ваших, в роды и роды, комуждо до живота его.

Сами вси видите, какое гонение на православную веру и какое утеснение всем православным християном от тех губителей наших и врагов! Всегда многим смертное посечение, а иным зелное ранение, а иным грабление, и женам безчестие и насилавание. И купльствуют не по цене, отнимают силно; и паки не ценою ценят и сребро платят, но с мечем над главою стоят над всяким православным християнином, куплю деющаго, и смертию претят. Нашь же брат, православный християнин, видя

свое осиротенение, и беззаступление, и их, врагов, великое одоление, не смеет ин и уст своих отверсти, боя смерти, туне живота своего сступается и толко слезами обливается. И уже еще нечего им, врагом, замыслити, и всех нас, православных християн, теснити, и ругатися над нами, и величатися, и смеятися, яко же мы сами видим, замыслили и умыслили во всем великом и силном нашем государстве (в ресноту, аки в великом и неудержанном мори!): которая страна и стена имеет двои врата в ряд по себе, и одни врата затворити, и замки закрепити, а другия — бутто ся отворити, да и те вполы. И множественнаго християньскаго народа не теснопроходными и ускими враты проходити, но и широкими не одними, и многими толька так было исходити, понеже Божиею было благодатию безчисленно християньска народа расплодилося и умножилося. Ныне так за грехи всех нас умалилося, высечено и выгнано в плен от тех же врагов и губителей проклятыя их земли и веры. А аще и умалилося, аще и мало зритца, а еще много соберется; и всегда в тех — теснити, нелепо рещи, аки мышей, давити, и шуму, и виску, и крику быти для того ускаго и нужнаго проеждения и прохождения. И им, самем врагом, вооруженым всяким смертным оружием, обапол тех утесненых врат пешим и на конех готовым стояти, и противу самех вый наших и сердец то свое оружие в руках своих держати, и всем нам живую и явную смерть казати.

То ли вам не вест, то ли вам не повеление, то ли вам не наказание, то ли вам не писание?! Ох, ох, увы, увы! Горе, горе люте-люте! И где идем, и камо бежим? Како не восплачемся, како не возрыдаем, како от сердца не воздыхаем, како в перси не бием?! Како сами себе презираем и нерадим о себе, видя за великия и безчисленныя грехи наша от саздателя и зижителя всех конечное на нас смирение, и их, тех врагов, чюжих и своих, попущение, и всякое от них на себе ругание, и смеяние. А аще и плачем, аще и рыдаем, аще и в перси бием, аще и от сердца воздыхаем, и зелно ему досаждаем, а подвигу и радения не сотворяем, и къ Богу не прибегаем, и его не умоляем, и над ними, враги, ничего не промышляем, и все в презорство пущаем, и сами в свою землю и веру злое семя вкореняем.

Паки реку: «Ох, за безчисленныя грехи наша чим нас Господь не смиряет, и каких казней не посылает, и кому нами владети не повелевает!» Сами видите, кто той есть. Неси человек, и неведомо кто! Ни от царских родов, ни от болярских чинов, ни от иных избранных, ратных голов; сказывают,— от смердовских рабов. Его же, окаяннаго и треклятаго, по его злому делу не достоит его во имя Стратилата, но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпьца, но во имя землеедца, или во имя святителя, но во имя мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры християньския. И по словущему реклу его такоже не достоит его по имяни святого назвати, но по нужнаго прохода людцкаго — Афедро-

нов. Таким именитым государством владеет, аки великим морем, колеблет: что хощет, то творит, а никто ему не возбранит!

А сами наши земледержьцы и правители (ныне же, яко же и преже рех,— землесъедцы и кривители), те, яко ослепоша или онемотеша, паче же рещи, не смеют ни един тому врагу воспретити и великому государству ни в чем пособити. А инии молчат, и не говорят, и ни в чем ему не претят, понеже с ним же, со врагом, всех нас погубити хотят. И полцы велицы всяких чинов люди за тем врагом ходят и милости и указу от него смотрят. Не токмо простии и неимянитии люди, но и сами болярския и дворянския дети, и сами дворяне, доброродни и изрядни всем, иже иному он, враг креста Христова и всех православных християн, и в подножие ног негожь.

И еще же враг и лютый злодей нашь не в свое достояние вниде. Аки Ихнилат, в цареву ризницу въеся, казити и губити то великое царское сокровище, от многих лет многими государи-самодержьцы, великими князи и цари всеа Русии собраны и положено. Он же, окаянный, аки вышереченный Ихнилат, во едином часе или паки не во мнозе времяни, все хощет извести, и расточить, и погубить, и ту цареву ризницу хощет пусту до конца оставити, аки пустую и безделную храмину. А уже и оставил! И ныне те великия сокровища, тяжкоценныя камыки, и портища, и всякия вещи, иже нами неведомы и незнаемы, с своими единомысленники разбивает, и вещь к вещи прибирает, к тому же злата, и сребра, и бисерия велия ковчеги насыпает, и к тому прежереченному сопостату нашему, врагу-королю и похитителю, под оный заступный наш град посылает. А мыслят, окаянныя, то во уме своем: коим Божиим промыслом и вашим над ними, над враги, домыслом, что добрая нам учинится, и над ними, враги, победа явится, и им, врагом, от нас убежати случится, и им бы у сатаны у своего величества своего не отщетится, и тем бы многочисленным и дорогоценным сокровищем к нему примирится, и смертию бы от него не скончатися, что будет Божиею милостию не на их хотении: зде у нас добро сотворится. И царьство наше от них не отстоится, погибнет,— кто не восплачется, кто не возрадуется, кто не воздохнет?! Не токмо кто от нашия православныя веры и християнска рода православный християнин, мню, от иноверных или от тех же врагов, мало мало кто мякок и жалостив сердцем, ино и тот, аще не заплачет, и он воздохнет и речет: «Како таковая великая и преславная земля во всех землях стала в разорении, и такое великое царство в запустении, и таковая великая царьская ризница в расточении!»

И вы, православнии, Богом почтеннии, умилитеся душею, содрогните сердцем, зряще на себе такия неудобносимыя беды, и скорби, и смерть свою всегда видяще во очех своих и попрание веры нашея православныя! И не давайте сами себя в руки врагом своим! Взяв Бога на помощь, и пречистую его матерь, и великих чюдотворцов и всех святых, дерзайте на врагов своих! Некли

Господь нашь Бог Исус Христос, наказав нас праведным своим гневом, да и помилует, и на них, врагов, победу даст и избавит, и спасет нас от них. А они, злодеи наши и губители, однолично умышляют на нас (яко же и прежде рех вам): хотят нас погубити, а оставших в свою волю привести.

А сему бы есте писму верили без всякого сумнения, яз вам сказываю и пишу. И аз их думы и мысли слышечи, помнячи свою православную веру, и не хощу души своей грешной до конца погубити, и в геене ею быти. Грехом своим великим и слабостию и славою мира сего прельстился и к ним, ко врагом, прилепился, тако же, яко же и прочая братия наша, для ради суетныя сея славы и тленнаго богатества. Все мы, того ищучи, в том и погибли. Аще бы того не искали, все бы от Бога не отпали, и душами и телом не пали и не пропали. И ныне аз сусмотрих, что последуючи им, врагом креста Христова и всех нас, православных християн, губителем, и будучи въ их во отпадшей от Бога вере, и не отстав от них,— быти в геене огненей душею и телом. Явно мне не мощно от них отстати и вам про се сказати. Или бы единому кому от вас втайне рещи боюся: некли тот человек умом своим поползнется, и не утерпит, и вам скажет имя мое, и от вас разнесется, и до них врагов и губителей християнских, донесется; тогда мя взяв, злой смерти предадут. Аз же у них ныне зело пожалован. Сами ведаете, что все мы смерти боимся. А се тако же имею жену и дети, яко же и вы. Аще мне самому случится умрети, вестно и на Господа надежда, что не умрети, но ожити за ту правду, ино — жена и дети осиротити, меж двор пустити или, будет всего того горши,— на позор дати. А вам будет, православнии, в те поры ничего не учинити, понеже ныне врагов воля и сила стала. Для ради того явно вам сам не дръзну сказати, от них отстати, сего ради писмом вам потрудихся написати. Аще Господь помилует всех нас, и избавит нас от тех наших видимых врагов, и живи будем все, тогда явно вам будет и про нас, про грешных. Аще будет вам и молвити, что и яз вам ныне враг и наветник, ино Господь зрит тайная моя, что с вами же хощу душу свою положити за православную веру и за святыя Божия церкви. А ныне, яко же и выше рех, нужда ради не отстану от них.

И кто сие писмо возмет и прочтет, и он бы ево не таил, давал бы, разсмотряючи и ведаючи, своей братие, православным християном, прочитати вкратце, которыя за православную веру умрети хотят, чтобы им было ведомо, а не тайно, а не тем, которыя были наша же братия, православныя християне, а ныне всею душею, без раскаяния, отвратилися от християнства, и во враги нам претворилися, и с ними, со враги, соединилися, и вкупе с ними вооружилися, и хотят нас до конца погубити,— тем бы есте отнюд не сказывали и не давали прочитати. Буди же вам всем, доброхотящим Росийскому царству, милость Божия и помощь и пречистыя Богородица, и великих чюдотворцов, иже у нас в Троице преимянитых, и всех святых! Аминь.

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

(Перевод)

Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском, о страдании нового страстотерпца святейшего кир Гермогена, патриарха всея Руси, о посланниках наших, преосвященном Филарете, митрополите ростовском, и боярине князе Василии Голицыне[1] с товарищами, о стойкой обороне города Смоленска[2] и о новых изменниках[3] и мучителях, гонителях и разорителях, и губителях веры христианской, Федьке Андронове[4] с товарищами

Православным христианам матери городов Российского царства преименитого великого государства — всяких чинов людям, которые еще душ своих от Бога не отвратили, и от православной веры не отступили, и в вере заблуждениям не следуют, а держатся благочестия, и врагам своим не предались, и в богоотступную их веру не совратились, но готовы за православную свою веру стоять до крови.

Бога ради, государи, моля всемилостивого Бога и пречистую его матерь, заступницу нашу и молебницу, помощницу всему роду нашему христианскому, и великих чудотворцев, кои у нас, в Троице[5], прославлены, и всех святых, порадейте о себе! Вооружимся на общих супостатов наших и врагов и постоим вместе крепко за православную веру, за святые Божии церкви, за свои души и за свое отечество, за достояние, что нам Господь дал, и изберем славную смерть! И если выпадет нам эта участь, то лучше по смерти обрести царство небесное и вечное, чем здесь — бесчестное, позорное и горькое житье под властью врагов своих.

Станем подражать и подивимся тому великому нашему граду Смоленску, его обороне от Запада, как в нем наша же братия, православные христиане, в осаде сидят и великие всякие страдания и притеснения терпят, но стоят крепко за православную веру, и за святые Божии церкви, за свои души, и за всех за нас, а общему нашему супостату и врагу, королю, не покорятся и не сдадутся. Сами знаете, с какого времени сидят и всяческие великие притеснения терпят, но никакой малостью не поступятся и ни на какие их дьявольские соблазны и обещания не польстятся, на те, что обещает им сам наш супостат. И все стоят единодушно, непреклонно и неизменно умом и душою против их соблазнительных ложных обещаний. А душ своих в грехе не потопят и навеки загубить не хотят, но готовы лучше умереть со славой, нежели жить в бесчестии и горе. А какое мужество

показали и какую славу и похвалу снискали во всем нашем российском государстве! Да и не только во всей нашей преславной земле, но и в иных землях, в Литовской, и Польской, и во многих других; чают, что и до Рима, или и еще далее, снискали ту же славу и похвалу, что и у нас. Да и самого того короля, лютого врага, супостата нашего, поразили и его пособников (таких же безбожников, как и он, которые с ним там, под градом, стоят и город тот, как злые волки, похитить хотят и которые у нас здесь, в великом нашем граде, живут и на сердцах наших стоят и, как лютые львы, всегда поглотить нас хотят), а создателя нашего прославили. А еще устрашили и в самое их злокозненное и злобствующее сердце их уязвили тем, что многих доброхотов их, а наших врагов, перерубили, и перегубили, и позорной смерти многих предали, да и ныне с Божьей помощью всегда их, врагов, губят и сильно их рубят. Чаем, что и малые дети, узнав, подивятся этой их, горожан, храбрости, мужеству, великодушию и непреклонности духа Если же Бог будет до конца их так укреплять, как ныне, и выдержат они эту суровую осаду и великое мученическое страдание за православную веру, за святые Божии церкви, за себя и за всех нас, и устоят, то этой своей стойкостью все царство наше сохранят от того лютого нашего супостата до той поры, что одному Господу известна, пока он неизреченными своими судьбами невидимо великую свою милость подаст всему нашему великому государству и избавит нас всех от таких непереносимых бед, изымет нас из-под власти врагов наших, как агнцев из уст волчьих. Тогда кто сможет описать эту их доблесть и мужество?! Тогда можно будет и прямо сказать, что не только в своей единственной земле, но и по многим иным странам: до Царьграда, и до Рима, и до Иерусалима, к самому востоку и западу, к северу и югу разнеслась эта слава: «В таком-то царстве и сам тот город спасся и других спас, а супостата и врага-короля попрал и прогнал и все свое великое государство удержал». Если бы таких несокрушимых городов, поборников веры, в Российском государстве хотя бы и немного было, не то чтобы все, никогда бы тем нашим врагам и злым волкам наша земля не была бы доступна, а проще сказать,— не было бы им и повадно.

Подобает же нам подражать и дивиться и посланникам нашим ото всей нашей великой России: прежде всего — от последователя и сопрестольника святых святейшеств вселенских патриархов, от первенца и главы церковной всея Руси, пастыря нашего и учителя, и отца отцов и святителя, истинного стоятеля, и твердого поборателя за веру христианскую, потом — от самых благородных и великих земледержцев наших и правителей, ныне же, лучше сказать, и кривителей (да не о том здесь речь, то впредь увидите), а также и — от всех людей всяких чинов,— под тот град Смоленск, к тому супостату нашему и врагу-королю, на добрейшее дело, для мирного совещания

и наилучшего постановления о том, чтобы от корня того гнилого и нетвердого, горького и кривого дерева, в тени растущего (на него же, полагаю, и праведное солнце едва ли сияет, и совершенной благодати от него не бывает, а если же по устроению своему оно изредка на него и взирает, то все же искоренение его ожидает), ветвь, избираемую нами только ради величия рода, от него отделить, и водою и духом ее достойно освятить, и, вышнего велением, на высоком и преславном месте посадить, что своим превосходством превыше и славнее всех мест во всей поднебесной. И расти бы той ветви и цвести во свете благоверия, от горечи бы своей ей избавиться, и приобрести бы сладость, и всем бы людям подавать плод сладок, а злой бы корень и зелье с того места вон вывести (ведь этого дурного коренья и сорных злаков на том месте много укоренилось!), и чтобы уж тому высокому и преславному месту больше не колебаться, ибо, за некую провинность перед творцом, место то стало колебаться, а живущие в нем — смущаться и головами своими глупиться, а оттого — и великой крови литься. А ту бы посаженную ветвь беречь со всей тщательностью единодушно, а не двоедушно, то есть рожденного от него у него бы выпросить и к нам с ним прийти, а нам бы его, по нашему завету, как бы заново родить, и из тьмы неведения вывести, и, как слепому, свет дать, и на великий престол возвести, и посадить, и скипетр Российского царства вручить. А ему бы у нас все на благо творить, и веры бы нашей и закона ничем бы не нарушать, а свое бы ему нечестивое происхождение забыть. И нам бы ему тоже неизменно и бескорыстно служить. А тех бы врагов наших и губителей от нас, из царствующего града и из всей нашей земли, выслать вон и выгнать, как злых и голодных волков, в их проклятую землю и веру. И уж тогда бы неповинной христианской крови больше не литься, волнениям прекратиться и впредь тихо бы и безмятежно жить, если всемилостивый Владыка утолит после этого свой праведный гнев.

Злонравный же и жестокий тот супостат-король ничего подобного не хотел и не мыслил в уме своем, чтобы так тому быть, как нам угодно,— ведь с давних лет на наше великое государство все они, окаянные и безбожные, и те, что прежде того были, его же братья, той же их проклятой земли и веры, помышляют, как бы им великое государство наше похитить и веру христианскую искоренить, а свою богомерзкую учинить. Но тогда еще не приспело им время, пока не дошло до нынешнего нашего супостата-врага, короля. А он так сильно возрадовался злокозненным сердцем своим и распалился всеми членами своими, словно тот, кто, еще не овладев, жаждет обрести великое богатство и в душе своей уже ликует, но по какой-то причине еще не окончательно держит его в своих руках. Так и он, окаянный король. Не ему искони дано Богом и тем более — ни его наследство, ни отечество, а хочет само великое наше государство и с ним бесчисленные богатства взять и владеть, и радуется, и кипит злым своим сердцем; чаем, что и на одном месте не

усидит или же мало спит от своей великой радости, но из-за непокорности и неодолимости того крепкого нашего града[6] еще не окончательно видит у себя в руках все наше Российское великое государство. Или же подобен он некоему злому и властному безбожнику: не по своему достоянию и даянию ему от создателя, хочет взять за себя невесту, прекрасную и благородную, богатую и известную и во всем совершенную, к тому же и благоверную. Но из-за нежелания невесты и ее родственников и доброжелателей (кроме ее злодеев) не может вскорости ее взять и мужем ей стать, пока родственников и доброжелателей невесты силою и какими-нибудь ухищрениями не победит и себе их не покорит, а тогда и невесту со всем ее богатством за себя возьмет. Так и он, окаянный, еще не окончательно великое наше государство в руках своих держит из-за нежелания царствующего великого нашего града и того крепкого нашего заступника и поборника, под которым он, окаянный, сам стоит, а также и иных всех наших городов, не хотящих его (кроме его доброхотов, а наших злодеев, которые ныне им прельщены и тленной, мимолетной и гибнущей славой и богатством ослеплены,— о них впредь еще будет наше слово).

И еще на то надеялся, окаянный, что по Божьей воле царский корень у нас перевелся[7] восприяв вместо тленного и мимолетного царство небесное и вечное, а земля наша, за великие грехи наши, без них, государей, овдовевшая, в великую скорбь повергласъ. А горше всего, в ней произошел разлад: из-за гордости и вражды не захотели многие из рода христианского царя избрать и ему служить, но пожелали среди иноверных и безбожных царя изыскать и ему служить. А те, прежденазванные его доброхоты, а наши злодеи — об именах их нет здесь речи — растлились умами своими и захотели соблазнам мира сего служить и в великой славе быть, а иные, не́люди,— не по своему достоинству чина почетного достичь. И ради этого от Бога отпали, и от православной веры отстали, и к нему, супостату нашему, королю, всей душой пристали, и окаянными своими душами пали и пропали, и хотят его, злодея нашего, на наше великое государство посадить и ему служить. И по сю пору чуть ли не все Российское царство ему, врагу, предали! Если бы они могли, то в одночасье бы его, врага, сюда привлекли и во всем бы с ним совершили свою волю над нами. Но всемилостивый Владыко еще нас, грешных, своей милостью не оставляет, и умысел их и заговор разбивает, и тем крепким нашим градом, под которым он, злодей, стоит, его обуздывает, и к нам идти воспрещает. А если за великие грехи наши, по Божьему гневу и его, злодея нашего, злому умыслу он каким-нибудь способом возьмет тот наш накрепко стоящий город, тогда и до царствующего града дойдет, и всех достигнет, и нас себе покорит. И еще те его доброхоты, а наши злодеи, о нем радеют, во всем ему добра желают и великое Российское царство полностью отдать ему хотят ради своей мимолетной славы и величия. Потому он,

окаянный, и не хочет так сделать, как нам угодно. И уж, конечно, в уме своем представляет, что овладел великим нашим государством, а так как бесовским своим воинством всю нашу землю наполнил, то окончательно и уверился в этом.

И тех посланников наших задерживает, и всяческими притеснениями, голодом и жаждой их совершенно изнуряет, и пленом угрожает. Пошли они от нас со многими людьми в великом множестве, а ныне-де лишь с малой дружиной остались двое самых представительнейших. А остальные-де, все, кто не смог вынести великих страданий и притеснений, тому супостату-врагу, королю, поклонились и его воле вверились. Того не ведаю, все ли по велению сердца пред ним склонились или втайне верны нам, да ныне-де усмирены, но с нами стоять за веру хотят, только разошлись и разъехались один к нам, а другие — кто куда по своим местам.

А те-де наши оставшиеся, самые представительные, так же, как и сами горожане, стоят упорно и непреклонно духом своим за святую непорочную христианскую веру и за те условия договора, о чем здесь с подручным его Желтовским[8] (таким же безбожником, как и сам наш супостат) было установлено соглашение с нашими земледержцами (ныне же, по уму своему, достойными наименования землесъедцами).

Подобает весьма восхвалять их и удивляться им. Что может быть похвальнее, и удивительнее, и бесстрашнее?! В руках будучи у своего злого супостата и врага, пред смертью стоя и терпя всякие принуждения, а все же лица своего пред ним, супостатом, не позорят и в глаза ему говорят, что отнюдь его воле не бывать и самому ему у нас не живать, да и не только ему, но и рожденному от него, если тот не будет освящен так же, как и мы, Божией благодатью.

Еще более почтим да подивимся пастырю нашему и учителю, и великому отцам отцу, и святителю! (Имя же его всем ведомо). Словно столп непоколебимо стоит он посреди нашей великой земли, посреди нашего великого государства, и православную веру защищает, а всех душепагубных наших волков и губителей увещевает. И стоит один против всех них, как муж-исполин, без оружия и без воинского ополчения, только учение, как палицу, держа в своей руке против великих агарянских полчищ и побеждая всех. Так и он, государь, вместо оружия только словом Божьим всем врагам нашим затворяет уста и, в лицо их посрамляя, ни с чем отсылает от себя. А нас всех укрепляет и поучает устрашения и угроз их не бояться и душами своими от Бога не отступаться, а стоять бы крепко и единодушно за дарованную нам Христом веру и за свои души, как и они, горожане, в том граде и как посланцы наши под тем же градом.

О великое Божье милосердие! Еще не до конца прогневался он на христианский род. О чудо и диво! И воистину великого плача достойно, как мать городов Российского государства со всеми ее крепостными стенами и великими умами и душами врагам

и губителям покорилась и сдалась и на волю их отдалась, кроме лишь того нашего великого, стойкого и непоколебимого столпа, духовного и крепкого алмаза, и с ним еще многих православных христиан, которые хотят за православную веру стоять и умереть!

А тот, прежде упомянутый град, воистину великий по своим деяниям, против тех супостатов наших и врагов, а точнее сказать, против самого лютого супостата нашего, злого короля, желающего погубить святую нашу и непорочную веру,— крепко вооружился и укрепился, и не покорился, и не сдался. Да и ныне стоит и утверждается, можно сказать, все великое наше Российское государство поддерживает, а всех наших врагов, тамошних и здешних, и самого того общего нашего супостата-короля стращает. И, как бесстрашный воин, сдерживает он уздой челюсти дикого, свирепого, неукротимого жеребца, трубящего на кобылицу мула, и все тело его к себе обращает, и воли ему не дает, а ежели даст, то и сам от него погибнет, занесен будет в бездонную пропасть и разобьется. Также и тот великий град, своими подвигами великий, помыслы того супостата нашего и похитителя веры нашей православной, с ревом рвущегося на великое наше государство и на всех нас, укрощает и к нам ему идти возбраняет. Если бы град тот до сих пор не останавливал его и не удерживал, без всякого сомнения, давно бы супостат наш у нас здесь был. А если бы Бог, за великие грехи наши, его к нам допустил, он бы вконец всеми нами овладел и во всем бы над нами волю свою учинил. Горше же всего, святую и непорочную нашу веру тоже бы вконец искоренил, разве что только наш великий и непоколебимый Бога заступник веру бы до конца удержал (или нет?), не смею и дерзнуть вымолвить. А ныне его, супостата нашего, злого короля, тот наш град не за голову, не за руки, не за ноги, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам идти не дает. И посланники наши также крепко и единодушно православную веру защищают, и пред тем супостатом нашим ни в чем лица своего не срамят, и за правоту против него стоят. И хотя они не в граде с горожанами сидят и словесного с ними совета не держат, но сердца их, по Божьему промыслу, вместе с горожанами благочестием горят.

А у нас, здесь, прежде названный непоколебимый столп сам мужественно и непреклонно духом своим стоит и не единые лишь стены великого нашего града держит, но и всех живущих за ними бодрит, и учит, и духовно им в погибельный ров впасть не велит. И более того, великое это безводное море словесами своими утишивает и укрощает. Сами все видите! Если бы не он, государь, все здесь держал, то кто бы другой такой же встал и нашим врагам и губителям мужественно противостоял?! Давно бы под страхом наказания от Бога отступились, душами своими пали и пропали.

Если же Божьим изволением, и помощью, и всех наших грехов

прощением все великое наше государство будет спасено двумя этими крепкими заступниками и поборниками веры нашей христианской, и от тех врагов избавится и защитится, покамест еще доброе начинание ваше не свершится, и замыслы ваши над теми врагами не успеют проявиться (скажу, что там это — от града, а здесь — от того стойкого нашего и непоколебимого столпа), то уж ни в коем случае подобное важное известие и событие не сможет от многих земель утаиться, но повсюду разнесется и прославится, как такими мерами некое царство спаслось и от врагов своих избавилось. И еще скажу: «О, велико Божье милосердие и щедроты его ко всем нам!» Там град стоит, и супостата держит, и намерения его обуздывает, и всем нам для защиты Бога и православной веры усердие придает, чтобы все мы, видя его крепкую и непреклонную оборону, также крепко вооружились и стали против супостатов своих. А здесь, у нас, наш крепкий и непоколебимый столп стоит и всех нас бодрит и учит и тому же граду подражать велит.

Приступайте, начинайте, православные! Приступайте, начинайте, христолюбивые! Мужайтесь и вооружайтесь, поднимайтесь на врагов своих, чтобы их победить и царство освободить! Не выдайте наших по Богу спасителей и нерушимых заступников: там — града и посланных под него, а здесь — общего нашего пастыря и учителя, и отцов отца, и святителя!

Скажу вам истину, а не ложь, что супостаты наши, которые ныне у нас,— заодно с нашими изменниками-единоверцами, новыми богоотступниками и кровопролителями, и веры христианской разорителями, родственниками сатанинскими, собратьями Иуды, предателя Христова, с нашими начальниками и с иными их прислужниками, пособниками и единомышленниками, которые недостойны по своим злым делам истинным именем своим именоваться (называть их следует — душепагубные волки), ибо хотят нас вконец погубить и под меч склонить, а жен наших и детей в рабов и холопов обратить, нажитое же нами разграбить и, что горше всего и печальнее,— святую нашу непорочную веру вконец искоренить, а свою, отпадшую от православия, насадить и самим в наших владениях жить. Сами видите, что они ныне над нами чинят: всегда пред очами нашими всем нам смерть показывают, издеваются, насилуют и убивают нас, и дома наши отнимают у нас, и нас же при этом позорят. Как волки, зубами своими скрежещут, пугают нас и грозят смертью. Да и не только над нами глумятся и насмехаются, но и над самим образом Создателя и Богоматери. И руками дерзают прикасаться и стреляют[9] в воплощенный образ Божий и пречистой его матери, о чем ныне свидетельствуют злодейские руки, пригвожденные к стене под образом Божьей матери, всем им, окаянным, на устрашение и трепет. И все стремятся быть вооружены и оснащены, словно против истинных злодеев изготовлены. Знают, окаянные, что не в свои владения пришли и сверх меры хотят себе заполучить, если Бог до того их допустит.

Ныне же послали во все города, по которым стоят такие же губители и неповинного новоизраильского рода кровопролители, и велели им прибыть сюда к нам. А наших людей воинского звания, которые живут у нас здесь, тех всех высылают долой, замышляя так, чтобы их, врагов, было много, а нас мало, чтобы нам против них совсем нельзя было подняться, а им бы вконец нами овладеть и себе покорить. Так не смотрите же на то, православные христиане, и не верьте лицемерию тому, что ныне они пред вами чинят: сами своих же людей казнят[10]. А все обманывают нас, уверяя и прельщая вас тем, как поступают и обещают, что не отцу у нас быть, а сыну.

Да и сам тот злодей наш, сыновий отец, тоже прельщает и манит, подобно сатане, наваждения творит и, словно бесов, с известиями присылает, что будто бы хочет сына своего нам дать по решению и добровольному соглашению с ним, злодеем, здешних его, злодея, злодеев наших, а его доброхотов, прежде названных тех изменников, всего нашего великого государства крестопреступников и вероотступников. Видя здесь, в нашем мире, волнение и за веру стояние, оттого-то нас прельщают и манят, чтобы всех нас подчинить и укротить, а великого бы нашего моря не возмутить, и им бы самим, врагам, в нем не потонуть, и голов своих не сложить. И так вот рассуждают, покуда не соберутся в большом числе со своими сообщниками, такими же безбожниками, и покуда сам наш супостат и сущий всем нам враг не возьмет каким-нибудь ухищрением и Божьим попущением, а всех нас великим грехом и преступлением пред ним, Господом, того нашего града, стойкого защитника, непокорного ему, злодею. Как змей, тогда прилетит к нам со всем своим бесовским воинством, а те, что ныне здесь, у нас, все на нас поднимутся, как змеи и скорпионы или как волки лютые, и он овладеет нами. И тогда нам будет от них окончательная погибель, если Господь Бог за великие грехи наши разгневается на нас и окончательно захочет нас предать им, как псам, на съедение.

Но никогда тому, православные, не быть, чтоб сыну у нас, здесь, жить! Сами видите, что все это лживый обман и хитрость. Неужели этому не поверите, видя над собой явное злоумышление?! Думаю, что и малые дети, услышав это, понять могут, а не только взрослые и разумные люди. Когда же отец желает зла сыну?! И то, нам сына дать, а самому, как злому волку, под городом Смоленском стоять, и тем же врагам волю дать нашу землю разорять, и неповинную кровь христианскую проливать, а у остальных чрезмерные и неподъемные подати взимать, и до смерти их мучить, да и наших посланных туда до смерти морить, а у нас здесь, в великом граде, большое притеснение чинить?! Так ли сыну прочить, если все вконец губить?! А он, окаянный, этими делами не только сыну не прочит, но и сам здесь жить не хочет. Ему бы только свою волю совершить и великую бы славу учинить, что всеми нами они овладели,

а нам бы под его властью быть и ему принадлежащими слыть. А ему бы своих подданных, таких же безбожников, в великом государстве нашем насадить, и всем бы царством, что еще вживе останется, им править и ведать поручить, и дани-оброки всякие тяжкие взимать, а к нему бы, врагу, как бесам — к сатане, жертвы приносить. Верьте полностью, христолюбивые, тем словам, что сыну — не бывать!

Еще прежде этого всем вам стали очевидными и собственное его, отцовское, злокозненное желание и вся его тайна. Некто из того же душепагубного и бесовского сонмища, а для нашего, Христу тезоименитого, рода зачинщик зла и губитель Божьего жребия (за все его злые дела недостоин он быть назван во имя духовного или святого, но должно прозвать его «злой человекоядный волк»), этот душепагубный волк, на того нашего великого столпа и отцов отца и святителя (имя же его всем вам ведомо) яд свой изрыгнул и потаенное свое всем явно открыл: замыслил своим злохитрым умом покачнуть тот непоколебимый наш столп и на свою богоотступную сторону склонить. Словно змей словами своими соблазнял, чтобы он, великий столп и твердый алмаз, и сам бы поколебался в сторону их суетных и человекоубийственных помыслов и желаний, сдался бы на их вражью волю, и весь бы наш многочисленный народ духовно навеки в погибельный ров впасть понудил, и сам бы, всего мира спасение, злодею-отцу присягнуть повелел[11]. Великий же и непоколебимый столп Богом прочно водружен, не на песке основан, а на тверди сердец: и сам никогда не колебался и ни малость не покачнулся в их богоотступную сторону и ту палату, великую вширь, вдаль и округ, что на нем стоит и держится, и в ней живущий многочисленный народ до греха не допустил и духовно их навеки не пленил, а еще больше укрепил. Тот же вышеназванный, многих душ губитель и злой разоритель великого государства, видя крепкое и непреклонное того столпа стояние за святую и непорочную веру и за все православное христианство, разверзнул свои дьявольские уста и начал, как обезумевший пес, в небо глядя, лаять, и скверными словами, словно сущий буян камнями, в лицо святителю метать, и высокочтимое священство бесчестить, и даже родившую его мать упоминать с непристойным и оскорбительным словом. Он же, государь, твердый алмаз, не только тем словам не внял и той его словесной буйности не убоялся, не устрашился, но даже и осмеял его безумную словесную дерзость, да и крепко ему пригрозил и великую беду ему провозвестил; пречистыми устами своими ему изрек, мнится мне, словно острым оружием, своим словом святительским тело и злонравную душу его посек: «Да будешь проклят со всем своим сонмом в сем веке и в будущем, также и с тем, кого сам так желаешь и кому, словно всего мира спасению, крест целовать побуждаешь!» И еще добавил: «Нам не только он не угоден, но также и отпрыск его, если не исполнит нашей воли[12]. Он же, окаянный, потупив лицо свое, отошел со всем своим

сонмом, посрамлен и изумлен, но более того разъярен на великого пастыря и учителя и за правду крепкого стоятеля, словно змей шипя или как лев рыкая. После же, окаянный, опомнился и, поняв свою вину и осознав злой свой умысел, раскаялся про себя в дерзости словесной, что не время ему было так говорить и явно и нагло великому господину тайну свою открыть. И побоялся многочисленного народа христианского: что, если все это словопрение, как недостойный, злой и неугодный им поступок, до них донесется, а также того, что несправедливо вел он себя с высочайшей главой и непоколебимым столпом, не как положено со святейшим, а его, как из простых простейшего, словно пес, лаял и бранил. И от тех своих речей отказаться вздумал, будто и не говорил, и, как в темных хоромах, затворил в скверном теле своем лукавую свою душу. А потом ведь, злодей, и еще лицемерие сотворил: будто бы расшумевшимся был и не помня что говорил; и у великого святителя и незлобивого учителя прощения испросил. Однако же хотя и прощения просил, но все же и впредь от злого своего нрава-обычая и злодейских замыслов не отказался. И ныне дышит и сипит, словно скорпион, и не переставая крамолы воздвигает, и все свое плотское бесовское сонмище возмущает, и всячески ему, государю, досаждает. И теснят — сами все видите — и мыслят со всеми своими пособниками, как бы его, государя, вконец погубить, чтобы без него все свои желания свершить и, как змеям, всех нас поглотить. А как я уже сказал, без него некому будет им, врагам, препятствовать и противостоять накрепко, как он, государь.

Он же, великий столп и твердый алмаз, мужественный воин Христов, не имея ни тула, ни меча, ни шлема, ни копья, ни воинов вооруженных (ибо ему не положено то, не велено создателем все это держать при себе), к тому же ни стен, крепко огражденных, лишь словом Божьим, как неким оружием, опоясался или, словно избранным воинством, ополчился и некими неприступными стенами оградился. «Не бойтесь,— сказал,— убивающих тело: души ведь коснуться не могут!» И воссылает он всегда от всего сердца к Богу и пречистой его матери свои молитвенные словеса о себе и обо всех нас, а более всего о святой и непорочной христианской нашей вере, чтобы православная христианская наша вера от тех врагов наших и губителей не погибла; и слезы из очей своих, словно речные стремнины, испускает перед образом Господа нашего Исуса Христа, и пречистой его матери, и прославленных в Русской земле великих чудотворцев, и всех святых и надеется своими обильными слезами и молитвенными словесами, как острыми стрелами, от себя и ото всех нас тех наших общих явных врагов отогнать и поразить и все великое государство от них освободить.

О столп крепкий и непоколебимый! О крепкая стена и забрало у Бога и пречистой его матери! О твердый алмаз, о поборник непобедимый! О непреклонный веры заступник! О воистину пастырь неложный! В похвалу сказано было о таких великих

и стойких душою — «пастырь добрый»: «Пастырь добрый душу свою полагает за овец». Воистину, воистину, пастырь он добрый, а не наемник: душу свою полагает за овец, которых ему дано пасти. А на вые его возложены все мы, православные христиане. Напоминает он божественное Писание: «Подобает за слово Божье насмерть стоять». И видим все: не даст слову Божию пропасть на земле и, хотя всегда рядом со смертью ходит возле общих наших врагов и губителей, однако хранит надежду на творца нашего, и Богоматерь, и на великих чудотворцев, общих наших заступников и богомольцев. Ежели ему, государю, и случится за слово Божие умереть,— не умрет, но жив будет вовеки.

Во всеуслышание и решительно следует сказать: если бы таких великих, стойких и непоколебимых столпов было у нас не мало, то никогда бы в нынешнее злосчастное время наша бы святая и непорочная вера от тех душепагубных волков, от явных врагов, чужих и своих, не пала, но еще более бы просияла, а великое бы наше море без колыхания и волнения стояло. А ныне один уединенно стоит и всех держит, а врагам сурово грозит. И иному некому пособить ни словом, ни делом: кроме Бога, пречистой его матери и великих чудотворцев никаких других пособников не имеет. Те же, кто были его сынами и богомольцами и принадлежат тому же духовному сану,— те славою мира сего тленного прельстились, проще сказать, подавились, и на сторону врагов склонились, и творят их волю.

А сами наши земледержцы (как уже прежде сказал,— землесъедцы), те давно от него отстали, и ум свой на полное безумие променяли, и к ним, ко врагам, пристали, а пред иными, как пред своим подножием, ниц пали, и господское свое происхождение променяли на жалкое рабское служение, и покорились, и поклоняются неведомо кому, сами знаете, и угождают ему, и смотрят ему в рот нечестивый, что им позволит и прикажет, как нищие, пред проклятия достойным богатым. (Впредь мы вскоре объявим вам его имя, проклятое Богом и людьми. Теперь же пойдем дальше.) Так-то вот эти наши благородные сглуповали и душами своими пали и пропали навеки, ежели только не обратятся от этого зла и худа к добру. Горше же всего они нам то учинили, что всех нас предали, и не только предали, но и заодно с ними, с врагами, вместе на нас ополчились и хотят нас всех погубить и веру христианскую искоренить. Ежели и есть избранные среди тех же чинов и боярских родов, которые сердцем обращены к христианской вере и о нас обо всех жалеют и радеют, да они не могут ничего сделать и не смеют начать, ибо не с кем в борьбе сོратничать, да притом же еще и свое положение потерять, а им, врагам, ничего не сделать, ибо сильно они завладели: многих бренным богатством и славою прельстили, иных закормили и везде своих доносчиков и доброхотов поставили и понасадили.

Один только у нас ныне есть у Бога и пречистой его матери стена

и забрало, так это он, государь, великий святитель и крепкий заступник. Ежели с ним, государем, по вине наших врагов что-то и случится и он от телес отрешится и от света сего тленного в вечные обители переселится, то и вера наша теперешними нашими губителями окончательно погубится, если только ненависть ваша к ним так и не проявится. А ежели его, государя, от них Бог соблюдет и он невредим поживет, тогда Бога, и пречистую его матерь, и великих наших чудотворцев, и всех святых умолит, и себя и всех нас спасет, и веру поддержит, и врагов победит молитвою своею.

А вы, православные, не помогаете ему, государю, ни в чем! Говорите одно, а на деле Бог весть чего еще от вас ждать. Снова прошу вас с великими слезами и сокрушенным сердцем: Порадейте о себе и о всех нас! Мужайтесь и вооружайтесь и совет меж собой держите, как бы нас от врагов своих освободити! Время, время пришло! Время приспело великое деяние-подвиг совершить и смело на страдание решиться, как только Бог вам укажет и помощь вам подаст! Прибегнем же к Богу, пречистой его матери, к великим чудотворцам и всем святым! Припадем к ним с искренней верою, со смиренным сердцем и горячими слезами, да подадут нам милость свою! Препояшемся оружием телесным и духовным, то бишь молитвою и постом и всякими добрыми делами! Станем храбро за православную веру и за все великое государство, за православное христианство и не предадим пастыря нашего и учителя, крепкого поборника веры православной, и того нашего преславного града, который за всех за нас стоит и супостата нашего держит. Сами вы знаете, что если не теперь умрем, то все равно умрем. Да пусть же за правоту нашу сохранит нас Господь невредимыми и не погибнем от врагов своих! Если же ныне будем терпеть, время тянуть, то погибнем сами по себе, из-за своего нерадения и нерешительности.

Что стали, что оплошали? Чего ожидаете и зачем врагов своих к себе допускаете, а пагубному корню и зелью даете в земле укорениться и, как злой горькой полыни, пуще расплодиться?! Или того ждете, чтобы вам сам тот великий столп святыми своими устами изрек и повелел бы вам против врагов встать и вас на кровопролитие поднять? Сами знаете, его ли это дело — повелевать кровь проливать?! Ей-ей, никогда от него, государя, такого наставления не будет, ибо и сам он,— государь великого разума, понимания и мудрого ума,— полагаю, мыслит, чтобы не от него началось, но им бы добро свершилось, его бы непреклонной стойкостью и молитвами к Богу, а вашим бы старанием, ополчением на врагов и мужеством. То ли вам не весть от него, государя, что он, как добрый пастырь, всех нас спасает от душепагубных, человекоядных волков и чистой нашей голубицы[13] не даст им, словно змеиной пастью, поглотить и погубить, да ожидает с часу на час Божьего вспоможения и вашего против них старания и дерзновения?! А ежели вы и без

его, государева, словесного повеления и рукописания за правду свою на злодеев дерзнете и благо сотворите и их, врагов, победите, царство от бед освободите и веру сохраните, а его государя, святителя великого, и себя, и всех нас от врагов избавите, то не будет вам от него проклятия и запрета, более того — великое благословение вам и чадам вашим, из рода в род, каждому до скончания его жизни.

Сами вы видите, какое гонение на православную веру и какое притеснение всем православным христианам от наших губителей и врагов! Беспрестанно многим смертоносное посечение, а иным тяжкое ранение, иным ограбление, а женам бесчестие и насилие. И покупают не по цене и отнимают насильно; притом не по цене оценивают и не серебром платят, а стоят с мечом над головой всякого торгующего православного христианина и смертью грозят. Наш же брат, православный христианин, видя свое осиротение и беззащитность, а их, врагов, полное одоление, не смеет иной и рта раскрыть, боясь убитым быть, даром от имущества своего отступается и только слезами обливается. И уж больше нечего им, врагам, было выдумать, как бы еще всех нас, православных христиан, притеснять, надругиваться над нами, кичиться и насмехаться, так они (как видим мы сами) вот что ухитрились затеять для всего великого и могучего нашего царства (поистине великого и неукротимого, как море!): на той стороне, где стена имеет двое ворот рядом, одни ворота затворить и на замки закрыть, а другие — приотворить, да и то вполовину. А множеству христианского люда не то что тесными и узкими воротами бывало не пройти, да и в широкие-то не в одни, а только через многие удавалось выйти, ибо Божьей благодатью христианский люд бесчисленно расплодился и умножился. Ныне же за грехи так нас всех поубавилось, посечено и угнано теми же врагами и губителями в плен, в проклятую их землю и веру! Но хотя и убавилось, хотя и мало нас кажется, а много еще набирается; и всегда в тех воротах начинают друг друга теснить, попросту сказать, как мышей, давить, и шум, и визг, и крик бывает из-за этого узкого и затрудненного проезда и прохода. А им бы при этом, самим врагам, вооруженным всяким смертоносным оружием, с обеих сторон тех узких ворот стоять наготове пешими и на конях, и у самых шей наших и сердец это свое оружие в руках своих держать, и нас бы всех постоянной и явной смертью устрашать.

Это ли вам не весть, это ли вам не повеление, это ли вам не приказание, это ли вам не писание?! Ох, ох, увы, увы! Горе, горе злоелютое! И куда идти, куда бежать? Как не заплакать, как не зарыдать, как всей душой не страдать, как в грудь себя не бить?! Как же сами мы не заботимся и не радеем о себе, когда видим за великие и бесчисленные грехи наши по воле создателя и творца полное наше смирение, а врагам, чужим и своим, попущение, и всяческое от них над собой надругание, и осмеяние. Хотя и плачем, и рыдаем, и бьем себя в грудь, и всей душой страдаем, и сильно тем создателю досаждаем, но подвига

и рвения не проявляем, и к Богу не прибегаем, и его не умоляем, и против врагов ничего не замышляем, а все на произвол пускаем и сами же в своей земле и вере злое семя укореняем.

И еще скажу: «Ох, чем только нас Господь за бесчисленные грехи наши не смиряет, и каких только наказаний не посылает, и кому только нами владеть не повелевает!» Сами видите, кто он такой. Не человек, а неведомо кто! Ни царских родов, ни боярских чинов, ни из избранных ратников; говорят, от смердовских рабов. Его же, окаянного и треклятого, за его злые дела следует называть не именем Стратилата, а именем Пилата[14], не во имя преподобного, но во имя неподобного, не во имя страстотерпца, но во имя землеедца, не по имени святителя, но по имени мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры христианской. И по известному его прозвищу также недостойно его называть во имя святого, а от названия человеческого нужного прохода — Афедронов. Таким именитым государством владеет и его, словно великое море, колеблет: что хочет, то и творит, и никто ему не возбранит!

А сами наши земледержцы и правители (ныне же, как я уже прежде сказал,— землесъедцы и кривители), те словно ослепли или онемели, прямо сказать, ни один не смеет тому врагу ничего запретить и великому государству ни в чем пособить. А иные молчат, не говорят и ни в чем ему не перечат, ибо вместе же с ним, врагом, всех нас погубить хотят. Целые полки людей всяких чинов за тем врагом следом ходят и милости и указаний его ждут. Не только простые и неименитые люди, но даже боярские и дворянские дети и сами дворяне, благородные и сановитые, иным из которых он, враг креста Христова и всех православных христиан, и в подметки негож.

А еще враг и лютый злодей наш не своим состоянием завладел. Как Ихнилат[15], в цареву ризницу пробрался, чтобы разорить и погубить ту великую царскую казну, что за многие годы многими государями-самодержцами, великими князьями и царями всея Руси была собрана и положена. Он же, окаянный, как выше упомянутый Ихнилат, в одночасье или же за недолгий срок все хочет извести, расточить и погубить, и оставить эту цареву ризницу вконец разоренной, словно пустой и ненужный дом. Да уже и оставил! И теперь эти великие сокровища, драгоценные камни, и одежды, и всякие вещи, что нам неведомы и нами невиданны, со своими единомышленниками разбирает и вещь к вещи прибирает, а также золото, серебро и жемчуг в большие сундуки насыпает и к тому вышеназванному супостату нашему, врагу-королю и похитителю, под тот обороняющий нас град посылает. А мыслят, окаянные, так в уме своем: если Божьим промыслом и вашим над ними, врагами, помыслом, благо для нас свершится, если здесь, у нас, Божьей милостью их желание не сбудется, а доброе дело осуществится и над ними, врагами, победа объявится, а им, врагам, от нас убежать случится, то чтобы им у своего сатаны положения

своего не лишиться, и смерти бы от него не приключиться, можно было бы теми бесчисленными и драгоценными сокровищами с ним и примириться. Но если царство наше перед ними не выстоит, погибнет,— кто не восплачет, кто не возрыдает, кто не вздохнет?! Полагаю, что не только нашей православной веры и христианского рода православный христианин, но и иноверный из тех же врагов, кто хоть мало-мальски мягок и жалостлив сердцем, если не заплачет, то и он вздохнет и скажет: «Как же такая великая и прославленная во всех странах земля оказалась в разорении, такое великое царство в запустении, а столь богатая царская ризница в расточении!»

А вы, православные, Богом почтенные, сжальтесь над собой, содрогнитесь сердцем, видя пред собой столь непереносимые бедствия и скорби, видя всегда перед глазами своими свою погибель и попрание веры нашей православной! Не отдавайте сами себя в руки врагов своих! Призвав в помощь Бога, и пречистую его матерь, великих чудотворцев, и всех святых, поднимайтесь на врагов своих! Может быть, Господь Бог наш Исус Христос, наказав нас праведным своим гневом, да и помилует, и на них, врагов, победу даст, избавит и спасет нас от них. А они, злодеи наши и губители, одно замышляют против нас (как я уже и прежде вам говорил): хотят нас погубить, а оставшихся своей воле подчинить.

И тому, что в этом письме я рассказываю вам и пишу, верьте без всякого сомнения! А я, к их намерениям и замыслам прислушиваясь, помню свою православную веру и не хочу души своей грешной вконец погубить и в геенне быть. По ошибке своей и слабости, славой мира сего прельстился и к ним, врагам, прилепился, ради суетной славы и тленного богатства, как и прочая братия наша. Все мы, того ищучи, от того и погибли. Если бы того не искали, от Бога бы все не отпали, и душами и телом не пали бы, и не пропали. Ныне же я прозрел, что, следуя им, врагам креста Христова и губителям всех нас, православных христиан, перейдя в их богоотступную веру и не отстав от них,— быть в геенне огненной душой и телом. Явно же мне нельзя от них отстать и вам про это сказать. Даже единому кому-нибудь из вас втайне сказать боюсь: вдруг этот человек в мыслях своих поддастся искушению, не утерпит и вам скажет имя мое, а от вас разнесется и до них, врагов и губителей христианских, донесется, тогда меня, взяв, жестокой казни предадут. Я же у них ныне очень пожалован. Сами знаете, что все мы смерти боимся. И я, так же, как и вы, имею жену и детей. Ежели мне самому доведется умереть, так на Господа надежда, что не умереть, но ожить за эту правду, иное же дело — жену и детей осиротить, по дворам пустить, а всего того горше,— на позор отдать. Вам же, православные, в ту пору ничего будет не сделать, ибо ныне верх взяли произвол и насилие врагов. Оттого-то я вам открыто и не решаюсь сказать и от них отстать, потому-то вам письмом и потрудился написать. Если Господь

помилует всех нас, избавит нас от наших явных врагов и все будем живы, тогда известно вам будет и про нас, про грешных. А ежели и скажет вам кто-то, что я вам ныне враг и клеветник, то Господь видит сокровенное мое, что с вами же хочу жизнь свою отдать за православную веру и за святые Божьи церкви. Ныне же, как я выше уже сказал, по нужде не отстану от них. А кто это письмо возьмет и прочтет, пусть бы его не таил, давал бы, осмотревшись и выведав, прочесть вкратце своей братии, православным христианам, тем, которые за православную веру хотят умереть, чтобы все им стало известно, а не утаено, но не тем, которые были ранее нашими братьями, православными христианами, а ныне всей душой, без раскаянья, отвернулись от христианства и во врагов наших превратились, с ними, врагами, соединились, вместе с ними вооружились и хотят нас вконец погубить,— тем бы его ни в коем случае не показывали и не давали читать. Да будет на вас всех, доброжелателей Российского царства, милость Божья и помощь пречистой Богородицы и великих чудотворцев, которые у нас в Троице прославлены, и всех святых! Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду русское «Великое посольство» к польскому королю Сигизмунду III, отправленное из Москвы 17 августа 1610 г. В 1611 г. остававшиеся под Смоленском члены посольства были как пленники увезены в Польшу, Филарет (Федор Никитич Романов) (ок. 1560—1633) — политический деятель рубежа XVI—XVII вв.; из польского плена вернулся в 1619 г. после избрания его сына Михаила Федоровича на царство. Василий Васильевич Голицын — выходец из родовитой боярской знати, принимал активное участие в политической борьбе начала XVII в. Умер в 1619 г. на пути в Россию из польского плена.

[2] Здесь упоминается двадцатимесячная (с 21.IX.1609 по 3.VI.1611) оборона небольшого гарнизона Смоленска от 20-тысячного войска польского короля Сигизмунда III.

[3] Подразумевается «семибоярщина» — московское боярское правительство, состоящее из 7 бояр, лояльное к польским оккупационным силам в Москве.

[4] *Федор Андронов* — сторонник Сигизмунда III, активно сотрудничал с поляками. В 1613 г., после завершения следствия, доказавшего его преступления, был повешен.

[5] *В Троице* — В Троице-Сергиевом монастыре.

[6] Имеется в виду Смоленск.

[7] После смерти царя Федора Ивановича (в 1598) пресеклась династия Рюриковичей; правление династии Романовых началось с 1613 г.

[8] *Станислав Жолкевский* (1547—1620) — польский военачальник, один из организаторов похода Сигизмунда III на Москву в 1609 г. Участвовал в приведении Москвы к присяге королевичу Владиславу и в оккупации столицы 21 сентября 1610 г.

[9] Шляхтич Блинский стрелял в кремлевскую икону Богородицы.

[10] По приказу начальника польского гарнизона А. Гонсевского над Блинским была учинена показательная расправа.

[11] Один из представителей «семибоярщины» боярин Михаил Глебович Салтыков пытался склонить Гермогена на присягу Сигизмунду III, но тот категорически отказался

[12] Речь идет о сыне Сигизмунда III королевиче Владиславе и ранее принятом договорном условии об обязательном принятии им православия.

[13] То есть православной церкви.

[14] Федор Андронов недостоин носить имя своего святого страстотерпца Федора Стратилата, в честь которого он был назван при крещении, он достоин имени Пилата, утвердившего смертный приговор Христу.

[15] *Ихнилат* — персонаж популярной на Руси переводной повести «Стефанит и Ихнилат», хитрый и лукавый царский советник, в конце концов казненный за обман.

Повесть об Ульянии Осорьиной

Повесть эта написана в 20—30-х годах XVII в. сыном Ульянии Дружиной Осорьиным. Автор стремился создать житие святой. К канонам агиографического жанра восходит ряд стилистических оборотов произведения, отдельные образы его. В агиографических традициях описано детство Ульянии, после ее смерти происходят чудеса с ее гробом и миро, исходящее от ее мощей, исцеляет больных. Но все это чисто внешние проявления, придающие произведению агиографический характер.

В действительности же перед нами рассказ о простой русской женщине со всеми сложностями ее жизни и бытовыми подробностями эпохи. Дружина Осорьин рассказывает не об отвлеченном образе святого подвижника, а о реальном близком ему человеке. Подвиги его матери состояли в добросовестном ведении хозяйства, в неустанных заботах о домочадцах и всех, кто прибегал к ее помощи. Перипетии рассказа обусловлены реальными жизненными ситуациями и вместо жития святой получилась своеобразная семейная хроника, героем которой выступает рядовой человек конца XVI—начала XVII в.

Текст печатается по изданию: ПЛДР. 10. С. 98—104.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛЬЯНИИ ОСОРЬИНОЙ

Месяца генваря въ 2 день Успение святыя праведныя Улиянеи, муромскиа чюдотворицы

Во дни благовернаго царя и великого князя Ивана Васильевича[1] всеа Русии, от его царскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, имянем Иустин, пореклому Недюрев, саном ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григорьеву дщерь Лукина, от града Мурома. И живяста во всем благоверии и чистоте, имяста сыны и дщери и много богатства, и раб множество. От нею же родися блаженная Ульяния.

Бывши же ей шести лет, и умре мати ея, и поять ю́ * к себе в пределы Муромския бабка, матери ея мати, вдова Настасия, Никифорова дочь Дубенскаго, и воспитающе во всяком благоверии и чистоте 6 же лет. И умре баба ея, и по заповеди ея, поят ю́ к себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова. Сия блаженная Ульяния, от младых ногтей Бога возлюбив и пречистую его матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. И того ради от тетки много сварима бе **, и от дщерей ея посмехаема.

* ее;

** бранима была

И глаголаху ей: «О, безумная! что в толицей младости плоть свою изнуряеши, и красоту девьственую погубиш». И нуждаху ю́ рано ясти и пити; она же не вдаяшеся воли их, но все со благодарением приимаше и с молчанием отхождаше: послушание имея ко всякому человеку. Бе бо измлада *кротка* и молчалива, небуява * и невеличава, от смеха и всякия игры отгребашеся. Аще и многажды на игры и на песни пустошныя от сверстниц нудима бе, она же не приставаше к совету их и недоумение на ся возлагая **, и тем потаити хотя своя добродетели к Богу. Точию в предивеном и пяличном деле *** прилежание велие имяше, и не угасаше свеща ея *вся* нощи. А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных **** и болных всяцем добром назираше *****, яко всем дивитися разуму ея и благоверию; и вселися в ню страх Божий. Не бе бо в той веси церкви близ, но яко два поприща; и *не* лучися ей въ девичестем возрасте в церковь приходити, ни слышати словес Божиих почитаемых, ни учителя учаща на спасение николи же; но смыслом благим наставляема нраву добродетельному.

Егда же достиже 16 лет, вдана бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, пореклом Осорьин, и веньчани быша от сущаго ту попа, именем Потапия, в церкви праведнаго Лазаря, в селе мужа ея. Сей поучи их по правилом святым *закону Божию; она же послуша учения и наказания внятно и делом исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущим; иже видевъше ю́ возрастом и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение правити. Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я́ ****** и вся повеленная ими напреткновенно совершьшааше, яко всем дивитися о ней. И многим искушающим ю́ в речах и во ответех, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея и славяху Бога. По вся же вечеры довольно Богу моляшеся* и коленопреклонения по 100 и множае, и, воставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужем своим.

Егда же мужу ея на царьских служьбах бывающу лето или два, иногда же и по 3 лета в Астарахани, она же в та времена по вся нощи без сна пребываше, в молбах и в рукоделии, и в прядиве, и в пяличном деле. И то продав, нищим цену *******даяше и на церковное строение; многу же милостыню отай творяше в нощи, в день же домовное строение правяще. Вдовами и сиротами, аки истовая мати, печашеся, своима рукама омываше, и кормяше, и напаяя. И рабы же и рабыня удовляше ******** *пищею и одеждею,*

* незаносчива
** притворяясь неумеющей
*** в прядении и вышивании
**** нуждающихся
***** снабжала
****** их
******* вырученные деньги
******** снабжала

и дело по силе налагаше, и никого же простым именем не зваше, и не требоваше воды ей на омовение рук *подающаго*, ни сапог разрешающа *, но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыня смирением и кротостию наказуя, и исправляше, и на ся вину возлагаше; и никого же оклеветаше, но всю надежу на Бога и на Пречистую[2] возлагаше и великого чюдотворца Николу на помощь призываше, от него же помощь приимаше.

Во едину же нощь, востав на молитву по обычаю, без мужа. Беси же страх и ужас напущаху ей велик. Она же, млада еще и неискусна, тому убояся и ляже спати на постели и усну крепко. И виде многи беси, пришедше же на ню со оружиемь, хотяще ю́ убити, рекуще: «Аще не престанешь от таковаго начинания, абие ** погубим тя!» Она же помолися Богу, и пречистой Богородицы, и святому Николе чюдотворцу. И явися ей святый Никола, держа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша. И воздвиг десницу свою, и благослови ю́: «Дщи моя, мужайся и крепися, и не бойся бесовскаго прещения: Христос бо мне повеле тя соблюдати от бесов и злых человек!» Она же, абие от сна возбнув, и виде мужа свята яве, из храмины дверми изшедша скоро, аки молнию. И востав скоро, иде во след его, и абие невидим бысть: но и притвор[3] храмины тоя крепко заперт бяше. Она же оттоле, извещение приимъши, возрадовася, славя Бога, и паче перваго *** добрых дел прилежа.

Помале же Божию гневу Рускую землю постигшу за грехи наша: гладу велику зело бывшу, и мнози от глада того помираху. Она же многу милостыню отай творяше, взимаше пищу у свекрови на утренее и на полуденное ядение, и то все нищим гладным даяше. Свекры же глаголаше к ней: «Как ты свой нрав премени! Егда бе хлебу изообилие, тогда не могох тя к раннему и полуденному ядению принудити; и ныне, егда оскудение пищи, и ты раннее и полуденное ядение вземлеш». Она же хоте утаитися, отвещах: «Егда не родих детей, не хотяше ми ясти, а егда начах дети родити, обиссилех, и не могу наястися. Не точию **** в день, но и в нощь множицею хощет ми ся ясти, но срамляюся тебе просити». Свекровь же, се слышав, *рада бысть*, и посылаше ей пищу доволно не точию в день, но и в нощь; бе бо у них в дому всего обилно, хлеба и всех потреб. Она же, от свекрови пищу приимая, сама *а не ядяше — гладным все* раздаяше. И егда кто умираше, она же наимаше омывати, и погребальныя даяше, и на погребение даяше сребреники; а егда в селех погребаху мертвыя кого *ни* будет, о всяком моляся о отпущении грехов.

Помале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху пострелом[4], и оттого мнози в домех запирахуся и уязвенных жен пострелом в домы не пущаху, и ризам не прикасахуся. Она же отай свекра и свекрови, язвеных многих своима рукама в бане омывая,

* обувь снимающего
** тотчас
*** больше прежнего
**** не только

целяше и о исцелении Бога моляше. И аще кто умираше, она же многи сироты своима рукама омываше и погребалная возлагаше, и погребати наймая, и сорокоуст[5] даяше.

Свекру же и свекрови ея во глубоцей старости во иноцех умершим, она же погребе их честно: многу милостыню и сорокоусты по них разда и повеле служити литоргия[6], и в дому своем покой мнихом и нищим поставляше во всю 40-десятницу по вся дни, и в темницу милостыню посылаше. Мужу бо ея в то время на службе в Астарахани 3 лета и боле бывшу, она же по них много имения в милостыню отдаша, не точию в тыя дни, но и по вся лета творя память умершим.

И тако пожив с мужем лета довольна во мнозе добродетели и чистоте по закону Божию, и роди сыны и дщери. Ненавидяй же враг добра[7] тщашеся спону * ей сотворити; часты брани воздвизаше въ детех и рабех. Она же вся, смысленно и разумно разсуждая, смиряше. Враг же наусти раба их: и уби сына их старейшаго. Потом и другаго сына уби на службе. Въмале аще и оскорбися, но о душах их, а не о смерти: но почти их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом моли мужа, да отпустить ю́ в монастырь. Он же не отпусти, но совещастася вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозе молитве возлегаше на печи бес постели, точию дрова острыми странами к телу подстилаше, и ключи железны под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна приимаше, дондеже рабы ея усыпаху **, и потом вставаше на молитву во всю нощь и до *света*. И потом в церков хожаше к заутрени и к литоргии, и потом к ручному делу прилогашеся, и дом свой благоугодно строяше, рабы своя доволно пищею и одежею удовляше *** и дело комуждо по силе даваше, вдовами и сиротами печаловашеся, и бедным всем помогаше.

И пожив с мужем 10 лет по розлучении плотнем, и мужу ея преставльшуся, она же погребе и́ **** честно и почти пением и молитвами, и сорокоусты и милостынею. И паче мирская отверже, печашеся о души, како угодити Богу, и постяся, и милостыню безмерну творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше милостыню, и в церковь по вся дни хождаше к пению. Егда же прихождаше зима, взимаше у детей своих сребреники, чим устроити теплую одежду, и то раздая нищим, сама же бес теплые одежди в зиме хождаше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и черепы ***** острые вместо стелек подкладаше, и тело томяше.

Во едино же время зима бе студена зело, яко земли разседатися от мраза; она же неколико время к церкви не хождаше, но въ

---

* препону, препятствие
** пока слуги ее не засыпали
*** снабжала
**** его
***** черепки

дому моляшеся Богу. Во едино же время зело рано попу церкви тоя пришедшу единому в церков, и бысть ему глас от иконы Богородицыны: «Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церков не ходит на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю́, уже бо она не меньши 60 лет, и Дух святый на ней почивает». Поп же в велицей ужасти быв, абие прииде к ней, пад при ногу ея, прося прощения, и сказа ей видение. Она же *тяжко* вся то внят *, еже онъ поведа пред многими, и рече: «Соблазнилъся еси, еда о себе глаголеши; кто есмь аз грешница, да буду достойна сего нарицания». И заклят его не поведати никому. Сама же иде в церков, с теплыми слезами молебная совершив, целова икону пречистыя Богородицы. И оттоле боле подвизався к Богу, ходя к церкви.

И по вся вечеры моляшеся Богу во отходней храмине; бе же ту икона суть Богородицы и святаго Николы. Во един же вечер вниде в ню по обычаю на молитву, и абие храмина бысть полна бесов со всяким оружием, хотяху убити ю́. Она же помолися Богу со слезами, и явися ей святый Николае, имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша. Единаго беса поймав, мучаше. Святую же благослови крестом, и абие невидим бысть. Бес же плача вопияше: «Аз ти многу спону творях по вся дни: воздвизах брань в детех и в рабех, к самой же не смеях приближитися ради милостыня, и смирения, и молитвы». Она бо безпрестани, в руках имея четки, глаголя молитву Иисусову. Аще ядяше и пияше, или что делая, непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася, утроба ея подвизастася на словословие Божие: многажды видехом ю́ спящу, а рука ея отдвигаше четки. Бес же бежа от нея, вопияше: «Многу беду ныне приях тебе ради, но сотворю ти спону на старость: начнеши гладом измирати, неже чюжих кормити». Она же знаменася крестом, и исчезе бес от нея. Она же к нам прииде ужасна велми и лицем переменися. Мы же, видехомъ ю́ смущену, вопрошахом,— и не поведа ничто же. И непомнозе ** же сказа нам тайно, и заповеда не рещи никому же.

И пожив *во* вдовъстве 9 лет, многу добродетель показа ко всем и много имения и милостыню разда, точию нужныя *** потребы домовныя оставляше, и пищу точию год до году **** расчиташе, а избыток весь требующим растокаше *****. И продолжися живот ея ****** до царя Бориса[8]. В то же время бысть глад крепок во всей Русстей земли, яко многим от нужда скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неисчетно гладом изомроша. В дому же ея велика скудость *пищи* бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасте из земля всеяное жита ея. Коня же и скоты изомроша. Она же моляше дети и рабы своя, еже

* с опасением все это выслушала
** вскоре
*** только необходимые
**** на год
***** раздавала
****** и дожила она

отнюдь ничему *чужу* и татьбе * не коснутися, но елика оставляшеся скоты, и ризы, и сосуды вся распрода на жито и от того челять кормяше, и милостыню доволно дояше, и в нищите обычныя милостыня не остася, и ни единаго от просящих не отпусти тщима рукама **. Доиде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея; и о том не смятеся, но все упование на Бога возложи.

В то бо лето преселися во ино село в пределы Нижеградския, и не бе ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима, и не хождаше к церкви, но в дому моляшеся; и о том немалу печаль имяше, но поминая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовъная молитва, и иных святых велицех. Скудости же умножишася в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладом. От них же доброразсуднии обещахуся с нею терпети, а инии отоидоша; она же со благословением и молитвою отпусти я́: не держа гнева нимало. И повеле оставшим рабом собирати лебяду и кору древяную, и в том хлеб сотворити, и от того сама з детьми и с рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того же нищим даяше, и никого тща не отпусти; в то бо время бес числа нищих бе. Соседи же ея глаголаху нищим: «Что ради в Ульянин дом ходите? Она бо и сама гладом измирает!» Они же поведаша им: «Многи села обходим и чист хлеб вземлем, а тако в сладость не ядохом, яко сладок хлеб вдовы сея». Мнози бо имени ея не ведаху. Соседи же, изообилни хлебом, посылаху в дом ея просити хлеба, искушающе ю́, яко велми хлеб ея сладок. И дивяся, глаголаху к себе: «Горазди рабы ея печь хлебов!» А не разумеюще, яко молитвою ея сладок хлеб. Потерпе же в той нищете два лета, не *опечалися*, ничему тому не поропта, и не *согреши* ни во устнах своих и не даст безумия Богу ***; и не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе.

Егда же приближися честное ея преставление, и разболеся декабря въ 26 день, и лежа 6 дней. В день же лежа моляшеся, а в нощи, вставая, моляшеся Богу, *особь* стояше, никим поддержима, глаголаше бо: «И от болнаго Бог истязает **** молитвы духовныя».

Генваря въ 2 день, свитающу дню, призва отца духовнаго и причастися святых тайн. И седе, призва дети и рабы своя и поучив их о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетелех. Прирече же и се: «Желание возжелах аггельскаго образа иноческаго, не сподобихся грех моих ради и нищеты, понеже ***** недостойна бых — грешница сыи и убогоя, Богу тако изволшу, слава праведному суду твоему». И повеле уготовити кадило и фимиян вложити, и целова вся сущая ту, и всем мир и прощение даст, возлеже, и прекрестися трижды, обънвив четки

---

* воровству, грабежу
** с пустыми руками
*** и не роптала на Бога
**** требует
***** потому что

около руки своея, последнее слово рече: «Слава Богу всех ради, в руце твои, Господи, предаю дух мой, аминь». И предаст душу свою в руце Божии, его же возлюби. И вси видеша около главы ея круг злат, яко же и на иконех окол глав святых пишется. И омывше, положиша ю́ в клети[9], и в ту нощь видеша свет и свеща горяща, и благоухание велие повеваше ис клети тоя. И вложьше ю́ во гроб дубов, везоша в пределы Муромския, и погребоша у церкви праведнаго Лазаря подле мужа ея, а до церкви Лазореве 4 версты от града, в лето 7112 (1604) генваря въ 10 день.

Потом поставиша над нею церковь теплую[10] во имя архистратига Михаила. Над гробом ея лучися пещи быти *. Земля же возрасташе над нею по вся лета. И бысть в лето 7123 (1615) августа въ 8-й день преставися сын ея Георгий. И начаша в церкви копати ему могилу в притворе меж церковию и печию,— бе бо притвор той без моста **,— и обретше гроб ея на верху *земли цел*, невредим ничим. И недоумевахуся, чий есть, яко от многих лет не бе ту погребаемаго. Того же месяца въ 10 день погребоша сына ея Георгия подле гроба ея и поидоша в дом, еже учредити погребателная. Жены же, бывшая на погребении, открыша гроб и видеша полн мира благовонна, и в той час от ужасти не поведа ничто же; по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышахом, удивихомся, *и* открывше гроб, видехом, яко же и жены реша *** от ужасти, начерпахом мал сосудец мира того и отвезохом во град Муром в соборную церковь. И бе в день видети миро, аки квас свеколной, в нощи же згустевашеся, аки масло багряновидно. Телеси же ея до конца от ужасти не смеяхом осмотрити, точию видехом нозе ея и бедры целы суща, главу же ея не видехом, того деля, понеже на концы гроба *бревно* печное лежаше. От гроба же пот печь бяше скважня, ею же гроб той ис пот пещья идяше на восток с сажень, дондеже пришед ста у стены церковныя. В ту же нощь мнози слышаху церкви тоя звон; и мнеша пожар, и прибегше, не видеша ничто же, точию благоухание исхождаше. И мнози слышаху, прихождаху, и мазахуся миром тем, и облехчение от различных недуг приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити перьсть ****, аки песок. И приходят болящии различними недуги, и обтираются песком тем, и облехчение приемлют и до сего дни. Мы же сего не смеяхом писати, яко же не бе свидетельства[11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Имеется в виду Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584).
2 *Пречистая* — постоянный эпитет Богоматери.
3 *Притвор* — здесь: сени.
4 *Пострел* — удар, апоплексия; здесь имеется в виду моровая язва, чума.
5 *Сорокоуст* — «сорокодневная молитва в церкви по умершему» (Вл. Даль)

* случилось так, что над ее могилой поставили печь
** без настила
*** сказали
**** прах

[6] *Литургия* — см. примечание 5 к «Житию Феодосия Печерского».
[7] *Враг* — постоянный эпитет дьявола.
[8] Имеется в виду Борис Годунов (1598—1605).
[9] *Клеть* — холодная половина избы, отделенная от теплой сенями.
[10] *Теплая церковь* — церковь, отапливаемая зимой.
[11] То есть не было официального церковного расследования происходивших чудес исцеления.

Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков

Эта «Повесть», которая носит в науке название «поэтическая» (есть еще две повести об осаде Азова — «историческая» и «сказочная») представляет собой эмоциональное описание четырехмесячной осады Азова турками в 1641 г. Азовская крепость была в 1637 г. захвачена донскими казаками без ведома и согласия русского правительства. Через 4 года султан Ибрагим послал под Азов, где находилось около 5500 казаков, армию, насчитывающую около 250 000 человек, т. е. силы осаждающих в 45 раз превосходили силы осажденных. Казаки героически оборонялись в течение четырех месяцев, и неприятель был вынужден снять осаду. В январе 1642 г. в Москве был собран Земский собор, на котором решался вопрос об Азове. Опасаясь войны с Турцией, собор отказался принять Азов в русское подданство (Азов был присоединен к России лишь в 1696 г. при Петре I). Во время заседаний Земского собора и была написана «Повесть» как своеобразный призыв к царю Михаилу Федоровичу поддержать казаков в их борьбе с Турцией.

Автором «Повести» считают одного из участников казачьего посольства в Москву — Федора Ивановича Порошина, войскового подьячего (начальника войсковой канцелярии), в прошлом беглого холопа. Федор Порошин широко использовал в своем произведении образы и мотивы древнерусских воинских повестей и казачьего фольклора.

Текст печатается по изданию: ПЛДР. 10. С. 139—154.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Лета 7150 (1641) октября в 28 день приехали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа России к Москве з Дону из Азова города донские казаки: атаман казачей Наум Василев да ясаул Федор Иванов[1]. А с ним казаков 24 человека, которые сидели в Азове городе от турок в осаде. И сиденью своему осадному привезли оне роспись. А в росписи их пишет.

В прошлом-де, во 149-м году июня въ 24 день прислал турской Ибрагим салтан царь под нас, казаков, четырех пашей своих, да дву своих полковниковъ, Капитана да Мустафу, да ближние своей тайные *думы*, покою своего слугу да Ибремя-скопца над ними уже пашами смотрети вместо себя, царя, бою их и промыслу, как станут промышлять паши его и полковники над Азовым городом. А с ними пашами прислал под нас многую свою собранную рать бусурманскую, совокупя на нас подручных своих двенатцать земель воинских людей, *переписаной* своей рати. По *спискам*, боевого люду двести тысящей, окроме поморских и кафимских и черных мужиков[2], которые на сей стороне моря собраны изо всей

орды крымские и нагайские на загребение наше[3], чтобы нас им живых загрести, засыпати бы нас им горою высокою, как оне загребают люди персидские. А себе бы им и тем смертию нашею учинить слава вечная, а нам бы укоризна вечная. Тех собрано людей на нас черных мужиков многия тысящи, и не бе числа им и писма *. Да к ним же после пришел крымский царь, да брат ево народым Крым-Гирей царевичь со всею своею ордою крымскою и ногайскою, а с ним крымских и ногайских князей и мурз и татар ведомых, окроме охотников **, 40 000. Да с ним, царем, пришло горских князей и черкас ис Кабарды 10 000. Да с ними жъ, пашами, было наемных людей и у них немецких[4] два полковника, а с ними солдат 6000. Да с ними жъ, пашами, было для промыслов над нами многие немецкие люди городоимцы[5], приступные и подкопные мудрые вымышленники многих государств: из Реш еллинских и Опанеи великия[6], Винецеи великие и Стеколни[7] и французски наршики[8], которые делеть умеют всякие приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненыя. Наряду[9] было с пашами пушок под Азовым великих болших ломовых 129 пушек. Ядра у них были великия в пуд, в полтара и в два пуда. Да мелкова наряду было с ними всех пушек и тюфяков[10] 674 пушки, окроме верховых пушек[11] огненных, тех было верховых 32 пушки. А весь наряд был у них покован на цепях, боясь того, чтоб мы, на выласках вышед, ево не взяли. А было с пашами турскими людей ево под нами розных земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые серби, пятые арапы, шестые мужары, седмые буданы, осмые башлаки, девятые арнауты, десятые волохи, первые на десять митьяня, второе на десять черкасы[12], третие на десять немцы. И всего с пашами людей было под Азовым и с крымским царем по спискам их браново ратного мужика, кроме вымышлеников немец и черных мужиков и охотников, 256 000 человек.

А збирался турской царь на нас за морем и думал ровно четыре годы. А на пятой год он *пашей* своих к нам под Азов прислал.

Июня в 24 день в ранней самой обед пришли к нам паши его и крымской царь и наступили они великими турецкими силами. Все наши поля чистые от орды нагайския *изнасеяны*. Где у нас была степь чистая, тут стали у нас однем часом, людми их многими, что великия непроходимыя леса темные. От силы их турецкие и от уристания *** конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у нас из Дону вода волны на берегу показала, уступила мест своих, что в *водополии* ****. Почали оне, турки, по полям у нас ставитца шатры свои турецкие и полатки многие и наметы великие, яко горы страшные забелелися. Почали у них в полках их быть трубли болшие в трубы великия, игры многия, писки великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрелба мушкетная и пушечная

* счета
** добровольцев
*** скакания
**** в половодье

великая. Как есть стояла над нами стѣшная гроза небесная, будто молние, коль страшно гром живет * от владыки с небесе. От стрелбы их той огненной стоял огнь и дым до неба, все наши градские крепости потряслися от стрелбы их огненные, и солнце померкло во дни том светлое, в кровь обратилось, как есть наступила тма темная. Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно несказанно на их строиной приход бусурманской было видети. Никак непостижимо уму человеческому в нашем возрасте того было услышати, не токмо что такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети. Близостию самою оне к нам почали ставитца за полверсты малыя от Азова города. Их янычарскя[13] головы ** строем их янычерским идут к нам оне под город великими болшими полки и купами на шеренки. Многия знамена у них, всех янычен ***, великие, неизреченные, черные бе знамена. Набаты у них гремят, и в трубы трубят, и в барабаны бъют в великия ж несказанныя. Двенатцать их голов яныческих. И пришли к нам самою близостию к городу стекшися. Оне стали круг города до шемпова в восм рядов от Дону, захватя до моря рука за руку. Фитили у них у всех янычар кипят у мушкетов их, что свечи горят. А у всякого головы в полку янычаней по двенатцати тысящей. И все у них огненно, и платье на них, на всех головах яныческих, златоглавое, на янычанях на всех по збруям их одинакая красная, яко зоря кажется. Пищали у них у всех долгие турские з жаграми[14]. А на главах у всех янычаней шишаки[15], яко звезды кажутся. Подобен строй их строю салдацкому. Да с ними ж тут в ряд стали немецких два полковника с салдатами — в полку у них солдат 6000.

Того же дни на вечер, как пришли турки к нам под город, прислали к нам паши их турецкие толмачей своих бусурманских, *перских* и еллинских ****. А с ними, толмачами, прислали говорить с нами яныченскую голову первую от строю своего пехотного. Почал нам говорить голова их янымеской словом царя своего турского и от четырех пашей и от царя крымского речью гладкою:

«О люди Божии царя небесного, никем в пустынях водимы или посылаеми! Яко орли парящи, без страха по воздуху летаете, и яко лви свирепи в пустынях водимы, рыкаете! Казачество донское и волское *****, свирепое! Соседи наши ближние! Непостоянные нравы, лукавые! Вы пустынножителем лукавые убицы, разбойницы непощадные! Несытые ваши очи! Неполное ваше чрево, николи не наполнится! Кому приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турского. Не впрям еще вы на Руси богатыри светорускиe? Где вы тепере можете утечи от *руки* ево? Прогневали вы *Мурат* салтанова величества[16], царя *турского. Убили вы у него*

* бывает
** полковники, полководцы
*** янычар
**** греческих
***** волжское

посла ево турского Фому Катузина[17]*, съ ним побили вы армен и греченин. А послан он был к государю вашему.* Да вы ж взяли у нево любимою ево цареву вотчину, славной и красной Азов город. Напали вы на него, аки волцы гладные. Не пощадили вы в нем никакова мужичска *возраста* ни *старова* жива, и детей побили всех до единова. И положили вы тем на себя лютое имя звериное. *Разделили* государя царя турскаго со всею ево ордою крымскою воровством своим и тем Азовым городом. А та у него орда крымская — оборона ево на все стороны. Страшная вторая: разлучили вы его с карабелним пристанищем. Затворили вы им Азовым городом все море Синее; не дали проходу по морю ни караблям ни катаргам[18] ни в которое царство, поморские городы. Согрубя вы такую грубость лютую, чего конца в нем своего дожидаетесь? Очистите вотчину Азов город в ночь сию не мешкая. Что есть у вас в нем вашего серебра и злата, то понесите из Азова города вон с собою в городки свои казачьи, без страха, к своим товарищам. А на отходе ничем не тронем вас. А естли толко вы из Азова города в нощ сию не выйдете, не можете уж завтра у нас живы быти. И кто вас может, злодеи убицы, укрыть или заступить от руки ево *такие* силные и от великих таких страшных и непобедимых сил его, царя восточного турского? Хто постоит ему? Несть никово равна или ему подобна величеством и силами на свете! Единому лише повинен он Богу небесному. Един он лишь верен страж гроба Божия! По воле жъ Божие избра ево Бог единаго на свете ото всех царей. Промышляйте в нощ сию животом своим *. Не умрете от руки ево, царя турскаго, смертию лютою. Своею он волею великой государь восточной, турской царь, не убийца николи вашему брату, вору, казаку-разбойнику. Ему то, царю, честь достойная, что победит где царя великого, равнаго своей чести, а ваша ему не дорога кров разбойничья. А естли уже пересидитие в Азове городе нощ сию чрез цареву такую милостивую речь и *заповеть, примем* завтра град Азов и вас в нем воров-разбойников, яко птицу в руце свои. Отдадим вас,воров, на муки лютые и грозные. Раздробим всю плоть вашу на крошки дробные. Хотя бы вас, воров в нем сидело 40 000, ино силы под вас прислано с пашами болши 300 000! Волосов ваших столко нет на главах ваших, *сколко* силы турския под Азовом городом. Видите вы и сами, воры глупые, отчима своима силу ево великую, неизреченную, как оне покрыли всю степь великую! Не могут, чаю, с высоты города очи ваши видеть другова краю сил наших, однех писмяньих **. Не прелетит через силу нашу турецкую накакова птица парящая: от страху людей ево и от множества сил наших валитца вся с высоты на землю! И то вам, вором, дает ведать, что от царства вашего силнаго Московскаго никаков от человек к вам не будет руских помощи и выручки. На што вы надежны, воры глупые? И запасу хлебного с Руси николи

---

* так спасайте нынешней ночью жизнь свою

** сосчитанных

к вам не присылают. А естли толко вы служить похочете, казачество свирепое, государю царю волному рать салтанову величеству, толко принесете ему, царю, винные * свои головы разбойничьи в повиновение на службу вечную. Отпустит вам государ наш турецкой царь и паши ево все ваши казачьи грубости прежние и нынешное взятье азовское. Пожалует наш государь, турецкой царь, вас, казаков, честию великою. Обогатит вас, казаков, он, государь, многим неизреченным богатством. Учинит вам, казаком, он, государь, во Цареграде у себя покой великий. Во веки положит на вас, на всех казаков, платье златоглавое и печати богатырские з золотом, с царевым клеймом своим. Всяк возраст вам, казаком, в государеве ево Цареграде будут кланятся. *Станет* то ваша казачья слава вечная во все краи от востока и до запада. Станут вас называть во веки все орды бусурманские, и енычены, и персидские, светорускими богатыри, што не устрашилися вы, казаки, такими своими людми малыми, с семью тысящи, страшных таких непобедимых сил царя турского — 300 000 писмянных. Дождалися их вы к себе *полкы* под город. Каков пред вами, казаками, славен и силен и многолюден и богат шах, персицкой царь. Владеет он всею великою Персидою и богатою Индеею; имеет у себя рати многия, яко наш государь турецкой царь. И тот шах, персидской царь, впрям не стоит николи на поле противу силного царя турскаго. И не сидят люди ево персидские противу нас, турок, многими тысящи в городех своих, ведая оне наше свирепство и бестрашие».

Ответ наш казачей из Азова города толмачем и голове яныческому:

«Видим всех вас и до *сех* мест про вас ведаем же, силы и пыхи ** царя турского все знаем мы. И ведаемся мы с вами, турскими, почасту на море и за морем на сухом пути. Знакомы уж нам ваши силы турецкие. Ждали мы вас въ гости к себе под Азов дни многие. Где полно ваш Ибрагим, турской царь, ум свой девал? Али у нево, царя, не стало за морем серебра и золота, что он прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов[19] наших, четырех пашей своих, а с ними, сказывают, что прислал под нас рати своея турецкия 300 000. То мы и сами видим впрямь и ведаем, что есть столко силы ево под нами, с триста тысящ люду боевого, окроме мужика черново. Да на нас же нанял он, ваш турецкой царь, ис четырех земель немецких салдат шесть тысячь да многих мудрых подкопщиков, а дал им за то казну свою великую. И то вам, турком, самим ведомо, што с нас по се поры нихто наших зипунов даром не имывал. Хотя он нас, турецкой царь, и взятьем возьмет в Азове городе такими своими великими турецкими силами, людми наемными, умом немецким, промыслом, а не своим царевым *дородством* и разумом, не болшая то честь будет царя турского имяни, что возмет нас, казаков, в Азове

* повинные
** угрозы

городе. Не изведет он тем казачья прозвища, не запустиет Дон головами нашими. На взыскание наше* молотцы з Дону все будут. Пашам вашим от них за море итти! Естли толко нас избавит Бог от руки ево силныя такия, отсидимся толко от вас в осаде в Азове городе от великих таких сил его, от трехсот тысящей, людми своими такими малыми (всево нас казаков во Азове сидит отборных оружных 7590), — соромота ему будет царю вашему вечная от ево братии и от всех царей. Назвал он сам себя, будто он выше земных царей. А мы люди Божии, надежа у нас вся на Бога, и на мать Божию Богородицу, и на их угодников, и на свою братью товарыщей, которые у нас по Дону в городках живут. А холопи мы природные государя царя христианскаго царства Московского. Прозвище наше вечное — казачество великое донское безстрашное. Станем с ним, царем турским, битца, что с худым свиным наемником. Мы себе, казачество волное, укупаем смерть в живота места. Где бывают рати ваши великия, *тут ложатся* трупы многия. Ведомы мы людии — не шаха персидского. Их то вы, что жонок *засыпаете* в городех их горами высокими. Хотя нас, казаков, сидит сем тысящей пятьсот девяносто человек, а за помощию Божиею не боимся великих ваших царя турского трехсот тысящей и немецких промыслов. Гордому ему бусурману, царю турскому, и пашам вашим Бог противитца за ево такие слова высокие. Равен он, собака смрадная, ваш турской царь, Богу небесному пишется. Не положил он, бусурман поганой и скаредной, Бога себе помощника. Обнадежился он на свое великое тленное богатство. Вознес сотона, отец ево, гордостию до неба, а пустит ево за то Бог с высоты в бездну вовеки. От нашей ему казачьей руки *малыя* соромота ему будет вечная, царю. Где ево рати великия топеря в полях у нас ревут и славятца**, завтра тут лягут люди ево от нас *под* градом и трупы многия. Покажет нас Бог за наше смирение христианское перед вами, собаками, яко лвов яростных. Давно у нас в полях наших летаючи, а вас ожидаючи, хлекчут орлы сизые и грают вороны черные, подле Дону у нас всегда брещут лисицы бурые, а все они ожидаючи вашево трупу бусурманского. Накормили вы их головами вашими, как у турского царя Азов взяли, а топере им опять хочется плоти вашея, накормим уж их вами досыти. Азов мы взяли у нево царя турского не татиным*** веть промыслом, — впрям взятьем, дородством своим и разумом для опыту, каковы ево люди турецкие в городех от нас сидеть. А сели мы в нем людми малыми ж, розделясь нароком надвое, для опыту, посмотрим турецких сил ваших и умов и промыслов. А все то мы применяемся къ Ерусалиму и Царюграду. Лучитца нам так взять у вас Царьград. То царство было христианское. Да вы ж нас, бусурманы, пужаете, что с Руси не будет к нам запасов и выручки, будто к вам, бусурманом, из государьства Московского про нас то писано. И мы про то сами ж и без вас, собак, ведаем: какие мы

* вместо нас
** бахвалятся
*** воровским

в государстве Московском на Руси люди дорогие и к чему мы там надобны! Черед мы свой с вами ведаем. Государство великое и пространное Московское многолюдное, сияет оно посреди всех государств и орд бусурманских и *еллинских* и персидских, яко солнце. Не почитают нас там на Руси и за пса смердящаго. Отбегохом мы ис того государства Московского из работы вечныя, от холопства полного, от бояр и дворян государевых, да зде вселилися в пустыни непроходные. Живем, взирая на Бога. Кому там потужить об нас, ради там все концу нашему! А запасы к нам хлебные не бывают с Руси николи. Кормит нас, молотцов, небесный царь на поле своею милостию, зверьми дивиими * да морскою рыбою. Питаемся, яко птицы небесные: ни сеем, ни орем **, ни збираем в житницы. Так питаемся подле моря Синяго. А серебро и золото за морем у вас емлем. А жены себе красные любые, выбираючи, от вас же водим.

А се мы у вас взяли Азов город своею казачьею волею, а не государьским повелением, для *зипунов* своих казачьих да для лютых *пых ваших* ***. И за то на нас государь наш, холопей своих далних, добре кручиноват. Боимся от него, государя царя, за то казни к себе смертныя за взятье азовское. И государь наш, великой, пресветлой и праведной царь, великий князь Михайло Феодорович всеа Русии самодержец, многих государьств и орд государь и обладатель. Много у него, государя царя, на великом холопстве таких бусурманских царей служат ему, государю царю, как ваш Ибрагим турской царь, *коли* он, государь наш, великой пресветлой царь, чинит по преданию святых отец, не желает разлития крове вашея бусурманския. Полон государь и богат от Бога жъ данными своими и царскими оброками и без вашего смраднаго бусурманского и собачья богатства. А естли на то было тако ево государское повеление, восхотел бы толко он, великой государь, кровей ваших бусурманских разлития и городам вашим бусурманским разорения за ваше бусурманское к нему, государю, неисправление ****, хотя бы он, государь наш, на вас на всех бусурманов велел быть войною своею украиною, которая сидит у него, государя, от Поля[20], от орды нагайские, ино б и тут собралося людей ево государевых руских с одной ево украины болши легеона тысящи *****! Да такие ево государевы люди руские украинцы, что оне подобны на вас и алчны вам, яко лвы яростные, хотят поясть живу вашу плоть бусурманскую. Да держат их и не повелит им на то ево десница царская, и в городех во всех под страхом смертным за царевым повелением держат их воеводы государевы. Не скрылся бы ваш Ибрагим, царь турской, от руки ево государевой и от жестокосердия людей ево государевых и во утробе матери своей — и оттуду бы ево, распоров, собаку, выняли

* дикими
** пашем
*** да за лютые ваши высокомерные угрозы
**** непослушание
***** несчетное множество

да пред лицем царевым поставили. Не защитило бы ево, царя турского, от руки ево государевой и от ево десницы высокие и море бы Синее, не удержало людей ево государевых! Было бы за ним, государем, однем летом Ерусалим и Царьгород попрежнем, а в городех бы турецких во всех ваших не устоял и камень на камени от промыслу руского. Вы ж нас зовете словом царя турского, чтоб нам служить ему, царю турскому, а сулите нам от него честь великую и богатство многое. И мы люди Божии, холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению християня православные. Как можем служить царю неверному! Оставя пресветлой свет здешной и будущей, во тму итти не хочетца! Будет мы ему, царю турскому, в слуги толко надобны, и мы, отсидевся и одны от вас и от сил ваших, побываем у него, царя, за морем, под ево Царемъградом, посмотрим ево Царяграда строения, кровей своих; там с ним, царем турским, переговорим речь всякую, лишь бы ему наша казачья речь полюбилась! Станем ему служить пищалями казачьими да своими саблями вострыми! А топерво нам говорить не с кем, с пашами вашими. Как *предки* ваши, бусурманы, учинили над *Царемградом* — взяли ево взятьем! Убили в нем государя, царя храброго Костянтина благовернаго[21]. Побили християн в нем многие тысящи-тмы. Обагрили кровию нашею християнскою все пороги *церковныя*, до конца искоренили *всю* веру християнскую. Так бы нам над вами учинить нынече с обрасца вашего! Взять бы его, Царьград, взятьем из рук ваших. Убить бы против того в нем вашего Ибрагима, царя турского, и со всеми вашими бусурманы, пролить бы так ваша кровь бусурманская нечистая. Тогда бы то у нас с вами мир был в том месте. А тепере нам и говорить с вами болше того нечего, что мы твердо ведаем.

А что вы от нас слышите, то скажите речь нашу пашам своим. Нелзя нам мирится или верится бусурману с християнином. Какое преобращение! Християнин побожится душею християнскою, да на той он правде век стоит. А ваш брат, бусурман, побожится верою бусурманскою, а вера ваша бусурманская и житье ваше татарское равно з бешеною сабакою. Ино чему вашему брату-собаке верити! Ради мы вас завтра подчивать, чем у нас молотцов в Азове Бог послал. Поезжайте от нас к своим глупым пашам, не мешкая. А опять к нам с такою глупою речью не ездите. Оманывать вам нас, ино даром лише дни терять! А кто к *нам* от *вас* с такою речью глупою опять впредь буде, тому у нас под стеною убиту быть! Промышляйте вы тем, для чего вы от царя турского к нам присланы. Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, людми немногими. А вы ево у нас ис казачьих рук доступаете * уже головами турецкими, многими своими тысещи. Кому-то из нас поможет Бог? Потерять вам под Азовым турецких голов своих многие тысящи, а не видать ево вам из рук наших казачьих и до веку. Нешто ево, отнявъ у нас, холопей своих,

---

* добиваетесь

государь наш царь и великий князь Михайло Феодорович, всеа России самодержец, да вас им, собак, пожалует по-прежнему, то уже ваш будет. На то ево воля государева!»

Как от Азова города голова и толмачи приехали в силы своя турецкия к пашам своим, и начаша в рати у них трубить в трубы великия собранные. После той их трубли почали у них *бить* в грамады[22] их великия и набаты *и в роги и в цебылги** почали играть добре жалостно.

А все разбиралися оне в полках своих и строилися ночь всю до свету. Как на дворе в часу уже дни[23], почали выступать из станов своих силы турецкия. Знамена их зацвели на поле и прапоры, как есть по полю цветы многия. От труб великих и набатов их пошол неизреченной звук дивен и страшен.

Приход их к нам под город. Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришел строй их весь пехотной яныческой — сто пятьдесят тысячь. Потом и орда их вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули стол смело и жестоко.

Приход их первой. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду. Покрыли на Азов город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многия по лесницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрелба из града осаднаго, до тех мест молчали им. Во огни уже и в дыму не *мочно* у нас видети друг друга. На обе стороны лише огнь да гром от стрелбы стоял, огнь да дым топился до небеси. Как то есть стояла страшная гроза небесная, коли бывает с небеси гром страшный с молнием. Которые у нас подкопы отведены были за город для их приступного времене, и те наши подкопы тайные все от множества их неизреченных сил не устояли, все обвалились, не удержала силы их земля. На тех то пропастях побито турецкия силы от нас многия тысящи. Приведен у нас был весь наряд на то место подкопное и набит был он у нас весь дробом сеченым. Убито у них под стеною города на приступе том в тот первой день турков шесть голов однех яныческих да два немецкия полковника со всеми своими салдатами съ шестью тысящи. В тот же день, вышед, мы вынесли болшое знаме на выласке, царя турскаго, с коим паши ево перво приступали к нам турские, тот первой день всеми людьми своими до самой уже ночи и зорю всю вечернюю. Убито у них в тот первой день от нас под городом, окроме шти** голов их яныческих и дву полковников, одных янычаней дватцать полтретьи тысящи***, окроме раненых.

На другой день в зорю светлую опять к нам турские под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их труп, который у нас побит под Азовом, под стеною города. А давали нам за всякую убитую яническу голову по золотому червонному, а за полковниковы головы давали по сту талеров. И войском за то не постояли им****, не взяли у них за

* цимбалы
** шести
*** двадцать две с половиной тысячи
**** не приняли их предложения.

битые головы серебра и золота: «Не продаем мы никогда трупу мертваго, но дорога нам слава вечная. То вам от нас из Азова города, собакам, игрушка первая. Лише мы молотцы ружье свое почистили, Всем то вам, бусурманам, от нас будет! Иным нам вас нечем подчивать, дело у нас осадное!»

В тот другой день бою у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой труп до самой до ночи. Выкопали ему, трупу своему, глубокой ров от города три версты и засыпали ево тут горою высокою и поставили над ним многие признаки * бусурманские и подписаны на них языки розными.

После того в третей день опять оне к нам, турки, пришли под город со всеми своими силами, толко стали уже вдали от нас, а приступу к нам уже не было. Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной великой вал, выше многим Азова города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам, и мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, что от нее наша смерть будет, попрося у Бога милости и у пречистые Богородицы помощи и у Предотечина образа[24], и призывая на помощь чюдотворцы московские, и учиня меж себя мы надгробное последнее прощение друг з другом и со всеми христианы православными, малою своею дружиною седмью тысящи пошли мы из града на прямой бой противу их трехсот тысящ.

«Господь сотворитель, небесный царь, не выдай нечестивым создания рук своих! Видим оних сил пред лицем смерть свою лютую. Хотят нас живых покрыть горою высокою, видя пустоту ** нашу и безсилие, что нас в пустынях покинули все христиане православные, убоялися их лица страшнаго и великия их силы турецкия. А мы, бедныя, не отчаяли от себя твоея владычни милости, ведая твоя щедроты великия. За твоею Божиею помощию, за веру христианскую помираючи, бьемся противу болших людей трехсот тысячь и за церкви Божия, за все государьство Московское и за имя царское!»

Положа на себя все образы смертныя ***, выходили к ним на бой, единодушно все мы крикнули, вышед к ним: «С нами Бог! Разумейте, языцы неверные, и покоритеся, яко с нами Бог!»

Услышали неверные изо уст наших то слово, что с нами Бог, не устоял впрям ни один против лица нашего, побежали все и от горы своей высокия. Побили мы их в тот час множество, многия тысящи. Взяли мы у них в те поры на выходу, на том бою у той горы, шеснатцать знамен одних яныческих да дватцать восм бочек пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокую, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побило ею многия тысящи, и к нам их янычаня тем нашим подкопом живых их в город кинуло тысячу пятсот человек! Да уж мудрость земная их с тех мест миновалася. Повели уже они другую гору позади ее,

* надгробия
** малочисленность
*** исполнив все обряды предсмертные

болши тово. В длину ее повели *лучных* стрелбища в три, а в вышину многим выше Азова города, а широта ей — как бросить на нее дважды каменем. На той то уже горе оне поставили весь наряд свой пушечной и пехоту привели всю свою турецкую, сто пятьдесят тысячь, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почели с той горы из наряду бить оне по Азову городу день и нощ беспрестанно. От пушек их *страшный* гром стал, огнь и дым топился от них до неба. Шеснадцать дней и шеснатцать нощей не премолк наряд их ни на единой час пушечной. В те дни и нощи от стрелбы их пушечной все наши азовские крепости распалися, — стены и башни все и церковь Предтечева и полаты збили все до единые у нас по подошву самую.

А и наряд наш пушечной переломали *весь*. Одна лише у нас во всем Азове городе церков Николина в *полы** осталась, потому и осталася, што она стояла внизу добре, к морю под гору. А мы от них сидели по ямам. Всем выглянут нам из ям не дали. И мы в те поры зделали себе покои великия в земле под ними, под их валом, дворы себе потайные великие. И с тех мы потайных дворов своих под них повели 28 подкопов, под их таборы. И тем мы подкопами учинили себе помощ, избаву великую. Выходили ношною порою на их пехоты янычана, и побили мы множество. Теми своими выласками нощными на их пехоту турецкую положили мы на них великой страх, и урон болшой учинили мы в людех их. И после того паши турецкия, глядя на наши те подкопные мудрые осадные промыслы, повели уже к нам напротиву из своего табору сем подкопов своих. И хотели оне к нам теми подкопами *проити* в ямы наши, да нас подавят своими людми велими. И мы милостию Божиею устерегли все те подкопы их, порохом всех их взорвало, и их же мы в них подвалили многие тысящи. И с тех то мест подкопная их мудрость *вся* миновалась. Постыли уже им те подкопные промыслы.

А было всех от турок приступов к нам под город Азов 24 *приступа* всеми людьми. Окроме болшова приступа первого, такова жестоко и смела приступу не бывало к нам. Ножами мы с ними резались в тот приступ. Почали к нам уж оне метать въ ямы наши ядра огенные чиненые и всякие немецкие приступные мудрости. Тем нам они чинили пуще приступов тесноты ** великие. Побивали многих нас и опаливали. А после тех ядр уж огненных, вымысля над нами умом своим, отставя же они все свои мудрости, почали оне нас осиливать и доступать прямым боем своими силами.

Почали они к нам приступу посылать на всяк день людей своих, яныченя. По десяти тысящей приступает к нам целой день до нощи, и нощ придет, на перемену им придет другая десять тысящ. И те уж к нам приступают нощ всю до свету. Ни часу единого не дадут покою нам. А оне бъются с переменою день и нощ, чтобы тою истомою осилеть нас. И от такова их к себе зла

* наполовину
** утеснения, неприятности

и ухищренного промыслу, от *бессония* и от тяжких ран своих, и от всяких лютых нужд, и от духу смрадного труплова отяхчели мы все и изнемогли болезньми лютыми осадными. А все в мале дружине своей уж остались, переменитца некем, ни на единый час отдохнуть нам не дадут. В те поры отчаяли уже мы весь живот свой и в Азове городе и о выручке своей безнадежны стали от человек, толко себе и чая помощи от вышняго Бога. Прибежим, бедные, к своему лиш помощнику — Предотечеву образу. Пред ним, светом, росплачемся слезами горкими: «Государь-свет помощник наш, Предотеча Иван, по твоему, светову, явлению разорили мы гнездо змиево, взяли Азов город. Побили мы в нем всех християнских мучителей, идолослужителей. Твой, светов, и Николин дом очистили, и украсили мы ваши чудотворные образы от своих грешных и недостойных рук. Бес пения у нас по се поры перед вашими образы не бывало. А мы вас, светов, прогневали чем, что опять идете в руки бусурманские? На вас мы, светов, надеяся, в осаде в нем сели, оставя всех своих товарыщев. А топере от турок видим впрям смерть свою. Поморили нас безсонием; дни и нощи безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулися, и руки наши от обороны уж не служат нам, замертвели. Уж от истомы от истомы очи наши не глядят, уж от беспрестанной стрелбы глаза наши выжгли, в них стреляючи порохом. Язык уш наш во устнах наших не воротитца на бусурман закрычать. Таково наше безсилие: не можем в руках своих никакова оружия держать! Почитаем мы уж себя за мертвой труп. З два дни, чаю, уже не будет в осаде сидения нашего. Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными, и со всеми християны православными: не бывать уж нам на святой Руси! А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за веру християнскую, и за имя царское, и за все царство Московское». Почали прощатися:

«Прости нас, холопей своих грешных, государь наш православной царь Михайло Федоровичь всеа Русии! Вели наши помянуть души грешныя! Простите, государи, вы патриархи вселенские! Простите, государи, все митрополиты, и архиепископы, и епископы! И простите все архимандриты и игумены! Простите, государи, все протопопы, и священницы, и дьяконы! Простите, государи, все християня православные! И поминайте души наши грешные с родительми! Не позорны ничем государьству Московскому! Мысля мы, бедныя, умом своим, чтобы умереть не въ ямах нам и по смерти бы учинить слава добрая».

Подняв на руки иконы чюдотворныя — Предотечеву и Николину — да пошли с ними против бусурман на выласку. Их милостию явною побили мы их на выласке, вдруг *вышед*, шесть тысящей. И, видя то, люди турецкия, што стоит над нами милость Божия, што ничем осилеть недоумеют нас, с тех то мест не почали уж присылать к приступу к нам людей своих. От тех смертных ран и от истомы их отдохнули в те поры.

После тово бою, три дни оне погодя, опять их толмачи почали к нам кричать, чтобы им говорити с нами. У нас с ними уж речи не было, потому и язык наш от истомы нашей во устах наших не

воротится! И оне к нам на стрелах почали ерлыки * метать. А в них оне пишут к нам, просят у нас пустова места азовского. А дают за него нам выкупу на всякого молотца по триста тарелей ** сребра чистаго да по двести тарелей золота красного. «А в том вам паши наши и полковники сердитуют *** душею турскою, веть што ныне на отходе ничем не тронут вас. Подите с серебром и з золотом в городки свое и к своим товарыщем, а нам лише отдайте пустое место азовское».

А мы к ним напротиву пишем: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, у нас в Азове и на Дону своево много. То нам, молодцам, дорого надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкия. Сперва мы сказали вам: дадим мы вам про себя знать и ведать паметно на веки веков. *Во все* краи бусурманские штобы вам было казать, пришед от нас, за морем царю своему турскому глупому, каково приступать х казаку рускому. А сколко вы у нас в Азове городе разбили кирпичу и камени, столко уж взяли мы у вас турецких голов ваших за порчу азовскую. В головах ваших да костях ваших складем Азов город лутче прежнева! Протечет наша слава молодецкая во веки по всему свету, что складем городы в головах ваших. Нашол ваш турецкой царь себе позор и укоризну до веку. Станем с нево имать по всякой год уж *вшестеро*». После тово уж нам от них полехчело, приступу уж не бывало к нам. Сметился в своих силах, што их под Азовым побито многие тысящи.

А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от нас люди искусные в осаде то видели во сне, и вне сна, ово **** жену прекрасну и светлолепну, на воздусе стояще посреди града Азова, ини — мужа древна власы *****, в светлых ризах, взирающи на полки бусурманския. Ино та нас *мать Божия Богородица* не предала в руце бусурманския, и на них нам помощ явно дающе, вслух нам многим *глаголюще* умилным гласом: «Мужайтеся, казаки, а не ужасайтеся! Сей бо град Азов от беззаконных агарян[25] *зловерием* их обруган ******, и суровством их нечестивым престол Предотечин и Николин осквернен. Не токмо землю в Азове или престолы оскверниша, но и воздух над ним отемниша, торжище тут[26] и мучителство христианское учиниша, разлучаша мужей от законных жен, сыны и дщери разлучаху от отцов и от матерей. И от многово того плача и рыдания земля вся христианская от них стонаху. А о чистых девах и о непорочных вдовах и о сущих младенц безгрешных и уста моя не могуть изрещи, на их обругания смотря. И услыша Бог моления их и плач. Виде создание рук

---

* записки
** талеров
*** присягают
**** одни
***** седовласого
****** поруган

своих, православных христиан, зле погибающе, дал вам на бусурман отомщение, предал вам град сей и их в руце ваши. Не рекут нечестивыи: «Где есть Бог ваш христиански?» и вы, братие, не пецытеся, отжените весь страх от себя, не пояст вас никой бусурманской мечь *. Положите упование на Бога, приимите венец нетленно от Христа, а души ваши примет Бог, имате царствовати со Христом во веки».

Атаманы многие ж видели от образа Иванна Предотечи течаху от очей ево слезы многия по вся приступы. А первой день, приступное во время, видех ломпаду полну слез от ево образа. А на *выласках* от нас из города все видеша бусурманы — турки, крымцы и нагаи — мужа храбра и млада в одеже *ратной*, с одним мечем голым на бою ходяще, множество бусурман побиваше. А наши не *видели*. Лишо мы противу убитому ** знаем, што дело Божие, а не рук наших: пластаны люди турецкие, а сечены наполы ***. Послана на них победа с небеси! И оне о том нас, бусурманы, многажды спрашивали: «Хто от вас выходит из града на бой с мечем?» И мы им сказываем: «То выходят воеводы наши».

А всего нашего сидения в Азове от турок в осаде было июня зъ 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году. И всего в осаде сидели мы 93 дни и 93 нощи. А сентября въ 26 день в нощи от Азова города турецкие паши с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету, возмятясь окаянные и вострепетась, побежали, никем нами гоними. С вечным позором пошли паши турецкие к себе за море, а крымской царь пошол в орду к себе, черкасы пошли на Кабарду свою, нагаи пошли в улусы[27] все. И мы, как послышали отход их ис табаров, ходило нас, казаков, в те поры на таборы их тысяча человек. А взяли мы у них в таборех в тое пору языков, турок и татар живых, четыреста человек, а болних и раненых застали мы з две тысящи.

И нам тея языки в роспросех и с пыток говорили все единодушно, отчево в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами. «В нощи в той с вечера было нам страшное видение. На небеси, над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженые, а грозятся *на* наши полки бусурманские. В те поры мы *их* всех узнали. И тою нощию страшные воеводы азовские *во одежде ратной* выходили на бой в приступы наши из Азова города. Пластали нас и в збруях **** наших надвое. От тово-то страшново видения *бег пашей турецких и царя крымского с таборов*».

А нам, казакам, в ту же нощь, с вечера в виде се всем виде-

---

* И вы, братья, не скорбите, отгоните всякий страх от себя, не сразит вас никакой басурманский меч.

** по убитым

*** надвое

**** доспехах

лось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древны. На одном — одежда иерейская, а на другом — власяница мохнатая. А указывают нам на полки бусурманские, а говорят нам: «Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис табор. И пришла на них победа Христа, сына Божия, с небес от силы Божия».

Да нам же сказывали языки те про изрон людей своих, что их побито от рук наших под Азовом городом. Письмяново люду побито однех у них мурз и татар, янычен их, девяносто шесть тысящ, окроме мужика черного и охотника тех янычан. А нас всех казаков в осаде село в Азове толко 7367-м человек. А которые осталися мы, холопи государевы, и от осады той, то все переранены, нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидечи, за имя Божие и за веру християнскую. А топере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси просим милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в городках своих живут, холопей своих чтобы пожаловал и чтобы велел у нас принять с рук наших ту свою государеву вотчину — Азов город, для светого Предотечина и Николина образов, и што им, светом, годно тут. Сем Азовым городом заступит он, государь, от войны всю свою украину, не будет войны от татар и во веки, как сядут в Азове городе.

А мы, холопи ево, которые осталися у осаду азовския силы, все уже мы старцы увечные, с промыслу и з бою уже не будет нас. А се обещание всех нас Предотечева образа: в монастыре ево постричися, принять образ мнишески. За него, государя, станем Бога молить до веку и за ево государьское благородие. Ево то государьскою обороною оборонил нас Бог, верою, от таких великих турецких сил, а не нашим то молодецким мужеством и промыслом. А буде государь нас, холопей своих далних, не пожалует, не велит у нас принять с рук наших Азова города, заплакав, нам ево покинути! Подимем мы, грешные, икону Предотечеву да и пойдем с ним, светом, где нам он велит. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у нас над нами будет игуменом. А ясаула пострижем, тот у нас над нами будет строителем *. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим от ево Предотечева образа, помрем все тут до единова. Будет во веки славна лавра Предотечева.

И после тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азов для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запасу, 20 000 пуд зелия **, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублев.

Нынешняго 150 году по прошению и по присылки турского Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Феодорович, пожаловал турского Ибрагима салтана-царя, велел донским атаманом и казаком Азов град покинуть.

---

* экономом монастыря

** пороха

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Наум Васильев руководил обороной Азова и возглавлял посольство в Москву; есаул Федор Иванов — Федор Порошин. Судьба Порошина сложилась трагически: царь Михаил Федорович щедро наградил всех участников казачьего посольства в Москву, а Федор Иванович Порошин был сослан в Сибирь.

[2]Подразумеваются подданные турецкого султана, жившие вдоль черноморского побережья и в крепости Кафа (Феодосия); «черными» назывались люди, жившие на государственной земле (не крепостные).

[3]*На загребение наше* — прием военной тактики турок: присыпание земляного вала на высоту крепостных стен осаждаемого города.

[4]*Немецкий* — принадлежащий к лицам германского происхождения (шведы, датчане и др.).

[5]*Городоимцы* — военные специалисты по осаде крепостей.

[6]Имеются в виду Греция и Испания.

[7]*Стеколна* — Стокгольм.

[8]*Наршики* — значение слова неясно.

[9]*Наряд* — орудия, артиллерия вообще.

[10]*Тюфяк* — пушка, стреляющая картечью.

[11]*Верховая пушка* — мортира: орудие с коротким стволом для навесной стрельбы.

[12]Перечисленные названия народностей идентифицируются не полностью. Кроме сходных с современными наименованиями, подлежат расшифровке: *мужары* — мадьяры, *арнауты* — албанцы, *волохи* — жители Валахии, *митьяня* — молдоване, *черкасы* — черкесы.

[13]*Янычары* — турецкая регулярная пехота, созданная в XIV в.

[14]*Жагры* — запальники у огнестрельного оружия.

[15]*Шишак* — боевой головной убор в виде суживающегося кверху шлема с шишкой наверху.

[16]Азов был захвачен в период правления султана Мурата IV.

[17]Имеется в виду турецкий посол Фома Кантакузин (грек, принявший мусульманство), убитый казаками в 1637 г.

[18]*Катарга* — особый вид гребного судна.

[19]*Зипун* — название верхней одежды; кроме того, в казачьем обиходе употреблялось в значении «военная добыча».

[20]*Полем* назывались как степные земли, так и живущие на этих землях народности.

[21]Имеется в виду погибший в 1453 г. при захвате Константинополя турками византийский император Константин XI Палеолог (1403—1453).

[22]*Грамады* — судя по контексту фразы, большие военные барабаны.

[23]В Древней Руси счет времени шел от восхода солнца (дневные часы) и после захода солнца (ночные часы). Здесь: через час после восхода солнца.

[24]Имеется в виду икона Иоанна Предтечи. Он считался покровителем донских казаков.

[25]*Агаряне* — слово имеет то же значение, что и слово «измаильтяне» (см. примечание 30 к «Сказанию о князьях Владимирских»): *Агарь* (см. примечание 5 к «Молению» Даниила Заточника) — мать Измаила. Здесь под агарянами подразумеваются турки.

[26] В Азове во времена владычества турок шла торговля русскими пленными.

[27]*Улус* — селение, область.

Повесть о Горе-Злочастии

«Повесть о Горе-Злочастии» — один из ярчайших литературных памятников XVII в., в котором отразилось новое отношение к человеческой личности. Автор не столько осуждает безвестного молодца, сколько сочувствует его горестной судьбе. В определенной степени это произведение отражает вечную тему разных литератур — проблему отцов и детей. Это типично книжное произведение очень близко к народным песням о Горе, отдельные места «Повести» носят былинный характер

(приход молодца на пир и его поведение на пиру). «Повесть» сохранилась в единственном списке XVII в. (Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Погодинское собр., № 1773).

Текст печатается по рукописи с учетом имеющихся публикаций.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин

Изволением Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя
от начала века человеческаго.
А в начале века сего тленнаго
сотворил *Бог* небо и землю,
сотворил Бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь Божественну:
не повелел вкушати плода винограднаго
от едемскаго * древа великаго.
Человеческое сердце немысленно и неуимчиво:
прелстилъся Адам со Еввою,
позабыли заповедь Божию,
вкусили плода винограднаго
от дивнаго древа великаго.
И за преступление великое
Господь Бог на них разгневался,
и изгнал Бог Адама со Еввою
из святаго раю из едемскаго,
и вселил их на землю на нискую,
благословил их раститися-плодитися
и от своих трудов велел им сытым быть, от земных плодов.
Учинил Бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческаго и для любимых детей.
Ино ** зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добру *убожливи* ***,
а на безумие обратилися
и учели жить в суете и в *неправде,*

* райского
** но
*** скудные на добро

в ечерине * великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них Господь Бог разгневался, —
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие ** злое, сопостатныя находы,
злую немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, въ беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учали, наказывать,
на добрыя дела наставлять:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы добрыя,
и хитрыя, и мудрыя,
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь въ бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины[1],
не садися ты на место бо́лшее,
не пей, чадо, двух чар за едину,
еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых красных жен,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное ***,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт ****,
не доспели бы ***** тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго ******.
Не ходи, чадо, х костарем[2] и корчемникам,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, зъ глупыми, немудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать, и неправду *учинить*.
Не прелщайся, чадо, на злато и сребро,
не збирай *богатства* неправаго,
не бу́ди по́слух[3] лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрыет Бог от всякого зла.

---

* в распре
** нищета
*** пустынное
**** одежд
***** не причинили бы
****** поношения бесчестного.

Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и *с* разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублев,
залез * он себе пятьдесят другов.
Честь его яко река текла.
Дру́говя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил *надежен* друг,
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речми прелесными **,
зазвал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей, ты братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие.
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова, —
я сяду стеречь и досматривать.
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему[4] сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, —
не хотелося ему друга ослушатца:
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился,
понадеялся он на брата названого.

---

* приобрел
** обманными

Как будет день уже до вечера,
а солнце не западе,
от сна молодец пробужаетца,
в те поры молодец озирается:
а что сняты с него драгие порты,
чары * и чулочки — все поснимано,
рубашка и портки — все слуплено **,
и вся собина *** у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою[5] кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белыи ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое.
Стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне Бог дал великое, —
ясти-кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полуденги,
так не стало ни друга не полдруга,
род и племя отчитаются,
все друзи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появитися
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит,
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чудным образом ****,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися,
ведет он все по писанному учению, —
емлют его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовый стол,
не в бо́лшее место, не в меншее, —

* башмаки
** украдено
*** собственность
**** иконам

садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные *.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя все похваляютца;
молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
а не пьет, ни ест он, ни тешитца,
и не чем на пиру не хвалитца.
Говорят молотцу люди добрыя:
«Что еси ты, доброй молодец,
зачем ты на пиру невесел седиш,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
ни пьешь ты, ни тешышся,
да ничем ты на пиру не хвалишся?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала,
или место тебе не по отчине твоей,
или *малые* дети тебя изобидили,
или глупыя люди немудрыя
чем тебе, молотцу, насмеялися,
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, седя, доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя!
Скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родителское,
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питие пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, —
благословение мне от них миновалося;
Господь Бог на меня разгневался
и на мою бедность вели великия
многия скорби неисцелныя
и печали неутешныя,
скудость и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изъсушила печаль мое лице и белое тело.
Ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясныя очи замутилися;
все имение ** и взоры *** у мене изменилися,
отечество **** мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя!
Скажите и научите,
как мне жить, на чюжей стороне, в чюжих людех,

* купеческие
** имущество
*** вид, облик
**** достоинство

и как залести мне милых другов?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«*Доброй* еси ты и разумный молодец!
Не буди ты спесив на чюжей стороне,
покорися ты другу и не́другу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявливай,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавыя *,
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей и ты с кротостию,
держися истинны с правдою, —
то тебе будет честь и хваля великая.
Первое тебе люди отведают **
и учнут тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милыя други,
названыя братья надежныя».
О оттуду пошел, пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи.
От великаго разума
наживал он живота *** болшы старова,
присмотрил невесту себе по обычаю —
захотелося молотцу женитися.
Средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу
и по Божию попущению,
а по действу дияволю, —
пред любовными своими гостми и други
и назваными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала живет человеку пагуба.
«Наживал-де я, молодец,
живота болши старова!»
Подслушало Горе-Злочастие
хвастанье молодецкое,
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатеством!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае ****,
и я их, Горе, перемудрило,

---

* хитрые увертки
** узнают
*** богатства
**** более искусные

учинися им злочастие великое,
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися,
не могли у меня, Горя, уехати,
и сами они во гроб вселились,
от мене накрепко они землю накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось
а злочастие на их въ могиле осталось.
Еще возграяло я, Горе,
к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не впусте же жить —
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгнонить.
А гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе-горинское:
«Как бы мне молотцу появитися?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молодцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой —
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное *,
надежи ** ты на себя гунку кабацкую,
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Злочастие останетца ***:
за нагим-то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось,
Горе архангелом Гавриилом молотцу
по-прежнему *явилося*,
еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота-безпроторица великая?
На себя что купить, то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь.
Да не бьют, не мучат нагих-босых
и из раю нагих-босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут ****,
да никто к нему не привяжется,

---

* купеческое
** надень
*** отстанет
**** не вытолкают

а нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появитися своим милым другом.
Пошел молодец на чужу страну, далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера,
миновался день до вечера, ни дообеднем,
не едал молодец ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, Злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною, —
уже три дни мне были нерадошны,
не едал я, молодец, ни полу куса хлеба.
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного,
уйду ли я, я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки
скоча Горе из-за камени:
босо-наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано.
Богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец,
меня, Горя, не уйдеш никуды!
Не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват, —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое,
и как тебе отец говорил,
и как тебе мати наказывала!
О чем * тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покоритися,
постыдился им поклонитися,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучу я, Горе злочастное,

---

* почему

не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покарятися».
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Горя, мудряя на сем свете,
и ты будеш перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неменучюю,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел-поскочил доброй молодец
по круту по красну по бережку,
по желтому песочику.
Идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие,
а сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец некручиноват
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрила, —
хорошо ли мое чадо в драгих портах?
А въ драгих портах чаду и цены нет!
Как бы до веку она так пророчила!
Ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату[6] без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю въ славе доброй.
Завечен[7] я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою» *.
Услышали перевощики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
а не взели у него перевозного,
напоили-накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ** ты с своими родители,

* головешкою
** попроси прощения.

со отцем и материю,
возми от них благословение родителское».
И оттуду пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе напередь зашло,
на чистом поле молотца въстретило,
учало над молодцем граяти,
что злая ворона над соколом.
Говорить Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалося,
хошь до смерти с тобою помучуся!
Не одно я, Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилныя,
а кто в семю к нам примешается,
ино тот между нами замучится,
такова у нас участь и лутчая.
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую».
Полетел молодец ясным соколом,
а Горе за ним белым кречатом.
Молодец полетел сизым голубем,
а Горе за ним серым ястребом.
Молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми *выжлецы* *
Молодец стал в поле ковыл-трава,
а Горе пришло с косою вострою,
да еще Злочастие над молотцем насмиялося:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
еще Горе злочастное насмеялося:
«Быть тебе, рыбонке, у бережку уловленой,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили
или с каменем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь,
и оттоле молодец в монастырь пошел постригатися,
а Горе у святых ворот оставается,
к молотцу впредь не привяжетца.

* собаками.

А сему житию конец мы ведаем.
Избави, Господи, вечныя муки,
а дай там, Господи, светлый рай.
Во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Братчина* — праздничный пир вскладчину.
[2] *Костарь* — игрок в кости.
[3] *Послух* — свидетель, дающий показания на суде.
[4] *Ишем* — хмельной напиток из меда.
[5] *Гуня* — верхняя ветхая одежда, обноски.
[6] *Скарлат* — название дорогой ткани.
[7] *Завеченный* — рожденный по заветному желанию, вымоленный у бога.

Повесть о Савве Грудцыне

«Повесть о Савве Грудцыне» написана в 70-х годах XVII в. В произведении отразились исторические события первой половины столетия и многие бытовые черты того времени. Однако это второстепенные, сопутствующие детали повествования. В центре произведения, как и в «Повести о Горе-Злочастии», — судьба молодого человека. Подобно молодцу из «Горя-Злочастия», Савва Грудцын, по молодости и неопытности попавший в зависимость от враждебной потусторонней силы, находит спасение в монастыре.

В «Повести» многие оценки и авторские трактовки различных ситуаций носят традиционный характер, отступления героя от принятых норм поведения, его любовная страсть, его забвение долга перед родителями объясняются дьявольским искушением, но вместе с тем произведение это впервые в древнерусской литературе развивает романическую тему повествования с отражением живых человеческих чувств. Характерно, например, что герой, охваченный любовной тоской, ищет утешение в общении с природой; страсть, охватившая Савву, вызвана «приворотным зельем», но переживания героя описаны автором сочувственно и жизненно. В «Повести» своеобразно переплетаются сказочные похождения Саввы с историческими событиями, в которых участвуют реальные исторические лица. Примечательно в этом отношении то, что и сам герой произведения носит имя известного в XVII в. богатого купеческого рода Грудцыных-Усовых. Сочетание в «Повести» романической темы с подробными описаниями быта и нравов Руси XVII в. дало основание ряду исследователей видеть в этом произведении опыт создания первого русского романа.

Текст печатается по изданию: Изборник. С. 609—625.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

Повесть зело пречудна и удивлению достойна, иже содеяшася во граде Казани некоего купца Фомы Грудцына о сыне его Савве

В лето от сотворения миру 7114 (1606) бысть во граде Велицем Устюзе[1] некто купец, муж славен и богат зело, именем и прослытием Фома Грудцын-Усовых. Видев бо гонение и мятеж велик на христианы в Российском государстве и во многих градех, абие * оставляет великий град Устюг и переселяется в понизовный

* быстро

славный царственный град Казань, зане в понизовых градех не бысть злочастивыя литвы.

И живяше той Фома з женою своею во граде Казани даже до лет благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича[2] всея России. Имея же у себя той Фома сына единородна, именем Савву, двоенадесятолетна возрастом. *Обычай же имея той Фома куплю деяти, отъезжая вниз Волгою рекою, овогда ** к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда же за Хвалынское[3] море в Шахову область[4] отъезжая, куплю творяще. Тому же и сына своего Савву поучяще и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его.

По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на куплю в Шахову область и обычныя струги с таваром к плаванию устроившу, сыну же своему, устроив суды со обычными тавары, повелевает плыти к Соли Камской и тако купеческому делу со всяким опасением прилежати повелеваше. И абие обычное целование подаде жене и сыну своему, пути касается.

Малы же дни помедлив, и сын его на устроенных *** судех по повелению отца своего к Соли Камской плавание творити начинает. Достигшу же ему усолскаго града Орла[5], абие приставает ко брегу и по повелению отца своего у некоего нарочита человека в гостиннице обитати приставает. Гостинник **** же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немало прилежание и всяко благодеяние творяху ему и яко о сыне своем всяко попечение имеяху о нем. Он же пребысть в гостиннице оной немало время.

В том же граде Орле бысть некто мещанин града того, именем и прослытием Бажен Второй, уже бо престаревся в летех и знаем бяше во многих градех благондравнаго ради жития его, понеже и богат бе зело и попремногу знаем и дружен бе Саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведев ***** же Бажен Второй, яко ис Казани Фомы Грудцына сын его во граде их обретается, и помыслив в себе, яко «отец его со мною многу любовь и дружбу имеяше, аз же ныне презрех его, но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моея».

И сия помыслив, усмотря некогда того Савву путем грядуща и, призвав его, начят глаголати: «Друже Савво! или не веси ******, яко отец твой со мною многу любовь имат, ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииди и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моея. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына приемлю тя». Савва же, слышав таковыя от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от такаваго славна мужа приframework хощет быти, и низко поклонение творит пред ним. Немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Втораго и живяше во всяком

* двенадцати лет
** иногда
*** снаряженных
**** хозяин гостиницы
***** узнал
****** разве ты не знаешь

благоденствии, радуяся. Той же Бажен Второй стар сый и имея у себе жену, третиим браком новоприведенную, девою пояту сущу. Ненавидяй же добра роду человечю супостат диавол, видя мужа того добродетелное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы к падению блудному: весть бо женское естество уловляти умы младых к любодеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же рещи *, от зависти диаволи запят ** бысть, падеся в сеть любодеяния з женою оною ненасытно творяше блуд и безвременно во оном скверном деле пребываше с нею, ниже бо воскресения день, ниже празники помняще, но забывше страх Божий и чяс смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяющеся и в таком во ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, в навечерий *** же праздника Бажен Второй, поим с собою юношу онаго Савву, поидоша до святыя церкви к вечернему пению и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша кождой на ложе своем, благодаряще Бога. Внегда же боголюбивый оный муж Бажен Второй заспав крепко, жена же его, диаволом подстрекаема, востав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и возбудив его, понуждаше к скверному смешению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха Божия уязвлен бысть, убояся суда Божия, помышляше в себе: «Како в таковый господственный день таковое скаредное дело сотворити имам?» И сия помысли, начят с клятвою отрицатися от нея, глаголя, яко «не хощу всеконечно погубити душу свою и в таковый превеликий праздьник осквернити тело мое». Она же, ненасытно распалаема похотию блуда, неослабно нудяше его ово ласканием, ово же и прещещением ****неким угрожая ему, дабы исполнил желание ея, и много труждшися, увещавая его, но никако же возможе приклонити его к воли своей: божественная бо некая сила помагаше ему. Видев же лукавая та жена, яко не возможе привлещи юношу к воли своей, абие зелною яростию на юношу распалися яко лютая змия, возстенав, отиде от ложа его, помышляше волшебными зелии опоити его и неотложно злое свое намерение совершити хотя. И елико замыслив, сия и сотвори.

Внегда же начяше клепати ***** ко утреннему пению, боголюбивый же он муж Бажен Второй, скоро востав от ложа своего, возбудив же и юношу онаго Савву, поидоша на славословие Божие ко утренни и отслушавше со вниманием и страхом Божиим и приидоша в дом свой. И егда же приспе время божественныя литоргии, поидоша паки с радостию до святыя церкви на славословие Божие. Проклятая же оная жена тщателно устрояше на оношу

* лучше сказать
** завлечен
*** канун
**** угрозой
***** звонить

волшебное зелие и, яко змия, хотяще яд свой изблевати на него. По отпущении же божественныя литоргии Бажен Второй и Савва изыдоша из церкви, хотяще итти в дом свой. Воевода же града того пригласив онаго мужа Бажена Втораго, да обедует с ним, вопросив же и о юноши оном, чей сын и откуду. Он же поведает ему, яко из Казани Фомы Грудцына сын. Воевода же приглашает и юношу онаго в дом свой, зане добре знающе отца его. Они же бывше в дому его и по обычяю общия трапезы причастившеся, с радостью возвратившеся в дом свой.

Бажен же Второй повеле принести от вина мало, да испиют в доме своем чести ради господственнаго онаго праздника, ничто же бо сведый * лукаваго умышления жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердце своем и подпадает лестию к юноши оному. Принесенну же бывшу вину, наливает абие чашу и подносит мужу своему. Он же и пив благодаря Бога. И потом наливает, сама испив. И абие наливает отравнаго онаго уготованнаго зелия и подносит юноши оному Савве. Он же испив нимало помыслив, ниже убоявся жены оныя, чаяше, яко же никоего же зла мыслит на него, и без всякаго размышления выпивает лютое оно зелие. И се начят яко некий огнь горети в сердцы его. Он же помышляя, глаголя в себя, яко «много различных питей в дому отца моего и никогда же таковаго пития испих, яко же ныне». И егда же испив онаго, начят сердцем тужити и скорбети по жене оной. Она же, яко лютая львица, яростно поглядаше на него и нимало приветство являше к нему. Он же сокрушашеся, тужаше по ней. Она же начят мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаголати и повелевше изгнати из дому своего. Богобоязливый же он муж, аще и желея в сердцы своем по юноши, обаче же уловлен бысть женскою лестию, повелевает юноши изыти из дому своего, сказуя ему вины некия. Юноша же той с великою жалостию и тугою сердца отходит из дому его, тужа и сетуя о лукавой жене оной.

И прииде паки в дом гостинника онаго, идежде первее обиташе. Он же вопрошает его: «Каковы ради вины изыде из дому Баженова?» Он же сказуя им, яко «сам не восхоте жити у них, зане гладно ми есть». Сердцем же скорби и неутешно тужаше по жене оной. И начят от великия туги красоты лица его увядати и плоть его истончяватися. Видев же гостинник юношу сетующа и скорбяща зело, недоумевающеся ему, что бо бысть.

Бысть же во граде том некто волхв, чарованием своим сказуя, ** кому какова скорбь приключитися, он же узнавая, или жити или умрети. Гостинник и жена его, благоразумни сущы, немало попечение о юноши имеяху и призывают тайно волхва онаго, хотяще уведати от него, какова скорбь приключися юноши. Волхв же оный, посмотрив волшебныя своя книги, сказуеть истинну, яко никоторыя скорби юноши не имат в себе, токмо тужит по жене Бажена Втораго, яко в блудное смешение падеся, ныне жеосужен от нея и, по ней стужая, сокрушается. Гостинник же и жена его, слушавши таковая от волхва, не яша веры, зане Бажен

* зная
** колдовством своим угадывал

муж благочестив бяше и бояйся Бога, и ни во что же дело сие вмениша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некто великою скорбию болел.

Некогда же той Савва изыде един за град на поле от великаго уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю, и никого же за собою или пред собою видяще, и ничто же ино токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оныя и, помыслив в себе во уме своем такову злу мысль, глаголя: «Егда бо кто от человек или сам диавол сотворил ми сие, еже бы паки совокупитися мне з женою оною, аз бы послужил диаволу». И такову мысль помыслив, аки бы ума иступив, идяше един и мало пошед слышав за собою глас, зовущ его во имя. Он же обращся, зрит за собою юношу, борзо текуща * в нарочите одеянии, помавающа рукою ему, пождати себе повелевающе. Он же стоя, ожидая юношу онаго к себе.

Юноша той, паче же рещи, супостат диавол, иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия, пришед же к Савве и по обычяю поклоншеся между собою. Рече же пришедший отрок к Савве, глаголя: «Брате Савво, что убо яко чюждь бегаеши от мене? Аз бо давно ожидах тя к себе, да како бы пришел еси ко мне и сродственную лубовь имел со мною. Аз убо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных-Усовых из града Казани, а о мне аще хощеши уведети, и из того же рода от града Великаго Устюга, зде давно обитаю ради конския покупки, и убо по плотскому рождению братия мы с тобою. А ныне убо буди брат и друг и не отлучяйся от мене: аз бо всяко споможение во всем рад чинити тебе». Савва же слышав от мнимаго онаго брата, паче же рещи, от беса, таковыя глаголы, велми возрадовався, яко в таковой далной незнаемой стране сродника себе обрете, и любезно целовастася, поидоша оба вкупе по пустыни оной.

Пришед же Савво с ним, рече бес к Савве: «Брате Савво, какую скорбь имаши в себе, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Он же, всяко лукавствуя, сказоваша ему некую быти великую скорбь в себе. Бес же, осклабився, рече ему: «Что убо скрываешися от мене? Аз бо вем скорбь твою. Но что ми даси **, аз помогу скорби твоей». Савва же рече: «Аще убо ведаеши истинную скорбь, яже имам в себе, то поиму веры тебе, яко можеши помощи ми». Бес же рече ему: «Ты бо, скорбя, сокрушаешися сердцем своим по жене Бажена Втораго, зане отлучен еси от лубви ея. Но что ми даси, аз учиню тя с нею по-прежнему в любви ея». Савва же рече: «Аз убо, елико им зде таваров и богатства отца моего и с прибытками, все отдаю тебе. Токмо сотвори по-прежнему любовь имети з женою оною». Бес же и ту усмеявся, рече ему: «Что убо искушаеши ми? Аз бо вем, яко отец твой много богатства имат. Ты же не веси ли, яко отец мой седмерицею богатее отца твоего. И что ми будет в тафарех твоих? Но даждь ми на ся рукописание мало некое, и аз исполню желание твое». Юноша же рад бысть, помышляя в себе, яко «богатство отца моего цело будет, аз

* быстро идущего
** дашь

же дам ему писание, что ми велит написати», а не ведый, в какову пагубу хощет впасти, еще же и писати совершенно, ниже слагати что умея. Оле безумия юноши онаго! Како уловлен бысть лестию женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит! Егда же изрече бес к юноши словеса сия, он же с радостию обещася дати писание. Мнимый же брат, паче же рещи, бес, вскоре изъем из очпага * чернила и хартию, дает юноши и повелевает ему немедленно написати писание. Той же юноша Савва еще несовершенно умеяше писати и, елико бес сказоваше ему, то же и писаше, не слагая **, и таковым писанием отречеся Христа истиннаго Бога и предадеся в служение диаволу. Написав же таковое богоотметное писание, отдает диаволу, мнимому своему брату. И тако поидоша оба во град Орел.

Вопросив же Савва беса, глаголя: «Повеждь ми, брате мой, где обитаеши, да увем дом твой». Бес же, возсмеявся, рече ему: «Аз убо особаго дому не имам, но где прилучится, тамо и начую. Аще ли хощеши видетися со мною часто, ищи мя всегда на Конной площатки. Аз убо, яко же рех ти, зде живу ради конских покупок. Но аз сам не обленюся посещати тебе. Ныне же иди к лавке Бажена Втораго: вем бо, яко с радостию призовет тя паки в дом свой жити».

Савва же по глаголу брата своего диавола радостно тече к лавке Бажена Втораго. Егда же Бажен видев Савву, усердно приглашает его к себе, глаголя: «Господине Савво, кую злобу сотворих аз тебе и почто изшел еси из дому моего? Протчее *** убо молю тя, прииди паки обитати в дом мой, аз убо за любовь отца твоего яко присному своему сыну рад бых тебе всеусердно». Савва же, егда услыша от Бажен таковыя глаголы, неизреченною радостию возрадовася и скоро потече в дом Бажена Втораго. И егда же пришед, жена же его, егда видев юношу, и, диаволом подстрекаема, радостно сретает **** его, и всяким ласканием приветствоваше его, и лобызаше. Юноша же уловлен бысть лестию женскою, паче же диаволом, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою, ниже празников, ниже страха Божия помняще, поне ненасытно безпрестанно с нею в кале блуда валяяся.

По мнозе времени абие входит в слухи в пресловущий град Казань к матери Саввиной, яко сын ея живет неисправное и непорядочное житие и, елико было с ним отеческих таваров, все изнурих бе в блуде и пиянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слуша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани и в дом отца своего. И егда прииде к нему писание, он же, прочет, посмеяся и ни во что же вменив. Она же паки посылает к нему второе и третие писмо, ово молением молит, ово же и клятвами заклинает его, дабы немедленно ехал оттуду во град Казань. Савва же нимало внят матерню молению и клятве, но ни во что не вменяше, токмо в страсти блуда упражняшеся.

---

* кармана
** думая
*** в остальном
**** встречает

По некоем же времени поемлет бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле. Изшедшим же им из града, глаголет бес к Савве: «Брате Савво, веси ли, кто есмь аз? Ты убо мниши мя совершение быти от рода Грудцыных, но несть тако. Ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не бойся, ниже устыдися зватися братом со мною: аз убо всесовершенно улюбих тя во братство себе. Но аще хощеши ведати о мне, аз убо сын царев. Пойдем протчае, да покажу ти славу и могутство отца моего». И сия глаголя, приведе его в пусто место на некий холм и показа ему в некоем раздолии град велми славен: стены и покровы и помосты все от злата чиста блистаяся. И рече ему: «Се есть град отца моего, но идем убо и поклонимся купно отцу моему, а еже ми дал еси писание, ныне взем сам вручи его отцу моему и великой честию почтен будеши от него». И сия изглаголя, бес отдает Савве богоотметное оно писание. Оле безумие отрока! Ведый бо, яко никоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаема бе царем Московским. Аще бы тогда вообразил на себе* образ честнаго креста, вся бы сия мечты диаволския яко сень** погибли. Но на предлежащее возвратимся.

Егда же поидоша оба к привиденному граду и приближившимся им ко вратом града, сретают их юноши темнообразнии***, ризами и поясы украшены златыми и со тщанием покланяющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи, бесу, такожде и Савве покланяющеся. Вшедшим же им во двор царев паки сретают инии юноши, ризами блистающеся паче первых, такожде покланяющеся им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии юноши сретают их друг друга честием и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в полату, глаголя: «Брате Савво, пожди мя зде мало: аз убо шед возвещу о тебе отцу моему и введу тя к нему. Егда же будеши пред ним, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писание свое». И сия рек, поиде во внутренние полаты, оставль Савву единаго. И помедлив тамо мало, приходит к Савве и по сем вводит его пред лице князя тьмы.

Той же седя на престоле высоце, камением драгим и златом преукрашенном, сам же той славою великою и одеянием блистаяйся. Окрест же престола его зрит Савва множество юнош крылатых стоящих. Лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны. Пришед же Савва пред царю онаго, пад на землю, поклонися ему. Вопроси же его царь глаголя: «Откуду пришел еси семо и что есть дело твое?» Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание, глаголя, яко «приидох, великий царю, послужити тебе». Древний же змий сатана, прием писание и прочет его, обозревся**** к темнообразным своим воинам, рече: «Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне или ни». Призвав же сына своего, Саввина мнимаго брата, глаголя ему: «Иди протчяе и обедуй з братом своим». И тако оба поклонишася

* осенил себя
** тень
*** лицом темные
**** оглянулся

царю и изыдоша в преднюю полату, начenша обедати. Неизреченныя и благовонныя яди приношаху им, такожде и питие, яко Савве дивитися, глаголя: «Никогда же в дому отца моего таковых ядей вкушать или пития испих». По ядении же приемлет бес Савву и поидоша паки з двора царева и изыдоша из града. Вопрошает же Савва брата своего беса, глаголя: «Что убо, брате, яко видех у отца твоего окрест престола его юнош крылатых стоящых?» Бес же, улыбаяся, рече ему: «Или не веси, яко мнози языцы служат отцу моему: индеи и персы и инии мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братом звати мя себе. Аз бо да буду тебе меньши брат; токмо, елико реку ти, во всем буди послушен мне. Аз же всякаго добродетельства рад чинити тебе». Савва же всем обещаяся послушен быти ему. И тако уверишася, приидоша паки во град Орел. И оставльше бес Савву, отходит. Савва жа паки прииде в дом Баженов и пребываше в прежнем своем скаредном деле.

В то же время прииде в Казань из Персиды со многими прибытки отец Саввин Фома Грудцын и, яко же лепо, обычное целование подав жене своей, вопрошает ю́ о сыне своем, жив ли есть. Она же поведает ему, глаголя, яко «от многих слышу о нем: по отшествии твоем в Персиду, отъиде он к Соли Камской, тамо и доныне живет житие неудобное *, все богатство наше, яко же глаголют, изнурих в пианстве и блуде. Аз же много писах к нему о сем, дабы оттуду возвратился в дом наш, он же ни единыя отповеди подаде ми, но и ныне тамо пребывает, жив ли или ни, о сем не вемы». Фома же, таковыя глаголы слышав от жены своея, зело смутися умом своим и скоро сед, написав епистолию к Савве, со многим молением, дабы без всякаго замедления оттуду ехал во град Казань, «да вижу, рече, чядо, красоту лица твоего». Савва же таковое писание прием и прочет е́, ни во что же вмени, ниже помысли ехати ко отцу своему, но токмо упражняяся в ненасытном блужении. Видев же Фома, яко ничто не успевает писание его, абие повелевает готовити подобныя **струги с таваром, к пути касается к Соли Камской, по Каме. «Сам, рече, сыскав, поиму сына своего в дом мой».

Бес же, егда уведе и яко отец Саввин путешествие творит к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абие глаголет Савве: «Брате Савво, доколе зде во едином малом граде жити будем? Идем убо во иныя грады и погуляем, паки суда возвратимся». Савва же нимало отречеся, но глаголя ему: «Добре, брате глаголеши, идем, но пожди мало: аз бо возьму от богатства моего неколико пенязей *** на путь». Бес же возбраняет ему о сем, глаголя: «Или не ведал еси отца моего, не веси ли, яко везде села его ест, да иде же приидем, тамо и денег у нас будет, елико потребно». И тако поидоша от града Орла, никим не ведомы, ниже то сам Бажен Второй, ниже жена его уведевши о отшествии Саввине.

Бес же и Савва об едину нощь от Соли Камския объявишася на реке Волге во граде, нарицаемом Кузьмодемьянском, разтояние имеюще от Соли Камской боле 2000 поприщ ****. и глаголет бес

* неприглядное
** надлежащие
*** денег
**** верст

Савве: «Аще кто тя знаемый узрит зде и вопросит, откуду пришел еси, ты же рцы: от Соли Камския в третию неделю приидохом до зде». Савва же, елико поведа ему бес, тако и сказывашя, и пребываше в Кузьмодемьянску неколико дней.

Абие бес паки поемлет Савву и об едину нощь ис Кузьмодемьянску приидоша на реку Оку в село, нарицаемое Павлов Перевоз. И бывшим им тамо в день четвертка, в той же день в селе оном торг бывает. Ходящым же им по торгу, узрев Савва некоего престарела нища мужа стояша, рубищами гнусными зело одеянна и зряща на Савву прилежно и велми плачюща. Савва же отлучися мало от беса и притече ко старцу оному, хотя уведати вины плачя его. Пришед же ко старцу и рече: «Кая ти, отче, печяль есть, яко неутешно тако плачеши?» Нищий же он старец святый глаголет ему: «Плачю, рече, чядо, о погибели души твоея: не веси бо, яко погубил еси душу свою и волею предался еси диаволу. Веси ли, чадо, с кем ныне ходиши и его же братом себе нарицаеши? Но сей не человек, диявол, но бес, ходяй с тобою, доводит тя до пропасти адския». Егда же изрече старец к юноше глаголы сия, обозревся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи, на беса. Он же издалечя стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе на него. Юноша же вскоре, оставль святаго онаго старца, прииде к бесу паки. Диявол же велми начят поносити его и глаголати: «Чесо бо ради с таковым злым душегубцом сообщился еси? Не знаешь ли сего лукавого старца, яко многих погубляет; на тебе же видев одеяние нарочито и глаголы лестныя происпустив к тебе, хотя отлучити тя от людей и удавом удавити и обрати с тебе одеяние твое. Ныне убо аще оставлю тя единаго, то вскоре погибнеши без мене». И сия изрече, со гневом поемлет Савву оттуду и приходит с ним во град, нарицаемый Шую, и тамо пребываху неколико времени.

Фома же Грудцын-Усов, пришед во град Орел, вопрошает о сыне своем и никто же можаше поведати ему о нем. Вси бо видяху, яко пред его приездом сын его во граде хождаше всеми видим, а иде же внезапу скрыся, никто не весть. Овии глаголаху, яко «убояся пришествия твоего, зане зде изнурил все богатство твое и сего ради скрыся». Паче же всех Бажен Второй и жена его, дивящеся, глаголаху, яко «об нощь спаше с нами, заутра же пошед некуды, мы же ожидахом его обедати, он же от того чясу никако нигде же явися во граде нашем, а иде же надеся *, ни аз, ни жена моя о сем не вем». Фома же многими слезами обливаяся, живый, ожидая сына своего и немало пождав, тщею ** надеждою возвратися в дом свой. И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяща о лишении единороднаго сына своего. И в таковом сетовании Фома Грудцын поживе неколико время, ко Господу отъиде, жена же его оставлши вдовою сущыи.

Бес же и Савва живяше во граде Шуе. Во время же то благочестивый государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России возжелаше *** послати воинство свое противу короля

* находится
** тщетною
*** изволил

польскаго под град Смоленск[6], и по его царскаго величества указу по всей России набираху новобраных тамошних салдат. Во град же Шую ради салдатцкаго набору послан с Москвы столник Тимофей Воронцов[7] и новобраных салдат по вся дни воинскому артикулу учяще. Бес же и Савва, приходяще, смотряху учения. И рече же бес к Савве: «Брате Савво, хощещи ли послужити царю, да напишемся и мы в салдаты?» Савва же рече: «Добре, брате, глаголеши, послужим». И тако написавшеся в салдаты и наченше купно на учение ходити. Бес же в воинском учении такову премудрость дарова Савве, яко и старых воинов и начялников во учении превосходит. Сам же бес, яко бы слугуя Савве, хождаше за ним и оружие его ношаше.

Егда же из Шуи новобраных салдат приведоша к Москве и отдаша их в научение некоему немецкому полковнику, той же полковник, егда прииде видети новобраных салдат на учении, и се видит юношу млада, во учении же воинском зело благочинна и урядно поступающа и ни малаго порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и начялников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его. Призвав же его к себе, вопрошает рода его. Он же сказует ему всю истинну. Полковник же, возлюбив велми Савву и назвав его сыном себе, даде ему з главы своея шляпу, драгоценным бисером утворену сущу. И абие вручяет ему три роты новобраных салдат, да вместо его устрояет и учит той Савва. Бес же тайно припаде к Савве и рече ему: «Брате Савво, егда ти недостаток будет, чим ратных людей жаловати, повеждь ми: аз бо принесу ти, елико потребно денег будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было». И тако у того Саввы вси салдаты во всякой тишине и покое пребываху, в протчих бо ротах молва и мятеж непрестанно, яко от глада и нагаты непожалованы помираху. У Саввы же во всякой тишине и благоустроении салдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумию его.

По некоему же случяю явственно учинися о нем и самому царю. В то же время на Моськве немалу власть имея шурин царев боярин Семен Лукьянович Стрешнев[8]. Уведев про онаго Савву, повелевает его привести пред себе и рече ему: «Хощеши ли, юноше, да поиму тя в дом мой и чести немалы сподоблю тя?» Он же поклонися ему и рече: «Есть бо, владыко мой, брат у мене, вопрошу убо его. Аще ли повелит ми, то с радостию послужу ти». Боярин же нимало возбранив ему о сем, отпустив его, да вопросит, рече, брата своего. Савва же пришед, поведа сие мнимому брату своему. Бес же с яростию рече ему: «Почто, убо хощеши презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо ныне и сам в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси, ни убо не буди тако, но да послужим царю. Егда убо царь увесть верную твою службу, тогда и чином возвышен будеши от него».

По повелению же цареву вси новобраныя салдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку*. Той же Савва поставлен на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе, в доме стрелецкаго сотника именем Иякова Шилова[9]. Сотник же той и жена его, благочестивыи и благондравнии суще, видящи бо Саввино

* пополнение.

остроумие, зело почитаху его. Полки же на Москве во всякой готовности бяху.

Во един же от дней прииде бес к Савве и рече ему: «Брате Савво, пойдем прежде полков в Смоленск и видим, что творят поляки и како град укрепляют и бранныя сосуды * устрояют». И об едину нощь с Москвы в Смоленску ставше и пребывше в нем дни три и нощи три же, никим же видимы, они же все видевше и созирающе, како поляки град укрепляху и на приступных местах всякия гарматы ** поставляху. В четвертый же день бес объяви себе и Савву в Смоленску поляком. Егда же узревше поляки их, велми возмятошася, начяша гнати по них, хотяще уловити их. Бес же и Савва, скоро избехше из града, прибегоша к реке Днепру, и абие разступися им вода и преидоша реку оную посуху. Поляки ж много стреляюще по них, и никако же вредиша их, удивляхуся, глаголяще, яко «бесове суть во образе человеческом, приидоша и бывше во граде нашем». Савва же и бес паки приидоша к Москве и ставше паки у того же сотника Иякова Шилова.

Егда же по указу царскаго величества поидоша полки с Москвы под Смоленск, тогда и той Савва з братом своим в полках поидоша. Над всеми же полками тогда боярин бысть Феодор Иванович Шеин[10]. На пути же бес к Савве рече: «Брате Савво, егда убо будем под Смоленским, тогда от поляков из полков из града выедет един исполин на поединок и станет звати противника себе. Ты же не бойся ничесо *** же, изыди противу его; аз убо ведая глаголю ти, яко ты поразиши его. На другий же день паки от поляков выедет другий исполин на поединок, ты же изыди паки и противу того; вем бо, яко и того поразиши. В третий же день выедет из Смоленска третий поединщик, ты же, ничесо не бояся, и противу того поиди, но и того поразиши. Сам же уязвлен **** будеши от него. Аз же язву твою вскоре уврачюю». И тако увещав его, приидоша под град Смоленск и ставше в подобне ***** месте.

По глаголу же бесовскому послан бысть из града некий воин страшен зело, на кони скакавше из смоленских полков и искавше себе из московских полков противника, но никто же смеяше изыти противу его. Савва же объявляя себе в полках, глаголя: «Аще бы мне был воинский добрый конь, и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царска». Друзии ****** же его слышавше сия и скоро возвестиша о нем боярину. Боярин же повеле Савву привести пред себе и повеле ему коня нарочита дати и оружие, мнев, яко вскоре погибнути имат юноша от таковаго страшнаго исполина. Савва же по глаголу брата своего беса, ничто же размышляя или боюся, выезжает противу полскаго онаго богатыря и скоро срази его, приводит и́ с конем в полки московския, и от всех похваляем бе. Бес же ездя по нем, служа ему и оружие его за ним нося. Во вторый же день паки из Смоленска выезжает слав-

* боевые орудия
** пушки
*** ничего
**** ранен
***** удобном
****** друзья, приятели

ный некий воин, ища из войска московскаго противника себе, и паки выезжает противу его той же Савва и того вскоре поражает. Вси же удивляхуся храбрости его. Боярин же разгневася на Савву, но скрываше злобу в сердцы своем. В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин паче первых, такожде ища и позывая противника себе. Савва же, аще и бояся ехати противу такова страшнаго воина, обаче по словеси бесовскому немедленно выезжает и противу того. Но абие поляк той яростию напустив и уязви Савву копием в левое стегно *. Савва же, исправлься, нападает на поляка онаго, убивает его и с конем в табары **привлече, немал же зазор смоляном наведе, все же российское воинство во удивление приведе. Потом же начяша из града выласки выходити и войско с войском сошедшимся свалным боем *** битися. Да иде же Савва з братом своим с котораго крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл показующе, бесчисленно бо много поляков побивающе, сами же ни от кого вредими бяху.

Слышав же боярин о храбрости юноши онаго и уже не могий скрыти тайного гнева в сердцы своем, абие призывает Савву к шатру и глаголет ему: «Повеждь ми, юноше, каковаго еси роду и чий есть сын?» Он же поведа ему истинну, яко ис Казани Фомы Грудцына-Усова сын. Боярин же начят всякими нелепыми словесы поносити его и глаголати: «Кая тя нужда в таковый смертный случяй призва? Аз убо знаю отца твоего и сродников твоих, яко безчисленно богатство имут, ты же от какова гонения, или скудности оставя родителей своих, семо пришел еси? Обаче глаголю ти: ни мало медли, поиде в дом родителей твоих и тамо во благоденствии с родители твоими пребывай. Аще ли преслушаеши мене и услышу о тебе, яко зде имаши пребывати, то без всякаго милосердия зде имаши погибнути: главу бо твою повелю вскоре отяти от тебе». Сия же боярин к юноше изрече и с яростию отиде от него. Юноша же со многою печалию отходит от него.

Отшедшим же им от шатра, рече бес к Савве: «Что убо тако печялуешися о сем? Аще неугодна служба наша явися зде, то идем прочае паки к Москве и тамо да пребываем». И тако въскоре отидоша из Смоленска к Москве и приставше обитати в доме того же сотника. Бес же днем пребываше с Саввою, к нощи же отхождаше от него в своя адския жилища, иде же искони обычяй окаянным пребывати.

Не малу же времени минувшу, абие разболеся Савва и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи, боящися Бога, всяко попечение и прилежание о Савве имущи и глаголаше ему многажды, дабы повелел призвати иерея и исповедати грехи своя и причятитися святых тайн, «да некако, — рече, — в таковой тяжкой скорби внезапну без покаяния умрет». Савва же о сем отрицаяся, яко «аще, — рече, — и тяжко болю, но несть сия болезнь моя к смерти». И день от дне болезнь его тягчяя бяше. Жена же оная не-

* бедро

** лагерь

*** врукопашную

15—811

отступно притужаше * Савве, да покается, ибо «от того не имаши умрети». И едва принужден бе Савва боголюбивою оною женою, повелевает призвати к себе иерея. Жена же она вскоре посылает ко храму святаго Николая, что во Грачях, и повелевает призвати иерея тоя церкви. Иерей же, ни мало замедлив, притече к болящему. Бе бо иерей той леты совершен сый **, муж искусен и богобоязлив. Пришед же, начят молитвы покаянны глаголати, яко же обычно. И егда же всем людем из храма изшедшим, иерей же начят болнаго исповедовати, и се внезапу зрит больны во храм той вшедших толпу велию бесов. Мнимый же его брат, паче же рещи — бес, прииде с ними же уже не в человеческом образе, но в существенном своем зверовидном образе и, став созади бесовския оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оно писмо, яже даде ему Савва у Соли Камския. И глагола бес к болящему: «Зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие? Не ты ли писал еси сие? Или мниши, яко покаянием сим избудеши от нас? Ни убо, не мни того; аз убо всею силою моею подвигнуся на тя». Сия убо и иная многая неподобная бесом глаголящим, болный же зря очевидно их и ово ужасеся, ово же надеяся на силу Божию, и до конца все подробну исповеда иерею оному. Иерей же той, аще и муж свят бе, обаче убояся страха онаго, зане людей никого же во храмине кроме болнаго виде, голку *** же велику слыша от бесовския оныя силы. И с нуждею **** великою исповеда болнаго, отиде в дом свой, никому же сия поведав.

По исповеди же оной нападе на Савву дух нечистый и начят немилостиво мучити его, ово о стену бия, ово о помост одра его пометая, ово храплением и пеною давляше и всякими различными томлениями мучяше его. Боголюбивый же муж вышепомянутой сотник и з благонравною своею женою, видящы на юноши таковое от диавола внезапное нападение и несносное мучение, велми жалеюща и стеняху сердцы своими по юноши, но никако же помощи ему могуще. Бес же день от дне на болнаго люте нападая, мучяще его, и всем предстоящим ту от мучения его немал ужас находящь. Господин же дому, яко виде на юноши таковую необычную вещь, паче же и зная, яко юноша той ведом бе и самому царю храбрости ради своея, и помышляше з женою своею, да како бы возвестити о сем самому царю. Бе же и сродница некая бяше у них в доме царском. И сия помысливше, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице своей, повелевая ей, да вся подробно возвестит ей и дабы немедленно о сем возвестити цареви, да «некако, рече, юноша оный в таковом злом случяе умрет, а они истязани ***** от царя за неизвещение».

Жена же его ни мало помедлив, скоро тече ко сроднице своей и вся повеленная ей от мужа по ряду сказа. Сродница же оная, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболев по юноши,

* упрашивала
** стар годами
*** брань
**** трудом
***** они будут наказаны

паче же скорбяще по сродницех своих, да некако и вправду от таковаго случая беду приимут. И ни мало помедлив, скоро тече от дому своего до полат царевых и возвещает о сем ближним сигклитом царевым. И не в долзе часе внушяется самому царю о сем.

Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердие свое изливает на нь, глаголя предстоящим пред ним сигклитом[11], да егда бывает повседневное изменение караулом, повелевает посылати в дом сотника онаго, иде же бесный оный юноша лежит, по два караулщика, да надзирают, рече, опасно* юношу онаго, да некако, от онаго бесовскаго мучения обезумев, во огнь или в воду ввержется. Сам же благочестивый царь посылаше к болящему повседневную пищу и, елико здравее больный явится, повелевает возвестити себе. И сему тако бывшу, больный же немало время в таковом бесовском томлении пребысть.

Бысть же месяца июля в 1 день юноша оный необычно от беса умучен бысть. Абие заспав мало и во сне, якобы на яве, начят глаголати, изливая слезы изо смеженных очей своих, сице рече: «О, всемилостивая госпоже царице и Богородице, помилуй, владычице, помилуй, не солжу бо все, царице, не солжу, но исполню, елико обещахся ти». Домашнии же и снабжевающии** его воини, таковая от болнаго глаголы слышаще, удивишася, глаголющы, яко некое видение видит.

Егда же болный от сна возбнув, приступи к нему сотник и рече: «Повеждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во сне, и х кому рекл еси?» Он же паки начят омывати лице свое слезами, глаголя: «Видех, — рече, — ко одру моему пришедшу жену светолепну*** и неизреченною светълостию сияющу, носящу же ризу багряну, с нею же и два мужа некия, сединами украшены. Един убо во одежде архиерейстей, другий же апостолское одеяние носяще. И не мню инех, токмо жену мню быти пресвятую Богородицу, мужей же единаго наперстъника Господня апостола Иоанна Богослова, втораго же неусыпнаго стража града нашего Москвы преславнаго во иерарсех архиерея Божия Петра митрополита[12], их же подобия и образ добре знаю. И рече ми светолепная она жена: «Что ти есть, Савво, и чесо ради тако скорбиши?» Аз же рех ей: «Скорблю, владычице, яко прогневах сына твоего и Бога моего и тебе, заступницу рода христианскаго, и за се люте бес мучит мя». Она же, оскълабився, рече ми: «Что убо мниши, како ти избыти от скорби сея и како ти выручити рукописание свое из ада?» Аз же рех ей: «Не могу, Владычице, не могу, аще не помощию сына твоего и твоею всесилною милостию». Она же рече ми: «Аз убо умолю о тебе сына своего и Бога, токмо един глагол мой исполни: аще избавлю тя от беды сея, хощещи ли монах быти?» Аз же тыя молебныя глаголы со слезами глаголах ей во сне, яже и вы слышасте. Она же паки рече ми: «Савво, егда убо приспеет празник

---

* с прилежанием
** охранявшие
*** светозарную

явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, яже на площади у Ветошнаго ряду[13], и аз пред всем народом чюдо явлю на тебе». И сия рече ми, невидима бысть».

Сия же слышав, сотник и приставлши воини от Саввы изглаголанная, велми почюдишася. И начя сотник и жена его помышляти, како бы о сем видении возвестити самому царю. И умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвестила о сем видении царевы полаты сигклитом, от них же бы внушено было самому царю. Прииде же сродница оная в дом сотника. Они же поведаша ей видение болящаго юноши. Она же слышав и абие отходит немедленно до царевы полаты и возвещает ближним сигклитом. Они же немедленно внушают царю о бывшем видении Саввином. И егда же слышав царь, велми почюдися. И начяша ожидати праздника онаго. И егда же приспе время июлия осмаго числа, бысть праздник Казанския пресвятыя Богородицы. Абие повелевает царь принести болящаго онаго Савву до церкви. Бысть же в той день хождение крестное из соборныя апостолския церкви Успения пресвятыя Богородицы[14]. В том же ходу был и сам царское величество. И егда же наченше божественную литоргию, принесенну же бывшу и болящему оному Савве и положенну вне церкъви на ковре.

Егда же бо начяше пети херувимскую песнь, и се внезапу бысть глас с небеси, яко бы гром велий возгреме: «Савво, востани! Что бо медлиши? И прииде во церковь мою, здрав буди, к тому не согрешай». И абие спаде от верху церкви богоотметное оно Саввино писание, все заглажено, яко никогда же писано, пред всем народом. Царь же, видев сие чюдо, велми подивися. Болный же той Савва, скочив с ковра, аки бы никогда же болев, и притече скоро в церковь, паде пред образом пресвятыя Богродицы, начя со слезами глаголати: «О, преблагословенная мати Господня, христианская заступница и молебница о душах наших к сыну своему и Богу: избави мя от адския пропасти. Аз же въскоре исполню обещание свое». Сие же слышав, великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России повеле призвати к себе онаго Савву и вопросив его о бывшем видении. Он же поведав вся по ряду и показав писание свое. Царь же подивися зело Божию милосердию и несказанному чудеси.

Егда же отпеша божественную литоргию, поиде Савва в дом сотника Иякова Шилова, яко никогда же болев. Сотник же той и жена его, видев над ним милосердие Божие, благодарив Бога и пресвятую его Богоматерь.

Потом же Савва, роздав все имение свое, елико имеяше, убогим, сам же иде в монастырь Чюда архистратига Михаила[15], иде же лежат мощы святителя божия Алексея митрополита[16], иже зовется Чюдов монастырь. И возприав иноческий чин и начя ту жити в посте и в молитвах, беспрестанно моляся Господеви о согрешении своем. В монастыре же оном поживе лета довольна, ко Господу отиде в вечный покой, иде же святии пребывают. Буди же вседержителю Богу слава и держава во веки веков, аминь. Конец и Богу слава.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Великий Устюг* — город в Вологодской земле на реке Сухоне, впервые упоминается в летописи под 1207 г.

[2]*Михаил Федорович* — первый царь из рода Романовых, был избран на престол в 1613 г., умер в 1645 г.

[3]*Хвалынское* — Каспийское море.

[4]*Шахова область* — Персия.

[5]*Орел* — город на реке Каме, близ Соли Камской.

[6]В царствование Михаила Федоровича русские войска дважды стояли осадой под Смоленском, в 1613—1615 гг. и в 1632—1634 гг. В «Повести» имеется в виду последняя осада.

[7]По документальным источникам известно, что для набора солдат в Шую в 1630 г. был послан Петр Никитич Воронцов-Вельяминов.

[8]На самом деле он был пожалован в бояре в 1655 г. уже после похода 1632—1634 гг.

[9]В XVII в. в Москве в конце улицы Сретенки имелось стрелецкое поселение. Земляным городом называлось несколько слобод, окружавших Кремль, Белый город и Китай-город. Стрелецкое войско во второй половине XVII в. делилось на приказы, которые назывались по имени своего начальника. Зима Васильевич Волков, стрелецкий голова, упоминается в документах с 1652 по 1668 г. Род дворян Шиловых, представители которого служили в это время в стрелецких полках, также известен по историческим документам.

[10]На самом деле командующим московскими войсками под Смоленском был боярин Михаил Борисович Шеин (казнен в 1634 г.)

[11]*Сигклит* — синклит: собрание высших сановников, представителей высшей придворной знати.

[12]*Петр митрополит* (?—1326) — митрополит московский и всея Руси с 1308 г., был признан святым, считался покровителем Москвы.

[13]Церковь Казанской Богородицы на Красной площади; была построена ок. 1636 г.

[14]Имеется в виду Успенский собор в Кремле (построен в 1475—1479 гг.)

[15]*Чудов монастырь* — находился в Кремле, был основан в 1365 г.

[16]*Алексей (Алексий)* (90-е годы XIII в. — 1378) — митрополит московский и всея Руси с 1354 г., был признан святым.

Повесть о Тверском Отроче монастыре

«Повесть» была написана в Твери, во второй половине XVII в., но события, описываемые в ней, приурочены к середине XIII в.

Ярослав Ярославич (1230—1271) был первым великим князем тверским с 1247 г. После смерти брата Александра Ярославича Невского (1263) получил в Орде ярлык на великокняжеский Владимирский стол. Был женат дважды: ни имя, ни происхождение первой жены не известно (ум. в 1252 или 1253 г., от нее Ярослав имел двух сыновей), вторая жена — дочь новгородского боярина Юрия Михайловича Ксения (от нее у Ярослава были сын и две дочери).

В повести, задуманной как рассказ о создании монастыря, сохраняются приемы агиографической формы, но на первом месте оказалось романическое содержание, основанное на каком-то местном предании о женитьбе князя на простой девушке. Внимание автора оказалось сосредоточенным на поступках людей, обусловленных их чувствами и переживаниями. Лиричность повести усилена использованием народной свадебной поэзии и описанием свадебного обряда. Эти мотивы органично слиты с описанием княжеской соколиной охоты.

Текст печатается по изданию: ПЛДР. 10. С. 112—120.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

Лета мироздания[1] 6773-го, а от рождества Христова 1265 года составлен бысть Отрочь монастырь тщанием и рачением великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго и великия княгини богомудрыя Ксении по совокуплении их законнаго брака в четвертое лето по прошению и молению любимаго его отрока Григориа, а во иноческом чину Гуриа.

О зачатии Отроча монастыря

В лето великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, бысть у сего великаго князя отрок, именем Григорий, иже пред ним всегда предстояше и бе ему любим зело и верен во всем; и тако великий князь посылаше его по селом своим, да собирает ему повеленная[2]. Случися же тому отроку быти в селе, нарицаемом Едимоново, и ту обита * у церковнаго понамаря, именем Афанасия, и узре у него дщерь его, девицу, именем Ксению, велми красну, и начат мыслити в себе, да оженится ею. И бояся князя своего, да некогда приимет от него великий гнев, и велми печален бысть о сем, возлюби бо ю́ ** зело, и не поведа мысли своея никому от другов своих, но в себе размышляше, да како бы ему улучити желаемое ***. Случися же наедине со отцем ея Афанасием, начат ему глаголати, да вдаст за него дщерь свою и обещается ему во всем помогати. Отец же ея велми удивися о сем: «Да како у таковаго великаго князя имать предстояти всегда пред лицем его, и тако ли вещает мне о сем?» И не ведяше, что ему отвещати противу словес его. Шед убо Афанасий, вопроси о сем жены своея и дщери, сказа им подробну; дщерь же его, исполненна духа святаго, возглагола отцу своему сице: «Отче мой! сотвори ему вся сия, елика он тебе обещася, положи на волю его, Богу бо тако изволившу, и сие да будет».

Бяше бо девица сия благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум имея велик зело, и хождаше во всех заповедех Господних, и почиташе родители своя зело, и повинуяся има во всем, от младых ногтей Христа возлюбила и последуя ему, слышаше бо от отца своего святое Писание и внимаше прилежно всем сердцем своим.

Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилежно о сем вещает отцу ея, да не устрашается: «Аз бо ти во всем имаюся **** и князя умолю во всем, ты же не бойся». И тако совещастася во всем, и быти в том селе браку, и венчатися в церкви святаго великомученика Димитриа Селунскаго, и жити ту, даже ***** великий князь повелит. И тако повеленная великаго князя испол-

---

* проживал
** ее
*** как бы ему исполнить свое желание
**** доверяюсь
***** если

ни вся, яже повелена быша, и возвратися во град Тферь с радостию и дивляшеся в себе велми, яко нигде таковыя обрете девицы, и не поведа сего никому.

Отроковица же после его рече отцу своему и матери: «Господие мои! не дивитеся о сем, что вам обещался сей отрок, он бо тако совеща, но Бог свое строит: не сей бо мне будет супруг, но той, его же Бог мне подаст». Родители же ея о сем велми дивистася, что рече к ним дщерь их.

Предиреченный же отрок той, усмотря временя благополучное, и припаде к ногама великаго князя, и молит его со многими слезами, и возвещает ему свою мысль, да сочетается законному браку, яко ему годно бысть, красоту и возраст девицы оныя изъявляет. Князь же великий, сия от него слышав, рече ему: «Аще восхотел еси женитися, да поимеши себе жену от велмож богатых, а не от простых людей, и не богатых, и худейших, и безотечественных[3], да не будеши в поношении и уничижении от своих родителей, и от боляр и другов, и от всех ненавидим будеши, и от мене удален стыда ради моего». Однако на многи дни отрок моляше прилежно великаго князя, да повелит ему желание свое исполнити и тамо жити. И тако великий князь наедине его увещавает и вопрошает о сем подробну, чего ради тако восхоте. Он же все исповеда великому князю обещание свое, яко же тамо обещася.

Князь же великий Ярослав Ярославичь по прошению его повелевает всему быть, яко же ему годно и потребно, и насад изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему тамо готовы быть имеют, елико годно будет на послужение отроку, когда приспевает время обручению и венчанию его, и отпущает его в насаде по Волге реке, бе бо то село близ Волги стояй, а кони ему обещавает прислати за ним вскорости по брегу.

Отрок же с радостию поклонися великому князю и поиде в насаде по Волге реке со всеми посланными с ним.

Наутрие же великий князь повеле готовите себе коня и всему своему сигклиту[4], яко же угодно великому князю, соколы и псы, да, едучи, ловы деет * в ту бо нощ великий князь сон видел, якобы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол, все стадо птиц разогнав, поимал голубицу, красотою зело сияющу, паче злата, и принесе ему в недра; и возбнув князь от сна своего и много разъмышляше в себе, да что сие будет, и не поведа сна того никому, токмо повеле с собою на лов вся птицы взяти; и тако великий князь поиде в ту же страну, иде же отрок, ловы деюще, тешася. Бе же великий князь безбрачен и млад, яко двадесяти лет, еще ему не достигшу возраста своего.

Той же отрок, егда прииде в насаде по реке, и приста у брега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачным.

Девица же присланным рече: «Возвестите отроку, даже помедлеет тамо **, дондеже *** сама весть пришлю к нему, как вся

* охотится
** пусть подождет там
*** до тех пор, пока

изготована будут, понеже бо нам от него о приходе его вести не было». Вестницы же его пришедше поведаша ему о всем, еже им повелено бысть от девицы возвестити: провиде бо она великаго князя приход к себе, рече родителем своим, яко: «Уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешится и замедлил тамо, но пождем его немногое время, даже приедет к нам», — а о имени его никому от сродников своих не поведа, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше *; сродницы же ея велми о сем дивляхуся, а того жениха ея не ведяху, но токмо она едина.

Князь же великий села того не знаяше, но восхоте тамо быти наутрие или на другий день и да видит своего отрока оженившагося; и тако обначева на лове, бяше бо село то от града Тфери четыредесять поприщ. В нощи же той виде сон прежний и наипаче разъмышляше в себе, что будет сие видение, наутрие же по обычаю своему ловы деяше.

Отрок же той, не дождався вести ни коней, помысли в себе, яко: «Аще государь мой великий князь раздумает и пошлет по мене, и велит возвратитися вспять, аз же своего желаннаго не получил». И тако вскоре поиде во двор той, иде же девица та, и по чину своему все изготовавше. И тако седоста вкупе на место свое, яко же быти вскоре венчанию их, отрок же повелеваше по скору вся строити и дары разносити.

Девица же рече отроку: «Не вели спешити ничем, да еще у меня будет гость незванной, а лучше всех и званных гостей».

Великий же князь в то время близ бе села того, и увиде стадо лебедей на Волге реке, и тако повеле пустити свя своя птицы, соколы и ястребы, пусти же и сокола своего любимаго и поимаше много лебедей. Той же сокол великаго князя, заигрався, ударися летети на село то; великий же князь погна за ним и приехал в село то борзо **, забыв вся; сокол же сяде на церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго; князь же повеле своим вопросити про село, чие есть. Селяня же поведаху, яко село то великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, а церковь святаго великомученика Димитриа Селунскаго. В то же время множеству народа сошедшуся смотрети, яко уже к венчанию хотят итти. Князь же, сия слышав от поселян, повеле своим скола своего манити; сокол же той никако же думаше слетети к ним, но крилома своима поправливаяся и чистяшеся; сам же великий князь поиде на двор, иде же бе отрок его, в дорожном своем платье, не на то бо приехал, но Богу тако изволившу. Людие же, видевше князя, не знаяху его, мняху бо его с конми и с потехами к жениху приехавша, и не встретиша его никто же.

Девица же рече всем ту седящим: «Востаните вси и изыдите во стретение своего великаго князя, а моего жениха», — они же дивляхуся.

---

* делала
** скоро

Великий же князь вниде в храмину *, иде же бяху отрок и девица седяще, всем же воставшим и поклоншимся великому князю, им же не ведущим пришествия его и прощения просящим, князь же повеле им сести, да видит жениха и невесту.

Девица же в то время рече отроку: «Изыди ты от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой».

Великий же князь узре ту девицу зело прекрасну, и аки бы лучам от лица ея сияющим, и рече великий князь отроку своему Григорию: «Изыди ты отсюду и изыщи ты себе иную невесту, иде же хощеши, а сия невеста бысть мне угодна, а не тебе», — возгореся бо сердцем и смятесе мыслию.

Отрок же из места изыде повелением его; великий же князь поим девицу за руку и поидоста в церковь святаго великомученика Димитрия Селунскаго, и сотвориша обручение и целование о Христе, яко же подобает, потом же и венчастася в той же день; и тако бысть велия ** радость у великаго князя той день до вечера, бяше бо летом, и селян повеле покоити день и нощь. Идущу же великому князю после венчания от церкви ко двору, тогда оный сокол его любимый виде господина своего, идуща с супругою своею, сидя на церкви, начат трепетатися, якобы веселяся и позирая на князя. Князь же вопроси своих соколников: «Слетел ли к вам сокол или нет?» Они же поведаша ему: «Не летит с церкви». Князь же, возрев на него, кликнул его своим гласом, сокол же скоро прилете к великому князю, и сяде ему на десней *** его руце, и позирая на обоих, на князя и на княгиню. Великий же князь отдаде его соколнику. Отрок же той великою кручиною одержим бысть, и ни яде, и ни пия. Великий же князь велми его любляше и жаловаше, наипаче же ему не веляше держатися тоя кручины, и сказа ему сны своя, яко же видех во сне, тако и збысться Божиим изволением.

Отрок же той в нощи положил мысль свою на Бога и на пречистую Богоматерь, да яко же восхотят къ которому пути, тако и наставят; и снем с себя княжее платье и порты, и купи себе иное платье, крестьянское, и одеяся в него, и утаися от всех своих, и изыде из села того, никому же о сем не ведущу, и поиде лесом, незнаемо куды.

Наутрие же великий князь того отрока воспомянув, что его у себя не видит, и повеле своим боляром, да пришлют его к нему; они же поискавше его много и не обретоша нигде, токмо платье его видеша, и великому князю возвестиша о нем. Князь же великий о нем велми печален бысть, и повеле искати его сюду и сюду, по реке и в кладезях, боясь того, чтоб сам себя не предал губителной и безвременной смерти; и нигде его не обретоша, но токмо той селянин поведа, что-де купил у меня платье ветхое, и не велел о том никому поведати, и поиде в пустыню.

* дом
** большая
*** правой

Великий же князь повеле его искати по лесам, и по дебрям, и по пустыням, да где его обрящут и приведут его; и многие леса, и дебри, и пустыни обыдоша, и нигде его не обретоша, Бог бо его храняше. И пребысть ту великий князь даже до трех дней.

Великая же княгиня его Ксения вся возвести бывшая великому князю Ярославу Ярославичю о себе и о отроке, яже напреди писана суть.

Великий же князь велми печален бысть об отроке своем, глаголаше бо, яко: «Аз повинен есмь смерти его». Княгиня же его Ксения печалитися ему всячески не велит и глаголет великому князю: «Богу убо тако изволившу быть мне с тобою в совокуплении; аще бы не Божиим повелением, как бы было мощно тебе, великому князю, к нашей нищете приехати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о сем, но иди с миром во град свой и мене поими с собою, ничего не бойся». Великий же князь велми печален бысть, воздохнув, прослезися и воспомяну своя глаголы: «Яже глагола ко отроку своему Григорию, тое на мне собыстся, а его уже отныне не увижу». И возложи свою печаль на Бога и на пречистую его Богоматерь. И отпусти свою великую княгиню в насаде, и боляр своих, иже были со отроком, во град Тферь, и повеле великий князь боляром своим, да берегут великую княгиню его и покланяются ей и слушают во всем. Сам же великий князь попрежнему поехал берегом, деюще потехи своя и ловы; и прииде во град Тферь и прежде княгини своея. Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий князь повеле боляром своим и з болярынями, и своим дворовым, и всему граду, да выдут на встретение великия княгини и з женами своими. Вси же, слышавше от великаго князя, с радостию изыдоша, весь град, мужи и жены, и младенцы, от мала даже и до велика, з дароношением, и сретоша ея на брезе у церкви архаггела Михаила. Егда же прииде ко граду Тфери, великий князь посла всех боляр с коретами, и тако с великою честию сретоша ю́ * и поклонишася ей; и вси, зряще красоту ея, велми чудишася, яко: «Нигде же видехом очима нашима или слышахом слухом нашим таковую жену благообразну и светящуся, аки солнце во многих звездах, яко же сию великую княгиню, сияющу во многих женах сего града паче луны и звезд многих». И провождаше ю́ во град Тферь с радостию великою и з дарами многими на двор великаго князя. И бысть во граде радость и веселие велие, и бысть у великаго князя пированиe на многи дни всякому чину от мала даже и до велика.

Предиреченнаго же отрока не бе слухом слышати на много время. Божиим же промыслом той отрок прииде на реку, зовомую Тферцу, от града Тфери пять на десять ** поприщ ***, на место боровое, и ту вселися на лесу, и хижу себе постави, и часовню на том месте, и назнаменова, где быти церкви во имя пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Рожества. И ту пребысть

* ее
** пятнадцать
*** верст

немного время и наидоша его ту близ живущие людие, хождаху бо по лесу потребы ради своея, и вопрошаху его, глаголюще: «Откуду ты сюду пришел еси, и как тебя зовут, и кто тебе велел тут вселитися в нашем месте?» Отрок же им не отвеща ничто же, но токмо им кланяшесе, и тако от него отъидоша восвояси. Он же ту мало пребысть и от того места отъиде, и хотяше отъитти от града подалее, понеже уведа от пришедших к нему людей, яко близ есть град. Божиим же изволением прииде близ града Тфери по той же реке Тферце на устье, и вышед на реку Волгу, и позна, яко град Тферь есть, ибо знаем ему бе, и возвратися в лес той, и избра себе место немного вдалее от Волги на Тферце и начат молитися пресвятей Богородице, да явит ему про место сие. В нощи же той возляже опочинути и в сон тонок * сведен бысть, и видит на том месте аки поле чистое и великое зело и свет великий, яко некую лучу Божественную сияющу. И воспрянув от сна, и мышляше в себе, да что сие будет знамение, и тако моляшеся Спасу и пресвятей владычице Богородице, да явит ему вещ сию. В ту же нощ паки ** явися ему пресвятая Богородица и повелевает ему воздвигнути церковь во имя честнаго и славнаго ея Успения и указа ему место, и рече: «Хощет бо Бог прославити сие место и роспространити его, и будет обитель велия; ты же иди с миром во град ко князю своему, и той помощник тебе будет во всем и прошение твое исполнит. Ты же, егда вся свершиши и монастырь сей исправиши, немногое время будеши ту жити и изыдеши от жития сего к Богу». И тако воспрянув от сна своего, и велми ужасеся о видении том, и размышляше в себе яко: «Аще отъиду от сего места, боюся явления сего и показания месту. Яко Господеви годно, тако и будет». И помысли в себе, глаголя: «Аще ли же поиду к великому князю и увещати меня станет, однако не хощу в доме его быти». Сие же ему мыслящу, абие *** приидоша в той час в оный лес некия ради потребы мужие княжии зверей ради. Отрок же позна их и прикрыся от них, они же видевше крест и хижу и удивишася зело, глаголаху друг ко другу, яко есть человек тут живяй. И тако начаша искати, и обретоша его, и познаша, яко: «Той есть отрок князя нашего». И пришедше к нему, и поклонишася ему, и возрадовашася о нем радостию великою, той бо отрок по пустыни хождаше три лета и вящше ****, и не виде его никто же, и бе питаем Богом. И тако вземше его с собою и ведоша ко князю и сказаша ему вся, яко: «Великий князь печален бысть зело о тебе и доныне, аще же увидит тя жива и здрава, возрадуется о тебе радостию великою». Он же, сия слыша от них, с веселием идяше с ними. Егда же прииде во двор великаго князя и вси узревши его, возрадовашася велми о нем и прославиша Бога, и возвестиша о нем великому князю. Князь же повеле ввести его в верхния палаты, и виде отрока своего, и возрадовася велми, и похвали

* чуткий
** снова
*** тотчас
**** более

Бога. Он же поклонися великому князю и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согреших пред тобою, опечалих бо тя зело». И рече к нему великий князь: «Како тя Господь Бог хранит до сего дне и времени?» И облобызав его. Он же поклонися до земли и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согрешихъ пред тобою». И исповеда вся о себе по ряду, како изыде от него, и како Бог приведе до сего места. Князь же о сем велми удивися и прослави Бога, и повеле своим предстоящим, да дадут ему всю его первую одежду, и да будет в первом своем чину. Он же со смирением рече: «Господине мой великий княже, я не того ради приидох к тебе, но да ты от печали свободишися и прошения моего да не презъриши: молю тя и прошу, да повелеши то место разчистити», — и вся поведа великому князю, како ту прииде, и како явилася ему пресвятая Богородица со святителем Петром — митрополитом московским и место показа, иде же быти церкви во имя пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения; и вся ему сказа о себе по ряду. Князь же, воздохнув велми, и прослезися и отрока похвали, яко таковаго страшнаго видения сподобися, и обещася во всем помогати месту тому до совершения; и беседова с ним многое время, и повеле предстоящим пред ним поставити трапезу, да вкусит брашна*; он же вкуси малую часть хлеба и воды, а иной же пищи отнюдь не прикоснуся. Великий же князь повеле по воли его быти и тако отпусти его с миром, иде же он восхощет. Отрок же отъиде на место свое и по обычаю своему моляшеся Богу и пресвятей владычице Богородице, и на помощ ея призываеть о создании обители тоя, и тако молитвами пресвятыя Богородицы вскоре дело совершается. Князь же великий повеле вскоре собрати крестьян и иных людей, да росчистят место то, иде же оный отрок покажет, и посла их ко отроку; слышавше же то, граждане и сами мнози идяху на помощ месту тому. Тако вскоре очистивше место, еже отрок показа им, и возвестиша великому князю о сем; князь же прослави Бога и отрока своего о сем похвали. И тако сам великий князь прииде на то место и виде его сияюща паче иных мест. Отрок же паки припадает к ногама его и молит, да повелит церковь создати древянную и монастырь возградити. Великий же князь вскоре повеле всем прежним людем тут работати и мастеров добрых собрати к церковному строению. И тако Божиею помощию и великаго князя повелением вскоре дело совершается, и освящение церкви сотвориша. Бысть же ту на освящении церкве Успения пресвятыя Богородицы сам великий князь Ярослав Ярославичь и с своею супругою великою княгинею Ксениею и со всем своим княжиим сигклитом, и всем трапезу устроил, и по прошению отрока своего великий князь даде ему игумена Феодосия, и братию собра, и колокола устрои. И назвася место от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь, и вси прославиша Бога и пречистую его Богоматерь. На другий день по освящении церкве

---

* пищи

тоя той отрок Григорий пострижеся во иноческий чин и наречен бысть Гурий от игумена Феодосия. И той отрок по пострижении своем немногое время поживе и преставися ко Господу, и погребен бысть во своем монастыре. По представлении же блаженнаго онаго отрока немногим летом мимошедшим великий князь Ярослав Ярославичь и великая княгиня Ксения изволили в том монастыре создати церковь каменную во имя пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, с приделом Петра, митрополита московскаго чудотворца, и села подаде к тому ж монастырю, и место то насели, иде же бе отрок прежде пришедый *. Монастырь же той стоит и доныне Божиею благодатию и молитвами пресвятыя Богородицы и великаго святителя Петра, митрополита московскаго и всея России чудотворца.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]То есть в год «от сотворения мира».
[2]То есть собирает положенную князю дань.
[3]То есть не знатного, не родовитого происхождения.
[4]См. примечание 11 к «Повести о Савве Грудцыне».

Повесть о Ерше Ершовиче

Это один из самых популярных сатирических памятников XVII в., в котором показана сложная обстановка становления поместной системы в Русском государстве, когда тяжбы из-за земельных отношений были особенно часты. Написана она в форме пародии на «судное дело», в процессе которого «сын боярский» обманом и насилием отнимает у крестьян землю. Произведение замечательно своей сатирической направленностью.

Текст печатается по изданию: Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. М., 1977. С. 7—12.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

В мори перед болшими рыбами сказание о Ерше о Ершове сыне, о щетине о ябеднике, о воре о разбойнике, о лихом человеке, как с ним тягалися рыбы Лещ да Головль, крестьяня Ростовского уезду

Лета 7105 (1596) декабря в день было в болшом озере Ростовском сьеждялися судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом, больших Волских предел **, судные мужики[1] Судок да Щука-трепетуха.

* куда прежде приходил отрок
** волжских краев

Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Головль, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: «Бьют челом и плачутца сироты Божии и ваши крестьянишька, Ростовскаго озера жильцы, Лещ да Головль. Жалоба, господа, нам на Ерша на Ершова сына, на щетинника на ябедника, на вора на разбойника, на ябедника на обманщика, на лихую, на раковые глаза, на вострые щетины, на худово недоброво человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих, а тот Ерш щетина, ябедник, лихой человек, пришел из вотчины своей, из Волги из Ветлужскаго поместья из Кузьмодемянскаго стану, Которостью-рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими, приволокся в зимную пору на ивовых санишках и загрязнился и зачернился, что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке, что пала она в Оку-реку, против Дудина монастыря. И как пришел в Ростовское озеро и впросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестиянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишком и з детишками. А пожив, итти было ему в Волгу, а жировать было ему в Оке-реке. И тот воришько Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере, да подале нас жил и з детьми расплодился, да и дочь свою выдал за Вандышева сына и росплодился с племянем своим, а нас, крестиян ваших, перебили и переграбили, и из вотчины вон выбили, и озером завладели насильством з женишком своим и з детишьками, а нас хощет поморить голодною смертию. Смилуйтеся, господа, дайте нам на него суд и управу».

И судии послали пристава Окуня по Ерша по щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на суде. И суд пошел, и на суде спрашивали Ерша:

«Ершь щетина, отвечай, бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?»

И ответчик Ершь перед судиями говорил: «Господа мои судии, им яз отвечаю, а на них яз буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не грабливал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, и не их, из старины дедушьку моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истариншей человек, детишка боярские[2], мелких бояр по прозванию Вандышевы, Переславцы. А те люди, Лещ да Головль, были у отца моего в холопях. Да после, господа, яз батюшка своего, не хотя греха себе по батюшкове душе, отпустил их на волю и з женишками и з детишьками, а на воле им жить за мною во хрестиянстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние лета и стало в томь озере хлебная скудость и голод велик, и тот Лещь да Головль сами своло клися на Волгу-реку и по затонам розлилися. А ныне меня, бедново, отнють продают напрасно. И коли оне жили

в Ростовскомь озере, и оне мне никогда и свету не дали, ходят поверх воды. А я, господа, Божиею милостию и отцовымь благословениемь и материною молитвою не чмуть *, ни вор, ни тать и ни разбойник, а полишнаго[3] у меня никакова не вынимывали, живу я своею силою и правдою отеческою, а следом ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй, знают меня на Москве князи и бояря, и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городех, и едят меня в ухе с перцемь и шавфраномь, и с уксусомь, и во всяких узорочиях **, а поставляють меня перед собою чесно на блюдах, и многие люди с похмеля мною оправливаютца».

И судии спрашивали Леща с товарищи: «Что Ерша еще уличаите ли чем?» И Лещь говорил: «Уличаем Божиею правдою да кресным целованием и вами, праведными судиями». «Да сверх кресново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие даные или крепости какие не буть?». И Лещь сказал: «Пути-де у нас и даные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево. И как он, Ершь, тем озером завладел сильно***, и всем то ведамо, что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашею владеет своим насильством».

И Лещь с товарищем слалися: «Сшлемся, господа, из виноватых, на доброво человека, и живет он в Новгородском уезде, в реке Волге, а зовут его рыба Лодуга, да не другово доброво человека, а живет он под Новымгородом в реке, зовут его Сигом. Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро изстарины наше, а не Ершово».

И судии спрошали Ерша щетинника: «Ершь щетинник, шлесьса ли ты на Лещеву общую правду?» И Ершь им говорил: «Господа праведные судии, Лещь с товарищи своими люди прожиточные, а я человек небогатой, а съезд у меня вашим посылочным людям и пожитку нет, по ково посылка починать. А те люди в далнем разстоянии, шлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге. И оне хлеб и соль с теми людми водят меж собою».

И Лещь с товарищем: «Шлемся, господа, из виноватых на доброво человека, а живет он в Переславском озере, а зовут его Селдь рыба».

И Ершь так говорил: «Господа мои судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди во племяни ****, промеж собою ссужаютьца, а они по Леще покроют».

И судии спрашивали Ерша: «Ершь щетина, скажи нам, почему тебе те люди недруги, а живешь ты от них подалеку?» И Ершь говорил так: «Дружбы у нас и недружбы с Сигом и с Лодугою

---

* проходимец
** с разными приправами
*** насильно
**** в родстве

и з Сельдию не бывало, а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а езду платить нечем[4], а се Лещь он с ними во племяни».

И судии спрашивали и приговорили Окуню приставу сьездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их пред судиями. И пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых Мня. И Мень ему отказал: «Что ты, братец, меня хощешь взять, а я тебе не пригожуся в понятые — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу, а се меня губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею».

И пристав Окунь отпустил Мня на волю да взял в понятые Язя да Саблю да мелкого Молю с пригоршни и поставил правду пред судиями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига: «Скажите, что ведаете промеж Леща да Ерша, чье изстарины то Ростовское озеро было?» И правду сказали третие: «То-де озеро изстарины Лещево да Головлево». И их оправили *. «Господа, люди добрые, а крестияня они Божии, а кормятся своею силою, а тот Ершь щетина лихой человек, поклепщик бедо **, обманщик, воришько, воришько-ябедник, а живет по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему бываеть, он таков, что змия ис-под куста глядить. И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам и вывернетца он, аки бес. А где он впроситца начевать, и он хочет и хозяина-то выжить. И как та беда разплодился, и он хочеть и вотчинника-то посесть, да многих людей ябедничеством своим изпродал и по дворам пустил, а иных людей пересморкал; а Ростовское озеро Лещево, а не Ершово».

И судии спрашивали у Ерша: «Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути и даные и какие крепости?» И Ершь так говорил: «Господа, скажу я вам, были у меня пути и даные и всякие крепости[5] на то Ростовское озеро. И грех ради моих в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семена дни летоначатьца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и даные згорели».

И судии спрашивали: «Скажите вы про тово Ерша, назвался он добрым человеком, да знают-де ево князья и бояря, и дворяня и дети боярские, и дьяки и подьячие, и гости и служивые люди, и земские старосты, что он доброй человек, родом сын боярской Вандышевых, Переславцы». — «А мы, господа, стороны, про нево скажем вправду. Знают Ерша на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить добрые рыбы, и он купит ершев на полденьги, возмет много есть, а более того хлеба разплюеть, а досталь *** собакам за окно вымечють или на кровлю выкинуть. А изстарины словут Вандышевы, Переславцы, а промыслу у них никаково нет, опричь плутовства и ябеднчест-

* присудили в их пользу
** бедовый
*** остальное

ва, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик и обайщик * и ведомой воришко».

И судии спрашивали Осетра: «Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про нево ведаешь?» И Осетр, стоячи, молвил: «Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду. Знают Ерша на Москве князи и бояря и всяких чинов люди. Толко он — прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которости к Ростовскому озеру, и тот Ерш встретил меня на устье, пустил до озера да назвал меня братом. И яз начался ево добрым человеком да назвал ево противу братом. И он меня спросил: «Брате Осетр, далеча ль ты идешь?» И яз ему спроста сказал, что иду в Ростовское озеро жировать. И Ерш рече: «У меня перешиб **, брате мои милый Осетр, жаль мне тебя, не погинь ты напрасно, а ныне ты мне стал не в чужих. Коли яз пошел из вотчины своей, из Волги-реки, Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тогда яз был здвоя тобя и толще и шире, и щоки мои были до передняго пера, а глава моя была что пивной котел, а очи — что пивные чаши, а нос мой был карабля заморскаго, вдол меня было сем сажен, а поперек три сажени, а хвост мой был что лодейной парус. И яз бока свои о берег отер и нос переломал, а ныне ты, брате, видиш и сам, каков яз стал: и менши тобя, и дороства моего ничего нет». И яз ему, вору, поверил и от него, блядина сына, назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голоду поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал».

А Сом воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: «Право, он прямой человек, ведомой вор мне он не одно зло учинил — брата моево, болшево Сома, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку вывернулся, а когда брат мой, болшей Сом, вверх по Волге-реке шел, и тот Ершь щетина, ябедник и бездушник, встретил ево, брата моево, и почал с ним говорить. А в тое время брата моего неводом обкидали и из детьми, а тот Ершь стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?» И брат мой спроста молвил: «Я-де вижу Волгу с вершины и до устия». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что у тебя за хвостом». А в те поры брата моево и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор Ершь щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моево на берег выволокли да обухом и з детми прибили, и Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак-де нашево Обросима околачивают». Ершь — ведомой вор».

И судии в правду спрашивали и приговорили Лещу с товари-

---

* оговорщик
** прострел

щем правую грамоту дать. И выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою.

Беда от бед, а Ершь не ушел от Леща и повернулся к Лещу хвостом, а сам почал говорить: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста».

И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером по-прежнему стали владеть, а Ершу жить у них во крестиянех. Взяли оне, Лещь с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от нево впредь беды не было какой, а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омутом рыбным бить ево кнутом нещадно.

А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з болшим усом, да Щука-трепетуха, да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язев брат, а палач бил Ерша кнутом за ево вину — рыба Кострашь. Да судные избы был сторож Мен Чернышев да другой Терской, а понятых были староста Сазан Ильменской да Рак Болотов, да целовальник переписывал животы и статки пять или шесть Подузов Красноперых, да Сорок з десеть, да с пригоршни мелково Молю, да над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали в Розряде, имена целовальником — Треска Жеребцов, Конев брат. И грамоту правую на Ерша дали.

И судной список писал вину Ершову подьячей, а печатал грамоту дьяк Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерлеть с носом, а подьячей у записки в печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремный сторож — Жук Дудин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Судные мужики* — судебные заседатели.
[2]*Дети боярские* — одно из низших дворянских сословий.
[3]*Полишное* — поличное (улики), здесь: краденые вещи.
[4]За доставку свидетелей платили пополам истец и ответчик.
[5]*Крепость* — акт, документ, подтверждающий право на владение каким-либо имуществом, то же, что «купчая».

Повесть о Шемякином суде

Памятник демократической сатиры XVII в. Повесть со сходным сюжетом известна в польской литературе XVI столетия. Однако считать русскую повесть переделкой польской повести нет оснований. В основе произведения лежит мировой сказочный сюжет о неправедном судье и о находчивости бедняка в тяжбе с богачом. Рассказ о Шемякином суде широко бытовал в русском фольклоре, и наряду с гипотезой о восхождении фольклорного рассказа к «Повести», существует мнение и об обратной зависимости — «Повесть» восходит к устному русскому источнику. «Повесть» неоднократно печаталась в лубочных изданиях XVIII—XIX веков.

Текст печатается по изданию: Русская демократическая сатира. М., 1977. С. 17—19.

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

Суд Шемякин

В некоих местех живяше два брата земледелцы, един богат, други убог. Богаты же ссужая много лет убогова и не може исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошеди, на чемь ему себе дров привести. Брат же ему не хотяше дати ему лошеди и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог». И егда даде ему лошадь, он же вземь нача у него хомута просити. И оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута». И не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, првяза за хвост лошади, поеде в лес и привезе ко двору своему и забы выставить подворотню и ударив лошадь кнутом. Лошедь же изо всей мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост.

И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошеди ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь, у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бить челом во град к Шемяке судии.

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити, ино будет езд приставом платить[1].

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, идеже живяше судия. Убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «Отвещай». Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверчены камень, показа судии и поклонися. Судия же начаялся,

что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест, у лошеди выростет хвост. А как выростет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другий суд быти. Поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави. Он же также выняв из шапки той же заверчены плат и показа судие. Судиа же виде и помысли, что от другова суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли-де у тебя ушип сына, и ты-де атдай ему свою жену попадью до тех мест, покамест у пападьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него пападью и с ребенком».

И потом нача трети суд быти, что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверчены из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия же начаяся, яко от третьего суда трети ему узол сулить, глаголя ему, у кого убит отец: «Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на него, такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как-де у ней хвост выростеть, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублев, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублев и лошадь его отда.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с робенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взя у него десять рублев.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего». Он же размишляя себе: «Броситися мне — и ево-де не ушибить, а себя разшибьти». Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя. Судиа шь высла человека ко ответчику и веле у него показанние три узлы взять. Человек же судиин нача у него показанныя три узла просить: «Дай-де то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взяти». Он же, выняв из шапки завязаны камень, и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажеш камень?» Ответчик же рече: «То судии и казал». Человек ему нача его вопрошати: «Что то за камень кажешь?» Он же рече: «Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибти». И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю Бога моего, что я по нем судил: ак бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб».

Потом убогий отыде в дом свой, радуялся и хваля Бога. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]В виду имеется следующее: по требованию истца ответчик должен предстать перед судьей, а если ответчика в суд будут доставлять судебные приставы, то ему придется оплачивать их проездные расходы.

Слово о бражнике, како вниде в рай

Памятник русской демократической смеховой литературы XVII в. на популярный международный сюжет о простаке, посрамляющем стражей райских врат. Во французском фаблио со сходным сюжетом фигурирует крестьянин, в немецком рассказе — мельник. Острота произведения заключается в том, что бражник оказывается не только менее греховным в своей жизни, чем апостолы, ветхозаветные Давид и Соломон и очень популярный на Руси святой Николай, но и умнее их всех: «Святи отцы! Не умеете вы говорить с бражником, не токмо что с трезвым».

Текст печатается по изданию: «Изборник». С. 594—596.

СЛОВО О БРАЖНИКЕ, КАКО ВНИДЕ В РАЙ

Бысть неки бражник, и зело много вина пил во вся дни живота своего, а всяким ковшом Господа Бога прославлял, и чясто в нощи Богу молился. И повеле Господь взять бражникову душу, и постави ю у врат святаго рая Божия, а сам ангел и прочь пошел.

Бражник же начя у врат рая толкатися, и приде ко вратам верховный апостол Петр, и вопроси: «Кто есть толкущися у врат рая?» Он же рече: «Аз есмь грешны человек бражник, хощу с вами в раю пребыти». Петр рече: «Бражником зде не входимо!» И рече бражник: «Кто ты еси тамо? Глас твой слышу, а имени твоего не ведаю». Он же рече: «Аз есть Петр апостол». Слышав сия бражник, рече: «А ты помниши ли, Петре, егда Христа взяли на распятие, и ты тогда трижды отрекся еси от Христа[1]? О чем * ты в раю живеши?» Петр же отъиде прочь посрамлен.

Бражник же начя еще у врат рая толкатися. И приде ко вратом Павел апостол, и рече: «Кто есть у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребывати». Отвеща Павел: «Бражником зде не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты, господине? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». — «Аз есть Павел апостол». Бражник рече: «Ты еси Павел! Помниш ли, егда ты первомученика Стефана камением побил[2]? Аз, бражник, никово не убил!» И Павел апостол отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат толкатися. И приде ко вратом рая царь Давыд: «Кто есть у врат толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребыти». Давыд рече: «Бражником зде не входимо!» И рече бражник: «Господине, глас твой слышу, а в очи тебя не вижу, имени твоего не вем». — «Аз есть царь Давыд». И рече бражник: «Помниши ли ты, царь Давыд, егда

* почему же

слугу своего Урию[3] послал на службу и веле ево убити, а жену ево взял к себе на постелю? И ты в раю живеши, а меня в рай не пущаеши!» И царь Давыд отъиде проч посремлен.

Бражник начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом царь Соломон: «Кто есть толкаетца у врат рая?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю быти». Рече царь: «Бражником зде не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». — «Аз есмь царь Соломон». Отвещав бражник: «Ты еси Соломон! Егда ты был во аде, и тебя хотел Господь Бог оставити во аде, и ты возопил: Господи Боже мой, да вознесетца рука твоя, не забуди убогих своих до конца! А се еще жены послушал, идолом поклонился[4], оставя Бога жива, и четыредесять * лет работал еси им! А я, бражник, никому не поклонился, кроме Господа Бога своего. О чем ты в рай вшел?» И царь Соломон отъиде проч посрамлен.

Бражник же начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом святитель Никола: «Кто есть толкущися у врат рая?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю во царствие внити». Рече Никола: «Бражником зде не входимо в рай! Им есть мука вечная и тартар неисповедим!» Бражник рече: «Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю, кто еси ты?» Рече Никола: «Аз есть Николай». Слышав сия бражник, рече: «Ты еси Николай! И помниш ли: егда святи отцы были на вселенском соборе и обличяли еретиков, и ты тогда дерзнул рукою на Ария[5] безумнаго? Святителем не подобает рукою дерзку быти. В законе пишет: не уби, а ты убил рукою Ария треклятаго!» Николай, сия слышав, отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом Иоанн Богослов, друг Христов, и рече: «Кто у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю быти». Отвещав Иоанн Богослов: «Бражником есть не наследимо царство небесное, но уготованна им мука вечная, что бражником отнюдь не входимо в рай!» Рече ему бражник: «Кто есть тамо? Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю». — «Аз есть Иоанн Богослов». Рече бражник: «А вы с Лукою написали во Евангели: друг друга любяй. А Бог всех любит, а вы пришельца ненавидите, а вы меня ненавидите. Иоанне Богослове! Либо руки своея отпишись, либо слова отопрись!» Иоанн Богослов рече: «Ты еси наш человек, бражник! Вниди к нам в рай». И отверзе ему врата.

Бражник же вниде в рай и сел в лутчем месте. Святи отцы почяли глаголати: «Почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? Мы к сему месту не мало приступити смели». Отвеща им бражник: «Святи отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!».

И рекоша вси святии отцы: «Буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков». Аминь.

---

* сорок

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]По евангельскому преданию, апостол Петр трижды отрекся от Христа, прежде чем успели пропеть петухи после того, как Христос был схвачен, преданный Иудой.

[2]См. примечание 1 к «Слову о Законе и Благодати» Илариона.

[3]Согласно библейскому преданию, Давид (см. примечание 12 к «Молению» Даниила Заточника), прельщенный красотой Вирсавии, послал ее мужа, полководца, на войну на верную гибель. После гибели Урии Давид взял Вирсавию себе в жены.

[4]Согласно библейскому преданию, Соломон (см. примечание 13 к «Молению» Даниила Заточника) в старости стал поклоняться идолам под влиянием своих жен-чужестранок.

[5]На Никейском вселенском соборе (325) Николай Мирликийский ударил по лицу священника Ария, обвиненного в ереси.

Из фацеций

В 1680 г. на Руси был переведен с польского языка сборник новелл и анекдотов, «смехотворных» рассказов, фацеций (от латинского facetias — шутка, острота). Польский оригинал восходит к разнообразным сборникам подобного рода, широко распространенным в западноевропейской литературе. О характере и восприятии фацеций на русской почве красноречиво свидетельствуют варианты подзаголовков к основному названию сборника («Факедры, или Жарты полски») в различных его списках: «Беседы, повести и утешении», «Издевки смехотворны московски», «Беседы, повести и утехи московски» и т.п. Сборники фацеций включали в себя исторические и бытовые анекдоты, развернутые новеллы романического характера, краткие остроумные изречения. Здесь публикуется десять фацеций разного характера.

Текст печатается по изданию: *Державина О. А.* Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962.

ИЗ ФАЦЕЦИЙ

1. О Августе кесаре и поэте Виргилии

Август кесарь Виргилиуша поэты и трактыка вопроси: «Поведь ми, Виргилие, кто есть отец ми? Аз убо вем, яко Октавий отец ми есть, инии же инаго поведают быти». Отвеща Виргилий и рече: «Вем, о кесарю, яко владетель еси великий и повелитель всего света страшный, и еже аще хощеши творити, но в милости известнейший; обаче ужасаюся рещи, ибо правда во очи колет. Боюся томления и вечнаго заключения, егда правду рещи ми пред тобою». Кесарь клятвою завещая не озлобити его и приложи ухо слышати.

Виргилий же возсмеяся и рече: «Великий кесарю, познаваю по тебе и предразумев, яко хлебников сын еси». И изумевся кесарь, помышляя в себе, како и каковым удобством. И Виргилий рече: «Послушай, милостивый кесарю, откуду имею о тебе таковое непщевание *. Написах аз премногия книги о славе твоего величе-

* мнение.

ства, ты же, будучи всего света велиим монархом, приказал еси мене токмо единем хлебом отправити, что или пекарь, или сын пекарский обыче творити».

Сия слыша, благодушный кесарь вельми весел учинися и рече: «Отселе, Виргилиуше, возимееши дары и милость не яко от пекаря, но яко от великаго кесаря».

Видите, како милосердный господарь издевки приемлет, ибо у разумных гневу не бывает, аще ли и шутливоством кто правду открывает.⟨...⟩

10. О Сципионе Африкане

Сципион Африкан прииде ко Ениушу поэте многое время у дверей дому прилежно толча, хотя видети его. Но Енний книги некия писа, повеле отрещи, яко в дому несть. Сципион же, ведая, яко в дому есть, обаче отиде.

Случися по надлежащей нужде единою видети Сципиона, прииде ко вратом его (Енний) и постучася. Сципион же, уведав сие, из храмины своея изниче ко Еннию и рече: «Что тако стучиши? Несть в дому господина». Рече же Енний к нему: «Что, брате, отрицаешися, а сам со мною глаголеши?» Глагола Сципион: «Что же и ты упорно чиниши? Несть мя в доме. Аз убо и работнице твоей вчера поверих, яко несть тя в доме, а ты и самому мне веры не имешь».

Поелику и како кто с кем обходит,
Взаимной любви от оного отходит.

11. О Стратониусе

Стратониус, лютнист изрядный, но и злодей бе великий и пакостник совершенный. Сей прииде в Коринф и premедли три дни.

Идуще же ему по граду, жена престаревшаяся срете его и зря нань прилежно. И видя Стратониус рече ей: «Мати, что толико на мя зриши прилежно?» И рече жена: «Сыне, удивляюся зело зрящи на тя, како тя мати твоя девятомесячное время во чреве носити могла, — ибо град сей име ти в себе точию три дни зело огорчися от тебе».

Иже в добродетелех не поступен,
Всем является гнусен.⟨...⟩

30. О юноше, иже подобообразен бе Августу

Возвещенно бысть кесарю Августу, яко прииде в Рим воинска чину юноша, иже во всем ему подобный. Удивися сему Август, повеле оного пред себе поставити.

Егда же прииде, много взирая нань *, рече ему: «Повеждь ми, юноше, коликожды мати твоя зде в Риме была или живала?»

* на него

Юноша же уразуме, чесо* ради кесарь сие рече ему, отвеща: «Никогда, но отец мой часто семо в Риме присудствовал». Слыша сие, Август в размышление вниде и раскаяся о глаголе своем.

Никому отсюду учися поносно глаголати,
Да не руку на уста будеши налагати.⟨...⟩

32. О тате, иже прииде красти пианицу

Тать красти влезе в дом некоего пияницы, иже все еже име стяжание без остатку пропи, обаче пияный оный услыша татя в дому ходяща и ищуща, что взяти, ничесоже обретающа, изыде к нему и рече: «Брате, не вем чесого зде в нощи ищеши, аз уже и в день обрести ничего не могу».

Пуст весьма той дом бывает,
Кто всеохотно в пиянстве пребывает.⟨...⟩

34. О некоем при смерти лежащем

Сосед нам ближний разболеся и быв близ смерти. Жена же его, желая да поне** при смерти покается, увещав его и священника призвав. Поп же, пришед и послушав исповеди его, нача учити: «Видиши, — рече, — яко близ ти кончина, покажи поне в мале времяни плоды покаяния, сокруши свое сердце, а паче не отчаявайся о милосердии Божии, умилися душею, принеси слезы и аще тако сотвориши, то ангели поимут и понесут душу твою в небо». Болный же рече: «Благо мне, яко понесут, а не пешу итти, ибо вем немалу дорогу, а итти не могу».

Не в час бедный глумится,
Яко в таковый страшный путь готовится.

35. О некоем селянине, иже сына своего в научение предаде

Селянин некий со множеством имения предаде сына во учение словесного наказания во едину от краковских школ, но сын в праздности пребывая, не латински глаголати желах, но иде же рюмки гремят, тамо пребывал и изнури все, еже ему отец даде, возвратися ко отцу, еже хотя еще взяти от отца.

Отец же, аще и простяк, но помысли: «Вда много, а еще просит. В толикой тщете будет ли что лутчшее в сыне?» И хотя сына вопросити, како что по латыни, но не ведяше.

Прилучися же ему во оно время навоз копати, сыну же стоящу на празе и дивящуся трудам его. Отец же вопроси: «Сыне, како по латине вилы, навоз, телега?»

Сын отвеща: «Отче, вилы по латыни видлатус, гной — гнааутус, воз — возатус».

Отец же аще и неведок, обаче уразумел, яко сын за школою

---

* чего
** хотя бы

учился, а не в школе, удари его вилами в лоб и вда ему вилы в руки, глаголя: «Отселе учися вместо школы в хлеве: возьми видлатус в рукатус м клади гнаатус на возатус и будет ти видлатус и ператус» *.

Не вскоре будет философ,
Кто сердцем привязан у сох.⟨...⟩

44. О уздравлении подагры у плебана

Приидоша во едину весь два татя и лукавнующе везде присматривающе к приобретению своему. И един у некоего жителя веси тоя присмотре громаду орехов волошских, другий же у некоего селянина овцы и бараны толсти, и тако согласившеся да кождо намерению своему послужит и вкупе снидутся при костеле в посницы — посница же притвор, в нем же нищии седяху и прошаху милостыни во дни даже до вечера. В нощи же притвор той пуст бывает.

Веси оныя плебан, то есть поп оного села, ногами боляше, подагру сииречь комчюжную болезнь велию имяше, не имеяше же при себе кого, точию ** два юноши, иже ему служаху, егда потребу возимеет камо итти, то на стуле его ношаху.

И егда нощь прииде, изыдоша татие на дело свое, и иже орехи примети, поелику в дому утешишася и наполни оных великий мешок и прииде во ону посницу, еже есть притвор, нача ждати подруга своего и тако тамо сяде, ожидая подруга, грызяше орехи тыя.

По случаю же оного попа в храмине огнь угасе, высещи же к чему не прилучися в дому. Посла поп единаго от служебник своих взяти в костеле огня. Посланный же, егда прииде близ притвора, услыша луск орехов, возмне в притворе демона быти и глумляшеся, страхом велиим объяся, прибеже к дому без огня, и случай плебану поведа. Плебан же разгневася, укоряя его и страшливым нарицая, посла втораго юношу и преди пришедшаго паки с ним. И егда обоим близ бывшим и услышаша луск, начаша жилы дрожати в коленех их и трепетати. Вспять побегоша и попу сие поведаша, чесого дела в костеле огня не взяша. Плебан же злыя слова метав на них и без света не може быти, повеле им самого себе нести ко храму. Юноши же онии понесоша попа. Нощь же бе зело мрачна и безлунна.

И егда близ быша притвора, тать оный седяй тамо, чая подруг ево баранов несет, возопи: «Подожди, не надсажайся, помогу ти». Юноши же онии, ужасом содержими, чаяху яко демон хощет им пособити, поставиша попа и от страха побегоша. Тать оный из притвора излазя, глаголет: «Толсти ли?» Поп, услыша сие, зеле *** убояся и от великаго страха, забыв лютую свою и великую болезнь, вскочи с кресел и яко бесноватый к дому побеже.

* будут тебе вилы вместо пера.
** только
*** сильно, очень

Тать, мня, яко клеврет его лукавнует, не хотя дати части в крадежи, бежа за попом и вопия: «Что бежиши? моя половина». Поп же в дом едва жив чрез праг превалися и замкнувся, глаголет: «Несть ти, диаволе, ни единыя части во мне».

Тать же, видя, яко обольстися, отиде от дому, стрете же и товарища и поведа ему пригоду свою.

Поп отсюду от лютой своей болезни исцеле и к тому даже до смерти не чуяше ее. Злый страх отъя недуг его.

Тамо не бывает хаха,
Кто наидет до великаго страха.⟨...⟩

47. О дворянине и о прокураторе

Общежительный человек, домовыя вещи в мехе несый тесною некоею улицею, в том же и рожен * велий бяше. Случися же оною улицею итти некоему честному ** человеку. Несый мех вопия: «Поберегись, поберегись!» Он же, яко обычай гордым над смиренными возноситися, небреже о словесех иде распыхався. Несый вещи во оной тесноте задев его оным рожном и раздра некако одежды его. Он же повеле его бити и бив повеле его отвести пред судии, ста же и сам пред судиею, глаголя, да учинит наказание презорливому и обезчестившему его рабичищу.

Прокуратор *** же некий прилучися во оно время пошепта во ухо несщему вещи, глаголя: «Ни ко единому словеси пред судиею не отвещай, ниже ино глаголи, точию молчи, аще хощеши прав быти».

Судия, егда нача вопрошати: «Чесого ради тако сотворил, отвещай». Он же молча, и тако много время прейде, судии вопрощающу, оному же не отвещающу. Прокуратор же, по нему же слову иже научивый молчати, яко стряпчей, рече: «Господине судия, что немаго вопрошаеши, видиши, яко нем есть и глух, и не размысля его же рожном заде».

Честный же оный человек оскорбися о сем, рече: «То како нем?» И обратився к обезчестившему его, порицая и лая его, рече: «Ныне нем творишися, а вчера како глаголал и вопиял еси: «поберегись, поберегись»?»

Сия слыша, судия обвини самого его, глаголя: «Сам себе осудил еси: чесого ради, слыша вопиюща, не устрашился или не поберегся еси?» И тако его отосла, а оного волно пусти.

Дворянин о сем оскорбися
И о прокураторе знати научися.
По сем веждь идеже кричат ти вара,
Бежи прочь зарана.⟨...⟩

---

* кол
** знатному
*** прокурор

61. О жене, всадившей гостя в полбочку

Некий муж нечающей жене в дом прииде. Жена же без него гостя имея, которой ея издавна подчивал. Не имея же вскоре скрыти его, а стояла полбочки в ызбе, тамо его сокры, но ноги его не вместишася и видены быша.

Егда же муж в ызбу, вниде и вопроси, что сие, она же неукосным вымыслом себе сице забеже: «Милый мужу, — глаголет, — человек сей полбочки сию торгует и хощет купити и влезе в ню даже высмотрит, нет ли скважней. Продаждь ему, а нам в ней мало пригоды. А ты, добрый человече, естьли уже высмотрел, излези и торгуй у господина». Мужик же излезе ис полубочки, а господин не точию с ним торговался, но и отнести пособил.

Так жены злыя мужей обольщают,
Нимало боялся, тем ся не стращают.⟨...⟩

Повесть о Фроле Скобееве

Действие «Повести» относится к концу XVII в., но написана она была, повидимому, уже в Петровскую эпоху, в начале XVIII в.

Это произведение по своему характеру относится к широко распространенному на Западе жанру плутовских романов. Однако читателя «Повести о Фроле Скобееве» привлекает не только занимательность и острота сюжета произведения, но и характер изображения в нем действующих лиц, язык памятника. Не случайно И. С. Тургенев писал о ней: «Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны, и наивность слога трогательна». Примечательной чертой «Повести», резко отличающей ее от предшествующих литературных памятников, является четкое разграничение авторской речи от речи персонажей повествования. Индивидуализация речи действующих лиц создавала, несмотря на лаконичность и краткость произведения, представление о характерах героев. Поэтому жизненность и правдивость «Повести» обусловливались не столько тем, что многие имена действующих лиц находят себе соответствие в реалиях конца XVII в., сколько яркостью изображения описанных в произведении событий.

Текст печатается по изданию: ПЛДР. 10. С. 55—64.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

История о российском новгородском дворянине Фроле Скобееве, столничей дочери Нардина-Нащекина Аннушки

В Новгородском уезде имелся дворянин Фрол Скобеев. В том же Ноугородском уезде имелис вотчины столника Нардина-Нащокина, имелас доч Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах.

И проведав Фрол Скобеев о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любов с тою Аннушкой и видить ее. Однако ж умыслил спознатся той вотчины с прикащиком, и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилос быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме, и в то время пришла

к тому прикащику мамка дочери столника Нардина-Нащокина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, и Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господин Скобеев! Не по заслугам моим ко мне милост казать изволиш, для того что моей услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: «То мне сие ни во что!» И пошел от нее проч, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о том не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свой.

И в то время увеселителных вечеров, которые бывают в веселости девичеству, называемыя по их девичеству званию Святки, и та столника Нардина-*Нащокина* дочь Аннушка приказала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которыя во близости той вотчины столника Нардина-Нащокина имеет жителство и у которых дврян имеютца дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ея прошению все обещались быть. И та мамка ведает, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица, и приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина-Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке *пообождати* малое время: «Я схожу к братцу своему, ежели прикажит мне ехать, то к вам с тем и *объявим*». И как пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка *от* столничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки «и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним». И Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Поди, скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весма стала думать, что брат ея повелел сказать, однако жъ не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сей вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке.

И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «Ну, сестрица, поре тебе убиратся и ехать в гости». И сестра ево как стала убиратся в девичей убор, и Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра ево весма о том сокрушалась, понеже что «ежели признает ево, то конечно быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин-Нащокин весма великой милости при царе находится». Однако ж не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрався в девичей убор и поехал с сестрой своей в дом столника Нардина-Нащокина к дочери ево Аннушки.

Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать.

И стали все девицы веселитца разными играми и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать ево никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Как, мамушка, много наших сестер, дворянских дочерей, а твоей к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, вынев денех пять рублев, подарил тое мамку с великим принуждением, и те денги мамка взяла. И Фрол Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал пред ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязателную любовь. И как усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнени и не знает, с ним что делать. Однако жъ, помяну ево к себе два многия подарки: «Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоей». И пришла в покой, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке : «Полноте, девицы, веселитца, я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкой игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою». А на Фрола Скобеева показала: «Сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, как водится в свадбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселились. И та мамка велела тем девицам пет грамогласныя песни, чтоб им крику от них не слыхать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожалея брата своего, и надеется, что кончено будет притчина *.

И Фрол Скобеев лежа с Аннушкой и объявил ей себя, что он Фрол Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеев не взирая ни на какой себе страх и ростлил ея девство. По том просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб он не обнес ** ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна, а девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, толко мамку взяла за руку и отвела от тех девиц и стала ей говорить искусно ***: «Что ты надо мною зделала? Ета не девица со мною была, он мужественной человек, дворянин Фрол Скобеев». И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая же девица, как и протчия. А когда он такую безделицу **** учинил, ведаешь, что у нас

* что в конце концов как-нибудь обойдется
** осрамил
*** испытующе
**** мошенничество

людей доволно, можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка сожелея того Фрола Скобеева: «Ну, мамушка, уже быть так, того мне не возвратить». И пошли все девицы в пировой покой, Аннушка с ними же и Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой, Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И наутри встали все девицы, стали разъезжатся по домам своим, тако ж и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиц, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали ево служители дому того, и веселились все со Аннушкою. И по прошествии трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свой и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублев. И Фрол Скобеев приехал в дом свой, весма рад бысть и делал банкеты и веселился с протчею своею братию дворян.

И пишет из Москвы отец ея, столник Нардин-Нащокин, в вотчину к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала * воли родителя своего, собрався вскоре и поехала в Москву. Потом проведал Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнени, не ведает, что делать, для того что он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение как можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправлятся в Москву, а сестра ево весма о том соболезнует, об отлучени ево. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем! Хотя живот ** свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник. Ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не отставлю, а буде *** зделается несчастие, то поминай брата своего». Убрався и поехал в Москву.

И приехал Фрол Скобеев в Москву и стал на квартире близ двора столника Нардина-Нащекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшестви литурги вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждать мамку. И как вышла мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И как мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрешней день пошла к обедни и взела б с собою денег 200 *рублев* и отдала Фролу Скобееву. То учинила по воли ея.

И у того столника Нардина-Нащекина имелась сестра, пострижена в Девичьем манастыре[1]. И тот столник приехал к сестре своей в манастыре, и сестра ево стретила по чести, брата своего. И столник Нардин-Нащекин у сестры своея был долгое время

* не ослушалсь
** жизнь
*** если

и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб он отпустил к ней в манастырь для свидания доч свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалас. И столник Нардин-Нащекин обещал к ней отпустить. И просила ево: «Когда и в небытност твою дома пришлю я по ея корету и возников *,чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя».

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину-Нащекину ехать в гости з женою своею. И приказывает дочери своей: «Ежели пришлет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, как можно пошъла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, как можно, выпросил корету и с возниками и приехал сам к ней и сказался, бутто от сестры столника Нардина-Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева манастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И как услышел Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что делать, и не знает, как кого обмануть, для того что ево многия знатныя персоны знали, что он, Скобеев, дворянин небогатой, толко великой ябида, ходотайствует за приказными делами. И пришло в памят Фролу Скобееву, что весма к нему добр столник Ловчиков. И пошел х тому столнику Ловчикову, и тот столник имел с ним разъговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками.

И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру и того кучера поил весма пьяна, а сам убрася в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал ко столнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрела та *Аннушкина мамка*, что приехал Фрол Скобеев, сказала Аннушке, под видом других того дому служителей, якобы прислала тетка по нея из манастыря. И та Аннушка убралась, и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева.

И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучер Ловчикова не в таком сылном пьянстве, и напоя ево весма жестока пьяна, и положил ево в карету, а сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возныков и с коретою на двор. Люди Ловчиковы видят, что стоят возныки, а кучер лежит в корете жестоко пьян, пошли и объявили Ловчикову, что «лежит кучер пьян в корете, а кто их на двор привел, не знаем». И Ловчиков корету и возников велел убрать и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И наутре стал спрашивать Ловчиков того кучера, где он был со Фролом Скобеевым, и кучер сказал ему: «Толко помню, как приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардин-Нащокин приехал из гостей и спрашивал дочери своей Аннушки, то мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в манастырь, для того что она прислала корету и возников». И столник Нардин-Нащокин сказал: «Изрядно».

---

* лошадей

И столник Нардин-Нащокин долгое время не бывал у сестры своей и надеется, что доч ево в манастыре у сестры ево. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столник Нардин-Нащокин поехал в манастырь к сестре своей, долгое время и не видит дочери своей, и спросил сестры своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братец, издиватся! Что мне делать, когда я бесчастна * моим прошением к тебе? Просила ея прислать ко мне; знатно **, что ты мне не изволиш верить, а мне время таково нет, чтоб послать по нея». И столник Нардин-Нащокин сказал сестре своей: «Как, государыня сестрица, что ты изволиш говорит? Я о том не могу разсудит, для того что она отпущена к тебе уже тому месяц, для того что ты присылала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостях и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никак я, братец, возников и кореты не посылала, никогда и Аннушка у меня не бывала!» И столник Нардин-Нащокин весма сожалел о дочери своей, горко плакал, что безвестно пропала дочь ево. И приехал в дом, сказал жене своей, что Аннушка прапала, и сказал, что у сестры в манастыре нет. И стал мамку спрашиват, кто приезжал с возниками и с коретою кучер. И сказала, что «из Девичьева манастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему и поехала Аннушка». И о том столник и з женою весма соболезновали и плакали горко.

И наутре столник Нащокин поехал к государю и объявил, что у него безвестно пропала дочь. И государ велел учинит публику *** о ево столничей дочери: «Ежели ея кто содержит тайно, чтоб объявили! Ежели кто ея не объявит, а после обыщется, то смертию казнен будет!» И Фрол Скобеев, слышав публикацию, не ведает, что делат. И умыслил Фрол Скобеев, чтоб итить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиков весма к нему добр. И пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, имел с ним много разговоров, и столник Ловчиков спрашивал Фрола Скобеева: «Что, господин Скобеев, женился ли?» И Скобеев сказал: «Женился, государь мой». — «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль — время окажет». И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно, отстань за ябидою ходить, живи в отчине **** своей, лутче здравию».

Потом Фрол Скобеев стал просит того столника Ловчикова, чтоб он был предстателем ***** ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что? Ежели сносно, буду предстателствовать, а ежели что несносно, не гневайся!» И Фрол Скобеев ему объявил, что «столника Нардина-Нащокина доч Аннушка у меня, и я женился на ней». И столник Ловчиков сказал: «Как ты зделал,

---

* безответна, обижена
** видно, понятно
*** объявить розыск
**** в вотчине
***** заступником

так сам и ответствуй!» И Фрол Скобеев сказал: «Ежели ты предстательствовать не будеш обо мне, то и тебе будет не без чево: мне уже пришло * показать на тебя, для того что ты возников и корету довал. Ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнени и сказал ему: «Настоящей ты плут, что ты надо мною зделал? Добро, как могу, буду предстателствовать!» И сказал ему, чтоб завтрешней день пришел в Успенской собор: «И столник Нардин-Нащокин будет у обедни, и я с ним буду. И после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площеди[2], и в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери. А я, как могу, о том буду предстателствовать».

И пришел Фрол Скобеев в Успенской собор к обедни, и столник Нардин-Нащокин, и Ловчиков, и другия столники все были. И по отшестви литурги в то время в собрани на Ивановской площеди против Ивана Великого, и Нащокин тут же, имели столники между собою разговоры, что им надобно. И столник Нардин-Нащокин болше соболезнуя и разсуждая о дочери своей, и столник Ловчиков разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришел Фрол Скобеев и отдал всем столникам, как по обычаю, поклон. И все столники Фрола Скобеева знают. И кроме всех столников пал пред ногами Скобеев столнику Нардину-Нащокину и просит прощения: «Милостивой государ, столник первы! Отпусти виновнаго, яко раба, которой возымел пред вами дерзновение». И столник летами древен, однако жъ еще усмотрет мог, натуралною клюшкою подымает Фрола Скобеева и спрашивает ево: «Кто ты таков, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фрол Скобеев толко говорит: «Отпусти!» ** и столник Ловчиков подошел к Нардину-Нащокину и сказал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворенин Фрол Скобеев». И столник Нардин-Нащокин закричал: «Встан, плут! Знаю тебя давно плута, ябедника. Знатно, что наябедничал себе несносно. Скажи, плут! Буде сносно, стану старатся о тебе, а когда несносно, как хочеш. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встан, скажи, что твоя вина!»

И Фрол Скобеев встал от ног ево и объявил ему, что доч ево Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекин услышал от него о дочери своей, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался и стал ему говорить: «Что ты, плут, зделал? Ведаеш ты о себе, кто ты таков? Нет тебе отпущения от меня вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Поиду к государю и стану на тебя просить о твоей плутской ко мне обиде!» И вторително пришел к нему столник Ловчиков и стал ево разгаваривать ***, чтоб он вскоре не возымел докладу к государю: «Изволиш съездить домой и объявить о сем сожителнице своей и посоветуй обще! Как к лутчему уже быть, так того времяни не возвра-

* и до тебя дело дойдет: я уже решил
** прости.
*** отговаривать

тить, а он, Скобеев, от гневу вашего никуды не может скрытца». И столник Нардин-Нащокин совету столника Ловчикова *послушал* и не пошел к государю, и сел в корету и поехал в дом свой. А Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будет нам с тобою, не ведаю! Я объявил о тебе отцу твоему!»

И столник Нардин-Нащокин приехал в дом свой и пошел в покои, жест*око* плачит и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаеш, я нашел Аннушку!» И жена ево спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нащокин сказалъ жене своей: «Вор-от, плут и ябедник Фрол Скобеев женился на ней!» Жена ево услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своей. И стали оба горко плакать и в серцах своих бранят доч свою и проклинают и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память, и сожелея дочери своей, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека и сказать, где он, плут, живет, и проведать о дочери своей, жива ли она». И призвали человека своего, и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человек искать квартиру Фрола Скобеева на двор. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришел человек, и велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человек вошел в покои и отдал, как по обычаю, поклон. И Скобеев спросил: «Что за человек и каку нужду имееш ко мне?» И человек тот сказал, что он прислан от столника Нардина-Нащокина проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видиш ты, мой друг, какое здравье! Таков-та родителской гнев: видиш, они заочно бранят и кленут, и оттого она при смерти лежит. Донеси их милости: хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человек тот отдал им поклон и пошел от них.

И пришел к господину своему, столнику Нащокину. И спросил ево: «Что, нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человек тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива «и требует от вас хотя словесно заочно благословение». И столник и з женою своею соболезновали о ней, токмо разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть так, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так Бог судил. Надобно, друг мой, послать к ним образ и благословить их, хотя заочно. А когда сердце наше умилостивитца к ним, то можем и сами видится». Сняли *с* стены образ, которой обложен был златом и драгим камением, како прикладу всего на 500 *рублев*, и послали с тем человеком и приказали сказать, чтоб она сему образу молилась, «а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он ево не промотал».

И человек приняв образъ и пошел на двор Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришед тот же человек, сказал

жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала и села вместе со Фролом Скобеевым. И человек тот вошел в покои и отдает образ Фролу Скобееву. Приняв образ, поставил, где надлежит, и сказал тому человеку: «Таково-то родителское благословение: и заочно намерены благословить, и Бог дал, Аннушке лехче, слава Богу, здрава!» И сказал Фрол Скобеев: «Тако ж и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родителскую милость». И человек пришел к господину своему и объявил об отдани образа и о здрави Аннушки, и о благодарени их, и пошел в показанное свое место.

И столник Нардин-Нащокин стал разсуждать и сожалеть о дочери своей, и говорил жене своей: «Как, друг, быть? Конечно, плут заморит Аннушку: чем ея кормить, и сам, как собака, голоден. Надобно послать какова запасу на 6 лошедях». И послали запас и при том запасе реэстр. И Фрол Скобеев не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место, и приказал тем людем за их родителския милости благодарить. Уже Фрол Скобеев живет роскочно и ездит везде по знатным персонам. И весма Скобееву удивлялис, что он зделал такую притчину так смело.

И уже чрез долгое время обратились сердцем и соболезновали о дочери своей, тако ж и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним и просить их, чтоб Фрол Скобеев и з женою своею, а сь их дочерью, приехал к столнику Нардину-Нащокину кушать. И пришел присланной человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб он изволил приехать сей день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказалъ человеку: «Донеси батюшку: готов быть сей день кь их милости!»

И Фрол Скобеев убрался з женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего, столника Нащокина. И как приехал в дом к тестю, и Аннушка пришла к отцу своему и пала пред ногами родителей своих. Усмотрил Нащокин доч свою и з женою своею и стали ея бранить, наказывать гневом своим родителским. И, смотря на нея, жестоко плакали, как она так учинила без воли родителей своих. Однако ж, оставя вес свой гнев родителской, отпустя ей вину и приказал сест с собою. А Фролу Скобееву сказал: «А ты, плут, что стоиш? Садис тут же. Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью?» И Фрол Скобеев сказал: «Ну, государ-батюшка, уже тому так Бог судил!» И сели все вмести кушать. И столник Нардин-Нащокин приказал людем своим, чтоб никого в дом посторнних не пущали: «Ежели кто приедет и станет спрашивать, что дома ли столник Нащокин, сказывайте, что время такого нет, чтоб видить столника нашего, для того зь зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает».

И по окончании стола столник Нардин-Нащокин спрашивал: «Ну, плут, чем станеш жить?» — «Изволиш ты ведать обо мне: более нечим, что ходить за приказным делам». — «Перестан, плут, ходить за ябедою! И имения имеется, вотчина моя, в Синбирском уезде, которая по переписи состоит въ 300-х сот дворех. Справь, плут, за собою и живи постоянно!» И Фрол Скобеев отдал поклон и з женою своею Аннушкой и пренося пред ним благодарение. «Ну, плут, не кланейся, поди сам справляй за себя!» И сидев

немного время и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столник Нардин-Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорит: «Ну, плут, чем ты справиш? Ест ли у тебя денги?» — «Известен, государ-батюшка, какия у меня денги; разви продать ис тех же мужиков!» — «Ну, плут, не продавай! Возми денег, я дам». И приказал дать 300 *рублев*, и Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру.

И со временем справил тое вотчину за себя. И пожив столник Нардин-Нащокин немного время и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имени. И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столник Нардин-Нащокин умре и з женою своею. А Фрол Скобеев после смерти отца своего сестру свою родную отдал за некоторого столничьева сына, а которая при них имелас мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея.

Сей истории конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Новодевичий монастырь (основан в 1524 г.), находился в то время под Москвой, сейчас в черте города.

[2]В Кремле, где находились правительственные учреждения и московские приказы. Здесь на площади у колокольни Ивана Великого располагалась Ивановская палатка, в которой сидели площадные подьячие, занимавшиеся составлением всякого рода деловых бумаг.

ПРОТОПОП АВВАКУМ

Из «Жития», из «Книги бесед», из писем к боярыне Морозовой

В начале второй половины XVII в. патриархом Никоном (1605—1681, патриарх в 1652—1658) и царем Алексеем Михайловичем (1629—1676, царь с 1645) была проведена церковная реформа, направленная в интересах внешней политики к сближению русских церковных обрядов с греческим каноном православной церкви. Сторонники сохранения старых норм церковного обряда и церковных установлений решительно выступили против церковной реформы, что привело к расколу — отделению от официальной церкви старообрядцев. Официальная церковь и государство проводили жестокую борьбу со старообрядчеством. Сопротивление старообрядцев превратилось в антифеодальное демократическое движение, имевшее церковную оболочку, но вместе с тем носившее характер резкой критики церковной и царской власти. Идеологом старообрядчества стал протопоп Аввакум (1621—1682), сын священника из села Григорово Нижегородского края. За свои выступления в защиту старой веры против «никониан» — сторонников реформы Никона, за свою непримиримость и страстность борца за идею Аввакум подвергался жесточайшим репрессиям и, в конце концов, заключенный в пустозерскую земляную тюрьму в устье реки Печоры, был вместе со своими «соузниками» заживо сожжен «за великие на царский дом хулы».

Аввакум был не только страстным борцом, но и талантливым писателем и публицистом. Главным литературным трудом Аввакума является написанное им в земляной тюрьме в Пустозерске (ок. 1673 г.) «Житие». Это было первое в русской литературе автобиографическое произведение, носившее резко выраженный

проповеднический и вместе с тем исповедальный характер. Читателя поражает и волнует не только драматизм жизненной судьбы героя повествования — автора, но и убежденность, страстность, с которыми он отстаивает свое мировоззрение, восприятие и понимание правды жизни.

Замечательно «Житие» Аввакума и своим языком. «Чтущии и слышащии, — писал Аввакум, — не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык... Я не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русского». Обращение к живому разговорному языку Аввакума в письменных литературных текстах было смелым новаторством. Но это просторечие было «просторечием» человека большой книжной культуры, «просторечием» талантливейшего писателя, поэтому «Житие» Аввакума не только красноречивый документ своей эпохи, но и великий памятник и литературы, и русского литературного языка. «Просторечье» Аввакума было не только «непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца», по определению Максима Горького (Горький М. Собр. соч. М., 1953. Т. 27. С. 166), но и образцом истинного литературного красноречия. Аввакумом, и как могучей человеческой личностью и как гениальным писателем, восхищались многие писатели нового времени, в том числе Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. М. Горький.

До нашего времени «Житие» дошло в нескольких редакциях, среди списков которых два автографа самого Аввакума. «Житие» печатается с небольшими купюрами. Кроме того, публикуются введение, две «беседы» Аввакума из его «Книги бесед» (создавалась в период пустозерской ссылки, с 1669 по 1675 г.) и два письма к боярыне Морозовой, написанные Аввакумом в то время, когда она находилась еще на свободе (письма датируются 1669 и 1670 гг.).

Текст «Жития» печатается по изданию: «Изборник». С. 626 –674. Остальные произведения по изданию: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

ИЗ «ЖИТИЯ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием[1], — понеж отец ему духовной инок, — да не забвению предано будет дело Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу Богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице Боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делы благими, яже ныне хощу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да добрыми делы просвещен, на судище * десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими.⟨...⟩

Рождение же мое в Нижегороцких пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове[2]. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока ** Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмелнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався доволно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел

* на Страшном суде
** в монашестве

молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, безпрестанно обыкла ходить во церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божии тако. Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет з годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осм лет и потом совершен в протопопы православными епископы, — тому двадесять лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священъство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежал во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде, и во стране Сибиръской проповедуя и уча слову Божию, — годов будет тому с полтретьяцеть *.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии ** всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелъся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою[3], и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «Чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо ***, — его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волъги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «Твой корабль! Да, плавай на нем з женою и детми, коли докучаешь!» И я вострепетах и, седше, разсуждаю: «Что се видимое? И что будет плавание?»

А се по мале времени, по писанному, обьяша мя болезни

* двадцать пять.
** разврату
*** пепельного цвета

смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох. У вдовы началник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери; и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз, лежа мертв полчаса и болши, и паки оживе Божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин началник, во ино время, на мя разсвирепел, — прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищалми и, близь меня быв, запалил ис пистоли, и Божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и Божия воля учинила так же — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан[4]. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика * древле[5]. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану[6] и к Неронову протопопу Иванну[7], они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы ж з грамотою паки послали меня на старое место, и я притащилъся: ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое плясовые медведи з бубнами и з домрами: и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари, и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петровичь Шереметев[8], пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своево Матфея бритобратца **. Аз же не благословил, но от Писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волъгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались ***, а брату моему меншому бояроня Васильева и дочь духовная была. Так-то Бог строит своя люди!

---

* евнуха
** бритобородого
*** просили прощения

На первое возвратимся. Таже ин началник на мя разсвирепел: приехав с людми ко двору моему, стрелял из луков и ис пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси судбами!» И побежал от двора, гоним святым Духом. Таже в нощ ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «Батюшко-государь! Евфимей Стефановичь при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: «Дайте мне батка Аввакума! За него Бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. И се помолил Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом московским; аще зарежут, и ты причти мя з Захариею-пророком; а буде в воду посадят, а ты, яко Стефана Пермъскаго[9], паки свободиш мя!» И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «Чюдно! Давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Болшо * у Христа-тово остра шелепуга-та **: скоро повинилъся муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «Прости, государь, согрешил пред Богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цел быти?» Он же, лежа, отвеща: «Ей, честный отче!» И я рек: «Востани! Бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой; и з женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби христовы. Так-то Господь гордым противится, смиреным же дает благодать.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве, и Божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Поволской. И тут пожил немного — толко осм *** недель. Дьявол научил попов и мужиков и баб — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и выташа меня ис приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожьем и топтали; и бабы были с рычагами ****. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошеди умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора, блядина сына, да и тело

* знать
** плеть
*** восемь
**** ухватами.

собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал, — ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! Везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинилъся печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут, — опять кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, человек з дватцеть, в Юрьевце остались; неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

По сем Никон, друг наш, привез ис Соловков Филиппа митрополита[10]. А прежде его приезду Стефан духовник, моля Бога и постяся седмицу з братьею, — и я с ними тут же, — о патриаръхе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками *, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам, и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю: преосвященному митрополиту Никону новгороцкому и великолуцкому и всеа Русии радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами, яко лис: челом да здоро́во! Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех знях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в Крестовую[11] пускать! А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанъской[12] к Неронову Иванну. А мне отец духовной был; я у нево все и жил в церкве: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу[13], на Силино покойника место, да Бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанъские тое держалъся, чел народу книги. Много людей приходило. В памети Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания ** творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов[14] — седмицу в полатке *** молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал; таже коломенъскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новогороцких пределех; потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же з Данилом, написав ис книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же,

* прошение за своими подписями
** земные поклоны.
*** комнатке, келье

не вем где, скрыл их; мнит мя ся *, Никону отдал.

После тово вскоре схватав Никон Даниила, в монастыре за Тверскими вороты, при царе остриг голову и, содрав однорятку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили — в земляной тюрме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом[15]. Таже протопопа Неронова Иванна — в церкве скуфью снял[16] и посадил в Симанове монастыре[17], опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь[18], потом в Колской острог[19]. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной — принял три перста, да так и умер. Ох, горе! Всяк, мняйся стоя, да блюдется, да ся не падет! ** Люто время, по реченному Господем, аще возможно духу антихристову прелстити и избранныя. Зело надобно крепко молитися Богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таж меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрелцами; человек со мною шестьдесят взяли: их в тюрму отвели, а меня на патриархове дворе на чеп посадили ночью. Егда ж розсветало в день неделный ***, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря[20], и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дня, ни ел, ни пил; во тме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох доволно. Бысть же я в третий день приалъчен, сиречь есть захотел, и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать — зело прикусны, хороши! — И рекл мне: «Полно, довлеет **** ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно толко человек; а что ж ангел? Ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. Наутро архимарит з братьею пришли и вывели меня; журят мне: «Что патриарху не покорисся?» А я от Писания ево браню да лаю. Сняли болшую чеп *****, да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чеп торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг в обедню. Во время перено-

* думается
** всякий, думая, что он устоит, пусть бережется, чтобы не упасть
*** воскресенье
**** достаточно
***** цепь

са[21] снял патриарх со главы у архидьякона дискос[22] и поставил на престол с телом Христовым; а с чашею архимарит чюдовской Ферапонт вне олътаря, при дверех царских стоял. Увы, разсечения тела Христова, пущи жидовскаго действа! Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чюдно! растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздýх. А в то время и царица в церкве была. На Логина возложили чеп и, таща ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря, и кинули в полатку нагова, и стрелцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему же Бог в ту нощ дал шубу новую да шапку; и наутро Никону сказали, и он розсмеявся, говорит: «Знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у нево отнял, а шубу ему оставил.

По сем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и стязався * много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день[23] ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкве стричь, и держали в обедню на пороге долъго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ[24] и отдали дьяку Третьяку Башмаку[25], что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрме. Спаси ево, Господи! И тогда мне делал добро.

Таже послали меня в Сибирь з женою и детми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила — болную в телеге и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами, и водою, и санми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказывали на меня[26], и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Сьехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьяволским научением напал на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван собрався с людми, во ин день прииде ко мне в церковь, — а я вечерню пою, — и въскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул, и никово не пустил, — один он, Струна, в церкве вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево

* споря

среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочии, человек з дватцеть, вси побегоша, гоними Духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай: иное в церкве начюю, иное к воеводе уйду, а иное в тюрму просилъся — ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах, — опосле на Москву у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг; тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правилною виною ево, Струну, на чеп посадил за сие: некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину възяв и, не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну бояръскому лутчему, Петру Бекетову[27], за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкве болшой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час ис церкви пошед, взбесилъся, ко двору своему идучи, и умре горкою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж гражданя оплачют согрешение его. А сами три дня прилежне стужали * Божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово пълачевнова дела говорить.

По сем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от Писания и укоряю ересь никонову. В таже времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху[28], а оба умерли в мор и з женами и з детми; и многия друзья и сродники померли. Излиял Бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались ** горюны однако — церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, мечь, разделение. То и збылось во дни наша ныне. Но милостив Господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюся на Христа, ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, — поехал на Лену. А как приехал в Енисейской[29], другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцеть тысящ

* докучали
** не распознали

и болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк[30] — людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: безпрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в болшой Тунгуске реке, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налилъся среди реки полон воды, и парус изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричю: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало и утонули в воде. По сем, оправяся на берегу, и опять поехали впредь.

Егда приехали на Шаманъской порог, на встречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и болши: пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: «Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галъки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята инъдейские[31], и бабы[32], и лебеди и иные дикие, — многое множество, — птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и изубри, и лоси, и кабаны, волъки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «Человече! Убойся Бога, седящаго на херувимех и призирающаго * в бездны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираеш и неудобъство ** показуеш», — и прочая: там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их; и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «Поп ли ты, или *роспоп*?»[33] И аз отвещал: «Аз есм Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий *** зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збил меня с ног и, чекан[34] ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболок-

* глядящего
** сомнение
*** дикий

ши * по той же спине семъдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи, Исусе Христе, сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж безпрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «Полно бить-тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «За что ты меня бьеш? Ведаеш ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть ** кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощ под капелию лежал. Как били, так не болно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «За что ты, сыне Божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что́ согрешил!» Бытто доброй человек! — Другой фарисей з говенною рожею, — со Владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так[35], да он праведен, непорочен, а се и Писания не разумел, вне Закона, во стране варварстей, от твари Бога познал. А я первое — грешен, второе — на Законе почиваю и Писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбми подобает нам внити во царство небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду-ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости-те щемить и жилы-те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялъся пред Владыкою, и Господь-свет милостив: не поминает наших беззакониих первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому болшему, Падуну, — река о том месте шириною с версту, три залавка *** чрез всю реку зело круты, не воротами што попловет, ино в щепы изломает, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, — нужно **** было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на Бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «Сыне, не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит Бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам Бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речми тешил себя.

По сем привезли в Брацкой острог и в тюрму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста[36] в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батошка ***** не дадут дурачки! Все на брюхе лежал:

---

* раздев
** поперечную перекладину
*** уступа
**** мучительно
***** хворостинки

спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!» Да сила Божия возбранила, — велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами * и с собаками жил скован зиму всю. А жена з детми верст з дватцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю — лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И наутро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери — руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу неболшое место осталось; а первой разграблен весь: и книги, и одежда иная отнята была; а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ** ход ею был, — и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяныя тяготы люди изгибали, а у меня ноги и живот синь были. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонул. Барку от берегу оторвало водою, — людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричю: «Владычице, помози! Упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и болши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь *** делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь, а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах, да в сумках; все с тех мест перегнило, — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «Ты-де над собою делаеш за посмех!» И я паки свету-Богородице докучать: «Владычице, уйми дурака-тово!» Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иръгеня озера: волок тут, — стали зимою волочитца. Моих роботников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту зделал и зиму всю волочилъся за волок. Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ. Четверътое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городовой[37]. Стало нечева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелъкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палъки болшие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступилъся. У протопопицы моей однарятка[38] московская была, не згнила, — по русскому рублев в полътретьяцеть **** и болши, по тамошнему — дал нам четыре

---

* заложниками-туземцами

** труден

*** ведь

**** двадцать пять

мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось небольшое место; по степям скитающеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну *, а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, — и что́ волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ** ели волъков и лисиц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенъка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающеся по горам и по острому камению наги и босы, травою и корением перебивающеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы, грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачю бедную душу свою, ю́ же зле погубих житейскими сластми? Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, — иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полъпудика накопит и передаст, а иногда у куров корму ис корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — Иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была, а ныне уж ей 27 годов, — девицею, бедная моя, на Мезени, с меншими сестрами перебивается кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? Пускай горкие мучатся все ради Христа! Быть тому так за Божиею помощию. На том положено: ино мучитца веры ради Христовы. Любил протопоп со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: не начный блажен, но скончавый ***. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. ⟨...⟩

Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская; иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедми итти не поспеем — голодные и томные **** люди. Протопопица бедная бредет-бредет,

* сосновую кору
** замерзших
*** не начавший блажен, но окончивший
**** утомленные

да и повалится — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалилъся: оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушъка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батко, меня задавил?» Я пришол, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долъго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петровичь, ино еще побредем».

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу Божиим повелением; нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батко пожаловал, помолилъся о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил — корыто им зделал, ис чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры Божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодни так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Ирьгень озеро. Бояроня пожаловала — прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи * наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сице: сын у нея был Симеон — там родилъся, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение и я, крестом благословя и водою покропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осердилъся ж на нея, и меж нами пря ** велика стала быть. Младенец пущи занемог: рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а Бог пущи угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачют; а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко Владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый Бог, умяхчил ниву сердца ея:

---

* каши
** ссора

прислала на утро сына среднева Ивана ко мне, — со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяяся около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Орефы колъдуна». Потом и болнова принесли, — велела перед меня положить; и все плачют и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель * и масло священное нашол. Помоля Бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал Бог, и опять здоров стал — с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послал. Вижль, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою извpачевала и сына исцелила! Чему быть? Не сегодни кающихся есть Бог! Наутро прислала нам рыбы да пирогов, — а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирилися. Выехав из Даур, умерла, миленкая, на Москве; я и погребал в Вознесенъском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца, — она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенко мне, а сам говорит: «Спаси Бог! Отечески твориш — не помниш нашева зла». И в то время пищи доволно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытать: слушай, за что́. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство[39] воевать, — казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек, — и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой? Волъхв же той мужик, близ моего зимовья привел барана живова в вечер, и учал над ним волъхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударилъся, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «Удастъся ли поход?» И беси сказали: «С победою великою и з богатъством болшим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуяся говорят: «Богаты приедем!» Ох, душе моей, тогда горко, и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: «Господи, хощеши ли, речеве, да огнь снидет с небесе и потребит их, якоже и Илия сотвори». Обращ же ся Исус и рече им: «Не веста, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти». И идоша во ину весь. А я, окаянной, зделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко Господу: «Послушай мене, Боже! Послушай мене, царю небесный-свет, послушай меня! Да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем! Приложи им зла, Господи, приложи, и погибель им наведи, да не збудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же Бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излаял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа

---

* епитрахиль.

моя, что им побитым быть, а сам-таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне, а я им говорю: «Погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы что собаки завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолилъся за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погналъся за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник, — снасть добрая была и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести, — взяла силу вода, паче же рещи — Бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в нево не идет. Чюдо, как-то Бог безумных тех учит! Он сам на берегу, бояроня в дощенике. И Еремей стал говорить: «Батюшко, за грех наказует Бог! Напрасно ты протопопа-тово кнутом-тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «Господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пищаль[40], — никогда не лжет, — приложася на сына, курок спустил, и Божиею волею осеклася пищаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклась пищаль. Он же и в третьи также сотворил; пищаль и в третьии осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил — так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався, и плакать стал, а сам говорит: «Согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует Бог!» Чюдно, чюдно! По Писанию: яко косен * бог во гнев, а скор на послушание, — дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды. Потянули — он и взбежал на тихое место тотъчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолыл ему: «Прости, барте **, Еремей, — правду ты говориш!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «Бог тебя, государя, простит! Я пред Богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по Писанию и надобе так: Бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника, — тут был, — Григорей Телной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал Владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны, — не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал.

---

* медлен
** пожалуйста

Во един от дней учредил застенок и огнь росклал — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье, — после огня-тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачющей и детям говорю: «Воля Господня да будет! Аще живем, Господеви * живем, аще умираем, Господеви умираем». А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело Господне и неизреченны судбы Владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моево едет, и палачей вскликал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седм дней, — одну сьел белку, — и как моим образом человек ему во сне явилъся и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать. Он же, вскоча, обрадовалъся и на путь выбрел. Егда он отцу розсказывает, а я пришел в то время поклонитися им. Пашков же, возвед очи свои на меня, — слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да Господь не выдаст! — вздохня, говорит: «Так-то делаешь? Людей-тех погубил столко!» А Еремей мне говорит: «Батюшко, поди, государь, домой! Молъчи для Христа!» Я и пошел.

Десеть лет он меня мучил, или я ево — не знаю; Бог розберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «Хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людми плыл, а слышал я, едучи, — от иноземцов дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и болных, и раненых, кои там негодны, человек з десяток, да я з женою и з детми — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничево не бояся. Книгу Кормъчию[41] дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моея головы искал: в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще Бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу, — пускай ево беднова! — либо покаятся о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая **. Сего не хотели мне выдать; и он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулъся мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су, — простите! — своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево[42], положа на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули, — лишо говорят: «Матушка, опочивай

---

* для Господа
** мота

ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» А я, — простите Бога ради! — лгал в те поры и сказывал: «Нет ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лъгал тогда. Каково вам кажется? Не велико ли мое согрешение? При Рааве блуднице, она, кажется, так же зделала, да Писание ея похваляет за то. И вы, Бога ради, поразсудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение, или епитимию, понеже мы за одно воровали — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к Богу. Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на Страшном суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружию твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь[43].

Добро, старец, спаси Бог на милостыни! Полно тово.

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мясцо иссуша; и тем лето питалися, пловучи. Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была, — после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил, и детей крестил с кумом — с прикащиком, да дочь моя болшая — кума, а я у них поп. Тем же обрасцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилех — велено так делать. А что запрещение то отступническое, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою *, — дурно молыть! ** — гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр и Алексей, и Иона, и Филипп, — я по их книгам верую Богу моему чистою совестию и служу; а отступников отрицаюся и клену, — враги оне Божии, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладут, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынскою *** воровскою никониянъскою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на действо-то и службу-ту их, да и на книги-те их новоизданныя, — так и ладно будет! Станем говорить, како угодити Христу и пречистой Богородице; а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хочете. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-подчиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя столко же Бог пособил помучитца от вас, ино бы и было с меня, о Господе Бозе и Спасе нашем Исусе Христе! А затем сколко Христос даст, толко и жить. Полно тово, — и так далеко забрел. На первое возвратимся.

* запрещением тем
** сказать
*** шутовской

Поехали из Даур, стало пищи скудать, и з братиею Бога помолили, и Христос нам дал изубря, болшова зверя, — тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляют; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Тереньтьюшко с товарищи; плачют, миленкие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи, сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «Вот, батюшко, на твою часть Бог в запоре нам дал, — возми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «На што мне столко?» Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода * окинула на море, и мы гребми перегреблись: не болно о том месте широко — или со сто, или с осмъдесят веръст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, — дватцеть тысящ веръст и болши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши **, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно. Лук на них ростет и чеснок, — болши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же ростут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя, и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерьледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море болшом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем; осетры и таймени жирны гораздо — нелзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа-тово-света наделано для человеков, чтоб упокояся хвалу Богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень ***, преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; сьесть хощет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся доволно, без правила спит; Бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вем, камо **** отходит: или во свет ли, или во тму, — день судный коегождо ***** явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевает, но паче молъва бывает. Опечаляся, сидя, разсуждаю: «Что сотворю? Проповедаю ли слово Божие, или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня». И, виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятъством и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе; говорить ли мне, или молчать? Связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи

* ненастье
** строения
*** тень
**** куда
***** каждого

помилуй! Что ты, Петровичь, говориш? Слыхала я, — ты же читал, — апостольскую речь: привязалъся еси жене, не ищи разрешения, егда отрешишися, тогда не ищи жены. Аз тя и з детми благословляю: деръзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичь, — обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом и, отрясше от себя печалную слепоту, начах по-прежнему слово Божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никонияискую со деръзновением обличал.

В Енисейске зимовал; и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торъгах кричал, проповедуя слово Божие, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже приехал к Москве[44]. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземъских оръд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в ыноземъских руках. На Оби — великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше реке собрание их стоит: ждут березовских * наших з дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним, и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и объскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, что с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали, и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торъговать со мною стали, — медведен[45] я у них накупил, — да и отпустили меня. Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкиръцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье, Иван Богдановичь Камынин, друг мой, дивится же мне: «Как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес и пречистая Богородица провела; я не боюсь никово, одново боюсь Христа».

Таже к Москве приехал и, яко ангела Божия, прияша мя государь и бояря, — все мне ради. К Федору Ртищеву зашел[46]: он сам ис полатки выскочил ко мне, благословилъся от меня, и учали говорить много-много, — три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотъчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «Здорово ли де, протопоп, живеш? Еще-де видатца Бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: «Жив Господь и жива душа моя, царь-государь, а впредь, что изволить Бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на

* из города Березова

монастыръском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялъся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «Благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, муръманку[47], снимаючи з головы, уронил, едучи верхом. А ис кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря, после ево, челом да челом: «Протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя-тово и бояр-тех не жалеть? Жаль, о-су! Видиш, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединилъся в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет.

А се мне в Тобольске в тонце * сне страшно возвещено (блюдися, от меня да не полъма ** растесан будеши). Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют, Боже мой!» Был я у завтрени в соборной церкви на царевнины имянины, шаловал *** с ними в церкветой при воеводах; да с приезду смотрел у них просвиромисания[48] дважды или трожды, в олътаре у жертвеника стоя, а сам им ругалъся; а как привык ходить, так и ругатца не стал, — что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христосъсвет попужал и рече ми: «По толиком страдании погибнуть хощеш? Блюдися, да не полъма разсеку тя!» Я и к обедне не пошел, и обедать ко князю пришел, и вся подробну им возвестил. Боярин миленькой, князь Иван Андреевичь Хилъков, плакать стал. И мне, окаянному, много столко Божия благодеяния забыть?〈...〉

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними; приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу[49], чтоб я молъчал. И я потешил ево: царь-то есть от Бога учинен, а се добренек до меня, — чаял либо помаленку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править, и я рад силно, — мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублев денег, царица десеть рублев же денег, Лукъян духовник[50] десять рублев же, Родион Страшнев десеть рублев же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы; не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна[51], дочь же моя. Светы мои, мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославские[52] покойницы всегда же в дому был. А к Феодору Ртищеву бранитца со отступниками ходил.

Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто же успевает, но паче молъва бывает, паки заворчал, написав царю многонько-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу

* чутком
** пополам
*** дурачился

общую, святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волъка и отступника Никона, злодея и еретика. И егда писмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым[53], что после отступники удавили ево, Феодора, на Мезени, повеся на висилицу. Он же с писмом приступил к цареве корете со деръзновением, и царь велел ево посадить и с писмом под Красное крылцо[54], не ведал, что мое; а опосле, взявше у него писмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать. Там Павел архимарит[55] и железа на него наложил, и Божиею волею железа разъсыпалися на ногах пред людми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулися и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчю, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить. И мне от царя выговор был: «Въласти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайловичь Салътыков. Да и повезли на Мезень. Надавали было кое-чево, во имя Христово, люди добрые много, да все и осталося тут; токмо с женою и детми и з домочадцы повезли. А я по городам паки людей Божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтора года держав, паки одново к Москве възяли, да два сына со мною — Иван да Прокопей — сьехали же, а протопопица и прочии на Мезени осталися все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь[56]. И туды присылка была, — тож да тож говорять: «Долъго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Скаску * им тут з бранью з болшою написал и послал з дьяконом ярославским, с Козмою, и подьячим двора патриарша. Козма-та не знаю коего духа человек; въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «Протопоп! Не отступай ты старова-тово благочестия; велик ты будеш у Христа человек, как до конца претерпиш; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молыть **, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я,

* объяснение
** сказать

заплакав, благословил ево, горюна; болши тово нечева мне делать с ним, ведает то Бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чепи, взяли меня паки в Москву, и в Крестовой стязався власти со мною, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора[57], потом и проклинали, а я их проклинал сопротив. Зело было мятежно в обедню-ту тут! И, подеръжав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь[58]. И бороду враги Божии отрезали у меня. Чему быть? Волъки-то есть, не жалеют овцы! Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лъбу.⟨...⟩

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель. Тут мне Божие присещение бысть; чти в цареве послании, тамо обрящеши. И царь приходил в монастырь; около темницы моея походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля Божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение вверху * у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленкая; напоследок и от казни отпросила меня. О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся. Диявол между нами разсечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской[59], бедной князь Иван, тут же без царя молитца приезжал: а ко мне просился в темницу, ино не пустили горюна; я лишо, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! Боится Бога, сиротинъка Христова: не покинет ево Христос! Всегда-таки он Христов да наш человек. И все бояря-те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь зделаеш, коли Христос попустил! Князь Иван миленкова Хованъскова[60] и батожьем били, как Исаию сожгли. А бояроню-ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили, и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленких! Мучася, небеснаго жениха достигнут. Всяко-то Бог их перепровадит век сей суетный и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше! Паки на первое возвратимся.

По сем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без мала.⟨...⟩

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели, — от Писания с патриархами говорил много; Бог отверз грешъные мое уста и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «Что-де ты упрям? Вся-де наша палестина — и серби, и алъбанасы, и волохи[61], и римляне, и ляхи, — все-де тремя перъсты крестятся, один-

---

* во дворце

де ты стоиш во своем упоръстве и крестисся пятью перъсты! Так-де не подобает!» И я им о Христе отвещал сице: «Вселенъстии учителие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро * стало от насилия туръскаго Магмета, — да и дивить на вас нелзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодеръжство. До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никон-волък со дьяволом предали трема перъсты креститца, а первые наши пастыри, яко же сами пятью перъсты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших: Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека[62]. Еще же и московский поместный бывый собор[63] при царе Иване так же слагая перъсты креститися и благословляти повелевает, яко же прежнии святии отцы, Мелетий и прочии, научиша. Тогда при царе Иване быша на соборое знаменоносцы ** Гурий и Варсонофий, казанъские чюдотворцы, и Филипп[64], соловецкий игумень, — от святых русских». И патриаръси задумалися; а наши, что волъчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не учоные-де люди были, — чему им верить? Оне-де грамоте не умели!» О, Боже святый! Како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне, бедному, горъко, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колко мог, и последнее слово рекл: «Чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: лутче един творяй волю Божию, нежели тмы беззаконных!» Так на меня и пущи закричали: «Возми, возми его! Всех нас обезчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились. Человек их с сорок, чаю, было, — велико антихристово войско собралося! Ухватил меня Иван Уаров[65], да потащил, и я закричал: «Постой, — не бейте!» Так оне все отскочили. И я толъмачю-архимариту[66] говорить стал: «Говори патриархам, — апостол Павел пишет: — таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив, — и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать *** станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям, да набок повалилъся: «Посидите вы, а я полежу», — говорю им. Так оне смеются: «Дурак-де протопоп-от! И патриархов не почитает!» И я говорю: «Мы уроди **** Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы силни, мы же немощни!» Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуя стали говорить со мною. И мне Христос подал — посрамил в них римъскую ту блядь Дионисием Ареопагитом[67], как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чюдовской

* разнообразно, не чисто
** со «знаменами» (знаками крестов)
*** совершать литургию
**** глупцы.

келарь, молыл: «Прав-де ты, — нечева-де нам болши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чеп.

Потом полуголову царь прислал со стрелцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же — священника Лазоря и инока Епифания старца; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленкие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы[68], а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! Погибаете от своего злаго и непокориваго нрава.

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку. Что за разбойниками, стрелцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется, — и смех и горе, как-то омрачил дьявол! Таж к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем много говорили.

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей[69], и говорили мне царевым глаголом: «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де твоево благословения и с царицею и с чады, — помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачю; жаль мне силно ево. И паки он же: «Пожалуй-де послушай меня, — соединись со вселенъскими-теми хотя неболшим чем!» И я говорю: «Аще и умрети ми Бог изволит, со отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я, реку, не сведу рук с высоты небесныя, дондеже Бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «Где-де ты ни будеш, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешной, елико могу, о нем Бога молю.

Таже, братию казня[70], а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я ис Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое болши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет. Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание[71] послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматех церковных. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных, — преждереченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов христовых. Лука-та московъской жилец, у матери-вдовы сны был единочаден, усмарь* чином, юноша лет в полтретьятцеть, приехал на Мезень по смерть з детми

* кожевник

моими. И егда бысть в дому моем въсегубительство, вопросил его Пилат[72]: «Как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренномудро: «Я так верую и крещуся, слагая перъсты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положа петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная взыде. Болши тово что́ ему могут зделать? Аще и млад, да по-старому зделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадалъся! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть — недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся и, изшед вон, плакася горъко, и слез ради прощен бысть[73]. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уж добро, быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати.

По сем той же полуголова Иван Елагин[74] был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки, — мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинъскаго патриарха Паисея с товарыщи еретическое соборище проклинаем. И иное там говорено многонко, и Никону, завотчику ересям, досталось неболшое место. По сем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восм и болши, да братья паки есть велели.

По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченая, на земле лежа, сложила сама перъсты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чюдно: бездушная одушевленых обличает! Я на третей день у нево во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все — без языка, а не болит. Дал Бог во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лиш маленко тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступников порицая.

По сем взяли соловецъкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перъста. И сперва говорил гугниво. По сем молил пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московъской и здешъней, на возду́хе; он же, един взяв, положил в рот свой и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретеся во ръте. Дивна дела Господня и неизреченны судбы Владычни! И казнить попус-

кает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мъгновении ока воскресит. Да кто о том разъсудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

По сем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик неболшой во рте, в горле накось резан; тогда на той мере и зажил, а опосле и опять со старой вырос и за губы выходит, притуп маленко. У нево же отсекли руку поперег ладони. И все, дал Бог, стало здорово, — и говорит ясно против прежнева и чисто.

Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырми замъками; стражие же пред дверми стрежаху темницы. Мы же, здесь и везде сидящии в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном Божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на матерь Виръсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияеш, яко день в силе своей» (хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить. Но Господем реченно ко апостолом сице: шедше в мир весь проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татаръской Бог Магмет написал во своих книгах сице: «Непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учители явны, яко шиши * антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити, от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? Аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Перъсиду, а то дома Вавилон. Ну-тко, правоверне, нарцы ** имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением Спасителя нашего Христа пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение

* лазутчики, соглядатаи
** нареки, назови

перъст, не разсуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умрети готов. Аще я и несмыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти яко же приях: не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жерътвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить, — крест на церкви и на просвирах переменить, внутрь олътаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят, — я бы им и с ним в глаза наплевал, — и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и церкви святя, против солнца же, и брак венчав, против солнца же водят, явно противно творят, — а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — Дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе! Вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и зделал: «Печатай, Аръсен[75], книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!» Так-су и зделал. Да болши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память 3-ж! *

По сем у всякаго правовернаго прощения прошу; иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себе возвещали же, егда что́ Бог соделает в них: не нам, Богу нашему слава. А я ничто ж есм. Рекох, и паки реку: «Аз есм человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянной». Простите же и молитеся о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Болши тово жить не умею; а что зделаю я, то людям и сказываю; пускай Богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая, или злая. Но аще и не учен словам, но не разумом; не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: аще и невежда словом, но не разумом.⟨...⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Епифаний* — «соузник», духовный отец Аввакума. Был сожжен вместе с Аввакумом, ему принадлежит собственное автобиографическое «Житие», написанное также в Пустозерске.

[2]*Григорово* — ныне село с тем же названием Больше-Мурашкинского района Горьковской области.

[3]*Налой* — аналой: высокий, с покатым верхом столик, применяемый в церковном обиходе. На него кладутся богослужебные книги и другие церковные принадлежности.

[4]Жена Аввакума Анастасия Марковна и двое сыновей, Иван и Прокопий, были посажены в земляную тюрьму на Мезени.

---

* трижды.

[5]В евангельской книге «Деяния апостолов» рассказывается о крещении в пути апостолом Филиппом эфиопского вельможи, евнуха.

[6]*Стефан Вонифатьев* (ум. 1656) — протопоп кремлевского Благовещенского собора, духовный отец царя.

[7]*Иван Неронов* (1591—1670) — проповедник, учитель Аввакума.

[8]*Шереметев В. П.* (ум. 1659) — боярин, воевода в Казани с 1647 г.

[9]Московский *митрополит Филипп* (1507—1569) был задушен Малютой Скуратовым по приказу Ивана Грозного; библейский *пророк Захария* был убит за свою обличительную проповедь; *Стефан Пермский* (1340—1396) — первый епископ Перми и просветитель пермяков; как рассказывается в его «Житии», во время спора с пермским язычником-волхвом посрамил волхва в испытании огнем и водой.

[10]Мощи митрополита Филиппа, находившиеся в Соловецком монастыре, были перевезены в Москву патриархом Никоном в 1652 г.

[11]*Крестовая палата* — приемный зал в кремлевском дворце патриарха.

[12]В 1653 г., накануне Великого поста, патриарх Никон прислал в Казанскую церковь на Красной площади памятную записку с распоряжением об изменении некоторых обрядов. Этой запиской («памятью») было положено начало церковной реформе.

[13]Аввакума прочили протопопом в собор Спаса-на-Бору в Кремле.

[14]В Чудовский монастырь.

[15]Имеется в виду Новоспасский монастырь в Кремле. (Не сохранился.)

[16]*Скуфья* — остроконечная бархатная шапка у духовных лиц и монахов. Снятие скуфьи являлось церковным наказанием.

[17]*Симанов (Симонов) монастырь* — находится в юго-западной части Москвы.

[18]*Спасов Каменный монастырь* — монастырь на небольшом острове в Кубенском озере севернее Вологды.

[19]*Кольский острог* — Неронов был сослан в Кандалакшский монастырь на Кольском полуострове.

[20]*Андронников монастырь* — находится в юго-восточной части Москвы.

[21]*Перенос* — момент богослужения, когда святые дары переносят с жертвенника на престол.

[22]*Дискос* — блюдо, на которое во время богослужения кладут часть просфоры (белого хлебца особой формы), называемую «агнцем».

[23]*Никитин день* — 15 сентября. В этот день совершался крестный ход из Кремля в Никитский монастырь.

[24]*Сибирский приказ* — канцелярия, ведавшая делами Сибири.

[25]*Третьяк Башмак* — чиновник Сибирского приказа, постригшийся в монахи под именем Савватия, писатель.

[26]*«Слово и дело государево»* — формула, сопровождавшая донос правительству о государственном преступлении.

[27]*Петр Бекетов* — сибирский землепроходец, основатель Якутска (1632).

[28]«Верхом» назывался царский дворец.

[29]В Енисейский острог.

[30]*Афанасий Пашков* (ум. 1664), енисейский воевода, был отправлен по царскому указу с отрядом стрельцов из нескольких сот человек в Даурию, на освоение земель по Амуру.

[31]Горные индейки.

[32]*Бабы* — пеликаны.

[33]*Распоп* — священник, лишенный сана (расстрига).

[34]*Чекан* — «знак сана, топорик с молоточком на аршинной рукояти» (Вл. Даль).

[35]*Иов* — библейский персонаж, олицетворение человеческих страданий и беспредельной покорности божьей воле.

[36]*Филиппов пост* — начинался 14 (по н.ст. 27) ноября.

[37]То есть лес для домового строения и крепостных стен.

[38]*Однорядка* — однобортная верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки.

[39]*Мунгальское царство* — Монголия.

[40]Пищаль с колесным замком.

[41]*Кормчая* — сборник с текстами церковного права и канонических правил.

[42]Имеется в виду библейский сюжет: блудница Раав, рискуя жизнью, скрыла от преследователей, посланных иерихонским царем, двух юношей-израильтян.

[43]Эта фраза написана Епифанием, «соузником» Аввакума.

[44]Это было весной 1664 г.

[45]*Медведно* — шкура, мех медведя и изделия из них.

[46]*Федор Михайлович Ртищев* (1626—1673) — государственный деятель, дипломат, приближенный царя Алексея Михайловича.

[47]*Мурманка* — парадная шапка с меховой опушкой.

[48]*Просвиромисание* — церковный обряд приготовления «святых даров» перед литургией.

[49]Окольничий Родион Матвеевич Стрешнев выступал посредником царя в сношениях как с Никоном, так и с Аввакумом.

[50]Царский духовник протопоп Лукьян Кириллов.

[51]Боярыня Морозова и сестра ее Урусова — верные ученицы и последовательницы Аввакума. Были заключены в земляную тюрьму в Боровске и уморены там голодной смертью (1675).

[52]Родственница царицы Марии Ильиничны, урожденной Милославской.

[53]*Федор Юродивый* — исполнял поручения Аввакума, был повешен в 1670 г.

[54]*Красное крыльцо* — парадный вход в царский дворец.

[55]*Павел* (ум. 1675) — архимандрит Чудовского монастыря, с 1664 г. стал митрополитом крутицким.

[56]*Пафнутьев монастырь* — около города Боровска Калужской области.

[57]Расстрижение Аввакума и дьякона Федора происходило 13 мая 1666 г. Дьякон Федор Иванов, один из видных деятелей старообрядчества, сожжен в Пустозерске вместе с Аввакумом.

[58]В Никольский монастырь на Угреше, под Москвой.

[59]Князь И. А. Воротынский, ум. в 1679 г.

[60]Князь И. И. Хованский Большой (1645—1701).

[61]*Албанасы, волохи* — албанцы, румыны.

[62]*Мелетий (Мелентий)* — епископ антиохийский (ум. 381), *Феодорит* — епископ киринейский (386—457), *Петр Дамаскин* (вторая половина XII в.) — монах из Дамаска, *Максим Грек* (ок. 1475—1556) — русский писатель и церковный деятель (о нем см. во вступительной заметке к публикации его «Послания о Фортуне»).

[63]Имеется в виду так называемый Стоглавый собор 1551 г., созванный Иваном Грозным для рассмотрения церковных вопросов.

[64]*Гурий и Варсонофий... и Филипп...* — русские церковные деятели, участвовавшие в Стоглавом соборе.

[65]*Иван Уваров* — дьяк, доверенный человек и друг Никона.

[66]Имеется в виду переводчик у греческих патриархов, которые прибыли на московский собор, — архимандрит афонского Иверского монастыря Дионисий.

[67]*Дионисий Ареопагит* — согласно преданию, ученик апостола Павла, первый епископ в Афинах.

[68]*Анна и Кайафа* — иерусалимские первосвященники, осудившие Христа на казнь.

[69]*Артемон и Дементий* — А. С. Матвеев (1625—1682), государственный деятель; Д. М. Башмаков (1618—1705), секретарь царя.

[70]Лазарь и Епифаний перед отправкой в ссылку были подвергнуты жестокому наказанию — им вырезали языки.

[71]*Снискание* — сочинение. Имеется в виду богословско-полемическое сочинение дьякона Федора.

[72]См. примечание 2 к посланиям Ивана Грозного. Здесь Пилатом называется стрелецкий подполковник Иван Елагин.

[73]См. примечание 1 к «Слову о бражнике, како вниде в рай».

[74]*Иван Елагин* — стрелецкий подполковник из личной охраны царя.

[75]*Арсений Грек* — монах, помощник Никона, переводчик и «справщик» (редактор) церковных книг и богослов, учился в Риме, Венеции, Падуе.

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

из Введения

Книгу святую, собрал от святого Писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь никониянскую и на протчая их коби *.

Беседа человека грешна, человека безобразна и бесславна, человека, не имуща видения, ни доброты, ниже подобия Господня. Поистинне рещи, яко несть и человек. Но гад есмь или свиния; якоже и она питается рожцы **, так и я грехми. Рожцы вкус имут, в гортани сладость, во чреве же бредкость. Тако и аз, яко юнейший блудный сын, заблудих от дому отца моего, пасяхся со свиниями[1], еже есть с бесы, питаюся грехми, услаждая плоть, огорчеваяй же душу делы, и словесы, и помыслы злыми. ⟨...⟩

Человек бысть Иов, праведен, непорочен, беззлобив; человек божий Моисей, боговидец; человек бысть Исус Наввин, молитвою постави на небе текущее солнце; человек бысть Давыд, царь и пророк, его же похвали Божие сердце сице: «обретох Давыда, сына Иессеева, мужа по сердцу моему»; человек бысть пророк Даниил, его же в Вавилоне, в рове, устыдешася лютые звери, видевше на нем божий образ непорочен, ради добродетелей, в нем цветущих; человек бысть пророк Аввакум, его же принесе ангел от Иеросалима с пищею в Вавилон, в ров, к Даниилу[2].

Но не я, окаянный Аввакум: я и сам сижу в рове, душею и телом обнажився, сам-пят[3], с нагими же. ⟨...⟩

Ныне нам подобает плакати в настоящее время. Увы, увы мне! Мати, кого мя роди? По Иову, проклят день, в оньже *** родихся, и нощь она буди тъма, иже изведе из чрева матере моея. Понеже антихрист прииде ко вратом двора[4] и народилось выблятков его полна поднебесная. И в нашей Русской земли обретеся чорт большой, ему же мера — высоты и глубины — ад преглубокий. Помышляю, яко, во аде стоя, главою и до облак достанет. Внимайте и разумейте вси послушавшии, даст бо вам Господь разум о всем.

Из беседы первой

Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания

В лета 7160 (1652)-го году, июня в день, по попущению Божию вскрался на престол патриаршеский бывшей поп Никита Минич, в чернецах Никон, обольстя святую душу протопопа *духовника*

* гадания, колдовство
** стручками
*** который

царева, Стефана, являяся ему яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место[5]. И я, окаянной, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку. Ано врага выпросили и беду на свою шею. Тогда и я, при духовнике, в тех же палатах шатался, яко в бездне мнозе. Много о том по тонку* беседовать, едино рещи: за что мучат мя, тогда и днесь, большо и до исхода души.

Егда же бысть патриархом злый вожь, и начат казнити правоверие, повелеваяй трема персты креститися и в пост великий в церкви в пояс творити метания. Мы же, со отцы и братиею, не умолчав, почали обличать еретика, предтечу антихристова. Он же нас, муча много, и розослал в ссылки всех. И рассеяны быша, яко от скорби, бывшия при Стефане апостоли. Тако, отец и братию мою, епископа Павла Коломенскаго, муча, и в Новогородских пределех огнем сожег; Даниила, костромскаго протопопа, муча много, и в Астрахани в земляной тюрьме заморил; такожде стриг, как и мене, в церкви, посреде народа: муромскаго протопопа Логина, — остригше и муча, в Муром сослал, тут и скончался в мор; Гавриилу, священнику в Нижнем, приказал голову отсечь; Михаила священника без вести погубил: за Тверскими служил в монастыре Богородичне, перевел к тюрьме, да и не стало вдруг; двух священников, вологжан, безвестно же и сих дел; со мною 60 человек у всенощнова взял, муча и бив и проклиная, в тюрьме держал, малии в живых обретошася; а меня в Даурскую землю сослал, — от Москвы, чаю, тысящ будет с дватцать за Сибирь, — и волоча впредь и взад 12 лет, паки к Москве вытощили, яко непогребеново мертвеца. Зело там употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара. А о прочих муках по тонку неколи говорить, — всяко на хребте моем делаша грешницы. Егда же выехал на Русь, на старые чепи и беды попал.

Видите, видите, яко аз есмь, наг Аввакум протопоп, в землю посажен. Жена моя, протопопица Настасья, с детьми в земли же сидит. И старец Соловецкия пустыни Епифаний, наг, в земли же сидит; два языка у него никонияна вырезали за исповедание веры, да и руку отсекли, а и паки ему третий язык Бог дал. И Лазарь поп, наг же, сидит в земле, казнен, говорит также. И диякон Федор и Киприян, нагой, с нами же мучится. В тюрьме за православие же пытан в прошлом году. А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит. На Мезени из дому моего двух человек удавили никонияна еретики на виселице. На Москве старца Авраамия, духовнаго сына моего, Исаию Салтыкова в костре сожгли. Старца Иону казанца в Кольском рассекли на пятеро. На Колмогорах Ивана юродиваго сожгли. В Бо-

---

* подробно

ровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрельца Илариона сожгли. А по Волге той живущих во градех, и в селех, и в деревеньках тысяща тысящими положено под меч нехотящих принять печати антихристовы. А иные ревнители Закона суть, уразумевше лесть отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающеся во дворы с женами и детьми, и сожигахуся огнем своею волею. Блажен избол сей о Господе!

Мы же, оставшии, еще дышуще, о всех сих поминание творим жертвою, со слезами, из глубины воздыхании неизглаголаными, воспеваем, радующеся, Христа славяще: «Упокой, Господи, душа раб своих, всех пострадавших от никониян на всяком месте, и учини их идеже присещает свет лица твоего, в селех со святыми, избранными твоими, яко благ и человеколюбец». Рабом Божиим побиенным вечная память трижды ж. Почивайте, миленькие, да общаго воскресения и о нас молитеся, да же и мы ту же чашу испием о Господе, которую вы испили и уснули вечным сном.

Пряно вино: хорошо умели никонияне употшивать!

Да не тужите о здешнем-том окаянном житии, но веселитеся и радуйтеся, праведнии, о Господе, понеже прейдоша от злаго во благое и от темнаго в житие светлое. Мы же еще в море, плаваем пучиною, и не видим своего пристанища. Не вемы бо, доколе живот наш протянется, умилосердит ли ся Владыка и даст ли нам та же чаша пить, ея же сам пил, и вас, рабов своих, напоил.⟨...⟩

Душе моя, душе моя, восстани, что спиши! Конец приближается, и хощеши молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняяй. Душе, я же зде — временно, а я же тамо — вечно. Потщися, окаянная, и убудися: уснула сном погибельным, задремала еси в пищах и питии нерадения. Вижждь, мотылолюбная *, и то при тебе: бояроня Феодосья Прокопьевна Морозова и сестра ея Евдокея Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловых дворянская жена Марья Герасимовна с прочими! Мучатся в Боровске, в землю живы закопаны, по многих муках, и пытках, и домов разорении, алчут и гладуют. Такие столпы великия, им же не точен ** мир весь! Жены суть, немощнейшая чадь, а со зверем по человеку борются. Чудо, да только подивитися лише сему. Как так? Осмь тысящ хрестиян имела, домовова заводу тысящ больши двух сот было, — дети мне духовныя, ведаю про них, — сына не пощадила, наследника всему, и другая тако же детей. А ныне вместо позлащенных одров в земле закопана сидит за старое православие.

А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах. Безумная, ну-тко опрянися,

* мотыло — помет, испражнения
** не сравнится

исповеждь Христа, сына Божия, явственне, полно укрыватися того. Добро рече некто от святых отец, яко всем нам един путь предлежит. Иного времени долго такова ждать: само царство небесное валится в рот. А ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хощется, а тово не видишь, какую честь ту бросили бояроне те, да еще жены суть. А ты — мужик, да безумнее баб, не имеешь цела ума: ну, дети переженишь и жену ту утешишь. А за тем что? Не гроб ли? Та же смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общей всемирной конец.〈...〉

Беседа четвертая

(Об иконном писании)

Паки и паки, и еще къ вашей любви побеседую: вам бо о Христе послушати сладостно, а мне глаголати не леностно.

По попущению Божию умножися в нашей Руской земли иконнаго письма неподобнаго изуграфы *. Пишут от чина меньшаго, а велиции власти соблаговоляют им, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившеся, по-писанному: слепый слепца водяй, оба в яму впадутся, понеже в нощи неведения шатаются; а ходяй во дне не поткнется, понеже свет мира сего видит, еже есть: просвещенный светом разума опасно зрит коби и кознования еретическая и по тонку разумевает вся нововводная, не увязает в советех, яже умышляют грешнии.

Есть же дело настоящее: пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная **, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедры толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же Бог наш тонкостны чювства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в Маргарите[6] слово Златоустаго на Рожество Богородицы, в нем писано подобие Христово и Богородично: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил, будто живыя писать, устрояет все по-фряжскому, сиречь по-неметцкому. Якоже фрязи пишут образ Благовещения пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колени висит, — во мгновения ока Христос совершен во чреве обретеся! А у нас в Москве в Жезле книге[7] написано слово в слово против сего: в зачатии-де Христос обретеся совер-

---

* художники

** ярко-красные

шен человек, яко да родится. А в другом месте: яко человек тридесяти лет. Вот смотрите-су, добрыя люди: коли с зубами и с бородою человек родится! На всех на вас шлюся от мала и до велика: бывало ли то от века? Пуще оне фрягов тех напечатали, враги Божии.

Мы же, правовернии, тако исповедуем, яко святия научают нас. Иван Дамаскин[8] и прочии: в членах, еже есть в составех, Христос, Бог наш, в зачатии совершен обретеся, а плоть его пресвятая по обычаю девятомесячно исполняшеся; и родися младенец, и не совершен муж, яко 30 лет. Вот, иконники учнут Христа в рожестве с бородою писать, да и ссылаются на книгу ту: так у них и ладно стало. А Богородицу чревату в благовещение, яко же и фрязи поганыя. А Христа на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики.

Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелося немецких поступов и обычаев! А Николе Чюдотворцу имя немецкое: Николай. В немцах немчин был Николай, а при апостолех еретик был Николай; а во святых нет нигде Николая. Только с ними стало. Никола Чудотворец терпит, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову ту назад рожею заворотил, да пускай бы по Москве той так ходил.

Да что петь делать? Христос им время-то попустил, якоже Июда апостол пишет, яко: «Господь люди от земли Египетския спасл, последи неверовавших погуби. Ангелы же, не соблюдшая своего начальства, но оставльших свое жилище, на суд великаго дне узами вечными под мраком соблюде».

Вижль, слышателю, яко терпит им Бог, яко и бесом, до суднаго дни. Тогда им весь указ будет; а ныне пускай их поиграют с бесами теми заодно над Христом, а над Николою, и над всеми святыми с Богородицею, светом нашим, да и над нами бедными, что черти над попами, — пускай возятся! Златоуст Иван и лутче нас был, а как время пришло, так спрятали * так же, как и нас. И Филипп митрополит на Москве. Да много того есть. Коли же кто изволил Богу служить, о себе ему не подобает тужить.

Не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад[9], а на Москве за опришлину ** Филипп[10]. Кольми же за церковной изврат, — всяк правоверный много не рассуждай, пойди в огонь. Бог благословит, и наше благословение да есть с тобою во веки!

Не по што в Персы итти пещи огненныя искать: но Бог дал дома Вавилон[11], в Боровске пещь халдейская[12], идеже мучатся святии отроцы, херувимом уподоблышеся, трисвятую песнь воссылающе.

Право хорошо учинилося. Лучше дому Новходоносорова, палаты и теремы златоверхими украшены, преграды и стены златом

* заточили
** опричнину

устроены, и пути каменьми драгими намощены, и садовие древеса различные насажены, и птицы воспевающе, и зверие в садах глумящеся, и крины и травы процветающе, благоухание износяще повеваемо. А Навходоносор, раздувшеся, глагола ко Господу Богу небесному: «Ты царствуешь на небеси, а я подобен тебе здесь, на земли». И егда виде Бог гордость его необратную, претвори Новходоносора сопреди тельцом, а созади львом[13], и хождаше в дубраве со скоты 7 лет, ядый траву, дондеже покаяся. Так-то Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Разумейте, правовернии, как трие отроцы, ради своего страдания, в царстве, по всей поднебесней величаются, а Новходоносор уничижается. Сие дело предлежит во образ за хотящих наследовати спасение. Не покланяйся и ты, рабе Божий, неподобным образом, писанным по немецкому преданию, якоже и трие отроки в Вавилоне телу златому, поставленному на поле Дейре[14]. Толсто же телищо-то тогда было и велико, что нынешние образы, писанные по-немецкому! Да и много же у них изменение тово во иконах тех: власы расчесаны, и ризы изменны, и сложение перстов — малакса *. Вместо Христова знамения — малаксу погубную целуй! Знаешь ли, что я говорю? А то руку ту раскорякою тою пишут. Не умори, не целуй ея, то антихристова печать. Плюнь на нея; привяжется дурная мысль. Буде образа подобна написана не прилучится: и ты на небо, на восток, кланяйся, а таким образом ** не кланяйся.

Посем мир вам от нас и благословение. Я, грешной протопоп Аввакум, со отцы и братиею о Христе Исусе, вам светом, всякому верному, попремногу челом бьем. Молитеся о нас, а мы должны о вас. Богу нашему слава о всем. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]В евангельской притче о блудном сыне рассказывается, что он во время своих скитаний ел из одного корыта со свиньями.

[2]Имеются в виду библейские рассказы о перечисленных лицах, суть которых кратко излагается Аввакумом.

[3]*Сам-пят* — «соузниками» Аввакума по земляной тюрьме в Пустозерске были поп Лазарь, инок Епифаний, дьякон Федор и юродивый Киприан.

[4]Имеется в виду Никон.

[5]*Патриарх Иосиф* (ум. 1652) — предшественник Никона.

[6]*Маргарит* — сборник слов и поучений Иоанна Златоуста (о нем см. примечание 13 к «Посланию о Фортуне» Максима Грека).

[7]*«Жезл правления»* — полемический трактат Симеона Полоцкого против старообрядцев.

[8]*Иоанн Дамаскин* (ок. 675 — до 753) — византийский богослов, философ и поэт, автор церковных песнопений.

[9]Имеется в виду эпизод из «Жития» Иоанна Златоуста: императрица Евдоксия отняла виноградник у вдовы некоего Феогноста. Златоуст выступил с обличением императрицы, в защиту обиженной вдовы и был отправлен за это в ссылку, в заточение.

---

* троеперстное знамение

** иконам

[10]Имеется в виду убийство митрополита Филиппа. См. примечание 9 к «Житию» Аввакума.

[11]Имеется в виду библейский рассказ о том, как вавилонский царь Навуходоносор приказал своим подданным поклоняться золотому тельцу. Три отрока (Анания, Азария и Мисаил) отказались от идолопоклонства, были за это брошены в раскаленную печь, но бог оставил их невредимыми.

[12]Под «пещью халдейской» (халдеи — название народности, жившей в Вавилонском царстве) подразумевается тюрьма, в которой были заточены Морозова, Урусова и Данилова.

[13]По библейской легенде, вавилонский царь Навуходоносор за гордость был превращен в вола с львиной гривой и птичьими когтями на ногах и пребывал в таком виде в течение 7 лет.

[14]См. примечание 11.

ПИСЬМА К БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

I

Прежде сих грамоток * за четыре месеца понудил мя Дух святый сыну нашему о Христе написати благословение к брачному совокуплению: в нощи сжалися дух мой о нем, и возгореся душа моя, да благословен будет к женитве. И стрельцу у бердыша[1] в топорище велел ящичек сделать, и заклеил своима беднымá рукама то посланейце в бердыш, и дал с себя ему шубу и денег близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесет Богом храним до рук сыне моего, света; а ящичек стрельцу делал старец Епифаний; а посланейце я никому не показал, писал ево и без твоево прошения: у меня он благословен буди Богом.

Да пишешь ты ко мне в сих грамотках на Федора, сына моего духовнаго, чтоб мне ему запретити от святых таин по твоему велению, и ты, бытто патриарх, указываешь мне, как вас, детей духовных, управляти ко царству небесному. Ох, увы, горе! бедная, бедная моя духовная власть! Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Ведь ты не ведаешь, что клусишь! ** Я веть знаю, что меж вами с Феодором сделалось.

Писал тебе преж сего в грамотке: пора прощатца ***— петь худо будет, та язва будет на тебе, которую ты Феодору смышляешь. Никак не по человеку стану судить. Хотя мне 1000 литр[2] злата давай, не обольстишь, не блюдись, яко и Епифания Евдоксия[3]. Дочь ты мне духовная — не уйдешь у меня ни на небо, ни в бездну. Тяжело тебе от меня будет. Да уж приходит к тому. Чем боло **** плакать, что нас не слушала, делала по своему хотению — и привел боло диявол на совершенное падение. Да еще надежа моя, упование мое, пресвятая Богородица заступила от диявольскаго осквернения и не дала дияволу осквернить душу мою бедную, но союз той злый расторгла и разлучила вас, ока-

* писем
** паясничаешь
*** мириться
**** ведь

янных, к Богу и человеком поганую вашу любовь разорвала, да в совершенное осквернение не впадете! Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Мастридия[4]. Оно лутче со единем оком внити в живот, нежели две оце имуще ввержену быти в геену. Да не носи себя треухов[5] тех, сделай шапку, чтоб и рожу ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи те.

Ну, дружец мой, не сердитуй жо! Правду тебе говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред Богом и человеки. А вы мне все больны: и ты и Феодор. Не кручинься на Марковну[6]: она ничево сего не знает; простая баба, право.

II

Господь грядет грешники мучити, праведники же спасти. Плачемся и воздыхаем, и приимем чювство онаго дне, в онь же безвестная и тайная открывый человеком отдаст по достоянию. Страшен судия приидет, и кто против станет его? Не обленися потрудитися в нынешнем веце, предварим и восплачемся прежде суда онаго, егда небеса погибнут, и звезды спадут, и вся земля поколеблется, да милостива обрящем тогда Бога нашего.

Свет моя, государыня! Люблю я правило * нощное и старое пение. А буде обленишься на нощное правило, тот день окаянной плоти и есть не давай. Не игрушка душа, что плотским покоем ея подавлять! Да переставай ты и медок попивать. Нам иногда случается и воды в честь, да живем же. Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да единако нам Бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая ** по повелению Владычню служат тебе не больши, и мне не меньши. А честь прелетает. Един честен, — тот, кто ночью востает на молитву, да медок перестанет, в квас примешивая, пить.

Еще ли, государыня, браниться?

Мне мнится, обленилася ты на ночную молитву. Того ради тебе так говорю с веселием — Евангелие воспоминаю: «Егда поносят вам и изженут вы, возрадуйтеся в той день и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небесех». Аще и радостию тебе глаголю, не радуйся о глаголех сих. Дние наши не радости, но плача суть. Воспомяни: егда ты родилася, не взыграла, но заплакала, от утробы исшед матерни. И всякой младенец тако творит, прознаменуя плачевное сие житие, яко дние плача суть, а не праздника. Якоже мне, грешнику, на земли и праздника несть, развее святым и праведным, кои веселятся законы Божиими и заповедьми его соблюдающе. Тако и ты, государыня, плачи суетнаго жития своего и грехов своих, понеже призвал тя Бог в домовое строение и рассуждение; но и возвеселися, егда, в нощи востав, совершиши 300 поклонов в седмь сот молитв веселием и радости духовныя. И меня, грешнаго, помяни тут, надежда моя, к Богу, и жену мою и дети мои.

---

* молитву
** все растущее

Еще же реку ти: егда молишися, вниди в клеть свою, затвори двери своя, сиречь все помыслы злыя отринь и единому Богу гори душею; воздохни со восклицанием и рцы: «Господи, согрешила, окаянная, прости! Несмь достойна нарещися дщерь твоя, сотвори мя, яко едину от наемниц твоих!» Еще же глаголю: аще и все добродетели сотворишь, рцы души своей: «ничтоже благо сотворих, ниже начах добро творити». Нощию воставай, — не людем себя приказуй будить, но сама воспряни от сна без лености, — и припади, и поклонися сотворшему тя. А к вечеру меру помни сидеть, поклоны: егда метание на колену твориши, тогда главу свою впрямь держи; егда же великий прилучится, тогда главою до земли. А нощию триста метаний на колену твори. Еда совершиши сто молитв стоя, тогда «Слава» и «Ныне», «Аллилуйя», и тут три поклоны великия бывают. Тако ж и на «Достойне» всегда поклон великий. На святую Пасху и во всю пятьдесятницу и нощию — в пояс. И промеж Рожества и Крещения — в пояс. И во всякую суботу, и неделю *, и в праздники — в пояс. Разве ** в Великую суботу против Великаго дни — то метание на колену.

Блюдися ты, государыня, лестьцов — чернцов, и попов, и черниц, еже бы не развратили душю твою, и всех злых человек уклоняйся, а с добрыми беседуй. Не презирай живова мертвеца.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бердыш* — «широкий топор, иногда с гвоздевым обухом и с копьем на длинном ратовище; алебарда, протазан» (Вл. Даль).

[2] *Литра* — мера веса.

[3] Византийской императрице Евдоксии (ум. 404) в борьбе против Иоанна Златоуста удалось привлечь на свою сторону Епифания Кипрского.

[4] *Мастридия* — святая, выколовшая себе глаза, чтобы избавиться от мирских соблазнов.

[5] *Треух* — «теплая шапка с тремя опускными лопастями, на бока и на затылок, с ушами и задником, иногда еще с узким передником вроде козырька; малахай» (Вл. Даль).

[6] *Марковна* — жена Аввакума.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Исследователь творчества Симеона Полоцкого И. П. Еремин писал: «Симеон Полоцкий ... положил основание в русской литературе той отрасли художественного творчества, которая до него была почти совсем не разработана, — поэзии и драматургии» (*Еремин И. П.* Симеон Полоцкий — поэт и драматург/*Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения / Подгот. текста, статья и комм. И. П. Еремина. М.; Л., 1953). С именем Симеона Полоцкого связано появление первого в России сборника стихотворений.

Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович (Симеон — его монашеское имя) родился в Полоцке в 1629 г. По месту рождения он и получил в Москве, куда переехал в 1664 г., прозвище Полоцкий. С этого времени до конца (Симеон умер 25 августа 1680 г.) его жизнь была связана с Москвой, с царским домом и Кремлем. Симеон Полоцкий был образованнейшим человеком своего времени: он окончил Киево-Могилянскую коллегию — крупнейший центр православного высшего

* воскресенье
** кроме

гуманитарного и богословского образования. В Москве он обучал латинскому языку подьячих Приказа тайных дел, для него при Спасском монастыре в Кремле была построена школа, в которой он жил вместе с учениками. Он был воспитателем и учителем детей царя. Симеон имел прекрасную личную библиотеку, организовал собственную типографию. Вся его деятельность преследовала цель внести свой вклад в дело русского просвещения. С таких позиций он подходил и к своим занятиям поэзией.

Стихотворством Симеон Полоцкий начал увлекаться рано, но как к делу жизненно важному к «рифмотворению» он стал относиться к концу жизни. В 1678 г. Симеон составляет первый монументальный сборник своих стихотворений «Вертоград многоцветный» (вертоград — сад). Сборник этот должен был не только развлекать и поучать, но и служить своеобразным энциклопедическим справочником. В это же время, при создании «Вертограда», в который включались и ранее написанные стихи и создавались новые стихотворные произведения, у Симеона возникает мысль перевести стихами «Псалтирь». «Рифмотворный» перевод Псалтири был в 1680 г. издан отдельной книгой. В эти же годы (1679—1680) он работает над самым большим сборником своих стихотворных сочинений — «Рифмологионом». Симеон Полоцкий был основоположником силлабического стихосложения в русской поэзии, основным принципом которого является равносложность: поэтическая речь организуется закономерным чередованием равносложных стихотворных строк. Непосредственными продолжателями Симеона в развитии русского силлабического стихосложения были Сильвестр Медведев и Карион Истомин. Здесь публикуется несколько стихотворений из «Вертограда многоцветного».

Тексты печатаются по изданию: *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения/ Подгот. текста, статья и комм. И. П. Еремина. М.; Л., 1953 (серия «Литературные памятники»).

ИЗ «ВЕРТОГРАДА МНОГОЦВЕТНОГО»

Купецтво

Чин купецкий без греха едва может быти,
на многи бо я злобы враг обыче лстити;
Изряднее лакомство в купцех обитает,
еже в многия грехи оны убеждает.
Во-первых, всякий купец усердно желает,
малоценно да купит, драго да продает.
Грех же есть велий драгость велию творити,
малый прибыток леть * есть без греха строити.
Вторый грех в купцех часто есть лживое слово,
еже ближняго в вещех прелстити готово.
Третий есть клятва во лжу, а та умноженна,
паче песка на брезе морстем положенна.
Четвертый грех татбою излише бывает,
таже в мире в мерилех ** часто ся свершает, —
Ибо они купуют во меру велику,
а внегда *** продаяти, ставят не толику.
Инии, аще меру и праву имеют,
но не право мерити вся вещы умеют.

* можно
** весы, мера
*** когда

Инии хитростию вещы отягчают,
мочаще я, неции худые мешают.
А вся сия без греха немощна суть быти,
яко Бог возбраняет сих лукавств творити.
Пятый есть грех: неции лихоимства деют,
егда цену болшити за время умеют;
Елма * бо мзды чрез время неко ожидают,
тогда цену вящшую в куплях поставляют.
Шестый грех, егда куплю являют благую,
потом лестно ** ставляют ину вещь худую.
Седмый грех, яко порок вещы сокрывают,
вещь худую за добру купующым дают.
Осмый, — яко темная места устрояют,
да худыми куплями ближния прелщают.
Да во темности порок купли не узрится
и тако давый сребро в купли да прелстится.
О сынове тмы люты! Что сия творите?
Лстяще ближния вашы, сами ся морите.
В тму кромешную *** за тму **** будете ввержени,
от света присносущна вечно отлучени!
Отложите дела тмы, во свете ходите,
да взидете на небо, небесно живите.

Началник

Блаженна страна и град той блаженный,
в них же началник благий поставленный,
Горе же граду и стране бывает,
юже началник не благ управляет;
Гнев тамо Божий, где начало злое,
милость тогожде, идеже благое.
Да будет же благ, должен есть хранити,
яже аз хощу сим словом явити.
Перва начална сия добродетель, —
благочестия да будет хранитель.
С благодарствием о всех Богом данных,
сану приличных, многими желанных.
Живущ же тако, Богом снабдеваем
бывает, правим, от бедств защищаем;
И яко Бога он выну говеет *****
от подначалных точну ****** честь имеет.
Вторая сану началных прилична
есть добродетель, в мире не обычна:

---

* так как
** обманно
*** адскую
**** обман, ложь
***** всегда благоговеет
****** такую же

Та смирение есть Божественное,
    Христом Господем в конец храненное;
Имать началник в памяти держати,
    яко не в веки будет обладати;
Смерть бо пришедши хочет власть отяти,
    с прочими людми во персти * сравняти.
Третия властей добротворение,
    еже хранити им разсуждение
Во всяких делех, а не уповати
    на един свой ум, выну вопрошати
Умных совета: тако бо вершити
    благо вся мощно, а не грешити.
Очеса лучше видят, неже око,
    никто о себе да держит высоко;
В мнозе совете есть спасение,
    в едином уме поползновение.
Четвертая есть добродетель властей:
    правду хранити, блюсти от напастей
Подчиненныя и чести даяти
    достойным, а не на злато смотряти;
Равно судити мала и велика
    на лице зрящым прещает владыка,
Не яко сеть им закон да бывает,
    юже не крепку паук соплетает;
Та бо животно мало уловляет,
    болшее — сети самыя терзает.
Не суди тако, но един суд буди
    всем, иже в единой суть области люди.
Пятая — крепость прилична владущым,
    не склонным быти к прелесть глаголющым,
Ниже ** златыми вериги влеченным
    быти, ни другов прошенми прелщенным.
Шестая — кротость и приступность *** буди,
    за ню же Господь возлюбит и люди,
Яко Мойсея кротка Бог любяше
    и во всех нуждах ему помогаше.

Разбойник

Морский разбойник, Дионид реченный,
    от Александра царя вои хищенный,
Егда от царя вопрошаем бяше,
    вскую **** на мори разбои творяше,
Отвеща: «Яко едным разбиваю
    кораблем, за то злу титлу ношаю.

---

* прахе
** также не, и не
*** доступность, открытость
**** почему, зачем

Разбойника мя люди именуют,
    тебе же царя обычно титулуют,
Яко многими полки брань твориши
    морем, землею, вся люди плениши.
Аще то правда, изволи судити,
    потом же мене по делом казнити».
Царь, слышав ответ, дерзости дивися,
    обаче * сердцем нань ** не разъярися.
Обличение оному простил есть,
    близ правды быти слово разсудил есть.
Увеща токмо разбоя престати,
    паче же честно с враги воевати.

Неблагодарствие

Филиппу Макидонску воин любый бяше,
    иже в некое время кораблем плаваше;
Случижеся кораблю сокрушенну быти
    и воину живому ко брегу приплыти.
Его же македонин некий в дом приял есть,
    честно, угодно чрез дни три десят *** питал есть.
По сих во путь отпусти, дав доволно хлеба
    и чесого либо в путь бе ему потреба.
Воин с клятвами рече: «Елма **** с царем буду
    беседуяй, благих ти никако забуду,
Яже изволил еси ты ми сотворити,
    бедника обнищавша обилно чредити».
Возвращжеся в отечество, к царю припущенный
    и прежния милости онем сподобленный,
О корабли съкрушенном часто глаголаше
    и плавание на дсце ***** свое поминаше.
О страннoприемце же ни мало явил есть,
    паче же пакость ему люту сотворил есть:
Ибо умолил царя, да ему дарует,
    еже македоник ов село державствует ******
О, треклята воина! Клятву преступил есть
    и за благодать мужа злобу сотворил есть.
Но мало веселися, ибо весть приял есть
    муж ов ******* о его злобе и к царю писал есть
Писание молебно, дело извещая
    и како за благодать воин творит злая.
Царь прочет писание, велми удивися,

* однако
** на него
*** в течение тридцати дней
**** когда
***** доске
****** село, которым македонянин тот владеет
******* тот

на неблагодарнаго мужа разъярися.
И познав его злобу, веле крепость дати
македонину, еже село си держати.
Воина же безчестно веле обнажити
и на плещех огненну печать положити,
Изображшу: «Се странник безблагодарственный!
Тако имения бе и чести лишенный».
О, аще бы такия ныне знаменати,
не стало бы у купцев желез на печати!

Пиянство

Человек некий винопийца бяше,
меры в питии хранити не знаше,
Темже многожды повнегда упися,
в очию его всяка вещь двоися.
В едино время прииде до дому
и вся сугуба* зрешася оному.
Име два сына, иже предстояста,
ему четыри во очию стаста.
Он нача жену абие мучити,
да бы ей правду хотела явити,
Когда два сына новая родила
и с коим мужем она приблудила.
Жена всячески его увещаше,
вино виновно быти сказоваше.
Но он никако хоте веры яти,
муку жестоку нача умышляти;
Взял есть железо, огнем распаляше,
ко жене бедней жестоко вещаше:
«Аще ты инем мужем не блужденна,
сим не будеши огнем опаленна;
Аще же с инем блуд еси творила,
имать ожещи тя огненна сила».
Бедная жена в люте беде бяше,
обаче умно к нему глаголаше:
«Рада железо огненное взяти,
невинность мою тебе показати,
Токмо потщися своею рукою
подати оно ты на руку мою».
А все железо распаленно бяше,
чесо пияный во ум не прияше.
Ятся железа, люте опалися,
болезни ради в мале отрезвися.
И се два сына точию видяше,
невинность жены, свою вину знаше;

* удвоенным

Срамом исполнен, во печали был есть
и прощения у жены просил есть,
Тако пиянство ум наш помрачает; —
всяк убо того верный да гонзает*.

Честь

Родителей на сына честь не прехождает,
аще добродетелей их не подражает.
Лучше честь собою комуждо стяжати,
нежели предков си честию сияти.

СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ

Сильвестр (в миру Семен Агафоникович Медведев) (1641—1691) был учеником Симеона Полоцкого. После смерти Симеона занял его место придворного поэта. Сильвестр Медведев пользовался покровительством царевны Софьи, и когда в 1689 г. пало ее правительство, был осужден как заговорщик и казнен в феврале 1691 г. Все сочинения Сильвестра Медведева было приказано уничтожить. До нас дошло очень небольшое количество его стихотворений. Здесь печатаются два из них. Первое — эпитафия на смерть Симеона Полоцкого.

Тексты печатаются по изданию: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв./Вступит. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 188—190, 201.

ЕПИТАФИОН

1

Зряй, человече, сей гроб, сердцем умилися,
о смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо зде токмо един таков бывый,
богослов правый, церкве догмата хранивый.

2

Муж благоверный, церкви и царству потребный,
проповедию слова народу полезный,
Семен Петровский от всех верных любимый,
за смиренномудрие преудивляемый.

3

Им же польза верные люди наслаждала,
незлобие же, тихость, кротость удивляла.
В нем же вера, надежда, любы пребываше,
молитва, милостыня, пост ся водворяше.

---

* избегает.

4

Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
мерность же и мужество опасно блюденна.
Многими дары Богом бе преодаренный,
непамятозлобием весьма украшенный.

5

Иеромонах честный, чистоты любитель,
воздержания в слове и в деле хранитель.
Ни о чесом же ином оный промышляше,
но еже церковь нашу мать увеселяше.

6

Не хоте ино Божий раб что глаголати,
токмо что пользу может ближним созидати.
Нечесо же ина творити любляше,
точию еже Богу не противно бяше.

7

Иже труды си многи книги написал есть,
и под разсуждение церковное дал есть.
С церковию бо хоте согласен он быти
и ничто же противно церкве мудрствовати.

8

Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
учением правым то миру показаше.
В защищение церкве книгу Жезл создал есть,
в ея же пользу Венец и Обед издал есть.

9

Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием.
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
в научение роду российску явивый.

10

Обаче и сего смерть от нас похитила,
церковь и царство пользы велия лишила,
Его же пользы ныне людие лишенны,
зри сего в гробе сем кости положенны.

11

Душу же вручил в руце Богу всемогущу,
иже благоволил ю́ дати везде сущу,
Да приимет ю́ яко свое создание
и исполнит вечных благ его желание.

12

Телом со избранными даст ему возстати,
с ними же в десней стране в веселии стати
И внити в вечную небесную радость,
неизглаголанную тамо присно сладость.

Сентябрь 1680

〈Поздравление царевне Софье по случаю Пасхи〉

День светозарный во мире сияет,
духовным светом род наш озаряет,
благодатию превечнаго Бога,
и пусть являет горняго чертога,
иже погублен еще в раи бяше,
егда змий Евву и Адама льщаше,
да же Христос Бог день сей сотворил есть,
себе за путь нам в небо положил есть.
Еще и вождь всем благий бывает,
кто токмо его прилежно слушает.
Но ты, велия и славна царевна,
премудра София Алексеевна,
его, воскресша, зело слушаеши
и волю его усердно твориши.
И путь течеши им заповеданный,
убо внидеши во свет всежеланный.
Иже во веки не имать мерцати,
тамо будеши солнечно сияти.
Того усердно аз желаю тебе,
государыне нашей, зде и в небе.
Мне же изволь в милости щадити,
хотяща рабом твоим верным быти.
Ныне же поклон ниский содеваю,
под стопу главу мою повергаю.

7 апреля 1685

КАРИОН ИСТОМИН

Карион Истомин (сер. XVII в. — после 1720) с 70-х годов XVII в. служил справщиком (редактором) Печатного Двора, а с 1698 г. стал его начальником — по тем временам весьма высокая государственная должность. Карион Истомин был придворным поэтом. Помимо поэтического творчества известен и просветительской деятельностью: он автор «Букваря» (в 1694 г. вышло цельногравированное издание его, а в 1696 г. — наборное). Здесь публикуется стихотворный «Домострой» Кариона Истомина.

Текст печатается по изданию: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. С. 206—211.

⟨ДОМОСТРОЙ⟩

Сию дщицу взяв в десницу,
Чти и помни стихи словни,
Мал и старый в разум правый.

1

О человецы вси и юныя дети!
Потщитеся вы благий нрав имети,
Учения зде краткаго внемлите,
честь себе, славу и Бозе восплодите.
Умнословна бо душа в человеце,
учитися долг всяк в своем веце.
Аще же свята нрава та навыкнет,
повсюду Богу песнь сладку воскликнет.
Кто не радеет, не делавш ленится,
за безчинство той и бити годится,
Да не навыкнет душа та измлада
всякой срамоты и греховна яда.

2

От сна скоро встав, яко сотворенный,
Бога помяни, яко в то вчиненный.
Крест свят образуй на себе рукою,
моли же и зри творца пред тобою.
Елико мощно, держи ум и мысли,
сует к соблазну в то время не числи.
С молитвою же умыйся, одейся,
главу почесав, мый уста, не смейся;
И родителем чинно поклонися,
приятством ко всем в дому си явися.
Дева ли, отрок сице не содеет,
ударений седмь за то возъимеет.

Поклонов 30

3

Кто кому вчинен в должности служити,
    готовность тщися в требство сотворити.
Светилник горящ в храме уготови,
    обувь, одежду держав, не многослови;
Воду, платенцо, лахань же и мыло
    умыти лице неси, чисто б было.
Гребень, зерцало подаждь господину,
    да сотворит он по своему чину.
В храмине вещи по местом убрати,
    везде пыль и сор добре уметати.
Человек, сего дела не хранящий,
    пять ударений да будет терьпящий.

Поклонов 20

4

Непраздну быти юну подобает,
    всякий приличну делу да внимает.
В доме, в торгу, в вотчине, в приказе, —
    ремесло свое твори во указе,
Лицем и сердцем являтися благо,
    никто же давай знати в себе злаго,
Но во всем честность буди показуя,
    не произноси скверна слова буя.
В подменство не даждь на тебе порока,
    в воздержании блюди твоя ока.
Ленив, небрег — се восприимет раны,
    в ученье десять будут ему даны.

Поклонов 50

5

Ити по пути, кому где належит,
    во убрании всяк чин свой да держит,
Господин и раб, госпожа и рабыня,
    ход свой сотворяй, очей не раскиня.
Руками не машь, не прыскай ногами,
    не стой на пути, где ждут тя часами.
Срелся кто честен знаемь, — поклонися,
    дело, ответ взяв, в дом скоро вратися;
И что несеши, блюди то сохранно,
    да недбалством ти не будет попрано.
В сем не радев юн, какова ли чина,
    тому по делу дает семь ран хворостина.

Поклонов 40

6

Домовладыкам когда час обеда,
    служащым блюсти чиннаго в нем следа:
Осмотрети стол, скатерть белу слати,
    хлеб, соль и лжицы, тарели собрати,
Ножи и вилки с платы разложити,
    воды принести руки измыти.
Ястие на стол стави благочинно,
    сосуды чисты имей неповинно,
Стклянницы, чашы с питием готовы
    смотри давати господскими словы.
Несмотрелива душа сего дела
    ударений пять да бы возъимела.

Поклонов 25

7

Кто ясти имать, достоит внимати:
    молитву прежде тщися Богу воздати,
Кушай по малу, чего доведется,
    поядши испий, егда поднесется.
Брашны, питием юн не тяготися,
    словом, вежством всем честен явися.
Не обращайся легкомысленно вскоре,
    при честных людех не глаголи в споре
И не разгребай на блюде рукою,
    не обляжь на стол, не колышь ногою.
Презревшу си, удара три дати,
    да не смеяся будет срам зевати.

Поклонов 15

8

По обеде же никто буди пиан,
    ниже чем любо небрежно облиян.
С стола собери всякы на нем вещы,
    на помост костей и кусков не мещы,
Ядьми жирными кого не помажи
    и с свещей на стол не покладывай сажи.
Вся орудия разнеси по местом,
    в вечерю буди где взяти извеством.
Ясти ввечеру твори службу тако:
    вещы, кушанье чисто неси всяко.
Се небрегущий восприимет казни
    ударений шесть, впредь ради боязни.

Поклонов 35

9

Провождати день за полезным делом,
тще не гуляти мыслию и телом, —
Душеумней жизнь нравами святыми,
во чистых мыслех молбами частыми,
Благочестие держи христианско,
учися наук свободных гражданско.
Христианских бо детей се порода
не лишатися в церковь святу хода.
Славити за все соборне долг Бога,
без нуждь не оставь тамо умна слога.
Кто всеусердно сему не прилежит,
двадесяти ран той да не избежит.

Поклонов 100

10

Пришед к вечеру, осмотри все в доме,
чтобы от кого не было в погроме.
Светилник с светом где требно постави,
щипцы, мракуль, должн чин весь исправи.
Аще кушанье в вечер имать быти,
не сонливо тщися господам служити.
Изуй сапоги, снеси и онучи,
ризы дав в место, людем не докучи.
Стели постелю, положь одеяло
и возглавие, что ложе прияло.
Не сотворь служай сего господину,
приимет слово, рану не едину.

Поклонов 50

11

Во всем исправя указную службу,
не ходи с двора в неподобну дружбу,
Ядши, почивай во месте обычном,
готов к вопросу будь в деле приличном.
Во дни и в нощи спати человеку
токмо шесть часов, — не утратит веку.
В многоястии, в пьянстве дней не знают,
вредно здравие люди провождают.
А и господски да кушав пьют дети
легки снедь, питье, чтоб здрав сон имети.
Опасность добре всяк себе стяжи,
писание сотворь, брани ран бежи.

Поклонов двесте

12

Еще и сие юнии да знают:
шапкою носа да не отирают,
И одежд своих честными руками
поглаживати перестанут сами.
Очи, нос, уста отирати платом,
в посмех не молвити с отцем и братом.
Мокроты своей пред кем не поверзи,
отвратясь, притри, никого тем мерзи.
В постели уды срамны прикрывай,
и спи на боках, честно везде бывай.
Аще кто о сем глупостию воздремлет,
всегда по пяти ударов да вземлет.
Поклонов 150

13

Но и возрастным юных назирати,
ради отрады дать время играти.
Игра же детем приличная буди,
да не вредятся очи их и груди:
Мечик и кубарь, городи и клетки,
бегают, плетут, ловят, мещут сетки,
Костми и карты в денги возбранити,
за кратбу лаяв, всегда тыя бити.
Меж себе и с кем те да не бранятся,
без всякаго зла кротки да творятся.
За срамны слова и всяко безчинство
и старому знать осмь ран не в единство.
Поклонов 300

14

Наук изрядством Карион дети вся дарит,
в приятность иеромонах и старым говорит
Истомин, чтоб благоумни все того смотрели,
науку и страх в должности имели.
Ударений кто дати не восхощет,
винный, поклоны творя, да не ропщет.
Душеспасенно всем обучение,
в домовом, ратном деле строение.
Измлада бо кто сего не научится,
разумна суща везде быти приходится.

В противность смысла людем война, рати,
в Бозе надежда безстрастием стати.

Карион худший хотящым словеса
иеромонах Истомин написа
Седмь тысящь двесте четвертаго лета
генваря луны мирозданна света
сие издадеся.

Январь 1696

Словарь устаревших и малоупотребительных слов и терминов

Абие — тотчас, немедленно, внезапно, вдруг; опять, снова.
Аз — я.
Аки — как; как будто, словно.
Аксамит — бархат.
Алкать, взалкать — жаждать, возжаждать, сильно желать.
Аможе — куда.
Ано — о.
Аспид — ядовитая змея.
Аще — если, хотя; несмотря на то, что.

Багряница — *см.*: порфира.
Басурман (басурманин) — иноверец, не христианин.
Бирич — сборщик податей, блюститель порядка.
Борзо — быстро, стремительно.
Борзый — быстрый, стремительный.
Брань — битва, сражение.
Братина — ковш, чаша.
Брашно — еда, пища.
Буесть — отвага, мужество.
Бунчук — булава, жезл.

Вдругоряд — во второй раз, вторично; в другой раз.
Ведати, ведети — знать; вем — знаю; веси — знаешь.
Вежа — шатер, кибитка.
Вельми — очень, сильно, весьма.
Весть — ведает, знает.
Вечерня — церковная служба, совершаемая после полудня.
Виноград — сад.
Витати — обитать, жить.
Вкупе — вместе.
Внегда — когда; в то время как.
Возбнути — пробудиться, проснуться.
Воздýх — покров на сосуд со святыми дарами на престоле в церкви.
Воровати — совершать противозаконные действия, плутовать, нарушать установления.
Вотчина — земельное владение, пожалованное или полученное по наследству; княжество, земля, область; место рождения.
Вскую — почему, для чего.
Выжлец — гончая собака.

Глагол — слово, речь.
Глаголати — говорить.
Горазд(ый) — искусный, опытный.
Гость — купец.
Граять — каркать.
Гривна — денежная единица; драгоценное украшение.
Гридница — «сборная, где древние князья принимали запросто» (Вл. Даль).

Дарья *(перс.)* — море.
Десная — правая рука.
Десница — правая рука, с определением (напр., царская десница, высокая десница) — символ власти.
Дивий— —дикий.
Длань — рука, ладонь.
Днесь — ныне, теперь.
Дондеже — пока, пока не; до тех пор, пока; как только.
Дощеник — плоскодонное судно с парусом и веслами.

Духовник — священник, принимающий исповедь.

Егда — когда.
Единородный — единственный.
Еже, яже — если, какой, который, что.
Елень — олень.
Елико — сколько.
Ельма — сколько, насколько; постольку; так как.
Епитимья — церковное наказание.
Есмь — 1-е лицо единственного числа от глагола «быти».

Живот — жизнь.

Залезти — приобрести, найти.
Зане, занеже — так как, потому что.
Заутреня — церковная служба, совершаемая ранним утром.
Зело — очень.
Зеница — глаз, зрачок.
Зиждить — созидать.
Зрак — взгляд; образ.

Иде, идеже — где, когда, если; куда.
Иерей — священник.
Иже, яже, еже — который, -ая, -ое.
Имение — богатство, имущество.
Индо — так что, так что даже.
Ино — то; а, и, же; потому что, так как, ибо.
Иноходец — лошадь, бегающая иноходью, т.е. одновременно выносит то правые ноги, то левые.

Камка — шелковая ткань, расшитая золотом.
Карбас — большая лодка для рыбного промысла или перевозки грузов.
Кир *(греч.)* — господин.
Клобук — высокий монашеский головной убор с покрывалом.
Кожух — шуба.
Колико — сколько.
Кормилец — дядька, воспитатель княжича.
Костарь — игрок в кости.
Кощей — раб, невольник.
Красна, кросна — холст, полотно.
Красный — красивый, прекрасный.
Крылос — клирос, место для певчих в церкви.
Купно — вместе.

Лепо — хорошо, достойно.
Лепта — мелкая греческая монета.
Лето — год.
Литургия — основная церковная служба, обедня *(см.)*.
Ловчий — «главный псарь, старший над псарями» (Вл. Даль).
Льститься — надеяться.
Ляхи — поляки.

Мама, мамка — кормилица; нянька.
Мзда — награда, плата.
Мета — цель.
Мытарь — сборщик податей.
Мя — меня.

Наказание — наставление, поучение.
Наполы — пополам, надвое.

Нарочитый — богатый, знатный, известный, очень хороший.
Насад — вид судна.
Негли — нежели, чтобы.
Незапный — внезапный.
Неколико — несколько, немного.
Непреткновенно — безотказно, без возражений.
Неприязненный — злобный, дьявольский.
Несть — нет.
Ниже — даже не, и не.
Ниже ... **ниже** — ни ... ни.
Николи — никогда.
Ногата — мелкая денежная единица.
Нудити — понуждать, увещевать.
Нь — его (нань — на него).

Обаче — не, однако, а все-таки; вопреки тому.
Обедня — основная церковная служба, совершаемая до обеда (литургия).
Обнести — опорочить, оговорить.
Ово ... **ово** — то ... то, или ... или.
Овогда — иногда.
Одесную — справа.
Однорядка — верхняя однобортная одежда.
Оксамит — драгоценная ткань.
Оле — О! (междометие).
Орати — пахать.
Осклабиться — улыбнуться, усмехнуться.
Отай — тайно, скрыто.
Отрок, отроча — ребенок, юноша; слуга, воин.

Паволока, поволока — шелковая ткань; покрывало.
Паки — снова, опять.
Паполома — покрывало.
Пардус — гепард.
Паче — больше, лучше, еще.
Пенязь — монета, деньги.
Перст — палец.
Персть — пыль, земной прах.
Пищаль — старинная пушка или огнестрельное тяжелое ружье.
Поганый — язычник, неправославный.
Полк — поход, война; военный отряд.
Полковник — командир военного подразделения, отряда; полковник.
Поне — хотя; хотя бы только; по крайней мере; даже.
Понеже — потому что, так как.
Понт — море.
Поприще — мера длины, приблизительно соответствующая километру.
Порекло — прозвание, прозвище.
Порок — стенобитное орудие.
Порты — одежда.
Порфира — парадная царская одежда — багряный плащ, отделанный горностаем.
Посадник — представитель государственной власти, избираемый из высших слоев населения.
Посадский — житель посада (города), горожанин.
Послух — свидетель.
Предреченный — названный выше, упомянутый ранее.
Предстояти — прислуживать, служить кому-либо.
Презвитер — священник.
Приказ — правительственное учреждение.
Приносяй — приносящий.
Присный — родной, близкий.
Пристав — страж; должностное лицо, назначавшееся для призыва ответчика в суд.
Прозябать — произрастать.

Простоволосый — с непокрытой головой.

Разве — кроме, помимо.
Рака — гробница с мощами святого.
Рещи — говорить, изрекать.
Резана — мелкая денежная единица.
Риза — одеяние вообще; длинная одежда, облачение священника.
Рухло, рухлядь — движимое имущество, пожитки, товар.

Сам-друг — вдвоем.
Санчакбей *(тюркск.)* — военачальник.
Святки — праздничное время от Рождества до Крещения.
Се — вот, это, сейчас.
Седмица — неделя.
Семо — сюда.
Сигклит, синклит — приближенные, советники.
Сиречь — то есть.
Сице — так.
Скаредный — гнусный, отвратительный.
Скарлат — дорогая ткань.
Скважня — отверстие, щель, яма.
Совокупить — соединить.
Создавый — создавший.
Сонм — собрание.
Спона — помеха, препятствие; трудность; вред.
Стегно — бедро.
Стезя — путь, дорога.
Стольник — придворный чин; в XVII в. им жаловали лиц родовитых боярских фамилий.
Струг — плоскодонное судно без палубы.
Сулица — метательное короткое копье.
Сыта — разбавленный водой мед.

Талер — старинная немецкая серебряная монета.
Тать — вор, разбойник.
Татьба — воровство, разбой.
Течи, течь — идти, бежать.
Тис — красное дерево.
Тиун — княжеский управляющий.
Токмо — только.
Толмач — переводчик.
Томный — печальный, ослабленный.
Точию — только.
Трость — палочка для писания.
Туга — печаль, горе.
Тул — колчан.
Тысяцкий — помощник посадника, начальник ополчения.
Тюфяк — пушка, стреляющая картечью.
Тя — тебя.

Убо — итак, так; в таком случае; же; непереводимая усилительная частица.
Убрус — полотенце, платок, повязка.
Угры — венгры.
Удовляти — удовлетворять; доставлять необходимое.
Узорочье — драгоценности, наряды.
Умет — грязь, нечистоты.
Утреня — *см.:* заутреня.

Фимиам — благовонное вещество, сжигаемое при богослужении.
Фряги — генуэзцы.
Хоругвь — знамя.

Цесарь — титул римских императоров.

Чадо — дитя; потомок.
Чадь — домочадцы, слуги.
Часослов — церковная книга молитв на все дни года.
Чаять — надеяться, ждать.
Челобитье — прошение.
Червленый — красный.
Чернец — монах.
Чесо — чего.
Чресла — бедра.

Шелеп — плеть.
Ширваншах — титул феодальных правителей Ширвана.
Шуица — левая рука.

Щеляга — денежная единица, происхождение и характер которой неясен.

Ябеда — должностное лицо в суде; обманщик.
Ядь — пища.
Язва — рана.
Язвити — ранить.
Язык — народ, племя.
Яко — что, как, чтобы, так как.
Яруг — овраг, буерак.

СОДЕРЖАНИЕ

V. Литература XVII в.

3 р. 20 к.

Литература Древней Руси · Хрестоматия